БИБЛІОТЕКА
Калязинскаго
О-ва Потребителей

Шкафъ 10
Полка 7
№ 8.

№ 12

C

УНИВЕРСИТЕТСКІЕ ВОПРОСЫ

Библіотека КАЛЯЗИНСКАГО О-ва Потребителей
72480 9381 лит. ин.

Окончаніе.

VII *).

Начнемъ съ реорганизаціи университетскаго управленія.

Функціи по управленію университетами распредѣляются издавна между четырьмя учрежденіями: совѣтомъ, факультетами, правленіемъ и университетскимъ судомъ, и въ этомъ отношеніи едва ли желательно какое-либо измѣненіе, кромѣ возстановленія суда, упраздненнаго уставомъ 1884 г.; но при реформѣ нашихъ университетовъ желательно было бы обратить особое вниманіе на болѣе правильное, чѣмъ то было до сихъ поръ, распредѣленіе предметовъ вѣдомства каждаго изъ этихъ учрежденій.

Мы уже имѣли случай указать въ другомъ мѣстѣ на нѣкоторые недостатки этого распредѣленія при дѣйствіи уставовъ какъ 1863, такъ и 1884 годовъ. Желательно при изданіи новаго устава устранить эти недостатки и не допустить крайности, въ которыя—въ противоположныхъ направленіяхъ—впадали оба вышеуказанные прежніе устава.

Уставъ 1863 г., какъ мы уже говорили, возлагалъ на совѣтъ обязанности по непосредственному администрированію всѣми отраслями университетскаго хозяйства и обращалъ его даже въ аппеляціонную инстанцію по отношенію къ университетскому

*) См. выше: нояб., стр. 167.

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

суду. Между тѣмъ, совѣтъ по разнообразію и въ особенности по многолюдству своего состава (въ большей части университетовъ свыше ста членовъ) не могъ быть ни непосредственнымъ администраторомъ, ни хозяйственнымъ органомъ, ни судьею. Мы лично, занимая должность попечителя при дѣйствіи устава 1863 г. около пяти лѣтъ, были свидѣтелями нецѣлесообразности такого порядка вообще и вытекающей изъ него явной безхозяйственности и нераспорядительности. Поэтому мы полагаемъ, что положеніе совѣта должно принципіально быть иное, чѣмъ то, которое было дано ему уставомъ 1863 г.

Совѣтъ долженъ быть высшимъ и руководящимъ учрежденіемъ въ университетѣ, но не въ смыслѣ начальства надъ прочими органами университета, а въ смыслѣ направленія дѣятельности этихъ органовъ и контроля надъ ними, причемъ, однако, каждому университетскому учрежденію должна быть указана область, въ которой оно дѣйствуетъ самостоятельно, руководствуясь, однако, общими высшими указаніями совѣта, имѣющаго право давать инструкціи всѣмъ органамъ университета и провѣрять ихъ дѣятельность, но не такъ, чтобы распоряжаться непосредственно отъ себя.

Правленіе является главнымъ хозяйственнымъ органомъ университета. Въ немъ сосредоточены всѣ хозяйственныя дѣла, причемъ для успѣшнаго ихъ веденія и въ интересахъ университета не слѣдуетъ обращать его въ счетное отдѣленіе, пишущее исполнительныя бумаги и ассигновки во исполненіе рѣшеній совѣта, какъ то часто бывало при дѣйствіи устава 1863 г., если не въ силу постановленій самаго устава, то въ силу практики и примѣненія ихъ на дѣлѣ. Желательно, чтобы въ новомъ уставѣ или въ мотивахъ къ нему ясно была выражена мысль, что правленіе должно быть не простымъ исполнителемъ велѣній другихъ учрежденій (хотя бы совѣта), а дѣйствительнымъ распорядителемъ хозяйственною частью университета, и должно обладать значительною самостоятельностью. Совѣтъ же можетъ только регулировать дѣятельность правленія общими руководящими указаніями и инструкціями, обязательными для правленія. Ибо практика указала, что совѣтъ не въ состояніи, въ виду многочисленности своего состава, достаточно вникнуть въ подробности хозяйства, достаточно выяснить и обсудить ихъ, почему и не долженъ дѣлать непосредственныхъ распоряженій. Попытки держаться этого послѣдняго порядка на дѣлѣ вели всегда къ безхозяйственности, тяжело отзывавшейся на университетахъ, такъ какъ едва ли не $^3/_4$ хозяйственныхъ дѣлъ университета тѣсно

связаны съ учебною частью, на которой безхозяйственность отзывается самымъ невыгоднымъ образомъ.

Факультеты вѣдаютъ дѣла научныя и учебныя, въ которыхъ имъ и должна быть предоставлена возможно бо́льшая свобода и самостоятельность, такъ какъ въ этихъ дѣлахъ и вопросахъ они являются въ университетѣ наиболѣе компетентными учрежденіями.

Совѣтъ и по этимъ дѣламъ долженъ быть вполнѣ освѣдомленъ и долженъ имѣть право давать общія руководящія указанія и инструкціи, но не долженъ непосредственно вмѣшиваться въ дѣла факультетовъ и отнюдь не долженъ принимать на себя ихъ обязанности. Состоя изъ нѣсколькихъ факультетовъ, изъ коихъ каждый компетентенъ только въ извѣстной группѣ вопросовъ и дѣлъ, совѣтъ въ общемъ своемъ составѣ не въ состояніи цѣлесообразно дѣйствовать по дѣламъ и вопросамъ всѣхъ факультетовъ.

Свобода и самостоятельность факультетовъ являются въ нашихъ глазахъ краеугольнымъ камнемъ благоустройства университета, а потому эта свобода должна быть развита до возможно крайнихъ предѣловъ, причемъ необходимо предоставить факультетамъ первенствующее значеніе въ дѣлѣ замѣщенія каѳедръ, такъ какъ каждый факультетъ является учрежденіемъ наиболѣе компетентнымъ въ оцѣнкѣ и въ разрѣшеніи вопроса о пригодности того или другого лица отвѣчать требованіямъ данной каѳедры, входящей въ составъ даннаго факультета. Поэтому, предварительно избранія профессора на ту или другую каѳедру, онъ долженъ быть избранъ сначала факультетомъ или рекомендованъ имъ совѣту.

Что касается до личнаго состава совѣта, факультетовъ и правленія, то онъ можетъ остаться такимъ же, какимъ онъ былъ при дѣйствіи всѣхъ уставовъ, издававшихся для нашихъ университетовъ. Совѣтъ долженъ состоять изъ всѣхъ профессоровъ университета (ординарныхъ и экстраординарныхъ). Вопросъ о допущеніи въ совѣтъ, въ качествѣ полноправныхъ членовъ, приватъ доцентовъ—мы разрѣшили бы въ отрицательномъ смыслѣ, находя, что приватъ-доценты, во-первыхъ, находятся въ недостаточно прочной связи съ университетомъ, во-вторыхъ, часто недостаточно опытны по университетскимъ дѣламъ и вопросамъ, и въ-третьихъ, въ виду того, что это безгранично расширило бы составъ совѣта, увеличивая число его членовъ, которое и безъ того очень велико, между тѣмъ число приватъ-доцентовъ въ университетѣ не можетъ быть ничѣмъ ни

опредѣлено, ни ограничено. Предсѣдателемъ совѣта, но безъ особыхъ прерогативъ, кромѣ тѣхъ, которыя всегда присущи предсѣдателю всякаго собранія, является ректоръ, избираемый совѣтомъ изъ числа ординарныхъ профессоровъ. Такой порядокъ замѣщенія должности ректора существовалъ при дѣйствіи всѣхъ уставовъ нашихъ университетовъ, за исключеніемъ періода отъ 1849 до 1863 года, когда ректоръ назначался отъ правительства, и кромѣ времени дѣйствія устава 1884 года, изгнавшаго вообще выборное начало изъ нашихъ университетовъ. Но ни опытъ 1849 года, ни опытъ примѣненія устава 1884 г., нельзя назвать удачнымъ и измѣненіе порядка замѣщенія должности ректора не принесло никакой пользы университетамъ и не облегчило задачи правительства и его представителей при университетахъ.

Правленіе должно состоять, какъ и нынѣ, изъ ректора и всѣхъ декановъ. Участіе въ правленіи инспектора *по всѣмъ* дѣламъ я считаю излишнимъ, такъ какъ многія изъ нихъ инспекціи не касаются. Нужно его участіе только по дѣламъ, непосредственно касающимся инспекціи, какъ, напримѣръ, предоставленіе студентамъ стипендій или иныхъ льготъ. Въ этомъ отношеніи опредѣленія устава 1884 г., касающіяся правленія, должны быть измѣнены.

Факультеты являются собраніемъ всѣхъ профессоровъ даннаго факультета, подъ предсѣдательствомъ декановъ, причемъ деканы должны быть выборными, точно также какъ и ректоръ, что̀ и было при уставѣ 1835 и 1863 гг., но позже измѣнено во всѣхъ отношеніяхъ неудачными мѣропріятіями 1849 г. и столь же неудачнымъ уставомъ 1884 года.

Что касается до *университетскаго суда,* то возстановленіе его необходимо, ибо перенесеніе судебныхъ обязанностей на правленіе, по уставу 1884 г., оказалось безусловно нецѣлесообразнымъ и несостоятельнымъ, ибо судебныя функціи совершенно не соотвѣтствуютъ характеру правленія, какъ учрежденія преимущественно хозяйственнаго, въ виду чего исполненіе этихъ функцій правленіемъ являлось случайнымъ, безформеннымъ и потому неудовлетворительнымъ какъ въ интересахъ студентовъ, такъ и университета.

О цѣляхъ и задачахъ суда много писалось и говорилось; между прочимъ, намъ извѣстно мнѣніе одного изъ университетовъ, которое главною задачею университетскаго суда ставитъ огражденіе студентовъ при столкновеніяхъ съ должностными лицами въ университетѣ и внѣ его; хотя и не говорится о томъ,

жакія должностныя лица имѣются въ виду, но надо полагать, что имѣются въ виду должностныя лица университета, такъ какъ съ внѣ-университетскими властями студенты, за рѣдкими исключеніями, столкновеній въ стѣнахъ университета имѣть не могутъ. Такимъ образомъ, въ концѣ-концовъ оказывается, что это мнѣніе имѣетъ въ виду главнымъ образомъ ограждать студентовъ отъ самого университета,—о проступкахъ же студентовъ противъ университета въ мнѣніи даже не упоминается. Въ этихъ видахъ, для большей авторитетности суда, предполагалось составить его преимущественно изъ лицъ судебнаго вѣдомства, избираемыхъ судебными учрежденіями (судебной палатой, мировымъ съѣздомъ). Большинство членовъ должно было бы принадлежать судебному вѣдомству и изъ этихъ лицъ долженъ былъ бы избираться предсѣдатель. Затѣмъ, нѣкоторое число профессоровъ должно было бы входить въ составъ суда въ качествѣ засѣдателей или экспертовъ по университетскимъ дѣламъ.

Такое мнѣніе мы считаемъ совершенно ошибочнымъ.

Если не признавать университетскій судъ судомъ спеціальнымъ, т.-е. касающимся не однихъ университетскихъ дѣлъ и интересовъ, то онъ вовсе не нуженъ,—въ такомъ случаѣ проще распространить на университеты дѣйствіе общаго суда. Если же этотъ судъ долженъ вѣдать дѣла спеціально университетскія, то не только преобладаніе, но даже присутствіе въ этомъ судѣ элементовъ совершенно постороннихъ,—хотя бы то были опытные юристы-теоретики или судебные практики,—не находитъ себѣ оправданія, ибо въ этомъ судѣ важно знаніе университетской жизни и опытъ въ университетскихъ дѣлахъ, а не опытъ и знаніе практика общихъ судебныхъ мѣстъ.

Намъ извѣстно еще другое мнѣніе одного изъ попечителей учебныхъ округовъ, которое широко толкуетъ компетенцію суда надъ студентами и желаетъ, чтобы этотъ судъ состоялъ при учебномъ округѣ, совершенно внѣ университета. Съ такимъ мнѣніемъ мы точно также не согласны.

Мы, съ своей стороны, полагаемъ, что университетскій судъ долженъ быть только университетскимъ. Онъ долженъ вѣдать дѣла студентовъ и о студентахъ, но именно въ силу ихъ принадлежности къ университету. Причемъ, однако, проступки студентовъ или гражданскія дѣла, предусмотрѣнныя общими законами гражданскими и уголовными, должны вѣдаться общимъ судомъ, а университетскому суду должны подлежать только дѣла о студентахъ, вытекающія изъ отношеній ихъ къ университету.

При этомъ само собою понятно, что судъ этотъ долженъ заключать въ себѣ гарантіи правильнаго и безпристрастнаго рѣшенія дѣлъ по отношенію къ студентамъ, но главная задача его не можетъ заключаться въ защитѣ студентовъ противъ должностныхъ лицъ особенно университетскихъ, такъ какъ самую мысль о защитѣ студентовъ отъ университета мы считаемъ ни съ чѣмъ несообразною и нелѣпою. Задачей суда прежде всего должны быть защита и обезпеченіе университета отъ всякаго нарушенія его правъ и огражденіе нормальнаго теченія его жизни. А для этого нужно, чтобы члены суда знали университетъ, были тѣсно связаны съ нимъ и имѣли знаніе и опытъ университетской жизни. Очевидно, такими судьями могутъ быть только профессора.

Такъ это было и при уставѣ 1863 г., но по этому уставу судъ являлся учрежденіемъ временнымъ, безъ опредѣленно поставленнаго дѣлопроизводства и собирающимся по мѣрѣ надобности. Мы полагаемъ, что университетскому суду должна быть дана болѣе прочная, постоянная организація. Составъ суда долженъ, по нашему мнѣнію, состоять исключительно изъ профессоровъ. Предсѣдатель долженъ избираться самимъ судомъ на опредѣленное время. Члены суда должны избираться совѣтомъ на опредѣленный срокъ,—напримѣръ, на четыре года, т.-е. срокъ, положенный для большей части университетскихъ должностей. Желательно, чтобы половина членовъ избиралась изъ числа профессоровъ-юристовъ. Предсѣдателемъ можетъ быть профессоръ любого университетскаго факультета. Мы полагаемъ, что для состава суда недостаточно избраніе предсѣдателя и четырехъ членовъ. Совѣтъ, кромѣ членовъ суда, долженъ избирать столько же кандидатовъ къ нимъ, которые замѣняли бы членовъ въ случаѣ отсутствія, болѣзни и вообще невозможности засѣдать въ судѣ по уважительнымъ причинамъ. Судъ долженъ руководствоваться инструкціей, даваемою совѣтомъ. Эта инструкція должна опредѣлять порядокъ дѣлопроизводства, формы, которыя судъ долженъ соблюдать, а затѣмъ перечень наказуемыхъ проступковъ студентовъ и лѣстницу наказаній, которыя судъ можетъ налагать. Все это должно быть предоставлено совѣту, ибо никто иной не можетъ быть болѣе компетентенъ въ согласованіи всѣхъ этихъ вопросовъ съ условіями жизни и интересами университета,—интересами, которымъ судъ собственно и призванъ служить. Разрѣшеніе этихъ вопросовъ внѣ-университетскою властью, хотя бы министерствомъ, мы признавали бы нежелательнымъ, такъ какъ всѣ эти власти недостаточно близки къ университету,

и устанавливаемыя ими нормы всегда будутъ грѣшить недостаточною подвижностью и жизненностью.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда суду пришлось бы имѣть дѣло съ очень большимъ числомъ обвиняемыхъ, напримѣръ во время безпорядковъ и общихъ волненій, когда требуется масса допросовъ, составленія протоколовъ и т. п., судъ слѣдовало бы значительно усиливать временными членами, которые тоже должны избираться совѣтомъ, въ числѣ, какое онъ признаетъ нужнымъ.

Эти временные члены могутъ быть избраны совѣтомъ заранѣе или могутъ быть избираемы ad hoc, когда того потребуютъ обстоятельства. Временные члены участвуютъ въ судѣ наравнѣ съ постоянными и на одинаковыхъ правахъ.

Всѣ вопросы, касающіеся судопроизводства, т.-е. приготовленіе дѣлъ къ суду, порядокъ изслѣдованія и повѣрки обстоятельствъ дѣла и порядокъ рѣшенія ихъ устанавливаются совѣтомъ, причемъ, намъ кажется, судъ можетъ возлагать отдѣльныя порученія на членовъ суда, но можетъ давать порученія и чинамъ инспекціи, которые, дѣйствуя по инструкціи, даваемой совѣтомъ, обязаны исполнять порученія суда, подчиняясь его указаніямъ и разъясненіямъ.

Рѣшенія суда должны быть окончательными и не могутъ быть ни измѣняемы, ни дополняемы никакими властями, не исключая и власти министра. Перенесеніе дѣлъ изъ суда въ совѣтъ мы признаемъ нецѣлесообразнымъ и ненужнымъ, ибо совѣтъ достаточно участвуетъ въ самомъ рѣшеніи, имѣя право пополнять судъ временными членами изъ своей среды въ значительномъ числѣ. Инспекціи—будь то профессоръ или инспекторъ и ихъ помощники—въ судѣ не участвуютъ и не могутъ состоять членами суда.

Что касается до взысканій, которыя могутъ быть налагаемы на студентовъ, то и этотъ вопросъ долженъ быть рѣшаемъ совѣтомъ. Мы лично полагаемъ, что эти взысканія могутъ заключаться:

1) въ замѣчаніи; 2) выговорѣ,—то и другое можетъ быть сдѣлано письменно или устно и, въ важныхъ случаяхъ, публично; 3) арестѣ въ карцерѣ; 4) увольненіи; 5) исключеніи, съ правомъ обратнаго поступленія или безъ этого права; 6) исключеніе можетъ сопровождаться воспрещеніемъ на срокъ житья въ университетскомъ городѣ.

Эта послѣдняя мѣра наказанія до сихъ поръ не практиковалась въ нашихъ университетахъ, а вмѣсто того исключенныхъ студентовъ высылали административнымъ порядкомъ изъ универ-

ситетскаго города, а иногда и въ опредѣленное мѣсто, причемъ эта послѣдняя мѣра принималась независимо отъ университета и являлась какъ бы вторымъ наказаніемъ, сверхъ того, которому студентъ уже подвергнутъ университетомъ.

Мы придаемъ огромное значеніе различію воспрещенія жительства въ университетскомъ городѣ самимъ университетомъ отъ административной высылки въ порядкѣ политическихъ дѣлъ или признанія общей неблагонадежности. Существенное различіе этихъ двухъ порядковъ удаленія студента изъ университетскаго города мы видимъ въ слѣдующемъ:

1) Главное отличіе предполагаемой нами мѣры взысканія отъ нынѣ практикуемой административной высылки заключается въ различіи положенія, создаваемаго лицу, подвергнутому этимъ взысканіямъ, и различіи послѣдствій ихъ примѣненія: административная высылка накладываетъ на высланнаго печать признанія его общей неблагонадежности, причемъ высланный студентъ, водворяясь гдѣ-либо послѣ высылки, является въ глазахъ мѣстнаго начальства и вообще всѣхъ, съ кѣмъ ему приходится имѣть дѣло, лицомъ вреднымъ или опаснымъ, что̀ создаетъ ему, во-первыхъ, положеніе крайне стѣснительное и затрудняющее пріисканіе какихъ-либо занятій или избранія рода жизни, обезпечивающей или облегчающей существованіе; во-вторыхъ, это приравниваетъ его къ лицамъ дѣйствительно вреднымъ и опаснымъ и неизбѣжно сближаетъ съ ними, если они имѣются въ мѣстѣ водворенія.

2) Благодаря вышеизложенному, особенно въ небольшихъ городахъ, въ случаѣ соединенія нѣсколькихъ дѣйствительно политически неблагонадежныхъ лицъ, къ которымъ, такъ сказать, въ силу своей высылки, eo ipso примыкаютъ удаленные студенты, хотя бы они въ дѣйствительности и не были еще неблагонадежными и не предавались противоправительственнымъ замысламъ, образуется болѣе значительный центръ, вредно вліяющій на общество и мѣстную общественную среду. Вредъ подобнаго усиленія дѣйствительно вредныхъ или неблагонадежныхъ элементовъ въ нашей провинціи, благодаря искусственному присоединенію къ нимъ, такъ сказать, мѣрами начальства, высланныхъ студентовъ, уже сознается въ настоящее время многими, и, повидимому, чувствуется уже необходимость измѣненія подобнаго порядка вещей и заботятся объ его измѣненіи.

3) Такимъ образомъ, приравненіе всякаго студента, подвергнутаго университетскому взысканію, къ числу политически неблагонамѣренныхъ или вредныхъ лицъ безъ нужды отягощаетъ

участь и положеніе уволеннаго студента и въ то же время приноситъ явный вредъ обществу, въ особенности нашей глухой провинціи; оно создаетъ совершенно излишнія затрудненія правительству, а мѣстныя власти отягощаетъ безполезными обязанностями (въ видѣ надзора за большимъ числомъ ссылаемыхъ и т. п.).

Простое удаленіе изъ университетскаго города студента, неудобнаго для университета, не имѣетъ всѣхъ этихъ послѣдствій. Оно не приравниваетъ его къ опаснымъ или вреднымъ дѣятелямъ и не отождествляетъ его съ ними; студентъ въ глазахъ всѣхъ, да и въ собственныхъ глазахъ, остается учащимся юношей, провинившимся собственно противъ учебнаго заведенія и только удаленнымъ изъ мѣста нахожденія этого заведенія. Учреждать надъ нимъ надзоръ въ мѣстѣ его нахожденія совершенно излишне; онъ можетъ проживать и заниматься чѣмъ угодно всюду, кромѣ одного университетскаго города, изъ коего онъ удаленъ университетомъ.

Наконецъ, важное значеніе имѣетъ то, что учащійся, удаленный изъ города по постановленію учебнаго заведенія, подвергается этому взысканію по приговору суда, который во всякомъ случаѣ представляетъ болѣе гарантіи безпристрастія и обоснованности взысканія, чѣмъ административное усмотрѣніе.

Право удаленія исключаемыхъ студентовъ не было повсемѣстно предоставлено нашимъ университетамъ, но эта мѣра вовсе не нова и не измышлена нами, — она практикуется во всѣхъ германскихъ университетахъ (consilium abeundi) и практиковалась и у насъ, до 80-хъ годовъ, въ дерптскомъ университетѣ.

Эта мѣра, не страдая тѣми вредными недостатками, которые связаны съ административной высылкой, достигаетъ, тѣмъ не менѣе, вполнѣ цѣли, которая преслѣдуется при удаленіи изъ города студента, вреднаго для университета; она является мѣрою менѣе тягостною, чѣмъ административная высылка, и освобождаетъ администрацію и правительство отъ множества излишнихъ затрудненій. Различіе значенія этихъ двухъ видовъ высылки мы имѣли случай не разъ наблюдать на практикѣ и у насъ, и за границей. Что касается до подобнаго взысканія въ германскихъ университетахъ, то я могу говорить по личному опыту, такъ какъ въ Гейдельбергѣ, гдѣ былъ студентомъ, я подвергся подобнаго рода удаленію на годъ (consilium abeundi), благодаря чему я оставилъ Германію, такъ какъ между нѣмецкими университетами существуетъ Cartel, и дѣйствіе взысканія, наложеннаго однимъ университетомъ, распространяется на всѣ университеты Германіи. Но затѣмъ, когда мнѣ пришлось вернуться въ нее, на обратномъ

пути въ Россію, то я никакимъ стѣсненіямъ не подвергался. Правда, въ Берлинѣ, на другое утро послѣ моего пріѣзда, въ гостинницу явился полицейскій коммиссаръ [1]) и заявилъ мнѣ, что такъ какъ Берлинъ—университетскій городъ, то я, какъ „консиліированный" студентъ, не могу оставаться въ Берлинѣ болѣе трехъ дней. На что я объяснилъ ему, что предполагаю уѣхать на другой день. Никакихъ иныхъ затрудненій я не испыталъ, мой паспортъ былъ визированъ безъ всякаго промедленія, и я спокойно вернулся въ Россію. Затѣмъ я не разъ имѣлъ случай ознакомиться съ положеніемъ студентовъ, удаленныхъ изъ Дерпта по приговору университета: положеніе ихъ вовсе не походило на положеніе студентовъ прочихъ нашихъ университетовъ, подвергнутыхъ высылкѣ въ административномъ порядкѣ; дерптскіе студенты, удаленные университетомъ, жили гдѣ угодно, занимались чѣмъ угодно, не подвергаясь никакимъ стѣсненіямъ, и обыкновенно легко устроивали свое существованіе очень недурно. Въ то же время мы не разъ имѣли случай наблюдать болѣе чѣмъ печальное положеніе, въ которомъ находится большинство административныхъ ссыльныхъ.

Вотъ тѣ соображенія и факты, въ силу коихъ можно утверждать, что предлагаемая нами мѣра имѣетъ огромныя преимущества передъ практикуемою нынѣ системою административной высылки уволенныхъ студентовъ.

Мы предвидимъ и вполнѣ сознаемъ, что многіе, быть можетъ, возразятъ намъ, что предлагаемая нами мѣра излишня, ибо нѣтъ вообще надобности удалять изъ города уволенныхъ студентовъ. Но съ этимъ взглядомъ мы согласиться не можемъ, такъ какъ, на основаніи столько же принципіальныхъ соображеній, какъ и практическихъ наблюденій и опыта, мы, напротивъ, убѣждены, что бываютъ случаи, и нерѣдко, когда удаленіе уволенныхъ студентовъ изъ университетскаго города безусловно необходимо, но не въ видахъ огражденія государственной или общественной безопасности, а въ силу вполнѣ уважительныхъ интересовъ самого университета, имѣющаго полное право на огражденіе.

Въ случаѣ грубаго и дерзкаго неуваженія университета и его законовъ, когда въ это вовлекается притомъ масса студентовъ,—оставить виновныхъ или виновнаго въ городѣ въ непосредственной близости и соприкосновеніи съ бывшими товарищами—значитъ оставить въ университетѣ элементъ, поддерживаю-

---

[1]) Списки удаленныхъ гдѣ-либо студентовъ имѣются у полиціи всѣхъ университетскихъ городовъ Германіи.

щій и развивающій броженіе въ средѣ молодежи, что̀ вредно, а часто прямо недопустимо въ интересахъ какъ университета, такъ и самой массы студентовъ, а равно и общаго порядка. Удаленіе подобнаго уволеннаго студента или студентовъ, часто — какъ я не разъ лично испыталъ на дѣлѣ — является *необходимостью* и требуется благоразуміемъ.

Съ другой стороны, если нарушителей порядка, а затѣмъ и уволенныхъ — много, то удаленіе изъ города является единственнымъ средствомъ огражденія отъ нихъ университета, такъ какъ университетъ помимо этого не имѣетъ просто физической возможности и способовъ охранять себя отъ безпорядковъ, и даже не имѣетъ способовъ фактически возбранить уволеннымъ, — особенно если они многочисленны, — проникать въ университетъ и продолжать поддерживать волненія и даже повторять тѣ самыя дѣйствія, за которыя они уже уволены изъ числа студентовъ.

Само собою разумѣется, предлагаемая нами мѣра могла бы получить цѣлесообразное осуществленіе только въ томъ случаѣ, еслибы уволенные и удаленные университетомъ были гарантированы отъ того, чтобы, помимо наложеннаго имъ въ силу закона взысканія университетомъ, на нихъ не были произвольно налагаемы по административному усмотрѣнію дополнительныя кары или стѣсненія. Только при этомъ условіи справедливо и возможно предоставить университету не только уволить студента, но воспретить ему жительство въ университетскомъ городѣ. И это условіе должно быть оговорено въ самомъ законѣ и притомъ настолько опредѣленно, чтобы не допустить никакихъ изъятій и отступленій.

Такимъ образомъ, университетскій судъ представляется намъ учрежденіемъ чисто университетскимъ, вѣдающимъ чисто и исключительно только университетскія дѣла; онъ предназначенъ прежде всего защищать интересы университета и карать нарушеніе этихъ интересовъ. Компетенція его распространяется только на дѣйствія, происходящія въ самомъ университетѣ. Подлежатъ этому суду только лица, принадлежащія къ университету, а потому прежде всего студенты. Весь порядокъ дѣйствія суда, его дѣлопроизводство, а равно опредѣленіе наказуемости тѣхъ или другихъ дѣяній и опредѣленіе соотвѣтствія размѣра наказаній со свойствомъ дѣянія, т.-е. опредѣленіе наказуемыхъ проступковъ и соотвѣтствующей лѣстницы наказаній, должно быть предоставлено совѣту и опредѣляться правилами и инструкціями, издаваемыми совѣтомъ. Изданіе же устава или уложенія, перечисляющаго всѣ наказуемые университетскіе проступки и опредѣляющаго за

каждый изъ нихъ наказаніе и санкцію такого сборника высшей властью мы считаемъ нецѣлесообразнымъ и даже невозможнымъ. Университетская жизнь слишкомъ подвижна, и ее нельзя уложить въ подобныя рамки. Все, что можно требовать, это—чтобы совѣтъ опредѣлилъ наказуемость дѣяній и мѣру налагаемаго за него наказанія, прежде чѣмъ кто-либо привлеченъ за подобное дѣйствіе къ суду.

Характеръ проступковъ и наказуемыхъ дѣяній въ учебномъ заведеніи постоянно мѣняется, и то, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ является маловажнымъ упущеніемъ, можетъ при другихъ обстоятельствахъ стать важнѣйшимъ проступкомъ, требующимъ строжайшаго наказанія. Такъ, напримѣръ, непосѣщеніе въ обыкновенное время студентами лекцій представляетъ собою нежелательное явленіе и можетъ признаваться упущеніемъ, но никакъ не можетъ быть характеризовано какъ важный проступокъ; но если это непосѣщеніе принимаетъ видъ забастовки, а тѣмъ болѣе обструкціи, то это важнѣйшій проступокъ, ибо студентъ или ученикъ высшаго учебнаго заведенія, содѣйствующій забастовкѣ и тѣмъ болѣе обструкціи, тѣмъ самымъ отвергаетъ ученье, т.-е. самую сущность заведенія, и какъ бы самъ себя исключаетъ изъ него.

На этомъ мы закончимъ наши сужденія объ университетскомъ судѣ и добавимъ только, что мы не сторонники порученія судебныхъ функцій въ университетѣ единоличному судьѣ, хотя бы назначаемому правительствомъ по избранію университета, во-первыхъ, потому, что университеты наши не настолько богаты, чтобы дать содержаніе, могущее привлечь на эту въ высшей степени трудную должность вполнѣ достойныхъ, знающихъ и опытныхъ людей, и во-вторыхъ, въ виду того, что такой единоличный судья болѣе чѣмъ вѣроятно никогда не будетъ пользоваться тѣмъ авторитетомъ, который будетъ имѣть коллегіальный судъ, состоящій изъ профессоровъ. Между тѣмъ, созданіе и усиленіе авторитета въ университетѣ должно всегда и прежде всего имѣться въ виду при организаціи всѣхъ отраслей университетскаго управленія и всѣхъ принадлежащихъ къ нему учрежденій.

Не можемъ только не упомянуть о мнѣніи, о которомъ въ послѣдніе годы много говорилось и писалось по поводу университетскаго суда, а именно, о возможности, вмѣсто университетскаго суда, создать изъ среды студентовъ общеуниверситетскій судъ чести. Такого рода учрежденіе мы съ своей стороны находимъ совершенно невозможнымъ, и вотъ по какимъ соображеніямъ.

Для того, чтобы въ какой-либо средѣ былъ возможенъ и

могъ дѣйствовать судъ чести, необходима наличность цѣлаго ряда условій, безъ коихъ самое существованіе суда чести немыслимо. Прежде всего необходимо, чтобы среда, въ которой призванъ дѣйствовать судъ чести, была высоко культурна, чтобы въ ней господствовали неоспоримо признанные общіе принципы нравственности и чести и существовали въ этой области твердо установившіеся обычаи и взгляды, безъ чего судъ чести можетъ обратиться въ худшее орудіе произвола и нравственнаго насилія, такъ какъ, за отсутствіемъ твердо установленныхъ нормъ и общепризнанныхъ основъ, онъ станетъ выразителемъ не справедливости и учрежденіемъ воспитывающимъ и проводящимъ въ среду, въ коей онъ дѣйствуетъ, здоровые принципы общественной жизни, а явится только выразителемъ личнаго мнѣнія судей или какой-либо группы лицъ, подчиняться коимъ и признавать авторитетъ коихъ никто не обязанъ. При этомъ нельзя забывать, что приговоры суда чести, затрогивая самыя чувствительныя стороны внутренней, нравственной жизни, могутъ часто оказаться болѣе тягостными, а послѣдствія ихъ—болѣе неисправимыми, чѣмъ послѣдствія хотя бы самаго жестокаго наказанія, наложеннаго общимъ судомъ. Судъ чести и его приговоръ, если онъ не вытекаетъ изъ ясно сознанныхъ и вполнѣ опредѣленныхъ—и притомъ всѣми, не исключая и самого подсудимаго—признаваемыхъ основъ чести и понятій о дозволенномъ и недозволенномъ, о доблестномъ и похвальномъ, съ одной стороны, и предосудительномъ—съ другой, обращается въ страшный гнетъ и насиліе надъ всей средой, на которую распространяется его дѣйствіе.

Между тѣмъ, этой ясности и твердости общепринятыхъ принциповъ даже въ нашемъ обществѣ въ настоящее время вообще нѣтъ, а въ средѣ учащейся молодежи это необходимѣйшее условіе сколько-нибудь правильнаго суда чести, къ несчастію, совершенно отсутствуетъ.

Путаница въ простѣйшихъ этическихъ понятіяхъ, грубое непониманіе своего положенія и значенія, а равно легкость отношенія къ правамъ и достоинству другихъ, отсутствіе правдивости и нетерпимость ко всему, что не совпадаетъ съ собственнымъ мнѣніемъ, составляютъ къ сожалѣнію характерныя черты нашей современной учащейся молодежи, въ чемъ убѣждаются всѣ, кто имѣлъ дѣло съ нею, въ особенности за послѣднія пятнадцать-двадцать лѣтъ.

Всѣ эти мрачныя стороны, доказывающія некультурность нашего общества вообще и учащейся молодежи въ особенности, вы-

ступаютъ особенно рѣзко во времена волненій въ учебныхъ заведеніяхъ.

Какой ясности нравственнаго понятія можно ожидать отъ учащихся, въ средѣ которыхъ забастовка, т.-е. отрицаніе ученья, этой сущности всякаго учебнаго заведенія, возводится въ принципъ и выставляется какъ закономѣрное средство дѣйствія, какъ скоро что-либо въ заведеніи не нравится или не одобряется учащимися.

Мы не говоримъ уже объ обструкціи, т.-е. о дѣйствіяхъ направленныхъ къ тому, чтобы путемъ насилія осуществить забастовку и подчинить себѣ всѣхъ, кто ей противится, т.-е. насиловать всѣхъ, кто не раздѣляетъ вашихъ взглядовъ, мнѣній и желаній.

Какого суда чести можно ожидать отъ тѣхъ, кто не сознаетъ, что, отрицая сущность учрежденія, къ которому они принадлежатъ, они отрицаютъ самихъ себя, отвергаютъ то положеніе и званіе, во имя котораго они требуютъ къ себѣ вниманія и уваженія, и которое даетъ имъ право занять первенствующее мѣсто въ наиболѣя культурной части своихъ согражданъ.

Но, независимо отъ этихъ общихъ соображеній, дѣлающихъ невозможнымъ установленіе въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ суда чести, противъ такого суда у насъ говорятъ еще слѣдующія соображенія.

Въ составъ нашего студенчества входятъ столь разнообразные элементы, которые по вопросамъ нравственности и чести держатся столь различнаго міровоззрѣнія, что они другъ друга понимать не могутъ, и въ этомъ отношеніи, можно сказать, говорятъ на разныхъ языкахъ. Возьмемъ, напримѣръ, поляковъ, нѣмцевъ, великороссовъ и такъ называемыхъ нашихъ „восточныхъ человѣковъ". Всѣ эти группы имѣютъ столь различные взгляды на вопросы чести и порядочности, по вопросамъ о дозволенномъ и непозволительномъ, да наконецъ просто о добрѣ и злѣ и о честномъ и безчестномъ, что привести ихъ къ общему знаменателю невозможно. Подчинить же одну группу міровоззрѣніямъ и нравственному кодексу другой было бы возмутительнымъ нравственнымъ насиліемъ и тираніей, чего нельзя ни допустить, ни желать.

Иное дѣло—въ группахъ и ассоціаціяхъ, въ которыя студенты поступаютъ по свободному выбору и желанію, а не въ силу одного зачисленія въ студенты. Здѣсь судъ чести возможенъ и умѣстенъ: тотъ, кто избираетъ общество и поступаетъ въ него добровольно, тѣмъ самымъ подчиняется столь же добро-

вольно всѣмъ существующимъ въ обществѣ порядкамъ. Онъ можетъ и долженъ разобраться и подумать о томъ, куда онъ поступаетъ и на что идетъ, и отказывается добровольно отъ возраженій противъ этихъ порядковъ и въ силу собственной воли, свободно выраженной, обязанъ подчиниться авторитету общества или кружка, ибо никто и ничто не принуждаетъ его къ поступленію въ него.

Совсѣмъ иное значеніе имѣетъ одно поступленіе въ университетъ. Тутъ поступленіе въ число студентовъ имѣетъ главною цѣлью поступленіе въ эту среду не ради товарищества, какое бы важное или благое значеніе мы ни придавали товариществу, ибо главная цѣль поступленія въ университетъ или иное учебное заведеніе все-таки всегда была и будетъ полученіе образованія, т.-е. наука. А товарищество является лишь полезнымъ, пожалуй даже необходимымъ его придаткомъ, отступающимъ на второй планъ, а потому обязанности студента къ университету должны идти впереди обязанностей къ другимъ студентамъ, какъ товарищамъ.

Наконецъ, судъ чести, если бы даже онъ былъ возможенъ и хотя бы онъ удовлетворялъ нуждамъ и потребностямъ студентовъ, никогда не можетъ удовлетворить всѣмъ потребностямъ и требованіямъ *университета*, а потому и замѣна университетскаго суда товарищескимъ судомъ студентовъ не можетъ быть, по нашему мнѣнію, допускаема.

Нельзя забывать при этомъ, что хотя студенты необходимы для полноты понятія объ университетѣ, но, тѣмъ не менѣе, они находятся въ университетѣ, *проходятъ* его въ качествѣ временнаго элемента, но вовсе *не составляютъ самого университета*, который, будучи прежде всего центромъ науки, состоитъ, по самому своему существу, изъ представителей науки, а не изъ ищущихъ ея и только еще готовящихся къ ней и изучающихъ ея элементы.

Такъ всегда всюду смотрѣли на университетъ, и потому всюду студенты подчинялись университету и никакого участія въ его управленіи не принимали и принимать не могли, а могли только заявлять университету о своихъ нуждахъ и желаніяхъ, ходатайствуя передъ университетомъ объ ихъ удовлетвореніи.

„Университетъ для науки“—вотъ девизъ, который долженъ стать общимъ для всѣхъ студентовъ, и только тогда они будутъ вполнѣ гражданами университета, который приготовитъ ихъ быть затѣмъ полноправными гражданами государства и, когда представится надобность и случай, защититъ ихъ индивидуальный и общественный строй жизни. Но чтобы достичь этого, учащимся необходимо прежде всего развить въ себѣ уваженіе къ учрежденію, къ ко-

торому они принадлежатъ, которое даетъ имъ неоцѣненное благо и преимущества передъ некультурною толпою,—преимущества умственныя, нравственныя и соціальныя, которыя возвышаютъ ихъ положеніе и значеніе въ глазахъ общества и въ массѣ согражданъ. Для полученія и достиженія такихъ правъ и значенія нуженъ трудъ и единеніе съ учрежденіемъ, которое даетъ пищу этому труду и направляетъ его. А потому мы не можемъ не признать абсурдомъ такія проявленія, какъ забастовки учащихся, а тѣмъ болѣе обструкцію, т.-е. насильственное подчиненіе ей другихъ студентовъ и даже всего университета. Все это имѣетъ, намъ думается, своимъ источникомъ смѣшеніе понятія о распущенности со свободою, такъ характерно выражающееся въ извѣстныхъ словахъ Тита Титыча: „моему ндраву не препятствуй", и въ крайнемъ неразвитіи чувства долга и законности, — неразвитіи, которое, къ несчастію, господствуетъ у насъ чуть ли не во всѣхъ сферахъ, не исключая и высшихъ, и постоянно причиняетъ столько вреда нашему отечеству, его развитію и культурѣ.

Все сказанное нами приводитъ насъ къ убѣжденію, что наша учащаяся молодежь еще очень некультурна и мало способна къ общественности, въ истинномъ значеніи этого слова. Но тѣмъ не менѣе, благодаря продолжительному общенію съ молодежью и знакомству съ ея бытомъ, мы вовсе не отчаяваемся въ ней и твердо вѣримъ, что она заключаетъ въ себѣ много здоровыхъ и прекрасныхъ элементовъ, и мы твердо вѣримъ, что если юношеству будетъ предоставлена свобода общенія и организаціи въ своей собственной средѣ, то на этой почвѣ разовьется у нея и чувство долга, и сознаніе своего и чужого достоинства, и уваженіе къ закону, и другія качества, составляющія основу всякаго общенія людей и общежитія, въ чемъ должна заключаться главная воспитательная задача всякаго учебнаго заведенія,—задача, которая среди студентовъ можетъ быть выполнена путемъ самовоспитанія скорѣе и лучше, чѣмъ какими бы то ни было иными способами. Вотъ почему мы придаемъ столь важное значеніе организаціи студенчества, къ болѣе обстоятельному разсмотрѣнію которой мы и перейдемъ, коснувшись прежде вопроса о значеніи и роли въ университетѣ двухъ учрежденій, имѣющихъ постоянное соприкосновеніе съ университетскою жизнью, а именно—о значеніи въ университетѣ попечителя и инспекціи.

VIII.

Изъ газетъ и по слухамъ намъ извѣстно, что въ нѣкоторыхъ университетахъ возбуждался вопросъ о прекращеніи всякихъ отношеній попечителей къ университетамъ и о совершенномъ упраздненіи инспекціи.

Ни съ тѣмъ, ни съ другимъ взглядомъ мы лично согласиться не можемъ, хотя и признаемъ, что въ настоящее время постановка дѣла неудовлетворительна и ненормальна.

Не имѣвъ случая ознакомиться въ подлинникѣ съ заключеніями и мнѣніемъ университетовъ, высказавшихся за устраненіе попечителей и за подчиненіе университетовъ непосредственно министру, мы позволимъ себѣ сказать лишь нѣсколько словъ о томъ, что̀ намъ извѣстно по слухамъ о мотивахъ, приведшихъ нѣкоторые университеты къ такому рѣшенію.

Повидимому, въ основаніи такого желанія лежало мнѣніе, будто съ устраненіемъ отъ университетовъ попечителей и съ подчиненіемъ ихъ прямо министру университеты станутъ самостоятельнѣе и значеніе ихъ возвысится какъ въ общественномъ мнѣніи, такъ и на самомъ дѣлѣ.

224480

Но мы, съ своей стороны, полагаемъ, что въ такомъ взглядѣ кроется серьезное недоразумѣніе. Министръ несетъ столь разнообразныя и сложныя обязанности, отъ которыхъ онъ устранить себя не можетъ, что никогда не будетъ въ состояніи всецѣло посвятить себя завѣдыванію университетами. Въ виду того, что университетъ не одинъ, — министру трудно будетъ заниматься всѣми университетами въ одинаковой мѣрѣ, а потому интересы нѣкоторыхъ изъ нихъ неизбѣжно будутъ страдать. При громадности разстояній и отдаленности большей части изъ нихъ отъ Петербурга, сосредоточеніе въ рукахъ министра всѣхъ дѣлъ по всѣмъ университетамъ только усложнитъ дѣло, поведетъ къ задержкамъ и недоразумѣніямъ.

Мы убѣждены такимъ образомъ, что подчиненіе *лично* министру будетъ только номинальное, въ дѣйствительности же университеты окажутся въ прямомъ подчиненіи не министру, даже не его товарищу или директору департамента, а чинамъ канцеляріи департамента, завѣдывающимъ отдѣленіями или отдѣлами. Сомнѣваемся, чтобы такое положеніе возвысило значеніе университетовъ или послужило имъ на пользу. Напротивъ, всякому, кто знакомъ съ ходомъ нашего государственнаго механизма, извѣстно,

какъ тяжела бываетъ для мѣстныхъ учрежденій подобная зависимость отъ центральныхъ органовъ.

Мы, съ своей стороны, полагаемъ, что сохраненіе самыхъ тѣсныхъ отношеній попечителя къ университету можетъ только послужить на пользу послѣдняго и соотвѣтствуетъ его интересамъ. Разумѣется, необходимо, чтобы отношенія университета и попечителя были опредѣлены и разъяснены *разумно* и *правильно*, что̀ должно быть сдѣлано въ самомъ уставѣ или по крайней мѣрѣ въ объясненіяхъ къ нему. Въ нашихъ глазахъ, попечитель долженъ быть поставленъ въ положеніе члена университета. Въ совѣтѣ, въ правленіи и факультетахъ всѣ дѣла университета должны быть ему открыты; онъ долженъ имѣть право непосредственно участвовать въ качествѣ делегата правительства, что̀ вѣдь бываетъ въ самыхъ разнообразныхъ собраніяхъ, нисколько не нарушая ихъ самостоятельности и автономіи. Такое участіе *необходимо* для того, чтобы онъ могъ чувствовать себя солидарнымъ съ университетомъ, а не быть начальникомъ или почетнымъ генераломъ, которому представляются на усмотрѣніе или утвержденіе уже разсмотрѣнныя дѣла. Попечитель не долженъ быть приставленъ къ университету съ боку-припёку, а долженъ—mitten drein sitzen, какъ сказали бы нѣмцы, и какъ то было по уставу 1835 г., ст. 52 и 58. Только при этомъ условіи онъ и можетъ быть настоящимъ попечителемъ, т.-е. посредникомъ между университетомъ и правительствомъ, ходатаемъ и защитникомъ университета въ необходимыхъ случаяхъ, а иной разъ юрисконсультомъ университета, такъ какъ ему могутъ быть ближе извѣстны предположенія и виды правительства, безъ знанія коихъ бываетъ трудно дѣйствовать и рѣшать вопросы въ университетѣ, ибо это возможно только когда попечитель живетъ жизнью университета, когда всѣ подробности, весь ходъ дѣлъ и ихъ мотивировка, а равно значеніе, которое имъ придаетъ университетъ, извѣстны со всѣми оттѣнками [1]). Во всѣхъ указанныхъ собраніяхъ попечитель, занимая—почета ради—предсѣдательское мѣсто, но не предсѣдательствуя обязательно, долженъ имѣть право голоса наравнѣ съ прочими. По дѣламъ же, *которыя требуютъ утвержденія*, попечитель вмѣсто этого долженъ имѣть только право *пріостановить* исполненіе рѣшенія, въ какомъ случаѣ оно, съ мнѣніемъ большинства, или меньшинства, или попечителя, идетъ на разсмотрѣніе и утвержденіе министра.

[1]) Только при такихъ условіяхъ возможны были такіе попечители, какъ графъ Строгановъ и Пироговъ, время службы коихъ составляло свѣтлую эпоху въ жизни университетовъ.

Затѣмъ, собственно начальнической власти надъ отдѣльными органами университета попечителю не нужно. Ни надъ ректоромъ, ни надъ инспекціею (которая, по нашему мнѣнію, должна дѣйствовать на основаніи инструкцій, даваемыхъ совѣтомъ, и должна быть подчинена ректору), такой власти попечителю предоставлять нѣтъ надобности. Еще менѣе, само собою разумѣется, можетъ быть рѣчь о подчиненіи попечителю правленія или совѣта. Онъ долженъ только имѣть право возбуждать дѣла и вопросы и давать въ этомъ смыслѣ предложенія, участвовать въ разсмотрѣніи дѣлъ, когда сочтетъ то нужнымъ, и въ указанномъ выше случаѣ *по нѣкоторымъ* дѣламъ долженъ имѣть право пріостанавливать исполненіе рѣшенія и переносить дѣло на разсмотрѣніе министра.

Власть попечителя является въ университетѣ силою, такъ сказать, внѣшнею, которою ему часто бываетъ полезно воспользоваться (и на нее опереться), точно также какъ нравственный авторитетъ университета является опорою, безъ которой никакой попечитель, понимающій свое положеніе, не можетъ обойтись.

Эта сила и авторитетъ должны всегда быть солидарны и постоянно взаимодѣйствовать другъ на друга, безъ чего успѣхъ ни для попечителя, ни для университета, т.-е. для каждаго порознь, немыслимъ. Необходимость солидарности попечителя и университета доказывается множествомъ примѣровъ изъ исторіи университетовъ, изъ которыхъ я могу привести нѣсколько, касающихся московскаго университета, дѣла коего я имѣлъ возможность изучить. Нашъ личный опытъ еще болѣе укрѣпилъ насъ въ убѣжденіи о необходимости такой солидарности.

Прежде всего я укажу на 1861 г., когда крупныя волненія разгорѣлись въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ городахъ. Эта эпоха извѣстна мнѣ, какъ студенту того времени, а затѣмъ по дѣламъ правленія и совѣта московскаго университета.

Волненія 1861 года начались, какъ извѣстно, въ Москвѣ по поводу изданія министерствомъ правилъ о матрикулахъ и вообще правилъ для студентовъ, которыя были встрѣчены враждебно молодежью и которымъ не сочувствовало большинство членовъ университетскихъ коллегій. Въ связи съ этимъ, волненія эти 1861 года въ Москвѣ распадались на два періода. Въ первомъ періодѣ преобладали личныя распоряженія управляющаго округомъ (попечитель отсутствовалъ) ректора, въ то время назначавшагося правительствомъ, и инспектора; университетская же коллегія относилась къ безпорядкамъ почти пассивно. Весь этотъ періодъ указываетъ на полное безсиліе дѣйствовавшихъ

властей и на безрезультатность дѣлаемыхъ ими распоряженій. Точно также неудачною оказалась попытка попечителя (по возвращеніи изъ отпуска) лично оказать воздѣйствіе на волнующуюся молодежь,—попытка, поставившая попечителя въ положеніе, которое чуть не стало критическимъ и изъ котораго его выручило вмѣшательство нѣсколькихъ профессоровъ. Послѣ этого наступилъ второй періодъ, во время коего дѣятельность университетской коллегіи, сплотившейся вокругъ попечителя, выступила на первый планъ. Картина быстро перемѣнилась, и очень скоро удалось не только совладать съ волненіемъ, но и возстановить порядокъ, продолжавшійся затѣмъ много лѣтъ и при дѣйствіи вновь изданнаго устава 1863 года: вліяніе и значеніе университетскихъ властей, ректора и инспектора, опираясь, съ одной стороны, на нравственный авторитетъ университетской коллегіи, а съ другой—на власть попечителя, настолько упрочились, что сохранили силу даже въ то время, когда мѣсто ректора занималъ С. И. Баршевъ, всѣмъ извѣстный, какъ личность самая ничтожная, и когда инспекторомъ сталъ не менѣе ничтожный И. И. Красовскій. Результаты эти были достигнуты, по глубокому моему убѣжденію, именно только благодаря вполнѣ солидарной и совмѣстной дѣятельности университетской коллегіи и попечителя, несмотря на то, что обстоятельства весьма усложнились крайне неудачнымъ и неумѣстнымъ вмѣшательствомъ въ дѣло генералъ-губернатора, и несмотря на то, что принципы, выдвинутые на первый планъ университетской коллегіей, далеко не совпадали съ вѣяніями, господствовавшими въ то время въ обществѣ.

Обратную картину, но точно также доказывающую необходимость единенія власти попечителя съ авторитетомъ университетской коллегіи, представили волненія 1880—1881 года. Въ этомъ случаѣ, университетъ, т.-е. совѣтъ, выборный ректоръ и проректоръ дѣйствовали, особенно въ первую половину безпорядковъ, совершенно независимо; ничто не стѣсняло и не ограничивало безусловной свободы ихъ дѣйствій. Сперва попечитель кн. Мещерскій устранился, потомъ оставилъ должность, такъ что нѣкоторое время попечителя вовсе не было. Я, будучи назначенъ попечителемъ, вступили въ должность въ самый разгаръ безпорядковъ, въ то время, когда они продолжались уже болѣе двухъ мѣсяцевъ, причемъ застали полнѣйшій хаосъ: выборный ректоръ настолько потерялъ всякій авторитетъ, что чуть не прятался отъ студентовъ. Проректоръ продолжительное время уклонялся отъ исполненія своихъ обязанностей и затѣмъ

сложилъ съ себя должность. Совѣтъ долго, даже послѣ нашихъ настояній, не избиралъ новаго проректора. Такимъ образомъ, университетъ былъ фактически безъ ректора и безъ инспекціи, такъ какъ помощники проректора, оставаясь безъ руководства, не могли ничего дѣлать. Попечитель же вынужденъ былъ дѣйствовать при помощи проректора, котораго, наконецъ, выбрали, но которому не довѣряли ни университетъ, ни студенты, а менѣе всѣхъ —самъ попечитель.

При такихъ обстоятельствахъ о совмѣстной дѣятельности попечителя съ университетомъ не могло быть рѣчи, — дѣйствовать было не съ кѣмъ. Совѣтъ собирался, что-то обсуждалъ, но изъ этого ничего не выходило, а рядомъ съ этимъ шли частныя совѣщанія профессоровъ, которые осуждали другъ друга, проректора (ими же избраннаго уже во время безпорядковъ), ректора и, разумѣется, прежде всего попечителя; а я былъ homo novus и къ тому же явился изъ другого вѣдомства, со стороны. Легальной возможности войти въ непосредственную связь съ университетомъ и дѣйствовать совмѣстно попечитель не имѣлъ, тѣмъ болѣе, что уставъ 1863 года хотя и говорилъ о власти попечителя въ довольно широкихъ выраженіяхъ, но въ дѣйствительности не привлекалъ его къ участію въ университетскихъ дѣлахъ и ставилъ его, если онъ желалъ быть корректнымъ, въ положеніе почетной декораціи; если же онъ хотѣлъ что-либо дѣлать, то вынуждался основывать свою дѣятельность исключительно на личныхъ отношеніяхъ съ отдѣльными профессорами и съ университетскими властями; или, въ противномъ случаѣ — онъ былъ вынужденъ стать въ положеніе фискала министерства (чѣмъ собственно въ дѣйствительности нерѣдко бывали попечители). Между тѣмъ, въ результатѣ, при отсутствіи власти попечителя, солидарной съ совѣтомъ и прочими университетскими властями, эти послѣднія доказали полную несостоятельность разрозненной дѣятельности, а потому въ 1880 году безпорядки длились почти полгода и кончились увольненіемъ совѣтомъ нѣсколькихъ сотъ студентовъ безъ всякаго разбора и даже безъ опроса кого-либо. Затѣмъ, уже только благодаря веснѣ, экзаменамъ и каникуламъ, наступило спокойствіе. Едва ли когда-либо въ университетѣ былъ такой хаосъ и такая полнѣйшая дезорганизація власти, какъ въ академическій 1880—1881 годъ.

Мы, съ своей стороны, и видимъ въ этомъ доказательство полнаго безсилія университета, когда онъ хочетъ дѣйствовать, не опираясь на власть попечителя, — какъ и безсилія попечителя,

дѣйствующаго, не опираясь на высшій нравственный авторитетъ университета.

Всѣ позднѣйшія наши многолѣтнія наблюденія только укрѣпляли насъ въ этомъ убѣжденіи. Съ введеніемъ устава 1884 года, мы еще болѣе убѣдились въ томъ, что власть попечителя, поставленная внѣ университета, исключительно какъ начальство, безсильна, безрезультатна и безплодна, какъ бы власть эта ни была велика. Оба устава—и 1863 года, и 1884 года—въ этомъ отношеніи грѣшили, хотя послѣдній—неизмѣримо болѣе перваго. Уставъ 1863 года, опредѣливъ въ общихъ своихъ основахъ правильно функціи и права коллегіи, поставилъ попечителя въ совершенно ложное положеніе. До него доходила масса дѣлъ или, вѣрнѣе, бумагъ, въ сущности неизвѣстно зачѣмъ, такъ какъ по большей части онъ не зналъ и не могъ знать хода дѣлъ, обстоятельствъ, при которыхъ они возникали; иногда только кто-нибудь изъ любезности, а иногда и съ цѣлью заискиванія, сообщалъ ему о томъ, что̀ происходило въ университетскихъ учрежденіяхъ. За порядокъ въ университетѣ, de jure, онъ въ сущности долженъ былъ отвѣтствовать, но никакихъ о̀рганов для дѣйствія не имѣлъ и въ обсужденіи вопросовъ, касающихся порядка, не участвовалъ. Дѣла совѣта и правленія были отъ него скрыты [1]). Онъ получалъ бумагу о рѣшеніи дѣла, требовавшаго нерѣдко его утвержденія, но ни о мнѣніяхъ, высказанныхъ въ правленіи или совѣтѣ, а слѣдовательно и о мотивахъ, онъ по большей части освѣдомленъ не былъ, если ему не сообщали объ этомъ *изъ любезности*. Положеніе было таково, что попечитель долженъ былъ или воевать съ университетомъ, или совершенно бездѣйствовать, а въ случаѣ дѣятельности—основывать ее на любезныхъ личныхъ отношеніяхъ, и только этимъ путемъ и въ зависимости отъ этихъ отношеній и разныхъ случайностей онъ имѣлъ возможность дѣлать то, что̀ составляло его долгъ. Положеніе было, очевидно, ненормальное, и при волненіяхъ это особенно ярко давало себя чувствовать.

Уставъ 1884 года ухудшилъ положеніе, создавъ обратный, еще болѣе неудачный порядокъ. Онъ перенесъ центръ тяжести дѣйствія изъ университета на попечителя, ректора и правленіе, совершенно оторванныхъ при томъ отъ коллегіи, т.-е. создалъ обратный, совершенно безобразный порядокъ, при которомъ коллегія, — на нравственную отвѣтственность которой правительство

---

[1]) При моемъ предмѣстникѣ была цѣлая переписка по поводу отказа ректора прислать попечителю дѣло правленія, съ которымъ онъ хотѣлъ ознакомиться.

не переставало настойчиво указывать,—была, de jure, совершенно устранена отъ университетскихъ дѣлъ и допускалась къ нимъ изъ милости или любезности, въ томъ случаѣ, если это заблагоразсудится начальству. Очевидно, этому послѣднему порядку долженъ быть положенъ конецъ, но едва ли желательно возвращаться къ уставу 1863 года безъ измѣненій.

Мы на дѣлѣ испытали положеніе попечителя при дѣйствіи обоихъ уставовъ и находимъ, что при уставѣ 1863 года положеніе дѣлъ было несравненно лучше, несмотря на всѣ признанныя нами выше ненормальности. Что касается до устава 1884 года, то онъ создалъ положеніе совершенно невозможное. Власть попечителя, казавшаяся чуть ли не безграничною, въ сущности была безсильна. Она, не опираясь на нравственный авторитетъ университета, сама этого авторитета имѣть не могла и только подрывала авторитетъ другихъ властей. Въ сущности, одна грубая сила или насиліе, которыми ни въ какомъ учебномъ заведеніи править не слѣдуетъ,—составляли все, чѣмъ могъ располагать попечитель. Помимо этого, попечитель могъ разсчитывать только на случайную готовность отдѣльныхъ лицъ помочь и содѣйствовать ему, а потому, въ особенности во время студенческихъ волненій, находился въ безъисходномъ и безпомощномъ положеніи, доходящемъ до трагизма.

И при дѣйствіи устава 1884 года я лично испыталъ, насколько драгоцѣненъ и необходимъ нравственный авторитетъ коллегіи, если по счастливому, можно сказать, случайному стеченію обстоятельствъ представлялась возможность опереться на него. Сошлемся въ подтвержденіе этого на характерный случай изъ нашей практики, касавшійся вопроса объ открытіи университета послѣ временнаго закрытія его по поводу безпорядковъ. Вслѣдствіе крайне бурныхъ безпорядковъ, сдѣлавшихъ абсолютно невозможнымъ продолженіе какихъ-либо учебныхъ занятій, по моей иниціативѣ было рѣшено закрыть университетъ незадолго до рождественскихъ вакацій. Къ концу этихъ вакацій естественно возникъ вопросъ, какъ быть дальше, а именно вопросъ о возможности открыть университетъ, такъ какъ всѣ признаки (прокламаціи, подмётныя письма, безпрестанныя тайныя сходки, о которыхъ получались свѣдѣнія) указывали на то, что броженіе продолжается, и что сильная агитація поддерживаетъ его. Я вполнѣ ясно сознавалъ, что если университетъ будетъ открытъ собственно моею властью или распоряженіемъ министра, то волненія возобновятся, такъ какъ между студентами господствовала увѣренность, что большинство профессоровъ, будто бы, на ихъ

сторонѣ. Въ виду того я считалъ необходимымъ связать мои дѣйствія съ совѣтомъ и, открывъ университетъ съ его согласія и его санкціи, показать студентамъ, что университетская коллегія желаетъ и настаиваетъ на возобновленіи занятій, возможныхъ, разумѣется, только при возстановленіи порядка. Поэтому я рѣшился созвать совѣтъ и, пользуясь параграфомъ устава, гдѣ говорится, что совѣтъ разсматриваетъ вопросы, предлагаемые попечителемъ, поставилъ на рѣшеніе совѣта вопросъ о томъ, находитъ ли онъ возможнымъ при данныхъ обстоятельствахъ открыть университетъ и полагаетъ ли возможнымъ разсчитывать на возстановленіе порядка. Министру я донесъ о созывѣ совѣта, когда предложеніе уже было дано ректору, на что я не испрашивалъ (да это и не было нужно) разрѣшенія министра, и получилъ въ отвѣтъ бумагу, не одобряющую созывъ совѣта. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я получилъ двѣ другія бумаги: первое собственноручное, *довѣрительное* письмо графа Делянова, выражающаго мнѣ порицаніе за то, что я обратился къ совѣту, а не сдѣлалъ распоряженія отъ себя или не обратился за разрѣшеніемъ къ министру. При этомъ графъ Деляновъ категорически требовалъ, чтобы совѣту былъ предложенъ вопросъ только объ открытіи университета, и чтобы не были допущены не только какія-нибудь его постановленія, но даже и пренія объ общемъ положеніи университета и объ измѣненіи существующихъ порядковъ, такъ какъ подобные вопросы выходятъ изъ компетенціи совѣта (что, надо сказать, вполнѣ согласно съ уставомъ 1884 года). Сверхъ того, я получилъ оффиціальное, но строго конфиденціальное письмо, въ которомъ министръ сообщалъ мнѣ, что въ случаѣ если совѣтъ не выскажется за открытіе университета, то по отношенію лично къ профессорамъ и ко всему университету будутъ приняты суровыя репрессивныя мѣры.

Положеніе мое, по полученіи этихъ писемъ, было критическое. Совѣтъ былъ уже созванъ; я зналъ, что на предварительныхъ факультетскихъ засѣданіяхъ были сдѣланы предложенія въ томъ смыслѣ, чтобы признать возможнымъ открытіе университета только въ томъ случаѣ, если совѣту будетъ предоставлено обсудить вопросъ объ измѣненіи устава и о реорганизаціи университета. Я зналъ также, что филологическій факультетъ единогласно принялъ подобную резолюцію (по редакціи, впрочемъ, умѣренную), и, естественно, могъ опасаться, что совѣтъ не выскажется за открытіе, если не допустить обсужденія общихъ вопросовъ, а допустить ихъ я не могъ, такъ какъ министръ въ этомъ отношеніи предъявлялъ категорическое требованіе, основанное на

законѣ. Между тѣмъ, въ случаѣ неоткрытія университета, совѣту грозилъ чуть ли не полный разгромъ и настоящая катастрофа, которая поставила бы на карту самое существованіе университета. Предупредить профессоровъ о полученномъ мною конфиденціальномъ сообщеніи и, слѣдовательно, пригрозить имъ тяжкими матеріальными послѣдствіями въ случаѣ ихъ несогласія со мною, я считалъ невозможнымъ какъ для себя лично, такъ и для достоинства профессоровъ. Отмѣнить совѣтъ—значило бы, не безъ основанія, поставить на дыбы профессоровъ и во многихъ изъ нихъ, быть можетъ, даже возбудить сочувствіе къ волненіямъ. Слѣдовательно, оставалось одно: дать совѣту состояться, не сообщать никому о полученныхъ мною конфиденціально свѣдѣніяхъ, не допускать преній, выходящихъ изъ предѣловъ вопроса объ открытіи университета, и добиться постановленія совѣта, которое высказалось бы за открытіе и выразило увѣренность, что студенты поймутъ, что это открытіе обусловливается сохраненіемъ порядка, котораго и требуетъ отъ нихъ профессорская коллегія. Въ этомъ смыслѣ я отвѣтилъ гр. Делянову, высказавъ, что рѣшительно не нахожу возможнымъ воспользоваться его конфиденціальнымъ письмомъ для давленія на профессоровъ, а потому сохраню безусловное молчаніе и тайну относительно этого письма, и только если получу оффиціальное и категорическое приказаніе объявить о немъ—подчинюсь этому и сдѣлаю это гласно и открыто. Отвѣтственности же за послѣдствія такого объявленія я на себя не приму. Предложенія объявить письмо и вообще отвѣта я вовсе не получилъ, но когда позднѣе заговорилъ съ гр. Деляновымъ по этому предмету, въ бытность мою въ Петербургѣ, онъ только сказалъ, что, пожалуй, я поступилъ благоразумно. О письмѣ я никому не говорилъ, и только много позднѣе, когда оно потеряло всякое значеніе, я передалъ ректору о его содержаніи. Совѣтъ собрался и былъ очень бурный. Филологическій факультетъ, какъ одинъ человѣкъ, настаивалъ на своемъ предложеніи о постановкѣ вопроса объ общемъ положеніи университета. Многіе примыкали къ нему. Я же употреблялъ всѣ усилія, чтобы убѣдить совѣтъ отклонить подобное предложеніе. Совѣтъ съ восьми часовъ вечера длился до поздней ночи. Когда стало замѣтно, что большинство поколебалось и стало склоняться на мою сторону, одинъ изъ профессоровъ сдѣлалъ предложеніе прервать засѣданіе и затѣмъ уже баллотировать поставленный мною вопросъ, а равно предложеніе историко-филологическаго факультета закрытой баллотировкою. Я заявилъ, что если члены совѣта считаютъ возможнымъ приступить къ баллотировкѣ,

признавая вопросъ выясненнымъ, то перерывъ не нуженъ, а частные переговоры и уговоры излишни, такъ какъ всѣ могли высказаться открыто въ самомъ засѣданіи; и что закрытой баллотировки я допустить не могу, такъ какъ предлагаемые вопросы требуютъ мотивированнаго отвѣта, причемъ мотивы не менѣе важны, чѣмъ самое рѣшеніе, закрытая же баллотировка исключаетъ возможность мотивировки. Въ концѣ-концовъ, вопросъ объ открытіи университета былъ рѣшенъ довольно значительнымъ большинствомъ, при чемъ совѣтъ призывалъ студентовъ къ порядку. Затѣмъ, постановленіе совѣта было вывѣшено во всѣхъ помѣщеніяхъ университета, и университетъ былъ открытъ, причемъ порядокъ нарушенъ не былъ. Мы останавливаемся на этомъ фактѣ такъ подробно потому, что считаемъ его весьма характернымъ и доказывающимъ, какъ важно было, даже при дѣйствіи устава 1884 года, опереться на авторитетъ совѣта, хотя по закону онъ былъ лишенъ всякихъ правъ и значенія.

Что касается до инспекціи, то хотя мы не думаемъ, чтобы она, при какомъ бы то ни было устройствѣ, могла имѣть въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ нравственно-воспитательное значеніе, но въ то же время мы полагаемъ, что совершенное ея упраздненіе въ настоящее время едва ли было бы благоразумно. Ректоръ, профессора, правленіе и совѣтъ—сами не могутъ имѣть возможности наблюдать за всѣмъ тѣмъ, что̀ происходитъ иногда на довольно обширной территоріи университета, между тѣмъ необходимо, чтобы они всегда были освѣдомлены обо всемъ, для чего имъ необходимы особые о̀рганы, какими и должны являться чины инспекціи, которые, такимъ образомъ, представляютъ собою, такъ сказать, наружную полицію университета и могутъ нести обязанности наблюдательныя и исполнительныя, но никакъ не самостоятельно распорядительныя.

Дѣятельность инспекціи должна, намъ кажется, ограничиваться территоріей университета или учебнаго заведеніи. Внѣ же заведенія учащіеся должны подлежать вѣдѣнію общей полиціи и безусловно на общемъ основаніи. При этомъ желательно, чтобы не дѣлалось никакого различія между учащимися и прочими обывателями, что̀ къ общему вреду, въ настоящее время, бываетъ часто не такъ, ибо нерѣдко полиція и администрація, въ обыкновенное, спокойное время, весьма часто склонны смотрѣть сквозь пальцы на поведеніе учащихся, допуская дѣйствія, которыя не дозволяются другимъ, и не привлекаютъ учащихся къ отвѣтственности наравнѣ съ другими обывателями. При малѣйшемъ же волненіи и наступленіи сколько-нибудь тревожнаго времени происходитъ

обратное: за малѣйшее нарушеніе, вмѣсто привлеченія къ отвѣтственности, противъ учащихся принимаются экстренныя и часто огульныя мѣры, которыя затѣмъ тяжело отзываются на нихъ. Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ, образъ дѣйствій администраціи нельзя признавать правильнымъ. Во-первыхъ, отъ этого нерѣдко серьезно страдаетъ общій порядокъ и благочиніе въ городѣ, а во-вторыхъ, нарушается справедливость, причемъ какъ молодежь, такъ и общество, привыкаютъ смотрѣть на учащихся какъ на какой-то классъ людей, къ которымъ непримѣнимы общіе законы и права,—а этимъ колеблется и расшатывается чувство законности и уваженія къ порядку и праву, чувство и безъ того слабо развитое въ средѣ какъ администраціи, такъ и общества, и въ особенности—нашей учащейся молодежи. Что касается до экстренныхъ мѣръ, принимаемыхъ относительно молодежи при малѣйшихъ признакахъ волненія, то и эти мѣры, ставя студентовъ въ исключительное положеніе, несправедливы и вредны, какъ мы то подробно объяснили выше. Внѣ учебнаго заведенія учащійся ничѣмъ не долженъ отличаться отъ всякаго иного обывателя, за исключеніемъ указанныхъ закономъ случаевъ, когда учащійся подлежитъ дисциплинарному суду учебнаго заведенія, въ то время какъ другія лица подлежатъ общему суду. Но нужно строго соблюдать правило: что̀ дозволено всѣмъ,—дозволено и учащимся; что̀ запрещено всѣмъ, то точно также запрещено и учащейся молодежи. Различіе можетъ быть только въ томъ, кому на кого *по закону* надлежитъ налагать взысканіе.

Но, сохраняя инспекцію, нужно измѣнить положеніе, въ которое она нынѣ поставлена вообще, и въ университетахъ нужно, чтобы, по отношенію къ порядку назначенія, инспекторъ избирался совѣтомъ и утверждался министромъ, а помощники инспектора избирались совѣтомъ и утверждались попечителемъ,—чѣмъ законъ подчеркнулъ бы то, что всѣ чины инспекціи суть органы университета и подчинены ему. Необходимо упразднить существующую нынѣ двойственность подчиненія инспекціи, и надлежитъ подчинить ее исключительно университету, т.-е. подчинить ея дѣйствія ректору, а совѣту предоставить издавать для инспекціи инструкціи и вообще давать ей обязательныя указанія и тѣмъ регулировать ея дѣятельность и тѣсно связать ее съ университетомъ, черезъ что̀ несомнѣнно авторитетъ инспекціи возвысится и укрѣпится.

Этими сравнительно краткими и общими замѣчаніями мы закончимъ наши сужденія объ организаціи управленія универси-

тетами и перейдемъ къ болѣе подробному обсужденію затронутаго нами вопроса объ организаціи студенчества.

Мы уже высказали, что отдаемъ рѣшительное предпочтеніе организаціи отдѣльныхъ, но связанныхъ между собою кружковъ или обществъ студентовъ передъ такъ-называемой общестуденческой организаціею, и такое наше мнѣніе мы подкрѣпили ссылкою на имѣющійся уже опытъ нашихъ университетовъ. Но въ нашемъ убѣжденіи насъ еще укрѣпляетъ то соображеніе, что мы нигдѣ не находимъ, а потому и не можемъ себѣ представить той формы, въ которую могла бы цѣлесообразно и правильно вылиться общестуденческая организація, охватывающая весь составъ студенчества и обязывающая всякаго, кто желаетъ получить высшее образованіе—въ силу одного этого желанія—стать безъ всякаго разбора товарищемъ и участникомъ организаціи, состоящей изъ всѣхъ, кто бы ни возъимѣлъ одновременно съ нимъ подобное же желаніе.

Такія общестуденческія организаціи, основанныя не на дѣйствительномъ сближеніи людей, а на отвлеченномъ только представленіи о фиктивной солидарности, не создавая никакой реальной связи между участниками организаціи, не имѣютъ почвы подъ собою и не могутъ упрочиться. Это доказываетъ опытъ нашихъ университетовъ,—на что мы уже указывали,—а равно подтверждаетъ то же и опытъ другихъ странъ.

Мысль соединить въ общую организацію студенчество цѣлаго университета или даже всѣхъ университетовъ не разъ возникала въ Германіи. Но въ этой колыбели всякихъ студенческихъ корпорацій и ассоціацій, гдѣ склонность и умѣнье образовывать кружки, общества и т. п. вошла въ плоть и кровь всего народа, подобныя попытки не удавались и не удаются.

Первоначально мысль объ общей организаціи студенчества въ Германіи возникла въ началѣ XIX-го столѣтія въ формѣ „Burschenschaft“, союза всѣхъ буршей, т.-е. настоящихъ, полноправныхъ студентовъ. Мысль эта явилась вскорѣ послѣ войны за освобожденіе, и союзъ являлся представителемъ идеи культурнаго и государственнаго единства Германіи; такимъ образомъ, имѣя въ своей основѣ идею весьма популярную и воодушевлявшую въ то время большинство германскаго народа, онъ имѣлъ, казалось, всѣ шансы на успѣхъ. Но хотя появились „буршеншафты“, принявшіе наименованіе общегерманскихъ, „Allgemeine deutsche Burschenschaft“, но они никогда не были въ состояніи соединить въ общую

организацію не только всю учащуюся молодежь Германіи, но даже все студенчество какого-либо университета. Постепенно они переродились въ обыкновенныя корпораціи старыхъ типовъ. Въ самое послѣднее время мысль объ устройствѣ общестуденческой организаціи возникла въ Лейпцигѣ въ 1896 г. подъ наименованіемъ „Finkenschaftbewegung", имѣющей цѣлью образовать свободный союзъ германскаго студенчества. „Финкеншафты" имѣли цѣлью сплотить и дать общую организацію всѣмъ такъ-называемымъ „дикимъ" студентамъ (Wilde), т.-е. всѣмъ студентамъ, не принадлежащимъ къ старымъ, давно существующимъ корпораціямъ (Corps), союзамъ (Verbindungen), землячествамъ (Landsmanschaft) и т. п. [1]).

Но и „финкеншафтамъ" достиженіе цѣли удалось, пожалуй, меньше, чѣмъ „буршеншафтамъ". Они не оказались въ состояніи соединить массу „дикихъ", и въ концѣ-концовъ оказались немного видоизмѣненнымъ, но по существу однороднымъ видомъ прежнихъ корпорацій. Можно сказать, что возникновеніе „финкеншафтовъ" не вышло за предѣлы слабой попытки. Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ и лучшихъ знатоковъ университетскаго и въ особенности студенческаго быта въ Германіи, профессоръ Циглеръ,— авторъ весьма поучительной книги: „Der deutsche Student", выдержавшей уже восемь изданій, на котораго мы только-что ссылались, видитъ причину столь слабаго успѣха „финкеншафтовъ" въ самомъ ихъ существѣ, которое, задаваясь слишкомъ широкой задачей, не въ состояніи ассимилировать и прочно связать массу студенчества, а потому остается утопіей, хотя и возбуждаетъ во многихъ сочувствіе и симпатію.

Такимъ образомъ, и въ самой Германіи мысль о созданіи общестуденческой организаціи, содержа въ самой своей основѣ зародышъ неустойчивости и разложенія, оказалась неосуществимою, а организаціи, основанныя на этой идеѣ, нежизнеспособными.

Независимо отъ этого, „финкенштафты" скоро стали въ противорѣчіе съ общими высшими задачами самихъ университетовъ, и мы уже имѣемъ свѣдѣнія, что въ разныхъ университетахъ Германіи разрѣшенныя подобныя общества (Finkenschaften) были закрыты самими университетами въ 1900, 1901 и 1902 годахъ.

Вотъ мотивы, по коимъ мы рѣшительно возстаемъ противъ всякихъ попытокъ общестуденческихъ организацій, тѣмъ болѣе, что опытъ уже достаточно доказалъ, что подобныя попытки, въ

---

[1]) „Der deutsche Student, von Theobald Ziegler". 8-te Auflage, 1902 г., стр. 251, 252.

концѣ-концовъ, находятъ себѣ выраженіе только въ безпорядочныхъ сходкахъ и сходбищахъ, которыя поощряютъ и развиваютъ тенденцію одной части студенчества господствовать надъ другою, застращивать и тиранизировать, будто бы, во имя общаго блага,— въ дѣйствительности же почти всегда во имя собственныхъ партійныхъ интересовъ.

По глубокому нашему убѣжденію, студенчество должно и можетъ быть правильно организовано только путемъ разрѣшенія устроивать отдѣльные кружки и союзы, въ которые студентъ поступаетъ по свободному выбору и желанію, причемъ этимъ отдѣльнымъ и независимымъ другъ отъ друга ассоціаціямъ должна быть дана возможность сближаться между собою и вырабатывать форму совмѣстной жизни и дѣятельности.

Условіями существованія такихъ ассоціацій мы поставили бы слѣдующее.

Онѣ должны быть вполнѣ университетскія и должны быть подвѣдомственны университету, но не въ смыслѣ возложенія на университеты полицейскаго надзора за ассоціаціями, такъ какъ такая обязанность университетами выполнена быть не можетъ и не соотвѣтствуетъ ихъ задачамъ по общему характеру,—а въ томъ смыслѣ, что условія образованія ассоціаціи студентовъ должны быть установлены самимъ университетомъ, который, въ случаѣ нарушенія этихъ условій, имѣетъ право прекратить существованіе ассоціаціи. Такимъ образомъ, все—цѣль общества, его организація, порядокъ, контроль, отчетность и вообще всѣ условія его существованія—опредѣляются уставомъ или правилами, проектированными студентами, но утвержденными университетомъ, т.-е. его совѣтомъ, который затѣмъ имѣетъ право провѣрять и ревизовать дѣятельность и всѣ документы общества, черезъ особо назначенныхъ имъ для сего лицъ.

Желая самаго широкаго о свободнаго развитія студенческихъ ассоціацій и кружковъ и отдавая имъ рѣшительное преимущество передъ общею университетскою организаціею студенчества (въ составъ коей всякій студентъ обязательно входитъ помимо своего выбора и желанія, въ силу одного факта своего поступленія въ университетъ), сверхъ доводовъ, которые приведены нами выше, мы считаемъ долгомъ указать, что подобная общеуниверситетская— *обязательная для всѣхъ* — организація нежелательна, главнымъ образомъ, уже по одному тому, что она въ самомъ корнѣ нарушаетъ тотъ принципъ индивидуальной свободы и независимости, который долженъ составлять неотъемлемое право всѣхъ лицъ и учрежденій, входящихъ въ составъ университета; этимъ принци-

помъ должна быть проникнута сверху до низу академическая жизнь, такъ какъ свобода преподаванія и ученья являются лишь развитіемъ и послѣдствіемъ этого принципа. А такъ какъ обязательная общеуниверситетская организація студентовъ заключаетъ въ себѣ отрицаніе этого основного принципа, то она, уже по этому самому, принципіально недопустима, тѣмъ болѣе, что на практикѣ такая организація, отдавая всякую отдѣльную личность въ распоряженіе всей массы студентовъ (вѣдь всякая организація неизбѣжно предполагаетъ подчиненіе ей всѣхъ, кто въ нее входитъ), породитъ лишь гнетъ и часто невыносимую нравственную тиранію большинства данной минуты надъ меньшинствомъ и надъ каждымъ отдѣльнымъ студентомъ. Подобное явленіе замѣчается и нынѣ между сторонниками общихъ сходокъ, желающихъ подчинить себѣ всѣхъ прочихъ студентовъ и получить возможность сломить каждаго, кто съ ними не согласенъ.

Желательно даже, чтобы общества были возможно разнообразны, дабы они могли соотвѣтствовать и удовлетворять всѣ нужды студенчества. Соотвѣтственно тому и цѣли организаціи обществъ могутъ быть весьма различны и далеко не тождественны въ разныхъ университетахъ. Выработку нормальныхъ уставовъ студенческихъ обществъ или иныхъ шаблоновъ мы считали бы безусловно вредною; это лишило бы общества всякой жизненности и сразу убило бы ихъ.

Соблюденіе устава должно лежать на отвѣтственности тѣхъ органовъ управленія, которые будутъ установлены для даннаго общества.

Участіе профессоровъ въ обществахъ можетъ быть желательно, но мы не считаемъ его необходимымъ, за исключеніемъ обществъ, преслѣдующихъ чисто научныя цѣли,—въ этомъ случаѣ руководство профессоровъ является необходимымъ по самому существу общества.

Мы не опасаемся предоставить, такимъ образомъ, студенческія общества самимъ себѣ. Еслибы и встрѣтились ничтожныя нарушенія, то уже по одному тому и значенія они имѣть не могутъ; никакое же важное нарушеніе не останется необнаруженнымъ. Лучшею гарантіею служитъ то, что студенты поступаютъ въ общества по свободному желанію, зная цѣли организаціи общества, а такіе добровольные сторонники его порядковъ и устава менѣе кого-либо другого допустятъ или потерпятъ несоблюденія правилъ и порядковъ, на которые они согласились и которые они будутъ считать своими. Опыты, гдѣ бы то ни было и когда бы то ни было, обществъ, существующихъ на осно-

ваніи согласія своихъ членовъ, всегда это доказывали. Въ Германіи, и въ прежнее время у насъ въ Дерптѣ, такое явленіе всегда наблюдалось. Да и мы лично наблюдали то же самое и въ качествѣ студента, и въ качествѣ попечителя округа,—въ землячествахъ, въ томъ видѣ, какъ они существовали первоначально (не менѣе, однако, 20—25 лѣтъ послѣ ихъ возникновенія), до тѣхъ поръ, пока характеръ ихъ не измѣнился подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ условій и преслѣдованій,—о чемъ мы уже подробно говорили выше.

Мы убѣждены, что въ этомъ отношеніи свобода и довѣріе представляютъ гораздо бо̀льшую и болѣе вѣрную гарантію, чѣмъ опека или самое тщательное наблюденіе свыше, и *только* такія самостоятельныя общества, по нашему глубокому убѣжденію, могутъ принести дѣйствительную пользу, повліять на улучшеніе нравовъ студентовъ и не только пріучить, но и привязать ихъ къ порядку, отъ котораго будетъ зависѣть самое существованіе обществъ. Только при такихъ условіяхъ студенты будутъ дорожить своими обществами и кружками и чувствовать солидарность съ университетомъ. Такія общества одни могутъ служить средствомъ самовоспитанія студентовъ и достичь въ этомъ отношеніи воспитательныхъ цѣлей, которыхъ никогда не достигнетъ никакая инспекція, и не одна инспекція, а даже и обязательный надзоръ. Всѣ знакомые съ бытомъ университетовъ и съ естественными свойствами юношества признаютъ, мы увѣрены, что принципы, которые мы только-что высказали, соотвѣтствуютъ природѣ вещей; они—in natura rerum, а потому и представляютъ болѣе гарантій успѣха и порядка, чѣмъ всякія искусственныя ограниченія и мѣры внѣшняго надзора, какъ бы остроумно ни старались ихъ придумать и устроить.

Мы увѣрены, что еслибы у насъ не существовало такой погони за неосуществимымъ надзоромъ и опекой, то давно бы и у насъ выработалась кружковая организація студенчества, обезпечивающая уваженіе къ университету, а тѣмъ самымъ и истинный, а не только полицейско-внѣшній порядокъ.

Во всякомъ случаѣ, по пути опеки, стѣсненія и репрессіи идти некуда, мы давно миновали геркулесовы столбы, и продолжать этотъ злополучный путь, причинившій уже столько бѣдъ и несчастій учебнымъ заведеніямъ, множеству отдѣльныхъ лицъ, обществу и государству, совершенно невозможно; измѣнить политику и пойти по иной дорогѣ необходимо,—это сознаютъ всѣ, и друзья, и враги просвѣщенія,—и другого пути, кромѣ свободы и довѣрія, намъ кажется, нѣтъ; по крайней мѣрѣ, мы не встрѣчали

разумнаго указанія на иную дорогу во всемъ томъ, что теперь нѣсколько лѣтъ сряду говорилось, писалось и обсуждалось въ литературѣ, въ обществѣ и во всевозможныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, коммиссіяхъ и т. п.

Чтобы вступить на указываемый нами путь, нужна и нѣкоторая рѣшимость, даже смѣлость, но безъ того и другого ничего ни сдѣлать, ни достичь невозможно, а потому нужно вооружиться этими качествами и испытать средства, къ которымъ еще не прибѣгали, но которыя одни могутъ обѣщать успѣхъ. Притомъ, кромѣ рѣшимости и смѣлости, нужно вооружиться и терпѣніемъ, такъ какъ ни отъ какихъ мѣръ нельзя ожидать моментальныхъ результатовъ, и нельзя надѣяться исправить и укрѣпить въ короткое время то, что портилось въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій, по отношенію къ авторитету и самодѣятельности учебныхъ заведеній и по отношенію къ высшему внутреннему, можно сказать, идейному порядку въ нихъ, причемъ самое представленіе о *такомъ порядкѣ* извратилось и почти исчезло, столько же въ самихъ заведеніяхъ, сколько—да пожалуй и больше—въ административныхъ сферахъ.

Заканчивая разсмотрѣніе вопросовъ о реорганизаціи и управленіи университетами и объ организаціи студенчества, мы считаемъ не лишнимъ резюмировать въ краткихъ словахъ сказанное нами. Оно сводится къ слѣдующимъ пожеланіямъ.

Во-первыхъ, необходима переработка уставовъ высшихъ учебныхъ заведеній на основаніи принципа самоуправленія, т.-е. управленія учебными заведеніями черезъ нихъ самихъ, съ предоставленіемъ составу этихъ заведеній возможно большей самостоятельности.

Во-вторыхъ, рядомъ съ такою реорганизаціею самихъ высшихъ заведеній—и въ особенности университетовъ—мы желали бы, чтобы и учащемуся юношеству была дана возможность правильно и возможно свободно организоваться, избѣгая при этомъ давленія въ пользу какихъ-либо заранѣе опредѣленныхъ формъ этой организаціи. Этимъ путемъ мы надѣемся не вдругъ, но вѣрно, хотя и медленно, развить въ молодежи стремленіе къ самовоспитанію, посѣять въ ея средѣ зачатки самодѣятельности и всесторонняго самоусовершенствованія во всѣхъ направленіяхъ: умственномъ, нравственномъ и общественномъ.

Но, считая необходимымъ полную реорганизацію въ этихъ двухъ областяхъ, мы высказываемъ убѣжденіе, что никакія ре-

формы не достигнутъ цѣли, если не измѣнится политика по отношенію къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ, т.-е. пока не измѣнится взглядъ на нихъ и отношеніе къ нимъ—общества, правительства и всѣхъ властей. Причемъ, прежде всего, необходимо, чтобы установился правильный взглядъ на то, въ чемъ заключается суть порядка во всякомъ учебномъ заведеніи, на чемъ онъ долженъ быть основанъ и въ чемъ долженъ заключаться.

Прежде всего необходимо, чтобы всѣ, кто только приходитъ въ соприкосновеніе съ учебными заведеніями, прониклись мыслью, что въ учебномъ заведеніи недостаточно установить одинъ внѣшній порядокъ, и что поддерживать даже этотъ порядокъ путемъ однѣхъ полицейскихъ и репрессивныхъ мѣръ, или вообще при помощи внѣшней регламентаціи, совершенно невозможно, такъ какъ то, что составляетъ истинный порядокъ, вытекаетъ изъ авторитета и опирается на внутренній, преимущественно нравственный авторитетъ самого учебнаго заведенія, которое въ свою очередь можетъ пріобрѣсть эти качества—*только* если ему предоставлена широкая самодѣятельность и самостоятельность, безъ вмѣшательства съ чьей бы то ни было стороны въ его внутреннюю жизнь и распорядки.

Неправильныя воззрѣнія въ этомъ отношеніи и проистекающая изъ того ложная политика, относительно просвѣщенія вообще и учебныхъ заведеній въ частности, давно ложатся тяжелымъ гнетомъ и служатъ тормазомъ для развитія просвѣщенія нашего отечества. Это, кажется, теперь уже сознается всѣми; а потому пора покончить съ этимъ положеніемъ и хотя бы попытаться стать на иной, болѣе свободный и чистый путь, безъ чего разсчитывать на успѣхъ и упорядоченіе нашего высшаго образованія совершенно невозможно.

До сихъ поръ мы не касались одной особенно важной стороны жизни университетовъ, а именно ихъ учебнаго строя. Но прежде чѣмъ приступить къ разбору этого вопроса, мы считаемъ долгомъ оговориться, что сколько-нибудь основательное рѣшеніе этого труднѣйшаго и сложнѣйшаго вопроса доступно только совокупности университетскихъ коллегій, для отдѣльнаго же лица это—задача непосильная, и себя лично мы считаемъ некомпетентными и неподготовленными рѣшать эту задачу. А потому, не входя ни въ какія подробности, мы скажемъ только нѣсколько словъ о двухъ основныхъ принципахъ, которые должны, по нашему личному убѣжденію, служить краеугольнымъ камнемъ всей

учебной организаціи университетовъ и безъ которыхъ истинный прогрессъ науки и просвѣщенія немыслимъ. А именно, мы коснемся принциповъ свободы преподаванія и свободы ученья (Lehr- und Lehrnfreiheit).

Первый принципъ (свобода преподаванія) вытекаетъ изъ самаго существа и изъ самаго понятія объ университетѣ. Университетъ, какъ мы уже говорили выше, есть не только учебное заведеніе, но вмѣстѣ и разсадникъ науки, центръ научной жизни; онъ не только учитъ, *онъ обязанъ* разработывать и *двигать науку*; при томъ, эти двѣ функціи, безъ которыхъ университетъ перестаетъ быть университетомъ, сливаются въ одинъ нераздѣльный моментъ. Профессоръ обязанъ работать надъ наукой и въ то же время долженъ *учить*, причемъ обязанъ дѣлиться со своими слушателями своими знаніями безъ остатка. Эти двѣ обязанности нерасторжимы, и неисполненіе которой-либо изъ нихъ противно самому существу и понятію объ университетскомъ преподаваніи. Въ виду того для университетскаго преподаванія требуются всѣ тѣ же условія, которыя необходимы для разработки науки и для всякой научной работы.

Между тѣмъ, возможно ли научно работать, если работающій не свободенъ и не полный и не безусловно свободный хозяинъ своихъ дѣйствій? Отвѣтъ, очевидно, можетъ быть только одинъ: разумѣется, нѣтъ. Разработка науки требуетъ неограниченной свободы изысканія; эта свобода есть воздухъ, безъ котораго научная работа заглохнетъ и задохнется, а творчество, столь существенное для научнаго движенія, изсякнетъ. А разъ полная свобода необходима для всякаго научнаго труда, то она необходима и для университетскаго преподаванія, такъ какъ то и другое, какъ мы уже указывали выше, неразрывно связано одно съ другимъ до такой степени, что оба понятія *должны* сливаться въ одно тождественное представленіе.

Правда, при безусловной свободѣ и въ научной работѣ, и въ преподаваніи могутъ встрѣтиться—и, болѣе чѣмъ вѣроятно, встрѣтятся ошибки и заблужденія; но вѣдь наука есть исканіе истины,—а возможно ли найти истину, не впадая въ ошибки и не преодолѣвъ ихъ? Не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ [1]). Слѣдовательно, оградить не только университетскую науку, но и университетское преподаваніе отъ всякихъ ошибокъ и заблужденій совершенно невозможно,—нѣтъ ни кон-

[1]) Не можемъ не сослаться на мудрое изреченіе Гёте: „Suchen und Irren ist gut, denn durch Suchen und Irren lernt man und zwar nicht nur die Sache selbst, sondern den ganzen Umfang“.

троля, ни вообще мѣръ, которыя могли бы обезпечить противъ этого; а потому стремленіе достичь этой недостижимой цѣли представляется на дѣлѣ безполезною и часто вредною погонею за химерою, разслабляетъ внутреннюю дѣятельность университетовъ, *на дѣлѣ* никому, ни обществу, ни государству, пользы не приноситъ, вредъ же можетъ принести безконечный всѣмъ и всему, и, разумѣется, прежде всего наукѣ и просвѣщенію.

Германскіе университеты представляютъ собою блестящій примѣръ благотворнаго дѣйствія примѣненія къ нимъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ принципа свободы преподаванія. Нѣмцы считаютъ этотъ принципъ самою драгоцѣнною жемчужиною германской культуры и сознаютъ, что, главнымъ образомъ, благодаря этому принципу германскіе университеты и науки пріобрѣли то міровое значеніе, при помощи котораго они оказываютъ вліяніе на весь культурный міръ, безъ различія племенъ и народностей,—вліяніе, которому Германія обязана своимъ величіемъ.

Второй принципъ—свобода ученья (Lehrnfreiheit)—хотя не имѣетъ столь громаднаго значенія, какъ первый, но тѣмъ не менѣе чрезвычайно важенъ и представляетъ собою одно изъ главныхъ отличій университета отъ какой бы то ни было школы.

Отличіе учебнаго плана университета и его цѣлей отъ цѣлей и учебныхъ плановъ школы заключается въ томъ, что учебный планъ школы указываетъ тотъ матеріалъ, который *школа обязана*, такъ сказать, одолѣть и которому *обязана обучить* всѣхъ своихъ питомцевъ. Учебный же планъ университета объемлетъ учебный матеріалъ, который онъ предлагаетъ своимъ питомцамъ и которому они *могутъ научиться*. Школа только обучаетъ и въ ней по преимуществу *учатъ*, въ университетѣ же по преимуществу *учатся*. Студентъ—учится свободно, причемъ стимуломъ къ ученью служатъ требованія, предъявляемыя жизнью и обстоятельствами, въ то время какъ школа обучаетъ всѣхъ учениковъ обязательно и должна даже принуждать учиться всему, чему она учитъ.

Не будь этого различія, не было бы различія между школою и университетомъ, не было бы самого университета, а потому свобода вообще и въ особенности свобода выбора занятій и предметовъ ученья составляютъ характерную и типичную особенность университетскаго образованія [1]).

---

[1]) Можно сказать болѣе,—эта свобода практически необходима, ибо опытъ доказалъ невозможность осуществленія на дѣлѣ принципа обязательности и принудительности университетскихъ занятій; по этому вопросу въ Германіи имѣется обширная литература. Для примѣра сошлемся на работы Шмоллера: „Jahrbücher für Ge-

Что примѣненіе принципа свободы ученья на практикѣ не представляетъ опасности и не понижаетъ уровня образованія— лучше всего доказываютъ нѣмецкіе университеты, въ которыхъ этотъ принципъ свободы ученья дѣйствуетъ въ полной силѣ въ теченіе столѣтій, причемъ общее образованіе, даваемое германскими университетами, отнюдь не ниже, а скорѣе выше, чѣмъ гдѣ-либо въ мірѣ.

Мы вполнѣ сознаемъ, однако, что принципы свободы преподаванія и ученья, несмотря на очевидную ихъ необходимость и безспорную правильность, встрѣтятъ у насъ столько возраженій, затрудненій, что не скоро получатъ право гражданства; мы и не разсчитываемъ на это, но почитали бы за счастье для нашего просвѣщенія, а слѣдовательно и для нашего отечества, если бы они получили хотя бы признаніе въ теоріи, а затѣмъ мы бы всей душой радовались всякому шагу, хотя бы незначительному и робкому, который въ будущемъ будетъ сдѣланъ на пути къ ихъ осуществленію, если бы имѣли счастье дожить до этого.

Само собою разумѣется, что признаніе принципа свободы занятій студентовъ, или, какъ у насъ принято выражаться, свободы слушанія лекцій, должно существенно измѣнить весь учебный строй университетовъ. Прежде всего, упраздняется при этомъ принципъ обязательнаго, а *тѣмъ болѣе принудительнаго слушанія лекцій*, падаетъ само собою дѣленіе на курсы времени пребыванія студентовъ въ университетѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ должна измѣниться система экзаменовъ.

Въ странахъ, гдѣ существуетъ свобода ученья, обыкновенно въ университетахъ экзаменовъ вовсе нѣтъ, а существуютъ одни

---

setzgebung 1886 года"; труды Бернгейма 1898—1901 годовъ и многіе другіе. Никому не удалось, однако, изобрѣсти *дѣйствительные способы* осуществленій вышеуказаннаго принципа. Еще болѣе разительнымъ примѣромъ могутъ служить распоряженія, касающіяся австрійскихъ университетовъ. Передъ нами два большихъ тома этихъ распоряженій, большая половина которыхъ посвящена изысканію способовъ контроля за посѣщеніемъ лекцій и мѣрамъ, направленнымъ къ тому, чтобы сдѣлать это посѣщеніе для студентовъ обязательнымъ; всѣ эти распоряженія свидѣтельствуютъ, однако, о безуспѣшности всѣхъ принятыхъ мѣръ. У насъ, вмѣстѣ со введеніемъ въ дѣйствіе устава 1884 года, были сдѣланы попытки повѣрки посѣщенія студентами лекцій, въ видахъ принужденія къ этому посѣщенію, но эти мѣры, какъ всѣмъ извѣстно, не достигли цѣли, а между тѣмъ вызвали массу столкновеній и имѣли своимъ послѣдствіемъ одно лишь только развращеніе нижнихъ служителей инспекціи. Подобныя же попытки дѣлались и въ Баваріи, но были признаны безполезными и оставлены при реформѣ мюнхенскаго университета; наконецъ, та же участь постигла подобныя же попытки въ университетѣ въ Эрлангенѣ. Въ виду всего этого и мы считаемъ подобныя попытки достичь недостижимаго совершенно нецѣлесообразными и полагаемъ благоразумнымъ отъ нихъ вовсе отказаться.

лишь государственные или, вѣрнѣе, служебные экзамены, не пріуроченные непосредственно къ университетскому преподаванію, а соотвѣтствующіе требованіямъ государства въ видахъ предоставленія мѣста ищущимъ тѣхъ или другихъ должностей. *Пребываніе же* въ университетѣ въ теченіе опредѣленнаго срока является лишь *однимъ изъ условій допущенія* къ государственному экзамену.

У насъ въ послѣдніе годы вошло въ обычай называть государственнымъ экзаменомъ испытанія въ коммиссіяхъ, установленныхъ уставомъ 1884 г., при университетахъ. Но такое наименованіе совершенно ошибочно, ибо, во-первыхъ, эти испытанія установлены для одного только заведенія (университета, исключительно для студентовъ этого университета), и во-вторыхъ, испытанія пріурочены не къ требованіямъ службы, а непосредственно къ курсу, т.-е. къ лекціямъ даннаго университета. Причемъ никакое вѣдомство, въ которое студенты затѣмъ поступаютъ, не принимаетъ никакого участія ни въ испытаніяхъ, ни въ опредѣленіи условій экзаменовъ. Эти испытанія въ дѣйствительности суть тѣ же выпускные экзамены университета и мало чѣмъ отличаются отъ прежнихъ, чисто университетскихъ экзаменовъ послѣдняго курса. Такимъ образомъ, государственныхъ экзаменовъ у насъ собственно вовсе нѣтъ, и законъ этого термина даже не знаетъ, и самый уставъ не именуетъ такъ экзамены въ коммиссіяхъ, которымъ это наименованіе, совершенно не соотвѣтствующее существу дѣла, присвоено только по обычаю, вслѣдствіе непониманія того, что такое собственно представляетъ собою „государственный экзаменъ“.

Вѣроятно и у насъ когда-нибудь такіе экзамены будутъ установлены, но въ настоящее время ихъ еще нѣтъ (кромѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и отчасти министерства юстиціи: кандидатское испытаніе), и по нашему убѣжденію—государственнаго экзамена у насъ и быть не можетъ,—и вотъ почему.

Во-первыхъ, и это главное, мы такъ бѣдны научными силами, что, внѣ университетовъ, экзаменаціонныхъ коммиссій даже и образовать невозможно; во-вторыхъ, при обширности нашего отечества и маломъ числѣ пунктовъ, въ коихъ возможно было бы установить государственныя или служебныя экзаменаціонныя коммиссіи, введеніе служебныхъ испытаній явилось бы ничѣмъ не оправдываемой тяготою и затрудненіемъ для отдѣльныхъ лицъ и для правительства. Въ-третьихъ, введеніе служебныхъ экзаменовъ перевернуло бы вверхъ дномъ всѣ существующіе служебные порядки и обычаи, что не такъ легко осуществимо, и что

можно сдѣлать съ пользою только послѣ серьезнаго и всесторонняго соображенія и обсужденія.

Въ виду такихъ соображеній, мы полагаемъ, что экзамены по *необходимости* нужно оставить въ университетахъ, какъ единственныхъ учрежденіяхъ, способныхъ производить сколько-нибудь серьезныя и научныя испытанія [1]). Но организацію этихъ испытаній нужно кореннымъ образомъ измѣнить, сдѣлавъ первый шагъ къ сближенію ихъ съ тѣмъ, что въ будущемъ можетъ стать дѣйствительно государственнымъ служебнымъ экзаменомъ. Для этого, намъ думается, что испытанія въ университетахъ надлежитъ раздѣлить на двѣ категоріи, причемъ первую категорію должны составлять чисто научныя испытанія на низшую ученую степень кандидата (въ магистры), какъ на низшую ученую университетскую степень, которая являлась бы необходимымъ условіемъ для дальнѣйшаго экзамена на степень магистра или доктора (еслибы степень магистра была упразднена). Очевидно, что университетъ имѣетъ право и даже обязанъ руководить занятіями студентовъ на степень кандидата и можетъ издавать для ихъ руководства и облегченія ихъ занятій учебные планы, программы экзаменовъ и т. п., что, однако, далеко не тождественно съ нынѣшнимъ понятіемъ обязательнаго слушанія лекцій, непремѣнно по курсамъ, и связаннымъ съ оставленіемъ на курсѣ, въ случаѣ неуспѣха по какому-либо предмету. Званіе кандидата, полученное какъ ученая степень, не должно было бы давать какихъ-либо правъ, кромѣ права получить затѣмъ и высшую ученую степень—магистра.

Вторую категорію экзаменовъ должны были бы составить *испытанія по отдѣльнымъ предметамъ*. Каждый студентъ долженъ имѣть право и возможность явиться на экзаменъ по любому предмету и, по повѣркѣ своего знанія путемъ экзамена, получить удостовѣреніе, что онъ оказалъ въ такомъ-то предметѣ тѣ или другіе успѣхи. Эти экзамены могли бы производиться или въ извѣстные сроки нѣсколько разъ въ году, или въ извѣстные дни въ теченіе всего года [2]), по программамъ, утвержденнымъ университетомъ. Само собою разумѣется, что эти экзамены требуютъ особой организаціи, дабы они не нарушали учебнаго строя университетскаго преподаванія,

---

[1]) Хотя служебные экзамены должны преслѣдовать не однѣ научныя, но и практическія цѣли, но отнять у нихъ всякій научный характеръ—значило бы сразу понизить ихъ уровень и умалить ихъ значеніе.

[2]) Какъ то установлено, напр., для испытательныхъ комитетовъ при округахъ для испытанія на званіе учителей и учительницъ.

не обременяли профессоровъ и т. п. Для этого можно было бы требовать, чтобы желающій экзаменоваться заявлялъ о своемъ желаніи за нѣкоторое время до экзамена, и чтобы затѣмъ экзамены производились по группамъ, сообразно съ тѣмъ, сколько лицъ профессоръ или коммиссія въ состояніи были бы проэкзаменовать, причемъ студенты могли бы распредѣляться по группамъ, по очереди, по мѣрѣ подачи заявленій; затѣмъ, возможно установить правило, чтобы студенты, заявившіе о своемъ желаніи экзаменоваться, но не явившіеся на экзамены или не выдержавшіе ихъ, могли вновь просить о допущеніи къ экзамену только съ согласія экзаменаторовъ или съ тѣмъ условіемъ, чтобы они вносились въ болѣе отдаленную очередь, дабы не задерживать экзаменовъ студентовъ, уже занесенныхъ въ группы, и т. п. Повторяемъ, подобные экзамены требуютъ особой организаціи, которую слѣдуетъ тщательно обдумать и разработать, но намъ кажется, что устроить ихъ вполнѣ возможно.

Затѣмъ, удостовѣренія о выдержаніи испытанія по отдѣльнымъ предметамъ тоже не должны сами по себѣ давать какихъ-либо правъ, но слѣдуетъ установить порядокъ, въ силу коего каждое вѣдомство или учрежденіе обязано было бы установить и объявить, знаніе какихъ предметовъ оно считаетъ необходимымъ для пріема къ себѣ на службу. Тогда студенты, желающіе поступать въ то или другое вѣдомство и учрежденіе сообразно съ собственнымъ желаніемъ, могли бы озаботиться полученіемъ удостовѣреній о знаніи требуемыхъ предметовъ и могли бы по своему усмотрѣнію сдавать испытанія по группамъ предметовъ, требуемыхъ однимъ или нѣсколькими вѣдомствами и учрежденіями. Такой порядокъ былъ бы, намъ кажется, совмѣстимъ съ свободнымъ слушаніемъ лекцій и удовлетворялъ бы нуждамъ вѣдомствъ и учрежденій больше, чѣмъ quasi-государственный экзаменъ, для сколько-нибудь правильной организаціи котораго у насъ нѣтъ элементовъ и научныхъ силъ. Въ то же время экзаменъ остается въ университетѣ, который *въ настоящее время* является *у насъ единственнымъ* компетентнымъ учрежденіемъ, могущимъ произвести испытаніе, имѣющее сколько-нибудь научное или хотя бы просто образовательное значеніе.

Впрочемъ, свободному слушанію лекцій мы вполнѣ сочувствуемъ только тогда, если понимать его въ смыслѣ предоставленія всякому студенту возможности *дѣйствительно заниматься какою угодно наукою* по собственному выбору, влеченію и желанію, безъ всякаго принужденія. Но, къ сожалѣнію, въ большинствѣ случаевъ наше студенчество понимаетъ свободу слушанія

лекцій въ совершенно иномъ смыслѣ и видитъ осуществленіе этой свободы не въ свободѣ научныхъ занятій, *а въ свободномъ шатаньи по университетскимъ аудиторіямъ*, въ видѣ развлеченія и пріятнаго препровожденія времени, въ основѣ котораго часто лежитъ вовсе не вкусъ къ наукѣ и даже не простая любознательность, а напротивъ, отсутствіе того и другого и желаніе убить время, и въ то же время *„казаться ревнителемъ просвѣщенія“*. Источникъ такого явленія кроется въ томъ смѣшеніи понятія о свободѣ съ распущенностью, характерно выражающеюся въ словахъ: „здраву моему не препятствуй“, которое такъ часто встрѣчается въ нашемъ обществѣ.

Подобную свободу, или, вѣрнѣе, праздношатаніе по аудиторіямъ, благодаря чему онѣ наполняются сегодня одними, завтра другими, а послѣ-завтра третьими слушателями, изъ которыхъ никто ничего не пріобрѣтаетъ,—поощрять вовсе не желательно, особенно въ университетахъ, нуждающихся въ помѣщеніяхъ. Свобода ученья не исключаетъ необходимости въ порядкѣ, и эта аксіома должна быть прилагаема и къ свободному слушанію лекцій. А потому желательно установить порядокъ, при которомъ „случайное посѣщеніе лекцій“ не возводилось бы въ принципъ и при которомъ постоянные слушатели и работающіе студенты всегда имѣли бы преимущество предъ тѣми, кто случайно забредетъ въ аудиторію. То, что нѣмцы называютъ „госпитированіемъ“ [1]), должно и у насъ быть поставлено въ извѣстныя границы, хотя, быть можетъ, болѣе широкія, чѣмъ въ Германіи.

IX.

На всемъ вышеизложенномъ нами мы предполагали остановиться и на томъ покончить нашу небольшую работу, которая, само собою разумѣется, далеко не охватываетъ всѣхъ университетскихъ вопросовъ во всей ихъ полнотѣ; но пока мы были заняты настоящимъ нашимъ трудомъ, въ газетахъ появилась статья г. Демчинскаго—„Децентрализація высшихъ учебныхъ заведеній“. Статью эту мы не можемъ пройти молчаніемъ: въ ней ясно звучитъ знакомая намъ нотка, которую мы, къ сожалѣнію, уже не разъ слышали въ сферахъ, съ которыми нельзя будетъ не считаться при рѣшеніи учебныхъ вопросовъ, и которая проникла,—къ счастью пока, слава Богу, въ видѣ исключенія,—даже въ уни-

---

[1]) Hospitiren—гостить.

верситетскую среду. Вотъ потому мы находимъ нужнымъ вернуться къ части вопросовъ, уже затронутыхъ въ самомъ началѣ нашей работы, и вкратцѣ разобрать статью г. Демчинскаго.

Г-нъ Демчинскій подъ децентрализаціею учебныхъ заведеній разумѣетъ не одно разселеніе—въ болѣе мелкіе города—университетовъ и говоритъ объ избраніи такихъ городовъ для учрежденія университетовъ, о чемъ, впрочемъ, уже много говорилось и писалось. Онъ идетъ гораздо дальше и требуетъ помѣщенія учебныхъ заведеній, такъ сказать, на лонѣ природы, и сверхъ того требуетъ не болѣе и не менѣе, какъ полнаго упраздненія университетовъ вообще. При этомъ онъ прибѣгаетъ къ аргументаціи изумительной по своей смѣлости и по той развязности, съ которою онъ опрокидываетъ все, что до сихъ поръ считалось основой культуры и необходимымъ условіемъ ея развитія во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Оказывается, что при такомъ положеніи вещей (т.-е. при недостижимости универсальнаго образованія) соединеніе подъ одной кровлею юристовъ съ математиками или философовъ съ медиками есть соединеніе будто ненужное, *а съ точки зрѣнія* государственной жизни и *науки* просто-таки вредное...

Признаемся, что, несмотря на довольно близкое знакомство съ вопросами о постановкѣ образованія и довольно значительной начитанности по этому предмету, мы впервые встрѣчаемъ подобное разсужденіе.

Г-нъ Демчинскій утверждаетъ, что серьезныя научныя занятія какъ студентовъ, такъ и профессоровъ, возможны только тогда, когда они будутъ поставлены лицомъ къ лицу съ природою и будутъ вынуждены всею обстановкою своей жизни сосредоточиться главнымъ образомъ на ея созерцаніи. Это г. Демчинскій выставляетъ неоспоримою аксіомою и на этомъ строитъ всѣ свои соображенія. Между тѣмъ, это разсужденіе—совершенно ложное, а потому и всѣ дальнѣйшіе выводы г. Демчинскаго совершенно фальшивы. Онъ забываетъ то существенное обстоятельство, что людей, жизнь которыхъ протекаетъ всецѣло „на лонѣ природы", очень мало, и притомъ не случайно, а потому, что человѣкъ по самой природѣ своей чувствуетъ необходимость жить не только съ глазу на глазъ съ природою, но еще болѣе съ себѣ подобными, т.-е. съ людьми и въ ихъ обществѣ. Общеніе съ людьми и есть условіе, необходимое для ихъ развитія, не менѣе важное, чѣмъ созерцаніе природы. Едва ли рѣшится отрицать это и самъ г. Демчинскій, если онъ сколько-нибудь серьезнѣе вдумается въ поднятый имъ вопросъ. А потому мысль о разсѣя-

ніи высшихъ учебныхъ заведеній даже не въ мелкіе города и тому подобные некрупные центры, а въ совершенное уединеніе, въ лѣсныя дебри или болота на берегахъ Ильменя, Пейпуса или рѣки Волхова, представляется намъ—просимъ простить рѣзкость выраженія—совершенною нелѣпостью. Подобная мѣра,—которую, впрочемъ, надѣемся никому и въ голову не придетъ осуществлять,—приведетъ не къ поднятію, а къ одичанію и совершенному умственному банкротству прежде всего учебныхъ заведеній, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всего нашего отечества.

Менѣе несообразнымъ и на первый взглядъ какъ бы разумнымъ представляется сродное, но не тождественное съ желаніями г. Демчинскаго предположеніе объ избраніи для высшихъ учебныхъ заведеній болѣе мелкихъ городовъ и въ особенности не столицъ. Сторонники этого мнѣнія обыкновенно ссылаются на примѣръ германскихъ университетовъ въ небольшихъ городахъ. Но въ этомъ примѣрѣ кроется большое недоразумѣніе, а затѣмъ и самое мнѣніе не выдерживаетъ серьезной критики.

Что касается до германскихъ университетовъ въ небольшихъ городахъ, то учрежденіе ихъ тамъ, а не въ другихъ центрахъ, произошло вовсе не потому, чтобы въ Германіи считали мелкіе города болѣе соотвѣтствующими интересамъ университетовъ. Они размѣстились въ Германіи безъ чьего-либо плана или общаго предначертанія, а, такъ сказать, сами собою, въ силу положенія, въ которомъ въ теченіе столѣтій находилась Германія. Никто не думалъ тамъ разселять университеты по мелкимъ городамъ, а помѣстились они такъ вслѣдствіе того, что сама Германія распадалась тогда на множество небольшихъ государствъ, причемъ каждое такое государство желало и считало долгомъ и вопросомъ своего достоинства имѣть *свой* университетъ. Но затѣмъ правители этихъ небольшихъ государствъ вовсе не старались избирать для учрежденія университетовъ самыя глухія или незначительныя мѣстности. Напротивъ, университеты обыкновенно учреждались въ мѣстахъ, имѣвшихъ въ этихъ малыхъ государствахъ какое-либо серьезное значеніе или гдѣ уже имѣлись зачатки интеллектуальнаго центра... Пока понятіе о церкви и просвѣщеніи представлялось почти тождественнымъ, университеты учреждались въ центрахъ, имѣвшихъ церковное значеніе. Позднѣе избирались центры административные или города, въ которыхъ проживали уже извѣстные ученые и т. п. Никогда вопросъ объ организаціи университетовъ не имѣлъ въ видахъ помѣстить ихъ подальше отъ какихъ-либо центровъ и подальше отъ людей...

Такимъ образомъ, наличность въ Германіи множества универ-

ситетовъ и притомъ въ небольшихъ городахъ вовсе не имѣла своею основою идею, которую нынѣ принято называть разселеніемъ университетовъ въ мелкіе центры или децентрализаціею высшихъ учебныхъ заведеній.

Затѣмъ, процвѣтаніе германскихъ университетовъ вовсе не зависѣло отъ того, что они помѣщались въ небольшихъ городахъ. Въ настоящее же время подобное утвержденіе прямо противорѣчитъ дѣйствительности, ибо всѣмъ извѣстно, что теперь даже самые выдающіеся изъ мелкихъ нѣмецкихъ университетовъ, въ свое время прославившихся тѣмъ, что въ нихъ развились и изъ нихъ вышли новыя научныя направленія и новыя научныя школы, давно уже начали уступать первенство университетамъ въ крупныхъ центрахъ, какъ Берлинъ, Лейпцигъ и Вѣна. Эти крупные университеты, а вовсе не мелкіе, главенствуютъ теперь въ германскомъ просвѣщеніи, и съ ними мелкіе университеты конкуррировать уже не въ состояніи, причемъ процвѣтанію этихъ крупныхъ университетовъ не мѣшаетъ ни то, что они помѣщаются въ самыхъ значительныхъ и людныхъ городахъ, ни то, что число студентовъ превышаетъ въ нихъ даже многолюдство нашихъ университетовъ, колеблясь между 4 и 6 тысячами. Это обстоятельство само по себѣ краснорѣчиво опровергаетъ тѣ указанія, которыя дѣлаются обыкновенно у насъ на то, что неудовлетворительность нашихъ университетовъ зависитъ, будто бы, отъ того, что они помѣщаются въ большихъ городахъ и слишкомъ переполнены студентами. Все вышеизложенное доказываетъ противное, т.-е. то, что процвѣтать и первенствовать въ научномъ отношеніи могутъ и очень крупные университеты, и притомъ въ многолюдныхъ городахъ, если только сами университеты поставлены въ благопріятныя и правильныя условія... Мы уже старались указать на нѣкоторыя условія, особо неблагопріятно дѣйствующія у насъ на высшее образованіе, причемъ мы придавали особое значеніе отсутствію въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ должной свободы, самостоятельности и самоуправленія, свободы науки и ученья, а равно свободы общенія между собою тѣхъ, кто входитъ въ составъ университета. Наконецъ, мы указывали на неправильное отношеніе къ университетамъ общества и властей. Вообще, свобода составляетъ атмосферу, безъ которой немыслимо процвѣтаніе университетовъ и просвѣщенія вообще,—у насъ же самое слово: „свобода“ во многихъ порождаетъ чуть ли не паническій страхъ. Вотъ тѣ условія, которыя тормазятъ главнымъ образомъ развитіе нашего просвѣщенія, и которыя способствуютъ той безпорядочности и неустройству,

отъ которыхъ, особенно въ послѣдніе годы, чуть не гибнутъ наши университеты и другія высшія учебныя заведенія.

Къ искорененію этихъ основныхъ недуговъ нашего просвѣщенія должны быть направлены всѣ усилія его друзей, а равно правительства, и тогда учебныя заведенія будутъ процвѣтать всюду, и въ крупныхъ, и въ мелкихъ центрахъ, въ которыхъ, при обширности нашего отечества, разумѣется, тоже желательно увеличеніе числа высшихъ учебныхъ заведеній, хотя бы на счетъ столицъ и другихъ крупнѣйшихъ городовъ.

Въ одномъ мы почти, *но только почти*, согласны съ г. Демчинскимъ,—это въ томъ, что для спасенія нашего просвѣщенія нельзя возлагать единственную надежду на изданіе новыхъ законовъ и уставовъ. Всѣмъ, что изложено нами выше, мы старались доказать именно то, что не въ однихъ уставахъ—дѣло, и что одновременно съ уставами нужно перемѣнить и многое другое. Но, соглашаясь съ тѣмъ, что не одними писанными законами живутъ люди, и что жизнь часто пролагаетъ себѣ пути и безъ нихъ или помимо ихъ,—мы никакъ не можемъ понять тѣхъ крайнихъ сужденій по этому предмету г. Демчинскаго, развитіе которыхъ, разсуждая послѣдовательно, привело бы къ заключенію, будто законы вообще ничего не значатъ, для жизни людей не важны, и что потому ихъ пожалуй вовсе и издавать не слѣдовало бы.

Мы — думается намъ, вмѣстѣ съ большинствомъ здравомыслящихъ людей—полагаемъ, что хотя въ законахъ не все заключается, но все-же очень многое, и законы хотя не исчерпываютъ всей жизни людей, но тѣмъ не менѣе въ значительной мѣрѣ *оказываютъ вліяніе на нихъ*, причемъ различіе между хорошими и дурными законами заключается главнымъ образомъ въ томъ, что *хорошіе* законы хотя не создаютъ сами по себѣ жизни людей и народовъ, но могущественнымъ образомъ *способствуютъ ихъ развитію*, а дурные законы тормазятъ и препятствуютъ нормальному развитію людей и часто непоправимо вредятъ имъ и государству. Съ этой точки зрѣнія и *замѣна неудачныхъ уставовъ* учебныхъ заведеній *лучшими* вовсе не безразлична и можетъ оказать серьезное вліяніе на жизнь.

Особенно непонятно, какъ г. Демчинскій миритъ такое отрицаніе всякаго значенія закона съ своимъ желаніемъ достичь необходимаго, по его словамъ, развитія въ юношествѣ чувства законности и уваженія къ закону вообще.

Мы, при всемъ нашемъ уваженіи и любви къ природѣ, не только предполагаемъ, но увѣрены, что водвореніе учебныхъ заведеній „на лонѣ природы“, какъ то рекомендуетъ г. Демчинскій,

поведетъ въ концѣ концовъ къ ихъ гибели, а на первыхъ же порахъ оно имѣло бы своимъ послѣдствіемъ огрубѣніе и дикость нравовъ, еще большую, чѣмъ ту, которую мы, къ несчастью, видимъ въ настоящее время въ средѣ нашей учащейся молодежи.

Впрочемъ, подобное бѣдствіе даже г. Демчинскій не можетъ накликать на наше просвѣщеніе, и его пророчества въ этомъ отношеніи окажутся еще менѣе удачными, чѣмъ его метеорологическія наблюденія и предсказанія.

Разселеніе нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній хотя бы въ города, но меньшіе, чѣмъ теперь, представляется намъ не только труднымъ, но едва ли возможнымъ и желательнымъ. Первое затрудненіе, которое и правительство устранить не можетъ, это—крайняя некультурность нашей провинціи, въ которой нѣтъ той умственной жизни и тѣхъ общественныхъ условій, которыя способствуютъ научному развитію и которыя необходимы учебному заведенію, какъ человѣку—воздухъ для дыханія. Попытки помѣстить учебныя заведенія внѣ городовъ или въ малыхъ городахъ дѣлались вѣдь у насъ не разъ—и всегда неудачно. Долго ли просуществовалъ Александровскій лицей въ Царскомъ-Селѣ? Почему онъ былъ перемѣщенъ въ Петербургъ? Неужели случайно или по прихоти? Думаемъ, что—нѣтъ, а потому, что даже Царское-Село оказалось слишкомъ глухимъ мѣстомъ для лицея, и что дальнѣйшее его существованіе тамъ оказалось невозможнымъ. Учрежденіе Демидовскаго лицея въ Ярославлѣ, лицея князя Безбородко въ Нѣжинѣ—были тоже неудачны. Устройство этихъ заведеній въ малыхъ городахъ имѣло послѣдствіемъ пониженіе общаго уровня преподавателей по сравненію съ профессорами въ большихъ городахъ. Независимо отъ этого, въ этихъ заведеніяхъ очень скоро стала замѣчаться особая грубость нравовъ среди учащихся, и дисциплинарный и нравственный уровень оказался гораздо ниже, чѣмъ въ университетахъ.

Разумѣется, если числу нашихъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній суждено увеличиться,—чему мы первые бы радовались,—то желательно, чтобы предпочтеніе было даваемо не однимъ столицамъ и нынѣшнимъ университетскимъ городамъ, а чтобы были избираемы и другія мѣста, но въ то же время были приняты во вниманіе культурныя и иныя условія жизни мѣстъ. Что же касается до существующихъ уже высшихъ учебныхъ заведеній, то мы думаемъ, что въ интересахъ просвѣщенія лучше оставить ихъ тамъ, гдѣ они есть, и гдѣ они такъ или иначе уже пустили корни. Учебное заведеніе, подобно

растенію, нельзя пересаживать, куда и когда угодно, по прихоти или желанію,—и легко можно такимъ образомъ погубить его.

Мы не можемъ обойти молчаніемъ еще одного пожеланія г. Демчинскаго, такъ какъ это пожеланіе повторяется часто не имъ однимъ, а именно—указаніе на желательность сокращенія числа учащихся.

X.

Мы не отрицаемъ, что на научной успѣшности нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній часто вредно отзывается то обстоятельство, что бо́льшая часть учащихся принадлежитъ къ числу людей не только недостаточныхъ, но можно даже сказать прямо—бѣдствующихъ. Это—явленіе прискорбное и ненормальное, но исправить его нельзя путемъ открытія доступа къ высшему образованію однимъ людямъ съ хорошимъ достаткомъ. Такая мѣра настолько противорѣчила бы современному теченію общественнаго сознанія и совѣсти, что уже по этому одному она неосуществима, или ее окажется невозможнымъ осуществить: на другой же день послѣ такого осуществленія жизнь пробьетъ себѣ путь, минуя законъ, и легко найдутся способы къ его обходу. Съ такимъ положеніемъ нельзя не считаться. Къ тому же такая мѣра могла бы оказаться очень рискованною, и государство могло бы очутиться вовсе безъ людей съ высшимъ образованіемъ, безъ которыхъ оно, однако, обойтись не можетъ. Нельзя забывать, что громадное число неимущихъ учащихся зависитъ не отъ учебныхъ заведеній и ихъ организаціи, а представляется печальнымъ результатомъ общаго экономическаго положенія страны. Дѣло въ томъ, что въ настоящее время въ Россіи нѣтъ ни одного класса населенія, который бы насчитывалъ въ своей средѣ сколько-нибудь значительное число людей съ достаткомъ, могущимъ обезпечить образованіе своихъ дѣтей [1]).

Помочь такому положенію никакія мѣры, касающіяся учебныхъ заведеній, не могутъ. Это прискорбное явленіе можетъ само собою исчезнуть, если когда-нибудь экономическому состоянію нашего отечества суждено подняться до уровня другихъ куль-

---

[1]) Дворянство не составляетъ исключенія, и намъ лично, по должности попечителя и по должности предсѣдателя „Общества для вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ“, которую мы занимали много лѣтъ, извѣстны частые случаи, когда приходилось оказывать пособіе студентамъ изъ дворянъ (иногда даже титулованнымъ), находившимся въ безвыходно-бѣдственномъ положеніи.

турныхъ странъ. Пока же съ этимъ явленіемъ приходится считаться, какъ съ чѣмъ-то неизбѣжнымъ.

Жизнь развиваетъ спросъ на образованіе, и никакія искусственныя мѣры, направленныя къ сокращенію числа учащихся, не въ состояніи удержать развитія этой потребности. Какія бы преграды ни ставились на его пути, потокъ жизни сломитъ ихъ и снесетъ ихъ до конца, но пожалуй снесетъ при этомъ гораздо больше, чѣмъ въ настоящую минуту возможно предвидѣть, а потому мы признаемъ всякія мѣры, направленныя къ уменьшенію числа учащихся, во-первыхъ, не могущими достичь цѣли, а во-вторыхъ, безусловно вредными—и притомъ прежде всего для государства.

Эти мѣры тѣмъ болѣе безцѣльны, что многолюдство нашихъ заведеній является далеко не главной причиной неурядицы, господствующей въ средѣ нашей учащейся молодежи. Доказательствомъ тому служитъ, во-первыхъ, то, что въ малолюдныхъ нашихъ заведеніяхъ порядокъ не лучше, чѣмъ въ многолюдныхъ, на что мы уже указали выше, и, во-вторыхъ, примѣръ заграничныхъ заведеній, даже болѣе многолюдныхъ, чѣмъ наши, подтверждаетъ то же самое.

Мы думаемъ, что разумное преобразованіе нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній и болѣе разумное отношеніе къ нимъ окажутъ могущественное содѣйствіе къ упорядоченію нашего высшаго образованія и *постепенно* приведутъ самую молодежь къ болѣе правильному пониманію и уразумѣнію собственнаго своего положенія и значенія въ обществѣ и отношеній своихъ къ государству. Положеніе же это опредѣляется тѣмъ, что студентъ пока только еще гражданинъ академіи (akademischer Bürger) и только готовится стать въ будущемъ гражданиномъ государства (Staats-Bürger). Для этого онъ учится, къ этой цѣли должны быть направлены всѣ его помыслы. Безцѣльно было бы поэтому требовать, чтобы студенты не интересовались и не волновались всяческими вопросами, которые волнуютъ общество и которыми поглощены ихъ отцы, братья и вообще всѣ взрослые люди, стоящіе, такъ сказать, уже у дѣлъ. Молодые люди, которые оставались бы ко всему этому совершенно равнодушны, были бы не молодые люди, а преждевременные старцы, которые никогда и въ будущемъ никому и ничему не принесутъ пользы, и менѣе всего государству. Равнодушіе неумѣстно еще и потому, что многіе предметы, которые они обязаны изучать, близко соприкасаются со сферою политическихъ и соціальныхъ научныхъ вопросовъ. Со-

шлемся на прекрасныя слова профессора Циглера въ его книгѣ: „Der deutsche Student", на которую мы уже ссылались [1]):

„Прошу васъ не думать, что въ послѣдней бесѣдѣ, высказывая мысль о нежелательности, чтобы въ основу студенческихъ ассоціацій легли чисто спеціальные интересы или окончательно принятыя политическія мнѣнія, я имѣлъ въ виду исключить изъ кругозора студентовъ всѣ важные принципы, всякое участіе и отношеніе студенчества къ серьезнымъ вопросамъ времени и жизни. Конечно—нѣтъ. И прежде всего я долженъ коснуться вопроса о политикѣ.

„При этомъ словѣ тотчасъ же приходитъ на память студенческій союзъ (Burschenschaft), его лучшая пора, и вообще вспоминается, что въ средѣ академической молодежи эпохи 1815—1870 гг., ранѣе, чѣмъ гдѣ-либо, и живо поддерживалась и культивировалась идея германскаго единства, германской имперіи и императора, пока, благодаря Бисмарку, эта идея не перешла изъ области мечты въ дѣйствительность. Но, конечно, исторія студенческаго союза въ то же время указываетъ на необходимость сдержанности и осторожности. Поскольку рѣшительному осужденію подлежали правительства за то, что они принимали съ недовѣріемъ благородныя и идеальныя стремленія молодежи и отвѣчали на нихъ репрессіями,—постольку нельзя не признать и того, что поступки, въ родѣ убійства Зандомъ Коцебу и франкфуртской вспышки 1833 г., съ извѣстной необходимостью вытекали изъ прямого вмѣшательства студенчества въ политику и имѣли своими прискорбными, но необходимыми послѣдствіями несчастныя контръ-революціонныя „карлсбадскія постановленія" и преслѣдованія демагоговъ въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ. Сначала студенческій союзъ имѣлъ только въ виду *развить и подготовить* идею единства Германіи; въ рукахъ же партіи непримиримыхъ (der Unbedingten) это желаніе обратилось въ стремленіе осуществить это единство собственными средствами, что̀ и *должно было повести къ неудачѣ*, ибо молодежь страстна, нетерпѣлива, слишкомъ прямолинейно послѣдовательна, легко становится фанатичной и потому не считается съ историческими данными, съ тѣмъ, что̀ возможно или невозможно. А это именно тѣ свойства,—великій реалистъ Бисмаркъ научилъ насъ этому,—которыя менѣе всего пригодны въ политикѣ; поэтому правъ былъ Трейчке, утверждая, что лучше всего заниматься политикой и управлять міромъ могутъ люди въ возрастѣ между пятьюдесятью и шестью-

[1]) „Der deutsche Student", 9-te Vorlesung, стр. 117.

десятью годами; на этомъ основаніи студентъ не долженъ стремиться принимать въ политикѣ активное участіе.

„И то, что было невозможно и безрезультатно въ эпоху „бури и натиска“ (Sturm und Drang), когда дѣло шло объ основаніи и созданіи единаго нѣмецкаго государства, еще менѣе возможно и приложимо теперь, когда наша политика направлена на сохраненіе и расширеніе уже пріобрѣтеннаго: активное участіе студентовъ въ политической жизни не желательно. Значитъ ли это, однако, что студентовъ вообще слѣдуетъ устранить отъ политики и держать въ сторонѣ отъ нея? Совсѣмъ нѣтъ. Студентъ, конечно, имѣетъ въ этомъ отношеніи полную свободу и право, онъ можетъ держаться совсѣмъ въ сторонѣ отъ политическихъ вопросовъ и ничуть не заботиться о нихъ. Но я не соглашусь, чтобы такое отношеніе было правильно, такъ какъ для такого утвержденія я самъ съ ранней молодости былъ слишкомъ— ζῷον πολιτικόν.

„Студентъ—сынъ своего народа и съ гордостью, вполнѣ естественной въ юномъ возрастѣ, сознаетъ себя такимъ; непосредственно со школьной скамьи онъ становится маленькимъ колесомъ въ большомъ государственномъ механизмѣ. Къ этому-то ему и слѣдуетъ подготовлять себя, т.-е. вырабатывать опредѣленное политическое убѣжденіе.

„Что такое соціальный вопросъ и какое многообразіе охватываетъ это, повидимому, простое слово, разъяснить вамъ подробно я вообще не могу, да и въ данномъ случаѣ меня это не касается. Для меня соціальный вопросъ по существу является въ то же самое время и нравственнымъ, и, какъ такой, подлежитъ особенно разсмотрѣнію именно въ настоящемъ случаѣ. Это—вопросъ нашего времени: и отъ студента можно требовать только, чтобы онъ „nihil humani a se alienum putet“;—„ничто человѣческое не считалъ для себя чуждымъ“, и какъ всѣ мы интересуемся соціальнымъ вопросомъ, такъ и онъ интересуется имъ и *старается оріентироваться* въ тѣхъ роковыхъ противорѣчіяхъ, какія обнажаетъ соціальный вопросъ. *Но только оріентироваться,*—ибо занять окончательно позицію и *начать дѣйствовать было бы, какъ и въ политикѣ, такъ и здѣсь, для студента слишкомъ преждевременнымъ*: въ студентѣ все должно быть только въ движеніи, т.-е. въ фазисѣ развитія, и поддерживаться въ одномъ движеніи; а потому ему вовсе не надлежитъ еще стремиться примкнуть къ какой-нибудь партіи и стать партійнымъ человѣкомъ“.

Умѣнье терпѣливо готовиться къ будущей работѣ на поприщѣ

общественномъ или государственномъ и пониманіе, что юношѣ нужна такая подготовка для того, чтобы при вступленіи въ жизнь воспользоваться всѣмъ, что пріобрѣтено путемъ этой подготовки— вотъ что доказываетъ дѣйствительную зрѣлость молодого человѣка и чѣмъ отличается германскій студентъ отъ нашего, русскаго, который чуть ли не съ перваго курса, когда онъ ничего еще не пріобрѣлъ, готовъ по всякому поводу затратить зря и безъ пользы всѣ свои силы и энергію на дѣло, котораго онъ еще хорошенько не понялъ, и воображать себѣ, что съ минуты, когда онъ впервые переступилъ порогъ университета, онъ уже, безъ дальнѣйшей подготовки, труда и работы, готовъ и призванъ руководить обществомъ и чуть ли не управлять государствомъ. Этимъ легкомысліемъ, поспѣшностью и отсутствіемъ выдержки въ подготовкѣ объясняется главнымъ образомъ та неустойчивость, которою отличается наша учащаяся молодежь, и легкость, съ которою она нарушаетъ строй того заведенія, къ которому принадлежитъ и которое даетъ ей столько благъ и преимуществъ, какъ нравственныхъ, такъ и житейскихъ.

Это явленіе—крайне печальное, надъ которымъ полезно было бы призадуматься самой молодежи; не желая того, она ставитъ на карту судьбу нашего высшаго образованія.

Намъ не разъ доводилось слышать отъ учащихся молодыхъ людей, въ видѣ оправданія своего легкомысленнаго и самонадѣяннаго образа дѣйствій, ссылку на то, что молодежь всюду—одна и та же, и что она и въ иностранныхъ университетахъ всегда принимала активное участіе во всѣхъ политическихъ событіяхъ и волненіяхъ. Причемъ нѣкоторые, даже не-студенты, утверждали, будто всѣ перевороты 1848 года (особенно въ Германіи) совершены премущественно студентами. Между тѣмъ это совершенно невѣрно.

Дѣйствительно, университеты, особенно въ Германіи, играли въ теченіе всего XIX-го столѣтія выдающуюся роль во всѣхъ соціальныхъ и политическихъ движеніяхъ, но вовсе не тѣмъ, что студенчество вообще или отдѣльныя лица изъ его среды примыкали къ нимъ. Эта роль университетовъ въ политической жизни Германіи всегда была минимальная. Значеніе же ихъ въ дѣйствительности было совершенно иное и болѣе глубокое.

Дѣло въ томъ, что XIX-е столѣтіе является эпохою возникновенія цѣлаго ряда новыхъ силъ и новыхъ организацій, могущественнѣйшимъ образомъ вліявшихъ и вліяющихъ на судьбы народовъ и государствъ. Оно является, съ одной стороны, эпохою развитія и организаціи военныхъ и другихъ государственныхъ

силъ въ такихъ размѣрахъ, о которыхъ въ прежнія времена и помышлять не дерзали. Но рядомъ съ этимъ возникли организаціи народныхъ массъ во имя соціальныхъ и экономическихъ интересовъ, которыя въ прежнее время были немыслимы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, народилась и развилась третья сила, къ которой даже двѣ вышеуказанныя силы стали какъ бы въ служебное положеніе, а именно, сила и вліяніе на общество и государство идей. Эта сила идей обнаружилась еще въ концѣ XVIII-го столѣтія, причемъ едва ли кто-либо станетъ отрицать, что въ этой силѣ заключалось главное значеніе большой французской революціи, и благодаря именно этому значенію, пріобрѣтенному силою идей, объясняется то, что въ теченіе всего XIX вѣка весь культурный міръ жилъ, да и теперь до извѣстной степени живетъ, идеями конца XVIII-го вѣка, хотя самая эта эпоха давно миновала и непосредственно вызванные ею перевороты давно пережиты, и не ими живетъ теперь міръ, а именно идеями, которыя эти перевороты знаменовали. Въ Германіи это значеніе развитія идей и разработки ихъ было едва ли не сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Вся жизнь Германіи болѣе ста лѣтъ проникнута и подчинена развившимся въ эту эпоху идеямъ.

Самое объединеніе Германіи и возникновеніе могущественнѣйшей имперіи является продуктомъ идейной работы германскаго народа. И вотъ въ этомъ отношеніи, т.-е. въ идейномъ, германскіе университеты дѣйствительно первенствуютъ. Въ нихъ возникли, развились и созрѣли идеи (не исключая и идеи о національномъ единствѣ и о единомъ германскомъ государствѣ), которыя воодушевили Германію и создали ея силу и могущество. Заслуга германскихъ университетовъ заключается именно въ томъ, что они явились вполнѣ выразителями народныхъ стремленій и идеаловъ и развили и укрѣпили эти идеалы. Но эта работа совершена, разумѣется, не учащимся юношествомъ; правда, оно всегда было чутко ко всѣмъ этимъ движеніямъ мысли и, примыкая къ нимъ, увеличивало массу ихъ адептовъ и являлось могущественнымъ проводникомъ ихъ далеко за предѣлами университета. Но никогда германская учащаяся молодежь не присвоивала себѣ первенствующей и активной роли въ этой общегерманской работѣ; она всегда сознавала, что пока она на школьной (хотя бы и университетской) скамьѣ,—для активнаго дѣла и для руководящей роли въ обществѣ и государствѣ, еще не наступила ея минута, и что ей нужно умственно работать, т.-е. учиться и пользоваться тѣмъ, что ей даетъ университетъ, дабы быть готовою во всеоружіи знанія и опыта (хотя бы теоре-

тическаго), когда очередь дойдетъ до нея. Въ этомъ смыслѣ германскіе студенты совершенно согласны съ тѣмъ, что̀ высказываютъ, какъ мы указывали выше, профессоры Паульсенъ и Циглеръ въ своихъ прекрасныхъ книгахъ, и студенчество всегда держалось и держится въ сторонѣ отъ того, что̀ у насъ называютъ (не всегда вѣрно) политикою, и считало, что его долгъ—работать и готовиться, путемъ науки и образованія, къ активной дѣятельности въ обществѣ и государствѣ, а не хвататься, еще въ стѣнахъ университета, за дѣло, къ которому оно еще не готово и для котораго оно еще не созрѣло.

О такомъ настроеніи германской учащейся молодежи (за рѣдкими исключеніями, обыкновенно осуждаемыми самою молодежью) свидѣтельствуютъ всѣ, кто изучалъ германскіе университеты, и въ этомъ заключается доблесть германскаго юношества и тѣхъ, кто уже вышелъ изъ ея среды и стоитъ у кормила общественныхъ народныхъ и государственныхъ дѣлъ.

Мы надѣемся, что наступитъ время, когда разсудительность возьметъ верхъ надъ этимъ легкомысліемъ, и когда кончатся тѣ безобразныя явленія въ видѣ забастовокъ, обструкцій и безцѣльныхъ уличныхъ выходовъ толпы, которыя теперь такъ часто компрометтируютъ нашу учащуюся молодежь и подрываютъ существованіе высшихъ учебныхъ заведеній въ самой ихъ основѣ.

Многое, какъ мы старались убѣдить, объясняется ненормальной организаціей нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній, но тѣмъ не менѣе за многое отвѣтственна и сама учащаяся молодежь. Долгъ нашъ, болѣе зрѣлыхъ и опытныхъ людей, показать, что мы понимаемъ суть явленій, и, призывая юношество къ порядку и въ особенности къ уваженію къ учебнымъ заведеніямъ, которымъ оно обязано столькими высшими благами, даваемыми образованіемъ,—въ свою очередь сознать и свои грѣхи; но мы должны указать и тѣ погрѣшности и недостатки, которые зависятъ уже не отъ учащихся, а отъ правящихъ учрежденій и классовъ, и взывать къ искорененію этихъ, пожалуй худшихъ непорядковъ столь же искренно и громко, какъ мы взываемъ къ учащемуся юношеству, доказывая ему, что внутренняя дисциплина и порядокъ въ заведеніи отвѣчаютъ прежде всего его собственнымъ потребностямъ и нуждамъ, а потому необходимы для ученья; безъ этого, терминъ: „учащаяся молодежь“—теряетъ смыслъ и право на существованіе.

Университетъ—для науки, т.-е. для подготовки путемъ ея къ дѣятельности въ обществѣ и государствѣ, — остальное же, при трудѣ, выдержкѣ и терпѣніи—само собой приложится.—Вотъ возгласъ, съ которымъ мы должны обращаться къ учащимся, говоря

имъ:—друзья наши! помните, что безъ порядка немыслима ваша собственная подготовка, а потому убѣждаемъ васъ не вредить себѣ и учрежденіямъ, къ которымъ вы принадлежите, и не губить наше просвѣщеніе!—Но мы также обращаемся и къ власть имѣющимъ и просимъ:—болѣе свободы, болѣе свѣта, болѣе вѣры въ силу, пользу и необходимость самодѣятельности и самостоятельности! Это необходимо для общаго нашего блага; это нужно во имя нашихъ собственныхъ интересовъ, дабы дать самой власти ту нравственную точку опоры, безъ которой никакая сила, какъ бы велика она ни была, не обезпечиваетъ еще сама по себѣ успѣха нашей дѣятельности...

На этомъ мы остановимся, хотя и вполнѣ сознаемъ, что далеко еще не исчерпаны нами всѣ сложные и важные вопросы, затронутые у насъ. Но, быть можетъ, мы когда-нибудь еще и вернемся къ тому же предмету.

Графъ Павелъ Капнистъ.

ЗАМОКЪ СЧАСТЬЯ

РОМАНЪ.

Окончаніе.

XXI *).

Около шести недѣль прошло съ тѣхъ поръ, какъ Ирина Львовна видѣлась съ адвокатомъ; въ теченіе этого времени ничего не измѣнилось въ ея жизни, если не считать возобновившейся болѣзни, приступъ которой вскорѣ, впрочемъ, прошелъ.

Она уже знала по прежнему опыту, что надо дѣлать, и пользовалась прежними лекарствами, не призывая Карелинова, чтобы не давать лишняго повода къ сплетнямъ и не причинять ему непріятностей.

Съ своимъ горемъ она уже начинала сживаться. Жизнь казалась ей чьей-то шуткой, неумѣстной и продолжительной, въ родѣ тѣхъ шутливыхъ и неостроумныхъ анекдотовъ, которые разсказываютъ иногда не особенно умные люди, желая развлечь скучающее общество. И эти анекдоты вызываютъ, обыкновенно, въ слушателяхъ насильственную улыбку или болѣзненную зѣвоту.

Володя не могъ наполнить ея существованія, утишить ея жажду личной жизни, личнаго счастья.

Наступило лѣто, прекрасное, жаркое лѣто съ его южнымъ, голубымъ небомъ, серебряными облаками и золотыми лучами солнца. И Володя широко пользовался этимъ лѣтомъ, пребывая большую часть дня въ саду, копая грядки, сажая деревца, устроивая изъ песку крѣпости.

---

*) См. выше: нояб., стр. 5.

Она видѣла его только по утрамъ и вечерамъ, да во время стола. Она не хотѣла, ради эгоистическихъ цѣлей, лишать его воздуха и солнца, отнять у него хотя часъ времени для себя.

Она отпускала его одного по городу, въ городской садъ, на Продольную улицу, усаженную по сторонамъ липами. Въ саду онъ встрѣчался съ Карелиновымъ, и дружескія отношенія ихъ продолжались, хотя, вслѣдствіе сравнительной рѣдкости этихъ свиданій, Володя, съ свойственнымъ дѣтскому возрасту эгоизмомъ, уже сталъ охладѣвать къ „дядѣ Мишѣ".

Но еслибы не было Володи, Иринѣ Львовнѣ жизнь показалась бы невыносимой.

Недавно она получила письмо отъ Екатерины Васильевны; тетка писала рѣдко, потому что ей была трудна процедура писанья.

Но на этотъ разъ она разразилась длиннымъ письмомъ, написаннымъ крупнымъ, круглымъ и—увы!—уже неровнымъ, старческимъ почеркомъ.

Она только-что узнала о разводѣ, затѣянномъ Владиміромъ Викторовичемъ, котораго по прежнему называла: „твой подлецъ". Освѣдомлялась о Ермолинѣ и въ строкахъ, посвященныхъ ему, сквозило теплое чувство. „Слыхала, что боленъ онъ; дознайся—чѣмъ. Опасенъ ли? Пусть никого не зоветъ кромѣ Миши, потому что Миша и хорошій врачъ, и хорошій человѣкъ. Побывай у Ефима Ивановича, онъ человѣкъ старый, и никто съ тебя за это не взыщетъ, а ему будетъ лестно".

Далѣе справлялась она, бываетъ ли у нея Миша, совѣтовала приглядѣться къ нему повнимательнѣе; радовалась разводу, который ей наконецъ развяжетъ руки и она получитъ свободу выбора... Очевидно, она намекала на Карелинова.

Ирина Львовна усмѣхнулась и продолжала чтеніе, которое ее, въ концѣ концовъ, разстроило. Тетка хотѣла имѣть свѣдѣнія о своихъ старыхъ знакомыхъ—Житецкихъ, Казицыной и другихъ; Ирина Львовна скрыла отъ нея настоящія отношенія къ ней городского общества, и потому всегда, въ своихъ отвѣтахъ, умалчивала объ этомъ, что̀ не мало удивляло тетку.

Въ концѣ письма было нѣсколько словъ о Володѣ и надежда на пріѣздъ въ серединѣ августа.

Получала Ирина Львовна и письма Терехова, ставившаго ее au courant дѣла, которое пошло сразу блестяще, и адвокаты были уже вызваны на судоговореніе въ консисторію. На дняхъ должно состояться окончательное засѣданіе и постановленіе рѣшенія. „Теперь это упрощено и ускорено, какъ видите, — пи-

салъ онъ ей,—и въ концѣ августа или началѣ сентября думаемъ возложить на вашего ех-супруга новыя, но уже тяжелыя цѣпи Гименея".

Иринѣ Львовнѣ было теперь рѣшительно все равно; она не интересовалась дальнѣйшей судьбой Владиміра Викторовича. Иногда, впрочемъ,—что съ ней бывало и раньше,—передъ ея воображеніемъ всплывала, точно отдаленное марево въ пустынѣ, картина ея прежней жизни или даже просто одинъ какой-нибудь цвѣтокъ на обивкѣ мебели ея комнаты, и ей становилось до тошноты грустно.

Городъ пустѣлъ. Всѣ разъѣхались по деревнямъ, помѣстьямъ и дачамъ. Городъ, утопавшій въ зелени, и самъ походилъ на дачное мѣсто, и Ирина Львовна не находила нужнымъ куда-нибудь уѣзжать.

Рано утромъ ходила она съ Володей въ городской садъ, обыкновенно безлюдный въ этотъ часъ, а теперь и совсѣмъ пустынный.

Здѣсь она познакомилась съ Мышецкой и Декановой.

Онѣ, очевидно, искали этого знакомства и, заговоривъ съ Володей, перешли на разговоръ съ Ириной Львовной.

Но Ирина Львовна совершенно отвыкла отъ разговоровъ съ дамами. Ей было какъ-то неловко, и она конфузилась, словно сама за это время успѣла убѣдиться въ томъ, что ей не мѣсто въ обществѣ.

Поэтому разговоры эти не клеились и падали сами собой.

Да и ни Мышецкая, ни Деканова ей не понравились.

Въ обѣихъ чувствовалось какъ бы сознаніе подвига въ томъ, что онѣ снизошли до разговора съ нею. Быть можетъ, этого и не было на самомъ дѣлѣ, но такъ казалось Иринѣ Львовнѣ, и она не могла этого переносить.

Да и познакомились онѣ, можетъ быть, оттого, что въ городѣ не было уже ни Житецкихъ, ни Казицыной, ни другихъ ея принципіальныхъ враговъ, такъ что бояться рѣшительно было некого.

Это сознаніе способно было отравить удовольствіе, еслибы она таковое даже испытывала.

Но Ирина Львовна его не испытывала. Деканова, съ какимъ-то нарочито-двусмысленнымъ подчеркиваньемъ, восхваляла „флёртъ" и не находила въ немъ ничего позорнаго. Въ ея словахъ звучало какъ бы оправданіе Ирины Львовны въ поступкахъ, которыхъ за ней не было. Мышецкая не показалась ей оригинальной. Вся ея репутація enfant terrible утверждалась на томъ, что Мышецкая взяла себѣ за правило, основательно или

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

безъ всякихъ мотивовъ, отрицать то, что̀ признавалось другими. Это была все та же игра словами: добро, зло, уваженіе, любовь... A la longue, это показалось скучно Иринѣ Львовнѣ, и она, къ тому же, вовсе не была расположена къ этой невинной забавѣ губернской барышни.

Поэтому, простившись съ ними, она ушла съ Володей, не пригласивъ ихъ къ себѣ.

Деканова скоро уѣхала въ лагерь къ мужу, совсѣмъ больная. Ея корнетъ, дѣйствительно, подалъ рапортъ о женитьбѣ съ представленіемъ реверса, и въ мужелюбивой душѣ командирши оказалась вакансія, которую она надѣялась, впрочемъ, къ осени заполнить. Мышецкая, оставивъ бабушку въ городѣ, уѣхала за границу—набираться новаго остроумія и словечекъ для устрашенія наивныхъ и добродѣтельныхъ губернскихъ душъ въ новомъ сезонѣ.

Карелиновъ, очевидно, дулся на Ирину Львовну и рѣдко, рѣдко навѣщалъ ее.

Такъ шла жизнь ея.

Тоскливо и однообразно текли дни за днями, безконечной чередою ползли часы. Музыка, чтеніе и Володя наполняли эти категоріи времени, образуемыя часами завтраковъ и обѣдовъ.

XXII.

Вспомнивъ порученіе Екатерины Васильевны, Ирина Львовна захотѣла узнать подробности о здоровьѣ Ермолина.

Онъ давно не былъ у нея, этотъ единственный человѣкъ, съ которымъ она себя чувствовала легко и свободно.

Тетушкѣ легко было сказать въ письмѣ: „навѣсти его“; но Ирина Львовна, хотя и не боялась сплетенъ, не хотѣла, все-таки, давать имъ лишней пищи. Тамъ, въ Петербургѣ, посѣтить больного старика считалось бы дѣломъ вполнѣ естественнымъ; здѣсь изъ такого естественнаго поступка непремѣнно сдѣлали бы цѣлое событіе.

Поэтому она рѣшила, однажды, пойти въ городской садъ, въ тотъ часъ, когда тамъ бывалъ Карелиновъ.

— А вотъ и дядя Миша! — вскрикнулъ Володя и бросился къ нему на встрѣчу.

Карелиновъ приласкалъ мальчика, поздоровался съ его матерью.

Видъ у него былъ утомленный, вялый, какъ, впрочемъ, всегда за послѣднее время.

Это такъ не шло къ его здоровой, сильной фигурѣ.

— Вамъ что-то не по себѣ,—сказала ему Ирина Львовна.

— Да, мнѣ не по себѣ,—отвѣтилъ онъ мрачно.—И вы мнѣ это говорите при каждой встрѣчѣ.

— Что̀ съ вами?

— Усталъ. Даже я усталъ. Прежде меня не утомляли безсонныя ночи. У меня была большая практика. Теперь отъ нея осталось воспоминаніе. И зимой она уменьшилась очень замѣтно, а теперь, лѣтомъ, и совсѣмъ ея нѣтъ. И странно, когда была большая практика, я ничуть не утомлялся, несмотря на непосильную иногда работу. А теперь какая-нибудь одна ночь безъ сна дѣйствуетъ уже утомительно на мой организмъ.

— Вы были у нашего больного?

Онъ началъ свой разговоръ неохотно, вяло; но Ирина Львовна всегда дѣйствовала на него оживляющимъ образомъ. И когда Володя кинулся на лужайку за какой-то заинтересовавшей его бабочкой, Карелиновъ, въ прежнемъ дружескомъ тонѣ, изложилъ ей свою жалобу.

Теперь онъ отвѣтилъ на ея вопросъ:

— У больного? У Ермолина?

— Именно о немъ я и хотѣла спросить у васъ. Тетя требуетъ подробныхъ свѣдѣній о его болѣзни. Развѣ онъ такъ боленъ?

— Боюсь быть пророкомъ. Но думаю, что не дотянетъ до осени.

— Да что̀ вы?!—вздрогнувъ, прошептала она.

— Напишите тетѣ Катѣ, что онъ плохъ, очень плохъ. Вы должны написать это. Они когда-то были очень близки, и Ефимъ Ивановичъ дѣлалъ ей предложеніе.

— Что̀ вы говорите! — опять удивилась Ирина Львовна.— Такъ это цѣлый романъ?

— Неужели вы этого не знали?

— Тетя никогда мнѣ не говорила объ этомъ. Да чѣмъ же онъ, наконецъ, боленъ?

Карелиновъ не отвѣтилъ на ея вопросъ.

— Отчего вы къ нему не зайдете?—сказалъ онъ.—Старикъ очень бы хотѣлъ васъ видѣть. Я провозился съ нимъ всю ночь; теперь онъ можетъ говорить. Хотите, я васъ провожу къ нему, а Володю отведу домой и побуду съ нимъ часокъ?

Они пошли.

Ермолинъ занималъ домъ-особнякъ въ восточной части города, недалеко отъ желѣзнодорожной станціи; благодаря этому обстоятельству, это былъ единственный домъ, освѣщавшійся электричествомъ, въ то время какъ весь городъ тонулъ во мракѣ муниципальнаго освѣщенія керосиномъ.

За домомъ былъ садъ въ англійскомъ вкусѣ, хорошо содержимый. И весь домъ былъ въ стилѣ барскихъ затѣй „добраго стараго времени", въ томъ псевдо-греческомъ стилѣ, которымъ удовлетворяли свои художественныя потребности до-реформенные помѣщики.

Домъ походилъ на усадебное зданіе, перенесенное цѣликомъ, съ садомъ, на городскую почву.

И комнаты были обставлены по старомодному, что придавало имъ особую прелесть забытой старины.

Ирина Львовна прошла никѣмъ не замѣченной въ двери. Она спросила уже въ передней, у попавшагося ей на глаза лакея, о Ермолинѣ. Старый лакей, во фракѣ, молча указалъ ей на двери кабинета, а потомъ шопотомъ прибавилъ:

— Пожалуйте.

Онъ зналъ, что его баринъ терпѣть не могъ докладовъ и визитныхъ карточекъ. „Кому нужно, пусть идетъ. Я всегда одѣтъ и фальшивой монеты не дѣлаю. Скрывать мнѣ нечего".

Дверь беззвучно отворилась, и Ирина Львовна неслышно вошла въ кабинетъ.

Ермолинъ сидѣлъ у окна, и красные лучи заката падали на него, освѣщая его сильно осунувшееся, какое-то мертвенное лицо своими красками.

— Здравствуйте, Ефимъ Ивановичъ, — сказала Ирина Львовна въ полголоса, чтобы не испугать его.

Старикъ взглянулъ на нее мутнымъ взглядомъ.

— Кто это? — невнятно спросилъ онъ. — Это вы, Ирина Львовна?

Онъ говорилъ тяжело, съ трудомъ выговаривая слова.

Она угадала въ этихъ затрудненныхъ словахъ то его состояніе, подъ вліяніемъ котораго онъ часто торопливо уходилъ отъ нея.

Но теперь это состояніе, видимо, дошло до высшей точки.

— Это я, — сказала она. — Пожалуйста сидите, не безпокойтесь, я пришла узнать о вашемъ здоровьѣ, — торопливо проговорила она, видя, что онъ закопошился рукою по столику, стоявшему около его кресла.

— Сейчасъ, — сказалъ онъ, — одну минутку...

— Боже мой, что̀ вы дѣлаете?! — съ испугомъ вскрикнула она, увидя его движенія.

Но онъ молча обнажилъ свою руку, всю въ какихъ-то красноватыхъ плѣшкахъ, и въ мясистую часть ея, близь локтя, всадилъ иглу правацовскаго шприца, наполненнаго бѣлой, прозрачной жидкостью.

Прошло немного времени; Ирина Львовна смотрѣла на старика съ ужасомъ. Передъ ея глазами совершалась удивительная метаморфоза: глаза Ермолина оживились и заблестѣли, цвѣтъ лица потерялъ свой землистый оттѣнокъ, и прежнее выраженіе бодрости появилось въ немъ.

— Что̀ это?—спросила она, задрожавъ.

— Кокаинъ,—весело отвѣтилъ онъ.

— И это вамъ прописалъ Карелиновъ?

Ермолинъ засмѣялся.

— Нѣтъ! О, нѣтъ! Это я прописалъ самъ себѣ лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Карелиновъ мнѣ это запретилъ. А я его не слушаю, потому что Карелиновъ—врачъ-буржуа. А всякій врачъ-буржуа воображаетъ, что прелесть жизни есть ея продолжительность, и считаетъ своей священной обязанностью тянуть, елико возможно, эту мучительную канитель, которая называется жизнью...

Ирина Львовна все поняла.

Такъ вотъ въ чемъ его болѣзнь!

— Развѣ жизнь не стоитъ того, чтобы о ней заботиться?—робкимъ голосомъ спросила она, не зная, что̀ придумать сказать ему.

— Жизнь дорога не продолжительностью, — отвѣтилъ онъ съ прежнимъ увлеченіемъ,—а интенсивностью. Я всегда хотѣлъ короткой жизни, но квинтэссенціи ея; я всегда думалъ съ ужасомъ о продолжительной жизни, разведенной водицей буржуазнаго счастья. И вотъ, я началъ впрыскивать въ себя квинтэссенцію жизни. Вы думаете кокаинъ—ядъ? Ничуть. Это—сконцентрированное ощущеніе жизни, заключенное въ банку; таковою жизнь должна была бы существовать у человѣчества. Я удивляюсь, какъ живутъ у насъ люди безъ кокаина? Я не могу жить безъ мысли. А мысль приводитъ къ дѣйствію. Но намъ запрещено дѣйствіе, намъ предоставлено подчиненіе дѣйствіямъ другихъ. Я находилъ всегда это унизительнымъ, недостойнымъ для полноправнаго человѣка...

— Но, однако...

— Ничего не „однако“, милая Ирина Львовна. Что̀ же дѣ-

лать, когда человѣкъ обреченъ на бездѣйствіе? Когда никто тебя ни къ чему не зоветъ, когда никто не нуждается въ твоихъ силахъ и способностяхъ, когда ты не можешь свободно высказать того, что̀ разрываетъ тебѣ грудь? Вотъ и сидишь у окна, и смотришь на это голубое небо. Когда перевалитъ за̀ полдень, оно темнѣетъ, становится почти синимъ. Потомъ оно застроивается воздушными за̀мками изъ серебряныхъ облаковъ, и ни одинъ архитекторъ въ мірѣ—даже вашъ ех-супругъ—не придумаетъ такихъ причудливыхъ фасадовъ. А что̀ за ними? Неизвѣстно. А что̀ за внѣшнимъ видомъ, въ душѣ у человѣка? Неизвѣстно. Ну, къ вечеру, вотъ, появляется эта красная заря, и грязный вокзалъ, который виденъ изъ этого окна, становится совсѣмъ чернымъ, отвратительнымъ по своей нелѣпой архитектурѣ... Я говорю, кажется, много, но это ничего. Дайте наговориться. Я долго молчалъ. Можетъ быть, я говорю нелѣпо, и можетъ быть даже, это не я говорю, а тотъ элементъ жизни, который вошелъ въ меня черезъ шприцъ. Но лучше говорить нелѣпости, чѣмъ... чѣмъ.... Постойте, вотъ мысль убѣжала куда-то.

Въ его взорѣ, въ его словахъ было возбужденіе, взвинченность, взволнованность, опьяненіе.

Съ душевной болью Ирина Львовна слушала его, не прерывая, не желая прерывать,—до того жгуче любопытно было для нея это новое зрѣлище.

— Силы есть, желаніе работать есть, а примѣнить ихъ не къ чему,—продолжалъ онъ.—Избытокъ силъ накопляется, ищетъ выхода. Если ему не найти выхода, онъ все равно вырвется и причинитъ разрушеніе человѣку и другимъ людямъ. Недальновидны тѣ политики, которые не видятъ необходимости въ предохранительныхъ клапанахъ жизни... Жизнь стала тоскливой, сѣрой, пошлой... людишки пошли мелкіе, маленькіе людишки, какъ раки, которыхъ берутъ для супа, и дѣлишки этихъ людишекъ—исполнительныя, а не созидательныя. Ну, они и могутъ жить. Рабочій можетъ жить: работа для него—тотъ же кокаинъ. И мужикъ можетъ жить—голодъ его возбуждаетъ къ жизни. А я? Я не могу жить. Я богатъ. Силъ и способностей своихъ примѣнить некуда. И вотъ почему у насъ много гибнетъ способныхъ людей, не съумѣвшихъ, да и не имѣющихъ возможности приспособиться къ жизни. Царство неприспособленныхъ! Что же, такъ вотъ, вѣчно смотрѣть на воздушные за̀мки въ небѣ и на угасающую въ окнѣ зарю?...

Она боялась, что Ермолинъ утомитъ себя этими длинными монологами, и прервала его:

— Я зашла по порученію тети,—сказала она.—Тетя слыхала о вашей болѣзни и безпокоится...

Онъ внимательно выслушалъ ее, какъ будто ея слова долетали до его слуха издалека, изъ чужого ему міра, и ложились съ трудомъ въ его омраченное ядомъ сознаніе.

— Тетя?.. Ахъ, да, тетя Екатерина Васильевна! Спасибо ей, не забыла... И я не забылъ ее. Она была красавица.

— Тетя Катя?!

— Да, тетя Катя. Вамъ, молодежи, всегда это непонятно, когда говорятъ о старикахъ, что они были красивы. Вы не умѣете узнавать прекрасное въ полуразрушенномъ фасадѣ. Но она была прекрасна, и я любилъ ее...

— Я это слышала. Отчего вы не женились на ней? Можетъ быть, съ вами бы не было теперь того, что̀ есть...

Онъ опять внимательно прислушался, точно соображая отвѣтъ.

— Если вы думаете, что вотъ это... — онъ указалъ на кокаинъ,—коррективъ къ неудачной любви,—ошибаетесь. У каждаго изъ насъ есть что-нибудь дорогое, святое и завѣтное, кромѣ женщины. Я былъ слабѣе ея. Я хотѣлъ жениться на ней, она меня отговорила. Она тогда держалась другихъ взглядовъ и возлагала на меня большія надежды. Она не хотѣла меня связывать. Женатый человѣкъ всегда рабъ своей семьи. Или рабъ, или деспотъ. Мы оба любили свободу... всегда вѣдь любишь то, чего не хватаетъ въ жизни. И мы оба съумѣли бы ею воспользоваться, отказавшись отъ брачныхъ цѣпей... Но гдѣ же у насъ была свобода мысли и дѣйствій? Ея не было... И вотъ мы оба остались неприспособленными. Скажите ей, что умираю. Да, да... Я видѣлъ это въ глазахъ Карелинова. Не выходите за Карелинова. Онъ васъ согнетъ. У васъ есть ребенокъ — довольно съ васъ и этого рабства. Онъ просилъ меня повліять на васъ, чтобы вы вышли за него замужъ. Но не могу... Онъ хочетъ счастья, вы хотите счастья... Но вѣдь вы хотите того, чего не существуетъ на свѣтѣ...

— Какъ же не существуетъ!—запротестовала Ирина Львовна.

— Не существуетъ. Счастье—сказка, придуманная умными людьми для утѣшенія глупыхъ. Каждый понимаетъ его узко по своему. И нѣтъ двухъ человѣкъ, которые его понимали бы одинаково. И вотъ такіе разные люди сходятся и воображаютъ, что могутъ быть счастливы. Я богатъ, и многіе видятъ въ этомъ счастье. А я вижу въ этомъ несчастье. Потому что у каждаго нуждающагося человѣка скорбь въ глазахъ, даже когда онъ не проситъ. Я не могу помочь всѣмъ нуждающимся, мнѣ больно

это сознаніе, и оно—несчастье моей жизни. Нѣтъ счастья! Нельзя быть счастливымъ, потому что каждый понимаетъ счастье въ томъ, чтобы быть не только счастливымъ, но *счастливѣе* другого. А всѣ „счастливые“ люди кажутся болѣе счастливыми, чѣмъ они есть на самомъ дѣлѣ... Заря погасла... Скоро наступитъ ночь, засвѣтятъ звѣзды на черномъ небѣ. А люди все будутъ жить и къ чему-то стремиться. И все будутъ обманывать себя и другихъ... Нѣтъ, что же, Катя... А я вотъ одинъ, а заря погасла...

Онъ началъ заговариваться.

Дѣйствіе яда проходило... какъ скоро!

Ирина Львовна дрожала. Ей сдѣлалось жутко въ этой темной, мрачной комнатѣ, вдвоемъ съ полумертвымъ старикомъ, съ этимъ чернымъ вокзаломъ, рисовавшимся въ окнѣ на мѣдно-красномъ фонѣ неба.

Ей хотѣлось бѣжать.

Нижняя челюсть отвисла у несчастнаго старика; глаза его помутнѣли, блѣдность смерти разлилась по его впалымъ щекамъ.

Она хотѣла крикнуть. Ей стало страшно. Она чувствовала себя лицомъ къ лицу со смертью. Надвигался вечеръ. Небо темнѣло быстро; въ комнатѣ уже трудно было различать предметы. Прямо передъ ней, на темномъ квадратѣ открытаго окна, тяжелой, еще болѣе темной массой выдѣлялся силуэтъ Ермолина, превратившійся во что-то низкое, безформенное. Ей казалось, что ее заключили въ подземелье, въ склепъ, съ этимъ трупомъ.

Она вздрогнула.

Со стороны вокзала раздался протяжный свистъ паровоза; вдали замелькалъ рядъ освѣщенныхъ оконъ вагоновъ, тянувшихся въ темнотѣ вечера по невидимой насыпи, словно гигантское животное, медленно подползавшее къ своему логовищу. Послышались звонки, крики... Это были голоса жизни. И они вернули ее къ сознанію дѣйствительности.

Очнулся вдругъ и Ермолинъ.

На короткое время къ нему вернулась бодрость.

Онъ снова заговорилъ, но уже глухимъ, потухшимъ, слабымъ голосомъ:

— Откуда они ѣдутъ? Куда они ѣдутъ? Зачѣмъ они ѣдутъ? Это—жизнь. Изъ невѣдомой дали выходитъ поѣздъ и исчезаетъ въ темную, невѣдомую даль. По дорогѣ останавливается, и люди съ любопытствомъ смотрятъ на нашъ жалкій городъ изъ своихъ оконъ, заключенные сами въ узенькомъ вагонѣ. И имъ кажется, что они свободны, потому что двигаются, будто бы по своему жела-

нію, и каждому кажется, что онъ имѣетъ право на мѣсто, потому что заплатилъ за него. И еще кажется, что это узкое, грязное мѣсто—временное, и что онъ ѣдетъ къ болѣе свободному и широкому мѣсту... Кто здѣсь? Съ кѣмъ я говорю? Брежу ли я, или говорю съ кѣмъ-нибудь?

— Это я здѣсь... Ирина.

— Ирина... ахъ, да. Помню въ лѣсу маленькую муравьиную кучку. Бѣгаютъ муравьи, суетятся, строятъ себѣ прочное жилище, чтобы надолго поселиться въ немъ. Каждый кустикъ имъ кажется большимъ, а толстое дерево—гигантскимъ, какъ намъ какія-нибудь Гималаи. Муравьи плодятся, ссорятся, дерутся—живутъ. Вдругъ что-то темное застилаетъ имъ свѣтъ. Ниже и ниже, воздуха мало, дышать нечѣмъ. Ими овладѣваетъ волненіе... Что-то темное сразу надвигается на нихъ—отъ муравьевъ нѣтъ слѣда. И отъ ихъ трудовъ, и отъ ихъ дѣлъ, и отъ ихъ тѣлъ. Это темное—каблукъ проходившаго мужика. Зачѣмъ онъ шелъ и именно ступилъ на ихъ городокъ? Если бы прошелъ стороною, они остались бы жить, но зато погибли бы какія-нибудь божьи коровки... Сколько такихъ мужиковъ ходитъ по лѣсу и уничтожаетъ жизнь? И все въ разныхъ направленіяхъ, и на каждую жизнь находится такой каблукъ. И надъ мужикомъ есть такой каблукъ, который вдругъ надавитъ на него и раздавитъ. Это—жизнь. Старо и глупо? Нѣтъ, другъ мой, Карелиновъ: старо, но не глупо. Нѣтъ другого объясненія. Безсмысленность—вотъ что управляетъ міромъ. Ты говоришь: старо? А что—ново? Новыя слова всѣ сказаны: и весь-то ихъ запасъ небольшой. Дай мнѣ еще кокаину. Онъ приближаетъ меня къ Безсмысленности... Ага, вспрыснулъ-таки... Нѣтъ, братъ, врешь, это не кокаинъ, а вода... Дай-ко, я самъ...

— Ефимъ Ивановичъ! — вскрикнула Ирина. — Довольно, умоляю васъ...

Онъ трепетно шарилъ сгорбленными, трисущимися пальцами по столу, пошатнулъ его, и столъ упалъ.

Вбѣжалъ на шумъ старикъ лакей и на ходу повернулъ кнопку.

Комнату затопилъ яркій потокъ электрическаго свѣта.

То, что увидѣла передъ собою Ирина Львовна, было такъ ужасно, что она, молча стиснувъ губы, чтобы не крикнуть, какъ сумасшедшая выбѣжала изъ комнаты.

Старикъ лежалъ въ судорожно-скрюченной позѣ, голова его откинулась, глаза съ широкими зрачками остеклянѣли.

— Ничего, отойдутъ,—успокоительно сказалъ ей въ догонку лакей и принялся возиться около барина.

Не помня себя, бѣжала Ирина Львовна домой.

Володя спалъ, Карелинова уже не было.

Она послала за нимъ горничную, чтобы та направила его къ Ермолину.

Поздно вечеромъ Карелиновъ зашелъ къ ней.

— Ну, что̀? — съ тревожно-бьющимся сердцемъ, спросила она его.

— Вы напрасно присылали горничную. За мной всегда присылаютъ оттуда сами...

— Что̀ съ нимъ? Что̀?

Карелиновъ равнодушно пожалъ плечами.

— Да ничего. Отошелъ, какъ всегда.

— Господи! Да что̀ же вы ему не поможете? Что̀ же вы ничего не сдѣлаете, чтобы помочь ему?

— Мы—не боги. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, какъ можно помочь человѣку, который сознательно хочетъ себя погубить? Если знаете способъ — скажите. Это будетъ большое открытіе.

— Я не знаю такого способа.

— И я не знаю.

— Но вѣдь это же ужасно...

— Ужаснаго много на свѣтѣ.

XXIII.

Дождь только-что кончился. Намокшія вѣтви деревьевъ печально поникли въ саду и роняли съ пожелтѣвшихъ листьевъ крупныя капли. Лѣто прошло. Начиналась тоскливая осень, слезливая, какъ недужная старость.

Иринѣ Львовнѣ больше было по душѣ это унылое время года; въ немъ было что-то печальное, какая-то минорная нота, которая звенѣла и въ ея наболѣвшей душѣ.

Яркія краски стали блѣднѣе, пріятнѣе для утомленнаго глаза; не такъ рѣзко свѣтило солнце, не такъ сине было небо, часто заволакивавшееся тучами, и зеленый покровъ сада смѣнился желтымъ во всей пестротѣ его осенней расцвѣтки.

Володя хмурился, потому что ему чаще приходилось сидѣть дома; онъ чуточку поблѣднѣлъ, но это не смущало его мать, потому что она знала, что онъ надолго запасся здоровьемъ за лѣто; никогда ему не удавалось впитать въ себя столько солнца, такъ надышаться воздухомъ на петербургскихъ сырыхъ и промозглыхъ дачахъ.

Ирина Львовна не рѣшилась еще отдавать его въ провинціальную гимназію; торопиться было некуда, и Карелиновъ совѣтовалъ дать мальчику годъ антракта для полнаго укрѣпленія силъ; но главное, она какъ-то не могла убѣдить себя, что останется здѣсь надолго.

А давно ли еще она мечтала объ этомъ тихомъ углѣ, о томъ, что она окончательно поселится здѣсь и проживетъ здѣсь до конца жизни.

Все, все опостылѣло ей въ этомъ скверномъ и лицемѣрномъ городишкѣ!

Несмотря на обѣщаніе, Екатерина Васильевна не пріѣхала и осенью. Карелиновъ былъ правъ, когда предсказывалъ смерть Ермолина. Ефимъ Ивановичъ, дѣйствительно, умеръ въ началѣ августа мѣсяца. Теперь былъ уже конецъ сентября.

Ирина Львовна писала о смерти Ермолина Екатеринѣ Васильевнѣ, и ту это извѣстіе такъ поразило, что она вторично захворала и очень серьезно.

Сентябрь былъ дождливый, тяжелый, хмурый. Говорили, что октябрь въ этихъ краяхъ бываетъ всегда прекрасный, но это уже мало интересовало Ирину Львовну; она рѣшила покинуть городъ. Она не рѣшила еще, куда поѣдетъ, но оставаться здѣсь было бы для нея настоящей пыткой.

Она даже рѣшила бо̀льшее: продать домъ и участокъ земли, лежавшій рядомъ съ нимъ, еще незастроенный.

Горюновъ,—тотъ самый, который когда-то купилъ имѣніе ея матери и который, несмотря на петербургскаго адвоката Льговскихъ, выигралъ свой процессъ съ ними въ послѣдней инстанціи, былъ теперь въ радужномъ настроеніи и силѣ.

Карелиновъ взялся устроить Иринѣ Львовнѣ это дѣло, потому что Горюновъ былъ его паціентомъ и притомъ благодарнымъ паціентомъ: врачъ успѣшно лечилъ его отъ одышки и ожирѣнія.

Карелиновъ нашелъ Ирину Львовну въ саду.

— Я искалъ васъ въ домѣ,—никакъ не думалъ, что вы выйдете въ такую сырую погоду.

— Я тепло одѣта и не боюсь простуды.

Она задѣла зонтикомъ вѣтку, съ которой посыпался градъ тяжелыхъ дождевыхъ капель.

Съ тѣхъ поръ, какъ послѣ долгой борьбы она рѣшилась, наконецъ, разстаться съ ненавистнымъ ей городомъ, она повеселѣла, умиротворилась душой; даже извѣстіе Терехова о томъ, что Владиміръ Викторовичъ уже женился, и бракъ его, послѣ

нѣкоторыхъ препятствій, былъ признанъ и легализированъ, какъ-то мало ее тронуло.

Вся возмущенная гордость, давно уже притихшая въ ней, вдругъ сразу поднялась въ ея душѣ и громко заговорила. И вотъ почему она не пролила ни слезинки при этомъ извѣстіи о разрушенномъ и погребенномъ счастьи.

И ей всегда вспоминались рѣчи безумнаго Ермолина о несуществующей на свѣтѣ фикціи, которую люди называютъ, по издавна усвоенной глупой традиціи, счастьемъ. И надъ ея жизнью поднялся чей-то нелѣпый каблукъ и, опустившись надъ нею, чуть не раздавилъ ее; но она успѣла уклониться въ сторону. Зачѣмъ? По теоріи Ермолина, все вѣдь равно, опустится на нее какой-нибудь другой каблукъ, который нелѣпо и безпричинно прикончитъ ея нелѣпое и безпричинное существованіе...

Эти мысли являлись къ ней каждый разъ, когда передъ нею являлся Карелиновъ. Онъ былъ по прежнему уже бодръ, здоровъ и силенъ духомъ.

„Этотъ не раскиснетъ,—думала она,—потому что не боится жизни. Подъ ея тяжелый молотъ попадаютъ тѣ, кто боится ея; онъ силенъ, онъ можетъ бороться“...

Но прежняя жизнерадостность прошла и у Карелинова; онъ былъ теперь все-таки еще часто хмуръ, и чувствовалось, что его сердце удручено тяжелой обидой.

— Я пришелъ къ вамъ по дѣлу,—сказалъ онъ.—Я видѣлся съ Горюновымъ въ третій, окончательный разъ.

— И?..

— Онъ согласенъ. Осматривать дома онъ не будетъ. Онъ хорошо его знаетъ, какъ и ваше порожнее мѣсто у дома.

— Я очень, очень рада и благодарю васъ.

— Право не стоитъ. Цѣна не маленькая, и Горюновъ никогда раньше не далъ бы ея.

— Я обязана этимъ вашей протекціи.

— Ничуть!—энергично запротестовалъ онъ.—Для Горюнова въ денежныхъ и дѣловыхъ отношеніяхъ не существуетъ ни протекціи, ни знакомства, ни дружбы, ни родства...

— Тогда что же? Какъ объяснить... я не понимаю.

— Я-то понимаю, зато. Нюхъ у него. Слышно, что желѣзная дорога переноситъ свой неуклюжій вокзалъ на другое мѣсто, ближе къ окраинѣ города. Не въ этомъ ли причина? Я допытывался у него, не будетъ ли онъ самъ жить въ вашемъ домѣ. Но кулакъ упорно молчитъ. Разъ только проговорился, что сне-

сетъ домъ, и тогда я все понялъ. Но вѣдь все это вамъ неинтересно...

— Да, конечно, не все ли мнѣ равно? Мнѣ важно получить деньги. Скоро это можно будетъ сдѣлать?

— Ну... мѣсяцъ пройдетъ во всякомъ случаѣ.

Они вошли въ домъ.

Володя сидѣлъ въ своей комнатѣ и читалъ книжку.

Имъ подали чай.

— Вотъ что̀,—сказалъ Карелиновъ:—если вы хотите уѣхать, то можете сдѣлать это теперь же. Оставьте мнѣ полную довѣренность, я все это сдѣлаю за васъ.

— Милый Михаилъ Ниловичъ, зачѣмъ же я буду еще утруждать васъ? Вы и такъ ужъ много для меня сдѣлали; мнѣ совѣстно. Вы поступили какъ истинный другъ, какъ настоящій другъ дѣтства. Я очень цѣню это. Послѣ того...

Она сконфуженно замолчала, неосторожно коснувшись раны, которая, можетъ быть, еще болѣла у него.

— Послѣ того, что̀ произошло между нами,—докончилъ онъ, печально улыбнувшись,—вы думали, что я измѣню нашимъ простымъ дружественнымъ отношеніямъ. Къ чему? Я рѣже сталъ бывать у васъ... но я думалъ, что это удобнѣе было для васъ... и для меня.

— Благодарю васъ,—тихо сказала она, оцѣнивъ его деликатность, о которой до сихъ поръ не догадывалась.

— Такъ, значитъ, даете довѣренность?

— Нѣтъ... я не разсчитываю уѣхать раньше октября.

— И рѣшили, какъ мы говорили?

— Да, я поселюсь въ Больё, сначала въ отелѣ, потомъ, можетъ быть, куплю виллу, если найдется гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ и не будетъ дорого стоить. Володя будетъ учиться во французской школѣ, а когда настанетъ время серьезно ему заниматься... ну, да еще будетъ время подумать. Знакомство съ Ермолинымъ принесло мнѣ пользу: я уже не строю плановъ на далекое будущее и не загадываю впередъ.

— Знакомство съ Ермолинымъ могло приносить только вредъ, а не пользу,—строго сказалъ Карелиновъ.—Въ его взглядахъ было что-то разлагающее, ядовитое, опасное для слабаго душевнаго организма. Ужъ эта философія! Не вѣрю я ей; въ особенности не вѣрю тѣмъ, кто философствуетъ на словахъ.

— Однако, онъ сознательно и фактически уморилъ себя, и не на словахъ вѣдь, а на дѣлѣ.

— Онъ дожилъ до старости. Зачѣмъ было изводить себя

Библіотека
КАЛЯЗИНСКАГО
О-ва Потребителей

мучительной и продолжительной болѣзнью? Если онъ ненавидѣлъ жизнь, отчего было не кончить сразу?

Ирина Львовна задумалась.

— Да,—сказала она,—я этого не понимаю.

— Онъ хотѣлъ доказать, что воленъ играть жизнью и смертью; онъ испытывалъ свою волю. Но я думаю, что „свободная воля"—недоразумѣніе; мнѣ кажется, что кто-то, создавшій вселенную и человѣка, надѣлилъ его волей, какъ ребенка надѣляютъ погремушкой для его утѣхи, а въ концѣ концовъ все въ жизни дѣлается безъ участія этой „свободной" воли человѣка; дѣлается тѣмъ, кто сильнѣе его и дѣйствительно воленъ въ жизни и смерти. Ермолинъ презиралъ жизнь, но не имѣлъ воли умереть; онъ все только задорно подходилъ къ смерти и заигрывалъ съ ней, потому что дѣйствительная, а не человѣческая воля, не ея призракъ, почему-либо, намъ невѣдомому, считала его смерть преждевременной и опредѣлила ему эту мучительную жизнь...

— Мнѣ грустно,—прервала его Ирина Львовна,—грустно, что *вы* говорите такъ. Я думала, что вы сильный, и всѣ васъ считаютъ такимъ. Я думала, что у васъ большой запасъ воли.

Онъ тряхнулъ головой.

— Я самъ такъ думалъ. Я разубѣдился въ этомъ. Воля, которая не имѣетъ силы повернуть теченіе жизни по ея желанію,—не сила, а фикція. Ирина Львовна, милая, хорошая Ирина Львовна... вы скоро уѣзжаете, и я могу, я долженъ сказать вамъ еще разъ то, что вы знаете. Я никогда не былъ героемъ романа,—кажется, неспособенъ имъ быть... но я люблю васъ, люблю вашего ребенка. Всею волею своей души я бы желалъ себѣ устроить теплое гнѣздо съ любимой мною женщиной и ребенкомъ. Не дѣлайте такого печальнаго, безпомощнаго лица—вы въ этомъ не виноваты. И вотъ, несмотря на это горячее желаніе моей воли, я ничего не могу сдѣлать: кто-то противъ этого, тотъ, кто безъ нашего вѣдома указываетъ намъ пути, по которымъ мы не хотимъ идти, но должны идти, скрипя зубами отъ боли и обиды. Это не любовное объясненіе; я даже не знаю, какъ нужно высказывать свою любовь. Это—крикъ моей наболѣвшей души... Простите, если я обидѣлъ или надоѣлъ вамъ.

Она положила свою руку на его руку.

Смущеннымъ, дрогнувшимъ голосомъ она заговорила, и въ ея словахъ было много чувства, много трогательнаго.

— Милый Миша,—сказала она, въ первый разъ назвавъ его этимъ именемъ,—за что мнѣ обижаться? Я горячо благо-

дарна вамъ за все, что̀ вы мнѣ сказали. Я знаю, вы меня любите, знаю—любите и Володю. Я одна на свѣтѣ, и у Володи нѣтъ болѣе отца. Конечно, разсуждая здраво, я должна была бы дать ему отца, и вы были бы, конечно, болѣе отцомъ ему по духу, чѣмъ тотъ, настоящій... Но, видите ли, что-то во мнѣ протестуетъ противъ этого, какъ будто не все еще кончено изъ прежней моей жизни... Нѣтъ, нѣтъ, вы ошибаетесь, я вовсе не хочу сказать, что во мнѣ живутъ еще прежнія чувства къ нему... Но что-то живетъ, трепещетъ, мѣшаетъ мнѣ жить по новому—можетъ быть, не остывшія еще воспоминанія. Какъ вы думаете?

— Не знаю. Я плохой психологъ,—печально отвѣтилъ онъ.

— И я не знаю. Вы думаете, я не люблю васъ? Если вы такъ думаете, то ошибаетесь. Но какъ люблю? И на это я не умѣю отвѣтить. Если любить—значитъ думать о человѣкѣ хорошо, чувствовать его доброе сердце, отвѣчать думой на его думы, чувствовать себя съ нимъ уютно, хорошо, спокойно, то я люблю васъ. Если любить—значитъ считать потерянной каждую минуту, проведенную безъ любимаго человѣка, если ночью и днемъ мечтать только о немъ одномъ, если его недостаетъ душѣ, какъ воздуха дыханію... то я не люблю васъ. Такой любви во мнѣ нѣтъ...

— Вы говорите о страсти. Это ужъ не любовь, а страсть.

— Ну да, страсть, увлеченіе... Никакого дѣла нельзя дѣлать безъ увлеченія; оно будетъ мертвымъ. И связать свою жизнь съ чужою жизнью можно только по увлеченію, по страсти. Иначе выйдетъ мертвый союзъ...

— Страсть—эѳиръ,—улыбнулся онъ.—Эѳиръ опьяняетъ, но скоро улетучивается; мы, врачи, это знаемъ.

— И любовь улетучивается быстро, если къ ней не примѣшаны страданія. Страданіе, горе—это, кажется, необходимый цементъ для прочности счастья. Это тотъ огонь, въ которомъ обжигаются и закаляются кирпичи, идущіе на постройку зàмка счастья...

И она вдругъ разсмѣялась.

— Миша, милый,—сказала она.—Ну, посудите сами, голубчикъ, развѣ мы похожи на любовниковъ? Вѣдь еслибы мы, дѣйствительно, страстно, пылко, горячо любили другъ друга, мы бы просто бросились другъ другу въ объятія и, забывъ весь міръ, восклицали бы: „Миша! Ирина!“, захлебываясь отъ счастья. И всякій, подглядѣвшій за нами, сказалъ бы: „вотъ эти любятъ другъ друга“. А мы что̀ дѣлаемъ? Сидимъ vis-à-vis и говоримъ

Богъ знаетъ что̀, разсуждаемъ о всякихъ отвлеченностяхъ. Знаете что̀? Я уѣду, вы оставайтесь. Испытаемъ другъ друга. Если во мнѣ заговоритъ чувство, если заглохнутъ окончательно воспоминанія минувшаго, и если вы съумѣете сохранить въ себѣ то, что̀ вы считаете любовью, то разстояніе не удержитъ насъ. Почувствовавъ, что мы не можемъ жить другъ безъ друга, мы встрѣтимся и бросимся другъ другу въ объятія. Хотите? Хорошо?

Онъ протянулъ ей руку.

— Хорошо. Но только этого никогда не будетъ, Ирина.

— Почему?

— Потому что это Соломоново рѣшеніе, по вашей же теоріи,—голосъ разума, а не чувства. Оно слишкомъ мудро и осторожно.

— Ну, я не знаю,—уныло сказала она.—Вы, можетъ быть, правы. Это—тайны любви. Никто ихъ не разгадалъ до сихъ поръ, хотя занимаются ими вѣчно.

Они замолчали.

Тучи за окномъ низко нависли надъ землею и стали индиговаго цвѣта. Зашелестѣли желтые листья на деревьяхъ промокшаго сада. Забарабанилъ дождь, обрывая съ вѣтвей ослабѣвшіе листья, и вѣтеръ медленно кружилъ ихъ въ воздухѣ, повергая на землю. И опечаленной Иринѣ Львовнѣ показалось, что уже навсегда миновали красные дни лѣта, и что для нея настала продолжительная и печальная осень жизни.

Она глубоко вздохнула.

— Небо плачетъ,—сказала она, указывая въ окно,—плачутъ золотыми слезами и эти деревья. И что-то плачетъ глухо, надорванно въ моей душѣ. Я устала. Устала думать, устала говорить, устала чувствовать...

Карелиновъ тревожно взглянулъ на ея осунувшееся, поблѣднѣвшее лицо, закрытыя вѣки, складку горя, лежавшаго вокругъ ея губъ.

„Ужъ не возвращается ли къ ней та опасная болѣзнь?“—съ испугомъ подумалъ онъ.

— Вы больны, Ирина?—нѣжнымъ и мягкимъ голосомъ спросилъ онъ.—Я васъ разстроилъ, и это—большой грѣхъ для врача. Вы больны. И вы правы—прежде всего вамъ надо уѣхать, уѣхать скорѣе, надолго. Отдохнуть тѣломъ и душою. Это все, что̀ вамъ нужно пока.

— Я уѣду,—съ утомленіемъ сказала она.

— И уѣзжайте-ка вы въ концѣ этой недѣли, какъ только

управитесь съ мелочами. Остальное я все за васъ сдѣлаю. Ну, скажите, что согласны?

— Хорошо,—проговорила она.

XXIV.

Поѣздъ уходилъ въ восемь часовъ вечера.

Цѣлый день лилъ дождь, то крупный и громко шумящій, словно раздраженный какой-то, то мелкій, неслышный, ехидный.

Насквозь промокшій городъ имѣлъ безнадежно унылый видъ; на улицахъ никого не было; рѣдкіе и безъ того извозчики совсѣмъ не выѣзжали, не желая себя безпокоить въ такую погоду или же не разсчитывая никого встрѣтить на улицѣ—неизвѣстно.

Ирина Львовна собралась уже съ утра. Все было уложено, приготовлено къ сдачѣ въ багажъ; всѣ мелкія вещи собраны.

Безотчетная грусть овладѣла ею. Ничто не привязывало ее къ городу, но грустно, все-таки, было. Эту грусть она чувствовала всегда, когда приходилось куда-нибудь уѣзжать, когда квартира принимала видъ разореннаго лагеря.

Горюновъ выдалъ порядочную сумму денегъ подъ задаточную росписку у нотаріуса; заграничный паспортъ выдали безъ хлопотъ изъ губернаторской канцеляріи. Все это устроилъ Карелиновъ, проводившій дни въ хлопотахъ, съ озабоченнымъ и опечаленнымъ лицомъ.

Но если Иринѣ Львовнѣ было грустно, то Володя, напротивъ, радовался, какъ козленокъ, и прыгалъ по опустѣвшимъ комнатамъ, какъ одержимый. Имъ тоже всегда овладѣвало такое настроеніе, когда предвидѣлся отъѣздъ. Онъ обожалъ вагоны, рельсы, кондукторовъ, но больше всего паровозъ, которымъ интересовался до безконечности.

Карелиновъ хотѣлъ провести остатокъ дня съ Ириной Львовной; на душѣ у него было скверно. Ему казалось, что онъ прощается съ нею навсегда, что никогда ее не увидитъ.

Здѣсь, въ его родномъ городѣ, она, очевидно, навсегда ликвидировала свое существованіе; въ Петербургѣ, гдѣ у нея столько тяжелыхъ воспоминаній, она жить, конечно, не станетъ; можетъ быть, навсегда останется за границей и дастъ тамъ образованіе своему сыну. Но за границу онъ, Карелиновъ, врядъ-ли поѣдетъ; ни средства, ни дѣла не позволятъ ему этого. Ну, и выходитъ, что онъ долженъ проститься сегодня съ ней на вѣки.

Какое страшное слово, и сколько въ немъ заключается трагическаго смысла! И какъ больно ноетъ и щемитъ сердце, когда это слово, во всемъ своемъ грозномъ величіи, встанетъ въ сознаніи человѣка!

Потомъ онъ перешелъ къ мыслямъ о Житецкихъ.

Они все еще въ деревнѣ. Но Житецкая, узнавъ о продажѣ дома Ирины Львовны, заманила къ себѣ Горюнова, котораго презирала и не могла его раньше видѣть; обласкала его, угостила, наговорила много любезностей, даже поздравила съ выигрышемъ процесса у Льговскихъ и, въ концѣ концовъ, коснулась вопроса о предполагаемой покупкѣ дома Загоровской. Совѣтовала осторожность, говорила о томъ, что домъ и половины не стоитъ того, что этотъ лекаришко, фактотумъ авантюристки, проситъ отъ ея имени. „Смотрите,—говорила она,—этотъ медикъ на ней женится, и, естественно, готовитъ себѣ ея приданое; потому такъ и запрашиваетъ“.

Сколько злобы и ненависти въ этой женщинѣ! И все только за то, что онъ, Карелиновъ, не хочетъ жениться на ея малокровной и малоумной институткѣ. И откуда они взяли это? Правда, онъ самъ виноватъ: до своей поѣздки въ Петербургъ, гдѣ онъ, послѣ долгихъ лѣтъ, увидался съ Ириной, онъ ужъ очень часто бывалъ у Житецкихъ и сдѣлался совсѣмъ другомъ ихъ дома.

Онъ не такъ глупъ, чтобы не видѣть, что его ловятъ въ женихи. Онъ и видѣлъ это, но какъ-то не придавалъ этому значенія, не обращалъ особеннаго вниманія. Онъ допускалъ и ухаживанье за нимъ родителей институтки, и ея кокетство, похожее на пресловутое обожаніе учителя, и всякіе авансы.

Конечно, онъ былъ неправъ, допуская все это и какъ бы помогая своимъ поведеніемъ развиваться ихъ сладкимъ надеждамъ.

Но вотъ и расплата.

Хорошо, что Горюновъ не обратилъ вниманія на всѣ эти разглагольствованія Житецкой, потому что самъ былъ прехитрой лисицей, съ той хитровато-насмѣшливой подозрительностью и съ тѣмъ лукаво-добродушнымъ недовѣріемъ къ „интеллигентному“ человѣку, которыми отличаются обыкновенно русскіе практическіе „простачки“.

Въ горячей убѣжденности Житецкой онъ тотчасъ же заподозрилъ необъяснимое для него недоброжелательство помѣщицы къ петербургской дамѣ; во-вторыхъ, онъ зналъ, чего Житецкая, по всей вѣроятности, еще знать не могла: что цѣна земли воз-

ростетъ съ предположенными измѣненіями мѣстонахожденія вокзала.

И чѣмъ больше надсѣдалась Житецкая, отговаривая его отъ покупки, тѣмъ больше убѣждался онъ въ необходимости пріобрѣсти домъ и участокъ земли: „а то, чего недобраго, эта самая помѣщица самолично урветъ этотъ кусокъ отъ него. Не для того ли и распинается“?

И онъ сдѣлался молчаливымъ, сдержаннымъ, равнодушнымъ. А потомъ все это разсказалъ, въ юмористическомъ видѣ, Карелинову.

Такъ раздумывая о послѣднихъ событіяхъ, Карелиновъ собирался ѣхать обѣдать къ Иринѣ Львовнѣ. Но и тутъ ему не повезло. Къ нему пріѣхали звать его къ больному.

Отдѣлаться было нельзя ни подъ какимъ видомъ, и Ирина Львовна тщетно прождала его къ обѣду.

Онъ поспѣлъ только на вокзалъ.

Она ему очень обрадовалась.

— Милый, я ждала васъ... Пришлось обѣдать вдвоемъ съ Володей, но онъ ничего не ѣлъ отъ волненія...

— Меня задержали, я не могъ вырваться...

Ему хотѣлось остаться съ ней вдвоемъ, и, какъ всегда, въ послѣднюю минуту отъѣзда, накопилось многое, что̀ ему хотѣлось сказать ей. Но пришлось возиться съ сдачей багажа, съ билетами, съ переговорами относительно отдѣльнаго купѐ.

Онъ вернулся къ ней только ко второму звонку, и то многое, что̀ онъ хотѣлъ сказать ей, вдругъ безслѣдно куда-то исчезло. Вмѣсто этого важнаго говорились банальныя фразы, ни къ чему ненужныя слова, избитыя, истрепанныя формулы прощанья...

Поѣздъ тронулся.

Въ окнѣ вагона видѣлъ Карелиновъ милое лицо Ирины Львовны и радостное лицо Володи. Оба кивали ему головами, и ему показалось, что въ глазахъ Ирины Львовны стояли слезы. Володя, повидимому, не испытывалъ печали, разставаясь съ своимъ другомъ. Настоящее было слишкомъ радостно для него, чтобы вспоминать о прошломъ, да онъ былъ и очень молодъ для того, чтобы прошлое имѣло для него какое-либо значеніе.

Карелиновъ жадно ловилъ взоромъ эти уходящія отъ него въ даль любимыя лица.

Поѣздъ исчезъ за поворотомъ, оставивъ за собой клочки разорваннаго дыма, вскорѣ разсѣявшіеся въ воздухѣ.

XXV.

Лунный вечеръ. Темное, звѣздное небо. Лѣниво дремлющее море словно бредитъ во снѣ тихими всплесками волнъ о берега бухты.

Небольшая, но красивая по архитектурѣ вилла на шоссейной дорогѣ, идущей, на нѣкоторой высотѣ, вдоль берега, окружена миніатюрнымъ садомъ, обнесеннымъ чугунной рѣшеткой.

Въ этомъ саду—двѣ небольшія пальмы, нѣсколько клумбъ съ цвѣтами, скамейка и дорожки, усыпанныя мелкимъ камнемъ. Густо и приторно пахнетъ геліотропомъ и бѣлой датурой, когда легкій вѣтерокъ пронесется по саду и всколыхнетъ на клумбахъ цвѣты.

Уродливые, сѣрые кактусы, похожіе на причудливо искалѣченныхъ карликовъ, ростутъ вдоль ограды, колючіе и злые, словно вставшіе на стражѣ у входа.

Листья пальмъ нервно дрожатъ на легкомъ вѣтеркѣ, въ которомъ чувствуется дыханіе новой весны.

И по всему берегу разсыпаны щедрой рукой виллы, большія и малыя, богатыя и скромныя, и всѣ онѣ точно соединены между собой цѣпью непрерывно слѣдующихъ другъ за другомъ садовъ соотвѣтствующихъ размѣровъ.

По всему берегу ростутъ олеандры, гранаты, апельсинныя и померанцовыя деревья...

Это—уголокъ возможнаго еще для человѣка, модернизированнаго рая, на берегу лазурной Ривьеры.

Ирина Львовна уже прожила здѣсь зиму.

Шумный зимній сезонъ подходилъ къ концу. Начинался апрѣль—чудный мѣсяцъ ранней весны, съ ея начинающимъ грѣть солнцемъ, съ ея бирюзовымъ небомъ и синимъ моремъ, съ ея благоуханіями всевозможныхъ цвѣтовъ.

Но публика, покорная властной модѣ, неизвѣстно кѣмъ, когда и для чего установленной, именно въ это чудное время, массами покидаетъ Ривьеру.

Ирина Львовна не жаловалась на это.

Она никогда не любила толпы, и въ особенности этой международной, скучающей, богатой и праздной толпы, которая поэтичной Ниццѣ и Ривьерѣ заслужила непоэтичное, грубое прозвище: „le crachoir de l'Europe“.

Проживъ нѣсколько дней въ гостинницѣ, она наняла себѣ виллу на цѣлый годъ. Вилла была уютная, маленькая, но совершенно достаточная для нея, Володи и бонны-швейцарки, которую Ирина взяла для мальчика.

Она подумывала купить эту виллу, но хозяинъ, парижскій коммерсантъ, за всю зиму ни разу не посѣтилъ Ривьеры, да и она не торопилась, все еще не ощущая того чувства, которое даетъ человѣку твердую увѣренность въ осѣдлости.

Правда, въ эти семь-восемь мѣсяцевъ, протекшихъ съ тѣхъ поръ, какъ она сюда переселилась, ее никуда не тянуло изъ этого поэтичнаго уголка. Раза три она была въ Ниццѣ по дѣламъ, такъ какъ домъ ея былъ проданъ, и нужно было получить деньги по переводу въ „Crédit Lyonnais"; затѣмъ надо было запастись кое-чѣмъ. Была она и въ Монте-Карло, и даже попробовала играть; но рулетка и публика, наполнявшая казино, не заинтересовали ее.

Остальное время она провела на виллѣ, совершая прогулки, въ обществѣ бонны и сына.

Она чувствовала себя одинокой и забытой, словно переселившейся на необитаемый островъ. Но развѣ не одиночества и забвенія искала она, когда сюда пріѣхала?

Она была отрѣзана отъ того міра, который ее интересовалъ когда-то, въ которомъ она жила, съ которымъ имѣла связи и общеніе.

И лишь изрѣдка, какъ отдаленное эхо, доносились до нея отзвуки прошлаго, въ видѣ дѣловыхъ писемъ Карелинова и все болѣе и болѣе унылыхъ писемъ Екатерины Васильевны.

Карелиновъ писалъ о порученныхъ ему дѣлахъ—и ни о чемъ болѣе. Ни разу не заговорилъ онъ ни о прошломъ Ирины Львовны, ни о загадочномъ будущемъ, о которомъ они условились молчать до поры до времени. И она была благодарна ему за этотъ тактъ и деликатность; прежде она не замѣчала въ немъ этого.

Екатерина Васильевна наполняла свои письма безконечными воспоминаньями о Ермолинѣ. Читая эти письма, Иринѣ Львовнѣ становилось грустно и начинало казаться, что образъ Ермолина воочію встаетъ передъ нею, является къ ней изъ того безконечно далекаго, невѣдомаго міра, куда переселилась его душа. И она поняла, что Екатерина Васильевна слилась съ его душою, грезитъ о немъ, полна только имъ. И ей было глубоко непонятно, почему эти странные люди, очевидно нѣжно любив-

шіе другъ друга, всю жизнь прожили порознь, и каждый изъ нихъ проходилъ свой жизненный путь уныло и одиноко.

Ни разу имя Владиміра Викторовича не смутило зрѣнія Ирины Львовны. Никто изъ ея корреспондентовъ не упоминалъ о немъ въ своихъ письмахъ. Они какъ будто похоронили его и забыли о немъ безвозвратно...

Такъ и прожила Ирина Львовна среди своихъ одинокихъ печалей и думъ.

И вчера, вдругъ, событіе!

Послѣ обѣда, когда она сидѣла въ своемъ садикѣ, а Володя съ бонной ушли внизъ, къ берегу моря, калитка чугунной рѣшетки раскрылась и показалась въ ней элегантная дама въ модномъ платьѣ и огромной шляпѣ съ цвѣтами.

Ирина Львовна думала, что дама эта ошиблась виллой, и встала ей на встрѣчу.

Но это была Мышецкая.

Ирина Львовна была удивлена; насколько было возможно, скрыла это удивленіе, поздоровалась, просила садиться.

Мышецкая была все та же. Только тонъ ея сталъ развязнѣе, и она сдѣлалась еще болтливѣе. Набралась много словечекъ, и сыпала ими щедро, перемѣшивая рѣчь французскими фразами.

— Вы, конечно, удивлены, Ирина Львовна... Мы съ вами едва успѣли познакомиться тогда, весной, помните, въ нашей богоспасаемой дырѣ... Не знаю—какъ я вамъ, а вы мнѣ пришлись по душѣ. Я прожила долго за границей, лѣтомъ—въ Виши, осень—въ Парижѣ, гдѣ дѣлала себѣ туалеты, чтобы ими убить нашихъ губернскихъ модницъ; но потомъ меня потянуло въ Ниццу, и я прожила зиму здѣсь... Бабушка прозябаетъ тамъ одна. Я—вольный казакъ и люблю разъѣзжать самостоятельно. Ничего, наши „кумы“ мнѣ это прощаютъ, et puis je m'en fiche, vous savez. Теперь ѣду къ роднымъ пенатамъ. Пишутъ,—бабушка приготовляется ad patres. А вы? Бѣжали?..

Она хитро подмигнула и тихо засмѣялась.

— Нѣтъ, я просто уѣхала. Мнѣ было тамъ скучно.

— И вы сдѣлали очень умно. Что̀ такое наше провинціальное общество? Собраніе тошныхъ людей, разрѣшающихъ себѣ *все* и осуждающихъ другихъ за то, что̀ они сами себѣ разрѣшаютъ. Я никогда не отличалась этимъ провинціализмомъ. Я никогда и никого не осуждаю, и себя—въ томъ числѣ. По моему—въ жизни нѣтъ ни великаго, ни малаго, ни хорошаго, ни дурного...

Это было все то же.

Иринѣ Львовнѣ сдѣлалось вдругъ ужасно скучно, какъ будто вся скука губернскаго города, изъ котораго она, по выраженію Мышецкой, „бѣжала“, догнала ее и, настигнувъ вплотную, крѣпко насѣла на нее.

— Почему? — вяло спросила она, чтобы, изъ вѣжливости, подать реплику.

— Потому что всѣ эти понятія относительны. А абсолютной морали нѣтъ. Французы говорятъ: „la vraie morale se moque de la morale“. И я—тоже. Но что же я не спрошу, какъ вы поживаете?—И, не дожидаясь отвѣта,—продолжала:—Ницца пустѣетъ съ каждымъ днемъ. Поѣзда увозятъ десятки русскихъ. Я прочитала только на дняхъ, случайно, въ спискѣ пріѣзжихъ—въ старомъ нумерѣ—вашу фамилію... Васъ нигдѣ не было видно зимой. Вы никуда не выходите? Отчего? Здѣсь вѣдь не львиный ровъ. Въ Ниццѣ скучно становится. Послѣ завтра я уѣзжаю—io parto! — пропѣла она. — Знаете что? Сдѣлайте мнѣ удовольствіе. У васъ тутъ, въ Больё, говорятъ, есть ресторанъ „La Réserve“. Никто изъ моихъ знакомыхъ мужчинъ не повезъ меня туда зимою. Онъ еще дѣйствуетъ. Я за вами зайду завтра вечеромъ, и мы пойдемъ туда. Это ничего, что вдвоемъ. Теперь мало народу, et qu'est-ce que ça nous fiche? Идетъ?..

Ирина Львовна отрицательно покачала головой.

— О, нѣтъ,—сказала она.—Я не была тамъ ни разу.

— И вы неправы. Тамъ поютъ итальянцы и французы. И поютъ иногда наши цыганскіе романсы. Изумительно поютъ „Очи черныя“. J'en raffole de цыганскіе романсы. Одной—неловко. Ну, душечка, миленькая, я заѣду завтра? Хорошо? Ну, сдѣлайте мнѣ эту уступку! Хорошо?

Она начала ластиться къ Иринѣ Львовнѣ, какъ кошечка. Сама не зная какъ, только чтобы отдѣлаться отъ Мышецкой, Ирина Львовна согласилась.

И вотъ, теперь, сидя въ саду, вдыхая благоухающій воздухъ, любуясь полнымъ свѣтомъ луны, она поджидала свою непрошенную гостью—единственную ноту изъ скучной мелодіи прошлаго, ворвавшуюся неожиданно въ ея одиночно-добровольное заключеніе.

„Авось, забудетъ или отвлечется чѣмъ-нибудь другимъ“,—подумала Ирина Львовна.

Но Мышецкая явилась во-время.

XXVI.

Вся изъ желѣза и стекла, выдвинутая въ море терраса ресторана „La Réserve de Beaulieu", очень красива и уютна, какъ все красиво въ этомъ миніатюрномъ Больё, улегшемся на берегу голубой бухты у подножья скалъ, защищающихъ мѣстечко отъ дыханія мистраля.

Терраса была уставлена столиками, но за ними, какъ вѣрно предсказывала Мышецкая, было мало публики въ эту пору года.

Ирина Львовна чувствовала себя нехорошо. Скрѣпя сердце и уступая новымъ настойчивымъ просьбамъ своей спутницы, она согласилась явиться сюда, въ эту чуждую и непривлекательную для нея обстановку моднаго ресторана.

Мышецкая пробовала представлять ей всевозможные доводы: русскіе всегда и всюду носятъ свою тоску съ собою, какъ портмоне въ карманѣ; зачѣмъ и жить, если не развлекаться? Она долго не встрѣчала русскихъ и такъ обрадовалась Иринѣ Львовнѣ, а та, вдругъ не хочетъ; наконецъ, это вѣдь не ихъ дыра, гдѣ ихъ непремѣнно бы осудили. Здѣсь онѣ вольны дѣлать что̀ хотятъ; а свобода воли—дѣло великое; она ведетъ ко всевозможнымъ свободнымъ поступкамъ; только въ свободныхъ поступкахъ и сказывается душа женщины. И когда умретъ ея бабушка, и цѣпи, приковывающія ее къ провинціальной трущобѣ, окончательно порвутся, она уѣдетъ изъ города навсегда. Вотъ какъ Ирина Львовна; и она даже, можетъ быть, поселится здѣсь. Онѣ тогда навѣрное сойдутся: „deux femmes libérées, vous—d'un malheureux mariage, а я—отъ непрошеной опеки столповъ общества". А потомъ она сдѣлается цыганской пѣвицей или demi-mondaine, на какой-то особой, независимой и оригинальной почвѣ. Не все ли равно, какую профессію избрать? Талантливый человѣкъ думаетъ выдѣлить себя на всякомъ поприщѣ, и она чувствуетъ приближеніе времени, когда въ обществѣ двадцатаго вѣка профессія „demi-mondaine"'ки будетъ пользоваться такимъ же почетомъ, какъ въ древнихъ Аѳинахъ—профессія гетэръ. Все указываетъ на это. Женщины понемногу, но настойчиво освобождаются отъ ига мужчинъ и „терема"; браки становятся рѣже, разводы чаще. „Pourquoi vous vous êtes mariée, si vous ne l'aimiez pas?—Pour avoir le plaisir de divorcer",—это она слышала въ одной пьесѣ въ Парижѣ. Но она никогда не выйдетъ замужъ даже pour les délices du divorce, потому что les délices d'une demi-vierge гораздо болѣе высшаго и тонкаго порядка.

И все въ этомъ родѣ.

Ирина Львовна устала слушать эти разглагольствованія эмансипированной провинціалки, желающей, во что бы то ни стало, прослыть необыкновенно умной и дерзкой.

У нея стала кружиться голова отъ этого дождя словъ и фразъ, произносимыхъ ровнымъ, ничуть не убѣжденнымъ голосомъ, и ей стало казаться, что за окномъ пошелъ скверный осенній мелкій дождь, который, собираясь въ крупныя капли, капаетъ, капаетъ безъ конца, съ удручающей ритмичностью, съ тоскливымъ однообразіемъ.

— Tout oser, c'est tout comprendre, et tout comprendre— tout pardonner. Donc, qui ose tout, est déjà pardonné...

Боже мой! И весь вечеръ ей придется выслушивать дождь этихъ афоризмовъ!

Но дѣлать нечего, надо идти. И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Раньше можно будетъ отдѣлаться.

Ирина Львовна уложила сына, перекрестила его; тоскливое чувство вдругъ закралось въ ея сердце.

Выбравъ столикъ у самой рѣшетки террасы, Ирина Львовна устало опустилась на стулъ.

Мышецкая потребовала карточку и шампанскаго. Видимо рисуясь опытностью, она стала заказывать ужинъ. Во всѣхъ ея жестахъ, манерахъ, голосѣ и движеніяхъ было что-то нарочито ухарское, нарочно привитое, тщательно культивированное и чрезвычайно противное душѣ Ирины Львовны.

Заиграла музыка. Запѣли итальянцы. Все то же, что̀ она слышала уже десятки разъ подъ окнами своей виллы: „Santa Lucia", „Addio, bella Napoli", и еще что-то.

Кто-то потребовалъ, чтобы спѣли „Очи черныя", и итальянцы, подъ звуки мандолины, ломаннымъ русскимъ языкомъ, запѣли этотъ романсъ.

Мышецкая громко и радостно захлопала въ ладоши.

Ирина Львовна была довольна, когда пѣлъ хоръ. По крайней мѣрѣ она не была обречена слушать невыносимую трескотню Мышецкой.

И въ такія минуты она даже была довольна, что пришла сюда. Прямо передъ ея глазами, за бухточкой, залитой яркимъ свѣтомъ луны, лежало черное, мрачное море, и по немъ трепетала широкая полоса луннаго блеска, словно вымощенная серебромъ дорога, терявшаяся въ безконечной дали... И эти на-

дорванные звуки грустнаго романса уносились вѣтеркомъ за рѣшетку террасы въ ту же безконечную даль... А воздухъ ранней весны? А эти ароматы цвѣтовъ? А эти вечерніе огоньки, тамъ, на горахъ, на Корнишѣ? Какъ все это красиво! Вотъ еслибы не эта ресторанная обстановка, не эти столики съ бѣлыми скатертями, не эти цвѣтные колпачки на этихъ лампочкахъ...

И вдругъ ее словно что-то толкнуло.

Съ прежней силой забилось, потомъ замерло сердце.

Ей чуть не сдѣлалось дурно. Хорошо, что Мышецкая, увлеченная пѣніемъ блондина-итальянца, закатывавшаго глаза къ небу, не обращала на нее никакого вниманія...

За послѣднимъ столикомъ, на другомъ концѣ террасы, сидѣлъ въ одиночествѣ мужчина. Красный абажурчикъ лампы скрывалъ верхнюю часть его лица. Но вотъ онъ всталъ, взялъ свою шляпу и направился къ выходу, мимо столика Ирины Львовны.

„Да вѣдь это же онъ! Владиміръ Викторовичъ!"—прозвучало у нея на душѣ, и она схватилась за сердце.

Когда онъ сидѣлъ за столикомъ, она видѣла его губы, усы и бородку, и уже тогда какое-то смутное воспоминаніе заговорило въ ней. А теперь она видитъ его лицо, его фигуру. Сомнѣній быть не можетъ... Это онъ!

Виски Владиміра Викторовича сдѣлались совсѣмъ серебряными; много новыхъ „чертъ жизни", которыя называются морщинами, легло на его красивомъ лбу, вокругъ его красивыхъ глазъ; скорбное, удрученное выраженіе отпечатлѣлось на его лицѣ.

Какъ онъ постарѣлъ, какъ онъ ужасно постарѣлъ!

Онъ прошелъ мимо нея, задержался на минуту, получая сдачу отъ гарсона, машинально и устало взглянулъ на столикъ, поднялъ глаза и вдругъ вздрогнулъ.

Быстро онъ сдѣлалъ шагъ къ Иринѣ Львовнѣ, но, увидѣвъ ее въ обществѣ другой дамы, употребилъ усиліе воли, остановился какъ прикованный къ мѣсту, медленнымъ движеніемъ руки снялъ шляпу и поклонился.

Кровь прилила къ ея лицу.

Она отвѣтила на его поклонъ и отвернулась.

Тамъ, впереди, подъ лучами луны, спокойно дремало море, безконечное, таинственное и необъятное какъ жизнь. Ирина Львовна не видѣла теперь ни этой грандіозной картины, ни луннаго блеска; она не слышала ни звуковъ музыки, ни тихаго всплескиванья волнъ, ни словъ, которыя ей говорила Мышецкая.

Что-то новое, огромное и печальное, властно вступило ей въ

душу, словно родившееся въ этой необъятной безконечности, въ этой темной, невѣдомой дали.

— Кто это?—въ третій разъ спросила Мышецкая.—Вы меня не слышите? Что съ вами, Ирина Львовна? Вы блѣдны какъ смерть и глаза ваши горятъ лихорадочнымъ блескомъ. Вы больны? Не простудились ли?

— Мнѣ нездоровится,—съ усиліемъ сказала Ирина Львовна. —Я хочу домой.

— Ну, чуточку посидите. Всѣ расходятся, сейчасъ итальянцы споютъ „Io parto". Но кто же этотъ господинъ?

— Это... это мой мужъ... бывшій мужъ.

Глаза Мышецкой радостно заблистали. Такого приключенія она не ожидала.

— Загоровскій? Онъ? Онъ здѣсь?

— Да.

— Ахъ, отчего вы мнѣ не сказали раньше? Я его не успѣла разглядѣть. Вы взволновались? Да? Ахъ, это ужасно интересно...

Но Ирина Львовна не имѣла силъ слушать ея болтовню.

— Простите меня, мнѣ нездоровится. Я уйду.

— Васъ проводить?

— О, нѣтъ, нѣтъ!—живо сказала Ирина Львовна, страстно желая остаться одна.—Пожалуйста, не провожайте!

Итальянцы начали пѣть.

— Вотъ „Io parto"...—проговорила Ирина Львовна.—Послушайте ихъ. До свиданія, благодарю васъ...

— Ну, какъ хотите, душечка. Прощайте. Мнѣ хочется поцѣловать васъ,—можно? Вѣдь—io parto тоже завтра. Увидимся ли мы еще когда-нибудь? Прощайте...

Ирина Львовна почувствовала слабость въ ногахъ, но имѣла силы чуть не выбѣжать изъ ресторана...

XXVII.

Она шла быстро, взбираясь крутыми улицами на верхнюю дорогу.

Больё спало мирнымъ сномъ; въ душѣ Ирины Львовны поднимались смутныя тѣни прошлаго, призраки безъ лицъ, картины безъ очертаній; небо горѣло звѣздами, блѣдными вблизи луны и яркими вдали отъ нея. „Онъ здѣсь, онъ здѣсь!"—пѣло въ ея душѣ. Ирина Львовна обернулась: ей показалось, что кто-то идетъ по ея стопамъ. Но сзади дремало темное море и бухта

мѣстечка засвѣтилась вечерними огнями стоявшихъ въ ней суденышекъ. „Одинъ ли онъ?“—спрашивала себя Ирина. По краямъ дороги росли причудливые карлики-кактусы, искалѣченные и искривленные, какъ ея обливавшееся кровью сердце. И новое чувство, смутное, неопредѣленное, горькое и счастливое, росло въ ней. Не идетъ ли онъ за нею? Нѣтъ! Кругомъ пустынно и печально, какъ всегда бываетъ печально въ первые дни роскошной весны на душѣ у человѣка, который думаетъ, что покончилъ всѣ счеты съ жизнью, и котораго привязываетъ къ ней лишь сознаніе обязанностей и долга. Изъ „Резерва“ доносились, заглушенные разстояніемъ, звуки ухарской пѣсни...

Придя домой, Ирина Львовна быстро прошла въ комнату Володи и опустилась на колѣни передъ его кроваткой.

Порывистымъ, судорожнымъ движеніемъ руки она перекрестила его нѣсколько разъ.

„Мальчикъ мой!“—шептала она нервно.—„Мальчикъ мой! Еслибы не ты, мой родной, меня не было бы уже на свѣтѣ. Ты одинъ у меня, одинъ на всемъ свѣтѣ. Ради тебя я живу и страдаю. И буду, и буду страдать, и когда ты выростешь, ты скажешь, что я исполнила свой долгъ, но не оцѣнишь моихъ мученій“...

Она нагнулась къ нему, поцѣловала его такъ осторожно, что онъ не проснулся. Набѣгавшись за день, онъ всегда спалъ крѣпкимъ, здоровымъ сномъ ребенка.

Ирина Львовна не могла спать; она вышла въ садъ, сѣла на ступенькахъ лѣстницы, ведшей въ виллу; ясная весенняя ночь охватила ее своимъ тихимъ покоемъ; благоухали геліотропы и розы, кружа ея голову.

И мысли рождались въ ея головѣ, одна за другой, тѣ мысли, которыя остаются непроизнесенными, потому что онѣ—тайные, никѣмъ неизслѣдованные еще элементы души. И еслибы произнести ихъ громко, отдать на судъ людей, то онѣ показались бы дикими этимъ людямъ.

Бѣдное, бѣдное женское сердце! Ни одинъ мужчина не въ состояніи понять его силы и слабости. Это—сфинксъ, тщетно разгадываемый въ теченіе вѣковъ поэтами и психологами и ни однимъ изъ нихъ неразгаданный. Чѣмъ живетъ оно, чего оно жаждетъ? Оно живетъ любовью, жаждетъ любви, тоскуетъ, плачетъ о ней. Оно требуетъ любви беззавѣтной, героической, нераздѣльной; кто можетъ дать такую любовь? „У каждаго муж-

чины есть что-нибудь болѣе святое, чѣмъ любовь къ женщинѣ", сказалъ когда-то Ермолинъ. Но у женщины нѣтъ ничего болѣе святого, чѣмъ любовь того, кого она глубоко полюбила. А сынъ? Развѣ она не любитъ Володи? О, да, да, она его любитъ, она готова принести ему всевозможныя жертвы. И она приноситъ уже эту жертву, потому что живетъ.

Но въ этой любви, которой не можетъ понять ни одинъ мужчина во всѣхъ ея тончайшихъ и мельчайшихъ подробностяхъ, во всѣхъ ея тайнахъ, во всей ея таинственной глубинѣ, есть что-то... чуть-чуть эгоистичное, какъ любовь къ самому себѣ, потому что ребенокъ есть часть ея тѣла, ея души. Она много страдала, когда рождала его, и онъ плоть отъ плоти ея...

Но эта любовь, кто бы что ни утверждалъ, не наполняетъ до краевъ женской души; въ этой душѣ всегда остается пустое мѣсто, тупо ноющее, болящее, если оно не заполнено мужскою любовью, узкой, личной, ей одной принадлежащей... Любовь — жизнь женскаго сердца, а для мужского—только одинъ изъ элементовъ жизни. И съ тѣхъ поръ какъ она разсталась навсегда съ Владиміромъ, съ тѣхъ поръ какъ она, честно и серьезно, отрицательно отвѣтила себѣ на мучившій ее вопросъ, любитъ ли она еще его, въ ея душѣ вдругъ образовалась пустота и сердце ея не переставало обливаться кровью.

Но если она не любитъ больше Владиміра? Зачѣмъ же страдаетъ и тоскуетъ ея душа? Зачѣмъ эти безконечныя воспоминанія, всплывающія со дна этой души? Зачѣмъ, зачѣмъ все это?..

Она зажала голову обѣими руками и, медленно раскачиваясь, словно отъ ноющей, мучительной боли, продолжала думать, думать безъ конца.

Одна любовь къ мужу, или одна любовь къ ребенку, не въ состояніи удовлетворить женскаго сердца. Необходимо двѣ этихъ любви, различныхъ по своей сущности; нужно взаимодѣйствіе ихъ, чтобы получился полный, звучный аккордъ счастливаго чувства жизни...

Звѣзды гасли на небѣ; предутреннія сумерки смѣнили ночь; свѣтлѣло въ воздухѣ и цвѣты сада благоухали меньше; въ розовыхъ краскахъ рождавшагося дня куртины сада заблестѣли своими пестрыми тонами. Ирина Львовна провела безсонную ночь.

Только когда окончательно разсвѣло, она ушла въ спальню.

Вечеромъ, когда всѣ улеглись на ея виллѣ, ее потянуло въ садъ.

Мышецкая, конечно, уѣхала, потому что поѣздъ изъ Ниццы отходитъ въ полдень.

Теперь она одна; никто не ворвется въ ея одиночество, никто такъ грубо не смутитъ ея покоя.

Она можетъ теперь предаваться своимъ мечтамъ, своему тяжелому горю.

И какъ только она спустилась со ступенекъ виллы, ее потянуло къ калиткѣ.

Теперь ужъ она знала навѣрное, что то новое, что̀ разрослось въ ея душѣ, за эту безсонную ночь и за этотъ тоскливо проведенный день, должно чѣмъ-нибудь разрѣшиться.

На Ривьерѣ есть еще одна живая душа, которая ей была такъ близка когда-то. Все ли, дѣйствительно, кончено между ними? И почему она думаетъ, что не все еще кончено? Не прочла ли она въ глазахъ этого человѣка, вчера, на террасѣ, что душа его убита горемъ?

И когда она подошла къ калиткѣ, то увидала темный силуэтъ человѣка, стоявшаго за рѣшеткой.

Она почти не удивилась этому.

— Вы?—сказала она ему, сдвинувъ брови.— Зачѣмъ вы здѣсь?

— Ирина...—чуть слышно произнесъ онъ.—Ирина... Позволь мнѣ войти къ тебѣ... Мнѣ это нужно, пойми, нужно. Я не могу обойтись безъ этого. Еслибы я могъ обойтись... я бы не пришелъ сюда. Ты это понимаешь...

Она отступила въ глубь сада.

Онъ вошелъ въ калитку.

— Вы имѣете право войти, — сказала она все тѣмъ же жесткимъ тономъ, котораго не узнавала теперь. — Здѣсь вашъ сынъ.

Онъ тяжело вздохнулъ.

— Да, Ирина, здѣсь *нашъ* сынъ. Сынъ, Володя, милый, родной мальчикъ, къ которому я такъ относился равнодушно... непростительно равнодушно, и который сдѣлался мнѣ такъ дорогъ, когда его не стало со мною!..

Что-то больно кольнуло ее въ сердце.

Такъ, значитъ, онъ *не для нея* пришелъ? Для сына?

Это было и радостно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, горько-обидно.

Она усмѣхнулась.

— Неужели?—проговорила она.—Это немножко поздно. Да и время вы выбрали неудачное. Володя спитъ, и я не стану будить его для вашего удовольствія или каприза.

Онъ подошелъ къ ней, желая взять ее за руку, но самъ испугался этого движенія, и руки его безсильно опустились.

Она поспѣшно отступила, вопросительно взглянула на него, и въ ея взорѣ было столько строгости, что онъ смутился.

— Ирина, прошу тебя, не говори со мною такъ, и не смотри такъ на меня... Я пришелъ не какъ врагъ твой. И я ничего, ничего не требую отъ тебя...

— Полагаю,—сказала она сухо и съ насмѣшкой, но волна горячей крови облила ея сердце.—Вы ничего не можете требовать отъ меня. Но тогда для чего же вы пришли? Если вы хотите видѣть сына, придите завтра, днемъ...

— Я не могу его видѣть при тѣхъ отношеніяхъ, которыя существуютъ между нами.

— Я васъ не понимаю,—гордо сказала она: — какія же другія отношенія могутъ существовать между нами, послѣ всего, что̀ произошло? О, — поспѣшила она прибавить съ оттѣнкомъ гордости въ голосѣ,—я васъ ни въ чемъ не упрекаю, ни на что не жалуюсь...

— Я хотѣлъ просить тебя...,—уныло проговорилъ онъ.

— Вамъ не о чемъ меня просить. Я отдала вамъ все, что̀ вы у меня просили. Вы просили моей руки, я пошла за васъ замужъ; вы просили моей любви, я *любила* васъ; вы просили у меня развода, я дала его вамъ. Вы просите у меня свиданія съ сыномъ. Я не отказываю вамъ и въ этомъ. Что̀ вамъ еще нужно отъ меня?

— Ты говоришь со мною какъ врагъ, какъ ужасный, непримиримый врагъ...

Она засмѣялась. И смѣхъ этотъ словно ножомъ рѣзнулъ по сердцу Владиміра Викторовича.

— А вы хотѣли бы, чтобы я говорила съ вами какъ съ другомъ? Смѣшная претензія! Не дружбы ли моей вы пришли просить?.. Но вѣдь это походило бы на издѣвательство! Я не могу вамъ дать больше того, что̀ дала. У васъ была и моя дружба, и мое уваженіе, и моя любовь. Вы все это своими руками выбросили за бортъ вашей жизни... Впрочемъ, это похоже на упреки. Я не хочу упрековъ, не хочу. Но я васъ считала деликатнѣе, я не считала васъ способнымъ придти ко мнѣ, чтобы вызвать меня на такой, во всякомъ случаѣ, непріятный разговоръ. Если вы просите у меня худого мира, вмѣсто хорошей ссоры, то я отказываю вамъ въ этомъ. И... если вы еще думаете долго говорить со мной—о чемъ?—не могу догадаться, то я предпочитаю сѣсть. Вотъ скамейка.

Онъ сѣлъ съ ней рядомъ; съ хорошо разыграннымъ, брезгливымъ чувствомъ, она отодвинулась отъ него, чтобы увеличить даже матеріальное разстояніе между ними.

Она смотрѣла на него, этого сильно постарѣвшаго, очень измѣнившагося, повидимому глубоко несчастнаго человѣка, и въ душѣ ея накипали слезы.

Но брови ея все еще были плотно сдвинуты и губы сурово сжаты. И черезъ этотъ внѣшній фасадъ ея души онъ не могъ проникнуть пониманьемъ въ то, что̀ дѣлалось за этимъ фасадомъ.

„Отчего онъ такъ измѣнился?—задавала она себѣ вопросъ за вопросомъ.—Что̀ стряслось съ нимъ? Какое тяжелое горе такъ пригнело его“?

Теперь оба молчали.

Очевидно, оба переживали воспоминанія прошлаго.

Онъ тоже находилъ, что она измѣнилась. Она похудѣла и поблѣднѣла. Ея глаза, ея волосы были все такъ же красивы, а сама она вся походила на дѣвушку, и во всей ея фигурѣ было что-то воздушное и прозрачное.

Не можетъ быть, чтобы измѣнилась ея теплая, хорошая душа! Не можетъ быть, чтобы ея сердце оковалось льдомъ, какъ стараются увѣрить ея холодно смотрящіе на него глаза...

„Не можетъ быть, — думала она, — чтобы новая брачная жизнь съ этой... Таисой его такъ измѣнила. Такъ измѣниться можно только послѣ тяжелой болѣзни или гнетущаго горя. Но вѣдь онъ самъ хотѣлъ этого, самъ создалъ себѣ это новое счастье. Развѣ отъ счастья такъ измѣняются“?

— Итакъ, вамъ нечего больше сказать мнѣ? — послѣ тягостнаго молчанія, спросила она, чувствуя настоятельную потребность услышать звукъ его голоса.

И надорваннымъ, уставшимъ голосомъ, такимъ, какого она никогда не слыхала у него, когда была за нимъ замужемъ, онъ проговорилъ:

— Я не могу... не могу такъ...

— Что̀—такъ?

— Я не могу говорить въ такомъ тонѣ съ тобою, Ирина, моя Ирина...

— *Ваша* Ирина?—съ удивленіемъ вскрикнула она.

— Да, моя, моя, несмотря на то, что̀ произошло. Ты всегда была моею, всегда, и теперь вотъ, холодная, далекая, ты—моя. Господи!—страстно, въ какомъ-то порывѣ надежды и отчаянія, весь охваченный трепетомъ, весь охваченный страхомъ за исходъ этого свиданія, проговорилъ онъ,—да взгляни же ты

на меня, ради Бога! Да всмотрись же ты въ мое лицо, въ мои глаза! Развѣ ты не видишь, какъ я страдаю, какъ я мучительно страдаю?..

И что-то властное, будто чужое, помимо ея воли, сорвало съ устъ ея одно слово:

— Вижу.

Онъ вздрогнулъ, заслышавъ этотъ звукъ ея голоса. Какъ онъ былъ не похожъ на тѣ, которыми она до сихъ поръ говорила, стараясь замаскировать то, что̀ совершалось въ ея душѣ!

Душа ея ныла отъ боли, и въ глубинѣ ея начиналъ волноваться и закипать родникъ слезъ. А она-то думала, что давно утеряла драгоцѣнный, всеисцѣляющій даръ слезъ...

Но она сдержала себя еще разъ; отвернулась, чтобы не видѣть его скорбнаго, бѣднаго лица.

— Ты видишь! — радостно заговорилъ онъ.—Ты видишь! Слѣпой этого не увидитъ! Я страдаю, страдаю ужасно...,—повторялъ онъ, какъ будто эти слова, отъ которыхъ ему самому себя становилось жалко, приносили ему утѣшеніе.—Я зналъ, что ты увидишь это, что ты поймешь это, Ира, голубушка... Я могъ бы придти и стать передъ тобою, и не сказать ни слова, и ты все-таки увидѣла бы это, ты поняла бы меня.

Она отрицательно покачала головой.

— Я это вижу, но не понимаю.

— Ахъ, Ира, да отбрось же ты хотя на минуту этотъ тонъ! Зачѣмъ тебѣ лицемѣрить передо мною? Зачѣмъ? Будемъ говорить просто, ну, какъ говоритъ съ тобою Володя.

— Я не понимаю, — упрямо повторила она. — Вы любите Таису. Вы женились на ней. Такъ въ чемъ же дѣло? Я рѣшительно не понимаю, клянусь вамъ, не понимаю! Я убѣждена была, что вы счастливы.

Онъ желчно разсмѣялся.

— Я люблю Таису?!—онъ всталъ съ своего мѣста, весь отдавшись волненію, захватившему его.—Я счастливъ?! Я ненавижу ее, понимаешь ли ты, ненавижу, ненавижу ее!—пылко и страстно говорилъ онъ, и это слово, повторенное имъ нѣсколько разъ, доставляло ему новое облегченіе, а въ душѣ Ирины Львовны произвело настоящій переворотъ: что-то свѣтлое, какъ яркая золотая заря лѣтняго утра, что-то радостное, торжествующее и ликующее освѣтило ее. — Я ненавижу эту женщину! — продолжалъ онъ порывисто.—Понимаешь ты, что̀ значитъ ненавидѣть? Нѣтъ, ты не можешь этого понять! Это можетъ понять мужчина, когда-то сильный своей волей, у котораго обманомъ и

коварствомъ вырвали изъ рукъ самое драгоцѣнное его сокровище. Это можетъ понять тотъ, кто самъ жестоко презираетъ себя за то, что поймался въ разставленныя ему сѣти... Ахъ, да я не знаю, что̀ говорю! Промѣнять тебя на нее! Надо было быть слѣпымъ и безумнымъ, и я былъ слѣпымъ и безумнымъ... И я сдѣлалъ эту пошлую, грубую ошибку. Кто не дѣлаетъ ошибокъ, и всѣ исправляютъ ихъ, всѣмъ онѣ прощаются. Но не мнѣ!

Онъ задыхался отъ страшнаго волненія.

— Зачѣмъ, зачѣмъ ты допустила это? Зачѣмъ, видя, какъ я тону, ты не подала мнѣ руку помощи, не притянула меня къ себѣ, а жестоко оттолкнула отъ себя?.. Я не знаю—какъ, не знаю—чѣмъ она взяла меня... Стыдно говорить это. Но я готовъ повѣрить въ колдовство! Пошлое, мелкое самолюбьице мужчины, у котораго давно не было нелегальнаго романа. Какъ же! Быть вѣрнымъ своей женѣ! Это такъ смѣшно, такъ пошло, такъ буржуазно... Теперь пошли натуры сильныя, свободныя; надо было завести романъ, вульгарный романъ съ этой странной госпожой... Это позируетъ. Надо было разбить свой алтарь, разорить свое гнѣздо, вылетѣть на „свободу". Прелесть сильнаго! Ахъ, я несчастный!.. Я все говорю не то; не то я хочу сказать! Но мнѣ такъ много хочется сказать... и я не знаю, какъ приступить къ этому...

Она смотрѣла на него широко раскрытыми глазами.

Она не ожидала такой страстной вспышки, такого страстнаго самообвиненія.

Весело и радостно перекликались на ея душѣ голоса надежды и уже предчувствуемаго счастья.

— Говорите спокойно, — почти нѣжно сказала она, наконецъ,—не волнуйтесь, говорите все, что̀ вздумается. Я буду васъ слушать...

Онъ слишкомъ былъ занятъ самимъ собою, чтобы обратить вниманіе на нѣжный тонъ ея словъ.

Онъ прошелся по саду, потомъ сѣлъ рядомъ съ нею.

XXVIII.

— Благодарю тебя, Ирина. Такъ слушай же. Я испыталъ первое, большое горе, когда ты уѣхала отъ меня. Я не знаю, какъ я отпустилъ тебя, что̀ со мною сдѣлалось тогда. Можетъ быть, это была болѣзнь духа, болѣзнь воли... Я шелъ домой нравственно и физически разбитымъ. Слезы душили меня, а въ

груди было такъ ужасно пусто. Та женщина подстерегла меня у самаго поворота къ отчаянію или раскаянію, я не знаю. И она далеко отвела меня въ сторону. Она не давала мнѣ съ тѣхъ поръ ни минуты остаться одному съ своими думами, съ своимъ горемъ. Она играла на моемъ самолюбіи, на моихъ мужскихъ страстишкахъ, играла какъ виртуозъ на послушномъ въ его рукахъ инструментѣ. Почему, я тебя спрашиваю? Вѣдь я же знаю, что она глупа. Какъ могла она провести все это такъ ловко, такъ умѣло?.. Но это все равно: во мнѣ говорило желаніе мести, мести тебѣ, что ты такъ легко сдалась, что ты, словно изъ презрѣнія къ такому ничтожеству, какъ я, не хотѣла защищать наше счастье.

Онъ опять замолчалъ, точно ожидая отъ нея реплики, согласія, опроверженія, чего-нибудь.

Но она ничего не сказала.

— Однако, она видѣла, что романъ нашъ близится къ концу,—что я положительно не выношу ее, что я окончательно охладѣлъ къ ней. И она, опять-таки, несмотря на свою глупость, нашла ловкій выходъ. Она стала меня увѣрять, что ты сама все это затѣяла для того, чтобы, подъ приличнымъ предлогомъ, разстаться со мной... что у тебя давно уже чувство къ Карелинову, что она нѣсколько разъ видѣла тебя съ нимъ на улицѣ, что вы встрѣчаетесь съ нимъ у тетушки, которая тебѣ протежируетъ въ этомъ отношеніи, изъ ненависти ко мнѣ; что она мнѣ не говорила объ этомъ, потому что нечестно выдавать свою подругу. Она знаетъ тебя давно, со школьной скамьи, и созналась мнѣ—по глупости или неосторожности,—что всегда ненавидѣла тебя...

— За что̀?—вскрикнула Ирина Львовна.

— За то, что тебя всѣ любили, а ее нѣтъ; за то, что ты была красива, а ее считали дурнушкой; за то, что ты хорошо училась, а она была чуть не послѣдней въ классѣ. И за то, что ты была богата, и за то, что ты была изъ хорошей семьи, и я не знаю, за что еще...

— Но я всегда относилась къ ней по-дружески...

— Не знаю. Знаю только, что тогда же я долженъ былъ понять многое во всемъ ея поведеніи. Но я былъ слѣпъ, глухъ и безуменъ. Она говорила мнѣ какими-то темными полунамеками, что чуть ли не съ твоего согласія начала завлекать меня, чтобы тебѣ развязать руки. И вотъ, ты уѣхала туда, къ Карелинову...

— И ты... и вы повѣрили этому?

Владиміръ Викторовичъ схватилъ ее за руки.

— О, ради Бога, скажи мнѣ хоть разъ, по прежнему, „ты“!..

Не съ прежней стремительностью, а какъ бы нехотя, она, все-такя, медленно высвободила свои руки изъ его рукъ.

— Что же дальше?—принудила она себя сказать, горя жгучимъ любопытствомъ дослушать до конца эту повѣсть.

— Я... сначала не повѣрилъ; убѣждалъ ее оставить тебя въ покоѣ въ нашихъ разговорахъ; просилъ ее не вспоминать о прошломъ. Она, конечно, поняла, что я страдаю по тебѣ, что я желаю тебя, что я опять люблю тебя. Ея узенькіе глазки сверкали какъ у змѣи и вся она дѣлалась желтою какъ лимонъ.

— Но... какъ же вы рѣшились жениться?..

— Вотъ. Я и хочу сказать тебѣ. Какъ разъ въ это время, когда она уже подготовила во мнѣ сомнѣнія о Карелиновѣ, я получаю изъ твоего этого городишка письмо—анонимное, конечно, письмо,—но я не могъ отказать себѣ въ любопытствѣ прочитать его до конца.

— Ахъ, милый городишко!—сказала Ирина Львовна съ горечью:—я узнаю его! Какая-нибудь Казицына, по тонкому совѣту Житецкой или, можетъ быть, той же Мышецкой, написала пасквиль...

— Нѣтъ,—перебилъ ее Владиміръ Викторовичъ.—Пасквиля не было, въ прямомъ значеніи слова. Были факты. Одни факты.

— Какіе?

— Карелиновъ часто бывалъ у тебя. Правда это?

— Правда. Вначалѣ часто.

— Ну вотъ. Все общество было этимъ шокировано.

— Потомъ?

— Потомъ ты внесла раздоръ въ семью какихъ-то Житовскихъ...

— Житецкихъ,—поправила она.

— Да, именно, Житецкихъ. Карелиновъ считался тамъ женихомъ дочери. Ты отняла его у этой барышни, и тогда все общество отвернулось отъ тебя съ „понятнымъ и заслуженнымъ презрѣніемъ“. Это—слова письма. Что ты выходишь за него замужъ и будешь требовать развода со мной. Я не могу сказать, что сдѣлалось тогда со мною... Отчаянье овладѣло мною; безсильная, тупая злоба; мнѣ захотѣлось отмстить, оскорбить тебя... И тогда именно я прислалъ тебѣ нашего Терехова съ предложеніемъ развода. Все-таки *я* предупредилъ тебя, и я радовался этому. И чтобы мнѣ невозможно было уже отступленіе, я сдѣлалъ предложеніе Ищерской. Затѣмъ всякія вѣсти о тебѣ пре-

кратились. Я утвердился въ своемъ мнѣніи, что ты увлечена Карелиновымъ, и злоба душила меня. Я торопилъ Терехова съ разводомъ, къ осени былъ разведенъ и скоро женился. Я не помню, какъ прошло все это время; я чувствовалъ, что сжигаю свои корабли, что тону, что гибну окончательно. Я закрылъ глаза и отдался своей судьбѣ...

Голосъ его дрогнулъ; онъ и теперь закрылъ глаза рукою и тяжело вздыхалъ.

Такъ какъ она сидѣла убитая, подавленная, видимо взволнованная, то онъ продолжалъ, удивляясь, что она ни словомъ, ни взглядомъ не поддерживаетъ его въ эту трудную минуту.

— Отъ тебя не было ни звука, какъ будто ты не существовала на свѣтѣ; ты легко согласилась на разводъ, значитъ, онъ и тебѣ былъ нуженъ, и ты передъ нашей разлукой такъ часто повторяла мнѣ, что не любишь меня... Впрочемъ, что̀ говорить объ этомъ! И вотъ я сталъ мужемъ прелестной Таисы. Я не знаю, многіе ли испытали то, что̀ испыталъ я за эти семь мѣсяцевъ брачной жизни! Я ненавидѣлъ ее всѣми силами, какія остались еще въ моей измученной душѣ. Ненавидѣлъ ее физически, ненавидѣлъ духовно... Я не нашелъ въ ней ни интересной женщины, ни человѣка. Я понялъ, по нѣкоторымъ признакамъ, что „добрые знакомые“ въ душѣ смѣялись надо мной: „нечего сказать, убилъ бобра“!..

— Но гдѣ же она теперь?—вдругъ спросила Ирина Львовна.

— Тамъ, въ Петербургѣ... Я пріѣхалъ сюда нѣсколько дней тому назадъ, насилу вырвавшись оттуда, чтобы отдохнуть душою. Я узналъ, что ты здѣсь, одна, никакихъ признаковъ Карелинова не было... Я рѣшился увидѣться съ тобою... когда вдругъ вчера встрѣтилъ тебя въ ресторанѣ съ дамой. Вотъ моя исповѣдь, Ирина... Я все сказалъ, что̀ у меня было на душѣ, и мнѣ стало легче.

— Зачѣмъ же вы хотѣли видѣться со мною?—спросила она.

— Ахъ, развѣ я знаю зачѣмъ? Развѣ душа, которая наболѣла, справляется съ разумомъ? Она идетъ туда, гдѣ чувствуетъ, что найдетъ себѣ облегченіе.

— Какое же облегченіе я могу... дать?

— И этого не знаю. Знаю, что видѣть тебя, мою славную, бѣдную Ирину—уже облегченіе, слышать твой милый, дорогой голосъ—уже облегченіе, чувствовать тебя около себя, дышать съ тобой однимъ воздухомъ — счастье. И ты сама необходима мнѣ какъ воздухъ.

Голосъ его вдругъ оборвался, и короткое, глухое рыданіе вырвалось изъ его груди.

И Ирина Львовна вся какъ-то сразу сдалась.

Голосъ ея зазвучалъ мягко, проникновенно; въ ея тонѣ уже не было прежней жесткости; и изъ глазъ ея исчезло суровое выраженіе, и брови ея распрямились, и губы разжались.

— Владиміръ! — сказала она одно слово, но онъ уже все понялъ.

Теперь онъ бросился на колѣни, поникъ головой на ея сложенныя руки и сладостно, долго плакалъ, давъ волю слезамъ.

И на омраченной душѣ его становилось свѣтлѣе и свѣтлѣе, и съ каждымъ новымъ порывомъ слезъ ему казалось, что счастье уже близко, уже не за горами.

Онъ ничего больше не говорилъ; молчала и она, перебирая пальцами серебряные волосы его склоненной головы.

Ей казалось, что она переживаетъ сонъ. Что этотъ волшебный садъ съ его густыми ароматами, съ его пальмами и цвѣтами, что это темное небо съ яркой луной, что эта изумительная тишина весенней ночи, что вотъ этотъ, убитый горемъ человѣкъ, что весь его мучительный и длинный разсказъ—все это грёза ея помутившагося воображенія.

Откуда все это такъ внезапно свалилось на нее, точно въ волшебной сказкѣ?.. И что, если это сонъ? Промчится скоро ночь, настанетъ новый день, а съ нимъ вмѣстѣ—холодное, суровое пробужденіе къ дѣйствительности?

И при этой мысли слезы закапали изъ ея глазъ. Давно, давно она уже не плакала, и вотъ, въ этихъ безпомощныхъ, безсильныхъ слезахъ она находитъ теперь облегченіе.

Не сонъ это, не мимолетная грёза, потому что она плачетъ и ея слезы мѣшаются съ его слезами. Его слезы обжигаютъ ей руки; ея слезы скатываются какъ жемчугъ въ серебро его волосъ.

Онъ вздрогнулъ, приподнялъ голову.

Говорить онъ не могъ; съ нѣмымъ восторгомъ онъ глядѣлъ ей въ глаза, и она уже больше не отворачивалась отъ него, и въ этихъ глазахъ онъ не читалъ больше суроваго приговора себѣ.

Что-то огромное, свѣтлое, какъ облако, освѣщенное солнцемъ, осѣнило его душу, и онъ захлебывался отъ радости.

Вторая безсонная ночь приходила къ концу для Ирины. Но какая разница съ первой!

XXIX.

— Ты плакала, Ира,—точно очнувшись отъ сна, проговорилъ Владиміръ Викторовичъ. — Спасибо тебѣ, моя родная. О, не говори пока ни слова... Я боюсь проснуться, боюсь, что ты съумѣешь какъ-нибудь иначе объяснить свои слезы.

Но она взяла его за руку.

— Не бойся ничего, Володя...—сказала она печально.—Я женщина. Больная, слабая женщина. Ты знаешь, что я любила тебя... всегда любила тебя. Я никогда не говорила тебѣ объ этой любви изъ какой-то странной гордости, замкнутости... Что же скрывать теперь, когда для насъ все кончено?

Она почувствовала, какъ онъ вздрогнулъ.

— Теперь я могу сказать тебѣ: ни одного дня я не переставала любить тебя. Сердце мое разрывалось на части, когда я уѣзжала; я любила тебя тогда, любила, когда жила въ этомъ скверномъ городишкѣ, окруженная скверными людьми. Къ Карелинову я была и осталась равнодушной, какъ онъ ни добивался моей любви. И ты могъ повѣрить сплетнѣ? Не захотѣлъ провѣрить слуховъ? Боже мой, Володя, какъ легко обойти васъ, мужчинъ!..

Онъ молча слушалъ эти слова, какъ слушаетъ дивную мелодію душа, жаждущая звуковъ, стосковавшаяся по музыкѣ. Счастливая улыбка бродила на его губахъ и въ глазахъ его стояло выраженіе блаженства.

Ирина Львовна задыхалась отъ своей взволнованной рѣчи.

— Говори, говори!—прошепталъ онъ, когда она на минуту остановилась.—Ахъ, еслибы ты раньше со мной такъ говорила!..

— Я не могла такъ говорить раньше, потому что не страдала...

— Да, счастливые не такъ говорятъ...

Они замолчали.

Неудержимо влекло ихъ теперь другъ къ другу. Владиміръ Викторовичъ порывисто обнялъ свою бывшую жену и сильно сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ.

— Я люблю тебя, люблю, моя Ирина,—шепталъ онъ.—Я не такъ любилъ тебя, когда женился на тебѣ. Я люблю тебя, и мнѣ кажется, что это—моя первая любовь...

Онъ покрывалъ ея лицо, шею, руки своими горячими поцѣлуями, и она, блаженная и радостная, отдавалась этимъ ласкамъ, которыхъ смутно, давно ожидало ея сердце.

„Какъ хорошо, какъ хорошо!—мелькало въ ея сознаніи.— Кончился скверный сонъ, прошли, прошли тоскливые, одинокіе дни“.

А онъ продолжалъ шептать ей, приложивъ свои губы къ ея маленькому розовому уху:

— Люблю, люблю тебя, Ира... я хотѣлъ бы, чтобы ты поняла, какъ я тебя люблю, но ты не поймешь этого, моя маленькая, моя слабенькая...

Она вдругъ высвободилась изъ его объятій.

— Владиміръ, оставь меня!—проговорила она, и прежняя печаль зазвенѣла въ ея голосѣ. — Опомнись! Что̀ мы дѣлаемъ! Вѣдь я—не жена тебѣ больше, и ты мнѣ не мужъ. Я—свободна, но у тебя есть жена... Мы—чужіе, навсегда чужіе другъ другу.

Онъ задрожалъ съ головы до ногъ.

Онъ совершенно, совершенно забылъ объ этомъ въ минуту страсти и любви. Зачѣмъ она напомнила ему объ этомъ? Зачѣмъ?

— Это жестоко, что̀ ты говоришь,—прошепталъ онъ.

— Но это есть, и этого не уничтожишь...

— Зачѣмъ ты мнѣ напомнила о ней?..

— Она существуетъ, она—твоя жена, она глухой стѣной стала между нами...

Владиміръ Викторовичъ не зналъ, что̀ отвѣтить. Подавленный и растерянный стоялъ онъ передъ Ириной въ отчаяніи.

— Будемъ говорить о любви, о нашей любви, — наконецъ проговорилъ онъ. — Дай мнѣ до̀-сыта наговориться о нашей любви. Какое мнѣ дѣло до того, что гдѣ-то есть кто-то, кому даны какія-то случайныя права? Она для меня не существуетъ и никогда, кажется, не существовала. Любовь имѣетъ свои права, свои законы .. Ира, милая,—садясь опять рядомъ съ нею, заговорилъ онъ серьезно и нѣжно,—кто имѣетъ все, тотъ ничего не имѣетъ. Ты была моя, вся моя, моя жена. И тогда мнѣ казалось, что чего-то не хватаетъ... Я пережилъ страшное горе, и оно мнѣ многое выяснило. Любви необходимо горе: пройдя черезъ его горнило, она блеститъ какъ ограненный искуснымъ рѣзцомъ алмазъ и пріобрѣтаетъ особую чистоту и умноженную цѣнность.

Она съ наслажденіемъ слушала теперь его рѣчь, уже спокойную и плавную, но всю проникнутую глубокимъ чувствомъ. И ей вспомнилось объясненіе ей въ любви Карелинова.

Карелиновъ тоже говорилъ ей много, убѣдительно и разумно, но его слова ни разу не всколыхнули ее, ни разу не задѣли струнъ ея души, которыя тоскливо молчали. И они не бросились другъ другу въ объятія, потому что все молчало въ глубинѣ ихъ.

Теперь—другое. Она наслаждается словами Владиміра, звукомъ его голоса, интонаціями, которыя онъ придаетъ своимъ словамъ. А слова! Не все ли равно тѣ или другія? Еслибы онъ и ничего не говорилъ,—она, все равно, слушала бы и слышала тайный голосъ его души.

Они разстались, когда, подъ дуновеніемъ утренняго вѣтерка, проснулись деревья, когда таинственно дремавшій садъ, въ которомъ зарождались благоухающія грёзы ночи, сталъ готовиться къ пробужденію.

Роскошное, блещущее всѣми красками утро разгоралось надъ лазурнымъ моремъ, надъ зеленой Ривьерой.

Ирина Львовна проснулась рано.

Счастливое чувство вселилось въ ея сердце и точно поднимало ее на воздухъ.

— Mais madame va très bien ce matin!!—проговорила изумленная швейцарка, привыкшая видѣть ее всегда придавленной, вялой и скучной.

— A merveille, mademoiselle.

— C'est le grand air du printemps!

„Du printemps de l'amour", — мысленно сдѣлала поправку Ирина Львовна и улыбнулась.

Володя готовился въ экскурсію въ горы.

— Володя!—сказала ему Ирина Львовна:—сейчасъ придетъ твой папа... хочешь его видѣть? Онъ пріѣхалъ сюда.

— А не дядя Миша?

— Нѣтъ, нѣтъ, твой папа. Развѣ ты забылъ его?

Мальчикъ нахмурился, что-то вспомнилъ.

— А-а!—довольно равнодушно протянулъ онъ.—Папа развѣ вернулся изъ путешествія? Ты, кажется, говорила, что онъ уѣхалъ въ Америку, и мы его никогда не увидимъ.

— А вотъ онъ вернулся... вернулся. Повидайся съ нимъ, и тогда пойдешь гулять.

— А я не опоздаю?—недовольнымъ тономъ спросилъ Володя.

Она ничего не отвѣтила, но на душѣ ея стало безпокойно.

Владиміръ Викторовичъ пришелъ въ назначенный часъ и, увидя сына, бросился къ нему, поднялъ его съ полу, прижалъ къ себѣ и цѣловалъ безъ конца. И опять слезы затуманили его глаза.

— Какой ты у меня большой выросъ! Какой красивый! Здравствуй, родной мой сынишка! Какъ давно, давно мы не видались съ тобою... Ахъ, Боже мой! Счастливый ты,—ты жилъ все время съ мамой. Любилъ ли ты ее?

— Конечно, любилъ.

— А обо мнѣ не вспоминалъ?

— Вспоминалъ, — вяло отвѣтилъ мальчикъ, и сердце отца сжалось отъ этого тона.

Онъ печально поставилъ Володю на полъ.

— Володя, голубчикъ, — проговорилъ онъ,—я знаю, ты не любишь меня, да я и не могу требовать твоей любви... Я былъ такъ далеко отъ тебя! Но я знаю, ты меня полюбишь, ты непремѣнно полюбишь меня...

— Владиміръ! — остановила его Ирина.—Ну, ступай, Володя, поцѣлуй папу и ступай!

Володя чувствовалъ необходимость сказать что-нибудь передъ уходомъ.

— Ты ужъ больше не уѣдешь отъ насъ?—спросилъ онъ, но въ это время въ комнату вошла бонна, и мальчикъ кинулся къ ней, не дождавшись отвѣта.

— Mon ancien mari, — представила Ирина Львовна боннѣ Владиміра Викторовича.

Она это сказала просто, зная о томъ, что боннѣ извѣстно ея прошлое, такъ какъ, договариваясь съ нею, она считала необходимымъ, въ краткихъ словахъ, посвятить ее въ свое семейное положеніе.

— Ah... — протянула нѣсколько изумленная швейцарка.— Charmée, monsieur, de faire votre connaissance...

И, взявъ Володю, она поспѣшила уйти съ нимъ.

Владиміръ Викторовичъ грустнымъ взоромъ проводилъ сына.

„Онъ вернется ко мнѣ!—подумалъ онъ.—Я сдѣлаю, что онъ вернется, потому что я люблю его“.

Онъ провелъ день въ обществѣ Ирины и сына. Онъ чувствовалъ себя счастливымъ, радостнымъ, гордымъ, какъ будто онъ побѣдилъ кого-то и завоевалъ что-то.

Да, онъ побѣдилъ! Онъ побѣдилъ то темное, грозное и непрошенное, которое невѣдомыми путями врывается въ чужую жизнь, въ ту почву, которая уже достаточно взрыхлена и подготовлена неизбѣжными ошибками жизни.

Да, онъ завоевалъ! Завоевалъ новое счастье! Новое—потому что онъ считалъ его окончательно утеряннымъ.

Для юноши—будущее всегда заманчивѣе прошлаго. Жизненный путь еще длиненъ, силъ много, надеждъ еще больше, и міръ рисуется такимъ загадочнымъ, такимъ богатымъ событіями, что кажется волшебной страной, обѣтованной землей, которую надо еще покорить.

Но онъ уже не юноша. Прошлое, для человѣка, прожившаго большую половину жизни, дороже неизвѣстнаго будущаго. Тысячи невидимыхъ связей привязываютъ его къ прошлому. Оно ближе его душѣ, чѣмъ таинственная даль неизвѣстности...

Весь день они проговорили.

Они ни о чемъ не могли говорить больше, какъ о своей любви, какъ о возвратѣ счастья. Говорили оба, торопясь высказать другъ другу чувства, волновавшія ихъ. Часто они перебивали другъ друга, не слушали одинъ другого, возвращались по нѣскольку разъ къ одному и тому же.

Имъ было весело, какъ дѣтямъ, вырвавшимся послѣ долгой зимы на свѣжій воздухъ зеленой лужайки.

Они смѣялись беззаботно, безпричинно...

Сегодня она говорила больше, чѣмъ онъ. За это долгое время молчанія и одиночества много думъ накопилось у нея, которыя ей хотѣлось высказать.

— Милый,—говорила она,—какъ странно у насъ сложилась жизнь... Покойный Ермолинъ, въ дни моего одиночества, говорилъ мнѣ часто о жизни. Онъ смотрѣлъ на нее какъ на какую-то нелѣпость; онъ говорилъ, что Нѣчто, кого никто не знаетъ и въ кого почему-то всѣ вѣрятъ, переставляетъ людей съ квадрата на квадратъ, какъ пѣшекъ. Пѣшкамъ неизвѣстно, почему именно ихъ двигаютъ такъ или иначе, но играющимъ это, конечно, извѣстно. И два игрока—одинъ Добрый, другой Злой, двигаютъ людьми по великой доскѣ жизни, и среди людей есть короли и королевы, и простыя пѣшки, не считая среднихъ между ними фигуръ. Добрый и Злой стараются обыграть другъ друга, и вотъ почему въ жертву приносятся эти маленькія фигурки. И намъ кто-то поставилъ шахъ и даже шахъ-и-матъ, потому что передъ нами—глухая стѣна. Ермолинъ былъ умный человѣкъ, котораго ты не зналъ, и такова была его теорія жизни.

— И онъ удовлетворялся ею?

— Нѣтъ, милый. Но онъ говорилъ, что надо же себѣ какъ-нибудь разумно объяснить нелѣпость жизни. Очевидно, есть какіе-нибудь законы, по которымъ она двигается, только эти законы скрыты отъ насъ. Чья-то воля играетъ нами, а у насъ нѣтъ настоящей воли, и то, что мы принимаемъ за волю—жалкая потремушка... Вотъ ты поступалъ по своей волѣ, когда... и я ушла отъ тебя по своей волѣ. И оба мы были горды сознаніемъ, что, какъ это ни горько было для обоихъ, но мы сдѣлали какъ хотѣли. Но кто-то вдругъ взялъ и измѣнилъ наши два хода...

— Добрый или Злой?—улыбнувшись, спросилъ онъ.

— О, конечно, Добрый.

Они разсмѣялись.

— Нѣтъ, Ирина, я думаю, это не то.

— А что же?

— Въ нашей жизни слишкомъ много цѣпей, наложенныхъ на насъ традиціями и бытомъ, и которыхъ мы не замѣчаемъ отъ долгой привычки, и которыя мы носимъ покорно. Но свободный духъ,—въ который я, по крайней мѣрѣ, вѣрю,—иногда возмущается въ насъ, и тогда мы стараемся дерзко порвать эти ни къ чему ненужныя цѣпи. Мы женились съ тобой и были закованы въ цѣпи обязательной, законной любви. И любовь—этотъ свободный духъ—возмутился. Мы стали относиться холодно и равнодушно другъ къ другу...

— Говори за себя.

— Пожалуй. Я сталъ относиться равнодушно къ тебѣ, потому что человѣкъ съ трудомъ привыкаетъ къ обязательному, къ тому, что ему предписывается. Я зналъ, что ты у меня есть, что мы связаны навсегда, что ты не уйдешь отъ меня, потому что цѣпи брака приковали насъ другъ къ другу.

— Не очень-то крѣпко...—перебила она его.

— Ну, да, это все равно! Но это были цѣпи. А какъ только я своей рукой разорвалъ ихъ, такъ сейчасъ же, закованная узами брака, замороженная холодомъ обязательности, любовь освободилась и властно заговорила. И я пришелъ къ тебѣ самъ, и почувствовалъ, понялъ, что я люблю тебя не по долгу, не по обязанности, не законной любовью, а свободной, исходящей изъ моего сердца, изъ моей души...

— Не помню,—прервала она его изліянія,—говорила ли я тебѣ о замкѣ счастья... Сколько этихъ замковъ рушилось на моихъ глазахъ! Вотъ строила себѣ такой замокъ Таиса, и онъ рухнулъ, когда, казалось, былъ совсѣмъ уже готовъ; строилъ свой замокъ Карелиновъ, даже одинъ за другимъ, и оба рухнули... И нашъ, простоявшій десять лѣтъ, разсыпался.

Владиміръ Викторовичъ обнялъ Ирину и заговорилъ:

— Родная моя, давай, построимъ вмѣстѣ новый; хочешь? Я принесъ тебѣ новый фундаментъ для него. Этотъ новый фундаментъ—свободная любовь...

Какая-то печаль тѣнью легла на ея лицо.

— Ты говоришь какъ архитекторъ, — грустно улыбнулась она:—свободную любовь положить въ основаніе новаго счастья? Свободную—да, но увы!—уже незаконную. Общество никогда не утвердитъ нашего плана, говоря твоимъ языкомъ. Мы подошли къ глухой стѣнѣ, и не нашимъ силамъ снести ее.

— Ты не вѣришь въ наше новое счастье? Глухая стѣна буржуазной морали, бытовыхъ предразсудковъ... Мы не будемъ даже пытаться сносить ее. Мы выстроимъ замокъ по другую сторону этой стѣны...

Послѣ обѣда они вышли на берегъ моря.

Полное прелести и граціи Больё приготовлялось къ ночному отдыху; замелькали огоньки въ скромныхъ домикахъ, пріютившихся у скалъ. Спустившись съ Grande Corniche, по вьющейся между скалами тропѣ, къ каменоломнѣ Quatre-Chemins, они увидѣли волшебный видъ: вдали—темныя очертанія Эстереля, лиловыя горы Грасса и цѣпь Приморскихъ-Альпъ, а внизу — бѣлыя виллы въ зеленыхъ рощахъ, а еще дальше—пестрые паруса рыбачьихъ судовъ на синемъ фонѣ моря. Днемъ, въ хорошую, ясную погоду, на дальнемъ горизонтѣ, туманнымъ миражемъ, скорѣе угадываемымъ, чѣмъ видимымъ, рисовалась иногда Корсика; но теперь тьма надвигалась на море, и края его сливались съ небомъ...

На уличкахъ Больё было пустынно. Какой-то итальянецъ показывалъ на шарманкѣ дрессированную обезьянку съ ружьемъ, одѣтую въ цилиндръ и красный фракъ, но это зрѣлище не привлекло никого, если не считать двухъ-трехъ черномазыхъ мальчишекъ, стоявшихъ передъ итальянцемъ и обезьяной, съ разинутыми ртами.

Ирина съ Владиміромъ Викторовичемъ сѣли на самомъ берегу моря; позади нихъ затихали звуки дневной жизни; впереди —лежало море съ его просторомъ, таинственностью и безконечностью.

Иринѣ стало жутко передъ этой таинственностью, которая ей казалась символомъ жизни.

— Мы съ тобою много говорили сегодня, — началъ Владиміръ Викторовичъ,—все говорили такія умныя вещи, словно мы не любимъ другъ друга. Но это-то я и люблю въ тебѣ, моя Ирина. Люди, которые въ теченіе десятка лѣтъ совмѣстной жизни находятъ что говорить... такіе люди могутъ быть увѣрены, что не надоѣдятъ другъ другу, что не потеряютъ интереса одинъ къ другому. Ты всегда была умницей, ты мало похожа на другихъ женщинъ по складу ума. Ничего нѣтъ хуже, когда женщина старается быть умной, и ничего нѣтъ лучше, когда она естественно умна... Съ той... съ другой, я рѣшительно не находилъ, о чемъ говорить. Только о туалетахъ, о портнихахъ, да о ея заграничныхъ успѣхахъ у мужчинъ... въ этихъ успѣхахъ я сильно

сомнѣвался. Я слушалъ и молчалъ, но никогда не говорилъ. Мы сидѣли съ ней эту зиму другъ противъ друга и молчали; я жаловался на скуку, и она называла меня „нытикомъ", и столько презрѣнія вкладывала въ это слово! И она стала мнѣ противна, и я сталъ ненавидѣть ее, всю ненавидѣть; ты не знаешь, какое это горькое, тяжелое чувство ненавидѣть то, къ чему тебя когда-то влекло... Все это вышло глупѣе глупаго, вся эта исторія, эта женитьба... для чего? Чтобы вернуться къ прежнему...

— Зачѣмъ ты вспоминаешь о ней?—съ упрекомъ проговорила Ирина Львовна.—Намъ обоимъ тяжело это.

— Ты права. Будемъ говорить о насъ...

— Да, пора поговорить серьезно. Поговоримъ о томъ, что̀ будетъ дальше. Не увлекаемся ли мы?.. Жениться на мнѣ вновь ты не можешь... Ахъ, что̀ ты надѣлалъ, что̀ надѣлалъ!..

— Жениться не могу...—отвѣтилъ онъ, грустно поникнувъ головою. — Но кто можетъ мнѣ помѣшать жить для тебя, и съ тобою, и любить тебя? Знаешь что̀? Я брошу службу,—слава Богу, намъ есть чѣмъ жить скромно... Ты продала свой домъ. Ничто уже не привязываетъ насъ къ Россіи. Будемъ жить здѣсь, въ этомъ райскомъ уголкѣ, гдѣ для насъ расцвѣло новое счастье. Потомъ, когда подростетъ Володя, когда мы соскучимся по родинѣ, когда наша странная исторія забудется, мы вернемся. Если общество захочетъ помириться съ нашимъ необыкновеннымъ, нелегальнымъ положеніемъ — тѣмъ лучше. Я найду себѣ тогда занятія и дѣло... Если нѣтъ—можетъ быть, обойдемся и безъ общества. Небольшой кружокъ истинныхъ друзей всегда вѣдь найдется... Володя ничего не проиграетъ отъ нашего незаконнаго союза. Я вѣдь его отецъ, и онъ—законный мой сынъ... Моя ошибка ничѣмъ не отразится на немъ.

Онъ замолчалъ, перевелъ духъ, задумчиво взглянулъ на Ирину, какъ бы желая задать ей вопросъ, который его сильно смущалъ.

— Но на тебѣ, Ира моя? — наконецъ рѣшился онъ.—Подумай, тебѣ будетъ тяжело, очень тяжело изъ законной жены превратиться въ...

Слово не шло съ его губъ.

Она нагнулась къ нему, зажала его ротъ рукою.

— Молчи!—тихо сказала она.—Такъ что же, что тяжело? Жизнь — не легкая вещь. Надо жить! Надо имѣть мужество жить какъ нужно, а не такъ, какъ велятъ тѣ, которые не имѣютъ права приказывать...

Валер. Свѣтловъ.

Н. А. НЕКРАСОВЪ

Окончаніе.

III.—Письма Некрасова къ И. С. Тургеневу. 1847—1861 *).

По смерти Некрасова, въ 1877 г., у меня была мысль—если не составить его біографію, то, по крайней мѣрѣ, собрать, сколько было бы можно, матеріалы для его біографіи,—кромѣ личныхъ воспоминаній — письма, воспоминанія другихъ лицъ, и т. д. Я зналъ Некрасова давно; очень близокъ съ нимъ я и не могъ быть,—слишкомъ велика была уже разность поколѣній, — но я довольно близко его видѣлъ, по дѣламъ журнальнымъ. Не все мнѣ было симпатично въ этомъ характерѣ; но большой умъ, многія черты поэзіи, тонкій литературный вкусъ были привлекательны,—во всякомъ случаѣ это было замѣчательное лицо, о которомъ должна быть сохранена историческая память. Собирая матеріалы, я считалъ важнымъ обратиться особенно къ Тургеневу: въ пятидесятыхъ годахъ я еще засталъ ихъ дружескія отношенія; потомъ пробывши долго, въ 1858—59 гг., за границей, я непосредственно не зналъ, но услышалъ о раздорѣ Тургенева съ Некрасовымъ и вообще редакціей „Современника"; зналъ, наконецъ, о совершенномъ разрывѣ;—потомъ, многіе годы спустя, я слышалъ, въ послѣднія минуты жизни Некрасова—о нѣкоторомъ примиреніи... Я думалъ, что старая непріязнь (длившаяся десятки лѣтъ) не уничтожитъ все-таки у Тургенева доброй памяти о лучшихъ временахъ, и что интересъ историческій ему не останется чуждъ. Я не ошибся. На мой вопросъ къ нему, когда онъ былъ въ Петербургѣ, онъ отвѣтилъ мнѣ полной го-

*) См. выше: ноябрь, стр. 64.

товностью сообщить мнѣ матеріалъ, который у него былъ— именно письма Некрасова. Но бумаги были въ Парижѣ; пересылать ихъ почтой онъ опасался, — да и я этимъ не желалъ рисковать; онъ обѣщалъ привезти ихъ самъ, въ другой разъ. Дѣйствительно, въ послѣдній пріѣздъ его въ Россію, и въ Петербургъ, онъ привезъ съ собою пачку писемъ Некрасова и еще нѣчто другое, и предоставилъ ихъ въ мою собственность и полное распоряженіе.

Разныя обстоятельства,—между прочимъ, ожиданіе найти еще новые матеріалы, а также мои другія, необходимыя работы,— отвлекли меня отъ предположеннаго труда. Наконецъ, недавнія поминки о Некрасовѣ побудили меня вернуться къ своему намѣренію, и нѣкоторый досугъ позволилъ его исполнить, хотя до нѣкоторой степени.

Письма Некрасова были переданы мнѣ Тургеневымъ, сколько я думаю, не только изъ личнаго довѣрія къ моимъ трудамъ, но, можетъ быть, опять съ примирительной памятью о человѣкѣ, съ которымъ въ послѣдніе годы дѣлила его раздражительная вражда, но который нѣкогда былъ близкимъ его другомъ. Изданіемъ писемъ должно почтить память обоихъ писателей: оба принадлежали къ числу наиболѣе замѣчательныхъ питомцевъ и свидѣтелей сороковыхъ годовъ.

Письма очень любопытны для характеристики того броженія, которымъ отмѣченъ конецъ сороковыхъ годовъ и начало новаго литературнаго направленія, во многомъ именно совпадавшаго съ „эпохой великихъ реформъ". Въ приведенныхъ историческихъ справкахъ мы видѣли, какое колебаніе овладѣло кружкомъ друзей старой редакціи журнала: иные, какъ Боткинъ, Фетъ (иногда самъ Тургеневъ—въ раздражительную минуту) не понимали новаго направленія, которое было отголоскомъ цѣлаго общественнаго возбужденія эпохи; считая себя хранителями преданія сороковыхъ годовъ и учениками Бѣлинскаго, они, не однажды, не сознавали, что болѣе и болѣе становятся чуждыми этому преданію. У Тургенева, въ письмахъ Дружинину, мелькаетъ болѣе вѣрное пониманіе той связи, которая несомнѣнно установляла преемство отъ сороковыхъ годовъ къ новому направленію идей общественныхъ и литературныхъ; впослѣдствіи Тургеневъ долженъ былъ разочароваться даже въ своемъ ожиданіи, что Дружининъ съумѣетъ понять правильно Бѣлинскаго. Остальные друзья, Боткинъ и Фетъ, были окончательно „закрѣпощены" Катковымъ, по выраженію Тургенева; иные, какъ Григоровичъ, были поверхностны до потери всякой памяти о своихъ прежнихъ влеченіяхъ.

Въ этомъ смыслѣ письма Некрасова получаютъ особенное значеніе: среди колебаній, и наконецъ вражды прежнихъ друзей, онъ ясно понималъ упомянутое историческое преемство двухъ поколѣній, и защищалъ новое направленіе не изъ „коммерческихъ“ разсчетовъ, въ которыхъ его любили обвинять, а именно потому, что понималъ ясно его общественное значеніе. Онъ совершенно опредѣленно утверждалъ то, въ чемъ Тургеневъ еще нѣсколько колебался, и въ тогдашней ихъ дружеской, иногда очень рѣзкой манерѣ, указывалъ слабыя стороны въ понятіяхъ кружка, и указывалъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ именно продолжается преданіе ихъ стараго учителя. Тургеневъ и его пріятели, какъ Фетъ и Боткинъ, не могли понять новаго направленія; для Некрасова историческая связь двухъ поколѣній была совершенно ясна.

Даты писемъ не всегда обозначены, и хотя въ пачкѣ Тургенева письма были сложены повидимому въ хронологическомъ порядкѣ, но остаются нѣкоторыя неясности.—А. П.

1.

[Въ началѣ 1847 г.].

Любезный Тургеневъ. Спасибо вамъ и за память объ насъ и за память о „Современникѣ“. Разсказъ вашъ я прочелъ—онъ очень хорошъ, безъ преувеличенья: простъ и оригиналенъ. Завтра дамъ его Бѣлинскому—онъ вѣрно скажетъ тоже. Кстати о Бѣлинскомъ; здоровье его также неровно какъ при васъ: то плохо, то какъ будто и ничего. Впрочемъ, докторъ завѣряетъ, что рѣшительной опасности нѣтъ. Весной вѣроятно онъ поѣдетъ на воды (въ Силезію)—докторъ говоритъ, что это для него будетъ очень хорошо. Объ этомъ да объ нашихъ отношеніяхъ съ нимъ былъ у насъ на дняхъ положительный разговоръ. Я было предложилъ ему условіе, которое обезпечивало ему при хорошемъ ходѣ дѣлъ журнала, кромѣ жалованья до 5/т. асс. ежегодно во все продолженіе времени, пока издается нами журналъ, хоть бы почему либо онъ и оставилъ у насъ работу. Но онъ странный человѣкъ—сказалъ, что для него будетъ лучше постепенное увеличеніе платы за его труды по мѣрѣ успѣховъ журнала, и на этомъ порѣшили. Впрочемъ, скажу вамъ, что при этомъ онъ не обнаруживалъ и тѣни неудовольствія и вообще, кажется, по этой части онъ теперь спокоенъ. На поѣздку за границу онъ рѣшился, когда я объявилъ ему, что жалованье за тѣ года, которые онъ проѣздитъ, все-таки будетъ выдано ему—и въ самомъ дѣлѣ безъ этого онъ не могъ бы ѣхать. Теперь эта мысль его

занимаетъ. Тютчевъ [1]) и К° здоровы; контора ихъ идетъ недурно. „Современникъ“ продалъ уже слишкомъ сто экз. новаго изданія, и есть надежда, продастъ и еще штукъ двѣсти. Кстати: „Современникъ“ №№ 1-й и 2-й вамъ высланы и прочіе будутъ высылаться ежемѣсячно. Вашъ разсказъ („Каратаевъ“) напечатанъ во 2-й книжкѣ: онъ всѣмъ понравился очень, Бѣлинскому тоже; два-три мѣста досадно (хоть и небольшія) выкинуты, да что жь дѣлать! еслибъ и весь уничтожили, такъ нечему бы удивляться. Рабойтайте коли работается, дѣло хорошее; дѣлаешь ли что, не дѣлаешь ли — время все равно пройдетъ, только какъ ничего не сдѣлалъ, такъ оглянуться назадъ совѣстно; говорю по опыту—мнѣ вотъ все оглядываться совѣстно. Статья объ Нѣмецк. лит. къ 4-му № намъ будетъ крайне нужна; письмо о Берлинѣ—очень бы хорошо; Радилова я буду ждать съ нетерпѣніемъ; мнѣ эти ваши разсказы по сердцу пришлись. Собственно я прошу у васъ еще стиховъ—поторопитесь съ „Маскарадомъ“—безъ стиховъ мнѣ куда не хочется выпускать книжекъ, своихъ мало, а за Огарева на дняхъ съ Бѣлинскимъ мы воевали (впрочемъ въ дружелюбномъ тонѣ), и побѣда осталась за нимъ—„монологи“ погибли для свѣта! Прощайте. Мнѣ весело. Очень преданный вамъ—Н. Некрасовъ.

Пишу 15-го вечеромъ, пошлю завтра.

Если Герценъ еще не уѣхалъ изъ Берлина, отвѣсьте ему три поклона.

[Приписка на оборотѣ неизвѣстной мнѣ рукой: 17 февраля стар. штиль отправлены № 1 и 2 „Современника“ вмѣстѣ съ романомъ *Кто виноватъ?*]

„Мой сосѣдъ Радиловъ“—одинъ разсказъ изъ „Записокъ Охотника“; былъ помѣщенъ вскорѣ въ 5-й книгѣ „Современника“ 1847.

„Записки Охотника“ начались, какъ извѣстно, съ первыхъ книгъ „Современника“,—„Хорь и Калинычъ“ былъ помѣщенъ въ „Смѣси“; послѣдующіе разсказы — уже въ текстѣ журнала. Помѣщеніе въ „Смѣси“ нѣкоторые ставили потомъ въ укоръ Некрасову, видя въ этомъ признакъ того, что онъ не умѣлъ оцѣнить произведенія Тургенева. Дѣло объясняется проще: Некрасовъ, а можетъ быть и Тургеневъ, не предвидѣлъ, что это будетъ начало цѣлой обширной серіи, а не отдѣльный случайный эпизодъ; а такіе небольшіе разсказы нерѣдко помѣщались въ „Смѣси“. По тогдашнему журнальному плану „Смѣсь“ часто бывала дополненіемъ къ литературному отдѣлу, и русскому, и иностранному: здѣсь помѣщались небольшіе отдѣльные очерки, и такія переводныя вещи, не только какъ небольшіе разсказы Диккенса, но даже какъ „Правда и поэзія“ Гёте, „Исторія моей жизни“ Жоржа Занда и т. под.—А. П.

---

[1]) Рѣчь идетъ о Н. Н. Тютчевѣ.—А. П.

2.

[1847]. Спб. 28 окт.

Господа Тургеневъ и Аненковъ. Я получилъ письмо Тургенева; вопросъ о деньгахъ кажется ужъ для васъ, любезный Иванъ Сергѣичъ, долженъ быть рѣшенъ. Я недѣли три назадъ встрѣтилъ вашего брата, который мнѣ сказалъ, что отправилъ вамъ около трехъ тысячъ франковъ.

Я получилъ Аненкова письмо для печати—письмо превосходное и———написано прекраснымъ языкомъ!

Если хотите быть полезны „Современнику" въ Парижѣ, какъ пишетъ Тургеневъ, то прежде всего напишите (кто изъ васъ хочетъ) такую статью, которую можно было бы иллюстрировать въ Парижѣ и закажите политипажи или выберите себѣ готовые политипажи изъ французскихъ изданій, придѣлайте къ нимъ текстъ, а съ политипажей закажите такъ называемые клише и пришлите вмѣстѣ съ статьей. Все это нужно бы къ 1-мъ числамъ декабря, не позже. Тургеневъ! Вы можете подъ такого рода статьей и не подписаться; стало быть, статья можетъ быть и средней руки... Скучно писать по заказу. Знаю, да вѣдь этимъ вы меня по гробъ жизни обяжете... Нельзя ли соблазнить васъ деньгами? Что касается до нихъ, то, если будете работать, можете разсчитывать на полученіе отъ меня въ декабрѣ мѣсяцѣ и *гораздо больше*, чѣмъ вы назначили въ своемъ письмѣ: стало быть, можете дольше жить въ Парижѣ, если вамъ тамъ нравится. А „Маскарадъ"? Я вамъ скажу вѣсть, можетъ быть пріятную: я хочу издавать и на дняхъ начну: *Библіотеку русскихъ романовъ, повѣстей, записокъ и путешествій*—начну съ *Кто виноватъ*, потомъ *Обыкн. Исторія*, а потомъ, думаю я *Записки Охотника*—ужъ наберется томикъ порядочный, а когда наберется другой—и другой напечатаемъ. Какъ вамъ это нравится и согласны ли вы на это? Думаю, что *да*, а условія изданія для васъ не объясняю—некогда, да и знаю, что вы будете согласны на тѣ условія, какія съ другими. А разсказы ваши такъ хороши и такой производятъ эффектъ, что затеряться имъ въ журналѣ не слѣдуетъ.

Прощайте, господа, послѣ 1-го числа напишу больше, а теперь страшно некогда, клянусь вамъ, я въ судорожныхъ хлопотахъ, и взялся за перо съ тѣмъ, чтобъ только въ двухъ словахъ увѣдомить васъ о полученіи вашихъ писемъ. Бѣлинскій здоровъ и дописываетъ большую статью для 11-ой книжки. Въ этой книжкѣ между прочимъ Тургенева „Жидъ", безъ подписи его имени. Весь вашъ—Н. Некрасовъ.

Въ 11-й книгѣ „Современника“ 1847, стр. 138—154, разсказъ Тургенева съ тремя звѣздочками вмѣсто подписи.—А. П.

3.

[1847, декабрь].

Любезнѣйшій Тургеневъ. Прежде всего да будетъ вамъ извѣстно, что сего числа (11 дек. ст. ст.)—посланы вамъ триста рублей серебромъ. Затѣмъ, весь разсказъ вашъ уже у меня,—на дняхъ увижу, будетъ ли возможность помѣстить ихъ въ 1-ую книжку, ибо я отъ васъ 4-й разсказъ и желаніе о помѣщеніи ихъ въ 1-мъ № получилъ только седьмаго числа, а тогда уже были назначены и отданы (съ 1-го числа) для первой книжки повѣсть Гончарова и повѣсть Даля; скоро ихъ кончатъ наборомъ и увижу, сколько изъ нихъ выйдетъ [1]).

Радуюсь, что вы работаете, только, пожалуйста, не ослабѣвайте—право, я радъ за васъ и за „Современникъ“,—на такую отличную дорогу вы попали; очевидно вы начинаете привыкать къ труду и любить его — это, другъ мой, великое счастье! Ну, а затѣмъ за таковой тонъ извините. Вотъ что не забыть бы: нашъ альманахъ скоро начнетъ печататься и къ 1-му декабрю долженъ вытти — итакъ давайте *Маскарадъ*, пожалуйста! А ужь на парижскіе политипажи я отложилъ всякую надежду; видно не видать намъ ихъ какъ ушей своихъ,—мы завербовали себѣ Степанова (что дѣлалъ статуэтки) и онъ нарисовалъ намъ нѣсколько по истинѣ отличныхъ каррикатуръ. Текстъ тоже не дуренъ; пожалуйста, давайте *Маскарадъ*, — даже если не будете имъ довольны, найдете неудачнымъ, — все таки присылайте; въ такомъ случаѣ можно напечатать безъ подписи, а онъ все таки вѣрно на столько будетъ хорошъ, что Альманаху сдѣлаетъ пользу.

Вашихъ новыхъ разсказовъ я еще не читалъ и потому ничего не могу сказать о нихъ, Аксакова повѣсти тоже еще не читалъ,—на дняхъ все прочту—и буду писать къ Аненкову, которому кланяйтесь и скажите слѣдующее: я отъ Ник. Боткина узналъ, что каждый № „Соврем.“ обходится ему въ Парижѣ 12-ть франк. и большихъ хлопотъ. Это меня огорчило и озлило, потому что пересылка стоитъ около 20-ти руб. сер. въ годъ— и съ слѣдующей 1-й книжкой 1848 года мы ужь не будемъ посылать ему черезъ брата, а прямо, — зачѣмъ онъ самъ не образумилъ насъ раньше, — что за неумѣренная деликатность! Ну, пусть извинитъ, а впредь *Соврем.* не будетъ ему стоить ни

[1]) Противъ всего этого отмѣтка на полѣ рукой Н. Н. Тютчева: „*вѣроятно*, будетъ напечатано“.—А. П.

денегъ, ни хлопотъ. А если и вы пожелаете получать себѣ экз., то мы будемъ высылать, только пересылку поставимъ на счетъ.

А о себѣ скажу, что похвалы, которыми обременили вы мои послѣдніе стихи въ письмѣ къ Бѣлинскому, — нагнали на меня страшную тоску, я съ каждымъ днемъ одурѣваю болѣе, рѣже и рѣже вспоминаю о томъ, что мнѣ слѣдуетъ писать стихи и таковыхъ ужь давно не пишу. Мнѣ это подъ часъ и больно, да дѣлать нечего. Но за исключеніемъ сего живу изрядно и хотя работы много и поводовъ злиться еще больше—однако-жь привыкъ и ничего.

Читайте въ 12 № „Совр.“ *Полиньку Саксъ*, авторъ небывалый прежде, а каковъ увидите [1]).

Пишите намъ, долго ли вы и Аненковъ пробудете въ Парижѣ, и куда выѣдете, а послѣдняго просите писать письма въ „Современникъ“ отвсюду, куда бы онъ ни заѣхалъ. Если наша подписка въ 1848 году будетъ хороша, то я самъ предложу ему за письма деньги, а если не хороша, то терпѣливо буду ждать такого предложенія съ его стороны. Я вижу, деликатенъ.

Кстати о деньгахъ! Такъ какъ я желаю, чтобъ хоть вы (на котораго мы менѣе всего надѣялись) остались исключительнымъ сотрудникомъ „Современника“, то если хотите—я теперь охотно заплачу за васъ долгъ Краевскому,—напишите, сколько, и приложите письмо къ нему.—Вашему портному я заплатилъ въ свое время сполна. Прощайте, господа. Весь вашъ—Н. Некрасовъ.

11 Дек. ст. ст. 1847. Спб.

[Приписка карандашомъ рукой Н. Н. Тютчева: „Всѣ наши вамъ очень кланяются. Жму вамъ руку—Вашъ Т.“].

4.

[1848, 12 сент.]

Любезнѣйшій Тургеневъ. Третьяго дня Аненковъ читалъ у насъ вечеромъ вашу комедію *Гдѣ тонко, тамъ и рвется*. Безъ преувеличенія скажу вамъ, что вещицы болѣе граціозной и художественной въ нынѣшней русской литературѣ врядъ ли отыскать. Хорошо выдумано и хорошо исполнено,—выдержано до послѣдняго слова. Это мнѣніе не одного меня, но всѣхъ, которые слушали эту комедію, а ихъ было человѣкъ десять, между прочимъ Дружининъ, котораго я знакомилъ съ Аненковымъ.

Замѣтилъ я (и всѣ со мной тотчасъ согласились), что не-

---

[1]) Дружининъ.—А. П.

много неловка сказка о куклахъ, ибо почтеннѣйшая публика можетъ принять все это мѣсто въ самую ярыжную сторону и разразиться жеребячьимъ хохотомъ. Приведите себѣ на память это мѣсто, взгляните на него съ этой точки,—можетъ быть, вы найдете это замѣчаніе достойнымъ вниманія и сочтете нужнымъ замѣнить то мѣсто. Съ этой цѣлію я и сообщаю вамъ его.

Недавно (въ IX №) напечатали мы вашу повѣсть *Пѣтушковъ*; повѣсть эта хороша и отличается строгой выдержанностью—это мнѣніе всѣхъ, съ кѣмъ я о ней говорилъ. Мнѣ она и прежде очень нравилась, и я очень радъ, что не ошибся въ ней.

Ваши два послѣдніе присланные разсказа принадлежатъ къ удачнѣйшимъ въ запискахъ охотника. Вообще, другъ мой, говоря о вашихъ послѣднихъ трудахъ приходится только хвалить и дивиться вашимъ успѣхамъ (и трудолюбію), и я умолкаю только потому, что неловко распространяться. Скажу въ кратцѣ: Вы и Дружининъ теперь два лица наиболѣе читаемые, хвалимые и любимые публикой и дѣйствительно наиболѣе замѣтные въ русской литературѣ. Герценъ и Гончаровъ, которые могли бы тягаться съ вами въ этомъ случаѣ, ничего давно не пишутъ (т.-е. первый не печатаетъ, а второй такъ заплылъ жиромъ, что точно ничего не пишетъ.).

Эту часть письма мнѣ было написать легко, но теперь наступаетъ трудная. Я догадываюсь, и по одному намеку Аненкова убѣжденъ, что вы на меня сердитесь, но, другъ мой, если бы вы все знали!! Когда писать и что писать?.. О смерти Бѣлинскаго взялась написать вамъ А. П. Тютчева. Что касается до Записокъ Охотника, то въ пользу семейства Бѣлинскаго ихъ печатать нельзя: *Обыкн. Истор.* Гончарова имѣла не менѣе успѣха, но я напечаталъ ее отдѣльно и въ 8 мѣсяцовъ продалось только двѣсти экземпляровъ. Вотъ почему я молчалъ: чего-нибудь особенно важнаго написать не было, а свои ближайшія дѣла горой лежали на плечахъ. Притомъ вы знаете мою безалаберность, такъ не сердитесь же.

Теперь о нашихъ счетахъ. Денегъ у меня теперь нѣтъ и до декабря не будетъ. Но если вамъ нужно раньше—напишите, я достану и пришлю. Напишите также, вышлете вы или нѣтъ намъ до декабря еще что-нибудь изъ своихъ повѣстей,—это нужно для того, чтобъ знать, какъ распорядиться. У меня теперь два ваши разсказа и комедія. Что оставить на первый № и что напечатать въ 11 книжкѣ, которая имѣетъ для насъ тоже великую важность. Если пришлете еще разсказовъ, то я напечаталъ бы комедію въ 11 №, а разсказы всѣ, сколько ихъ будетъ, оста-

вилъ бы на первый №. Напишите, какъ вамъ хочется. Если комедію на 11 №, то поторопитесь съ поправкой (разумѣется, если думаете сдѣлать ее).

У насъ особеннаго ничего нѣтъ. Кавелинъ перебрался теперь сюда на службу и усердно работаетъ для „Совр.". Кстати, знаете ли вы, что редакторъ „Совр." нынѣ уже не Никитенко, а *Панаевъ*? Впрочемъ, вы все увидите: вмѣстѣ съ симъ посылается вамъ (на имя Герцена) „Современникъ" (всѣ IX книгъ) и будетъ высылаться впредь—это потому мы рѣшились сдѣлать, что Аненковъ завѣрилъ насъ, что вамъ будетъ теперь интересенъ „Совр.", чего мы, признаться, не думали.

Языковъ и Тютчевъ преуспѣваютъ понемногу съ конторой. Мы трепещемъ за наступающую подписку, ибо многія книжки журнала съ ряду были плохи и альманахъ до сей поры не вышелъ. Масловъ здоровъ и все также то появляется, то исчезаетъ. Аненковъ теперь насъ всѣхъ соединилъ и оживилъ. Дружининъ малой очень милой и не то что Иванъ Александрычъ [1]): все читаетъ, за всѣмъ слѣдитъ и умно говоритъ. Росту онъ высокаго, тощъ, русъ и волосы рѣдки, лицо продолговатое, не очень красивое, но пріятное; глаза какъ у поросенка. Вотъ вамъ—коли интересно. Если интересно также, то узнайте, что я пустился въ легкую беллетристику и произвелъ, вмѣстѣ съ однимъ сотрудникомъ,—романъ въ 8-мь частей и 60 печатныхъ листовъ, который и печатается уже въ X книжкѣ. Вотъ по причинѣ этой-то работы мнѣ и некогда было написать къ вамъ письма. Не шутя, Тургеневъ, не сердитесь пожалуйста! Вы знаете, какъ естественно и просто дѣлаются подобныя вещи, хоть издали и могутъ принять характеръ важный и непростительный.

Напишите мнѣ пожалуйста поскорѣе. Герцену поклонъ. Спасибо ему за его доброе письмо. Я плакалъ читая послѣ грозы,—это чертовски хватаетъ за душу.

Будьте здоровы. Весь вашъ—Н. Некрасовъ.

Сентября 12, 1848. Спб.

Комедія „Гдѣ тонко, тамъ и рвется" напечатана была въ 11-й книгѣ „Современника" 1848.—А. П.

5.

[1848, 17 декабря].

Здравствуйте, любезный Тургеневъ! Послѣдній вашъ маленькій разсказъ полученъ. Онъ и два прежніе будутъ помѣщены

[1]) Гончаровъ.—А. П.

во 2-мъ № „Совр.“ на 1849 годъ. Три послѣдніе №№ „Современника“ выслалъ въ Парижъ всѣ вмѣстѣ въ началѣ декабря; вы ихъ, вѣроятно, ужь видѣли. Изъ комедіи вашей вымарали сказку и я замѣнилъ это мѣсто точками; дѣлать было нечего! Я старался отстоять, да напрасно. Черезъ десять дней послѣ этого письма будетъ выслано Вамъ 300 р. сер., и подробный счетъ. Вамъ хочется знать, кто у насъ кому долженъ? Кажется, въ настоящую минуту никто никому, впрочемъ навѣрно не знаю; вотъ на дняхъ сочту. Знаю только, что уѣзжая вы остались мнѣ должны слишкомъ 1200 р. асс., потомъ выслано Вамъ 1050, да портному заплачено 210, и напечатано вашихъ статей покуда до 15-ти листовъ—вотъ и разсчитывайте.

Напишите, какъ называется вашъ романъ, чтобы можно было объявить, если хотите дать его намъ, на что я и надѣюсь. Подписка идетъ у насъ хуже прошлаго года, чему вы конечно и не удивляетесь, видя, какъ плохъ сталъ нашъ журналъ сравнительно съ прошлымъ годомъ. А отчего плохъ? узнаете, какъ сюда пріѣдете. Мы печатали что̀ могли. Если увидите мой романъ, не судите его строго: онъ писанъ съ тѣмъ и такъ, чтобъ было что̀ печатать въ журналѣ—вотъ единственная причина, породившая его на свѣтъ.

Комедіи вашей для Щепкина не читалъ, но слышалъ про нее. Спасибо вамъ, что не забываете „Современника“.

Весь вашъ—Н. Некрасовъ.

17 Декабря 1848. Спбургъ.

6.

[1849, 27 марта].

Любезный Тургеневъ! Я сейчасъ прочелъ ваше письмо со счетами. Сегодня у *насъ* 27 марта—я очень занятъ; черезъ пять дней пошлю вамъ всего чего Вы желаете и что будетъ нужно послать, а теперь вотъ что скажу вамъ. По тону вашего письма видно, что вы сердитесь—за что? неизвѣстно! Думаю, за то, что деньги вамъ высланы 10-ью или 15-ью днями позже чѣмъ вы ожидали. На это долженъ я вамъ сказать, что 1) у насъ запасныхъ денегъ нѣтъ, 2) что мы имѣемъ долги, 3) что если вы позволяли себѣ быть иногда должнымъ мнѣ, то почему же я не могъ позволить себѣ въ нуждѣ и въ крайности отсрочить высылку вамъ денегъ двумя недѣлями? и наконецъ 4) тотчасъ по полученіи вашего письма о деньгахъ, было мною сдѣлано распоряженіе, чтобы контора Вамъ послала эти деньги при первой возможности—это можетъ Вамъ засвидѣтельствовать Тютчевъ, и

если они немного опоздали, значитъ иначе было невозможно. Вы можетъ быть скажете, что это было въ такое время, когда у насъ не могло не быть денегъ. Точно. Но во 1-хъ, уплачивались долги по документамъ, а 2-хъ, въ нынѣшнемъ году у насъ подписка на всѣ журналы хуже, вслѣдствіе того, что газеты политическія въ интересѣ повысились, а журналы по нѣкоторымъ причинамъ стали скучны и пошлы до крайности. Такъ у Библіот. для Чт. убыло 900 подп., у Краевск. 500, у насъ 700. Дѣла наши не очень блистательны.

Вы пишете, что не знаете, нужны ли намъ ваши статьи. Это можетъ спрашивать только человѣкъ разсерженный. Еще пишете вы, что не можете ничего намъ прислать, пока мы не вышлемъ должныхъ вамъ денегъ, и съ легкимъ упрекомъ намекаете, что Краевск. далъ Вамъ впередъ! О, Тургеневъ! За что Вы такъ меня обижаете? Повѣрьте, что еслибъ Вамъ слѣдовали деньги, то я выслалъ бы ихъ безъ вашихъ напоминаній, зная до нѣкоторой степени, что Вы деньгами за границей не должны быть богаты. Но дѣло въ томъ, что вы въ своемъ счетѣ, который теперь у меня въ рукахъ, позабыли 300 р. серебр., посланные вамъ за границу въ *январѣ прошлаго года*,—такъ что всѣхъ денегъ забрано вами не 2.500 асс., но 3.500! *Жидъ* также въ счетъ не идетъ, ибо онъ достался мнѣ по прежнимъ счетамъ. Вамъ ничего не слѣдуетъ, что ясно увидите, получивъ отъ меня черезъ пять дней послѣ этого письма подробный счетъ.

Еще замѣчаніе. Вы считаете по 50 р. сер. за листъ—я противъ этого ни слова, и готовъ на будущее время платить вамъ больше, если вы пожелаете; но берите же и съ Краевскаго по крайней мѣрѣ хоть *не меньше* чѣмъ съ насъ, ибо *онъ богаче насъ*; по отношенію листа „Отеч. Зап." къ листу „Совр." вамъ, получая съ насъ 175 р. асс. за листъ, слѣдуетъ брать съ листа „Отеч. Зап." по 225 р. асс. Это замѣчаніе дѣлаю я для вашей пользы, такъ какъ вы даете знать въ вашемъ письмѣ, что хотите работать Краевскому.

Что касается до вопроса—нужны ли намъ ваши статьи, то кажется нечего отвѣчать вамъ на него. Очень нужны, если только Вы еще не такъ разсердились, чтобъ имѣть желаніе не давать намъ своихъ трудовъ и сдѣлать такимъ образомъ вредъ нашему журналу...

Касательно денегъ скажу вамъ, что если, ошибшись въ счетѣ, вы ждете отъ меня высылки денегъ и разсчитываете на нихъ,—то я могу выслать вамъ 200 р. сер. впередъ (не ранѣе впрочемъ нашихъ первыхъ чиселъ мая) не потому, чтобъ желалъ въ

этомъ случаѣ слѣдовать примѣру Краевскаго, а потому, что я всегда за особенное удовольствіе почиталъ сдѣлать что-нибудь для васъ при малѣйшей возможности,—зная, что и Вы съ своей стороны были мнѣ полезны и можете быть полезны впредь (хоть ужъ поэтому!).

Ничего особенно новаго и пріятнаго у насъ не имѣется. Мы наконецъ выпустили второй *Иллюстр. Альманахъ*, и разсчитываемъ, что онъ поддержитъ подписку. Покуда у насъ подписчиковъ 2400 (въ прошломъ году было 3100). Разсказы ваши (изъ „Зап. Ох.") напечатаны во 2 книжкѣ; они изрядно общипаны, но все еще весьма понравились публикѣ. „Нахлѣбникъ" вашъ *не пошелъ*—этого бы не случилось, еслибъ онъ попалъ къ намъ, а теперь онъ погибъ невозвратно. Если вздумаете намъ дать что-нибудь, увѣдомьте, къ какому времени и что именно—это меня очень интересуетъ. Прощайте! Поклонитесь Герцену.

Жду вашего отвѣта на счетъ денегъ. Не ожесточайтесь противъ стараго своего пріятеля Некрасова, который привыкъ видѣть въ васъ человѣка добра ему желающаго и самъ всегда былъ вамъ крѣпко преданъ. Ваше письмо меня огорчило не столько съ точки зрѣнія журнальныхъ дрязгъ, къ которымъ я наконецъ привыкъ, сколько съ другой.—Н. Некрасовъ.

27 марта 1849. Спбургъ.

„Современникъ" будетъ вамъ посланъ. Брату вашему 80 р. отдали. Онъ еще не былъ у меня. Н.

[Дальше, кажется, пишетъ Н. Н. Тютчевъ:]

Хр. воскресе.

Любезнѣйшій Ив. Серг. Я такъ долго задержалъ письмо Некрасова, чтобы имѣть право написать Вамъ, что къ Вамъ отправлено все вышедшее изъ редакціи Современника за 1849 годъ.

Прежде журналы пересылала Газ. Эксп., и тогда они могли быть отправлены ежемѣсячно, но теперь это дѣлается черезъ Таможню и поэтому мы будемъ, избѣгая излишнихъ хлопотъ, высылать вамъ журналъ мѣсяца за 3.

Жена моя вамъ очень кланяется, но у нея болятъ глаза, и это лишаетъ ее удовольствія писать къ вамъ.

Въ маѣ мы ѣдемъ въ деревню на лѣто. Адресъ къ намъ будетъ—Тверск. губ. въ Кашинъ. Всѣ вамъ очень кланяются.

[подпись трудно разобрать]...

Зиновьевъ пріѣзжалъ сюда на праздники и хвасталъ успѣхами своего д. суда.

21 апрѣля.

7.

[1849, 14 сент.].

Любезный Тургеневъ, крайне я радуюсь, что Вы наконецъ вразумились, что никакого поползновенія поступить съ Вами въ чемъ-нибудь непохвально я не имѣлъ, и стало быть, перестали питать ко мнѣ неблагопріятныя чувствованія. Вашъ *Завтракъ у Предв.* на дняхъ получилъ отъ пріѣхавшаго сюда Щепкина—и отдалъ въ наборъ для 10 № „Совр.“; вещь хорошая, но ваша комедія *Холостякъ* въ IX № „От. Зап.“—просто удивительно хороша, особенно первый актъ. Будьте другъ, сжальтесь надъ „Современ.“ и пришлите намъ еще Вашей работы да побольше, а мы всегдашніе ваши плательщики. Ужасно мнѣ досадно, что Вы думаете, будто „Современ.“ не получается Вами по моей безпечности! Не одинъ разъ, а двадцать разъ дѣлалъ я по этому случаю распоряженія и имѣю отъ Тютчева письменныя удостовѣренія, что къ Вамъ (или правильнѣе Герцену, *на Ротшильда*) посылается „Современникъ“.

Обратитесь же при случаѣ къ Тютчеву съ вопросомъ объ этомъ и увѣрьте его, что Вы ничего не получаете.

Покуда прощайте. Мы ждемъ Васъ сюда зимой. Признаться, пріятно было бы свидѣться. Кланяется Вамъ Панаевъ. Будьте здоровы. Душевно Вамъ преданный—Н. Некрасовъ.

14-е сентября нашего стиля. 1849. Спб.

8.

[1851].

Любезный Иванъ Сергѣичъ!

Хотя я и мало надѣюсь, чтобъ Вы уважили мою просьбу, но такъ какъ къ ней присоединяется и Ваше обѣщаніе, то и рѣшаюсь напомнить Вамъ о „Современникѣ“. Сей журналъ составляетъ единственную, хотя и слабую и весьма непрочную, но тѣмъ не менѣе единственную опору моего существованія,—потому не удивитесь, что я уже приставалъ часто и нынѣ пристаю къ вамъ съ новою просьбою не забыть прислать намъ что̀ у васъ написано (не смѣю прибавить: или написать что нибудь, буде ничего не написано) и поскорѣе: вѣрите ли, что на XI книжку у насъ нѣтъ ни строки ничего—ибо даже уже и „М. Оз.“ [„Мертвое Озеро“] изсякло. Знаю, что скучно получать такія просьбы, но еще тяжелѣе приставать съ ними къ человѣку, съ которымъ желалъ-бы совсѣмъ иначе разговаривать, но дѣлать нечего—необходимость извиняетъ меня. Я и такъ долго крѣпился и молчалъ, а теперь пришла крайняя нужда.

Я надѣюсь на вашу доброту и не прибавлю ничего болѣе.

Весь вашъ—Н. Некрасовъ.

15 сентября. Спбургъ.

P. S. Я даю вамъ обѣщаніе не печатать вашей статьи, если много вымараютъ, и продержать корректуру съ необыкновенной тщательностію.

P. S. Знаете ли, что нынѣшнее лѣто и осень около Петерб. прекрасная охота. Я между прочимъ очень много бью сѣрыхъ куропатокъ, которыхъ открылось множество за Ораніенбаумомъ, верстахъ въ 20-ти. А какъ идетъ ваша охота? И какъ вообще вы поживаете? Полагаю, что получше моего!

Романъ „Мертвое Озеро", Некрасова и Станицкаго (псевдонимъ А. Я. Панаевой), печатался съ января 1851-го и кончился, пятнадцатой частью, въ сентябрѣ того года.—А. П.

9.

[1851 ?]

8 Ноября-нашего стиля.

Любезный Тургеневъ. Душевно я желалъ бы послать вамъ тотчасъ всѣ 300 р. сер., но у меня ихъ теперь нѣтъ. Вижу по письму вашему, что Вамъ не безполезны будутъ покуда и 100 р. сер. и потому посылаю ихъ; въ слѣд. мѣсяцѣ или въ два срока или разомъ вышлю остальныя.

Ваши коммисіи исполнятся на дняхъ—они замѣшкались потому, что нужно было нѣкоторыя книги выписать изъ Москвы. У меня начато къ Вамъ большое письмо о бывшемъ недавно представленіи „Холостяка"—если параличъ не хватитъ мнѣ правую руку, то клянусь честью, я его допишу и пошлю на дняхъ къ Вамъ.

Ради Бога поторопитесь съ комедіей и вышлите ее на 1-ую книжку—этимъ по гробъ обяжете, а если ужь нельзя, то не позднѣе второй. Крайне нужно! Вашъ *Завтр. у предв.* [„Завтракъ у предводителя"] подвергался сомнѣнію (ибо въ немъ дѣйствуютъ помѣщики), но теперь его позволили для сцены, и стало быть онъ попадетъ и въ печать.

Не сердитесь, что мало денегъ. Наши денежныя дѣла плохи—ждемъ поправки отъ слѣдующаго года. Помогите, другъ! Денегъ вышлю, какъ скоро будутъ.

Третій актъ вашего „Холостяка" имѣлъ огромный успѣхъ, первый былъ принятъ хорошо, второй сухо. Прощайте.

Некрасовъ.

О „Холостякѣ“ Тургенева на сценѣ, см. „Современникъ“ 1849, ноябрь, стр. 139—142. „Завтракъ у предводителя“ напечатанъ много позднѣе, въ „Совр.“ 1856, августъ.—А. П.

10.

[1852]. 16 мая.

Любезный и милый Тургеневъ. Мы здѣсь съ Масловымъ поговорили-таки о тебѣ и теперь пишемъ къ тебѣ, въ надеждѣ, что ты будешь такъ добръ на досугѣ забросить къ намъ нѣсколько словечекъ о себѣ изъ Петербурга или изъ деревни. Я здѣсь оживаю, хотя дорога меня и измучила порядочно; охота здѣсь кажется будетъ чудесная [1]). Я еще отдыхаю и былъ только два раза неподалеку на тягѣ вальшнеповъ—оба раза было что стрѣлять, и я стрѣлялъ, да все мимо; видно, послѣ 9-мѣсячной отвычки отъ ружья благоразумнѣе начинать съ воронъ, чѣмъ съ вальшнеповъ; сегодня ѣду верстъ за десять и проведу ночь на охотѣ—мнѣ обѣщали показать токъ тетеревей. ... ... во всей красѣ и въ большомъ размѣрѣ. Мы съ Масловымъ перечитываемъ здѣсь книгу Аксакова, и я въ новомъ отъ нея восхищеніи. Дорогой я выдумалъ два стихотворенія, изъ коихъ одно будетъ кажется хорошо—а тебѣ его пришлю какъ кончу...

Прощай. Масловъ тебѣ еще припишетъ. Напиши намъ, не полѣнись. Ѣду сейчасъ на охоту.

[Письмо Маслова:]

Еще за недѣлю до пріѣзда Некрасова дошли ко мнѣ слухи о непріятности, подъѣвшей тебя, милый Тургеневъ! Не зная подробностей дѣла, я сильно безпокоился за тебя и хотя, услышавъ отъ Некрасова, какъ и что было, нѣсколько успокоился, но все-таки душевно сожалѣю, что тебя постигъ этотъ казусъ. Сегодня день твоего выхода и мы, ради этого счастливаго событія, осушили бутылочку.

Пріѣздъ Некрасова доставилъ мнѣ невыразимое удовольствіе. —Ты, вѣчно странствующій, не можешь постигнуть, что значитъ свиданіе съ пріятелемъ въ глуши, въ которой полгода прожилъ въ совершенномъ одиночествѣ, и еще съ пріятелемъ изъ П—бурга, гдѣ все и всѣ меня интересуютъ! Я закидалъ его вопросами и вѣрно не далъ бы ему уснуть цѣлую ночь, еслибы онъ не былъ такой хворой. Теперь онъ вошелъ въ азартъ на счетъ охоты, мѣстами для которой остался очень доволенъ и если возвращался

[1]) Жаль только, что теперь вся дичь на гнѣздахъ, остались одни закадычные холостяки, какъ говоритъ Овчинниковъ. [Прим. въ письмѣ].

всегда съ пустою сумкою, то въ этомъ можетъ винить себя.— Надѣюсь, что проживя у меня, онъ поправится въ своихъ силахъ и явится на страницахъ Современника свѣжимъ и юнымъ.

Поклонись отъ меня всѣмъ, Якушкину, Языкову, Панаеву, Мухортову, Лонгинову, однимъ словомъ, всѣмъ. — Вотъ еслибы кто-нибудь изъ нихъ посѣтилъ Осьмино!

Прощай.—Весь твой Масловъ.

Напиши къ намъ, адресуя такъ: въ городъ Ямбургъ, въ имѣніе Ея Величества.

11.

[1852, 21 октября].

Любезный Тургеневъ. Спасибо тебѣ, что ты вспомнилъ меня; еще болѣе спасибо за подробныя извѣстія о твоей охотѣ нынѣшнимъ лѣтомъ; дичи этотъ годъ вездѣ мало—около Петербурга вовсе не было бекасовъ и очень мало дупелей—но все-таки ты поохотился, какъ видно, весьма хорошо. Я охотился по желѣзной дорогѣ— эта дорога какъ будто нарочно пролегаетъ черезъ такія мѣста, которыя нужны только охотникамъ и болѣе никому; благословенные моховички съ жидкимъ ельникомъ, подгнивающимъ при самомъ рожденіи, идутъ на цѣлыя сотни верстъ—и тутъ-то раздолье бѣлымъ куропаткамъ! Есть въ этой сторонѣ и тетеревъ преимущественно мошникъ, довольно сѣрыхъ куропатокъ, но вальшнепа нѣтъ и признаковъ; бекасъ и дупель попадаются только изрѣдка. Въ три мои поѣздки туда убилъ я поболѣе сотни бѣлыхъ и сѣрыхъ куропатокъ и глухарей, не считая зайцевъ—и услыхалъ одно новое словечко, которое мнѣ очень понравилось—*пáморха*. Знаешь ли ты, что это такое? Это—мелкій, мелкій, нерѣшительный дождь, сѣющій какъ сквозь сито и бывающій лѣтомъ. Онъ зовется пáморхой въ отличіе отъ *изморози*, идущей въ пору болѣе холодную. Это словцо Новг. Губ. Унылая сторона, населенная на половину корелами, бѣдная и невѣроятно дикая—но тѣмъ лучше для нашего брата-охотника; изобрѣтеніе пороху еще не проникло сюда, и единственная охота, употребительная здѣсь—это на утокъ, посредствомъ брюха. Мужикъ идетъ по болоту и завидѣвъ молодую утку, старается упасть на нее брюхомъ, что иногда и удается ему. Не думай, что я шучу. Я это самъ видѣлъ. Къ охотникамъ съ ружьемъ здѣсь даже оказывается явное нерасположеніе и вотъ что со мной случилось. Разъ я заблудился въ нескончаемомъ моховичкѣ съ моимъ егеремъ (здѣсь не всегда найдешь проводника); долго мы не встрѣчали ни души чтобы спросить, какъ пройти въ ближайшую деревню Борки. Я усталъ, проголодался, взмокъ отъ поту и брелъ

въ тупомъ озлобленіи на удачу—наконецъ завидѣлъ человѣческій задъ и очень обрадованный побѣжалъ къ нему. Это была баба, сбиравшая гнилые масляники (кромѣ этихъ грибовъ здѣсь другихъ не водится). Я обратился къ ней съ вопросомъ и получилъ вотъ какой отвѣтъ:

Скинь портки,
Такъ и дойдешь въ Борки.

И больше я ничего не могъ добиться отъ этой бабы, глядѣвшей на меня съ невѣроятнымъ озлобленіемъ.

Частію, мои отлучки на охоту, а болѣе—другія неблагопріятныя обстоятельства были причиною, что журналъ нашъ такъ запаздывалъ. Впрочемъ, мы это надѣемся наверстать въ послѣдніе мѣсяцы этого года. Спасибо тебѣ, что не полѣнился написать намъ свое мнѣніе о нашемъ журналѣ—мы согласны съ нимъ; дѣлай это и впредь; если не будетъ лѣнь, обрати вниманіе на повѣсть Дѣтство въ IX №—это талантъ новый и, кажется, надежный. Настоящее имя его—графъ Ник. Ник. Толстой—офицеръ, служащій на Кавказѣ. Что ты думаешь объ авторѣ Ульяны Терентьевны и Якова Яковлича? Батмановъ (особенно первая половина) очень хорошъ, но какое грубое существо этотъ господинъ (т.-е. авторъ)! Я думаю, ты уже прочелъ 2 часть Батманова; эта часть поразила меня своею грубостію; сцена съ фракомъ, львица—*княгиня*, которая все толкаетъ мужчинъ; письмо Наумовой о пощечинахъ, съ подписью: *женщина*, которой очень хотѣлось за васъ замужъ—какъ все это нѣжно! Удивительно еще, какъ мало авторъ затрудняется въ разрѣшеніи самыхъ трудныхъ вопросовъ. Послѣ этой повѣсти . . . . . онъ мнѣ иначе не представляется какъ *литературнымъ городовымъ*, разрѣшающимъ всѣ вопросы жизни и сердца палкой! Впрочемъ, потому все это и досадно, что таланту много. Присылай свою статью о книгѣ Аксакова. Мы спрашивали о тебѣ и намъ сказано, что ты можешь писать и печатать, только г. Крыловъ (это ужь онъ для себя) замѣтилъ, что лучше, если ты будешь представлять свои произведенія *въ цѣломъ*, чтобъ можно было видѣть—идею сочиненія. Еслибъ ты намъ прислалъ разсказъ (напр. *Переписку*)—это теперь намъ принесло бы болѣе пользы, чѣмъ цѣлый романъ другого автора.

Прощай. Я скоро буду тебѣ еще писать и пришлю тебѣ свои стихи, которые думаю помѣстить въ 1-й № „Совр.“ Панаевъ и Авдотья Яковлевна тебѣ кланяются. Здѣсь теперь Васинька. О немъ тоже напишу послѣ.—Весь твой Н. Некр.

21 октября 1852. Спб.

Пиши, голубчикъ.

Выше, очевидна ошибка съ именемъ автора „Дѣтства“; дѣло въ томъ, что въ это же время стало въ первый разъ извѣстно и имя гр. Николая Ник. Толстого, какъ писателя.

12.

[1852].

Милый Тургеневъ. Получилъ я твое письмо. Я радъ иногда писать къ тебѣ, но я нахожусь почти постоянно въ такомъ мрачномъ состояніи духа, что врядъ ли мои письма доставятъ тебѣ удовольствіе. Вотъ и теперь мнѣ такъ и хочется прежде всего написать тебѣ, что я золъ, что у меня въ груди кипитъ чортъ знаетъ что̀ такое, а какое тебѣ дѣло до этого. Для полноты и ясности прибавлю однакожь, что здоровье мое необыкновенно скверно. Чтобъ не продолжать въ этомъ родѣ, выписываю тебѣ мои стихи, которые я думаю напечатать въ 1 № „Современника“ на 1853.

Муза.

Нѣтъ, Музы ласково поющей и прекрасной... [1])

. . . . . .

Замѣчу, что нѣкоторые стихи здѣсь измѣнены—потому, что манускриптъ я затерялъ, а память не все сохранила. Напиши, какъ тебѣ понравятся, да не замѣтишь ли чего нехорошаго? Я знаю, какъ у тебя тонокъ глазъ на эти вещи. Напиши, я успѣю еще до печати передѣлать. Сегодня выходитъ XI № „Современн.“, въ немъ ты найдешь недурную комедію въ стихахъ А. Жемчужникова и „Снобсовъ“ Теккерея; ты конечно не будешь ими доволенъ, но мы въ восторгѣ. Масловъ живетъ въ Осьминѣ и усердно служитъ. Языковъ, Панаевъ и всѣ твои друзья тебѣ кланяются. Въ Англійскомъ клубѣ вижусь съ Алединскимъ [2])—

---

[1]) Какъ въ извѣстномъ текстѣ, изд. 1882, стр. 19—20; укажемъ только варіанты:

...Но рано *надъ собой почувствовалъ я* узы
Другой, не ласковой и не любимой Музы—
...Рожденныхъ для *заботъ, несчастья и трудовъ*...
...И юношескихъ лѣтъ прекрасныя мечты
По трудному пути растерянная гордость
И всетерпящая, постылая ей твердость,
Желанья и мечты, которымъ никогда
Свершиться не дано—и вѣрная бѣда;
Погибшая любовь, и пр.
...Играла бѣшено моею колыбелью,
Смѣялась, плакала... и буйнымъ языкомъ
На головы враговъ звала Господень громъ!..
Чрезъ бездны тѣмныя *Отчаянья и Зла.*

[2]) Это конечно Альбединскій.—А. П.

онъ говоритъ, что убилъ въ нынѣшнемъ году въ 6 недѣль 530 штукъ дичи. Ты его знаешь болѣе—вретъ онъ или нѣтъ? Мнѣ кажется онъ пріятный господинъ—насколько можно быть таковымъ съ такой непоколебимой наклонностью къ гримасамъ. О Щербинѣ я съ тобой совершенно согласенъ. Прощай до слѣдующаго письма, которымъ я не замедлю.—Твой Некр.

Читай въ „Совр." статью объ Японіи—я рѣдко надъ чѣмъ такъ смѣялся, какъ надъ нѣкоторыми чертами этого милаго народа.

[Въ „Современникѣ" 1852, ноябрь, помѣщена была комедія въ стихахъ „Сумасшедшій", Алексѣя Жемчужникова.

Тамъ же, въ книжкахъ сентября—декабря, помѣщена была статья Евг. Корша: „Японія и японцы".

О стихотвореніи Некрасова Тургеневъ отозвался вообще благопріятно—въ письмѣ къ Некрасову отъ 18 ноября 1852 („Р. Мысль", 1902, стр. 117—118). Тамъ же,—ему чрезвычайно понравилась статья объ Японіи; но съ нѣкоторымъ ужасомъ онъ говоритъ о статьѣ Аѳанасьева. „Статью Аѳанасьева я не прочелъ; можетъ быть, она очень хороша, но у меня почему-то отъ зооморфизма и зооморфическихъ божествъ животъ подводитъ, а это нездорово въ нынѣшнее холерное время"...]

13.

[1853].

Любезный Тургеневъ. Я очень давно не писалъ къ тебѣ—извини. Во-первыхъ, я ѣздилъ въ Москву, во 2-хъ—хворалъ, въ 3-хъ былъ занятъ 1 кн. „Соврем.". Теперь надѣюсь быть аккуратнѣе и писать раза два въ мѣсяцъ непремѣнно.

Прежде всего спасибо тебѣ за твою статью, которую я нашелъ легкою и живою насколько подобаетъ статейкѣ такого рода, а другіе находятъ даже прекрасною во всѣхъ отношеніяхъ, выражаясь такъ, что-де за что Тургеневъ ни возьмется, непремѣнно выйдетъ отличная вещь,—и это многіе.

Ты замѣтишь мѣсто, вылетѣвшее изъ статьи—я сохранилъ оригиналъ.

Получилъ ты 1 № „Совр." и вѣрно имъ недоволенъ, а я такъ и очень. Давно не выпускали мы такой мрачной книги. Что ты думаешь о комедіи Писемскаго? Объ остальномъ не стоитъ ни спрашивать, ни говорить. Во 2-мъ № прочти повѣсть *Рыженькая*. Новый авторъ. Не то, чтобы очень даровито, но исполнено простоты и истины, притомъ лица, при всей ихъ обыкновенности, какъ-то съ особеннымъ тактомъ очерчены. Интересно, что ты скажешь. Съ 3 книги начнемъ романъ Григоровича *Рыбаки*; кажется, романъ будетъ хорошъ. — Григоровичъ

былъ здѣсь и, кажется, на дняхъ уѣхалъ. Въ замѣнъ его прибылъ Анненковъ—съ оконченной біографіей Пушкина—ничего еще о ней не знаю. Аненковъ похваляется, что Пушкинъ выйдетъ непремѣнно въ нынѣшнемъ году, но я этому рѣшительно не вѣрю. Кстати о біографахъ. Гаевскій написалъ прекрасную статью о Дельвигѣ. А затѣмъ литер. новости—всѣ.

[Письмо Панаева:]
20 янв.

Другъ милый Иванъ Сергѣевичъ, цѣлую тебя—спасибо за статью объ Аксаковѣ, она всѣмъ нравится—пиши и присылай еще чего-нибудь. 1 № Совр.—мраченъ, да дѣлать было нечего; 2-й будетъ лучше.—Eudoxie и всѣ наши тебѣ кланяются. M-me Viardot производитъ фуроръ въ Петерб.,—когда она поетъ—нѣтъ мѣстъ.

Въ „О. З.“ Галаховъ и Дудышкинъ *по заказу* Краевскаго пустили въ меня всю свою артиллерію. Прочти и помни, что не смотря на это еще живъ твой—Панаевъ.

(„Рыбаки“ Григоровича печатались въ „Совр.“, 1853, съ первыхъ книжекъ до сентября.)

14.

[1853, іюль].

Любезный Тургеневъ, Я часто вспоминаю о тебѣ, а сегодня наконецъ почувствовалъ желаніе, даже потребность писать къ тебѣ. Мы такъ давно не писали другъ къ другу, что я буду писать о себѣ и прошу тебя въ своемъ отвѣтѣ сдѣлать тоже. Живу я съ конца апрѣля въ маленькомъ имѣньишкѣ моего отца, которое онъ передалъ мнѣ, близь города Мурома; деревенской жизнію не тягощусь; хотя весенняя охота вездѣ бѣдна, однакожь здѣсь дичи такъ много, что не было дня, чтобъ я не убилъ нѣсколько бекасовъ и дупелей, не говоря уже объ уткахъ, которыхъ я уже и бить пересталъ; въ маѣ мѣсяцѣ убито мною 163 штуки красной дичи, въ томъ числѣ дупелей, бекасовъ, вальшнеповъ и гаршнеповъ 91 штука. Съ 15 іюля появились молодые бекасы и дупеля, но такіе стоятъ жары и столько комара и мошки, что охотиться нѣтъ возможности; противъ самаго моего дому между моимъ озеркомъ и Окой версты на двѣ въ ширину тянется лугъ, и теперь я только поколачиваю на этомъ лугу по вечерамъ перепеловъ: до нынѣшняго лѣта я въ глаза не видалъ перепела, и эта охота меня занимаетъ. Вчера вечеромъ рискнулъ пойти на болото, но былъ совершенно изъѣденъ

комарами; убилъ (не съ большимъ въ часъ) 8 бекасовъ и 3-хъ дупелей. Къ выводкамъ тетеревей и куропатокъ еще не приступалъ, но говорятъ, тетеревята у насъ уже въ пол-матки. Стрѣляю я изъ отличнаго англійскаго ружья (Пöрдэя), за которое заплатилъ несмѣтныя суммы, выигранныя впрочемъ въ одинъ вечеръ. Кстати, до тебя, кажется, дошли слухи о моихъ клубныхъ подвигахъ,—дѣйствительно, я вы(игралъ) до 9 т. сер. и еслибъ не былъ трусоватъ въ игрѣ, то могъ бы выиграть состояніе—такое везло счастье цѣлый мѣсяцъ неизмѣнно! Для полноты свѣдѣній прибавлю, что я отъ этого не разбогатѣлъ, а только легче вздохнулъ: было у меня долгу 15 т., а теперь осталось 7-мь. Впрочемъ, это въ сторону. Первая половина этого письма провалялась дня три и теперь дописывая его, я могу сказать, что дѣйствительно у насъ молодой тетеревъ уже крупенъ, ибо вчера я поднялъ четыре выводка. Но вотъ бѣда! превосходнаго моего кобеля и друга Раппо разрѣшило на задъ—и я уже не нахожу такого удовольствія въ охотѣ—на лѣсную дичь особенно—какъ прежде, ибо въ сученкѣ Діанѣ, съ которою теперь охочусь, при многихъ добрыхъ качествахъ, вовсе нѣтъ вѣжливости, столь необходимой когда собака подводитъ къ выводку. Впрочемъ, не будетъ ли объ охотѣ, развѣ попросить тебя не дивиться, что я не щадилъ весенней дичи—я пріѣхалъ съ долговременнаго голода. Отвѣчай мнѣ пожалуйста. Меня интересуетъ, что ты дѣлаешь—какъ стрѣляешь, пишешь, скучаешь, веселишься, въ какомъ духѣ обрѣтаешься. Адресуй: въ *Муромъ* на мое имя.—Твой Некрасовъ.

9-го іюля 1853. Сельцо Алешунино.

15.

[1853, сентябрь].

[Письмо Панаева:]

Любезный другъ Иванъ Сергѣевичъ,

Мы всѣ смертельно соскучились по тебѣ. А я не имѣю отъ тебя Богъ знаетъ сколько времени ни слуху, ни духу. Слышалъ о твоемъ романѣ отъ Арапетова и Корша, я очень бы желалъ прочесть его, но говорятъ, онъ былъ присланъ на короткое время и исчезъ изъ Пбурга.—Что ты и какъ ты? Не пишешь ли чего-нибудь другого?—Присылай, если что-нибудь есть, въ *Современникъ*—теперь, скажу по секрету—у меня цензоръ отличный, умный и благородный. Это можетъ оживить журналъ. Крыловъ умеръ отъ холеры, а послѣ его ценсоровалъ Фрейгангъ два но-

мера и исказилъ ихъ немилосердно. Всѣ *наши* тебѣ очень, очень кланяются.

Пиши къ намъ, каждая вѣсть о тебѣ намъ пріятна.—Твой И. Панаевъ.

22 сентября.

[Письмо Некрасова:]

Милый Тургеневъ, я получилъ твое письмо и душевно тебѣ за него благодаренъ. Отвѣчать на него не успѣлъ, потому что уѣхалъ изъ Владимірской деревни въ Ярославскую, къ отцу. Поохотившись тамъ (и очень пріятно) нынѣ я возвратился черезъ Москву въ Стпетербургъ и принимаюсь за свои обычныя дѣла. „Современникъ" не то чтобы былъ хорошъ—ты вѣрно это замѣтилъ,—но авось теперь будетъ лучше: по крайней мѣрѣ есть возможность—и полная—его улучшить. Впрочемъ, объ этомъ поговоримъ на досугѣ подробнѣе; теперь много писать некогда.

Вотъ что мнѣ хотѣлось тебѣ сообщить. Въ проѣздъ мой черезъ Москву, слышалъ я отъ В(асилія) Ботк(ина) и Н. Кетч(ера) ругательства твоему роману. Эти люди таковы, что коли ругать, такъ ругать, а хвалить такъ хвалить,—и меня не удивила рѣзкость ихъ отзывовъ; но меня удивилъ выборъ судей съ твоей стороны. Какъ Б., такъ и К. очень мало понимаютъ въ этомъ дѣлѣ. Если ты разсчитывалъ, что они дадутъ прочесть твой романъ кому-нибудь, имѣющему поболѣе вкусу, то очень ошибся; никто кромѣ ихъ его не читалъ, и рѣшеніе надъ нимъ состоялось по приговору этихъ двухъ лицъ, и теперь, я увѣренъ, нѣтъ въ Москвѣ грамотнаго человѣка, который бы не зналъ уже и не повторялъ, что Тургеневъ написалъ плохой романъ. Это, конечно, не важность для тебя, но еще вопросъ, правы ли эти господа, и я прошу тебя, не какъ журналистъ, а какъ твой пріятель—пришли мнѣ этотъ романъ для прочтенія. Я не хочу этимъ сказать, что у меня больше вкусу, но мнѣ любопытно прочесть этотъ романъ, и если хочешь, я потомъ напишу тебѣ о немъ свое правдивое мнѣніе. Само собою разумѣется, что я не имѣю тутъ никакихъ журнальныхъ соображеній. Будь здоровъ. Я напишу тебѣ на дняхъ больше.—Весь твой Н. Некрасовъ.

26 сентября.

[Цензоръ, смѣнившій въ „Современникѣ" Крылова и Фрейганга, былъ В. Н. Бекетовъ.]

16.

17 Ноября, 1853.

Милый Тургеневъ, какъ ни люблю я тебя и какъ ни желаю

почаще имѣть о тебѣ извѣстія, однакожь мнѣ рѣдко удается писать къ тебѣ—и это не потому, чтобъ я былъ занятъ, а нахожусь почти постоянно въ такомъ негодномъ духѣ, что самому скверно. Кажется, приближается для меня нехорошее время: съ весны заболѣло горло и до сей поры кашляю и хриплю—и нѣтъ перемѣны къ лучшему, грудь болитъ постоянно и не на шутку; къ этому нервы мои ужасно раздражительны; каждая жилка танцуетъ въ моемъ тѣлѣ, какъ будто у нихъ вѣчный праздникъ, и мнѣ отъ этого совсѣмъ не весело, каждая мелочь выростаетъ въ моихъ глазахъ до трагедіи—и вдобавокъ—стихи одолѣли—т.-е. чуть ничего не болитъ и на душѣ спокойно, приходитъ *Муза* и выворачиваетъ все вверхъ дномъ; и добро бы съ какой-нибудь пользой, а то безъ толку,—начинается волненіе, скоро переходящее границы всякой умѣренности—и прежде чѣмъ успѣю овладѣть мыслью, а тѣмъ паче хорошо выразить ее,—катаюсь по дивану съ спазмами въ груди, пульсъ, виски, сердце бьютъ тревогу—и такъ пока не угомонится сверлящая мысль. На этомъ основаніи я себя сравниваю съ караульней, подымающей стукотню всякій разъ, какъ проѣдетъ генералъ. Зато началъ много, да что толку. Посылаю тебѣ „Филантропа"—скажи мнѣ о немъ свое мнѣніе. Этой вещи я не почитаю хорошею, но дѣльною,—можетъ быть, въ деревенскомъ единообразіи чтеніе ея доставитъ тебѣ и нѣкоторое удовольствіе хоть тѣмъ, что напомнитъ старое,—по крайней мѣрѣ я теперь вдругъ вспомнилъ наши давніе литературные толки, ту охоту, съ которою я прочитывалъ тебѣ каждое мое новое стихотвореніе, и то вниманіе, съ которымъ ты меня слушалъ. Давнія времена! Мнѣ теперь ихъ жаль!

По истинѣ, мнѣ становится грустно, какъ подумаю о скукѣ, которую ты претерпѣваешь. Предъидущее письмо мое вызвала досада на людей, которые, можетъ быть, охолодили въ тебѣ даже охоту къ труду, разругавъ тебѣ твой романъ,—и я увѣренъ, несправедливо: въ романѣ твоемъ можетъ недоставать соразмѣрности въ построеніи, допускаю даже, что въ немъ проскользнуло что-нибудь фальшивое, но чтобъ ты могъ написать томъ дряни, этому повѣрю развѣ тогда, когда лишусь здраваго смысла—увѣренъ, что тамъ есть даже отличныя вещи—жаль, что мнѣ не удалось его прочесть. Въ Москвѣ я читалъ твой „Постоялый дворъ"—вещь прекрасная, но выполненіе слабѣе, чѣмъ въ другихъ твоихъ разсказахъ,—какъ-то блѣдновато, думаю, потому, что ты не имѣлъ цѣли окончательно его отдѣлывать. Читалъ я *Чувства души въ высокоторж. праздникѣ.* Кому бы ни принадлежали эти стихи—они превосходны. Это мое мнѣніе

послѣ троекратнаго ихъ прочтенія, съ значительными промежутками. Если ты позволишь, мы бы напечатали ихъ, даже прошу объ этомъ. Вотъ тебѣ литературная новость: Майковъ написалъ небольшую поэму Дуня-Дурочка—это рѣшительно лучше всего, что онъ писалъ. Прощай. Напиши ко мнѣ пожалуйста поскорѣе. Будь здоровъ.—Весь твой Н. Некр.

„Филантропа"—не успѣлъ переписать, пришлю послѣ.

Не сдѣлаешь ли чего для 1 книжки „Современника"? Что твой разсказъ *Переписка*?

17.

[1854].

Середа, утромъ 9 часовъ.—Сверхъ ожиданія доѣхалъ я до Москвы хорошо, то-есть столько имѣлъ крѣпости, что нигдѣ не останавливался и проѣхалъ всю дорогу залпомъ—въ 27 часовъ, т.-е. прибылъ въ Москву во 2-мъ часу во вторникъ. На предпослѣдней станціи обогналъ меня ѣдущій курьеромъ сынъ кн. Меншикова—генералъ; это и заставляетъ меня писать къ тебѣ. Впрочемъ, вотъ все что я узналъ. Меншиковъ, прискакавъ въ Подольскъ, пока ему запрягали лошадей, вызвалъ смотрителя и сказалъ ему: „Скажи графу (Закревскому, котораго дача Ивановское находится въ 4-хъ верстахъ отъ Подольска), что я потому не заѣхалъ къ нему, что надѣюсь поспѣть прямо къ желѣзной дорогѣ. Впрочемъ скажи, что все благополучно, слава Богу,—и новаго ничего нѣтъ". Онъ поѣхалъ, но черезъ минуту ямщики вбѣжали къ смотрителю съ криками: „воротился! воротился!" Смотритель выбѣжалъ (и я тоже), Мен. точно воротился; онъ сказалъ, смотря на часы: „Нѣтъ, я никакъ не успѣю къ машинѣ—и потому поѣду самъ къ графу". Поѣхалъ, а я пошелъ пить чай. Только что я напился и сошелъ внизъ, а ужь Мен. тутъ (успѣлъ съѣздить), ему впрягли свѣжихъ лошадей и онъ ускакалъ—на слѣдующей станціи (послѣдней къ Москвѣ) я узналъ, что онъ велѣлъ везти себя прямо на машину, разсчитывая, что ему дадутъ особый поѣздъ.—Вотъ какія новости. Судя по тому, что черезъ смотрителя никто не сталъ бы передавать важныхъ новостей, еслибъ они и были, и по тому, что кн. Меншиковъ едвали бы послалъ своего сына съ пустымъ или съ печальнымъ извѣстіемъ—я думаю, что Всемогущій послалъ новую побѣду русскому оружію и радуюсь. Впрочемъ, ты на досугѣ въ деревнѣ можешь эти факты обдумать хорошенько—нечего покуда къ нимъ прибавить—въ Москвѣ знаютъ столько же, сколько знали мы съ тобой въ Спасскомъ.

Видно мнѣ не судьба видѣть Лонгинова. Сдѣлавъ свои дѣла, я вчера заѣхалъ во всѣ клубы—оказалось, что главный обѣдъ въ Моск. Куп. Клубѣ, по случаю новаго повара,—всѣ были убѣждены, что Лонгиновъ будетъ и я остался тутъ обѣдать,—но Лонгиновъ не явился. Бартеневъ сказалъ мнѣ, что Лонгиновъ у Шевалье, я туда—только-что уѣхалъ въ театръ, а вечеромъ-де будетъ въ Аглиц. клубѣ. Я поѣхалъ въ свой нумеръ и легъ спать, приказавъ себя разбудить въ 9-ть часовъ (чтобъ ѣхать въ клубъ). Весь трактиръ Мореля и даже мой извощикъ будили меня, говорятъ; но видно Лонгинову не суждено было услышать знаменитое посланіе, которое, кажется, уже всѣ знаютъ, кромѣ того, къ кому оно писано.—Что еще сказать тебѣ? За этою фразою обыкновенно въ письмахъ слѣдуетъ что-нибудь болѣе или менѣе нѣжное—интимное—и я не отстану. Мой голосъ ставитъ меня часто въ очень комическія или странныя положенія. Просыпаюсь сегодня—звоню, колокольчикъ оборвался, кричу—въ томъ-то и бѣда, что кричать не могу . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . Все ужь у меня уложено, а еще есть полчаса времени. Гляжу въ окно—мокро и дождь идетъ—и вспомнилъ нашу охоту. Не мудрено, что послѣ морозовъ у васъ теперь *отпустило*—прилетѣли вальдшнепы, и ты сегодня отправился ихъ бить, а я! Добрый годикъ вышелъ мнѣ ныньче, какъ бы чортъ его скорѣе взялъ! Боюсь, что онъ меня дорѣжетъ, а впрочемъ все вздоръ:

Ничего! гони во всѣ лопатки,
Труденъ путь, да легокъ конь,
Дожигай послѣдніе остатки
Жизни, брошенной въ огонь!

Это я сочинилъ дорогой—въ утѣшеніе себѣ.—Прощай и будь здоровъ.

Тарантасъ твой, человѣкъ и подушка отправлены къ твоему брату, за все спасибо.—Твой Некр.

5 окт.

18.

9-го окт. пятн. [1854].

Я уже третій день дома.—Ничего нѣтъ новаго. Меншик. точно не привезъ никакихъ особенныхъ извѣстій. Сент-Арно умеръ, да ты это вѣрно знаешь изъ газетъ [1].—Это политика.

[1]) Маршалъ Сентъ-Арно умеръ 29 сент. 1854, по дорогѣ въ Константинополь изъ-подъ Севастополя.—А. П.

Теперь пойдетъ литература. Ты вѣрно получилъ X № „Совр.". Онъ вышелъ здѣсь 2-го числа. Но въ немъ новаго для тебя немного. Меня очень смѣшитъ мѣстами повѣсть о майорѣ Гагаганѣ, хотя въ ней есть скучныя длинноты, и вообще непостижимо терпѣніе автора, который заставляетъ лгать своего героя сто страницъ слишкомъ. Это производитъ такое же впечатлѣніе какъ лгуны въ натурѣ, но отъ лгуновъ въ жизни можно бѣжать или прогнать ихъ въ шею, а съ книжнымъ не раздѣлаешься, пока не дочтешь его вранья. Вотъ то, что Друж. именуетъ чернокнижіемъ, но нашему чернокнижію далеко до Теккереевскаго.—Проѣздомъ черезъ Москву увидалъ я у Базунова толстѣйшую книжищу съ названіемъ *Пѣсни разныхъ народовъ, пер. Берга.* Еслибъ этотъ Бергъ былъ даже . . . . . то все-таки книга его доставила мнѣ на цѣлый день (въ дорогѣ) интересное чтеніе—и я ему благодаренъ. Этого мало: я стою на томъ, что книга хороша и можетъ занять даже и не въ дорогѣ. Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ я пошлю записку къ московскому Базунову, чтобъ онъ тебѣ ее выслалъ. Изъ нея ты узнаешь—впрочемъ мнѣ некогда много писать, но ты самъ увидишь, что кромѣ дѣльности книга имѣетъ большое литературное достоинство—въ ней встрѣчаются настоящіе перлы поэзіи. Выпишу тебѣ одну пѣсенку, самую коротенькую—*мадьярскую.*

Два милыхъ было у меня
Дороже всей родни,
Да бѣдность одолѣла ихъ—
И померли они.

Что одного-то милаго
Въ саду я положу,
Другаго я сердечнаго
Подъ сердцемъ схороню.

Полью въ саду я милаго
Съ Дунай-рѣки водой,
Полью дружка сердечнаго
Горючихъ слезъ рѣкой.

Мнѣ это кажется удивительно хорошо. Будь здоровъ.

Твой Некр.

[О книгѣ Берга Тургеневъ въ письмѣ къ Некрасову, отъ 15 октября 1854, изъ Спасскаго, говоритъ: „Было время, что я съ ума сходилъ отъ народныхъ пѣсенъ, и у меня есть различные переводы сербскихъ, мадьярскихъ, финскихъ и другихъ пѣсенъ. Это предпріятіе Берга очень полезно и хорошо, вотъ гдѣ бьютъ родники истинной поэзіи. Я тебѣ благодаренъ за мысль выслать мнѣ эту книгу"...

Но ужъ черезъ недѣлю, ближе познакомившись съ книгой, Турге-

невъ въ письмѣ отъ 22 окт. 1854 очень сурово отзывается объ исполненіи... „За книгу Берга очень благодарю, хотя выборъ пьесъ сдѣланъ очень дурно, и переводъ большею частію вялъ и плохъ и даже, какъ я могу судить, невѣренъ. Французскія, наприм., пѣсни—столько же народны, сколько народны досуги Кузьмы Пруткова. Это вздоръ, сочиненный очень недавно, между тѣмъ, какъ у нихъ есть славныя, старинныя пѣсни. Испанскія тоже прегадко выбраны; мнѣ кажется, Бергъ болѣе желалъ пощеголять знаніемъ всякихъ языковъ. Но мысль хороша и дѣльна и заслуживала лучшаго исполненія“...]

19.

16 окт. Спб. [1854].

Получилъ вчера твое письмо.—Гдѣ это могли оказаться у тебя гаршнепы? Все таки вы воротились домой не съ пустомъ. Видѣлъ нашего добраго [1]): каталогъ у него былъ, да кто-то взялъ и проч., т.-е. каталога нѣтъ. Онъ жизнію доволенъ—Пушкина получилъ и на слѣдующей недѣлѣ приступаетъ къ печатанію. Я не буду много писать, потому что голова моя занята шутовскимъ сочиненіемъ, которое мнѣ хочется написать для Ералаша. 10 № „Совр.“ ты имѣешь, а XI идетъ хорошо—„Хлыщей“ Панаева пропустили безъ измѣненій и выпусковъ—пришлю тебѣ XI № какъ и X, т.-е. ты его получишь на 6-ой день послѣ выхода здѣсь. Новостей никакихъ нѣтъ, кромѣ извѣстныхъ тебѣ по газетамъ.—Здѣсь стоитъ сырая погода и можно бы еще охотиться—по улицамъ таскаютъ бекасовъ и утокъ, да мнѣ не до того. Смерть хотѣлось бы уѣхать за границу, да выросло новое препятствіе, съ которымъ не знаю справлюсь ли.—Кланяюсь Порфирію и радъ, что ему досталась хорошая жена. Посовѣтуй ему вывести скверный запахъ изъ первой его комнаты, а то мнѣ отсюда видится, какъ морщится его жена, входя въ эту комнату. Будь здоровъ. Я здѣсь немедленно по уши въѣхалъ въ хлопоты, но выношу всякія гадости съ большимъ мужествомъ, чѣмъ отъ себя ожидалъ. Ни мало не раскаиваюсь, что съѣздилъ къ тебѣ, хотя и плохо поохотился—это, кажется, укрѣпило меня. Жаль только, что мало пробылъ—даже не успѣлъ порядкомъ войти въ эту жизнь, для которой я, кажется, сотворенъ. Получилъ ли Сборникъ пѣсенъ? Не правда ли—стоитъ въ немъ порыться на досугѣ.—Некр.

[Рѣчь идетъ опять о книгѣ Н. В. Берга: „Пѣсни разныхъ народовъ“. М. 1854. Этой книгѣ посвящена была большая статья въ „Современникѣ“.]

---

[1]) Подразумѣвается П. В. Анненковъ.—А. П.

20.

[1854].

Получилъ твое письмо—хорошо дѣлаешь, что работаешь; Григоровичъ занятъ большимъ романомъ—на него нѣтъ вѣрной надежды, и теперь уже я слезно тебя прошу написать на 1 или 2 книжку „Современника“ разсказъ хоть небольшой или что ты хочешь да чтобъ было твое имя. А то чѣмъ же мы начнемъ годъ—Дружининымъ? Это самое блестящее изъ всего, что есть—Писемскимъ? но онъ наворотилъ исполинскій романъ, который на авось начать печатать страшно—надо бы весь посмотрѣть. Это неряха, на которомъ не худо оглядывать каждую пуговку, а то подъ застегнутымъ сертукомъ какъ разъ окажутся штаны съ дирой . . . . . Получилъ разсказъ Основскаго. Штука обыкновенная, но тамъ есть черта (должно быть, услышанный анекдотъ) мольеровская. Какой-то подлецъ позвалъ обѣдать губернатора—тотъ явился, и положилъ свою каску на окно. „Ва— Пр—во! здѣсь дуетъ!“ закричалъ подлецъ и переложилъ каску. Изъ сего слѣдуетъ, что подлость также размягчаетъ сердца, какъ и добродѣтель. Напечатаю Основскаго въ XII кн. и вышлю ему деньги (не болѣе 25 р. сер. за листъ).—*Нашъ добрый* въ сильной дѣятельности, но что это за кулацкое безвкусіе!—я ему помогаю въ выборѣ бумаги, но не я буду виноватъ, если форматъ новаго Пушкина будетъ уродливъ и шрифтъ гадокъ—ужь эти статьи онъ рѣшилъ! Шрифтъ (тонкій и узкій) особенно для стиховъ мнѣ рѣшительно не нравится. Изданіе скоро начнется.—Кланяйся бубулькѣ. Кстати. Я увѣренъ, что эта смѣтливая сучка теперь съ гордостью думаетъ: „Наконецъ *онъ* такъ привязался ко мнѣ, что и на зиму остался *со мной* въ деревнѣ“ или что-нибудь подобное.—Твой Некр.

22 окт.

21.

6 ноября [1854].

Захлопотавшись съ XI № „Совр.“ (я тебѣ его вчера послалъ по легкой почтѣ), давно я тебѣ не писалъ. Во 1-хъ, я привелъ свои дѣла въ такое положеніе, что могу ѣхать за границу, хоть завтра, если будетъ можно. Во 2-хъ, въ чаяніи собрать нѣсколько денегъ къ отъѣзду, началъ я изрѣдко поигрывать въ картишки—и пока съ успѣхомъ; въ 3-хъ, получили письмо отъ Вас. Петр. Боткина, который говоритъ, что Баратынскій былъ пьяница, стиховъ котораго печатать не стоило, а по поводу „Отрочества“ замѣчаетъ, что таланты бываютъ благородные и

неблагородные и еще что-то, такъ что по этой классификаціи выходитъ, что Гоголь-писатель былъ подлецъ, а Влад. Ив. Панаевъ благороднѣйшій дѣятель литературы. Какъ это все свѣжо! Къ этимъ литературнымъ аристократамъ причисляетъ онъ и Толстого, которымъ очень восхищается. Ты хочешь знать объ „Отрочествѣ"—конечно, всѣ его хвалятъ, съ кѣмъ мнѣ случалось говорить, но видятъ настоящую его цѣну немногіе—вѣдь Дружининъ не дуракъ, а что онъ найдетъ для себя въ „Отрочествѣ"? Такихъ много и въ публикѣ; впрочемъ мнѣ случалось встрѣчать круглыхъ скотовъ, о коихъ я думалъ, что они ничего не читаютъ,—они заговаривали со мной объ „Отрочествѣ",—по моему: это вѣрный признакъ успѣха, когда дураки считаютъ долгомъ говорить о томъ, до чего имъ дѣла нѣтъ. Хорошо, что ты мнѣ написалъ адресъ Толстого,—я не зналъ, куда ему послать деньги за „Отр." и послалъ теперь ему запросъ.—Прибылъ сюда Авдѣевъ—и первый визитъ сдѣлалъ намъ! Будетъ сюда Писемскій. Пріѣзжай и ты.—Весь твой Некр.

[См. къ этому отзывъ о характерѣ и идеяхъ В. П. Боткина у Герцена, въ „Письмахъ К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева къ А. И. Герцену". 1892, стр. 189.]

22.

[1855?]

Любезный Тургеневъ. Я въ городѣ Ярославлѣ, и завтра буду въ деревнѣ. Пишу къ тебѣ только въ надеждѣ, что ты ко мнѣ напишешь, а самъ покуда ничего, кажется, не напишу. Простившись съ тобою я уѣхалъ—и скоро мнѣ дали знать, что бѣдному мальчику худо. Я воротился. Былъ на серединѣ дороги у Панаевыхъ [1]), потомъ былъ въ Петербургѣ. Бѣдный мальчикъ умеръ. Должно быть, отъ болѣзни что ли, на меня это такъ подѣйствовало, какъ я не ожидалъ. До сей поры не могу справиться съ собой. Надо же, чтобъ при моей болѣзненности еще со мной случались такія оказіи, какія со мной все случаются. Кланяйся Колбасину. Я еще къ тебѣ напишу—на дняхъ.—Твой Некр.

19 апрѣля.

Мой адресъ: въ Яросл. по Дворянской, д. Хомутова.

23.

[1855, 30 іюня].

Здравствуй, милый Тургеневъ — ты, о комъ думаю часто,

[1]) Вѣроятно, въ имѣньѣ Кр. Ал. Панаева. — А. П.

всегда съ пріятнымъ и никогда съ горькимъ чувствомъ. Не писалъ я къ тебѣ долго потому, что нахожусь въ какомъ-то туповатомъ и благодатномъ спокойствіи—даже лѣнь взять въ руки перо. Я занимаюсь здѣсь, по совѣту Иноземцова, питіемъ какой-то минеральной воды—впрочемъ безъ всякой вѣры въ ея цѣлебность для меня—и пью эту воду уже цѣлый мѣсяцъ. Кажется, скоро можно будетъ бросить это питье. Что тогда предприму, еще не знаю. Хочется ѣхать въ Севастополь. Ты надъ этимъ не смѣйся. Это желаніе во мнѣ сильно и серьезно—боюсь, не поздно ли уже будетъ? А что до здоровья, то ему ничто не помѣшаетъ быть столько же гнуснымъ въ Севастополѣ, какъ оно гнусно здѣсь. А оно крайне худо—и право, братъ, безъ фразы могу сказать, что едва ли не всего кислѣе въ жизни и смерти—это медленное умираніе, въ которомъ я маюсь. Болѣзнь моя сдѣлала замѣтные шаги впередъ—я кашляю, особенно по ночамъ, какимъ-то сквернѣйшимъ, сухимъ и звѣнящимъ кашлемъ и бѣшусь, что у моей груди, какъ на смѣхъ, только и осталось силы для произведенія этихъ противныхъ звуковъ! Куда теперь и подумать на охоту! пройду полверсты—и едва отдышусь. Это не то, что прошлаго года, когда еще по цѣлымъ днямъ я плелся за тобой, дѣлая два шага за твой одинъ. Правда я уходилъ весь въ ноги—и никуда негодно стрѣлялъ, но все-же ходить-то хоть могъ.—Однакожь объ этомъ будетъ. Хочу тебѣ сказать нѣсколько словъ о своихъ занятіяхъ. Помнишь, на охотѣ какъ *прошепталъ* я тебѣ начало разсказа въ стихахъ—оно тебѣ понравилось; весной нынче въ Ярославлѣ я этотъ разсказъ написалъ, и такъ какъ это сдѣлано единственно по твоему желанію, то и посвятить его желаю тебѣ [1]) съ условіемъ: вышли мнѣ о немъ свое искреннее мнѣніе; на дняхъ ты его получишь. Я уже началъ переписывать его.—Весной нынче я столько писалъ стиховъ, какъ никогда, и признаюсь, въ первый разъ въ жизни сказалъ спасибо судьбѣ за эту способность: она меня выручила въ самое горькое и трудное время. Но хорошаго написалось мало. Стихи впрочемъ слишкомъ расшатываютъ мои нервы и я теперь придумалъ для себя работу полегче, и хочу по этому поводу спросить твоего совѣта. Мнѣ пришло въ голову писать [2]) свою біографію—то есть нѣчто въ родѣ признаній или записокъ о моей жизни—въ довольно обширномъ размѣрѣ.—Скажи: не слишкомъ ли это—такъ сказать—самолюбиво? Впрочемъ, я думаю при-

[1]) Кстати о посвященіяхъ: Толстой посвятилъ тебѣ повѣсть *Юнкеръ*, которую прислалъ въ „Современникъ". (Н. Н.).

[2]) Для печати, но не при жизни моей. (Н. Н.).

слать тебѣ начало: тогда ты лучше увидишь, можетъ ли это быть пригодно; главное въ томъ, что эта работа для меня легка и что только увлекшись какимъ-нибудь продолжительнымъ трудомъ, буду я въ состояніи не чувствовать ежеминутно всей тягости моего существованія, которое болѣе плачевно, чѣмъ я объ этомъ говорю. И вотъ еще къ тебѣ просьба: у меня явилось какое-то болѣзненное желаніе познакомиться хоть немного съ Бёрнсомъ: ты когда-то имъ занимался, даже хотѣлъ писать о немъ: вѣроятно, тебѣ не трудно будетъ перевесть для меня одну или двѣ пьесы прозой (по своему выбору)—приложи и размѣръ подлинника, означивъ его какимъ-нибудь русскимъ стихомъ (ибо я далѣе ямба въ размѣрахъ ничего не понимаю)—я, можетъ быть, попробую переложить въ стихи. Пожалуйста потѣшь меня, хоть страничку пришли на первый разъ. Я вообще азартно предаюсь чтенію и обуреваемъ съ нѣкотораго времени жаждой узнать и того и другого—да на русскомъ ничего нѣтъ, особенно поэтовъ; а если и есть, то 20—30-хъ годовъ. Въ этомъ отношеніи литература русская 20 лѣтъ назадъ была дѣльнѣе. Перечелъ всего Жуковскаго—чудо переводчикъ, и ужасно бѣденъ какъ поэтъ; воетъ, воетъ, воетъ—и не наткнешься ни на одинъ стихъ, въ которомъ мелькнула бы грація скорби—о другомъ о чемъ-нибудь и не спрашивай! Труженическому терпѣнію, которое пригодилось ему какъ переводчику, обязанъ онъ своими оригинальными произведеніями, въ которыхъ только одно это терпѣніе и удивительно. Странно, какъ онъ—такой мастеръ переводить—не чувствовалъ слабости собственныхъ своихъ произведеній! Впрочемъ, вкусъ-то у него не совсѣмъ былъ ясенъ: сколько онъ и дряни перевелъ на ряду съ отличными вещами! Однако, нельзя не замѣтить, что многія посланія и нѣкоторыя Лицейскія годовщины Пушкина вышли прямо изъ посланій Жуковскаго; Пушкинъ бралъ у него — иную мысль, мотивъ и даже иногда выраженіе!

Слышалъ я отъ Боткина и другихъ друзей—какъ они славно провели у тебя въ деревнѣ время. Я тоже порывался къ вамъ, да былъ въ такой хандрѣ, что могъ только испортить общее веселье. И піеса, которую вы сочинили и сыграли, мнѣ пересказана. Этотъ веселый вздоръ всего лучше свидѣтельствуетъ, что вы находились въ отличномъ состояніи духа—счастливцы! Еще я слышалъ, что ты находишься, какъ говорилось лѣтъ 15-ть тому назадъ, въ „моментѣ распаденія"—то есть, считаешь свое писательское поприще конченымъ и себя выдохшимся!.. Стыдись, любезный другъ! Не тебѣ обижать природу или судьбу со-

мнѣніемъ въ своихъ силахъ и способностяхъ! Это ты не лѣнь ли свою прикрываешь, съ которой не надѣешься справиться? Хочешь знать мое мнѣніе? Изъ всѣхъ нынѣ дѣйствующихъ русскихъ писателей ты, какъ бы сказать, обязанъ сдѣлать наиболѣе, и сложить теперь руки было бы верхъ стыдовища. Я усталъ, а то много бы хотѣлось сказать по этому случаю. Знай, что изъ всѣхъ въ Россіи писателей и читателей только одинъ человѣкъ думаетъ, что твое поприще кончено—и этотъ одинъ самъ ты. Вѣрь въ себя и пиши—вотъ въ короткихъ словахъ то, что я готовъ былъ бы доказывать на цѣлой страницѣ, еслибъ рука служила. Будь здоровъ. Желаю тебѣ хорошо охотиться. Кстати объ охотѣ: можетъ бы, отложа въ сторону Севастополь, послѣ водъ т. е. недѣли черезъ полторы я отправлюсь въ деревню въ 20 верстъ отъ Ярославля; тамъ нѣтъ холеры—и такъ если у васъ она еще продолжается, то пріѣзжай сюда, поживи съ нами нѣсколько дней на дачѣ и поѣдемъ въ деревню вмѣстѣ; 240 верстъ отъ Москвы по шоссе. Охота тамъ отличная, домъ просторный—всѣ удобства имѣются, ради будутъ тебѣ сильно—хорошій мой пріятель, Долго-Сабуровъ, страстный охотникъ (Ярославскій исправникъ) жаждетъ съ тобой познакомиться и по-охотиться. Онъ говорилъ мнѣ объ этомъ еще весной. Напиши мнѣ—если тебѣ понравится этотъ планъ, то онъ легко можетъ быть приведенъ въ исполненіе. Будь здоровъ.—Твой Н. Некр.

PS. Колбасину кланяйся. Покуда ни у меня, ни въ Петербургѣ, нѣтъ денегъ. Въ Августѣ я буду въ Петербургѣ—и тогда добуду для него.

30 іюня, 1855.

Петровскій паркъ.

Скажи, понравятся ли тебѣ эти стихи:

Къ **.

Давно,—отвергнутый тобою,
Я шелъ по этимъ берегамъ [и т. д.] [1]).

Это тоже ярославское произведеніе. Прощай.

31 іюня [2]).

[Приписка на полѣ:]

Подумай не шутя о поѣздкѣ ко мнѣ. Я тебѣ обѣщаю превосходную охоту. Ты знаешь, что Ярославская губернія этимъ не бѣдна.—А жизнь *какъ дома*. Только вези Степана.

---

[1]) Такъ, какъ въ печатномъ текстѣ (изд. 1882, стр. 40), съ варіантомъ только въ 8-мъ стихѣ: „И тайный страхъ меня смутилъ!..“ — А. П.

[2]) Должно быть, 1-е іюля. — А. П.

[Выше идетъ рѣчь, конечно, о „Рубкѣ лѣса (разсказъ юнкера)“, гр. Л. Н. Толстого. Разсказъ, посвященный Тургеневу, напечатанъ былъ въ „Совр.“ 1855, сентябрь.]

24.

18 августа. Спб. [1855].

Въ этомъ же конвертѣ ты найдешь другое письмо; я его писалъ еще въ Москвѣ и забылъ послать, захворавъ лихорадкой. Лихорадка эта измѣнила мой маршрутъ—въ Ярославль я не поѣхалъ, а поскорѣй въ Петербургъ, чтобъ хоть быть на мѣстѣ. Ахъ, любезный другъ! ты не можешь себѣ представить, что со мной дѣлаютъ лекаря! Вообрази только себѣ, что горло у меня болитъ уже *два года*, что въ теченіи этого времени это несчастное горло разсматривали по нѣскольку разъ доктора: Пироговъ, Эккъ, Шипулинскій, Иноземцевъ съ десятью своими помощниками... и что же? Пріѣзжаю на дняхъ въ Петербуръ—зову Шипулинскаго—онъ посмотрѣлъ мнѣ въ горло—и объявилъ съ торжествомъ и радостію, что у меня ..... [1]). Это меня не обрадовало, а озлило, ибо чего-же они смотрѣли два года, что я въ эти два года вытерпѣлъ, а главное, за что погибли мои легкія, которыхъ бы мнѣ хватило еще на 20 лѣтъ! А что они погибли—это трудно отрицать; ты помнишь меня осенью прошлаго года: я еще могъ ходить на охоту даже при легкомъ морозѣ, а нынѣ малѣйшая сырость меня уничтожаетъ. Шипулинскій впрочемъ возъимѣлъ надежду меня вылечить, но этой надежды я не раздѣляю ни мало.

Перейдемъ однакожъ къ дѣлу. Скажу тебѣ коротко и ясно: „Современникъ“ въ плачевномъ положеніи (не въ денежномъ отношеніи—напротивъ, эта часть устроилась, и я спокоенъ; при случаѣ разскажу—какъ, но теперь же спѣшу сказать, что Вас. Ботк[инъ] явилъ себя при этомъ случаѣ въ чудномъ и невѣроятномъ блескѣ)! *Матеріалу нѣтъ!* Толстой прислалъ статью о Севастополѣ—но эта статья исполнена такой трезвой и глубокой правды, что нечего и думать ее печатать, да и на будущія его статьи объ Сев. нельзя разсчитывать, хотя онъ и будетъ присылать ихъ: ибо врядъ ли онъ способенъ (т. е. навѣрное неспособенъ) измѣнить взглядъ.—А Писемскій романъ свой—проданный намъ—продалъ за лишнюю тысячу Краевскому, даже не предупредивши насъ и не спрося: что-де и вы не дадите ли *столько же*?—Все это еще ничего, если ты не измѣнишь „Современнику“,

[1]) Совсѣмъ другая болѣзнь.—А. П.

но признаюсь, еслибъ не ты—то хоть закрывай лавочку—ибо съ Мих., съ Полонск. и т. под. какъ-то не совсѣмъ безопасно, да и не лестно было бы пускаться въ дальнѣйшее плаваніе. Итакъ, безъ преувеличенія—явись—во имя тѣхъ 2849 человѣкъ, которые еще подписываются на „Современникъ",—явись спасителемъ „Современника"! Любезный другъ, для этого намъ нужны двѣ твои вещи: одна на конецъ года (т.-е. въ X или XI кн.), другая на начало (т.-е. на I-ую книжку). Это, разумѣется, *меньше чего нельзя*, а если можно больше, то тѣмъ лучше. Пиши мнѣ объ этомъ и смотри на это сурьезно, какъ на одно изъ важныхъ условій поддержки „Совр." въ нынѣшнее трудное время.

Въ IX № „Совр." печатается посвященный тебѣ разсказъ юнкера: *Рубка лѣсу*. Знаешь ли, что это такое? Это очеркъ разнообразныхъ солдатскихъ типовъ (и отчасти офицерскихъ), то есть вещь донынѣ небывалая въ русской литературѣ. И какъ хорошо! Форма въ этихъ очеркахъ совершенно твоя, даже есть выраженія, сравненія, напоминающія „З. Ох."—а одинъ офицеръ такъ просто Гамлетъ Щ. [Щигровскаго] уѣзда въ армейскомъ мундирѣ. Но все это далеко отъ подражанія, схватывающаго одну внѣшность. — Однако у меня такая боль въ плечѣ, что не могу продолжать.—Твой Н.

25.

[1855].

Любезный Тургеневъ. Получилъ я твое письмо и обрадовался, что ты скоро пріѣдешь. Я воображалъ не увидать тебя ранѣе декабря. Ты такъ расхваливалъ *Артель* Писемскаго, что эта вещь никого не удовлетворила, въ томъ числѣ и меня. Впрочемъ, я не думаю, что на меня подѣйствовали преувеличенныя ожиданія или—что также можетъ тебѣ притти въ голову—журнальныя отношенія; по крайней мѣрѣ я старался вооружиться всѣмъ безпристрастіемъ, къ какому только способенъ. Мужики точно очень хороши, но какъ тяжело читается эта вещь. Она *скучна*. Безвкусіе и претензія такъ въ ней грубо высунулись и заняли большую часть страницъ. Длиннѣйшій и ненужный *приступъ*, а потомъ предлинная—и еще еще менѣе нужная—*развязка*, съ попами, попадьями, убійствомъ и пошлыми деревенскими бѣдными барышнями, заслуживающими болѣе сожалѣнія и теплаго слова, чѣмъ презрѣнія, которымъ такъ самодовольно обременилъ ихъ авторъ. Но все-таки мужики отличные—вещь замѣчательная, и жаль, что хорошее въ ней перемѣшано съ мусоромъ.

Хорошо ты дѣлаешь, что везешь намъ повѣсть. „Современ-

никъ" вообще не совсѣмъ еще покинутъ счастьемъ; нечего было печатать въ X № (ибо Григоровичъ надулъ—не поспѣлъ); на дняхъ приходитъ ко мнѣ незнакомый юноша—изъ Одессы—съ тетрадкой солдатскихъ разсказовъ, которые онъ записалъ со словъ солдатъ раненыхъ, безпрестанно привозимыхъ въ Одессу.—Въ числѣ этихъ разсказовъ одинъ оказался удивительный. Юноша-то бездаренъ (что видно по другимъ разсказамъ), но солдатъ (Таторскій по фамиліи), разсказавшій ему о своемъ восьмимѣсячномъ плѣнѣ у французовъ (послѣ Альмы), должно быть, человѣкъ съ большимъ талантомъ—наблюдательность, юморъ, мѣткость—и бездна *русскаго*. Я въ восторгѣ. Получилъ огромную повѣсть Нарской—*Все къ лучшему*; читаю, начало хорошо.

Посылаю тебѣ мои стихи—хотя они и набраны, но врядъ ли будутъ напечатаны. Какъ-то вспомнилъ старину—просидѣлъ всю ночь и страшно потомъ жалѣлъ,—здоровья-то больше ухлопалъ, чѣмъ толку вышло. Тутъ есть дурные стихи—когда-нибудь поправлю ихъ, а мнѣ все-таки любопытно знать твое мнѣніе объ этой вещи. Прочитавъ, перешли лоскутокъ братьямъ Карповымъ.

Новая метода леченія моего попадаетъ прямо въ цѣль, но болѣзнь страшно медленно уступаетъ и уступитъ ли—Богъ вѣсть.

Будь здоровъ.—Твой Некр.

17 Сентября. Спб.

Поклонъ Колбасину. Сочинилъ ли онъ что-нибудь для „Современника"?

26.

[1856, 24 мая].

Милѣйшій Тургеневъ, Вчера я видѣлъ Краснокутскаго, который мнѣ сказалъ, что ты можешь явиться или прислать кого-нибудь за полученіемъ заграничнаго паспорта. Мой паспортъ тоже готовъ, но я не ѣду покуда: два мои доктора совѣтуютъ залечить здѣсь горло, которое подается къ излеченію болѣе, чѣмъ когда-либо.—Для этого переѣзжаю на дачу—около Петергофа. Ковалевскій будетъ кажется моимъ сожителемъ. Этотъ милѣйшій генералъ ходитъ по комнатѣ потупя голову и говоритъ убѣдительнымъ голосомъ: повѣрьте мнѣ, увѣряю васъ честью, худо, очень худо жить, — а я подумываю про себя: погубилъ я свою молодость, и поглядываю па потолочные крючки.

Въ карты играю—такъ, ни хорошо, ни худо; однако попродулся съ твоего отъѣзда, да вотъ скоро перестану.

Я думаю, мы выѣдемъ съ тобой за границу въ одинъ день. Напиши мнѣ, на какое именно число взялъ ты билетъ. Ты не смотри, что я не пишу, и самъ иногда напиши ко мнѣ. Вѣдь

правъ Ковалевскій: очень худо жить. Я таки хандрю. Фетъ еще выручаетъ иногда безконечнымъ и плѣнительнымъ враньемъ, къ которому онъ такъ способенъ. Только не мѣшай ему,—такого наговоритъ, что любо слушать.—Онъ написалъ поэму Липки, по моему плохую до значительной степени. Я за ней не погнался. Нѣтъ, поэмы не его дѣло.

Еслибъ Фетъ былъ немного меньше хорошъ и наивенъ, онъ бы меня бѣсилъ страшно; да, ненадломленный!

Скажи Толстому, что его послѣдняя повѣсть нравится,—мы съ Ковал. слышали много хорошихъ о ней отзывовъ. Но Теофилъ Толстой *не могъ ее дочитать далѣе половины*—его собственныя слова. Кланяйся Толстому. Я простился съ нимъ подъ самымъ пріятнымъ впечатлѣніемъ—я замѣтилъ въ немъ весьма скрытое, но несомнѣнное участіе ко мнѣ: за это ему спасибо, а какъ журналисту онъ мнѣ усладилъ сердце въ послѣднее время много разъ.

Журналъ идетъ хорошо. Менѣе сотни осталось отъ 3400 экз. Вульфъ перенялъ твое выраженіе и, принося повѣстки, всегда говоритъ: нѣтъ, послѣдній подписчикъ еще не прозвенѣлъ. 6-я книжка не будетъ такъ плоха, какъ ты ожидаешь, хотя комедію твою я спряталъ. Боюсь, если ты лѣтомъ ничего не сдѣлаешь, то „Совр.“ долго не видать твоего имени. За границей ты врядъ ли будешь работать.

Чудеса! Генералъ Пушкинъ на прощанье мои стихи безъ помѣтокъ сплошь велѣлъ племяннику подмахнуть. И тотъ подмахнулъ [1]).

Портретъ мой въ хорошей рамкѣ посылается на дняхъ графинѣ Толстой.

Въ Москву я врядъ ли поѣду. Идетъ леченье изрядно, такъ прерывать его нѣтъ смыслу. Отъ гнусной красноты въ горлѣ остались едва замѣтные признаки. Кабы эта гадость прошла. Пиши, будь другъ.—Некр.

24 мая 1856. Спб.

27.

[1856].

Пять дней какъ на дачѣ, подъ Рамбовымъ. Смертельно стали гадки карты — проигралъ было почти весь выигрышъ, потомъ пошло опять ладно,—въ одинъ вечеръ выигралъ болѣе тысячи рубл. — и кончилъ. Не мни, что я раздуваю въ себѣ хандру, нѣтъ; а донимаетъ она меня изрядно. Главная бѣда—нѣтъ рве-

---

[1]) Подразумѣваются М. Н. Мусинъ-Пушкинъ и Вл. Н. Бекетовъ.—А. П.

нія ни къ чему, а безъ него жить плохо, я не умѣю или не люблю. Чтобы покончить эту статью, скажу тебѣ о своемъ здоровьѣ. Горло зажило—надолго ли, не знаю; осталась какая-то неловкость въ невидимой части, въ зѣвѣ; силами не крѣпокъ по прежнему; голосъ тотъ же, т.-е. не совсѣзъ возстановившійся и по временамъ измѣняющій. — Лекарство продолжаю истреблять.

Радехонекъ былъ, какъ получилъ твое письмо. „Уписывай, голубчикъ!“ вотъ была моя мысль при извѣстіи о подвигахъ твоего желудка. За границу ѣдемъ, но думая о тебѣ, что-то невольно вспоминаю стихи:

Подъ нимъ струя свѣтлѣй лазури
Надъ нимъ лучъ солнца золотой,
А онъ мятежный проситъ бури,
Какъ будто въ буряхъ есть покой.

Эхъ, голубчикъ! Мало что ли тебя поломало? И каково будетъ уѣзжать? Ну да это не мое дѣло. Ничего не смѣю говорить, потому что самъ бы на твоемъ мѣстѣ поѣхалъ.

Хотѣлъ бы тебѣ еще чего нибудь написать, да не принуждать же себя, когда вдругъ стало лѣнь. Прощай. Пиши мнѣ. Я также радъ твоимъ письмамъ, какъ зимой нынче радъ былъ твоимъ посѣщеньямъ. Спасибо тебѣ.

Черезъ два дня.

Побывалъ въ городѣ. Видѣлъ въ клубѣ Теофила Толстого, который болталъ, что записки твои на дняхъ будутъ доложены государю, что ихъ непремѣнно дозволятъ. Но это я слышу уже два мѣсяца.

Видѣлся съ докторомъ. Что мнѣ дѣлать? Я сталъ рабомъ этихъ господъ. Я сказалъ ему, что беру билетъ на 21-е Іюля, а онъ мнѣ: что я ранѣе 15-го Августа не долженъ прекращать пріема пилюль и сыропу, которые-де приносятъ видимую пользу, т.-е. не могу ѣхать ранѣе 15 Августа. Кажется, должно такъ и сдѣлать, хоть очень хотѣлось бы ѣхать съ тобой. У меня припадки такой хандры бываютъ, что боюсь брошусь въ море, коли одинъ поѣду да лихая минута застигнетъ. Этакая штука была съ однимъ моимъ пріятелемъ, который и болѣнъ-то былъ въ родѣ моего. Его звали Ферморомъ.

Хотѣлъ тебѣ послать стиховъ, что написалъ въ послѣднее время, да лучше пошлю Толстому—я его сестрѣ давно обѣщалъ послать. Ты пробѣжишь у нихъ. Голубчикъ мой, очень тошно! Злюсь на себя за малодушіе, но это не помогаетъ. Погода здѣсь скверная. На дачѣ у меня холодно.

Пріѣхалъ Григоровичъ и привезъ коробъ скверныхъ спле-

тенъ. Гадко было слушать, до сей поры отплевываюсь.—Для „Современника“ я получилъ отличную статью отъ Берга, изъ Крыма. Плохъ и Вульфъ! Я 50 рубл. ему въ мѣсяцъ плачу именно за то, чтобъ журналъ высылался аккуратнѣе, а дѣло видно идетъ все по старому. Досада. У насъ отъ 3400 экз. осталось менѣе ста. Это значитъ, что прибыло противъ прошлаго года *500 подписчиковъ*! Пиши мнѣ. Я опять усердно занимаюсь журналомъ. Думаю при себѣ еще составить 9-ую книжку—и написать объявленіе о подпискѣ на 1857 годъ, которое обсудимъ съ тобой вмѣстѣ. Прощай. Поклонись отъ меня Аѳанасью и дай ему цѣлковый.—Твой Некр.

PS. У меня до тебя вотъ какое дѣло: позволь мнѣ въ „Легк. Чт.“ напечатать *Гдѣ тонко тамъ рвется*? Это, кажется, не можетъ повредить отдѣльному изданію твоихъ драм. сочиненій, да притомъ вѣдь это изданіе ты предоставляешь мнѣ?

Еще: если будешь писать къ Ивану Аксакову, спроси его, не хочетъ ли онъ дозволить мнѣ перепечатать изъ разныхъ *Московскихъ Сборниковъ* его стихотворенія?

[„Отличная статья“ Берга есть статья „Изъ Крымскихъ замѣтокъ“ („поѣздка въ Симферополь“ и пр., черты изъ жизни нашихъ бывшихъ непріятелей въ ихъ лагеряхъ и городкахъ на русской землѣ“); она была потомъ напечатана въ „Современникѣ“ 1856, августъ.]

28.

Середа, 27 [1856].

Въ субботу я проводилъ Фета за границу. У меня есть до тебя предложеніе на всякой случай. Если тебѣ все равно ѣхать тремя недѣлями позже за границу, то я—по полученіи твоего отвѣта—тотчасъ бы взялъ два билета ни 12-е или 15-е Августа для себя и тебя, а твой взятый на 21-е Іюля я могъ бы сдать, что очень легко, и во всякомъ случаѣ взялъ бы на свою отвѣтственность.—Но это такъ на всякій случай я тебѣ предлагаю и ты конечно не станешь стѣсняться въ отвѣтѣ.

Наконецъ стало тепло. На дачѣ теперь живется съ апетитомъ. Не воображай, Бога ради, что я игралъ въ карты до одурѣлости—а теперь и вовсе не играю. Пишу длинные стишищи и усталъ. Хочу лечь спать. На дняхъ чортъ меня занесъ къ Одоевскому (живущ. въ Ораніенбаумѣ). Между прочимъ, онъ объявилъ, что получилъ отъ тебя письмо, и зачѣмъ-то вынесъ это письмо. Я какъ увидалъ руку, тотчасъ объявилъ, что рука не твоя, и тутъ только милый князь догадался, что письмо отъ стараго Вьельгорскаго (оно было безъ подписи). Дѣло же шло

въ немъ о какомъ-то рыбномъ садкѣ. Но однакожь не кончилось и безъ твоего письма. Пришла княгиня и объявила, что она недавно получила отъ тебя письмо... *Прелесть какое письмо*! (ея соб. слова)... О чудачина Тургеневъ! Зачѣмъ ты писалъ .....? Будь здоровъ. Да пиши же мнѣ.

У меня на дачѣ славно. Еслибъ ты пріѣхалъ за нѣсколько дней до 21-го Іюля и пожилъ хоть день или два со мной?

[Адресовано въ Мценскъ, Орловск. губерніи. Почтовый штемпель—петербургскій: 29 іюня, 1856.]

29.

[1856].

Отъ тебя нѣтъ письма изъ Берлина, но ты еще успѣешь отвѣтить мнѣ изъ Парижа на это письмо. Что Видертъ?

Я выѣзжаю 18 Авг. нашего стиля, если живъ буду. Худо то, что простудился и два дни чувствую легкую лихорадку.

Если промедлишь написать въ Петербургъ, то будь другъ пиши въ Венецію, на мое имя poste restante—и свой адресъ напиши и какъ поживаешь напиши?

Я начинаю подумывать, что осенью попаду въ Парижъ недѣли на двѣ, а ужь оттуда на зиму заберусь въ Римъ.

И вообще не знаю еще, какой теперь меня тянетъ въ Венецію, а если неловко мнѣ будетъ—такъ одна надежда на тебя—уцѣплюсь обѣими руками.

Послѣ тебя ничего особеннаго не случилось. Погода скверная. Сижу одинъ на дачѣ и даже не выхожу изъ комнаты, трусость напала, какъ бы не расхвораться. Вчера сложилъ стихи, которые по краткости прилагаю.

Прости! Не помни дней паденья,
Тоски, унынья, озлобленья,
Не помни бурь, не помни слезъ,
Не помни ревности угрозъ.

Но дни, когда любви свѣтило
Надъ нами ласково всходило
И бодро мы свершали путь—
Благослови—и не забудь!

Что это—изрядно или плохо? По совѣсти не умѣю опредѣлить. Будь здоровъ.—Твой Некрасовъ.

PS. „Современникъ“ получилъ новое подкрѣпленіе въ Далѣ: въ слѣдствіе моего письма онъ выслалъ *20 повѣстушекъ*, такъ онъ выражается въ письмѣ, а самыя повѣстушки еще не взяты съ почты.

30 іюля. Рамбовъ.

См. на оборотъ.

Вульфъ мнѣ объявилъ, что есть только одно средство получать „Современникъ“ тебѣ: зайди въ Париж. почтамтъ и подпишись тамъ, чтобы сюда прислали требованіе.—Впрочемъ я еще самъ съѣзжу въ Экспедицію, ибо хочу устроить, чтобы и мнѣ высылали журналъ.

30.

Берлинъ, 16/28 авг. [1856].

Милой Тургеневъ, Вотъ и я наконецъ поѣхалъ. Больше пока ничего не могу тебѣ сказать. Къ сожалѣнію у Видерта (который тебѣ кланяется) лихорадка и завтра я безъ него пускаюсь до Вѣны. Нечего дѣлать!—Отъ унынія я далекъ, здоровье хорошо, а что будетъ впередъ, увидимъ. Напиши мнѣ въ Вѣну. Я тамъ пробуду дней 10-ть или 8-мь. Куда тебѣ писать?

Твой Некрасовъ.

31.

Римъ, 3 октября. [1856].

Милый Тургеневъ, Я писалъ изъ Вѣны къ Фету—вѣроятно, онъ тебѣ сказывалъ: желалъ бы я отъ тебя получить вѣсточку. Гдѣ ты будешь зимой? Хорошо ли живешь? Я цѣлые 8-мь дней былъ доволенъ своей судьбой—это такъ много, что я и не ожидалъ. Девятый валъ меня немного подшибъ,—но въ этомъ кромѣ моей хандрящей натуры никто не виноватъ. Полагаю, что если при гнусныхъ условіяхъ петербургской жизни лѣтъ семь я могъ быть влюбленъ и счастливъ, то подъ хорошимъ небомъ, при условіяхъ свободы и безпечности, этого чувства хватило бы на 21 годъ по крайней мѣрѣ. А. Я. теперь здорова, а когда она здорова, тогда трудно пріискать лучшаго товарища для безпечной, бродячей жизни. Я не думалъ и не ожидалъ, чтобъ кто нибудь могъ мнѣ такъ обрадоваться, какъ обрадовалъ я эту женщину своимъ появленіемъ. Должно быть, ей было очень тутъ солоно, или она точно меня любитъ больше, чѣмъ я думалъ. Она теперь поетъ и попрыгиваетъ какъ птица, и мнѣ весело видѣть на этомъ лицѣ выраженіе постояннаго довольства—выраженіе, котораго я очень давно на немъ не видалъ. Все это наскучитъ ли мнѣ или нѣтъ, и скоро-ли—не знаю, но покуда ничего—живется. Вотъ тебѣ очень откровенное, хоть можетъ быть и не очень поэтическое рѣшеніе того вопроса, который меня занималъ, когда мы съ тобой прощались.

О путешествіи не умѣю ничего сказать. Не потому впрочемъ, чтобъ ровно ничего не замѣтилъ, а потому, что какъ-то самъ еще плохо довѣряю впечатлѣніямъ, которыя испытываю,

и мыслямъ, которыя приходятъ въ голову. Одно вѣрно, что кромѣ природы все остальное производитъ на меня скорѣе тяжелое, нежели отрадное впечатлѣніе. Въ Феррарѣ забрелъ я въ клѣтку, гдѣ держали Тасса, и цѣлый день потомъ было мнѣ очень гадко. Вся стѣна изцарапана именами приходившихъ взглянуть на тюрьму Тасса (то-то много ему отъ этого радости!). Я не посмѣлъ нацарапать своего имени тамъ, гдѣ между прочимъ прочелъ имя Байрона, а хотѣлось.

Мнѣ очень понравилась Венеція. Тамъ я прожилъ 8 дней. Въ Римѣ я всего второй день. Сейчасъ ѣдемъ въ Фраскати. Погода удивительная, хочется зелени—думаю тамъ нанять на мѣсяцъ нѣчто въ родѣ дачи—рано еще забиваться въ городѣ въ четырехъ стѣнахъ. Впрочемъ, хорошенько не знаю еще, что сдѣлаю: можетъ быть, поживъ недѣлю или двѣ въ Римѣ—поѣду въ Неаполь—поживу тамъ, и тогда уже рѣшу—въ Римѣ или Неаполѣ просидѣть зиму. Скажи это Фету, котораго я цалую, обнимаю и жажду видѣть. Я его письмецо въ Венецію получилъ. Если ему нечего дѣлать въ Парижѣ, пусть ѣдетъ къ намъ—нечего и говорить, что мы будемъ ему ради не менѣе, чѣмъ онъ намъ. А ты? Я бы тебѣ совѣтовалъ на зимніе мѣсяца два-три пріѣхать въ Италію. Право, прожили бы ихъ недурно,—и, можетъ быть, что нибудь сдѣлали бы. Пиши мнѣ тотчасъ отвѣтъ (и Фета о томъ же прошу). Я если и рѣшусь ѣхать въ Неаполь, то дождусь здѣсь вашего отвѣта.—Послалъ ли ты *Фауста* въ Петербургъ?—Да и съ комедіями не мѣшкай. Будь здоровъ.—Твой Н. Некрасовъ.

Адресуй въ Римъ, poste restante.

32.

Римъ, 21 октября [1856].

Спасибо тебѣ за письмо, за добрыя вѣсти и за твое радѣніе о „Современникѣ". Вмѣстѣ съ твоимъ я получилъ 2 письма—одно отъ Вульфа, другое отъ Ч—скаго; оба они воздаютъ хвалу твоей аккуратности, жалуясь въ тоже время на всѣхъ остальныхъ: и на Островскаго, и на Толстого, и на Григоровича, которые по разнымъ причинамъ или безъ всякихъ причинъ не исполнили своихъ обѣщаній. Но вотъ что они сдѣлали: рядомъ съ твоимъ „Фаустомъ" въ X № „Совр." они помѣстили „Фауста" въ переводѣ Струговщикова,—понравится ли тебѣ это; кажется, ничего; а переводъ Стр. довольно хорошъ, и авось русскій читатель прочтетъ его на этотъ разъ, заинтересованный твоей по-

вѣстью, которую навѣрно прочтетъ [1]). Ч—скій оправдывается въ помѣщеніи двухъ Фаустовъ тѣмъ, что нечего было печатать, и очень боится, чтобъ ты не разсердился.

Я живу такъ себѣ, ни худо ни хорошо—или вѣрнѣе, то хорошо, то худо—полосами. Совѣтъ твой жить со дня на день очень хорошъ, но я какъ-то лишенъ способности наладиться на такую жизнь: день два идетъ хорошо, а тамъ смотришь—тоска, хандра, недовольство, злость... Всему этому и есть причины и пожалуй, нѣтъ... Писать объ этомъ больше трудно, а поговорить когда-нибудь можно. Римъ мнѣ тѣмъ больше нравится, чѣмъ болѣе живу въ немъ—и я твержу про себя припѣвъ къ несуществующей пѣсенкѣ—

Зачѣмъ я не попалъ сюда
Здоровѣй и моложе?

Да, хорошо было бы попасть сюда, когда впечатлѣнія были живы и сильны и ничто не засоряло души, мѣшая имъ ложиться. Я думаю такъ, что Римъ есть единственная школа, куда бы должно посылать людей въ первой молодости,—въ комъ есть что нибудь не пошлое, въ томъ оно разовьется здѣсь самымъ благодатнымъ образомъ, и онъ навсегда унесетъ отсюда душевное изящество, а это человѣку понужнѣй цинизма и растлѣнія, которыми даритъ насъ щедро родная наша обстановка. Но мнѣ, но людямъ подобнымъ мнѣ, лучше вовсе не ѣздить сюда. Смотришь на отличное небо—и злишься, что столько лѣтъ кисъ въ болотѣ—и такъ далѣе до безконечности. Возвратъ къ впечатлѣніямъ моего дѣтства сталъ здѣсь моимъ кошмаромъ,—вѣрю теперь, что на чужбинѣ живѣе видишь родину, только отъ этого не слаще и злости не меньше. Все дико устроилось въ русской жизни, даже манера уѣзжать за границу износивши душу и тѣло. Зачѣмъ я сюда пріѣхалъ!

Чтобъ больше жизни стало жаль...

По наклонности къ хандрѣ и къ романтизму иногда раздражаюсь здѣсь отъ безчисленныхъ памятниковъ человѣческаго безумія, которые вижу на каждомъ шагу. Тысячи тысячъ разъ поруганная, распятая добродѣтель (или найди получше слово) и тысячи тысячъ разъ увѣнчанное зло—плохая порука, чтобъ человѣкъ поумнѣлъ въ будущемъ. Подъ этимъ впечатлѣніемъ забрался я третьяго дня на куполъ св. Петра, и плюнулъ оттуда на свѣтъ божій—это очень пошлый фарсъ—посмѣйся. Во мнѣ

[1]) Дальше идутъ другія чернила,—конечно, другой присѣстъ.

мало здоровой крови. Жить для себя не всякій день хочется и стоитъ (съ какой ноги встанешь съ постели)—и тогда приходитъ вопросъ: зачѣмъ же жить? Поживемъ для того, чтобъ хоть когда-нибудь кому-нибудь было полегче жить, отвѣчаетъ какой то голосъ, очень самолюбивый голосъ! Но когда онъ молчитъ, когда нѣтъ этой вѣры, тогда и плюешь на все, начиная съ самого себя. Ахъ, милый мой Тургеневъ, какъ мнѣ понравились твои слова: „наше послѣднее слово еще не сказано"—не за вѣру, которая въ нихъ заключается и которая можетъ обмануть, а за готовность жить для другихъ. Съ этой готовностью, конечно, сдѣлаешь что-нибудь.

Я поджидаю Фета; сегодня ужь 29 октября (письмо это начато давно), а его что-то нѣтъ. Если и поѣду въ Неаполь, то не надолго. Жить зиму буду въ Римѣ; теперешняя моя квартира не на солнцѣ; ищу другую—и возьму такую, чтобъ была лишняя комната для тебя, коли ты найдешь удобнымъ у меня поселиться. Нечего и говорить, что я обрадовался ужасно надеждѣ пожить съ тобой въ Римѣ. Не измѣняй плана, развѣ въ такомъ случаѣ, если жаль будетъ покидать m-me B. Ну тогда Богъ съ тобою—увидимся въ февралѣ—я думаю въ февралѣ быть въ Парижѣ. Здоровье мое изрядно, т.-е. я таковъ, каковъ былъ до потери голоса. — А. Я. тебя благодаритъ и кланяется. Прощай.—Твой Некр.

29 окт.

33.

7 декабря. Римъ [1856].

Я не писалъ къ тебѣ потому, что работалъ. 24 дня ни о чемъ не думалъ я, кромѣ того, что писалъ. Это случилось въ первый разъ въ моей жизни—обыкновенно мнѣ не приходилось и 24 часовъ останавливаться на одной мысли. Что вышло, не знаю—мучительно желалъ бы показать тебѣ,—даже, кажется, превозмогу лѣнь, перепишу и отправлю къ тебѣ въ Парижъ. Скажи мнѣ пожалуйста правду. Это для меня важно. Право, для меня прошло время писать изъ любви къ процессу писанія—хочу знать, надо ли и стоитъ ли продолжать?—потому что впереди еще очень много труда—было бы изъ чего *убиваться*, говоря словомъ Фета. Онъ мою вещь очень хвалитъ, но кромѣ тебя я никому не повѣрю.—Я—ты не откажешь мнѣ въ этомъ—дошелъ въ отношеніи къ тебѣ до той высоты любви и вѣры, что говаривалъ тебѣ самую задушевную мою правду о тебѣ. Заплати мнѣ тѣмъ же. Пусть не стоитъ передъ тобой призракомъ моя нетерпимость и раздражительность, которую я иногда обнаружи-

валъ при твоихъ замѣчаніяхъ. Правда, я не легко отказываюсь отъ того, что признавалъ истиннымъ и хорошимъ, но это не отъ слѣпоты самолюбія—дѣльное слово гвоздемъ забивается въ мою голову—но мнѣ надо убѣдиться, чтобъ отказаться отъ своего. То, что я тебѣ пошлю, только шестая доля всей поэмы, но отрывокъ имѣетъ цѣльность, и по немъ ты будешь въ состояніи судить. Завтра или послѣ завтра пошлю его тебѣ.

Прискорбно мнѣ было читать извѣстіе о твоемъ пузырѣ, но авось онъ уже тебя не мучитъ—ты веселъ и работаешь? Еслибъ ты зналъ, какъ мы съ Фетомъ ждемъ тебя! У насъ только и рѣчи, что о тебѣ. Смотри же, не надуй.—Ты получаешь „Современникъ", а я до сей поры нѣтъ. Мнѣ пишутъ, что Фаустъ сильно гремитъ—въ этомъ я былъ увѣренъ. Надѣюсь, что мнѣ скоро пришлютъ „Современникъ", и какъ я радъ буду перечитать эту повѣсть. Столько поэзіи, страсти и свѣту еще не бывало въ русской повѣсти. „Современникъ", кажется, идетъ хорошо. Ч—скій просто молодецъ, помяни мое слово, что это будущій русскій журналистъ почище меня грѣшнаго и т. п. Напиши Панаеву, что не одинъ я бѣшусь, зачѣмъ онъ пачкаетъ „Современникъ" стишонками Гербеля и Грекова, за что я ему написалъ на дняхъ ругательство.—Говорятъ, вышли мои стихи, и мнѣ пишутъ, будто 500 экз., присланные въ Петербургъ съ первымъ транспортомъ, разошлись въ два дня—это похоже на пуфъ. Вульфъ, вѣрно, уже прислалъ тебѣ мою книгу. Когда ты будешь ее перелистывать, то увидишь, что я не поправилъ ничего, что ты мнѣ замѣтилъ. Это произошло оттого, что мнѣ опротивѣла рукопись, и я торопился ее сбыть.

Въ Парижѣ есть г. Делаво̀, желающій писать въ „Современникѣ". Закажи ему статью—нѣчто въ родѣ о современномъ состояніи французской литературы (и журналистики, пожалуй). По первой увидимъ, будетъ ли стоить печатать его статьи. Предложи ему по сту франковъ за листъ или немного болѣе—вѣдь нужно еще будетъ платить за переводъ.

Здоровье мое плоховато,—то-есть не становится лучше. Общее состояніе, кажется, даже слабѣе чѣмъ было, но мѣстныхъ гадостей нѣтъ никакихъ, кромѣ довольно большого отдѣленія мокроты. Погода здѣсь какъ у насъ въ сухую и ясную осень; бываютъ дни чисто лѣтніе. Мы съ Фетомъ отправились было на охоту, но попали неудачно—вылетъ вальшнеповъ былъ самый ничтожный, нашли всего четырехъ—убили одного. Оно и хорошо, а то бы я разлакомился. Нѣтъ, ужь лучше подожду. Природа около Рима гадость (мы доѣзжали до самаго моря).

Ч—скій проситъ меня поблагодарить тебя за нѣсколько ободрительныхъ словъ твоихъ о немъ въ письмѣ къ Колбасину. Что это однакожъ за господинъ!... Хотѣлъ бы я тебѣ показать, что онъ написалъ мнѣ по поводу выхода моей книги.

Не имѣешь ли ты извѣстія отъ Толстого. Я отвѣчалъ на его письмо, и съ тѣхъ поръ отъ него не имѣю извѣстія.—Боткинъ наконецъ написалъ мнѣ нѣсколько строкъ. Никто не умѣетъ быть такъ неумолимо уменъ, какъ онъ, когда захочетъ, т.-е. когда найдетъ на него охота говорить правду. И такъ какъ его письмо не было слѣдствіемъ раздражительности, а, кажется, любви—то это злое письмо не пробудило во мнѣ ничего, кромѣ благодарнаго чувства. На закуску вотъ тебѣ прелестнѣйшее стихотвореніе Фета, какими и онъ не часто обмолвливается:

У камина.

Тускнѣютъ угли. Въ полумракѣ
Прозрачный вьется огонекъ,
Такъ плещетъ на багровомъ макѣ
Крыломъ лазурнымъ мотылекъ.

Видѣній пестрыхъ вереница
Влечетъ усталый тѣша взглядъ,
И неразгаданныя лица
Изъ пепла сѣраго глядятъ.

Встаютъ ласкательно и дружно
Былое счастье и печаль,
И лжетъ душа, что ей ненужно
Всего, чего глубоко жаль.

Прощай, милый Тургеневъ. Будь здоровъ. Пиши.—Некрасовъ.

34.

Римъ, 18 Декабря 1856.

Письмо твое застигло меня въ самомъ разгарѣ работы и какъ варомъ обдало (Изъ Петербурга мнѣ объ этомъ не пишутъ). Не знаю, буду ли въ состояніи кончить работу, въ которую думалъ вылить всю мою душу,—безъ первой половины то, что я послалъ тебѣ, не имѣетъ того значенія, какое, я надѣюсь, получитъ вещь въ цѣломъ. Признаюсь, она мнѣ нравится. Глупый человѣкъ! Я воображалъ, что можно будетъ напечатать ее. О, Тургеневъ! Зачѣмъ же жить,—то-есть мнѣ, котораго жизнь медленное, трудное умиранье. Впрочемъ, къ чёрту хандра и скуленіе. Хоть для тебя—кончу. Панаевъ неисправимъ, это я зналъ. Гроза могла миновать „Современникъ“, будь хоть ты тамъ. Такіе

люди, какъ онъ, и трусятъ и храбрятся—все не къ стати. Я не меньше люблю „Современникъ“ и себя или мою извѣстность,—не даромъ же я не рѣшился помѣстить „Поэтъ и Гражд.“ въ „Современникѣ“? Такъ нѣтъ! надо было похрабриться. Впрочемъ Панаева винить смѣшно: не гнилой мостъ виноватъ, когда мы проваливаемся!

О книгѣ моей пишутъ чудеса,—голова могла бы закружиться. Когда я писалъ къ тебѣ, я имѣлъ извѣстіе только отъ Вульфа и Ч—скаго,—чего только не было тамъ,—я даже разсердился,—но пришло письмо Панаева (къ Ав. Як.) и въ немъ тоже.—Неслыханная популярность, успѣхъ, какого не имѣлъ и Гоголь (!),—*приличный* Панаевъ, дозволившій себѣ такія выраженія, заслуживалъ хоть въ половину довѣрія, и я порадовался. Твои слова много позолотили пилюлю, которую я проглотилъ въ твоемъ письмѣ. Впрочемъ, хорошо, что ты написалъ. Я уже хотѣлъ посылать на дняхъ (до конца недалеко) мою поэму въ Петербургъ на 1 книжку.—Кончивши, начну ее портить; можетъ, и пройдетъ, если вставить нѣсколько . . . . стиховъ.

Другъ мой Тургеневъ, въ твоихъ жалобахъ на пузырь послышалась мнѣ и кольнула сердце неувѣренность, что ты пріѣдешь въ Римъ. Не сомнѣваюсь, что пузырь болитъ, но подумай окончательно, пріѣдешь ли ты? а то я пріѣду въ Парижъ,—это намѣреніе у меня было, да я оставилъ его въ надеждѣ, что ты сюда будешь. Здѣсь воздухъ чудо—тепло какъ лѣтомъ большую часть дней (кромѣ ноября, который былъ дуренъ и холоденъ), но врядъ ли полезенъ мнѣ римскій воздухъ,—какъ подуетъ *широко*, такъ отъ волненія грудь тѣснитъ. Говорятъ, это признакъ хорошій въ больномъ, но вообще я чувствую себя слабѣе, чѣмъ когда либо,—и это, говорятъ, хорошій признакъ для начала; можетъ быть! а я все-тати подсыхаю замѣтно. Работа доводитъ до изнеможенія, да ужь не брошу, не кончивъ.—Пиши мнѣ, что ты посовѣтуешь дѣлать мнѣ съ моей вещью (я пришлю тебѣ на дняхъ остальное) при теперешнихъ ценс. обстоятельствахъ. Панаевъ ничего не пишетъ и только проситъ настойчиво моихъ стиховъ для № 1-го. Будь я самъ на мѣстѣ, я бы зналъ, надолго ли подулъ tramontano и что дѣлать.

Спасибо тебѣ за разныя твои извѣстія, но что не пишешь, какъ идетъ твоя работа?—Зачѣмъ у меня нѣтъ твоихъ сочиненій!—Чортъ знаетъ, что дѣлаетъ Вульфъ! Привези ихъ въ Римъ—да и „Современникъ“. Мнѣ и видѣть его хочется и читать нечего. Пропоролъ слишкомъ 1000 страницъ „Ньюкомовъ“. Люблю Теккерея. Послѣ тебя, это любимый мой современный писатель.

Хотѣлъ вычеркнуть *послѣ тебя*, но я теперь не въ такомъ духѣ, чтобъ говорить любезности. Это сорвалось—и пусть останется. Русскій характеръ, или мой лично, странно устроенъ,—когда твоя, всегда милая для меня личность со всѣмъ своимъ вліяніемъ на идущее смѣнить насъ поколѣніе стоитъ передъ мной (а это часто бываетъ), кажется, сказалъ-бы тебѣ много, а станешь говорить или писать—того гляди слетитъ съ языка злостная закорючка, и доброе слово мретъ на языкѣ или зачеркивается.

Ну, прощай! За этимъ письмомъ я развлекся отъ мыслей, которыя нагнало на меня извѣстіе твое. Не хотѣлъ бы воротиться къ нимъ—но и къ поэмѣ подойти дико. Нѣтъ! и мудрый Теккерей не все еще знаетъ,—онъ не бывалъ въ душѣ русскаго писателя.

Фетъ тебѣ кланяется; онъ сегодня у меня обѣдаетъ. Жаль, онъ хочетъ уѣхать 18 января; а я одинъ буду тебѣ плохой собесѣдникъ, какимъ всегда былъ,—да не испугаетъ тебя это. Здѣсь есть еще два, три человѣка. Желаю, чтобъ твое леченье шло хорошо. Дѣла сердечныя—Богъ съ ними! Когда же мы угомонимъ сердечныя тревоги? Вѣдь ты ужъ сѣдъ, а я плѣшивъ!

Плещетъ меня не поразило. Ав. Як. тебѣ кляняется, я тебя цалую и глажу.—Твой Некрасовъ.

Пиши мнѣ чаще—объ этомъ очень прошу.

35.

30 Декабря, 1856. Римъ.

Получилъ твое письмо. Спасибо за доброе мнѣніе о „Кротѣ" и за замѣчанія на него—всѣ они дѣльны и вѣрны. Писать буду, хоть, кажется, мнѣ грозитъ что-то не совсѣмъ хорошее по возвращеніи въ Россію. Напиши—не знаешь ли ты—откуда вышла буря: отъ министерства [1]) или докладывалось выше? А можетъ, и такъ пронесетъ [2]). Мы видывали цензурныя бури и пострашнѣе—при...—да пережили. Я такъ думаю, что со стороны цензуры „Современникъ" отъ этого не потерпитъ,—къ прежней дичи все же нельзя вернуться. Иное дѣло со стороны литературной. За наступающій годъ нельзя опасаться—покуда есть въ виду и въ рукахъ хорошіе матеріалы, а что до подписки, то она будетъ несомнѣнно хороша, но жаль, если союзъ пойдетъ на разладъ [3]). ..... При нынѣшнихъ обстоятельствахъ естественно

[1]) Т.-е. министерства просвѣщенія, въ которомъ тогда была цензура.—А. П.

[2]) Это были вѣроятно опасенія за стихотвореніе „Поэтъ и Гражданинъ".—*А. П.*

[3]) Рѣчь идетъ о планѣ Некрасова—предложить своимъ главнымъ сотрудникамъ-беллетристамъ долю въ доходахъ журнала, т.-е. сдѣлать ихъ пайщиками, на условіи

литературное движеніе сгруппировалось около Дружинина... Какого *новаго* направленія они хотятъ? Есть ли другое—живое и честное—кромѣ обличенія и протеста? Его создалъ не Бѣлинскій, а среда, оттого оно и пережило Бѣлинскаго, и совсѣмъ не потому, что „Современникъ"—въ лицѣ Ч—скаго—будто бы подражаетъ Бѣлинскому. Иное дѣло—можетъ быть, Ч—й недостаточно хорошо ведетъ дѣло,—такъ дайте намъ человѣка или пишите сами. Больно видѣть, что личное свое нерасположеніе . . . . , поддерживаемое Дружининымъ и Григоровичемъ, переносятъ на направленіе, которому сами донынѣ служили и которому служитъ всякій честный человѣкъ въ Россіи...

. . . . . О Дружининѣ ты думаешь вѣрно—своя рубашка къ тѣлу ближе...

И такъ, если ты не пріѣдешь сюда—я ѣду въ Парижъ. Жду твоего письма. Напиши, однако, сколько ты думаешь еще пробыть въ Парижѣ и вообще за границей? Чтобъ я могъ сообразить свой выѣздъ. Я все-таки желалъ бы тронуться не ранѣе февраля.—А то я было думалъ пріѣхать въ Парижъ весной—сдѣлать консиліумъ—и оттуда въ Ахенъ брать желѣзныя и сѣрныя ванны—а въ іюнѣ въ Россію.

Жаль мнѣ тебя, Тургеневъ, но посовѣтовать ничего не умѣю. Знаю я, что значитъ взволнованное бездѣйствіе—все понимаю. Оба мы равно жалки въ этомъ отношеніи.

Письмо меня утомило. Напишу еще на дняхъ. Пожалуйста не забрасывай журналовъ—хоть у тебя ихъ прочту, а мнѣ не высылаютъ, книги моей тоже.

Будь здоровъ, голубчикъ. Обнимаю тебя.—Н. Некрасовъ.

Не надо ли денегъ? У меня есть. Ав. Як. тебѣ очень кланяется.

При одномъ изъ декабрьскихъ писемъ, 1856, изъ Рима, послана была пьеса, подъ заглавіемъ „Кротъ" — за отзывъ объ этомъ стихотвореніи Некрасовъ благодаритъ Тургенева въ письмѣ, отъ 30-го декабря 1856. Это — отрывокъ изъ напечатанной впослѣдствіи поэмы

только, что ихъ новыя произведенія будутъ помѣщаться только въ „Современникѣ". „Союзъ" и былъ заключенъ, но продержался недолго, какъ и опасался Некрасовъ... Между прочимъ, союзники оговорили себѣ право—исполнить обѣщанія, данныя *раньше* другимъ журналамъ, и изъ этого вышло, что тотчасъ по заключеніи союза, которое было указано въ объявленіяхъ „Современника", произведенія союзниковъ посыпались въ другихъ журналахъ (по „обѣщаніямъ"), но отсутствовали пока въ самомъ „Современникѣ".

Опускаемъ дальше нѣсколько строкъ, занятыхъ замѣчаніями личнаго свойства. *А. П.*

„Несчастные“ (въ изд. 1882, стр. 64—70). 1-й стихъ отрывка: „Межъ нами былъ одинъ; его“...; послѣдній: „Мѣшаетъ вѣчная зима“.

Въ началѣ замѣтка:

Въ предъидущей главѣ разсказывающій излагаетъ, за что онъ попалъ въ Сибирь. Глава оканчивается тѣмъ, что онъ—вмѣстѣ съ другими, потерялъ всякую надежду, предался дикому буйству, подавляя въ себѣ всякое человѣческое движеніе.

Варіанты, противъ изданія 1882:

...Обросъ онъ скоро волосами,
Сутулъ, не видѣнъ былъ лицомъ
Но и подъ *сѣрымъ* армякомъ...
...И покачаетъ головой.
Терпѣнья было въ немъ не мало,
Но не былъ робокъ онъ душой...
Былъ вечеръ, *время наступало*
Ложиться,—но стоналъ больной.
Куда дѣваться въ подземельи?
Кричимъ: „*умри*, мѣшаешь спать!..“
И стали въ бѣшеномъ весельи
Его мы хоромъ отпѣвать...
...Но въ комъ какъ подъ золою пламень
Таились вѣра и любовь—
Тотъ жадно ждалъ бесѣды новой,
Съ душой *очиститься* готовой...
...Доступнаго душѣ *простой.*
...Покажетъ Русь, *какіе люди*
Подъ бурей народились въ ней.
...И смолкли вдругъ работы дня,
Улегся пахарь безъ огня...
...*Понуривъ* голову, шажкомъ,
...Воркуетъ сладко въ тишинѣ.
Да—чу! шумитъ въ концѣ селенья
Столѣтній вязъ; какъ часовой—
Старикъ не дремлетъ. Поколѣнья
Предъ нимъ проходятъ чередой—
...Любовь народная *щадитъ...*
...Нашъ братъ, *гремя* цѣпями, ссыльный...
...*Чу! гдѣ-то скрыпнули* вороты
При третьей пѣснѣ пѣтуховъ.
...Слѣпой народъ *упрекъ* почуетъ...
...Бросаетъ поздніе цвѣты...
Но спитъ народъ подъ тяжкимъ игомъ,
Боится пуль, не внемлетъ книгамъ.—
О Русь! когда-жъ проснешься ты
И міръ, на мѣстѣ беззаконныхъ
Кумировъ рабской слѣпоты,
Увидитъ честныя черты
Твоихъ героевъ безъименныхъ?..
О ней, о родинѣ державной,

Онъ говорить не уставалъ...
...Онъ видѣлъ слѣдъ руки Петровой
Подъ каждымъ деревомъ добра.
...Чтобъ Трудолюбецъ Вѣнценосный
Не посмѣялся въ небесахъ!..

При письмахъ этого времени вложена корректура — письма Тургенева въ редакцію „Современника" въ отвѣтъ на обвиненіе со стороны Каткова по поводу „Фауста" — и замѣтки редакціи „Современника". Въ корректурѣ поправки Некрасова заключаются въ смягченіи и удаленіи нѣкоторыхъ рѣзкихъ выраженій.—А. П.

36.

7-го января, 1857. Римъ.

Такъ какъ тебѣ нравятся мои описанія, то вотъ тебѣ и еще одно. Такъ какъ оно составляетъ самой невинный отрывокъ изъ моей поэмы, то хочу его напечатать, если ты одобришь. Итакъ, буде оно изрядно, то отошли его къ Анненкову, чтобъ передалъ въ редакцію „Современника". Сдѣлай это поскорѣй, чтобъ попало во 2 № „Современ.", который проситъ моихъ стиховъ. Да скажи и мнѣ свое мнѣніе объ отрывкѣ — не пѣняй на эту докучливость; съ тѣхъ поръ, какъ я убѣдился, что въ твоей головѣ больше толку и вкусу, чѣмъ въ моей, какъ-то неловко печатать, не показавши тебѣ. Поэма моя засѣла, то-есть я ее кончилъ, скомкавъ и не сдѣлавъ половины того, что думалъ. Когда соберусь съ силами — перепишу и пришлю, т.-е. въ такомъ случаѣ, если не скоро увидимся. А что же—о нашемъ свиданіи? Я это время много думалъ о тебѣ, и нахожу, что тебѣ бы лучше пріѣхать въ Римъ. Это не значитъ, что мнѣ не хочется ѣхать въ Парижъ, нѣтъ, пріѣду — но вѣдь надо-же, братъ, тебѣ будетъ уѣзжать изъ Парижа. Подумай объ этомъ. Прибавлю еще, что благодѣтельная сила этого неба и воздуха точно *не фраза.* Я самъ, чортъ знаетъ, въ какой ломкѣ былъ, и теперь еще не совсѣмъ угомонился—и если держусь, то убѣжденъ, что держитъ меня благодать воздуха и пр. Впрочемъ, я ужь знаю, что сдѣлаю; совѣтую тебѣ выяснить и рѣшить—легче будетъ.

Въ февралѣ будетъ карнавалъ — конечно, этимъ тебя не заманишь, но отчего бы тебѣ не провѣтриться—пожилъ бы здѣсь со мною мѣсяцъ, а тамъ пожалуй опять въ Парижъ, мнѣ же его не миновать. Подумай и помни, что всякая такого рода неопредѣленность изнурительна и въ результатѣ влечетъ новую бѣду — нездоровье, съ которымъ всякое душевное горе переносится еще труднѣе и мучитъ больше.

Денегъ у меня будетъ теперь довольно, и потому въ этомъ

отношеніи стоитъ тебѣ только написать слово, если тебѣ своихъ не прислали. Прощай. Я все еще не получилъ ни моей книги, ни журналовъ. А какъ милъ Панаевъ! Наконецъ, на дняхъ онъ увѣдомилъ меня—вмѣсто того, чтобъ сказать въ чемъ дѣло,—что онъ ходатайствовалъ за меня у Норова... Ну, я теперь спокоенъ!..... Это ужь меня разсердило.

37.

Римъ. 18 янв. 1857.

Милый Тургеневъ, что-то давненько нѣтъ отъ тебя вѣсти. Пиши; еслибъ ты зналъ, какъ радуютъ меня твои письма! Впрочемъ, я говорю—пиши, а самъ собираюсь къ тебѣ. Очень можетъ быть, что выѣду въ четвергъ 22 января. Хочу ѣхать одинъ. Передъ выѣздомъ напишу. Если раздумаю, тоже напишу, а теперь о дѣлѣ. Мнѣ прислали перечень того, что будетъ въ № 1 „Совр.“—„Юность“ и стихи Фета, этого бы и довольно, но чтобъ изгадить книжку подмѣшано тамъ стиховъ.... Что станешь дѣлать . . . . . ! Онъ не понимаетъ, что лучше выпустить въ годъ двѣ-три книжки пошлыя съ первой до послѣдней страницы, чѣмъ подмѣшивать пошлости въ каждую. Но и это не то, а вотъ что главное: какъ видно, ни Островскій, ни Григоровичъ, все-таки ничего не сдѣлали, и я умоляю тебя выслать на 2 № „Нахлѣбника“ или твою статью о Гамлетѣ. Да и вообще пора отправить драматическія сочиненія для печатанія къ Колбасину, а то выходъ затянется до лѣта и продажа пойдетъ хуже. Впрочемъ, надѣюсь объ этомъ поговорить при свиданіи. Фетъ отсюда завтра уѣзжаетъ. Скука усилится... да, уѣду. Будь здоровъ.—Весь твой Н. Некрасовъ.

38.

Римъ, ... февраля. Воскресенье [1857].

Я только третьяго дня добрался до Рима. Съ твоей точки зрѣнія, свѣтло и кротко любящей, я долженъ быть счастливъ, да признаться, и съ своей очень доволенъ. Вчера гулялъ на лугу, свѣжо зеленѣющемъ, въ виллѣ Боргезе и сбиралъ первые цвѣты! На душѣ хорошо. Справедливость однако заставляетъ сказать, что уже подъѣзжая къ Марселю, прошло у меня то тревожное и душное состояніе, въ которомъ ты меня видѣлъ послѣдніе дни, изъ чего и заключаю, что не малую роль въ находящей по временамъ на меня дури играютъ физическія причины—отъ этого однако не легче бываетъ, когда дурь найдетъ. Чувствую, я въ такіе дни могу убиться, если мысль приметъ

это направленіе. — Путешествіе мое было скверно. Отъѣхавъ 6 часовъ отъ Марселя, пароходъ сталъ на якорь, буря была страшная, ровно двои сутки стояли мы на якорѣ у Ерскихъ острововъ, качало страшно. Кажется, ничего злѣе нельзя было придумать въ моемъ положеніи—однако я надулъ свою судьбу, и когда она приготовила мнѣ этотъ сюрпризъ, я уже былъ тихъ и терпѣливъ. До сей поры голова кружится—словно все еще я на пароходѣ. Ав. Як. тебѣ очень кланяется и сильно благодаритъ за депешу. Предъидущій пароходъ изъ Чивита-Веккіи стоялъ у Корсики 5-ть дней—вотъ должно быть отчего не было писемъ. Это самый скверный мѣсяцъ на Средиземномъ морѣ. Ни одинъ рейсъ не обходится безъ приключенія, но несчастный Жиметъ тоже испыталъ разныя бѣдствія и прибылъ однимъ только днемъ ранѣе меня.—Я очень обрадовалъ А. Я., которая, кажется, догадалась, что я имѣлъ мысль отъ нея удрать. Нѣтъ, сердцу нельзя и не должно воевать противъ женщины, съ которой столько изжито, особенно когда она бѣдная говоритъ *пардонъ*. Я по крайней мѣрѣ не умѣю, и впредь отъ такихъ поползновеній отказываюсь. И не изъ чего и не для чего! Что мнѣ дѣлать изъ себя, куда, кому я нуженъ? Хорошо и то, что хоть для нея нуженъ. Да, начинать снова жить поздно, но жить мнѣ еще можно—вотъ на чемъ я остановился.

Милый Тургеневъ, право я тебя очень люблю—въ счастливыя мои минуты особенно убѣждаюсь въ этомъ. Твое положеніе теперешнее не хорошо — по послѣдствіямъ, которыя можетъ оно привесть. Живя въ Парижѣ, ты разстроиваешь себя физически; смотри, какъ бы болѣзнь не укоренилась такъ, что потомъ и уѣхавъ не вдругъ отъ нея избавишься. Вотъ главная и существенная точка зрѣнія, съ которой ты долженъ смотрѣть на вопросъ: оставаться тебѣ или нѣтъ въ Парижѣ? И ты таки подумай объ этомъ. По крайней мѣрѣ приведи въ исполненіе покуда свою мысль—съѣзди на недѣлю въ Дижонъ или куда-нибудь; это ничего не испортитъ, а можетъ помочь, да и нервы отдохнутъ и придутъ въ порядокъ. За душевную силу твою я не боюсь—ты встрепенешься! но не шути здоровьемъ. И вслѣдъ за этимъ мнѣ пришла мысль, что ты въ самомъ дѣлѣ изрядно мнителенъ, и не глупо ли я дѣлаю, что пишу это. Но вѣдь ты самъ знаешь, что твое здоровье еще неиспорчено и я хлопочу о томъ, чтобъ ты его не испортилъ.

Ав. Як. проситъ тебѣ сказать, что ей очень помогала въ нервной боли щеки (отъ которой по сочувствію болѣло у нея все лицо) электро-магнитическая машина—всякій лекарь знаетъ,

какъ ее употреблять; послѣ нѣсколькихъ опытовъ у нея тогда боль унялась на цѣлый годъ. Прощай. Цалую тебя. Поклонись Толстому и Орлову. Напиши на дняхъ, а теперь просто не могу—голова кругомъ заходила.—Некр.

PS. Я забылъ въ моемъ шкафѣ коробочку, гдѣ были 4 запонки, отъ рукавовъ 2 и отъ ман. 2, римскія—ты ихъ видалъ. Поищи ихъ, если не поздно, и спрячь. Они стоили 16 скудъ.

Письма мнѣ перешли.

Грибчикъ очень милъ, все его интересуетъ. Онъ легко знакомится и—видимо нравится людямъ, не думая о томъ. Даже агличанина какого-то пробралъ, тотъ звалъ его къ себѣ въ Лондонъ и обѣщалъ ему подарить собаку.

Здѣсь благодать—солнышко грѣетъ какъ разъ въ мѣру, тихо, тепло, свѣтло, кротко, младенчески молодое что-то въ воздухѣ—идетъ весна!

39.

Римъ, 7 апрѣля [1857].

Я вчера воротился въ Римъ, хочу здѣсь посмотрѣть Пасху и поѣду въ Парижъ. Въ Неаполѣ прожилъ я три недѣли очень хорошо, вездѣ былъ, даже влѣзалъ на Везувій и спускался въ самый кратеръ (съ Грибчикомъ, который тебѣ кланяется, — все это время онъ былъ неразлученъ съ нами, и только третьяго дня мы разстались—онъ уѣхалъ моремъ во Флоренцію). Погода въ Неаполѣ стояла отличная—поѣздки наши (не безъ средствъ *противъ* желудка) какъ-то всѣ удавались, природа чудо (особенно Соренто)—да ты все это самъ видѣлъ; сущность въ томъ, что я провелъ время хорошо. Когда нѣтъ душевной истины и свободы, такая жизнь только и возможна, — какъ гдѣ засидишься, такъ и хуже. О работѣ я забылъ и думать—безъ вышеписанныхъ элементовъ это самый безжалостный родъ насилія изъ всѣхъ, какія мнѣ доводилось дѣлать надъ собою. А ты что? Я не писалъ тебѣ долго частію отъ лѣни, частію потому, что надоѣлъ чай тебѣ и такъ въ послѣднее время моимъ скуленьемъ, но о тебѣ хотѣлось бы знать больше. Получилъ въ Неаполѣ твое письмо, говорятъ, было и другое, да отослали въ Неаполь—а я уѣхалъ сюда. Надѣюсь, мнѣ его оттуда пришлютъ на дняхъ. Дѣла въ „Современникѣ“ поправляются—третья книжка вышла лучше двухъ 1-хъ; подписка хороша, но впрочемъ—не все ли равно? повторю и я вслѣдъ за тобою. Мало, очень мало сталъ я надѣяться на себя. Бродячая жизнь—не по моему характеру, а врядъ ли не умнѣе ли бы мнѣ было оставаться за

границей какъ можно долѣе—что-то говоритъ сердцу, что тамъ будетъ еще хуже. Посмотримъ.

...Живя, умѣй все пережить.

Ворочусь, попробую, авось и съумѣю!

Въ концѣ этого мѣсяца я буду въ Парижѣ—тебя тамъ не застану, но вѣдь ты опять хоть на короткое время будешь-же въ Парижѣ? Напиши мнѣ въ Парижъ изъ Лондона poste restante хоть два слова объ этомъ. Я бы прислалъ тебѣ денегъ, для покупки мнѣ собаки и ружья. Въ Россію поѣду въ концѣ іюля. Право бы намъ съѣздить на охоту въ мою деревнишку, Влад. Губ.,—тамъ дичи-то, дичи! Кланяюсь Толстому и Орлову. Послѣдній такъ часто припоминается мнѣ съ своимъ одинокимъ, добрымъ глазомъ, что написалъ бы ему, кабы не былъ онъ князь да—и пр. Впрочемъ, въ томъ что онъ князь — онъ слава Богу не виноватъ, а натура его дѣлаетъ все, что можетъ; онъ конфузится въ салонахъ, зато я увѣренъ, онъ былъ бы какъ дома за нашими обѣдами въ домѣ Степанова или Имзена — больше нельзя требовать отъ человѣка!—Застану ли я его въ Парижѣ? А Толстой? Гдѣ онъ — теперь бы ему самое время въ Италію, позже будетъ нестерпимо жарко, и теперь ужь часто душно.—Пожалуйста увидайся съ Плетневымъ и извини меня чѣмъ нибудь въ родѣ того, что въ Римъ я уѣхалъ внезапно по причинѣ какой-нибудь сверхъестественно важной. — Я обдѣлалъ стихи 30 апрѣля, вышли плохи—въ Россію пошлю, а тебѣ посылать не стоитъ. Будь здоровъ. Цалую тебя.—Некр.

PS. Я буду тебѣ писать время отъ времени, а ты вели пересылать письма въ Лондонъ.

PS. Я читалъ недавно кое-что изъ твоихъ повѣстей. Фаустъ точно хорошъ. Еще мнѣ понравился весь *Яковъ Пасынковъ* и многія страницы *Трехъ встрѣчъ*. Тонъ ихъ удивителенъ—какой-то страстной, глубокой грусти. Я вотъ что подумалъ: ты поэтъ болѣе, чѣмъ всѣ русскіе писатели послѣ Пушкина, взятые вмѣстѣ. И ты одинъ изъ новыхъ владѣешь формой — другіе даютъ читателю сырой матеріалъ, гдѣ надо умѣть брать поэзію. Написать бы тебѣ объ этомъ больше, но опять проклятая мысль—не принялъ бы ты этого за пустую любезность! Но прошу тебя —перечти „Три встрѣчи“,—уйди въ себя, въ свою молодость, въ любовь, въ неопредѣленные и прекрасные по своему безумію порывы юности, въ эту тоску безъ тоски—и напиши что-нибудь этимъ тономъ. Ты самъ не знаешь, какіе звуки польются, когда разъ удастся прикоснуться къ этимъ струнамъ сердца, столько

жившаго, какъ твое, любовью, страданьемъ и всякой идеальностью. Нѣтъ, просто мнѣ надо написать статью о твоихъ повѣстяхъ,—тогда я буду свободнѣе, я буду писать не для тебя, а для публики, и можетъ быть скажу что-нибудь, что — тебѣ раскроетъ самого себя какъ писателя: это самое важное дѣло критики, да гдѣ мастеръ на него? Съумѣю ли, не знаю, даже не увѣренъ, что напишу статью.

А. Я. тебѣ кланяется.

40.

22 апр. 1857.

Милый Тургеневъ. Завтра утромъ я выѣзжаю во Флоренцію и недѣли черезъ полторы буду въ Парижѣ. Очень хотѣлъ бы тебя застать. Твое письмо послѣднее только сегодня получилъ изъ Неаполя. Панаевъ, кажется, уже поправился. Я здѣсь у Оболенскаго . . . . . .
разсказы объ охотѣ на Кавказѣ—Н. Толстого. Авторъ не виноватъ, что это не повѣсть, но задачу, которую онъ себѣ задалъ, онъ выполнилъ мастерски и кромѣ того обнаружилъ себя поэтомъ. Некогда писать, а то я бы указалъ въ этой статьѣ на нѣсколько чертъ до того поэтическихъ и свѣжихъ, что ай-ай! Поэзія тутъ на мѣстѣ и мимоходомъ выскакиваетъ сама собою; неизвѣстно, есть ли у автора творческій талантъ, но талантъ наблюденія и описанія, по моему, огромный—фигура стараго козака въ началѣ чуть тронута, но что важно, не обмельчена, любовь видна къ самой природѣ и птицѣ, а не къ описанію той и другой. Это вещь хорошая. Не знаю, насколько Левъ Н. поправилъ слогъ, но мнѣ показалось, что эта рука тверже владѣетъ языкомъ, чѣмъ самъ Л. Н. Далекость отъ литературныхъ кружковъ имѣетъ также свои достоинства. Я увѣренъ, что авторъ не созналъ, когда писалъ, многихъ чертъ, которыми я любовался, какъ читатель, а это не часто встрѣчаешь.

Я здѣсь часто видаюсь съ Сальясъ и Кудрявцевымъ. Послѣдній понесъ тяжелую потерю: у него во Флоренціи уморили въ нѣсколько дней здоровую, веселую и любимую жену. Жаль его бѣднаго очень—хорошій онъ человѣкъ, да горе совсѣмъ его сломило. Больно видѣть его.—Грановская совсѣмъ умираетъ. Вотъ наши римскія новости.—О себѣ нечего сказать: я теперь доволенъ однимъ открытіемъ, которое сдѣлалъ въ Неаполѣ: докторъ Циммерманъ объявилъ, что у меня разстроена печень. Итакъ, я дурю отъ разстроенной печенки! Слава Богу—хоть причина нашлась.

Будь здоровъ. Цалую тебя и кланяюсь Толстому.—Некрасовъ.

41.

27 мая 1857. Парижъ.

Вчера получилъ твое письмо. Сейчасъ видѣлъ Орлова—онъ завтра уѣзжаетъ, обѣщалъ прислать мнѣ всѣ журналы, какіе успѣетъ собрать,—со Щепкинымъ пришлю. Видѣлъ я Леметра, вотъ это столько же *то*, сколько не то Ристори. Въ немъ мало француза и много человѣка—великое достоинство! Получилъ письмо отъ Толстого—очень умное, теплое и серьезное. Онъ проситъ тебѣ сказать, что если нельзя четыре собаки, то купи двѣ, самыя нужныя ему: борзая и гончая выжловка.

Лекарство я пью исправно и намѣренъ пить до 15-го іюня. На дняхъ пришлю тебѣ деньги на ружье и напишу больше. Будь здоровъ и духомъ бодръ. Цалую тебя. А. Я. тебѣ кланяется. — Н. Некрасовъ.

42.

31 мая. Воскр. [1857].

Посылаю тебѣ тысячу франковъ на ружье (съ М. Ѳ. Коршъ) и еще сто франковъ; не полѣнись пожалуйста, поищи, нѣтъ ли какихъ новыхъ и хорошихъ принадлежностей для охоты ружейной и особенно псовой (съ борзыми и гончими), именно: по части роговъ, сворокъ, арапниковъ, кинжаловъ для прикалыванія звѣря и т. под. Купи на эти сто франковъ—это для моего отца, которому я долженъ привезти подарокъ; если останется денегъ, то пріобрѣти усовершенствованные дробовикъ, пороховницу и пистонницу. Можетъ случиться, что я пріѣду на дняхъ въ Лондонъ, теперь у меня есть товарищъ для путешествія туда—Логинъ Лихачовъ, на дняхъ сюда прибывшій. Но это только *можетъ быть*. Лекарство мнѣ сильно испортило желудокъ и повергло меня въ физическую немочь—не знаю еще, на что рѣшусь—пойду на дняхъ къ Райе. Книгъ посылаю сколько могъ собрать Орловъ, который уже уѣхалъ отсюда. Статью Пинто, разумѣется, возьму съ удовольствіемъ. Будь здоровъ. Я дѣлаю, что дѣлалъ и что мнѣ предстоитъ до конца дней—*кое-какъ перемогаюсь*. — Некр.

43.

[1857].

Милый Тургеневъ, Пожалуйста напиши опредѣлительно, долго ли ты пробудешь въ Лондонѣ и заѣдешь ли навѣрное въ Парижъ? Здѣсь появился Е. П. Ковалевскій—онъ говоритъ, что готовъ недѣлю или двѣ прожить лишнія, лишь бы тебя увидѣть въ Парижѣ. А я совѣтую ему ѣхать съ нами въ Лондонъ, на что онъ въ крайнемъ случаѣ тоже кажется подастся; онъ былъ очень

веселъ въ Парижѣ, да увидалъ сонъ, предсказывающій ему смерть—и на немъ лица нѣтъ—„пусть-де Тургеневъ пріѣдетъ со мной проститься—умру скоро!—вы такъ ему и напишите!“

(Далѣе писано Е. П. Ковалевскимъ:)

Мнѣ снился такой сонъ, что я скоро умру: пріѣзжайте пожалуйста. Мнѣ очень, очень хочется васъ видѣть до смерти. Пробуду я здѣсь, если до тѣхъ поръ не умру, недѣли двѣ.

Весь и навсегда вашъ—Е. Ковалевскій.

M-me Миллеръ здѣсь и также хочетъ васъ видѣть.

Я сейчасъ только вспомнилъ, что нужно послать тебѣ мѣрку на ружье. Завтра объ этомъ похлопочу. Впрочемъ, обыкновенный размѣръ англійскихъ ложъ мнѣ удобенъ. Будь веселъ, голубчикъ, глажу тебя по сѣдой головкѣ. Безъ тебя, братъ, какъ-то хуже живется. Напиши же—ѣхать къ тебѣ въ Лондонъ или ты самъ сюда будешь.—Некр.

2 іюня.

44.

[1857].

Вчера получилъ твое письмо. Въ Лондонъ едва-ли поѣду, хотя все еще окончательно не рѣшился не ѣхать. Правду сказать, въ числѣ причинъ, по которымъ мнѣ хотѣлось поѣхать, главная была увидѣть Герцена, но, какъ кажется, онъ противъ меня возстановленъ—чѣмъ не знаю, подозрѣваю, что извѣстной исторіей огаревск. дѣла. Ты лучше другихъ можешь знать, что я тутъ столько же виноватъ и причастенъ, какъ ты, напримѣръ. Если вина моя въ томъ, что я не употребилъ моего вліянія, то прежде надо бы знать, имѣлъ ли я его—особенно тогда, когда это дѣло разрѣшалось. Если оно и могло быть, то гораздо прежде. Мнѣ просто больно, что человѣкъ, котораго я столько уважаю, который кромѣ того когда-то оказалъ мнѣ личную помощь, который былъ первый послѣ Бѣлинскаго, привѣтствовавшій добрымъ словомъ мои стихи (я его записочку ко мнѣ, по выходѣ Петерб. Сборника, до сей поры берегу), что этотъ человѣкъ не хорошо обо мнѣ думаетъ. Скажи ему это (если найдешь удобнымъ и нужнымъ—ты лучше знаешь нынѣшняго Герцена) и прибавь къ этому, что если онъ на десять минутъ обѣщаетъ зайти ко мнѣ въ гостинницу (къ нему мнѣ итти неловко, потому что я положительно знаю лютую враждебность Огарева ко мнѣ), то я ни минуты не колеблясь пріѣду къ 11-му числу, чтобы 16-го вмѣстѣ съ тобою уѣхать обратно.—Кланяется тебѣ Ковалевскій и ждетъ нетерпѣливо. . . . . освобожденіе Баку-

нина дѣло нашего милаго генерала. Вотъ въ короткихъ словахъ его ходъ. Сначала о прощеніи его докладывалъ Долгорукій, по просьбѣ родныхъ. Государь наотрѣзъ отказалъ, послѣ многихъ совѣщаній и раздумья. Прошло мѣсяца три. Ковалевскій тѣмъ временемъ дѣйствовалъ на Горчакова, выписалъ сестру Бакунина (бывшую сестрой милосердія при Севастополѣ), повелъ ее къ Горчакову, общими силами они разжалобили его, и онъ рѣшился вновь доложить государю, опираясь на то, что поступокъ Бакунина имѣлъ отношеніе къ иностр. министерству. Государь и тутъ отказалъ, сказавъ, что не видитъ со стороны Бак. раскаянья. Тогда убѣдили Бакунина написать письмо къ Горчакову. Горчаковъ это письмо показалъ государю—и государь простилъ. Резолюція: Бак. освободить, жить ему въ Омскѣ, съ дозволеніемъ прожить до излеченія въ деревнѣ у матери въ Тамб. губ. и съ правомъ поступить на службу. Ковалевскій говоритъ, что изъ Омска теперь легко и скоро можно будетъ передвинуть Бакунина.—Достоевскій и проч. прощены навѣрно—и даже Спѣшневъ. Будь здоровъ. Весь твой — Некр.

[Письмо не лишено важности для объясненія „огаревскаго дѣла". Въ чемъ именно состояло это дѣло, не знаю; но противъ Некрасова выставлено было тяжелое обвиненіе въ присвоеніи и растратѣ чужихъ денегъ. Біографы приводили, въ связи съ этимъ дѣломъ, напримѣръ, цитату изъ воспоминаній П. В. Анненкова („Анн. и его друзья", стр. 116): цитата съ упоминаніемъ имени Грановскаго, очень ядовитая, но очень темная. Въ настоящемъ письмѣ любопытна ссылка Некрасова на самого Тургенева. Въ запискахъ г-жи Панаевой-Головачевой обвиненіе Некрасова по этому дѣлу съ негодованіемъ отвергается (стр. 326).]

45.

30 іюня 1857. Дача близь Петергофа.

Я прибылъ на дачу близь Петергофа (нанятую для меня Васильемъ) 28 іюня рус. стиля. Ѣхалъ я отъ Кенигсберга дней восемь—оттого не очень усталъ, но собака, въ свою очередь, и меня состарила; денегъ на нее вышло очень много—мошенники рус. кондукторы разыгрывали со мною сцены въ родѣ слѣдующей: „Собака! Какъ у васъ собака!!..."—Да.—Вы хотите ее везти въ казенномъ экипажѣ.—Да!—Да знаете ли вы, что это запрещено... что я лишусь мѣста и пущу по міру жену и дѣтей...—Полноте, я вамъ заплачу—я всегда возилъ.—„Кто васъ возилъ съ собакой, у того видно было двѣ головы, а у меня одна". Я вамъ дамъ 5-ть цѣлк...—Ну, сажайте.—Такъ въ Тильзитѣ, въ Ригѣ, въ Дерптѣ и Нарвѣ, а въ Кенигсбергѣ честные

нѣмцы сдули съ меня за собаку и еще больше, заставивъ взять особый экипажъ. Тутъ еще случилось горе. На одной станціи намъ дали открытую таратайку. Я положилъ цѣпь себѣ подъ сидѣнье,—и задремалъ, собака вздумала выскочить и ободрала себѣ заднюю ногу, а переднюю ушибла. И такъ я всю дорогу имѣлъ удовольствіе время отъ времени выносить ее на рукахъ и любоваться, какъ она погуливала на двухъ ногахъ (лѣвой задней и лѣвой передней)... Надо впрочемъ отдать ей справедливость: ...она вообще умна, терпѣлива, привязчива и спокойна. Въ Дерптѣ я ее возилъ въ скотоврач. клинику—тамъ ее перевязали, дали мнѣ лекарство мочить ей ноги—и теперь она поправляется; черезъ недѣлю будетъ здорова. Славный характеръ у собаки, нельзя ее не полюбить; жаль будетъ, если изъ нея ничего не выдетъ... Теперь тоже не хорошо, надо работать, а руки опускаются, точитъ меня червь, точитъ. Въ день двадцать разъ приходитъ мнѣ на умъ пистолетъ и тотчасъ дѣлается при этой мысли легче. Я сообщаю тебѣ это потому, что это фактъ, а не потому, чтобъ я имѣлъ намѣреніе это сдѣлать,—надѣюсь, никогда этого не сдѣлаю. Но нехорошо, когда человѣку съ отрадной точки зрѣнія поминутно представляется это орудіе. Правда, оно все примиритъ и разрѣшитъ, да не хочу я этого разрѣшенія. Я поселился на дачѣ... съ Панаевымъ, котораго болѣзнь подломила. Не знаю, такъ ли въ самомъ дѣлѣ, но онъ мнѣ кажется лучше... Разсказовъ-то, разсказовъ—Господи! Но вдругъ не разскажешь. Мнѣ понравился покуда одинъ. Гр. Р—на написала доносецъ въ стихахъ. Фельетонистъ С. П. Вѣд., говоря о ней, замѣчаетъ, что дѣятельность ея раздѣляется на три отдѣленія, въ 1-мъ она дѣлала то и то, во 2-мъ то и то, а нынѣ гр. Р. вступила въ третье отдѣленіе. Этимъ кончается статейка... Бѣда допускать людей до денегъ! [1]) И не радъ бы, а надо будетъ посмотрѣть... Вся литература, и публика за нею (сколько могъ замѣтить по Вульфу [2]) и Панаеву), круто повернула въ сторону затрогиванія обществ. вопросовъ и т. под. На Панаевѣ это можно видѣть очень ясно,—въ каждомъ его сужденіи такъ и видишь, подъ какимъ вѣтромъ эта голова стояла цѣлый годъ. Но собственно все тоже идетъ въ отношеніи цензуры и даже начало нѣсколько поворачивать вспять. Уже задерживаются статьи—за мрачное впечатлѣніе и т. п., то есть произволъ личности опять входитъ въ свои права. Про Г—ва какія гадости я узналъ! На-

---

[1]) Рѣчь пошла дальше о конторскихъ дѣлахъ журнала.—А. П.

[2]) Вульфъ—владѣтель типографіи, гдѣ печатался „Современникъ".—А. П.

пишу завтра еще письмо, побывавъ въ городѣ, куда поѣду утромъ. Въ 6 № „Совр.“ Ч. написалъ отличную статью по поводу Щедрина и „Замѣтки“ тоже очень умныя... Матеріаловъ для „Совр.“ нѣтъ. Я тебя прошу—для меня, для самого себя и для чести дѣла, къ 9-й кн. „Совр.“ напиши статью Гамлетъ и д.-Кихотъ и увѣдомь сейчасъ Толстого, чтобы къ этой книжкѣ онъ приготовилъ повѣсть. Это, господа, необходимо. Черезъ мѣсяцъ отъ этого письма рукописи ваши должны быть здѣсь.—Я ужасно радъ, что ты чувствуешь желаніе работать, радъ за тебя. Но смотри—обдумай, ѣхать ли тебѣ въ Парижъ. Вспомни, какъ ты трудно отрывался, и знай еще, что есть предѣлъ всякой силѣ. Право, и у меня ея было довольно. Никогда я не думалъ, что такъ сломлюсь душевно, а сломился. Не желаю тебѣ ничего подобнаго. Конечно, ты отъ этого далекъ, но все не худо—во время взяться за умъ. Горе, стыдъ, тьма и безуміе—этими словами я еще не совсѣмъ полно обозначу мое душевное состояніе, а какъ я его себѣ устроилъ? Я вздумалъ шутить съ огнемъ и пошутилъ черезъ мѣру. Годъ тому назадъ было еще ничего—я могъ спастись, а теперь... — Пріѣзжай сюда, не заѣзжая въ Парижъ. Цалую тебя. — Некр.

46.

20 іюля с. с. [1857].

Любезный Тургеневъ. Письмо твое (о деньгахъ) огорчило меня больше, чѣмъ бы слѣдовало огорчаться такими вещами. Зачѣмъ тебѣ Гер. написалъ, что я жалуюсь на тебя и проч.—я не понимаю [1]), а писалъ я ему вотъ что: „Причиною, что долгъ мой вамъ до сей поры не уплаченъ—неудобность сношеній съ вами, а главное:—моя непростительная безпечность, которая поддерживалась сначала надеждою на Вашу снисходительность, а въ 1850 году Тург. передалъ мнѣ вашу записку, чтобъ деньги, должныя Вамъ, отдать ему. Признаюсь, съ этого времени я мало думалъ объ этомъ долгѣ, потому что съ Тургеневымъ я довольно близокъ и имѣлъ съ нимъ постоянные счеты“. Затѣмъ я извѣщалъ его, что деньги ему пришлю изъ Россіи.

---

[1]) Сейчасъ я перечелъ твое письмо и увѣряю тебя честью, что о томъ, что *ты* заплатишь Герц. изъ денегъ, *которыя долженъ мнѣ*—въ моемъ письмѣ къ Гер. и рѣчи не было! Странно, что Гер. написалъ это, менѣе странно, что ты повѣрилъ этому и разсердился, но я повторяю: о томъ, будто бы ты заплатишь Герц. изъ денегъ, должныхъ будто бы мнѣ—*въ моемъ письмѣ нѣтъ ни слова, даже какого либо намека.* Это сущая выдумка—попроси Гер., пусть онъ пришлетъ тебѣ мое письмо! [Приписка Некр.]

Теперь вижу, что лучше бы мнѣ вовсе не упоминать о тебѣ, но любезный другъ, когда на человѣка падаетъ обвиненіе въ присвоеніи чужой собственности, неужели ему не позволительно сослаться на фактъ, въ которомъ по моему мнѣнію нѣтъ ничего предосудительнаго для тебя? Мнѣ ужасно бы хотѣлось, чтобъ ты прочелъ то мое письмо къ Гер.,—ты увидѣлъ бы, что я всю вину бралъ прямо на себя, и у меня было только одно невинное желаніе сказать, что я менѣе виноватъ передъ Гер., чѣмъ онъ думаетъ, что не умышленное посягательство на чужое добро, а причины менѣе гадкія затянули уплату. Въ нашихъ дѣловыхъ отношеніяхъ я гораздо болѣе обязанъ тебѣ, чѣмъ ты мнѣ (кто этого не знаетъ?), но неужели ты отрицаешь у меня право сказать, что долгъ, переведенный на Тургенева, меня не безпокоитъ, что онъ подождетъ за мной, какъ иногда ждалъ я за нимъ и т. под.? Или находишь въ этомъ что-нибудь обидное для себя?.. Помѣщикъ 2 т. душъ! конечно ты щекотливъ въ такихъ дѣлахъ, но позволь и бѣдняку имѣть эту щекотливость и извини меня (чистосердечно), что желаніе сколько нибудь оправдаться передъ Гер. заставило меня употребить твое имя въ этомъ дѣлѣ. Скажу прямо, ты меня больно ударилъ по сердцу своимъ распоряженіемъ къ дядѣ о присылкѣ мнѣ денегъ. Ты видно не шутя раздражился, но подумай хладнокровно—слѣдуетъ ли такъ поступать... Нѣтъ, это похоже на упрекъ. При этомъ найдешь записку, которую отошли къ Г., если найдешь нужнымъ. Что касается до „З. О.", то—хоть я говорилъ и имѣлъ намѣреніе отдать тебѣ половину барыша,—дѣло это и въ такомъ случаѣ еще такъ выгодно, что отстаивать его за собою—мнѣ неудобно—рѣшай самъ какъ знаешь. Всего лучше я думаю такъ: напечатаю я (во избѣжаніе сплетенъ, такъ какъ всѣмъ уже извѣстно, что ты мнѣ ихъ отдалъ), а деньги возьмешь ты—или еще лучше: отдадимъ ихъ дочери Бѣлинскаго.—Вопросъ о дозволеніи ихъ въ томъ же положеніи, какъ и былъ,—но дозволеніе вѣроятно.

Я хотѣлъ запечатать письмо, но не выдержалъ, чтобъ не приписать, что сердце у меня не на мѣстѣ. Я тогда только успокоюсь, когда ты мнѣ напишешь, что эта исторія ничего въ тебѣ не измѣнила относительно меня (разумѣется, если оно такъ на самомъ дѣлѣ).

Дядя твой не отличается, кажется, быстротою въ исполненіи твоихъ порученій, поэтому прошу тебя написать ему, чтобъ онъ не трудился высылать мнѣ деньги. Неужели ты думаешь, что я придаю этому важность и не знаю очень хорошо, что ты богаче меня и можешь имѣть деньги мимо меня?—Я всегда такъ дово-

ленъ былъ, когда могъ кстати дать тебѣ мои 50 или 100 руб.— Зачѣмъ лишать меня этого удовольствія?

[Сюда относится нижеслѣдующее письмо къ Герцену.

Къ этому и другимъ письмамъ, гдѣ говорится о денежныхъ счетахъ, относится письмо Тургенева отъ 24—12 августа 1857, изъ Куртавнеля. „Р. Мысль", тамъ же, стр. 121—122.]

[1857].

Милостивый государь
Александръ Ивановичъ,

Въ письмѣ посланномъ Вамъ недавно изъ Парижа, я вовсе не думалъ обвинять Тургенева въ неуплатѣ Вамъ моего долга; я прямо винилъ свою безпечность и говорилъ только, что съ той поры, какъ получилъ Вашу записку объ отдачѣ этихъ денегъ Тург.—я мало думалъ объ этомъ долгѣ, имѣя съ Тург. постоянные счеты.

Я не сказалъ въ моемъ письмѣ, будто этотъ долгъ въ настоящее время числю за Тургеневымъ; я *не писалъ* (не писалъ!) Вамъ, что эти деньги заплатитъ Вамъ Тургеневъ, изъ денегъ, которыя онъ будто въ настоящее время мнѣ долженъ. Напротивъ, я писалъ прямо, что деньги вышлю вамъ *я*, по возвращеніи въ Россію.

Письмо мое однакоже послужило источникомъ нѣкоторыхъ недоразумѣній, которыя заставляютъ меня просить васъ 1) считать виновникомъ въ этомъ дѣлѣ единственно меня, а не Тургенева, который виноватъ передъ Вами развѣ въ томъ, что не взыскалъ съ меня этого долга посредствомъ полицейскихъ мѣръ; 2) послать Тург. или показать ему при случаѣ мое письмо къ Вамъ, писанное изъ Парижа; 3) извинить меня, что я вторично Васъ безпокою по дѣлу, въ которомъ непростительно виноватъ и которое въ весьма скоромъ времени наконецъ кончу высылкою Вамъ денегъ.—Н. Некрасовъ.

20 іюля с. с.

47.

21 іюля с. с. [1857].

Любезный Тургеневъ, на дняхъ я тебѣ написалъ письмо на тему въ родѣ: пожалуйста не вѣрь, что я таскаю платки изъ чужихъ кармановъ. Тамъ я вложилъ письмо къ Г., котораго не посылай, а пошли прилагаемое при семъ, ибо, къ счастію, мнѣ удалось добыть денегъ и такимъ образомъ дѣло это будетъ разомъ покончено, т.-е. вмѣстѣ съ деньгами отправь письмо—и конецъ!

Векселя на 3000 фр. написаны на твое имя, ты можешь сдѣлать на нихъ надпись и отослать по принадлежности [1]).

Говорятъ, пора ѣхать мнѣ на пароходъ. Письма къ Г. написать нѐкогда, пошли то, или не посылай никакого, или лучше вотъ что: у меня начато на дачѣ къ тебѣ письмо о разныхъ разностяхъ—я его допишу и въ него вложу и записку къ Г., гдѣ нужно будетъ между прочимъ приложить разсчетъ. Еслибъ ты зналъ, какъ мнѣ противно все это дѣло. Будь здоровъ. Обнимаю тебя.—Твой Н. Некр.

48.

27 іюля, с. с. 1857. Петергофъ.

Любезный Тургеневъ. Я получилъ твою записочку, но Дружинина еще не видалъ; мнѣ больно было узнать, что тебѣ не хорошо. Вчера я видѣлъ Шипулинскаго, разговоръ зашелъ о тебѣ; онъ говоритъ, что у тебя невральгія—вещь, съ которой можно прожить сто лѣтъ . . . . . .

. . . . . .

Онъ говоритъ, что ты очень нервенъ и мнителенъ—вотъ твои болѣзни—и совѣтуетъ тебѣ поскорѣй воротиться домой и жить спокойнѣе, такъ какъ для твоего здоровья теплый климатъ не составляетъ необходимаго условія. Здѣсь ждетъ тебя жизнь сѣренькая, но ты ужь ее хорошо знаешь и съумѣешь, какъ и встарь, брать съ нея лучшее. А надо правду сказать, какое бы унылое впечатлѣніе ни производила Европа, стоитъ воротиться, чтобъ начать думать о ней съ уваженіемъ и отрадой. Сѣро, сѣро! глупо, дико, глухо—и почти безнадежно! И все-таки я долженъ сознаться, что сердце у меня билось какъ-то особенно при видѣ „родныхъ полей“ и русскаго мужика. Вотъ тебѣ стихи, которые я сложилъ вскорѣ по пріѣздѣ:

Въ столицѣ шумъ—гремятъ витіи
Бичуя рабство, зло и ложь,
А тамъ, во глубинѣ Россіи,
Что тамъ? Богъ знаетъ... не поймешь!
Надъ всей равнинной безпредѣльной
Стоитъ такая тишина,
Какъ будто впала въ сонъ смертельный
Давно дремавшая страна.
Лишь вѣтеръ не даетъ покою
Вершинамъ придорожныхъ ивъ,
И выгибаются дугою,
Цалуясь съ матерью-землею,
Колосья безконечныхъ нивъ... [2]).

---

[1]) Послѣднія два слова написаны вмѣсто зачеркнутаго, кажется—„въ Лондонъ“.—А. П.

[2]) Варіантъ извѣстнаго стихотворенія.

Что до меня, я доволенъ своимъ возвращеніемъ. Русская жизнь имѣетъ счастливую особенность сводить человѣка съ идеальныхъ вершинъ, поминутно напоминая ему, какая онъ дрянь,—дрянью кажется и все прочее, и самая жизнь,—дрянью, о которой не стоитъ много думать.

Въ литературѣ движеніе самое слабое. Всѣ новооткрытые таланты, о которыхъ доходили до тебя слухи, сущій пуфъ. Эти Водовозовы и пр. едва умѣютъ писать порусски. Геній эпохи—Щедринъ... Публика въ немъ видитъ нѣчто повыше Гоголя! Противно раскрывать журналы—все доносы на квартальныхъ да на исправниковъ,—однообразно и бездарно! Въ „Русск. Вѣстн." впрочемъ появилась большая повѣсть Печерскаго „Старые годы"—тоже таланта немного, но интересъ сильный и смѣлость небывалая. Выведенъ крупный русскій баринъ во всей ширинѣ и безобразіи старой русской жизни—злодѣйствующій надъ своими подвластными, закладывающій въ стѣну людей—личность, передъ которою Стенька Разинъ—герой добродѣтели, а разница та, что Стеньку преслѣдовали, а этотъ всю жизнь пользовался покровительствомъ законовъ и достигъ „степеней извѣстныхъ". Еслибъ у автора побольше таланта—вышла-бы вальтеръ-скоттовская вещь. Я до сей поры еще не рѣшилъ, что дѣлать съ „Современникомъ". Не могу повѣрить, чтобъ набивая журналъ каждый годъ повѣстьми о взяткахъ, можно было не огадить его для публики, а другихъ повѣстей нѣтъ. Современное обозрѣніе, по плану, о которомъ мы съ тобой говорили, начнется съ 9 №.—Ч—скій малой дѣльный и полезный, но крайне односторонній,—что-то въ родѣ если не ненависти, то презрѣнія питаетъ онъ къ легкой литературѣ и успѣлъ въ теченіи года наложить на журналъ печать однообразія и односторонности. Бездна выходитъ книгъ, книжонокъ, новыхъ журналовъ, спекулирующихъ на публику—обо всемъ этомъ не говорится въ журналѣ ни слова! Не думаю, чтобъ это было хорошо. Вѣдь публика едва ли много поумнѣла со временъ Бѣл(инскаго), который умѣлъ ее учить и вразумлять, по поводу пустой брошюры. И много такихъ упущеній, обмертвившихъ журналъ. Пріѣзжай поскорѣе—надо подумать общими силами. Безъ тебя толку не будетъ. Говорю это не шутя. Только ты одинъ умѣешь и можешь навести меня на разумъ и заставить работать.—На дняхъ ты получишь нѣчто въ родѣ циркуляра, какъ „участникъ"; къ тебѣ можно бы и не посылать, но я пошлю для формы. Другіе „участники", не имѣющіе къ бездѣйствію такихъ уважительныхъ причинъ какъ ты,—тѣмъ не менѣе ничего не дѣлаютъ; девятая книжка (при которой

должно выдать объявленіе о подпискѣ) на носу, а ни отъ одного мы не имѣемъ ни строки.—Толстой вытребовалъ изъ Бадена денегъ по телеграфу, проигравшись тамъ—вотъ послѣднее отъ него извѣстіе. Островскій прислалъ подобное требованіе изъ Ярославля. Григоровичъ въ деревнѣ и не даетъ вѣсти о себѣ. Всѣ наши сѣтованія на участниковъ—минуютъ тебя, ты и такъ много сдѣлалъ для „Совр.", но все-таки, еслибъ ты теперь сдѣлалъ что-нибудь, то было бы лучше для тебя, а ужь о журналѣ и говорить нечего.—На дняхъ воротились изъ Одессы братья Колбасины. Анненковъ въ Симбирскѣ. Гончаровъ гдѣ-то въ Германіи на водахъ.—Поклонись, если будешь писать, отъ меня Орлову. Будь здоровъ. Напиши мнѣ. Собаку еще не пробовалъ на охотѣ, но думаю, что она будетъ не дурна. Она собака умная, догадливая и не упрямая.—Твой Н. Некр.

[По поводу упоминанія объ Орловѣ (кн. Н. А.), Тургеневъ говоритъ въ письмѣ отъ 9—21 сентября 1857:... „Я видѣлъ Орлова, который велитъ тебѣ кланяться. Вообрази, онъ много стиховъ твоихъ знаетъ наизусть" („Р. Мысль", тамъ же, стр. 122).]

[Циркуляры:]

„Господину участнику Современника, Ивану Сергѣевичу Тургеневу.

„Милостивый Государь!

„Редакція Современника имѣетъ честь представить Вамъ къ свѣдѣнію вѣдомость о числѣ подписчиковъ на Современникъ въ 1857 году и вмѣстѣ съ симъ считаетъ нужнымъ сообщить Вамъ слѣдующее:

„Значительное приращеніе подписчиковъ, происшедшее, какъ не сомнѣвается Редакція, преимущественно въ слѣдствіе объявленія объ исключительномъ участіи въ журналѣ четырехъ любимыхъ публикою писателей, налагаетъ на нихъ обязанность о поддержаніи и оправданіи этого довѣрія. Между тѣмъ дѣятельность гг. участниковъ до настоящаго времени весьма мало оправдывала ожиданія публики, слѣдствіемъ чего было:

а) Безчисленные толки въ публикѣ, неблагопріятные какъ для гг. участниковъ, такъ и для журнала.

б) Охлажденіе къ журналу.

в) Бѣдность беллетристическаго отдѣла въ журналѣ, сравнительно съ прежними его годами,—

„Что все вмѣстѣ можетъ привести журналъ къ паденію и потерѣ подписчиковъ, если настоящее положеніе дѣлъ будетъ продолжаться, то-есть: если гг. участники соединенными силами и не теряя времени не исправятъ 1-го отдѣла журнала и не докажутъ тѣмъ публикѣ, что недѣятельность ихъ была случайная, не угрожающая продолжаться постоянно, какъ теперь публика начинаетъ думать это.

„Въ настоящее время, когда скоро необходимо будетъ выпускать въ свѣтъ объявленія объ изданіи журнала въ слѣдующемъ году—время, когда публика издавна привыкла встрѣчать въ немъ произведенія любимыхъ своихъ писателей, редакція не имѣетъ не только

ни строки ни отъ одного изъ господъ участниковъ, но даже ни одного вѣрнаго и срочнаго обѣщанія, на которое могла бы прочно разсчитывать. При увеличеніи числа журналовъ и мѣрахъ, принимаемыхъ другими редакціями къ обезпеченію себя, нынѣ невозможно, несмотря на готовность редакціи къ большимъ пожертвованіямъ, достать что-либо хорошее у другихъ интересующихъ публику писателей. Т. обр. журналъ въ виду приближающейся подписки находится въ самомъ жалкомъ положеніи. При недѣятельности гг. участниковъ онъ будетъ въ необходимости довольствоваться посредственными матеріалами и окончательно убѣдитъ публику во мнѣніи, что онъ лишился возможности поддерживать свое достоинство, утвержденное за нимъ многими годами.

„Для предупрежденія этого необходимы мѣры рѣшительныя и немедленныя, и эти мѣры находятся въ рукахъ гг. участниковъ. Редакціи необходимы для четырехъ послѣднихъ книжекъ нынѣшняго года и четырехъ первыхъ слѣдующаго *восемь* произведеній гг. участниковъ, т.-е. по два отъ каждаго, и въ такіе сроки, чтобъ эти произведенія непрерывно одно за другимъ являлись въ журналѣ, начиная съ сентябрской книжки.

„Извѣщая о семъ редакція покорнѣйше проситъ гг. участниковъ:

1) Немедленно доставить то что у нихъ изготовлено.

2) Опредѣлить точнѣе сроки доставленія своихъ дальнѣйшихъ произведеній.

„Употребляя съ своей стороны всѣ возможныя старанія къ поддержанію журнала, дѣлая значительныя и непредвидѣнныя (при заключеніи условій съ гг. участниками) издержки на улучшеніе другихъ его отдѣловъ, редакція надѣется, что и гг. участники съ своей стороны позаботятся о поддержаніи журнала, съ достоинствомъ котораго, кромѣ матеріальныхъ выгодъ, связана ихъ собственная добрая слава, какъ людей, печатно обязавшихся передъ публикой содѣйствовать его успѣху“.—Подписали: Иванъ Панаевъ. Ник. Некрасовъ.

С.-Петербургъ, іюля 30 дня 1857.

49.

[1857?].

Въ пятницу 18-го іюля высланы тебѣ двѣ пары сапоговъ—при нихъ мазь. Цѣна всему 39 р. 50, съ ящикомъ.

Василій проситъ написать, что ранѣе не могли быть высланы сапоги, ибо у Пеля всего одинъ работникъ.

Желаю тебѣ хорошо охотиться. Я пріѣхалъ въ городъ, чтобъ ѣхать (сегодня) въ Тверь, а оттуда на пароходѣ въ Ярославль. Я потомъ поѣду въ Москву, оттуда въ свою Владимір. деревню, а оттуда въ Нижній. На тебя надежды не имѣю, но если у васъ охота окажется изъ рукъ вонъ плоха, то можемъ съѣхаться въ Москвѣ и пред(примемъ) поѣздку вмѣстѣ.

Пиши, если вздумаешь, на мое имя въ Ярославль.—Твой Некр.

50.

[Письмо Панаева:]

Петергофъ. 14/26 Іюля. [1857].

Любезный другъ Тургеневъ,—я уже писалъ тебѣ о пріѣздѣ Некрасова и о полученіи твоего Грёза. Дай Богъ тебѣ силы для окончанія повѣсти,—а изъ четырехъ обязательныхъ до сихъ поръ никто ничего не прислалъ, и только время отъ времени получаются письма съ требованіемъ денегъ. Таковое получено мною сейчасъ отъ Островскаго, который упоминаетъ глухо, что пришлетъ *скоро*. Деньги тебѣ высланы Некрасовымъ 2 Іюля с. с.

При семъ прилагается вѣдомость о числѣ подписчиковъ на „Совр." по 30 іюня.

Будь здоровъ и пріѣзжай скорѣй.—Твой П.

[Письмо Некрасова:]

Дѣла „Современника", любезный другъ, въ самомъ дѣлѣ не хороши. „Участники" уже поставили себя передъ публикою въ комическое положеніе, а журналъ въ трагическое. Клятвопреступный Григоровичъ продолжаетъ врать и ничего не дѣлать, остальные отличаются отъ него только тѣмъ, что меньше врутъ. Пиши Толстому, чтобъ присылалъ что-нибудь; въ тебѣ я не сомнѣваюсь; если не заѣдешь въ Парижъ, то сдѣлаешь что нибудь, а если заѣдешь, то сдѣлаешь великую глупость. Я тебѣ на дняхъ напишу побольше. Собака поправилась, гуляетъ со мною по парку. Я хочу на дняхъ уѣхать куда нибудь на охоту. Будь здоровъ.—Некрасовъ.

ВѢДОМОСТЬ №

о числѣ подписчиковъ на „Современникъ" 185 г. до 30 іюня 1857 года до 13-го іюля [1]).

		Экземп.	Руб.	коп.
1431	Иногородные, по пакетамъ	1701	—	—
	По книгѣ конторы:			
218	Съ пересылкою безъ уступки . . .	256	—	—
319	съ уступкою . . .	470	—	—
143	Безъ пересылки, безъ уступки . .	207	—	—
280	съ уступкою . . .	415	—	—
2391	Итого	3049	—	—
7	Въ кредитъ: по пакетамъ	6	—	—
55	разнымъ лицамъ	5	—	—
157	По требованію Газетной экспедиціи	134	—	—

[1]) Эти отмѣтки на полѣ сдѣланы рукой того же Вульфа на другомъ экз. „Вѣдомости", помѣченномъ № 13,—съ тѣми же цифрами въ рубрикахъ направо.—Этотъ второй экземпляръ подписанъ: К. Вульфъ.

		Экземп.	Руб.	коп.
146	По спискамъ Московской Конторы	219	—	—
407	Московской Конторы „Современника“ . . .	500	—	—
	Даровые:			
58	Съ доставкою	46	—	—
44	Безъ доставки	33	—	—
3,268	Всего	3992	—	—

51.

[1857].

Любезный Тургеневъ, наконецъ я получилъ твое письмо и очень тебѣ благодаренъ. Я хлопочу съ журналомъ, съ квартирой и ѣзжу на охоту, возвращаюсь домой только отсыпаться и наѣдаться,—поэтому нахожусь постоянно въ недосужномъ и нѣсколько усталомъ положеніи,—писать много нѐкогда. Поздравь Фета, поклонись В. Боткину и будь самъ здоровъ и спокоенъ.

Деньги отъ твоего дяди я получилъ.

Нелли имѣетъ отличное чутье, но непослушна и вообще не воспитана—я охочусь съ другой собакой; ружье твое употребляю бережно; оно убиваетъ на повалъ на 80 аршинъ.—Пріѣхалъ П. Анненковъ. Третьяго дня я убилъ: 4 дупеля, 3 сѣр. кур., одного бекаса, 1 вальшнепа и чорнаго тетерева. Это впрочемъ самая удачная изъ моихъ охотъ нынѣшній годъ. Дупелей вообще очень мало, а завтра ужь Александровъ день! Видно, и не будетъ.

Я продолжаю бояться, что ты застрянешь въ Парижѣ. Не совѣтую, милый человѣкъ; не шути съ своими нервами и дѣйствуй рѣшительно, пока они въ порядкѣ; если развинтишь ихъ до той степени, какъ они были развинчены прошлой зимой—такъ опять не уѣдешь.

По совѣсти однакожь говоря, здѣсь въ своемъ родѣ ужасно противно.

Будь же здоровъ и доволенъ жизнію.—Твой Н. Некрасовъ.

29 с. с. Авг. Спб.

52.

[1857?].

Любезный Тургеневъ. Мнѣ совѣстно, что мы такъ давно къ тебѣ не писали и хоть въ сію минуту нѐкогда—однако напишу хоть нѣсколько строкъ. Во 1-хъ, спасибо тебѣ за твое письмо. Во 2-хъ, ради мы съ Боткинымъ, что ты повѣсть кончилъ, и нетерпѣливо желали бы ее прочесть поскорѣе (кстати: если нѣтъ особыхъ причинъ къ замедленію съ печатаніемъ, то 10 № „Современника“ жаждетъ принять ее въ свои объятія, или XI-ый)—

но вотъ въ чемъ дѣло—мы въ сію минуту всѣ разъѣзжаемся: Боткинъ въ Нижній, я въ Ярославль; итакъ, если прежде печатанія вздумаешь прислать кому изъ насъ повѣсть на прочтеніе, то Боткина не найдешь въ Москвѣ ранѣе 1-ыхъ чиселъ сентября, я же къ 20 августа буду въ Петербургѣ. Рѣшительно не знаю, что съ собой дѣлать касательно поѣздки. Мнѣ предстоитъ или уѣхать какъ можно скорѣе за границу или на 8 мѣсяцевъ запереться въ четырехъ стѣнахъ. На дняхъ на что нибудь рѣшусь, и тебѣ напишу.—Если вздумаешь прислать мнѣ свою повѣсть лишь для прочтенія, то я съумѣю обуздать въ себѣ рвеніе журналиста и спишусь съ тобой и даже—если велишь—рукопись обратно вышлю.

Знаешь ли, теперь можно тиснуть твоего „Нахлѣбника"—да и „Постоялый Дворъ",—а романъ-то твой? Ты, кажется, о немъ не думаешь, а я рѣшительно утверждаю, что первыя его четыре главы превосходны и носятъ на себѣ характеръ той благородной дѣльности, отъ которой къ прискорбію такъ далеко отошла русская литература. Я велѣлъ Базунову отослать тебѣ 2-й томъ „Мертвыхъ Душъ". Вотъ честный-то сынъ своей земли! Больно подумать, что частныя уродливости этого характера для многихъ служатъ помѣхою оцѣнить этого человѣка, который писалъ не то, что могло бы болѣе нравиться, и даже не то, что было легче для его таланта, а добивался писать то, что считалъ полезнѣйшимъ для своего отечества. И ложь въ этой борьбѣ, и талантъ, положимъ, свой во многомъ изнасиловалъ, но каково самоотверженіе! Какъ ни озлобляетъ противъ Гоголя все, что намъ извѣстно изъ закулиснаго и даже кой-что изъ его печатнаго, а все-таки въ результатѣ это благородная и въ русскомъ мірѣ самая гуманная личность—надо желать, чтобъ по стопамъ его шли молодые писатели въ Россіи. А молодые-то наши писатели болѣе наклонны итти по стопамъ Авдѣева. Грустно! И нѣтъ человѣка во всей литературѣ, нѣтъ критика, который хоть немного растолковалъ [бы], куда ведетъ путь, проложенный Авдѣевымъ и т. под.

Прощай, некогда... На дняхъ Бёрнса тебѣ послалъ.—Твой Н. Некр.

[Приписка Василія Боткина:]

12 Августа. Утро.

Сію минуту получилъ твое письмо,—а черезъ 1/2 часа я ѣду въ Нижній—слѣд(овательно,) комисій твоихъ выполнить я теперь не въ состояніи. Я ворочусь въ Москву къ 1-му Сентября—и тогда все исполню и чай вышлю. Если тебѣ время не терпитъ, то

ради Бога извини меня—и потерпи; а теперь же притомъ и пробнаго чаю нѣтъ. Я нѣсколько дней назадъ послалъ тебѣ письмо съ квитанціей Бѣлинской. Получилъ ли ты его?—Весь твой В. Б.

53.

[1857, 10 сентября].

Милый Тургеневъ, Жизнь моя въѣхала въ обыкновенную колею, — цѣлый день чѣмъ-нибудь полонъ — хандрить некогда. Журналистика однакожь мало меня занимаетъ, при теперешнихъ требованіяхъ я и не могу быть хорошимъ журналистомъ; однако, дѣлать что нибудь мнѣ необходимо; главнымъ образомъ изъ этого, признаюсь, вытекло мое намѣреніе, которое прочтешь въ прилагаемомъ письмѣ и которое, не сомнѣваюсь, одобришь. Дочери Бѣлинскаго уже 15 лѣтъ, у ней и у матери ничего нѣтъ, кромѣ скуднаго жалованья и твоей пенсіи; намъ такъ легко сдѣлать что нибудь для нихъ, что стыдно не сдѣлать. Я имѣю уже обѣщаніе нѣсколькихъ порядочныхъ людей дать статьи для сборника; къ остальнымъ разошлю на дняхъ приглашеніе. Если ты желаешь, то, для усиленія довѣрія въ литераторахъ и публикѣ къ предпріятію, можно присоединить твое имя; во всякомъ случаѣ я избираю тебя контролеромъ моимъ по этому дѣлу. Пиши мнѣ въ свое мнѣніе, увѣдомь Боткина (куда къ нему писать?), Васинька вѣрно напишетъ, скажи также Фету. Въ твоемъ содѣйствіи я не сомнѣваюсь. Знаешь ли, если книжка будетъ изрядная, то можно выручить въ приданное дѣвицѣ тысячъ десять серебромъ! Боюсь только, какъ бы не умереть, не сдѣлавши этого дѣла—тогда ты его докончишь, правда?—Я въ этомъ сборникѣ напечатаю извѣстную тебѣ мою поэму [1]). Я былъ у Вяземскаго—онъ меня увѣрялъ, что 2-е изданіе моей книги будетъ позволено и что меня не будутъ притѣснять. Посмотримъ!

До насъ въ Парижѣ доходили слухи, что твои повѣсти тихо идутъ. Это пустяки—осталось отъ 3000 всего 300 экз.!

Коршъ разошелся съ Катковымъ и будетъ издавать свою газету еженед. *Атеней*. Чичеринъ и нѣкоторые другіе сотрудники Рус. В. переходятъ къ нему; вина размолвки, по общему отзыву, лежитъ на Катковѣ.

Нашъ добрый все также милъ и мнѣ удалось подмѣтить, что долгая разлука развила въ немъ что-то въ родѣ нѣжности къ тебѣ.

Не увидишь-ли Орлова? Поклонись и скажи, что я бы на-

[1]) А какъ названіе? Еслибъ можно *Памяти Бѣлин.*, Собр. соч. р. п. и пр. [Замѣтка на полѣ письма. Некр.].

писалъ ему, да не знаю, куда. За свѣдѣнія, присланныя имъ мнѣ черезъ Эшмана я ему въ поясъ кланяюсь. Это будетъ мнѣ очень полезно.

Изъ опасенія чтобъ тебѣ не наняли сырую квартиру, мы съ Колбасинымъ рѣшились оставить за собою квартиру Панаева. въ Конюшенной—550 р.

Будь здоровъ и пріѣзжай скорѣе.—Весь твой Некр.

10 сент. 1857 (утромъ снѣгъ). Спб.

Послѣдняя охота: утромъ 7 дупелей и коростель, вечеромъ 4 сѣр. куроп.—Сѣлъ на ноги!

---

10 сент. 1857.

Милостивый государь,

Нижеподписавшійся, лично обязанный весьма многимъ Бѣлинскому и убѣжденный, что никто изъ знавшихъ покойнаго не откажется доказать свою память о немъ чѣмъ возможно въ настоящее время,—предпринялъ изданіе сборника въ пользу семейства Бѣлинскаго и обращается къ Вамъ съ просьбою прислать статью для означеннаго Сборника.

Въ составъ Сборника войдутъ—статьи ученыя и беллетристическія, стихотворенія и замѣтки о жизни и дѣятельности Бѣлинскаго.—Къ изданію будетъ приложенъ портретъ Бѣлинскаго, его факсимиле и снимокъ съ его почерка.

Всѣ деньги, которыя выручатся, за исключеніемъ необходимыхъ на печать, бумагу и переплетъ, будутъ предоставлены дочери Бѣлинскаго. По окончаніи о распродажѣ изданія участникамъ будетъ доставлено свѣдѣніе о расходахъ и вырученной суммѣ [1].—Ник. Некрасовъ.

54.

25 дек. 1857. Спб.

Милый Тургеневъ. Авось ты не сердишься, что я не писалъ тебѣ столько времени. Начать писать къ тебѣ для меня значило бы вывести себя изъ усыпленія, въ которое мнѣ удалось погрузиться, по крайней мѣрѣ я этого боялся, поэтому же единственно не писалъ я и В. Боткину. Пьяницѣ лиха бѣда подойти къ бутылкѣ! О, Италія! ты чуть меня не погубила! Ты разбудила во мнѣ идеальныя требованія отъ жизни, отъ себя, отъ—. Совсѣмъ плохо приходилось. То ли дѣло здѣсь? Сплю и играю—и здоровѣю. Миръ вамъ, поздніе отзывы моло-

---

[1]) Послѣднимъ срокомъ доставленія статей назначается — 1 янв. 1858 года; срокомъ выхода книги—конецъ февр. 1858.

дости! Благо вы заснули, спите же мертвымъ сномъ — никогда больше не поѣду въ Италію. Ты не сѣтуй на меня за бездѣйствіе: оно мнѣ физически полезно. Играю безъ страсти, оттого въ хорошемъ выигрышѣ.

Обнимаю тебя за повѣсть и за то, что она прелесть какъ хороша. Отъ нея вѣетъ душевной молодостью, вѣдь она — чистое золото поэзіи. Безъ натяжки пришлась эта прекрасная обстановка къ поэтическому сюжету и вышло что-то небывалое у насъ по красотѣ и чистотѣ. Даже Ч — скій въ *искреннемъ* восторгѣ отъ этой повѣсти. Замѣчаніе одно, лично мое, и то не важное: въ сценѣ свиданія. . . . . герой неожиданно выказалъ ненужную грубость натуры, которой отъ него не ждешь, разразившись упреками: ихъ бы надо смягчить и поубавить, я и хотѣлъ, да не посмѣлъ, тѣмъ болѣе, что Анн. противъ этого.

О журналѣ скажу, что серьезная часть въ немъ недурна и нравится, но съ повѣстями бѣда. Нѣтъ ихъ. Островскій послѣ долгаго бездѣйствія прислалъ слабую вещь, а Толстой такую, что пришлось ему ее возвратить! Подписка пошла было плохо; чтобъ поддержать ее, изобрѣли мы Историч. Библіотеку. Вслѣдъ затѣмъ открылась возможность перевесть *Дядю Тома*. Я рѣшился еще на чрезвычайный расходъ — выдаю этотъ романъ даромъ при 1-мъ №. Какъ скоро было это объявлено, подписка поднялась. Надо замѣтить, что это пришлось очень кстати: вопросъ этотъ у насъ теперь въ сильномъ ходу, относительно нашихъ домашнихъ негровъ. Долженъ я тебѣ сказать, что обязат. союзъ меня начинаетъ тяготить, связывая мнѣ руки: всякій чрезвычайный расходъ обращается въ выгоду обязательныхъ и въ неизбѣжный убытокъ мнѣ. А теперь эти чрезвычайные расходы неизбѣжны, и избѣгать ихъ — лучшій способъ зарѣзать журналъ. Рѣшаюсь ждать тебя и надѣюсь, что ты мнѣ поможешь устроить такъ, чтобъ журналъ не кувырнулся окончательно. Читай въ „Совр". критику, Библіогр., Совр. Обозр. Ты тамъ найдешь мѣстами страницы умныя и даже блестящія: они принадлежатъ Добролюбову, человѣкъ очень даровитый.

„Русскій Вѣстн." продолжаетъ шумѣть, хотя менѣе. „От. Зап." продолжаютъ падать — все быстрѣе и быстрѣе — подписка на нихъ очень плоха. Дружининъ болѣнъ — онъ представляетъ нѣчто похожее на меня, года два тому назадъ. Очень его жаль.

Нашъ добрый здоровъ, но вотъ чудо! Изъ-за обѣда въ клубѣ онъ нынѣ постоянно выскакиваетъ послѣ третьяго блюда, желудокъ ему измѣнилъ.

Послѣ (вѣроятно, извѣстнаго тебѣ) указа о трехъ губерніяхъ,

нѣтъ, говорятъ, сомнѣнія, что „Зап. Ох.“ будутъ дозволены. Послѣ новаго года, Щербатовъ обѣщалъ поднять вопросъ о нихъ. Кстати разскажу тебѣ быль, изъ коей ты усмотришь, что благонамѣренность всегда пожнетъ плоды свои. По возвр. изъ-за границы тиснулъ я *Тишину*, а спустя мѣсяцъ мнѣ объявлено было, чтобъ я представлялъ свою книгу на 2-е изданіе. Но я до сей поры этого не собрался сдѣлать, за недосугомъ.

Пожалуйста поцалуй за меня Боткина. Я ему хочу писать.— Весь твой Некрасовъ.

PS. Отнынѣ безъ твоего разрѣшенія конечно не буду печатать ничего твоего въ „Легк. Чт.“. Но „Помѣщ.“ („Помѣщика“) ты мнѣ дозволилъ самъ, а что до „Провинціалки“, то ты одно время предоставлялъ мнѣ всѣ свои драм. соч., и вотъ почему я счелъ себя въ правѣ ее тиснуть. За каждую изъ твоихъ вещей, тиснутыхъ въ „Л. Ч.“, слѣдуетъ тебѣ по 300 р., которые ты можешь вытребовать, когда тебѣ угодно.

55.

17 марта. [1858].

Тотчасъ по полученіи твоего письма, любезный Тургеневъ, высылаю тебѣ 2.500 фр. Счетъ твой сдѣлаемъ завтра и пришлемъ. *Асю* посылаю съ этой-же почтой. Я такъ, должно быть, опустился, что даже Вульфъ меня не слушается—я своеручно вырѣзалъ и далъ ему отправить полтора мѣсяца тому назадъ экз. *Аси*, но оказывается, что онъ этого не сдѣлалъ—и ссылается на то, что онъ отправилъ тебѣ 1-ую книжку „Совр.“ и полагалъ, что Ася давно уже у тебя въ рукахъ. „Соврем.“ точно отправленъ къ тебѣ около 10-го января въ Римъ, и Богъ знаетъ, отчего ты его не получилъ.—На дняхъ выѣхалъ отсюда Анненковъ, сокрушавшійся, гдѣ-то онъ тебя отъищетъ; теперь ему дано знать о твоемъ маршрутѣ. Онъ можетъ быть тебя удержитъ еще на мѣсяцъ за границей, но ты хоть къ охотѣ да пріѣзжай непремѣнно. Очень пора.

О себѣ говорить не хочется, скажу только, что спокойствіе душевное и здоровье тѣлесное у меня одинаково ненадежны; въ сущности мнѣ было, есть и будетъ кисло; я не слишкомъ нравлюсь самому себѣ, а при постоянствѣ этого чувства хорошо не живется.—Дѣла идутъ недурно, карты я бросилъ (не проигравшись), подписка на „Современникъ“ обѣщаетъ быть сотни на двѣ на три лучше прошлогодней,—это значитъ, что „Современникъ“ въ слѣдующемъ году освободится отъ долговъ и будетъ приносить (при самыхъ широкихъ расходахъ) до 15/т. дохода. По-

жалуйста не думай, что корыстные разсчеты побудили меня къ уничтоженію обяз. соглашенія. Правда, и денежныя соображенія тутъ были, но такія, пренебречь которыми было бы неблагоразумно для самого дѣла: ты это увидишь изъ посылаемаго при *Асѣ* обращенія къ обязательнымъ сотрудникамъ. Толстой и Григоровичъ признали его справедливымъ, отъ Островскаго не имѣю отвѣта, въ тебѣ я не сомнѣвался, ибо зналъ, что ты хлопоталъ не для себя, а для меня и „Современника". Время покажетъ, что я не изъ жадности такъ распорядился, а изъ того, чтобъ заставить обяз. сотр. работать—и себѣ развязать руки. Прощай, будь здоровъ. Я тебѣ еще напишу въ Вѣну, на дняхъ.—Некр.

56.

[1858?].

Любезный Тургеневъ, я долго не писалъ тебѣ отвѣта, это оттого, что написалъ было, да слишкомъ много, взяло раздумье, изорвалъ. „Не нужно придавать ничему большой важности"— ты правъ. Я на этомъ останавливаюсь, оставаясь по прежнему любящимъ тебя человѣкомъ, благодарнымъ тебѣ за многое. Само собою разумѣется, что это ни къ чему тебя не обязываетъ. Будь здоровъ. Пред. тебѣ—Н. Некр.

5 апрѣля.

PS. Не попадешь ли въ Лондонъ, или нѣтъ ли въ Парижѣ готоваго ружья Ланкастера или Пёрдей, заряжаемаго сзади по новой системѣ. Если есть, я бы сейчасъ выслалъ тебѣ деньги, а дать знать можешь по телеграфу. Въ цѣнѣ можешь итти до 500 р. сер. Калиберъ побольше (12-й), тяжесть, длина ложи— все это такое, какое нужно для тебя самого. При этихъ ружьяхъ даютъ все, что нужно для дѣланія патроновъ. Если не полѣнишься исполнить эту просьбу, то очень обяжешь.

У насъ теперь время любопытное — но самое дѣло и вся судьба его впереди.

Обрати въ „Совр." вниманіе на романъ Потанина, прошу тебя объ этомъ, и на повѣсть Помяловскаго.

Писем. написалъ въ „Б. д. Ч." ужасную гадость, которая кабы касалась меня одного, такъ ничего бы. Объясняй и это какъ хочешь, но я и эту исторію оставилъ безъ послѣдствій. По моему всякая исторія, увеличивающая гласность дѣла, гдѣ замѣшана женщина, глупа и безсовѣстна. Но не всегда впрочемъ человѣкъ можетъ разсуждать такъ хладнокровно, и если онъ повторитъ что-нибудь подобное, не знаю, что будетъ. Я хотѣлъ сообщить это ему, но давать въ руки этого человѣка

документъ, касающійся не меня одного, дѣло рискованное. Вотъ тебѣ наши литературныя новости. Изорви это письмо.

57.

[1858?].

Спѣшу тебѣ написать, что на предложеніе твое я согласенъ, даже съ радостію, ибо никогда не гнался за барышомъ отъ „Зап. Ох.“, о чемъ и тебѣ говорилъ.

Итакъ, я отступаюсь отъ права на „Зап. Охот.“, но если въ повѣсти до 10-ти листовъ, то ты долженъ получить больше, чѣмъ получилъ за „Зап. Ох.“, именно по 200 р. за листъ—цѣна, за которую продалъ свой романъ Гончаровъ *для журнала*.

Будь здоровъ и пріѣзжай къ намъ поскорѣе. Здѣсь все еще продолжаются хлопоты о твоей квартирѣ, въ коихъ и я принимаю участіе. Квартиру ты будешь имѣть въ Б. Конюшенной.

Весь твой—Н. Некр.

58.

Воротившись недавно, я нашелъ у себя на столѣ письмо, которое при семъ посылаю. Я охотился хорошо, однако еще не наохотился досыта. Думалъ застать здѣсь дупелей, анъ нѣтъ—сегодня уже 27 августа—хоть бы одинъ дупель гдѣ показался. Видно, совсѣмъ не будетъ. Меня сильно разбираетъ еще пошляться прежде чѣмъ засяду на зиму—да не знаю куда кинуться. Напиши пожалуйста, пробудешь ли ты вальшнепное время у себя и около какого именно времени надо пріѣхать на вальшневовъ. Я бы пріѣхалъ. Ну, будь здоровъ. Твой—Некрасовъ.

27 авг. 1858. Спб.

59.

[1858].

Я получилъ твое письмо и очень обрадовался тому, что ты работаешь. А я, грѣшный человѣкъ, подозрѣвалъ, что ты ничего не дѣлаешь, подобно мнѣ безпутному. Впрочемъ, я лѣтомъ немного написалъ, но поощренія со стороны цензуры не встрѣтилъ.

На дняхъ я обѣдалъ съ недавно вернувшимися изъ-за границы Боткинымъ и Анненковымъ—новаго отъ нихъ ничего не узналъ, да и имъ не сообщилъ. Кажется, и точно ничего нѣтъ новаго на свѣтѣ и отнынѣ не будетъ.

Воротился еще Дружининъ — онъ нѣсколько поправился, брюшко опять наклевывается.

Елисей Колбасинъ не ѣдетъ—и не имѣется отъ него никакихъ извѣстій.

Милый Полонскій въ Петербургѣ—съ женой. Онъ зацѣпилъ ее въ Парижѣ, — прекрасное энергическое существо, судя по лицу. Полонскій, сватаясь, спрашивалъ ее, въ состояніи ли она будетъ жить на чердакѣ и питаться однимъ хлѣбомъ. Она отвѣчала: въ состояніи—и вѣрно не солгала. Въ настоящее время Полонскій готовится быть редакторомъ Кушелевскаго журнала,—журнала безъ сотрудниковъ, безъ матеріаловъ и безъ денегъ. Послѣднее всего страннѣе, но *вѣрно*. Такъ Кушелевъ хотѣлъ купить романъ Гончарова, но скромный нашъ капиталистъ Краевскій внесъ наличныя деньги, и романъ остался за нимъ.

Кстати—романъ этотъ проданъ за адскую сумму 7-мь т. отъ Краевскаго за помѣщеніе въ журналѣ и 3 за отдѣльное изданіе,—всего 10-ть! Пишу объ этомъ для того, чтобъ сказать между прочимъ, что если ты будешь столь многомилостивъ, что отдашь намъ свое новое произведеніе, то назначеніе цѣны будетъ зависѣть отъ тебя.—Деньги у насъ есть, и во всякомъ случаѣ ты долженъ получить съ листа не менѣе Гончаровскаго, даже бы надо прибавить, принимая въ соображеніе, что ты не занимаешь должности, которая едва-ли можетъ усилить интересъ романа въ глазахъ публики. Такъ, прелестнѣйшій обѣдъ въ тюремномъ замкѣ, я думаю, долженъ нѣсколько потерять. Сказать между нами, это была одна изъ главныхъ причинъ, почему я не гнался за этимъ романомъ, да и вообще молодому поколѣнію не много можетъ дать Гончаровъ, хоть и не сомнѣваюсь, что романъ будетъ хорошъ. Не нужно-ли тебѣ денегъ — я наигралъ въ послѣднюю недѣлю тысячи четыре и половину могъ бы тебѣ дать.

Играю я впрочемъ мало, т. е. стараюсь возвращаться домой къ 12-ти часамъ—и не всякій день ѣзжу.

Журналъ нашъ идетъ относительно подписки отлично—во весь годъ подписка продолжалась, и мы теперь имѣемъ до 4.700 подп. Думаю, что много въ этомъ „Современникъ“ обязанъ Ч—скому. *Валленрода* я тиснулъ, соблазнившись открывшеюся возможностію печатать Мицкевича, а переводъ дубовый — точно. Но *Мазепу* хвалятъ, по крайней мѣрѣ русскій стихъ хорошъ.

Послѣдними книжками „С.“, 9 и 10, надѣюсь, ты будешь доволенъ.

Прощай. Будь здоровъ и, окончивъ повѣсть, пріѣзжай къ намъ. Мнѣ кажется, съ твоимъ пріѣздомъ я брошу подлыя карты, которыя губятъ мое здоровье. Весь твой—Некрасовъ.

60.

[1861].

Любезный Тургеневъ, желаніе услышать отъ тебя слово, писать къ тебѣ у меня наконецъ дошло до тоски. Сначала я не писалъ потому, что не хотѣлось; потомъ потому, что думалъ, что ты сердишься; потомъ потому, чтобъ ты не принялъ моего писанія за желаніе навязываться на дружбу и т. д. Нѣтъ, ты этого не бойся—эти времена прошли, но все-таки выяснить дѣло не худо, чтобъ я могъ считать его порѣшеннымъ, а то мнѣ тысячу разъ ты приходилъ въ голову и всякій разъ неловкость положенія останавливала меня отъ писанія къ тебѣ. Передъ отъѣздомъ ты не нашелъ времени заѣхать ко мнѣ; сначала я приписалъ это случайности, а потомъ пришло въ голову, что ты сердишься. За что? Я никогда ничего не имѣлъ противъ тебя, не имѣю и не могу имѣть, развѣ припомнить то, что нѣкогда любовь моя къ тебѣ доходила до того, что я злился и былъ съ тобою грубъ. Это было очень давно и ты, кажется, понялъ это. Не могу думать, чтобъ ты сердился *на меня* за то, что въ „Современникѣ" появлялись вещи, которыя могли тебѣ не нравиться. То-есть не то, что относится такъ лично тебѣ—увѣренъ, что тебя не развели бы съ „Соврем." и вещи болѣе рѣзкія о *тебѣ собственно*. Но ты могъ разсердиться за пріятелей и, можетъ быть, иногда за принципъ—и это чувство, скажу откровенно, могло быть нѣсколько поддержано и усилено иными изъ друзей,—чтожь, ты, можетъ быть, и правъ. Но я тутъ не виноватъ; поставь себя на мое мѣсто, ты увидишь, что съ такими людьми, какъ Черн. и Добр. (людьми честными и самостоятельными, что бы ты ни думалъ и какъ бы сами они иногда ни промахивались)—самъ бы ты также дѣйствовалъ, т. е. давалъ бы имъ свободу высказываться на ихъ собственный страхъ. Итакъ, мнѣ думается, что и не за это ты отвернулся отъ меня. Прошу тебя думать, что въ сію минуту хлопочу не о „Соврем." и не изъ желанія достать для него твою повѣсть—это, какъ ты хочешь—я хочу нѣкотораго свѣта относительно самого себя, и повторяю, что это письмо вынуждено неотступностью мысли о тебѣ. Это тебя насмѣшитъ, но ты мнѣ въ послѣднія нѣсколько ночей снишься во снѣ.

Чтобъ не ставить тебя въ неловкое положеніе, я предлагаю вотъ что: если я черезъ мѣсяцъ отъ этого письма не получу отъ тебя отвѣта,—то буду знать, что думать.

Будь здоровъ.—Твой Некрасовъ.

15 января 1861. Спб.

А. Н. Пыпинъ.

СОНЕТЫ

I.

Завѣтное сбылось. Я одинокъ.
Переболѣлъ и дружбой, и любовью,
Забылъ—и радъ забвенью, какъ здоровью,
И новымъ днемъ окрашенъ мой востокъ.

Заря! заря! Проснувшійся потокъ
Мнѣ шлетъ привѣтъ, подобный славословью;
Лазурь небесъ простерлась вѣчной новью,
И солнце въ ней единственный цвѣтокъ.

Сегодня праздникъ. Примиренный духъ
Прощается съ пережитой невзгодой.

Сегодня праздникъ. Просвѣтленный духъ
Встрѣчается съ постигнутой природой.

Сегодня праздникъ. Возрожденный духъ
Вѣнчается съ небесною свободой.

II.

Какъ ждутъ грозы засохшія поля,
Такъ сердце ждетъ страданій добровольныхъ,
Томящихъ пѣсенъ, жалобъ, словъ раздольныхъ,
Всего, что душу мучитъ, веселя.

Средь вихря чувствъ кружиться безъ руля,
Молиться въ тѣсныхъ келіяхъ подпольныхъ,
Уплыть на крыльяхъ звоновъ колокольныхъ
И позабыть, что есть еще земля.

Но день насталъ—и съ робостью позорной
Спѣшу надѣть обычное ярмо:
Рабовъ, какъ я, увижу строй покорный,
И на душѣ у каждаго клеймо,

Ненужный трудъ, докучное веселье,—
И тайная мечта о темной кельѣ...

* * *

Мои друзья, когда умру я,
И жить начнетъ моя судьба,
Молитесь за меня, молю я,
Не какъ за божьяго раба.

Рабомъ я не былъ даже Бога,
Возмездья и наградъ не ждалъ.
Себя и міръ судилъ я строго
И лишь свободой оправдалъ.

Мои друзья, когда умру я,
Чтобъ жить межъ вами безъ конца,
Любите въ Богѣ, какъ люблю я,
Свободы вѣчнаго творца.

Н. Минскій.

ѲЕДОРЪ ПЕТРОВИЧЪ

ГААЗЪ

По новымъ матеріаламъ.

Напечатанный въ „Вѣстникѣ Европы“ (янв., февр. 1897 г.) и дважды, затѣмъ, изданный отдѣльно, очеркъ жизни и дѣятельности Ѳедора Петровича Гааза вызвалъ полученіе авторомъ нѣкоторыхъ новыхъ свѣдѣній о немъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ перепискѣ князя Вяземскаго, въ чрезвычайно интересномъ собраніи различныхъ бумагъ, принадлежащихъ П. И. Щукину въ Москвѣ, и въ дѣлахъ московскаго тюремнаго комитета — оказались данныя, довольно ярко обрисовывающія какъ самого „святого доктора“ и его ближайшихъ сотрудниковъ, такъ и обстановку и среду, въ которыхъ онъ началъ и продолжалъ свое человѣколюбивое служеніе. Значительная часть этихъ данныхъ и свѣдѣній послужила матеріаломъ для настоящей статьи и является *первымъ* дополненіемъ къ первоначальной біографіи доктора Гааза. Въ составъ *второго* дополненія должно, со временемъ, войти подробное изслѣдованіе отношенія къ тюремному дѣлу въ Москвѣ двухъ замѣчательныхъ вице-президентовъ попечительнаго о тюрьмахъ общества—князя Д. В. Голицына и митрополита Филарета, а также очеркъ дѣятельности современника Гааза—товарища его по тюремному комитету—А. Н. Львова.

I.

Открытіе въ Москвѣ, въ 1829 году, комитета попечительнаго о тюрьмахъ общества, въ составъ котораго московскимъ генералъ-губернаторомъ княземъ Д. В. Голицынымъ былъ призванъ Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ, имѣло огромное вліяніе на всю жизнь и дѣятельность послѣдняго. Предавшись заботѣ объ участи арестантовъ съ неизсякающею любовью и неустанною энергіею, Гаазъ постепенно оставилъ свою врачебную практику, роздалъ свои средства и, совершенно забывая себя, отдалъ все свое время и всѣ свои силы на служеніе „несчастнымъ", сходясь во взглядѣ на нихъ съ воззрѣніемъ простого русскаго человѣка.

Состояніе тюремнаго дѣла въ Россіи, предъ введеніемъ тюремныхъ комитетовъ, было самое печальное. Даже въ столицахъ —полутемныя, сырыя, холодныя и невыразимо грязныя тюремныя помѣщенія были свыше всякой мѣры переполнены арестантами, безъ различія возраста и рода преступленія. Отдѣленіе мужчинъ отъ женщинъ осуществлялось рѣдко и не серьезно; дѣти и неисправныя должницы содержались вмѣстѣ съ проститутками и закоренѣлыми злодѣями. Все это тюремное населеніе было полуголодное, полунагое, лишенное почти всякой врачебной помощи. Въ этихъ школахъ взаимнаго обученія разврату и преступленію господствовали отчаяніе и озлобленіе, вызывавшія крутыя и жестокія мѣры обузданія. Препровожденіе ссыльныхъ въ Сибирь совершалось на желѣзномъ прутѣ, продѣтомъ сквозь наручники скованныхъ попарно арестантовъ. Подобранные случайно, безъ соображенія съ ростомъ, силами, здоровьемъ и родомъ вины, ссыльные, отъ 8 до 12 человѣкъ на каждомъ прутѣ, двигались между этапными пунктами, съ проклятіями таща за собою ослабѣвшихъ въ пути, больныхъ и даже мертвыхъ. Устройство пересыльныхъ тюремъ было еще хуже, чѣмъ устройство тюремъ срочныхъ...

Приводимыя ниже данныя даютъ возможность нарисовать себѣ вѣрную картину того, чѣмъ были въ Москвѣ, предъ выступленіемъ на поле тюремной дѣятельности доктора Гааза, московскія арестантскія помѣщенія—и какія задачи выдвигались на первый планъ представителями мѣстнаго тюремнаго начальства. Изъ нихъ видно также, какъ медленно, съ остановками и по временамъ даже съ обращеніями вспять, двигалось у насъ, не взирая на насущныя требованія жизни, науки и человѣчности—

дѣло тюремнаго устройства въ теченіе первыхъ трехъ четвертей прошлаго вѣка.

Однимъ изъ выдающихся эпизодовъ пребыванія императора Александра I въ Лондонѣ, въ 1814 году, было знакомство его съ квакерами: французомъ Грелле де-Мобилье и англичаниномъ Алленомъ. Связанные общностью взглядовъ и исповѣдуемаго ученія, строгіе и вмѣстѣ трогательные въ своей простотѣ и правдивости—„друзья" были замѣчательными людьми. Первый, по выраженію А. Н. Пыпина, былъ „настоящимъ странствующимъ рыцаремъ религіозной проповѣди и филантропическаго самоотверженія",—за второго говоритъ уже то, что онъ былъ помощникомъ и товарищемъ Роберта Оуэна въ основанной на довѣріи къ лучшимъ сторонамъ человѣческой природы организаціи знаменитой нью-ланаркской колоніи. Квакеры нерѣдко искали свиданій съ монархами, стараясь найти наиболѣе надежный путь къ осуществленію „на землѣ мира и въ человѣцѣхъ благоволенія". Они видѣлись съ Петромъ Великимъ, въ которомъ, по выраженію историка квакерства Кеннингема, „высочайшій геній привился удивительнымъ образомъ къ самому дикому корню",—но не понравились ему тѣмъ, что, по своимъ правиламъ, не обнажили предъ нимъ головы и даже вызвали въ немъ сомнѣніе—не іезуиты ли они? Грелле и Алленъ желали изложить свои мечты о мирѣ побѣдителямъ Наполеона. Встрѣченные категорическимъ заявленіемъ прусскаго короля, что лучшее средство для достиженія мира есть война,—„друзья" нашли гораздо болѣе теплый и внимательный пріемъ у русскаго императора. Онъ бесѣдовалъ съ ними о религіозныхъ вопросахъ, о „внутреннемъ богомысліи" и о желательности прекратить войну. Со свойственной квакерамъ искренностью, Грелле говорилъ ему о чрезвычайной отвѣтственности предъ Богомъ неограниченнаго монарха огромной страны—и вызвалъ этимъ слезы у Александра, который, взявъ обѣими руками его руку, сказалъ ему въ отвѣтъ: „Эти слова ваши надолго останутся въ моемъ сердцѣ".

Приглашенные посѣтить Россію и явиться прямо къ императору, какъ къ „другу и брату"—Алленъ и Грелле пріѣхали въ Петербургъ въ ноябрѣ 1818 г. Наивно и довѣрчиво очарованные „открытымъ сердцемъ" министра духовныхъ дѣлъ князя А. Н. Голицына, они были дважды приняты императоромъ. Онъ много говорилъ съ ними о религіозно-нравственномъ воспитаніи, обѣщалъ, что видѣнные ими въ русскихъ тюрьмахъ безпорядки и жестокости *не повторятся* болѣе, стоялъ съ ними

на колѣняхъ во время молчаливой молитвы, отпустилъ ихъ со слезами и объятіями и даже, если вѣрить Кеннингему, поцѣловалъ у Аллена руку.

Свиданіе это отразилось, какъ и слѣдовало ожидать, на пріемѣ, оказанномъ имъ въ Москвѣ, которому предшествовала особая рекомендація ихъ московскому военному генералъ-губернатору графу Тормасову († 13 ноября 1819) со стороны министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Такія рекомендаціи обыкновенно предшествовали появленію въ Москвѣ лицъ, которыхъ принято называть „étrangers de distinction". Такъ, еще въ 1803 году московскій оберъ-полиціймейстеръ, бригадиръ Спиридовъ, писалъ завѣдывавшему дворцами въ Москвѣ, Кожину, что „его сіятельство начальствующій въ Москвѣ и разныхъ орденовъ кавалеръ графъ Иванъ Петровичь Салтыковъ предписать мнѣ изволилъ, чтобъ прибывшему въ сію столицу изъ Америки г-ну Шмиту по знаніямъ и отличностямъ своимъ удостоеннаго благосклоннѣйшаго пріема отъ всего высочайшаго двора, въ бытность ево сдѣсь оказывать нужное споспешествованіе, что вояжиру сему въ видѣ выгодъ или удовлетворенія любопытству его полѣзно быть можетъ", и потому „за долгъ себѣ поставлялъ просить сему вояжиру показать редкости оружейной палаты", обѣщая „когда онъ расположенъ будетъ для смотренія, о томъ наканунѣ чрезъ нарочно посланнаго не преминуть известить".—„По качествамъ своимъ,—писалъ въ 1819 году кн. А. Н. Голицынъ Тормасову,—г.г. Алленъ и Греллетъ, лично извѣстные Государю Императору, суть весьма почтенныя особы и по благотворнымъ предпріятіямъ повсюду уважаемые". Со своей стороны, Тормасовъ, предписывая оберъ-полиціймейстеру Шульгину оказывать прибывшимъ квакерамъ всякое содѣйствіе, озаботился устранить могущія возникнуть при встрѣчѣ ихъ съ „начальствомъ" недоразумѣнія и ихъ возможныя непріятныя и едва ли привычныя, для „уважаемыхъ по своимъ предпріятіямъ особъ, послѣдствія". „За нужное считаю дать Вамъ знать,—разъяснялъ онъ Шульгину,—что по обыкновенію, въ обществѣ квакеровъ принятому, члены этого не снимаютъ ни въ какомъ мѣстѣ и ни предъ кѣмъ шляпъ, кромѣ того, когда сами заблагоразсудятъ;—о семъ обычаѣ ихъ нужно напередъ давать знать во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, кои они посѣщать будутъ"...

Квакеры проявили въ Москвѣ чрезвычайную дѣятельность. По ежедневнымъ рапортамъ полиціймейстера Ровинскаго и по донесеніямъ частныхъ приставовъ, можно прослѣдить ихъ пребываніе въ Москвѣ въ теченіе мѣсяца день за днемъ. Своего

рода почтительный присмотръ, подъ которымъ они находились, даетъ возможность узнать не только, гдѣ они побывали, что̀ покупали и кто бывалъ у нихъ, но и нѣкоторыя мелкія подробности ихъ жизни въ Москвѣ. Такъ, мы узнаемъ, что 30 марта Д. Н. Лопухина, училище которой они посѣтили, подарила одному изъ нихъ вышитый мѣшечекъ для часовъ, другому—шитый коврикъ по канвѣ, а гражданскому губернатору — шнурочекъ для часовъ. Почти тотчасъ по пріѣздѣ въ Москву, квакеры приступили къ интересующимъ ихъ осмотрамъ, такъ что предписаніе Тормасова, отъ 18 марта, еще, вѣроятно, не успѣло обычнымъ порядкомъ дойти до Шульгина, когда въ часъ дня, 18-го же марта, они уже прибыли въ губернскій тюремный замокъ, а затѣмъ посѣтили Сущевскую, Мѣщанскую и Срѣтенскую части, а на другой день были еще въ четырнадцати частяхъ (всѣхъ частей въ Москвѣ было двадцать) и въ арестантскомъ помѣщеніи при управѣ благочинія. Благодаря такой недремлющей любознательности, имъ удалось увидѣть арестантскія помѣщенія Москвы въ *ихъ настоящемъ видѣ*, о чемъ они сами, судя по рапорту Ровинскаго отъ 26 марта, засвидѣтельствовали, посѣтивъ Екатерининскій и Александровскій институты и Маріинскую больницу, и „оставшись довольны чистотою, но только сказавъ, что имъ бы желалось, чтобы они вездѣ могли такъ быть, какъ осматривали полицію, — *въ какомъ видѣ есть*, а не такъ, какъ въ прочихъ, вездѣ ихъ ожидаютъ и къ ихъ осмотру приготовляются“.

Поэтому, донесенія приставовъ и рапорты Ровинскаго о томъ, что̀ нашли и что̀ сказали въ тюремныхъ помѣщеніяхъ „американскіе вояжеры“, какъ ихъ назвалъ рогожскій частный приставъ —могутъ считаться цѣннымъ свидѣтельствомъ о состояніи этихъ помѣщеній—и свидѣтельствомъ притомъ достовѣрнымъ, хотя, вѣроятно, даннымъ неохотно. Недаромъ Ровинскій отмѣчаетъ, что американскіе *чиновники* (sic!) все записывали „по-англински“ въ записную книжку. Оказывается, что квакеровъ, прежде всего поразило содержаніе въ одномъ общемъ помѣщеніи мужчинъ и женщинъ. Такъ, при осмотрѣ „сибирокъ“, при Мѣщанской и Срѣтенской частяхъ—имъ *не понравилось*, что мужчины и женщины сидятъ вмѣстѣ; при посѣщеніи сибирокъ въ Тверской части они указали на необходимость запирать дверь изъ мужской въ женскую сибирку, а содержаніе въ Рогожской сибиркѣ трехъ женщинъ вмѣстѣ съ шестнадцатью мужчинами нашли *непристойнымъ* и, наконецъ, выразили *неудовольствіе*, найдя въ Хамовнической части спящую женщину и съ нею одного арестанта. Вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ поразила грязь во многихъ помѣщеніяхъ,

отсутствіе необходимѣйшихъ приспособленій для отдыха и для сна и полное отсутствіе заботы о чистомъ воздухѣ. Такъ, напримѣръ, про Яузскую часть Ровинскій пишетъ: „оная имъ *показалась*; только сибирка очень мала и тѣмъ недовольны, что воздухъ въ оную *ни откуда не проходитъ* и нѣтъ въ оной нарѣ". Впрочемъ, нечистота, повидимому, была обычнымъ явленіемъ въ тогдашней Москвѣ. Въ военно-сиротскомъ отдѣленіи квакеры были довольны обученію дѣтей, но были изумлены нечистотою, о степени которой можно судить уже потому, что они отдавали въ этомъ отношеніи громадное преимущество даже губернскому тюремному замку, съ его неподвижными нарами, парашами и т. п. Точно также нашли они большую нечистоту въ содержаніи и помѣщеніи воспитанниковъ въ гимназіи Ланга на Кисловкѣ.

Въ лаконическихъ рапортахъ Ровинскаго есть одна характерная для него лично черта. Тогдашній московскій оберъ-полиціймейстеръ Шульгинъ, былъ, по отзыву графа Н. Н. Муравьева-Карскаго, „человѣкъ простой и грубый, но исправный и проворный, хотя безъ дальнихъ соображеній, большой крикунъ, хлопотунъ, любившій разсказывать о своихъ подвигахъ, тушить пожары и иногда своеручно поколотить"...

Нѣкоторые оффиціальные документы средины двадцатыхъ годовъ подтверждаютъ эту характеристику Шульгина, рисуя взгляды и натянутыя отношенія съ русскимъ правописаніемъ этого типическаго представителя администраціи того времени. Такъ имѣется его собственноручное утвержденіе на объявленіи „Кабинета восковыхъ фигуръ господина Серазнини въ двухъ исторіяхъ", причемъ во второй „исторіи" (римской) значатся слѣдующіе пункты, касающіеся Лукреціи и Тарквинія: 1) „Люгриссія Римская и Императоръ Тарквиніо хотѣлъ влюбится въ Люгриссію насильно; такъ она не захотѣла его любить и ударила себя въ грудь кинжаломъ", и 4) „первый сенаторъ римской Кулятино узналъ, что Люгриссія закололася, такъ онъ разсердился на Тарквиніо и хочетъ на него итти сраженіемъ, что онъ худо здѣлалъ".

Впрочемъ, нѣкоторыя его соображенія бывали хотя и „недальни", но своеобразны. Такъ напр., на отношеніи директора театровъ Ѳ. Ѳ. Кокошкина, о содѣйствіи къ раздачѣ билетовъ на концертъ въ пользу инвалидовъ, онъ написалъ 15 марта 1823 г.: „Отвѣчать повѣстить полиція можетъ а к продажѣ билетовъ приступить не можетъ! Нейдіотъ ей онымъ занятся. Просить и потвердить обыватѣлямъ что с моей стороны возможно будетъ употреблю стараніе".—22 августа того же года, онъ

пишетъ московскому генералъ-губернатору на предписаніе съ препровожденіемъ прошенія мѣщанина Аверкіева о дозволеніи ему построить амфитеатръ для травли звѣрей близь Калужской заставы:—„честь имѣю донести, что какъ таковое заведеніе уже существуетъ за Тверскою заставою, то устроивать другое щитаю я излишнимъ; ибо вопервыхъ: занятье сего рода не представляетъ для глазъ благомыслящихъ людей пріятнаго зрѣлища и никакого не приноситъ удовольствія,—а вовторыхъ при бываемомъ въ таковыхъ случаяхъ стеченіи чернаго народа, пріобыкшаго большею частію смотрѣть съ хладнокровіемъ, и даже съ восхищеніемъ на травлю звѣрей, долженъ имѣться неослабный надзоръ, чтобъ не произошло чего-либо непріятнаго отъ случающаго обыкновенно при семъ зрѣлищѣ народа пьянаго. По симъ обстоятельствамъ я полагаю достаточнымъ одного Амфитеатра, нынѣ за Тверскою заставою существующаго, гдѣ безъ того требуется уже неослабное наблюденіе за порядкомъ. Аверкіевъ же единственно имѣетъ въ предметѣ то, чтобъ воспользоваться выгодою для себя устроивъ таковое заведеніе, которое впрочемъ не приноситъ никакой пользы“.

Отдалъ Шульгинъ свою дань и заботамъ о „благопристойной наружности“ обывателей, рекомендуя, въ іюнѣ того же года, полиціймейстеру Обрезкову сдѣлать распоряженіе объ объявленіи „всѣмъ неслужащимъ чиновникамъ, но и служащимъ по Статской службѣ, въ особенности же *молодымъ вертопрахамъ* изъ купеческаго и мѣщанскаго сословія, чтобы они усовъ отнюдь не носили, тѣмъ же изъ нихъ кто оныя имѣютъ приказать выбрить подтвердивъ имъ притомъ что если кто послѣ сего замѣченъ будетъ въ Усахъ то полиція заставитъ непослушнаго оныя сбрить противъ его желанія“.

Допуская въ полицейскихъ арестантскихъ помѣщеніяхъ всяческую гигіеническую и моральную „непристойность“, Шульгинъ съ горячею любовью относился къ устройству пожарной части въ Москвѣ, къ развитію, въ отношеніи дѣятельности пожарной команды, въ чинахъ полиціи особой распорядительности и вниманія. Повидимому, эта сторона при его предшественникахъ была въ небреженіи, такъ какъ еще въ концѣ XVIII вѣка московскій главнокомандующій, князь Прозоровскій, издалъ по полиціи дидактическій приказъ, въ которомъ, къ сожалѣнію своему, „примѣтить былъ долженъ, что не только офицеры, квартальные и помощники, но и частные нѣкоторые приставы, какъ скоро начальникъ отойдетъ, то оныя начнутъ разговаривать между собою, и люди стоя никто не работаетъ, тогда какъ уже до-

вольно изъяснено что офицеръ и по одному благородному званію не тогда долженъ быть исправенъ, когда начальники видятъ, и въ то время кричатъ работай, послѣднѣе доказуетъ только *подлость духа*; но офицеръ для того здѣланъ, чтобъ онъ былъ гласъ начальства своего, и гдѣ онаго нѣтъ занималъ бы его мѣсто, а тѣмъ самымъ и достигать можно до вышнихъ мѣстъ, *благородство сопряжено быть должно съ амбиціею или честолюбіемъ*, которое повелѣваетъ, какую бъ на кого коммисію ни возложили, хотя бъ самую ничтожную, исполнить стараться лучше всѣхъ при таковой бывшихъ, и сей неложной заслуживаетъ званіе благороднаго человѣка, а противной тому онаго недостоинъ".

Недаромъ современная Шульгину лубочная картинка, съ подписью: „Действіе московской пожарной команды во время пожара", изображала его залихватски стоящимъ на своеобразныхъ дрожкахъ-калиберѣ, влекомыхъ несущеюся парою съ пристяжкою и сопровождаемыхъ казакомъ и жандармомъ. Подъ эту любовь поддѣлывался и полиціймейстеръ Ровинскій, а быть можетъ и искренно раздѣлялъ ее. Поэтому онъ не воздержался, чтобы не похвастать предъ квакерами пожарнымъ обозомъ и лошадьми, несмотря на то, что такое обозрѣніе не входило вовсе въ ихъ задачу и даже могло ихъ навести на нѣкоторые грустные сравнительные выводы. Въ первый же день осмотровъ—онъ завезъ ихъ въ пожарное депо, „гдѣ обозъ былъ заложенъ въ $3^1/_2$ минуты, что очень понравилось"; на слѣдующій день, въ Пречистенской части имъ пришлось „смотрѣть, гдѣ стоятъ пожарныя лошади, а потомъ—гдѣ канцелярія". Въ тотъ же день, Ровинскій, очевидно не безъ досады, отмѣчаетъ: „гдѣ теперь пожарная команда въ Басманной части — не пожелали видѣть, а сибирка за *необширностью* имъ не понравилась"...

Свой взглядъ на „предметы, требующіе неукоснительнаго исправленія", Алленъ и Греллетъ, изложили въ запискѣ, представленной ими управляющему министерствомъ полиціи и касающейся арестантскихъ помѣщеній въ Петербургѣ, Москвѣ, Новгородѣ и Твери. Вотъ эти „предметы":

„1) Худое состояніе и слабость многихъ тюремъ, колодничьихъ, арестантскихъ, что заставляетъ тюремщиковъ на съѣзжихъ дворахъ употреблять рогатки и цѣпи, которыми многіе арестанты привязываются къ большимъ колодамъ, сверхъ того для лучшей безопасности часовые поставлены внутри арестантской и такимъ образомъ находятся между самыми развращенными людьми, между тѣмъ какъ за небольшія издержки сіи арестантскія могутъ быть

сдѣланы безопаснѣе, и часовые, находясь внѣ оныхъ, не имѣли бы сообщенія съ арестантами.

2) Нераздѣленіе содержащихся по однимъ подозрѣніямъ, или за легкія вины, или такихъ, которые еще слишкомъ молоды, отъ закоренѣлыхъ преступниковъ.

3) Нераздѣленіе женщинъ отъ мущинъ, хотя жъ въ иныхъ съѣзжихъ дворахъ женщины и отдѣлены отъ мущинъ, но часовые находятся съ ними здѣсь и ночь.

4) Многія изъ сихъ арестантскихъ слишкомъ малы, а въ нихъ содержатся множество арестантовъ.

5) Нечистота и дурной запахъ во многихъ арестантскихъ, коихъ стѣны, кажется, очень уже давно не были выбѣлены и кои во многихъ мѣстахъ покрыты клопами.

6) Худой порядокъ въ отхожихъ мѣстахъ, куда мущинъ и женщинъ водятъ солдаты.

7). Долговременное заключеніе арестантовъ до рѣшенія ихъ дѣла".

Записка квакеровъ была, между прочимъ, препровождена и къ графу Тормасову, который предписалъ Шульгину сдѣлать по указаніямъ квакеровъ „надлежащія распоряженія" и отъ себя прибавилъ о „взятіи строгихъ и точныхъ мѣръ, чтобы всѣ арестанты имѣли какое-либо занятіе или работу, и ни одинъ праздно не сидѣлъ". На отдѣленіе женщинъ отъ мужчинъ не было, однако, обращено особаго вниманія, и во многихъ мѣстахъ продолжался, какъ мы упомянемъ ниже, прежній порядокъ, несмотря на то, что изъ Полнаго Собранія законовъ видно, что еще въ 1744 году св. сунодъ сообщалъ сенату о дьяконовомъ сынѣ Марковѣ, который содержался въ Новгородѣ, скованный съ чужою женою по ногѣ, а его жена, въ другой камерѣ, была скована съ постороннимъ мужчиной—и что уже въ 1787 г., въ собственноручномъ проектѣ Екатерины II, въ п.п. 4 и 22, проведено строгое раздѣленіе половъ и въ губернской тюрьмѣ признано необходимымъ устроить четыре казармы: для *шельмованныхъ*, для скованныхъ, для нешельмованныхъ и для нескованныхъ мужчинъ—и особую для *женщинъ*.

Какъ и слѣдовало ожидать, распоряженія эти были приняты въ значительной своей части лишь „къ свѣдѣнію"—и только въ очень рѣдкихъ случаяхъ „къ исполненію". Вниманіе московской администраціи было обращено на другіе, болѣе важные, по ея мнѣнію, предметы. Тормасовъ вскорѣ умеръ, а Шульгинъ, находя, что посѣщеніе квакеровъ относится уже къ прошедшему, а возможность пожаровъ—къ настоящему, не очень торопился поста-

вить заботу объ арестантскихъ помѣщеніяхъ на равную степень съ заботою о блестящемъ положеніи пожарнаго обоза. Это видно изъ того, что почти чрезъ десять лѣтъ въ 1828 году, въ Москвѣ, княземъ Голицынымъ обнаружено совмѣстное содержаніе въ одномъ и томъ же арестантскомъ помѣщеніи—людей идущихъ въ ссылку съ больными заразными недугами и съ привезенными съ исполосованными спинами послѣ публичнаго тѣлеснаго наказанія,—а при полицейскихъ частяхъ найдены тѣсныя, темныя и загаженныя „секретныя", куда сажали арестантовъ на цѣлыя недѣли по три человѣка сразу. Это существовало и чрезъ тридцать лѣтъ послѣ посѣщенія Москвы „американскими вояжерами". Еще въ началѣ пятидесятыхъ годовъ Д. А. Ровинскій, сынъ полицейскаго Виргилія, водившаго нѣкогда иностранныхъ Дантовъ по „сибиркамъ", долженъ былъ, въ качествѣ губернскаго прокурора, энергически настаивать на уничтоженіи въ Басманной части семи подвальныхъ темницъ, называвшихся „могилами" и убивавшихъ зрѣніе людей, „числившихся за частнымъ приставомъ" —и на упраздненіи при другихъ частяхъ „клоповниковъ" со всѣми, вытекающими изъ ихъ названія, принадлежностями. Даже до шестидесятыхъ годовъ московскіе частные полицейскіе дома не гонялись за славою мало-мальски порядочныхъ арестантскихъ помѣщеній при своихъ „съѣзжихъ".

Если, во времена Ровинскаго-отца, своимъ обозомъ и лошадьми особенно славились Пречистенская и Басманная части, то во времена Ровинскаго-сына—Тверская и Городская части по справедливости славились мастерскимъ производствомъ въ нихъ „сѣкуцій". „Въ доброе старое время,—писалъ Д. А. Ровинскій въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, оглядываясь на свою старую прокурорскую службу,—экзекуція производилась въ Частныхъ Домахъ по утрамъ;—части Городская и Тверская славились своими исполнителями; пороли всѣхъ безъ разбора: и крѣпостному лакею за то, что не накормилъ во время барынину собачку—всыплютъ сотню,—и расфранченной барышниной камердинершѣ за то, что баринъ дѣлаетъ ей глазки,—и той всыплютъ сотню,—барыня де особенно попросила частнаго; никому не было спуска, да и не спрашивали даже кто въ чемъ виноватъ,—присланъ *поучить*, ну значитъ и виноватъ. Хорошее было время: стонъ и крикъ стояли въ воздухѣ кругомъ часто цѣлое утро; своего рода хижина дяди Тома, да не одна, а цѣлые десятки".

Едва ли въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, кромѣ, быть можетъ, Петербурга, указанія квакеровъ вызвали серьезныя и искреннія мѣры. Доказательствомъ тому, какъ далека была отъ своего

практическаго осуществленія программа квакеровъ, основаніемъ которой служила необходимость разъединенія арестантовъ, служатъ позднѣйшія законодательныя распоряженія по тюремной части. Такъ, лишь 4 октября 1826 года предписано отдѣлять мужчинъ отъ женщинъ и малолѣтнихъ отъ взрослыхъ, и лишь 18 ноября 1828 года установлено отдѣленіе подслѣдственныхъ арестантовъ отъ срочныхъ, при чемъ это распоряженіе такъ плохо соблюдалось, что его пришлось подтвердить въ 1832, въ 1845 и въ 1851 годахъ — и несмотря на это еще въ 1863 году владимірское губернское начальство указывало на вредныя послѣдствія отъ содержанія въ тюрьмахъ владимірской губерніи, въ одной камерѣ—грабителей, убійцъ и обыкновенныхъ воровъ, — подсудимыхъ и слѣдственныхъ вмѣстѣ. Такъ, болѣе чѣмъ чрезъ 45 лѣтъ послѣ отъѣзда гг. Аллена и Греллета изъ Россіи, въ 1863 г. бессарабскій губернаторъ доносилъ министерству внутреннихъ дѣлъ о тюрьмахъ ввѣренной его управленію области, что достаточно войти въ нихъ, чтобы придти въ ужасъ отъ сырости и гнилого воздуха, отъ полнѣйшей праздности арестантовъ, отъ совершеннаго отсутствія всего, чѣмъ только можетъ обусловливаться нравственное преобразованіе заключенныхъ, среди которыхъ хорошему человѣку достаточно пробыть три дня, чтобы окончательно испортиться, почему неудивительно, что острогъ у насъ называется „школою разврата", и, очевидно, ничѣмъ инымъ и быть не можетъ. Въ подобныхъ же отзывахъ губернаторовъ—вологодскаго и калужскаго—указывается на то, что неимѣніе арестантами никакихъ занятій вызываетъ такое растлѣніе тюремнаго населенія, что рѣдкій, попавшій въ тюрьму хотя бы и случайно, возвращается въ общество не вполнѣ развращеннымъ, ибо тюрьмы въ этихъ двухъ губерніяхъ сдѣлались не мѣстами исправленія, а разсадниками преступленій.

При такомъ положеніи вещей въ Европейской Россіи, трудно было ожидать чего-либо лучшаго въ лишенной постояннаго и дѣйствительнаго надзора странѣ, про которую одинъ изъ героевъ комедій Островскаго („Свои люди—сочтемся") говоритъ: „что Сибирь!.. *далеко* Сибирь!.." Достаточно, въ этомъ отношеніи, привести описаніе усть-карійской тюрьмы въ запискѣ, составленной въ 1874 году генералъ-адъютантомъ Посьетомъ, сопровождавшимъ въ путешествіи по Сибири великаго князя Алексѣя Александровича. „Въ камерахъ тюрьмы, въ которыхъ по обыкновенному казарменному распредѣленію было бы помѣщено человѣкъ двадцать-пять, арестантовъ набито до восьмидесяти, и въ нѣкоторыхъ

женщины помѣщены вмѣстѣ съ мужчинами. Сама тюрьма такъ ветха, что едва держится, и какъ въ ней, такъ и въ госпиталѣ, зимой, по свидѣтельству арестантовъ, которое не опровергалось ближайшимъ начальствомъ, часто бываетъ не больше 5° тепла. Госпиталь, въ полномъ смыслѣ, набитъ больными, почти исключительно цынготными; ихъ положено въ каждой палатѣ двойное и тройное число противъ числа, которое бы могло помѣститься. Больные лежатъ въ кроватяхъ и на полу, и для прохода по палатамъ оставлена только узкая дорожка между больными, почти сплошь покрывающими полъ госпиталя. Докторъ (единственный для трехъ прiисковъ, расположенныхъ на протяженiи двадцати пяти верстъ) самъ въ цынгѣ и ходитъ на костыляхъ". Переполненiе тюремъ, на которое указывалъ адмиралъ Посьетъ, было явленiемъ всеобщимъ и, такъ сказать, органическимъ. Въ 1872 году, по переписи арестантовъ, произведенной министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, въ Европейской Россiи и привислянскомъ краѣ оказалось 70.500 арестантовъ, на *семь тысячъ* больше, чѣмъ можетъ ихъ, согласно самому скупому разсчету, по кубическому количеству воздуха, помѣститься. Крайне осторожныя статистическiя данныя того же министерства содержатъ указанiе на то, что въ шестидесятыхъ годахъ тюремныя помѣщенiя составляли только около 22% дѣйствительной потребности, причемъ скученное населенiе *карательныхъ* тюремъ превышало размѣры помѣщенiй на 37%.

II.

Въ замѣчательномъ проектѣ, выработанномъ и собственноручно писанномъ Екатериною II, уже звучатъ, ясно и опредѣленно, звуки того человѣколюбiя, слѣдовъ котораго не находили, однако, въ нашихъ тюрьмахъ ни квакеры, ни Венингъ, ни первые дѣятели попечительнаго о тюрьмахъ Общества, ни, въ особенности, докторъ Гаазъ, постоянно поставляемый горькою дѣйствительностью въ необходимость „вымаливать" у начальства лучшее обращенiе съ арестантами или грозить ему „ангеломъ Господнимъ, ведущимъ *свой* статейный списокъ"... „Съ тюремными вообще обходиться человѣколюбиво... Содержанiемъ да не отягчится судьба осужденнаго, но да устережется *во время покаянiя* единственно отъ ухода и вреда"...—пишетъ великая государыня, разрѣшая даже „*вѣчнымъ* тюремнымъ (т.-е. пожизненно заключеннымъ) получать *малыя выгоды*, отъ коихъ ни имъ,

ни обществу вредъ учиниться не можетъ,—какъ-то: пользоваться вольнымъ воздухомъ внѣ горницы, читать книгу, упражняться въ рукодѣліи и т. п.“; предписывая въ то же время „горницы содержать въ чистотѣ—курить въ нихъ по два раза въ день и перемѣнять воздухъ“, вводя въ присягу *тюремщика* обѣщаніе „поступать не сурово, а человѣколюбиво“ и организуя на самыхъ широкихъ и гуманныхъ началахъ врачебную помощь арестантамъ.

Послѣднія „начертанія“ императрицы Екатерины особенно цѣнны, въ виду того положенія, въ которомъ она застала обращеніе съ больными колодниками. Для примѣра достаточно указать на находящійся въ собраніи П. И. Щукина рапортъ 1776 года воеводы Протасьева московскому губернатору Юшкову о томъ, что по секретному осмотру „сущеглупыхъ“ (такъ, со временъ Петра Великаго назывались сумасшедшіе) колодниковъ оказалось, между прочимъ, что „Иванъ Яковлевъ является въ несостояніи своего ума и говоритъ противъ Христа и закона крайне сумасбротно и развратно, такъ что и слышать непристойно и впредь къ исправленію ума своего не надеженъ,—и находится онъ... за карауломъ *въ ножныхъ и ручныхъ кандалахъ безъисходенъ*, а въ прочемъ, кромѣ божества, разговоровъ имѣетъ порядочно“.—Несмотря на великодушныя *намѣренія* государыни, указывавшей, что, буде кто изъ больныхъ явится въ прилипчивой болѣзни таковаго больного тотчасъ помѣстить особо, дабы не сдѣлалось заразы,—смотрителю же тюремной больницы неутомимое имѣть попеченіе, чтобы въ тюремной больницѣ наблюдалась чистота и во всемъ порядокъ и чтобы больные въ пристойныхъ по болѣзнямъ ихъ мѣстахъ помѣщены были“ (п.п. 93 и 98 проекта 1787 г.). Положеніе тюремныхъ лазаретовъ еще въ концѣ двадцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія, было у насъ совершенно невозможное. Только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ заболѣвшихъ арестантовъ переводили въ лазаретъ, мало чѣмъ отличавшійся отъ мѣста ихъ обыденнаго содержанія. Притомъ, за совершеннымъ недостаткомъ мѣста, туда сажались и здоровые. Такъ Венингъ нашелъ въ подвальномъ мужскомъ лазаретѣ при рабочемъ домѣ тридцать-шесть человѣкъ, помѣщенныхъ „за тѣснотою“ съ больными; князь Голицынъ, ревизовавшій московскую пересыльную тюрьму въ 1828 году, видѣлъ заразныхъ больныхъ, а также привезенныхъ послѣ „торговой казни“ и приготовляющихся идти въ ссылку, ночующими въ одной общей комнатѣ, а сенаторъ Озеровъ, осматривавшій въ то же время губернскій замокъ, нашелъ больныхъ „горячками и сыпью“ по трое на одной постели. Чѣмъ и какъ лечили арестантовъ, можно

себѣ представить, хотя бы отмѣтивъ, что въ 1827 г. въ больницѣ московскаго губернскаго замка, для „утишенія“ крика сошедшей съ ума арестантки, ей вкладывали въ ротъ деревянную распорку... Содержаніе больныхъ въ тюремныхъ лазаретахъ того времени достаточно характеризуется донесеніемъ доктора Стриневскаго, вступившаго въ 1815 году въ завѣдываніе лечебною частью тамбовскихъ—рабочаго и смирительнаго—домовъ и нашедшаго, что въ больницѣ нѣтъ необходимѣйшихъ медикаментовъ,—бѣлье *не мыто* съ открытія больницы, т.-е. съ *прошлаго столѣтія*,—трудно-больные не имѣютъ отхожихъ мѣстъ и т. д.

Арестантскіе лазареты въ Москвѣ за все время пребыванія Гааза главнымъ врачомъ тюремныхъ больницъ представляли неожиданную и утѣшительную картину. Это былъ, по выраженію современника Гааза, Жизневскаго, близко знакомаго съ дѣятельностью „святого доктора“, какъ называли его *страждущіе* и „утрированнаго филантропа“, какъ презрительно именовали его люди, умѣвшіе *причинять страданія*,—совершенно „особый міръ“, своего рода „insula in flumine nata“. Извѣстно, что, какъ тюремный врачъ, Гаазъ проявлялъ необычную личную заботливость о больныхъ, лечившихся въ тюремной больницѣ, отдѣленіи Старой Екатерининской въ Москвѣ. Онъ по нѣскольку разъ въ день навѣщалъ ихъ, бесѣдовалъ съ ними подолгу о ихъ дѣлахъ и домашнихъ, и настойчиво требовалъ, чтобы въ больницѣ никто—ни больные, ни служебный персоналъ, ни посѣтители—*не лгали*. Обнаруживъ ложь, онъ энергически штрафовалъ въ пользу бѣдныхъ—и служащихъ, и посѣтителей. Не добившись утвержденія составленнаго имъ устава трезвости между служащими, онъ все-таки фактически ввелъ его въ дѣйствіе. Воспользовавшись временнымъ перемѣщеніемъ арестантовъ въ казенный домъ близъ Покровки, онъ, по выводѣ ихъ оттуда, сталъ принимать туда безпріютныхъ, заболѣвшихъ на улицахъ или во время ареста при частяхъ,—и постепенно, подвергаясь всевозможнымъ нареканіямъ и начетамъ, послѣ горячихъ просьбъ и слезъ предъ генералъ-губернаторомъ, требовавшимъ немедленнаго очищенія казеннаго дома, добился молчаливаго узаконенія заведеннаго имъ обычая. Такъ мало-помалу образовалась, безъ оффиціальнаго утвержденія, благодаря его упорству, полицейская больница, называемая народомъ до сихъ поръ „Газовскою“. Со введеніемъ новаго городского устройства, это любимое дѣтище Гааза получило прочную организацію и существуетъ нынѣ подъ именемъ больницы имени императора Александра III.

Но порядки, введенные Гаазомъ въ тюремныя больницы

Москвы, были лишь счастливымъ исключеніемъ, обязаннымъ своимъ существованіемъ и упроченіемъ лишь ему лично. Внѣ Москвы и, вѣроятно, Петербурга дѣло призрѣнія и леченія больного тюремнаго населенія было поставлено чрезвычайно неудовлетворительно, несмотря на усиленную заболѣваемость и смертность этого именно населенія. Такъ изъ 600 тысячъ арестантовъ, прошедшихъ чрезъ русскія тюрьмы въ 1868—69 гг.,—не миновало больницъ около 152 тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ умерло 17.400, такъ что число больныхъ составляло почти 1/4 всѣхъ арестантовъ, а изъ *девяти* заболѣвшихъ умиралъ *одинъ*. Очевидно, что это, въ значительной степени, было послѣдствіемъ устройства больничной части въ тюрьмахъ. Само министерство внутреннихъ дѣлъ вынуждено было, въ 1872 г., признать, что *больницы* въ большей части тюремъ найдены въ неудовлетворительномъ состояніи: бѣлье на постеляхъ—грязно, одѣяла—рваныя, халаты—пригнаны не въ мѣру; больные не размѣщаются по родамъ болѣзни; а медики столь рѣдко посѣщаютъ больницы, что безпечность ихъ въ этомъ отношеніи доходитъ, иногда, до безчеловѣчности.

Какъ далеко это краткое, но достаточно яркое описаніе отъ тѣхъ идеаловъ, которые преслѣдовалъ Гаазъ, и отъ тѣхъ завѣтовъ, которые онъ оставилъ въ своей „Инструкціи для тюремныхъ врачей", составленной въ 1836 году и вызвавшей жалобы въ московскій тюремный комитетъ на чрезвычайную обременительность разныхъ обязанностей, налагаемыхъ ею на тюремно-медицинскій персоналъ, причемъ указывалось, что подобнаго „неукоснительнаго", „прилежнаго" и „постояннаго" смотрѣнія за мельчайшими нуждами больныхъ не требуется даже и въ „градскихъ больницахъ, кои преподаютъ пользованіе отъ недуговъ людямъ свободнаго состоянія, а не узникамъ". Къ великому сожалѣнію—еще нѣсколько лѣтъ назадъ—газета „Владивостокъ", описывая неожиданное посѣщеніе прокуроромъ иркутской судебной палаты арестантской больницы на Сахалинѣ, дала картину, немногимъ разнящуюся отъ того, что нашелъ, почти тридцать лѣтъ назадъ, адмиралъ Посьетъ въ карійской тюрьмѣ. Спертый воздухъ, нечистота въ помѣщеніяхъ, грязное бѣлье, женщины, больныя сифилисомъ въ заразномъ періодѣ, содержащіяся вмѣстѣ съ женщинами, имѣвшими горе заболѣть обыкновенными женскими болѣзнями, и цѣлою группою дѣтей, и т. д. — таковы характерныя черты мѣстной больничной обстановки, къ сожалѣнію, подтверждаемыя, съ прибавленіемъ еще нѣкоторыхъ мрачныхъ подробностей, статьею служившаго на Сахалинѣ доктора Поддубскаго,

напечатанной во „Врачебной Газетѣ“ за 1901 годъ. Все, однако, на свѣтѣ относительно,—и печальное зрѣлище, представляемое такою тюрьмою, можетъ быть сочтено радужною картиною, если прочесть сдѣланное докторомъ Якобіемъ, въ его замѣчательной книгѣ: „Основы административной психіатріи“, описаніе нѣкоторыхъ изъ нашихъ психіатрическихъ больницъ, отданныхъ на произволъ жестокому невниманію и холодному забвенію долга,—одно посѣщеніе которыхъ (въ 1892 и 1893 годахъ) могло „больше научить о психіатріи до Пинеля, нежели чтеніе многихъ томовъ“. На ряду съ описаніями насилій надъ больными и безчеловѣчнаго къ нимъ отношенія, щедро разсыпанными въ трудѣ доктора Якобія, нельзя не указать на напечатанную въ „Русской Мысли“ 1899 года, по почину гр. Л. Н. Толстого, статью г. А. М.—„Къ психіатрическому вопросу“, гдѣ, между прочими указаніями на крайнія злоупотребленія, допускаемыя въ лечебницахъ для душевно-больныхъ, разсказывается, напр., что въ сильно нашумѣвшей въ свое время Бурашевской психіатрической колоніи въ 1896 г. изъ *шестисотъ* больныхъ умерло *сто*, и что былъ случай истязанія сумасшедшаго четырьмя сутками холоднаго карцера съ асфальтовымъ поломъ, за такое, непростительное даже для *умалишеннаго* дѣяніе, какъ „непочтеніе къ доктору“. Наконецъ, въ „Трудахъ общества врачей енисейской губерніи за 1899—1900 годы“ содержится описаніе красноярской психіатрической лечебницы, которое представлялось бы по истинѣ неправдоподобнымъ, не будь оно доложено въ ученомъ обществѣ и напечатано въ его изданіи. Эта лечебница находилась (хочется думать, что о ней можно говорить въ *прошломъ* времени) въ центрѣ города, совмѣстно съ богадѣльней, часть которой была необитаема изъ опасенія крушенія, грозившаго и другимъ частямъ зданія. Въ мужскомъ отдѣленіи лечебницы помѣщались вмѣстѣ и хронически больные, и буйные, и *испытуемые*; въ одиночныхъ кельяхъ, скудно освѣщенныхъ, содержалось часто по два и по три человѣка. „Одна изъ комнатъ,—говорится въ докладѣ,—служитъ для нечистоплотныхъ, подъ которыми понимались и буйные, рвущіе одежду и матрацы; это помѣщеніе пропитано невыразимою вонью. На полу этой комнаты набросана солома; кромѣ изломанной „парашки“, нѣтъ ничего; стѣны измазаны испражненіями; больные совершенно голые, измазанные всякой гадостью, въ волосахъ солома и т. д. Больные вообще озлоблены, постоянно просятся на выписку, ходятъ часто въ изодранной одеждѣ, полуголые; лица у многихъ избиты, частью отъ побоевъ со стороны больныхъ или служителей, частью отъ паденія

въ приступахъ падучей. Нѣкоторые больные ходятъ со связанными руками, *одинъ уже 4 года.* Психіатрическое отдѣленіе было открыто на 20 человѣкъ, а больныхъ бываетъ 60—65. Хозяйничаетъ въ больницѣ всякій: и служитель, и смотритель. Больного, привезеннаго обыкновенно десятникомъ или городовымъ, отправляютъ на „тотъ дворъ" и помѣщаютъ сначала въ буйное отдѣленіе, причемъ никому неизвѣстно, что съ нимъ было раньше. *Болѣзнь протекаетъ, главнымъ образомъ, по усмотрѣнію сторожей.* Зиму больные, за отсутствіемъ зимней одежды, проводятъ въ комнатахъ, гдѣ и гніютъ; никакой работы, никакихъ развлеченій. Вечеромъ зажигаютъ лампы, но къ 9 часамъ, а зимою еще раньше, тушатъ огни, и больные должны идти спать, но кроватей не хватаетъ. Нѣкоторые спятъ на полу. Простынь не водится, за исключеніемъ 3—4 кроватей. Въ кроватяхъ грязь невыразимая. На 20 человѣкъ при смѣнѣ бѣлья иногда выдается всего 10 сорочекъ. Обуви не хватаетъ. Разъ въ недѣлю больные принимаютъ ванну; въ одной и той же водѣ моютъ нѣсколькихъ человѣкъ. Если больной начинаетъ буйствовать, то его запираютъ въ отдѣльную комнату, а если онъ рветъ на себѣ одежду, то его запираютъ въ комнату для нечистоплотныхъ. Одного больного для успокоенія обливали водою изъ пожарной кишки, послѣ чего онъ, какъ объяснилъ смотритель, „сталъ тише". Если *богадѣльщикъ напьется пьянъ и забунтуетъ,* то его, *въ наказаніе, переводятъ въ буйное отдѣленіе. Пьяницъ* для вытрезвленія часто посылаютъ *въ психіатрическое отдѣленіе.* Еще лучше то, что и сифилитичекъ, напившихся или поссорившихся, или за плохое поведеніе, въ наказаніе переводятъ изъ сифилитическаго *въ психіатрическое отдѣленіе.* Процентъ излечимости душевно-больныхъ въ красноярскомъ психіатрическомъ отдѣленіи ничтожный; маніакъ, меланхоликъ, всегда почти имѣютъ въ перспективѣ слабоуміе; бывали случаи, когда больной начиналъ поправляться, но подъ вліяніемъ обстановки снова впадалъ въ прежнюю болѣзнь".

Какимъ необычнымъ, по времени, представляется, въ виду подобныхъ свѣдѣній, обращеніе Ѳедора Петровича съ больными арестантами и бѣднымъ людомъ болѣе чѣмъ полвѣка назадъ! Какъ трогателенъ онъ со своими справками о томъ, хорошо ли спалось больному и видѣлъ ли онъ пріятные сны,—съ раздачей больнымъ своихъ именинныхъ пироговъ и тортовъ, съ уступкой имъ, при недостаткѣ мѣста, одной изъ своихъ *двухъ* комнатъ, съ его пониманіемъ состоянія постигнутыхъ душевнымъ разстройствомъ! Невольно вспоминается описанная Жизневскимъ, въ письмѣ къ автору настоящихъ строкъ, несчастная

оклеветанная француженка, потерявшая разсудокъ, отдававшаяся буйнымъ порывамъ бѣшенства и оглашавшая Гаазовскую больницу дикими воплями и проклятіями. Когда она бывала въ такомъ состояніи, Ѳедору Петровичу и въ голову не приходила мысль о связываніи ей рукъ, о горячешной рубашкѣ и другихъ, къ несчастію, еще не совсѣмъ забытыхъ до настоящаго времени стредствахъ усмиренія. Онъ звалъ ее, ласково разговаривалъ съ нею, гладилъ ея волосы—и она утихала, становясь спокойною и кроткой. Строгій въ исполненіи своихъ обязанностей къ себѣ, онъ былъ, въ этомъ смыслѣ, требователенъ и къ другимъ. Поэтому можно съ увѣренностью сказать, что, покуда онъ былъ живъ, тѣ пріемы, которые нынѣ положены въ основу благороднаго начала „no restraint“ въ психіатрической практикѣ, примѣнялись у него и вокругъ него, хотя и не были еще приведены въ стройную научную систему. Требовательность Гааза въ отношеніи исполненія каждымъ служащимъ въ больницѣ своего долга вызывала, какъ извѣстно, установленіе разныхъ оригинальныхъ правилъ, отмѣняемыхъ тюремнымъ комитетомъ и вновь вводимыхъ упорнымъ старикомъ „самовольно“. Сюда относились, главнымъ образомъ, штрафы за неаккуратность, небрежность, грубость и, въ особенности, за ложь, взимаемые Гаазомъ иногда и съ самого себя, и распредѣляемые, дважды въ мѣсяцъ, между больными и ихъ семействами,—а также отобраніе подписокъ о воздержаніи отъ вина, подъ угрозою штрафа въ размѣрѣ дневного жалованья. Хотя такія подписки были воспрещены тюремнымъ комитетомъ въ 1838 г., а штрафы признаны въ 1845 году „мѣрою не аппробованною“, но еще 4 января 1846 г. служившій въ тюремной больницѣ Дюмме писалъ, съ очевиднымъ неудовольствіемъ, бывшему воспитаннику Гааза—Норшину—въ Рязань: „у насъ все по прежнему продолжается собираніе грошей за невѣрные отвѣты на вопросы, а равно положено класть въ кружку дневное жалованье, въ случаѣ неисполненія своей обязанности. Требуется христіанское благонравіе, кротость и миролюбіе. Хотя не безъ труда все это исполнить, но насколько можно, приноравливаемъ себя къ тому, и твердое обещаніе на себя налагаемъ старатся всеми силами исполнить. Нынѣ же было напоминаемо отъ Ѳедора Петровича въ непремѣнномъ соблюденіи въ службѣ пяти правилъ, а именно: 1) всякому человѣку дать отвѣтъ на его вопросъ обстоятельно и чистосердечно, такъ, какъ бы самъ желалъ получить отвѣтъ; 2) ежели что обѣщалъ, то исполнить; 3) стараться приноровить себя къ правиламъ, изображеннымъ въ вы-

данной всѣмъ книжкѣ Азбуки христіанскаго благонравія [1]); 4) не употреблять горячіе напитки и 5) стараться и другихъ убѣдить въ соблюденіи сихъ правилъ"...

III.

Сердечная заботливость Ѳедора Петровича Гааза о нуждахъ осужденныхъ, проходившихъ чрезъ Московскую пересыльную тюрьму и Рогожскій полуэтапъ, сказывалась въ самомъ внимательномъ отношеніи ко всему, что̀ могло облегчить ихъ состояніе или смягчить для ихъ семействъ ужасы длиннаго и тяжелаго пути. Его неустанную въ этомъ смыслѣ дѣятельность не могло охладить ни равнодушное, а иногда и прямо враждебное отношеніе къ нему сотоварищей по тюремному комитету, ни насмѣшливое и легкомысленное отношеніе къ нему такъ-называемаго „общества". Комитетъ онъ одолѣвалъ своей настойчивостью и упорствомъ. Чувствуя себя въ канцелярскихъ путахъ подьяческихъ соображеній комитета часто *разбитымъ*, но никогда не признавая себя *побѣжденнымъ*, онъ домогался *своего* для *другихъ*, грозя совѣсти своихъ коллегъ и тревожа ихъ чиновничій квіетизмъ ироніею своихъ почтительно-оффиціальныхъ донесеній. Такъ, напримѣръ, въ 1838 году, по поводу необходимости сосредоточить освидѣтельствованіе больныхъ, пересылаемыхъ черезъ Москву, въ однѣхъ рукахъ, и тѣмъ прекратить разногласія между врачами, всегда разрѣшаемыя мѣстнымъ тюремнымъ начальствомъ согласно съ мнѣніемъ, неблагопріятнымъ арестантамъ, Гаазъ съ ядовитой и тонкой ироніей, показывающей, до чего возмущалось его доброе сердце, писалъ въ комитетъ: „Какъ я, кажется, долженъ заключить изъ выраженій нѣкоторыхъ членовъ комитета, *которыхъ благоволеніемъ я имѣю счастіе пользоваться*,—комитетъ имѣетъ обо мнѣ мнѣніе, что будто бы я, какъ то̀ говорятъ, слишкомъ готовъ покровительствовать людямъ, какихъ уже караетъ справедливый законъ и которые казались бы болѣе недостойными того вниманія, которое обыкновенно и вообще оказывается ко всѣмъ членамъ общества людей. Но да будетъ мнѣ позволено

[1]) „А. Б. В. христіанскаго благонравія. Объ оставленіи бранныхъ и укоризненныхъ словъ и вообще неприличныхъ насчетъ ближняго выраженій или о начаткахъ любви къ ближнему",—книжка, изданная въ 1841 г. иждивеніемъ Гааза,—убѣждаетъ читателей не предаваться гнѣву, не произносить брани, не злословить, не смѣяться надъ несчастіями ближняго и не глумиться надъ его уродствами, носить бремена другъ другу и въ особенности—не лгать.

признаться предъ *почтеннѣйшимъ комитетомъ*, что я почелъ бы себя лицемъ вреднымъ общественному порядку, естьлибъ я позволилъ себѣ, занимаясь публичною должностію, послѣдовать инымъ какимъ-либо побужденіямъ, кромѣ *законныхъ*, и что я считаю вовсе не сообразною съ разсудкомъ самую мысль желать чего-либо другого, кромѣ *правосудія* здѣсь, въ *наиблагонамѣреннѣйшемъ* и *отеческомъ* правленіи и при начальникахъ, кои, по своему великодушію, вездѣ встрѣчаютъ случаи гдѣ только можно изобрѣсть что-либо для благосостоянія человѣчества, которое по ихъ правиламъ есть однозначущая вещь съ благосостояніемъ самаго государства и имѣетъ истиннымъ, единственнымъ основаніемъ искреннее уваженіе къ закону".

На несомнѣнно доходившія до него насмѣшки „книжниковъ и фарисеевъ", а также тѣхъ, кого, слѣдуя терминологіи полиціймейстера Шульгина, можно было бы назвать „молодыми вертопрахами благороднаго званія" (простой народъ, купцы и мѣщане, раньше всѣхъ оцѣнили дѣятельность и личность Ѳедора Петровича),—Гаазъ не обращалъ вниманія и, слѣдуя завѣту апостола, „положивъ руку на рало—не оглядывался назадъ". Ему служили утѣшеніемъ отзывы иностранцевъ, удивленныхъ тѣмъ обращеніемъ съ пересыльными, которое они видѣли при посѣщеніяхъ тюрьмы на Воробьевыхъ горахъ. А оно вызывалось, поддерживалось и входило мало-по-малу въ обычай, благодаря неотступному присутствію при отправленіи партій зоркаго и чуткаго, въ лицѣ Гааза, заступника за несчастныхъ и за права человѣколюбія. Самъ онъ, съ удовольствіемъ отмѣчая при своихъ пререканіяхъ съ комитетомъ сочувственные отзывы англійскаго ученаго Скота, американскаго путешественника Сомнера и англичанки Систеръ, присутствовавшихъ при отправкѣ ссыльныхъ и при прощаніи съ ними Гааза, столь трогательно описанномъ лэди Блумфильдъ въ ея воспоминаніяхъ о жизни въ Россіи,—не могъ не сознавать, что доброе впечатлѣніе, вызвавшее эти отзывы, явилось исключительно слѣдствіемъ его личной дѣятельности. Въ очень интересной французской рукописи сороковыхъ годовъ, написанной проживавшимъ въ Москвѣ иностранцемъ и хранившейся у доктора Поля, друга Ѳ. П. Гааза, есть прекрасная характеристика какъ послѣдняго, такъ и двоякаго отношенія къ нему московскаго населенія. „Докторъ Гаазъ,—пишетъ авторъ рукописи, — одинъ изъ людей, чьи внѣшность и одѣяніе вызываютъ мысль о чемъ-то или смѣшномъ, или же, наоборотъ, особо почтенномъ,—чье поведеніе и разговоръ до такой степени идутъ въ разрѣзъ съ взглядами нашего времени, что невольно застав-

ляютъ подозрѣвать въ немъ или безуміе, или же апостольское призваніе,—однимъ словомъ, по мнѣнію однихъ, это—*помѣшанный*, по мнѣнію другихъ—*божій человѣкъ*". Описывая его вступленіе въ комитетъ, авторъ говоритъ: „съ этого времени жизнь Гааза расширилась и раздвоилась: врачъ сдѣлался духовнымъ пастыремъ, пользующимся своими правами па врачеваніе тѣла, чтобы изслѣдовать *душевныя раны* и пытаться ихъ залечивать. Съ того дня, какъ онъ появился среди осужденныхъ, отдавшись всецѣло облегченію ихъ страданій и оживленію, путемъ всевозможныхъ благодѣяній и бесѣдъ, исполненныхъ состраданія, участія и утѣшенія, бодрости и вѣры въ ихъ душѣ, рѣдкій умеръ въ его больницахъ не примиренный съ Богомъ, и многіе—будучи *злодѣями* при вступленіи въ стѣны пересыльной тюрьмы, покидали ихъ для пути въ Сибирь, ставъ лишь *только несчастными*"... Разсказавъ нѣкоторыя черты изъ дѣятельности Ѳедора Петровича относительно ссыльныхъ, наблюдательный иностранецъ продолжаетъ: „здѣсь многіе думаютъ, что вся его филантропія служитъ гораздо болѣе признакомъ его умственнаго *разстройства*, чѣмъ признакомъ прекраснаго *устройства* его сердца;—что вся заслуга этого *юродиваго* (espèce de maniaque), постоянно надуваемаго всякаго рода негодяями,—лишь въ инстинктивной добротѣ; — что въ основѣ его состраданія къ несчастнымъ лежитъ тщеславіе,—что весь его оригинальный черный костюмъ квакера, его чулки и башмаки съ пряжками, его парикъ и широкополая шляпа предназначены для произведенія особаго впечатлѣнія, и что, такимъ образомъ, это если не ловкій лицемѣръ, то, во всякомъ случаѣ, человѣкъ *тронутый* (timbré)"... „Вотъ до какой степени тотъ, на чьемъ лбу не напечатлѣнъ эгоизмъ, кажется загадочнымъ, причемъ лучшій способъ для разгадки его личности состоитъ въ ея оклеветаніи!"—восклицаетъ авторъ, переходя къ изображенію обычныхъ поѣздокъ Ѳедора Петровича въ пересыльную тюрьму въ пролеткѣ, наполненной съѣстными припасами, и повѣствуя о томъ, какъ однажды, заѣхавъ въ трактиръ у заставы, хозяинъ котораго всегда снабжалъ его хлѣбомъ для „несчастныхъ", Гаазъ разсказалъ пившимъ чай купцамъ о судьбѣ бѣдной дѣвушки, которая вѣнчалась въ этотъ день съ осужденнымъ и шла за нимъ на каторгу, и такъ ихъ растрогалъ, что они набрали въ его шляпу двѣсти рублей „для молодыхъ"...

Путь по „этапамъ", въ который провожалъ каждую недѣлю Гаазъ арестантскія партіи и до сихъ поръ, тамъ, гдѣ онъ совершается не по желѣзнымъ дорогамъ и воднымъ сообще-

ніямъ, представляетъ тяжкую картину медленнаго передвиженія, и въ крайній холодъ, и въ палящій зной, среди пыли или въ липкой грязи,—смѣняемаго дикой борьбою за скорѣйшее занятіе мѣстъ на нарахъ, борьбою, въ которой выплываютъ наверхъ жестокіе инстинкты звѣрской стороны человѣческой природы. Но во времена Гааза этотъ путь былъ таковъ съ самаго начала. Этапъ—въ сущности—та же пересыльная тюрьма, лишь не имѣющая своего самостоятельнаго и постояннаго управленія. Въ ней сосредоточиваются арестанты всевозможныхъ категорій, соединенные лишь общностью слѣдованія къ мѣстамъ назначенія. Тутъ и осужденные приговорами судовъ гражданскаго вѣдомства, и военные арестанты, и бродяги, и высылаемые по приговорамъ обществъ и мѣрами полиціи „по невродіи" (тюремная передѣлка выраженія закона: „не въ родѣ арестантовъ"). До шестидесятыхъ годовъ огромное число шедшихъ по этапу составляли крестьяне, пересылаемые помѣщикамъ, отъ которыхъ они отлучились, иногда даже и не самовольно. Къ идущимъ по этапу, наконецъ, по свидѣтельству завѣдывавшаго пересыльною частью въ семидесятыхъ годахъ, генерала Бѣленченко, относились и рекруты, а также безсрочно отпускные, водворяемые на родину, а по заявленію Гааза тюремному комитету (20 апрѣля 1829 г.) и *выздоравливающіе* солдаты. Въ 1873 году число пересылаемыхъ изъ одного края Россіи въ другой достигало до 120 тысячъ человѣкъ въ годъ.

До конца пятидесятыхъ годовъ, препровожденіе и конвоированіе арестантовъ находилось въ вѣдѣніи отдѣльнаго корпуса внутренней стражи, которому подчинялись этапныя учрежденія и команды. Матеріальная часть пересылки: подводы для больныхъ, одежда арестантовъ, пропитаніе ихъ и проч., находилась въ вѣдѣніи учрежденій министерства внутреннихъ дѣлъ. До 1858 года господствовалъ единственный способъ передвиженія арестантовъ, именно пѣше-этапный, основанный на маятной системѣ движенія арестантскихъ партій между этапами и полуэтапами, расположенными на двадцати-верстномъ разстояніи другъ отъ друга, на главныхъ пересыльныхъ путяхъ, соединявшихся въ г.г. Харьковѣ, Москвѣ, Нижнемъ-Новгородѣ и, затѣмъ, въ главномъ пунктѣ сбора всѣхъ ссыльныхъ арестантовъ въ г. Казани, откуда уже они направлялись по единственному тракту на Екатеринбургъ, Тюмень и Тобольскъ. До мѣста ссылки иногда приходилось идти *два года*, и среднее число дней пути, приходившихся на каждаго пересылаемаго, составляло *двѣсти-восемьдесятъ-два*! Можно себѣ представить, чего долженъ былъ натерпѣться пересылаемый при такихъ усло-

віяхъ, особливо если припомнить, что эти условія почти совершенно исключали возможность какого-либо различія въ способѣ передвиженія и размѣщенія въ тѣсныхъ этапныхъ зданіяхъ подневольныхъ путниковъ разныхъ категорій. Притомъ конвоирующіе были заинтересованы исключительно въ доставленіи пересылаемыхъ на мѣста и въ предупрежденіи побѣговъ (съ пути обыкновенно бѣжало около 15% идущихъ по этапу), а внутреннее различіе ввѣренныхъ имъ людей и основанія, по которымъ послѣдніе попали въ общую массу, ихъ не касались и поэтому ихъ не интересовали. Повидимому такое обезличеніе препровождаемыхъ и подведеніе ихъ подъ одинъ уровень было даже возведено въ принципъ. Такъ, еще тридцать лѣтъ назадъ, въ засѣданіи комитета для окончательнаго (?) обсужденія проекта о тюремномъ преобразованіи въ имперіи, одинъ изъ высшихъ представителей начальства по пересыльной части, очевидно недовольный недоумѣніями нѣкоторыхъ изъ членовъ комитета по поводу незнанія имъ, *сколько* именно пересылается арестантовъ *каждой категоріи*, категорически заявлялъ, что ему до этого нѣтъ никакого дѣла, образно объясняя, что у него въ рукахъ огромное колесо, къ которому подводятъ человѣка и говорятъ: „въ Нерчинскъ", или „въ Якутскъ"—трахъ! трахъ!—колесо повернуто,—и онъ въ Нерчинскѣ или Якутскѣ, а *кто онъ* и *за что*—объ этомъ колесу знать не требуется...

Широкія воззрѣнія Гааза на его нравственный долгъ предъ людьми и печали его горячаго сердца, конечно, не могли не отражаться на его отношеніяхъ къ пересылаемымъ, обстановку дальнѣйшаго пути которыхъ онъ себѣ ясно представлялъ, самъ посѣтивъ неоднократно ближайшія къ Москвѣ этапныя зданія и описавъ ихъ „непристойность и тѣсное состояніе" въ неоднократныхъ рапортахъ тюремному комитету. Все относящееся до нравственныхъ и матеріальныхъ нуждъ пересыльныхъ, бывшее *въ его власти*, осуществлялось имъ съ любовью и забвеніемъ о себѣ,—все не зависѣвшее отъ него непосредственно давало ему поводъ къ постояннымъ хлопотамъ, просьбамъ и упорнымъ настояніямъ, личнымъ и письменнымъ. Такъ, напр., въ 1832 году онъ выхлопоталъ у московскаго генералъ-губернатора, князя Д. В. Голицына распоряженіе, чтобы баня пересыльнаго замка топилась сверхъ обычнаго дня (четверга) еще и по субботамъ, для предоставленія возможности воспользоваться ею всѣмъ тѣмъ, кто уходилъ по этапу въ понедѣльникъ. Для этого, по его же просьбѣ, тюремный комитетъ постановилъ отпускать на дрова „потребную сумму изъ пожертвованій" впредь до того, когда городская дума

признаетъ возможнымъ принять этотъ расходъ на себя. Нѣтъ сомнѣнія, что въ числѣ жертвователей на этотъ предметъ видное мѣсто заняло то „неизвѣстное благотворительное лицо“, отъ имени котораго Гаазъ такъ часто вносилъ деньги на удовлетвореніе разныхъ своихъ ходатайствъ о нуждахъ арестантовъ. По его же просьбѣ въ 1834 г. князь Голицынъ приказалъ иначе распредѣлить движеніе партій, слѣдовавшихъ по Богородскому тракту, чтобы, ради бани, ихъ приходъ совершался тоже въ субботу, а не въ воскресенье. Чрезъ четыре года однако, по представленію начальства пересыльной тюрьмы, банный день былъ ограниченъ однимъ четвергомъ—и такимъ образомъ пользоваться банею могли только тѣ изъ пересылаемыхъ въ Сибирь, кто оставался недѣлю для „ростаха“. Гаазъ заволновался, поднялъ шумъ, лично ѣздилъ къ главноначальствующему (осенью 1836 года) въ Москвѣ графу Толстому—и снова добился своего.

IV.

Озабочивали Ѳедора Петровича и *юридическія* нужды пересылаемыхъ. Онъ, какъ извѣстно, нѣсколько разъ предпринималъ походы противъ бездушія тогдашнихъ законовъ, относившихся къ условіямъ препровожденія ссыльныхъ (наручни, бритье головы) и къ порядку осуществленія права помѣщиковъ ссылать въ Сибирь своихъ крѣпостныхъ (ст. 315 и 322 т. XIV, Уст. о пресѣч. и предупр., изд. 1832). Два первыхъ похода увѣнчались блестящимъ успѣхомъ: въ 1836 г., по Высочайшему повелѣнію, вызванному представленіями Гааза, наручни (гайки) у цѣпей всюду стали обшиваться кожей и перестали отмороживать руки арестантовъ;—въ 1846 году возмущавшее его поголовное бритье головы отмѣнено для арестантовъ, не лишенныхъ всѣхъ правъ состоянія. Третій походъ, имѣвшій цѣлью дать возможность помѣщику одуматься и отмѣнить принятую въ гнѣвѣ и раздраженіи мѣру даже и тогда, когда сосланный, по его желанію, уже идетъ по сибирскимъ этапамъ, окончился неудачей и признаніемъ, что для крѣпостного человѣка со времени опредѣленія губернскаго правленія—alea jacta est...

Четвертый походъ Гаазъ предпринялъ, какъ видно изъ дѣлъ, хранящихся въ архивѣ министерства юстиціи, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, очевидно пораженный вопіющею жестокостью и нелогичностью тогдашняго закона о воспрещеніи жалобъ на рѣшенія уголовныхъ палатъ со стороны присужден-

ныхъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія *до исполненія надъ ними приговора и прибытія въ Сибирь.* 6 сентября 1832 года, заявляя тюремному комитету, что слова Высочайше утвержденнаго, въ 1828 году, мнѣнія государственнаго совѣта о разрѣшеніи жаловаться сенату на приговоры уголовныхъ палатъ лишь тогда, когда приносящіе жалобу уже отправлены „въ присужденное имъ мѣсто", толкуются московскимъ губернскимъ правленіемъ въ смыслѣ *прибытія* ихъ въ ссылку,—Гаазъ, не безъ мрачнаго юмора, писалъ: „если думать, что ссыльные, послѣ совершеннаго уже надъ ними тѣлеснаго наказанія и самаго отправленія ихъ въ Сибирь, на дорогѣ туда не могутъ еще воспользоваться правомъ жалобы, но что должны ожидать послѣдняго совершенія ихъ участи по прибытіи въ Сибирь,—то для многихъ изъ нихъ и не предвидится конца такого времени, ибо если московское губернское правленіе полагаетъ, что совершеніе наказанія надъ какимъ-либо ссыльнымъ окончится съ доставленіемъ его, напр., въ Тобольскъ, то въ Тобольскѣ съ той же мыслью могутъ ему сказать, что терминъ сей окончится въ Нерчинскѣ, куда онъ назначается въ работы, а тамъ скажутъ, что въ работы онъ осужденъ срочно, напр., на 15 лѣтъ, и что во всѣ сіи годы наказаніе надъ нимъ продолжается, а не совершено еще; есть однако осужденные въ работу на всю жизнь—слѣдственно тѣмъ и невозможно бы было воспользоваться предоставленнымъ правомъ жалобы никогда". Поэтому, ссылаясь на свои надежды, что пересыльные арестанты, вступившіе въ Москву, не будутъ выходить изъ нея съ такими обѣщаніями, какія имъ говорятъ въ другихъ мѣстахъ: „идите дальше, тамъ можете просить!", Гаазъ просилъ комитетъ ходатайствовать о разъясненіи закона 1828 года, хотя бы въ томъ смыслѣ, что право принесенія жалобы начинается для осужденнаго со времени поступленія его въ вѣдѣніе тобольскаго приказа о ссыльныхъ. „Всѣ мѣста заключенія,—пояснялъ онъ,—гдѣ содержатся назначаемые въ ссылку въ Сибирь, суть, такъ сказать, казармы, подвѣдомственныя тобольскому приказу, и, слѣдственно, кажется справедливымъ, что въ каждомъ губернскомъ городѣ, гдѣ ссыльные проходятъ, они вправѣ воспользоваться дозволеніемъ подавать прошенія на рѣшенія, ихъ осудившія, въ Правительствующій Сенатъ, и не справедливо ли прибавить къ сему—наипаче въ Москвѣ?"

Князь Д. В. Голицынъ раздѣлилъ взгляды доктора Гааза и уже 26 сентября просилъ директора департамента министерства юстиціи представить мнѣніе, изложенное Ѳедоромъ Петровичемъ министру юстиціи, или посовѣтовать, какъ удобнѣе достигнуть

разъясненія закона въ желательномъ смыслѣ. Директоромъ былъ Павелъ Ивановичъ Дегай, принадлежавшій къ довольно частымъ у насъ представителямъ душевной раздвоенности. Умный и очень образованный юристъ, съ просвѣщенными и широкими научными взглядами и философскимъ направленіемъ, Дегай въ отношеніи русской жизни былъ узкимъ формалистомъ и буквоѣдомъ, умѣвшимъ систематически излагать дѣйствующіе законы гладкимъ канцелярскимъ языкомъ, не вдаваясь въ „обманчивое непостоянство самопроизвольныхъ толкованій". Это стяжало ему извѣстность хорошаго юриста, весьма пригоднаго „для домашняго употребленія" и даже, вѣроятно, послужило основаніемъ къ приглашенію его въ знаменитый „Бутурлинскій Комитетъ" по цензурнымъ дѣламъ. Подробно разсмотрѣвъ предметъ сообщенія князя Голицына и „поставляя себѣ въ особенную честь повергнуть свои соображенія на благоусмотрѣніе его сіятельства", Дегай, несмотря на свою нелюбовь къ исторической школѣ въ правѣ, проповѣдуемую имъ въ своихъ сочиненіяхъ, обратился къ историческому изученію вопроса и нашелъ, что уже въ 1721, 1784, 1796—1809 годахъ „виды правительства были изложены съ очевидною точностью: уголовныя дѣла о простолюдинахъ по предметамъ важнымъ, соединеннымъ съ лишеніемъ подсудимаго, безъ всякой апелляціи, перехода по ревизіи изъ одной инстанціи въ другую, состоя подъ наблюденіемъ губернскихъ прокуроровъ и конфирмуясь правителями губерній, открывали для лицъ низшаго въ обществѣ состоянія достаточныя средства къ огражденію ихъ правъ и къ защитѣ въ случаѣ невинности. Затѣмъ, разсмотрѣніе дѣлъ сего рода въ верховномъ судилищѣ могло только служить къ проволочкѣ судопроизводства, къ продолжительной ненаказанности преступника и къ обремененію правительствующаго сената. Въ 1823 г. даровано людямъ низшаго состоянія не право апелляціи, но право приносить жалобы о безвинномъ ихъ наказаніи по дѣламъ уголовнымъ правительствующему сенату, и то подъ страхомъ тѣлеснаго наказанія, въ случаѣ неправильности таковыхъ жалобъ".

Признавая, затѣмъ, что разрѣшеніе губернскимъ правленіямъ по дорогѣ слѣдованія ссылаемыхъ принимать отъ нихъ жалобы о безвинномъ ихъ осужденіи было бы *нарушеніемъ правъ* тобольскаго приказа о ссыльныхъ, Дегай подкрѣплялъ это вѣское соображеніе о ненарушимости отвлеченныхъ правъ приказа—въ дѣлѣ, гдѣ подчасъ оскорблялись, вопіющимъ образомъ, права человѣческой личности и дѣйствительные интересы правосудія—указаніемъ еще и на то, что „россійскими постановленіями преступ-

никъ, назначенный въ ссылку, уже не можетъ входить въ сношенія съ лицами, живущими въ Россіи, безъ вреда для сихъ послѣднихъ, и лишенъ права переписываться съ своими родственниками. Какимъ же образомъ, безъ означенныхъ сношеній, можетъ онъ написать и отправить свою жалобу въ сенатъ? На губернское правленіе ни въ какомъ случаѣ не возложено обязанности принимать прошенія отъ арестантовъ; обязанность сія лежитъ на прокурорѣ въ отношеніи къ арестантамъ, *еще подъ судомъ находящимся*; что же касается пересыльныхъ, то принятіе отъ нихъ жалобъ на свое осужденіе возбранено, и министерство юстиціи всегда оставляетъ безъ производства такія прошенія преступниковъ на несправедливость ихъ сужденія, кои приносятся ими предварительно прибытія на мѣсто ссылки". Заканчивая свой отвѣтъ Голицыну увѣреніемъ, что „таковое положеніе сего дѣла лишаетъ его, Дегая, несмотря на пламенное желаніе сдѣлать угодное его сіятельству, всякаго средства войти съ представленіемъ къ министру юстиціи о дозволеніи пересыльнымъ арестантамъ подавать въ Москвѣ жалобы на свое осужденіе",—опытный юристъ предупреждалъ князя, что, по его мнѣнію, всѣ *покушенія* къ какому-либо измѣненію сего закона будутъ безплодны".

Но Гаазъ не унимался. Онъ возбудилъ въ засѣданіи тюремнаго комитета, въ которомъ докладывалось отношеніе генералъ-губернатора съ прописаніемъ соображеній Дегая, вопросъ о томъ, какъ же быть по отношенію къ огражденію правъ на доказательства своей невиновности со ссыльными, умершими въ пути, не дойдя до мѣста назначенія въ Сибири, или съ тѣми, которые, подвергшись неизлечимымъ болѣзнямъ, оставлены на мѣстѣ, гдѣ ихъ постигъ недугъ? Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ утверждалъ, что всякій изъ ссыльныхъ, слѣдуя въ Сибирь, необходимо находится въ близкомъ сношеніи съ сопровождающею его стражею, смотрителями, служащими при мѣстахъ заключенія и при больницахъ тюремныхъ, съ членами губернскихъ правленій и попечительнаго комитета о тюрьмахъ,—слѣдовательно, онъ вездѣ можетъ найти посредниковъ къ исполненію своей просьбы. Тюремный комитетъ раздѣлилъ взгляды и сомнѣнія Гааза и рѣшился представить о томъ, въ 1833 году, князю Голицыну. Послѣдняго не даромъ, въ томъ же году, привѣтствовалъ Жуковскій, какъ „друга человѣчества и твердаго друга закона, сочетавшаго въ своихъ доблестяхъ: въ день брани мужество, въ день мира—правый судъ". Онъ остался вѣренъ той настойчивости въ дѣлѣ, считаемомъ имъ правымъ, которую, по почину Гааза,

проявилъ уже въ борьбѣ за прутъ съ Капцевичемъ и министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, тѣмъ болѣе, что и тутъ начинателемъ являлся тотъ же, цѣнимый имъ „утрированный филантропъ“.

Обращеніе Голицына къ министру юстиціи Дашкову встрѣтило неожиданный для Дегая пріемъ, достойный этого просвѣщеннаго государственнаго дѣятеля. Дашковъ предложилъ возбужденный Гаазомъ вопросъ на разрѣшеніе сената, который, согласно съ мнѣніемъ и министра внутреннихъ дѣлъ (Блудова) нашелъ, что пересылаемые въ Сибирь арестанты имѣютъ право подавать жалобы на рѣшенія судебныхъ мѣстъ съ того самаго дня, какъ экзекуція надъ ними по приговору суда исполнена, изъ всякаго города, чрезъ который они будутъ проходить, съ тѣмъ, однакожъ, чтобы—для изготовленія просьбъ—слѣдованіе въ Сибирь арестантовъ отнюдь не было останавливаемо и чтобы просьбы отправляемы ими были въ губернскихъ городахъ чрезъ посредство губернскихъ прокуроровъ, а въ уѣздахъ чрезъ посредство уѣздныхъ стряпчихъ. Опредѣленіе сената (по I департаменту) внесено было, вслѣдствіе возбужденныхъ товарищемъ министра графомъ Панинымъ сомнѣній въ согласіи его „съ точными словами закона“, на уваженіе общаго собранія сената. Это высшее въ составѣ сената того времени учрежденіе вполнѣ раздѣлило взглядъ перваго департамента и постановило представить объ этомъ на Высочайшее утвержденіе. Гаазъ и его великодушный союзникъ—„предстатель ревностный за древній градъ у трона“, какъ его называлъ Жуковскій—могли праздновать побѣду. Но „пламенный“ въ желаніяхъ угодить князю, Дегай былъ, какъ оказалось, предусмотрительнѣе и ихъ, и всего общаго собранія сената: по разсмотрѣніи дѣла въ государственномъ совѣтѣ въ 1835 г., послѣдовало поясненіе 116 ст. XV тома свода законовъ въ томъ смыслѣ, что „уголовный арестантъ на приговоръ, по коему онъ понесъ наказаніе и отправленъ въ ссылку, можетъ приносить жалобу установленнымъ въ законахъ порядкомъ не прежде, какъ по достиженіи мѣста работы или поселенія, которое, по окончательному распоряженію, для него предназначено“.

Чтобы вполнѣ оцѣнить тотъ упроченный въ 1835 году порядокъ, противъ котораго боролся Гаазъ, достаточно вспомнить, что *понесеніе* наказанія, на которое предоставлялось приносить жалобу лишь съ мѣста назначенія, доходило, независимо отъ лишенія всѣхъ правъ состоянія и обращенія въ каторжныя работы, до *ста ударовъ плетьми* чрезъ палачей, съ наложеніемъ клеймъ, которыхъ, конечно, никакое дальнѣйшее признаніе невиновности осужденнаго вытравить уже было не въ состояніи...

V.

Въ 1839 году Ѳедоръ Петровичъ былъ, вслѣдствіе жалобъ мѣстнаго московскаго начальства и нареканій главнаго начальника пересыльной части генерала Капцевича, послѣ дознанія о его „утрированной филантропіи", удаленъ, къ великой для себя обидѣ, отъ завѣдыванія освидѣтельствованіемъ ссыльныхъ. Фактически это удаленіе никогда однако не осуществлялось вполнѣ, ибо уже въ 1840 году Гаазъ писалъ тюремному комитету, что „несмотря на униженія, коимъ я подверженъ, несмотря на обхожденіе со мною, лишающее меня уваженія подчиненныхъ, и чувствуя, что я остался одинъ безъ всякой пріятельской связи или подкрѣпленія,—я тѣмъ не менѣе считаю, что покуда я состою членомъ комитета, уполномоченнымъ по этому званію волею Государя посѣщать всѣ тюрьмы Москвы,—мнѣ никто не можетъ воспретить отправляться въ пересыльный за́мокъ въ моментъ отсылки арестантовъ, и я продолжаю и буду продолжать тамъ бывать всякій разъ, какъ и прежде"... Это тягостное для него и для столь многихъ, нуждавшихся въ немъ, положеніе продолжалось нѣсколько лѣтъ, ослабѣвая мало-по-малу. Но „свѣтъ и во тьмѣ свѣтится", и Гаазъ, устраненный отъ любимаго дѣла и иногда терпимый около него лишь *изъ милости*, своимъ примѣромъ, личностью и характеромъ оказывалъ неотразимое и плодотворное вліяніе на окружающихъ. Вокругъ него и за нимъ являлись убѣжденные и стойкіе послѣдователи. Болѣе его сдержанные въ выраженіи своего негодованія на пучину злого бездушія, съ которымъ приходилось имѣть дѣло,—менѣе рѣзкіе и рѣшительные въ выраженіи своего умиленія и состраданія, они однако твердо шли по пути, указанному „юродивымъ Гаазомъ" въ тѣ періоды его жизни, когда представителямъ начала „все обстоитъ благополучно" удавалось на время „обуздать" безпокойнаго старика. Къ такимъ послѣдователямъ и союзникамъ принадлежали Львовъ и А. И. Тургеневъ.

Дѣятельность Львова, своеобразная и многосторонняя, по справедливости заслуживаетъ подробнаго изслѣдованія. Матеріалы для послѣдняго уже и собираются. О болѣе кратковременной прикосновенности къ тюремному дѣлу Тургенева можно упомянуть и нынѣ, пользуясь свѣдѣніями изъ разныхъ источниковъ, письмами Остафьевскаго архива и записками Д. Н. Свербеева.

Студентъ геттингенскаго университета и затѣмъ блестящій, свѣтскій молодой человѣкъ, Александръ Ивановичъ Тургеневъ,

дѣлалъ быстрые и успѣшные шаги по службѣ. Двадцати-пяти лѣтъ отъ роду онъ уже былъ директоромъ департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій въ министерствѣ князя А. Н. Голицына, и помощникомъ статсъ-секретаремъ государственнаго совѣта. Паденіе князя А. Н. Голицына въ 1824 году, вслѣдствіе предательства Магницкаго и настояній одинаково знаменитыхъ Фотія и Аракчеева — повлекло за собою увольненіе Тургенева, который остался лишь членомъ коммиссіи составленія законовъ. Затѣмъ противъ брата его, Николая Ивановича, возникло обвиненіе въ участіи въ заговорѣ 14 декабря 1825. Хотя нынѣ едва ли могутъ подлежать сомнѣнію какъ неправильность этого обвиненія, такъ и поспѣшность и необдуманность выводовъ послѣдовавшаго за нимъ заочнаго приговора Верховнаго суда, присудившлго Николая Тургенева къ смертной казни,—но Александръ Тургеневъ не счелъ возможнымъ остаться и въ послѣдней должности. Вся дальнѣйшая его жизнь была затѣмъ посвящена хлопотамъ о предоставленіи брату возможности оправдаться,—заботамъ о сохраненіи ему, „умершему политическою смертью", средствъ къ существованію на чужбинѣ и настойчивому разъясненію имущимъ власть и вліяніе въ обществѣ невиновности человѣка, съ которымъ, независимо родства, его связывали чувства глубокаго уваженія и симпатіи, а также воспоминанія о счастливой порѣ одушевленнаго составленія, общими силами, проекта „закона о пресѣченіи продажи крестьянъ порознь и безъ земли". Оставивъ тяжелый для него, какъ для брата „декабриста", Петербургъ, онъ поступилъ, нѣсколько лѣтъ спустя, на службу при московскомъ генералъ-губернаторѣ князѣ Д. В. Голицынѣ. Служба была въ сущности номинальная и не препятствовала частымъ поѣздкамъ его за границу, для свиданій съ братомъ и для работъ въ иностранныхъ архивахъ. Въ періоды проживанія въ Москвѣ, отдавая почти всю жизнь своему, по выраженію Свербеева, „милому изгнаннику", лишая себя для него необходимыхъ удобствъ и терпя матеріальныя лишенія, Александръ Тургеневъ находилъ утѣшеніе въ заботахъ объ арестантахъ, по примѣру Гааза, о которомъ говоритъ въ своихъ письмахъ съ чувствомъ глубокаго и нѣжнаго почтенія.

„Одно для меня разсѣяніе, — писалъ онъ князю Вяземскому въ 1840 году, — тюремный замокъ и архивъ". — „Гаазъ, котораго удалили отъ званія члена тюремнаго общества, но ничѣмъ не могли удержать отъ благодѣтельныхъ для ссыльныхъ посѣщеній тюрьмы, — писалъ Тургеневъ въ томъ же году, — увѣрялъ меня, что полиціймейстеръ Миллеръ человѣколюбивѣе

другихъ: суди поэтому о прочихъ"... Поставленный, по своему чину тайнаго совѣтника и по старинной родовитости, въ болѣе близкія отношенія къ вліятельнымъ въ Москвѣ людямъ, Тургеневъ пользовалси этимъ, чтобы относиться къ нимъ непосредственно въ тѣхъ случаяхъ, когда бѣдному Гаазу приходилось обращаться съ просьбами къ комитету, грозя его членамъ „осужденіемъ, которое Евангеліе произноситъ за слабое усердіе, которое комитетъ оказываетъ въ попеченіи о благосостояніи ссыльныхъ" и разсказывая объ „англинской кухаркѣ", находившей, что угри „привыкли" къ тому, чтобы съ нихъ живыхъ сдирали кожу.

„Естьли бы вы могли видѣть,—писалъ въ Вербное воскресенье 1843 года Тургеневъ извѣстному князю С. М. Голицыну,—въ какой грязи утопали сегодня шедшіе въ Сибирь, съ женами и дѣтьми, съ Воробьевыхъ горъ, то сердце ваше конечно бы содрогнулось. Я сбирался лично представить вамъ мою просьбу, но увязъ въ топкой грязи близь Мамоновской дачи и едва отогрѣлся. Вообразите себѣ, что въ слѣдующее, т.-е. Свѣтлое для всѣхъ воскресенье—другіе нещастные, по этимъ же непроходимымъ полямъ, побредутъ, въ оковахъ, (съ женами и съ дѣтьми многіе изъ нихъ)—въ Сибирь. Вы не откажите мнѣ быть орудіемъ вашихъ благодѣяній къ нимъ. Я самъ раздамъ имъ все что Богъ вамъ на сердце положитъ. Право—другой вѣрнѣйшей и лучшей милостыни сдѣлать трудно. Простите моему сердцу—если докучаю вамъ за тѣхъ, за кого скоро будетъ поруганъ и распятъ Искупитель".

На письмѣ этомъ княземъ Голицынымъ была сдѣлана помѣта: „отослано для раздачи пересыльнымъ 200—500 р.". Благодаря за это щедрое пожертвованіе, Тургеневъ отвѣтилъ извѣстнымъ стихомъ:

„Болярпнъ—коль за всѣхъ болѣешь"...

„Я получилъ твое письмо,—писалъ Тургеневъ въ 1842 году князю Вяземскому, — вернувшись изъ канцеляріи гражданскаго губернатора, гдѣ наконецъ успѣлъ открыть документъ полицейскій, что мой protégé съ Воробьевыхъ горъ (т.-е. изъ пересыльной тюрьмы) былъ отданъ въ рекруты фальшиво. О немъ сказано, что онъ безъ отца и матери, а *отецъ ежедневно у меня и плачетъ по сынѣ*. Авось спасемъ! Если бы было *еще десять Гаазовъ*, то и ихъ недостало бы для однѣхъ Воробьевыхъ горъ въ Воскресенье. *Онъ, Гаазъ, еще на дняхъ спасъ два семейства*; мнѣ же ничего или мало удается". Въ это же время возникла между Тургеневымъ и княземъ Вяземскимъ довольно ѣдкая пере-

писка, показывающая, до какой степени разошлись между собою внутренно эти старые друзья, взгляды и убѣжденія которыхъ почти по всѣмъ вопросамъ личной и общественной жизни сливались въ гармоническіе аккорды въ двадцатыхъ и первой половинѣ тридцатыхъ годовъ.

Во многихъ отношеніяхъ стоя головою выше современнаго ему поколѣнія, за небольшими лишь исключеніями, князь Вяземскій, съ годами, дѣлался, однако, какъ онъ самъ о себѣ говоритъ, „человѣкомъ прошедшаго и человѣкомъ прошедшимъ", и постепенно становился на дорогу, на которой за равнодушіемъ къ тому, что̀ когда-то возбуждало негодованіе, слѣдуетъ терпимость къ нему, а затѣмъ и примиреніе съ нимъ—иногда тайное, а иногда и торжественное, „съ отреченіемъ отъ Сатаны"... Уже въ началѣ сороковыхъ годовъ кн. Вяземскій по временамъ переставалъ понимать Тургенева, и раздражался на широкую гуманность взглядовъ своего друга. Въ перепискѣ ихъ замѣчается въ это время, со стороны князя Вяземскаго, постоянный, хотя и скрываемый подъ развязною простотою дружескихъ отношеній, покровительственный и наставительный тонъ. Вообще кн. Вяземскій, повидимому, любилъ *учительствовать*, а воспріимчивый умъ и увлекающееся сердце Тургенева давали частые поводы для дидактическаго резонерства старѣющаго поэта, который позднѣе находилъ, что у Л. Н. Толстого и И. С. Тургенева, несмотря на ихъ большое дарованіе, „нѣтъ хозяина въ домѣ", что „всякій приверженецъ и поклонникъ Бѣлинскаго—*человѣкъ отпѣтый* или, проще говоря, *пѣтый дуракъ*", и что „душевныя бури Лермонтова были внѣшнія, театральныя и *заказанныя* имъ самому себѣ"...

Поводомъ къ упомянутой перепискѣ послужила горячая статья Тургенева о дѣятельности капитана Мэконоши (Maconochie), предназначавшаяся для напечатанія въ Плетневскомъ „Современникѣ". Мэконоши былъ однимъ изъ замѣчательныхъ, по широтѣ задачъ и личной энергіи, работниковъ на поприщѣ усовершенствованія обращенія съ преступниками. Его имя становится извѣстнымъ съ начала сороковыхъ годовъ, когда, сдѣланный начальникомъ штрафного поселенія „неисправимыхъ" преступниковъ на островѣ Норфолькѣ, онъ задумалъ, на ряду съ началами строжайшаго повиновенія, призвать къ дѣятельности лучшія стороны человѣческой природы, никогда не угасающія, но лишь дремлющія, по его мнѣнію, въ каждомъ человѣкѣ, какъ бы низко онъ ни палъ. Ему пришлось имѣть дѣло почти съ полутора тысячами закоренѣлыхъ злодѣевъ, уже совершившихъ на мѣстѣ

обычной ссылки, въ Ботани-беѣ, въ Австраліи, какое-нибудь новое, серьезное преступленіе и доставленныхъ на островъ Норфолькъ, причемъ, во время пребыванія ихъ на кораблѣ, какъ видно изъ изслѣдованія Уильяма Тэллока („Penological and preventive principles"), обращеніе съ ними было верхомъ жестокости. Отсутствіе школъ и какого-либо религіознаго назиданія или утѣшенія, непрерывный, сопровождаемый бранью, трудъ, съ угрозою и осуществленіемъ разрушающихъ всякое самоуваженіе побоевъ и тяжкихъ тѣлесныхъ наказаній, съ ночлегомъ въ тѣсныхъ загонахъ, которымъ не позавидовали бы и животныя — дѣлало изъ этихъ сосланныхъ, по выраженію Мэконоши, „собраніе дьяволовъ". Новый начальникъ поселенія былъ чуждъ сентиментальности и умѣлъ быть очень строгимъ тамъ, гдѣ это было неизбѣжно,—но онъ никогда не упускалъ изъ виду, что имѣетъ дѣло съ людьми, изъ которыхъ не было основанія никого признать совершенно неспособнымъ къ исправленію. „Я не пренебрегалъ наказаніемъ,—говорилъ о себѣ, между прочимъ, Мэконоши,—моя система была основана не на слабости или потачкѣ, но я старался дѣйствовать за-одно съ природою человѣка, а не противъ нея, какъ это дѣлается въ другихъ тюрьмахъ; направляя и возбуждая стремленіе къ улучшенію своего положенія, свойственное каждому человѣку, я старался устроить такъ, чтобы судьба каждаго арестанта, на сколько возможно, была въ собственныхъ его рукахъ. Сущность моихъ мѣръ состояла въ возбужденіи въ арестантахъ самоуваженія, склоненіи ихъ воли къ самоисправленію, во внушеніи моимъ помощникамъ лучшихъ и болѣе просвѣщенныхъ чувствъ, въ устройствѣ церквей и школъ, въ неутомимости въ совѣтахъ и увѣщаніяхъ и, наконецъ, въ выказываніи людямъ довѣрія, которое и я, въ свою очередь, старался заслужить". Несмотря на то, что система Мэконоши принесла на мѣстѣ быстрые и обильные плоды, она вызвала противъ него нареканія и скептическое отношеніе къ возможности преобладанія въ тюрьмахъ того, что Тэллокъ называетъ „the contagion of good"—надъ „the contagion of evil". Для того, чтобы господство добрыхъ началъ подавило дурныя страсти,—говорили его противники,—нужно исключительно личное вліяніе исключительнаго человѣка, а оно, какъ и онъ, преходяще и, затѣмъ, все обращается къ еще худшимъ формамъ, къ старому, для успѣшной борьбы съ которымъ нужна не личность, а система, основанная на прочныхъ началахъ. Обвиняемый въ томъ, что „весь секретъ его управленія заключался въ снисходительности, слабости и распущенности—и что аре-

станты потому только вели себя хорошо, что могли дѣлать, что хотѣли", умный и энергическій новаторъ, допустившій, притомъ, нѣсколько промаховъ въ отношеніяхъ къ центральному правительству, былъ отозванъ.

Статью о Мэконоши Тургеневъ просилъ Вяземскаго „пристроить" въ „Современникъ". Извѣщая объ исполненіи порученія своего друга, Вяземскій написалъ ему, въ октябрѣ 1842 г., письмо, выраженія котораго, по собственному его признанію, были „жестки и кислы", представляя „кипятокъ и накипь авторскаго пыла", въ которыхъ бурлили, перебивая другъ друга, упреки, насмѣшки и колкости. „Я совершенно согласенъ съ лордомъ Джономъ Русселемъ,—писалъ онъ, между прочимъ,—и на его мѣстѣ также приказалъ бы уволить филантропа-капитана. У него умъ за разумъ или сердце за разумъ зашло. Не надобно пересаливать, но не хорошо и пересахаривать. Всѣ эти тюремные концерты, спектакли и иллюминаціи никуда не годятся. Какъ ни говори, а тюрьма должна быть пугаломъ, и если не адомъ безнадежнымъ, то, по крайней мѣрѣ, строгимъ чистилищемъ. Будь тюрьма мѣсто злачное и привольное, гдѣ и сытно, и весело, то честнымъ бѣднякамъ, несущимъ смиренно и терпѣливо бремя и крестъ нищеты и нуждъ, придется завидовать преступникамъ. Еслибы концерты и спектакли служили училищемъ нравственности, то спроси у своего капитана, отчего такъ часто честные люди возвращаются домой изъ спектакля безъ носовыхъ платковъ, часовъ и карманныхъ книжекъ? Такими, увеселяющими средствами и развлеченіями лечатъ иногда безумныхъ и то не всѣхъ; но если подвести преступленіе подъ статью: болѣзнь и безуміе,—то это заведетъ слишкомъ далеко. Все, чего вправѣ требовать благоразуміе и обдуманное человѣколюбіе отъ тюремнаго содержанія и правленія (régime), есть то, чтобы въ тюрьмѣ не портилось здоровье и не перепорчивалась уже испорченная нравственность. Все излишнее кажется мнѣ вреднымъ умничаньемъ и вредною филантропоманіей. Заводить въ тюрьмахъ школы нравственности есть несбыточное требованіе. Заводите ихъ внѣ тюрьмы и до тюрьмы, а тутъ уже поздно... Цѣню и хвалю побужденіе, которое руководствовало капитаномъ и другими капитанами и *тайными совѣтниками* въ подобныхъ предпріятіяхъ и въ подобномъ образѣ мыслей, но говорю, что эти капитаны и тайные совѣтники — люди непрактическіе и лунатики, умозрители, и что, по ложному направленію ума и ложному состраданію, они готовы щадить и холить преступниковъ и губить общество. Прекрасное, святое дѣло отстаивать права мень-

шихъ братьевъ и слабыхъ противъ старшихъ и сильныхъ, но нужно ясно опредѣлить, кто слабый и кто сильный, кто притѣснитель и кто жертва. Я говорю, что въ этомъ случаѣ сильный и притѣснитель, настоящій Каинъ, есть тотъ самый Ванька Каинъ, о которомъ вы исключительно хлопочете; а жертва, беззащитный Авель, есть общество... Всѣ эти концерты и спектакли и театральныя представленія на Воробьевыхъ горахъ—вздоры и вздоры. Добро не такъ и не тутъ дѣлается... „Возвращаясь къ твоему капитану, утверждаю, что *наказаніе* нужно и *устрашеніе* нужно, кто что̀ ни говори и какъ ни мудрствуй. И самъ Богъ ничего другого не пріискалъ, а доказательство тому—*потопъ*. Ты скажешь, что онъ не много помогъ и исправилъ: это—другая статья. Кстати, вспоминаю письмо ко мнѣ Сильвіо Пеллико въ отвѣтъ на мои сужденія противъ смертной казни: „Je ne suis pas de ceux qui „s'attendrissent sur le monstre" (слышите ли?) et qui aboliraient volontiers „l'épouvantement de la vengeance publique" (слышите ли?). L'auteur d'un crime atroce a encore les droits à nos consolations réligieuses, à nos prières, il n'en a point à „l'indulgence" qui lui épargnerait une peine des plus terribles. Je ne partage pas même votre sentiment contre la peine de mort, quoique je sens toute la gravité des raisons que vous m'apportez. Dans ces matières, il n'y a qu'un voeu à former, c'est que les juges ayent une conscience—et certes le cas contraire est rare, plus que les *déclamateurs* ne le supposent. Oui, rare, mais, hélas, il existe. C'est un fléau qui échappe aux règles, comme un incendie, un tremblement de terre. Les trésors de la bonté de Dieu sont là pour réparer, pour suppléer, abondamment"... „Если у тебя есть время и деньги и теплыя слезы на добрыя дѣла, на уврачеваніе язвъ, то найдешь много случаевъ и много мѣстъ для утоленія твоей христолюбивой жажды и безъ Воробьевыхъ горъ. Тутъ какое добро можешь ты сдѣлать? Раздать нѣсколько рублей, которые, не во гнѣвъ тебѣ будь сказано, будутъ пропиты съ проводниками, т.-е. съ честною командой на первыхъ 25-ти верстахъ. Понимаю, что можно посвятить себя служенію преступникамъ, т.-е. врачеванію ихъ души, и это едва-ли не высшій подвигъ; но это не ограничивается тѣмъ, чтобы дать преступнику калачъ, погладить его по головкѣ и дать почувствовать ему, что о немъ жалѣешь, какъ о жертвѣ беззаконности судей, ибо такое изъявленіе состраданія есть также верховное преступленіе противъ общества. Молясь о преступникѣ, говори: „Помяни его, Господи, во царствіи Твоемъ!" Въ *Твоемъ*—да; но въ *нашемъ*—предавай его дѣйствію закона и ищи дру-

гихъ несчастныхъ, которыхъ много и которымъ можешь доброхотствовать, не нарушая гражданственныхъ необходимостей. Если ты тюремщикъ, то—дѣло другое; ты дѣйствуешь въ кругу своемъ, но для тебя всѣ переулки открыты, вездѣ есть страждущее человѣчество. Что̀ за необходимость ѣздить на Воробьевы горы—se poser là en avocat de l'humanité, и говорить: „смотрите на меня!"

Письмо кн. Вяземскаго сильно огорчило Тургенева, несмотря на увѣренія князя въ дружбѣ и въ любви къ „внутреннему въ немъ человѣку". Напоминая о самоотверженной дѣятельности гонимаго и высмѣиваемаго Гааза, онъ писалъ Вяземскому: „нѣтъ времени отвѣчать, но очень больно и грустно за себя и за тебя... Я—*фарисей*, но мой порокъ не долженъ тебя ауторизировать смѣяться надъ ссылаемыми въ каторгу. Знаешь ли, что̀ меня мучило именно въ тотъ день, когда я получилъ твое письмо? Я два воскресенья, отъ лѣни и боли въ ногѣ, не былъ на Воробьевыхъ горахъ, и моихъ protégés, право, не пьяныхъ, а трезвыхъ, повели въ Сибирь. Имъ и на ѣду, особливо съ дѣтьми (или и они пьяницы? а дѣтей много и каждое воскресенье!) недостаетъ до Владиміра. Грѣхъ тебѣ! Но въ моемъ сердцѣ—сердца на тебя нѣтъ".

Статья Тургенева, который былъ сотрудникомъ „Современника" и печаталъ въ немъ въ 1840 году свою „Хронику Русскаго въ Германіи", не была, однако, напечатана. „Не знаю,—писалъ ему Вяземскій, — пригодится ли Плетневу твоя статья, вовсе не литературная,—и угодитъ ли она цензурѣ". Въ трудѣ Тургенева, слѣдовъ котораго, къ великому сожалѣнію, не удалось найти, очевидно, были указанія и на медленность и бездушіе нашего тогдашняго судопроизводства, столь возмущавшія Гааза и вызвавшія его извѣстное столкновеніе съ Филаретомъ, поставленнымъ въ необходимость признать, что „Христосъ о немъ забылъ". Это предположеніе вытекаетъ изъ слѣдующихъ словъ кн. Вяземскаго: „въ душѣ своей ты гораздо добрѣе и выше, и богоугоднѣе, нежели на *филантропической сценѣ* Воробьевыхъ горъ, гдѣ ты дѣлаешь добро не такъ, чтобы лѣвая рука не вѣдала, что̀ творитъ правая, а напротивъ, обѣими руками печатаешь (?) оппозиціонную статью противъ уголовной палаты и всѣхъ палатъ, и всѣхъ право и криво правящихъ, и тому подобное. Вотъ что меня бѣситъ въ тебѣ"... Въ 1844 году была, впрочемъ, помѣщена въ „Современникѣ" замѣтка, подписанная буквами „Е. К.", подъ названіемъ: „Посѣщеніе этапа для ссыльныхъ у Рогожской заставы въ Москвѣ", но въ ней

ничего не говорится ни о Мэконоши, ни о нашихъ судебныхъ порядкахъ—и ея слащавый тонъ и псевдо-патріотическое содержаніе ничего не имѣютъ общаго съ выразительнымъ и мужественнымъ языкомъ, которымъ писалъ Тургеневъ.

„Дружескіе упреки“ и насмѣшки кн. Вяземскаго не повліяли, однако, на Тургенева. До конца своей жизни онъ продолжалъ ѣздить въ пересыльную тюрьму и „играть на филантропической сценѣ Воробьевыхъ горъ“. Ни совѣты благоразумія, преподаваемые ему его бывшимъ начальникомъ, княземъ А. Н. Голицынымъ, ни „болтовня“ его друга Булгакова, замѣчающаго въ письмѣ къ князю Вяземскому: „добрѣйшее и странное существо этотъ Тургеневъ“, ни безплодные споры съ „самимъ“ Филаретомъ не оказывали на него вліянія и не затемняли предъ нимъ трогавшій его образъ Ѳедора Петровича Гааза. Хожденіе по слѣдамъ послѣдняго продолжалось, однако, не долго. Въ декабрѣ 1845 года, блестящій сановникъ Александровскаго времени, который, по словамъ Плетнева (письмо къ Жуковскому 25 декабря 1845 г.), „долженъ бы былъ начать собою въ Россіи рядъ государственныхъ людей, *считающихъ и исторію* государственнымъ дѣломъ“, скончался въ Москвѣ, въ болѣе чѣмъ скромной обстановкѣ тѣснаго и загроможденнаго книгами маленькаго мезонина... Тотчасъ по полученіи извѣстія объ этой смерти, долженствовавшей „сразить Жуковскаго“, Плетневъ, оплакивая „утрату лучшихъ воспоминаній своей жизни“, поѣхалъ къ кн. Вяземскому. „Онъ все тотъ же—малоподвижный и холодный“,—писалъ онъ, затѣмъ, Я. К. Гроту, сообщая ему о „разрывѣ—въ лицѣ Тургенева—важнаго звена въ опустѣвающемъ кругу“, къ которому принадлежалъ и Пушкинъ, чей прахъ сопровождалъ, вмѣстѣ съ жандармомъ, въ 1837 году, въ Святогорскій монастырь скончавшійся „актеръ филантропической сцены“...

VI.

Въ первомъ трудѣ нашемъ о Ѳ. П. Гаазѣ указанъ, съ возможною полнотою, характеръ отношенія его къ тѣмъ проявленіямъ крѣпостного права, съ которыми ему приходилось постоянно встрѣчаться на Воробьевыхъ горахъ. Чѣмъ и какъ только могъ—старался онъ смягчать роковое осуществленіе почти безграничныхъ правъ помѣщика на измѣненіе всего существованія, на расторженіе всѣхъ естественныхъ узъ и привязанностей своихъ крѣпостныхъ. Онъ былъ неутомимъ въ ходатайствахъ—личныхъ

и чрезъ тюремный комитетъ объ „утишеніи гнѣва“ господъ, ссылавшихъ въ Сибирь своихъ „рабовъ“, отнимая у нихъ достигнувшихъ работоспособности дѣтей. Когда его настойчивыя попытки смягчить тяжкое крѣпостное иго путемъ измѣненія закона, по ходатайству тюремнаго комитета, оказались совершенно тщетными и на его исполненныя сдержаннаго негодованія и душевной боли представленія было отвѣчено лишь помѣтой: „читано“,— онъ обратился къ отысканію возможности подавать помощь въ отдѣльныхъ, конкретныхъ случаяхъ. Тогда, спасая крѣпостныя *души* отъ произвола и жестокости настоящихъ *мертвыхъ душъ*,—онъ выдвинулъ на сцену „одно благотворительное лицо“, широкая щедрость котораго въ денежныхъ сдѣлкахъ съ помѣщиками, у которыхъ выкупались дѣти ссылаемыхъ за „продерзостные поступки и нетерпимое поведеніе“ крестьянъ, страннымъ образомъ развивалась въ тѣсной связи съ окончательнымъ исчезновеніемъ личнаго имущества Ѳедора Петровича. Нельзя безъ чувства скорби читать многочисленныя представленія Гааза комитету съ мольбами поднять свой голосъ въ отмѣну или смягченіе мрачныхъ законовъ, отдававшихъ совершенно безправныхъ людей и ихъ семейства въ жертву холодному бездушію, ослѣпленію гнѣва или —иногда—мстительной ревности ихъ господъ.

Старый идеалистъ, вѣрившій въ людей, несмотря на ежедневныя, но безслѣдныя для него разочарованія, Гаазъ думалъ, что достаточно указать на печальныя практическія послѣдствія того или другого закона, чтобы добиться его отмѣны, забывая, что этотъ законъ опирался на цѣлый порядокъ вещей, укоренившійся въ окружающемъ обществѣ и поддерживаемый нравственнымъ безпорядкомъ въ совѣсти многихъ изъ членовъ послѣдняго. Ему не суждено было двинуть впередъ разрѣшеніе задачи, оказывавшейся не по силамъ даже современнымъ ему русскимъ монархамъ. Извѣстно, что въ двадцатыхъ годахъ прошлаго вѣка, вслѣдствіе обнаруженія возмутительнаго образа дѣйствій отставного штабсъ-капитана Раздеришина, покупавшаго для своего гарема у помѣщиковъ по одиночкѣ малолѣтнихъ „крестьянскихъ дѣвокъ“, возникъ вопросъ о воспрещеніи продажи крѣпостныхъ порознь и безъ земли, разработанный въ превосходно составленныхъ проектахъ братьевъ А. И. и Н. И. Тургеневыхъ (по коммиссіи составленія законовъ). Несмотря, однако, на то, что императоръ Александръ Первый, горячо ратовавшій на Вѣнскомъ конгрессѣ за прекращеніе торга *черными* невольниками, отнесся и къ прекращенію у себя торга *бѣлыми* невольниками весьма сочувственно,—государственный совѣтъ похоронилъ этотъ вопросъ. Если, по этому

поводу, знаменитый адмиралъ Мордвиновъ защищалъ допустимость продажи людей по одиночкѣ тѣмъ практическимъ соображеніемъ, что таковой можетъ содѣйствовать переходу „проданнаго раба отъ лютаго помѣщика въ руки мягкосердаго господина", то другой адмиралъ—А. С. Шишковъ—сталъ на почву еще болѣе широкую. Указывая, что въ то время, когда почти всѣ европейскія державы вокругъ Россіи мятутся и волнуются, послѣдняя всегда пребывала и пребудетъ спокойною, онъ писалъ: „внутренняя, среди неустройствъ Европы, тишина не показываетъ ли, что благословенное отечество наше больше благоденствуетъ, и больше благополучно, нежели всѣ другіе народы? не есть ли это признакъ добродушія и незараженной еще ничѣмъ чистоты нравовъ? На что-жъ перемѣны въ законахъ, въ обычаяхъ, въ образѣ мыслей? И откуда сіи перемѣны?—изъ училищъ и умствованій тѣхъ странъ, гдѣ сіи волненія, сіи возмущенія, сія дерзость мыслей, сіи, подъ видомъ свободы ума разливаемыя ученія, возбуждающія наглость страстей, наиболѣе господствуютъ! При таковыхъ обстоятельствахъ кажется, что есть ли бы и вподлинну нужно было сдѣлать нѣкоторыя перемѣны, то не время о нихъ помышлять"... Такія мнѣнія затянули дѣло, и оно, въ виду отсутствія настояній со стороны Александра Перваго, было отложено въ долгій ящикъ.

Императоръ Николай былъ искреннимъ противникомъ того, по выраженію Ивана Аксакова, „клейма домашняго позора", которое, какъ бы въ насмѣшку надъ справедливостью, называлось крѣпостнымъ *правомъ*. „Я не понимаю,—сказалъ онъ въ 1847 г. депутаціи смоленскаго дворянства, — какимъ образомъ *человѣкъ* сдѣлался *вещью*, и не могу себѣ объяснить этого иначе, какъ хитростью и обманомъ съ одной стороны и невѣжествомъ—съ другой". Онъ ясно сознавалъ весь вредъ, матеріальный и нравственный, который причиняла всему государственному организму такая внутренняя язва. „Этому должно положить конецъ",—говорилъ онъ П. Д. Киселеву, приглашая его помочь ему въ „процессѣ противъ рабства" и сдѣлаться его „начальникомъ штаба по крестьянской части". Но общее настроеніе окружающихъ, возросшихъ среди беззаботныхъ выгодъ и удобствъ дарового труда,—раболѣпныя увѣренія что все обстоитъ и будетъ еще долго обстоять благополучно, наряду съ искусственно преувеличенными опасеніями, высказываемыми со смѣлостью своекорыстія, —и наконецъ тревожныя впечатлѣнія, вызванныя западно-европейскими событіями 1848 и 1849 годовъ, парализовали волю Государя, окутывая ее сомнѣніями и колебаніями. Онъ,—всегда

увѣренный въ своей силѣ и властный, избѣгалъ не только рѣшительныхъ мѣръ въ борьбѣ съ рабовладѣніемъ, но и пересталъ высказываться вполнѣ опредѣленно объ *упраздненіи* крѣпостного права, говоря обыкновенно съ довѣренными лицами лишь о его *преобразованіи*. Несомнѣнно, что онъ *желалъ* видѣть Россію освобожденною отъ крѣпостного ига, но *захотѣть* этого и въ такомъ смыслѣ проявить прямо и безповоротно свою волю—не находилъ въ себѣ рѣшимости. Поэтому все его царствованіе прошло въ отдѣльныхъ мѣрахъ, обсужденіе которыхъ было обставлено строжайшею келейностью, и которыми предполагалось достигнуть *смягченія* несовмѣстимаго ни съ человѣческимъ, ни съ государственнымъ достоинствомъ порядка. Но ничего цѣльнаго, пролагающаго новые пути для народной жизни, сдѣлано не было. Со своими великодушными желаніями Государь былъ почти совершенно одинокъ среди сплотившихся вокругъ него заступниковъ существующаго крѣпостного строя. Горькое сознаніе, внушившее ему извѣстное ироническое изреченіе: „Россія управляется столоначальниками",—должно было рисовать ему ту массу неуловимыхъ, но весьма осязательныхъ затрудненій, съ которыми пришлось бы встрѣтиться при перемѣнѣ сложной сѣти законовъ, столь дорогихъ сердцу Шишкова.—Съ другой стороны, политическіе перевороты на Западѣ оттѣняли особую выгоду и удобство для поддержанія порядка такого внутренняго устройства, при которомъ можно было, указывая на помѣщиковъ, сослаться на „двѣсти тысячъ полиціймейстеровъ"... Тѣмъ не менѣе—мысль о томъ, что для разрѣшенія вопроса о крѣпостномъ правѣ ничего существеннаго не удалось сдѣлать, не могла, однако, не тяготить императора Николая и, конечно, входила въ высказанное имъ своему сыну и преемнику, въ предсмертныя минуты, сожалѣніе, что онъ „передаетъ ему свою команду" не въ томъ улучшенномъ порядкѣ, въ которомъ онъ хотѣлъ бы ее видѣть, и что Провидѣніе не судило ему оставить царство „мирнымъ, устроеннымъ и счастливымъ".

Подъ вліяніемъ господствовавшихъ во времена Гааза взглядовъ осуществленіе владѣльцами „душъ" своихъ правъ надъ тѣломъ и чувствомъ подвластныхъ проявлялось очень часто въ самой возмутительной формѣ, — то принимая характеръ необузданнаго произвола, то облекаясь въ своеобразныя формы регламентаціи. Въ первомъ отношеніи достаточно указать, напр., на свѣдѣнія, сообщаемыя въ интереснѣйшемъ сборникѣ г. Дубасова, посвященномъ „Тамбовской старинѣ", объ извѣстномъ князѣ Юріи Николаевичѣ Голицынѣ, изящномъ свѣтскомъ че-

ловѣкѣ, музыкантѣ и даже, въ нѣкоторомъ родѣ, писателѣ, который, какъ истинный виртуозъ жестокости, давалъ по *тысячѣ* ударовъ розгами крѣпостнымъ, безъ различія пола, играя, подъ крики истязуемыхъ, на билліардѣ, и, иногда, приказывая затѣмъ къ избитымъ мѣстамъ ставить шпанскія мушки, — мазалъ дегтемъ и смолою провинившихся, держимыхъ въ башенкѣ на крышѣ господскаго дома по нѣскольку дней безъ пищи, и предавался по отношенію къ крѣпостнымъ дѣвушкамъ всѣмъ ухищреніямъ воспаленной низкимъ и алчнымъ развратомъ мысли... Не менѣе жестокости проявляли и нѣкоторыя помѣщицы. Не даромъ большая часть ходатайствъ Гааза за крѣпостныхъ относилась къ тѣмъ, которыя принадлежали представительницамъ „прекраснаго пола". Здѣсь поводомъ къ систематическому преслѣдованію виновныхъ въ „продерзостныхъ поступкахъ", бывшихъ „причиною негодованія помѣщика", не подлежавшихъ, на основаніи указа 1822 года, „никакому розысканію",—являлась зачастую ревность къ несчастной дѣвушкѣ, поставленной въ безвыходное положеніе между подозрительною барынею и заигрывающимъ бариномъ. Намъ приходилось слышать воспоминанія супруги одного изъ сибирскихъ губернаторовъ конца пятидесятыхъ годовъ о молодой и миловидной нянѣ, взятой изъ ссыльныхъ крестьянокъ, которая наивно объясняла свою ссылку тѣмъ, что „баринъ былъ молодъ, а барыня стара", причемъ оказывалось, что несчастная дѣвушка за то, что баринъ, приходя въ дѣвичью, гдѣ она состояла искусной вязальщицей, иногда останавливался около нея съ „разговоромъ",—была барынею переведена въ прачки и за первую же оплошность въ совершенно новомъ для нея дѣлѣ подвергнута отрѣзанію косы, высѣчена на конюшнѣ, а затѣмъ, очевидно подъ опьяняющимъ вліяніемъ гнѣвной ревности, сослана въ Сибирь...

Когда, въ началѣ двадцатыхъ годовъ, Венингъ нашелъ въ петербургскомъ рабочемъ домѣ колодниковъ, прикованныхъ за шею, и женщинъ въ желѣзныхъ рогаткахъ, устроенныхъ такъ, что, благодаря острымъ спицамъ въ восемь дюймовъ длины, нельзя было лечь, а въ одномъ изъ съѣзжихъ домовъ—пять тяжелыхъ стульевъ, прикованныхъ къ арестантамъ цѣпью съ ошейникомъ, —онъ писалъ: „я основательныя имѣю причины думать, что нѣкоторые изъ нихъ такимъ образомъ мучатся единственно изъ угожденія тѣмъ, кто ихъ отдаетъ въ сіе мѣсто". Конечно, еще хуже было положеніе тѣхъ беззащитныхъ, относительно которыхъ совсѣмъ ненужно было разсчитывать на *угожденіе*, а достаточно было собственнаго, совершенно безконтрольнаго *усмотрѣнія*, и

притомъ даже не помѣщика, а его управляющаго. Въ архивѣ П. И. Щукина есть интересное въ этомъ отношеніи дѣло, изъ котораго видно, что въ 1818 г. къ симбирскому губернатору явилось болѣе ста человѣкъ крестьянъ помѣщицы Наумовой, съ жалобою на нестерпимыя жестокости управляющаго и безплодность своихъ обращеній къ мужу помѣщицы. Между ними оказались двое, прикованные къ тяжелымъ стульямъ, а одинъ съ желѣзною „клѣтью" на шеѣ, вѣсомъ въ восемнадцать фунтовъ. Изслѣдованіемъ ихъ жалобы обнаружено, что даже за неровно проведенную борозду крестьянъ били плетьми и „батожьемъ" нещадно, не обращая вниманія на полъ и на беременность нѣкоторыхъ изъ наказываемыхъ, и что въ видѣ орудія наказанія крестьянъ существуетъ въ имѣніи желѣзная шапка, заклепываемая наглухо, заведенная еще при прежнемъ владѣльцѣ имѣнія, графѣ Орловѣ „для обращенія раскольниковъ" (!) и для пойманныхъ бѣглыхъ. Какъ велики были раскрытыя слѣдствіемъ жестокости, видно изъ того, что шапка, по распоряженію губернатора, была разбита кузнецами, которые призывались для ея заклепыванія на крестьянахъ, и остатки ея брошены въ Волгу; плакавшимъ и благодарившимъ „за судъ Божескій" крестьянамъ, отслужившимъ молебствіе о здравіи Государя и встрѣтившимъ губернатора съ образомъ Спасителя, хлѣбомъ и солью, было внушено молиться за Государя и повиноваться помѣщику, а губернскому правленію предложено предписать уѣзднымъ предводителямъ „дабы они по званію своему вмѣнили себѣ въ обязанность имѣть въ виду обращеніе помѣщиковъ и ихъ управляющихъ съ крестьянами и напоминали бы, кому признаютъ нужнымъ, *о духѣ благотворительности нашего времени*". Но этотъ рѣдкій лучъ человѣчности и справедливости относительно крѣпостныхъ тотчасъ же погасъ въ бюрократической тьмѣ тогдашняго времени, такъ какъ комитетъ министровъ далъ отпоръ слабой попыткѣ систематическаго наблюденія за пользованіемъ помѣщиками своею карательною властью и подтвердилъ ея безконтрольность, кромѣ конечно вопіющихъ случаевъ, въ родѣ лишенія жизни истязаніями,—случаевъ, по большей части безгласныхъ и рѣдко доходившихъ до суда. Комитетъ министровъ нашелъ, что „1) учиненнаго по предложенію губернатора предписанія уѣзднымъ предводителямъ столь гласнымъ образомъ дѣлать не слѣдовало, для того, чтобы симъ не подать повода къ злоупотребленію и затѣйнымъ донесеніямъ на помѣщиковъ самыхъ даже справедливыхъ и благонамѣренныхъ, отчего могутъ возникнуть лишнія безполезныя слѣдствія, влекущія за собою неминуемое разстройство въ имѣніяхъ, и если

не нарушающія вовсе, то по меньшей мѣрѣ неизбѣжно ослабляющія должное повиновеніе, безъ коего всякій порядокъ долженъ исчезнуть, и 2) церемонія, крестьянами учиненная... признается не только неприличною, но даже ни съ чѣмъ не сообразною...", почему и положилъ симбирскому гражданскому губернатору „все сіе поставить на видъ"...

Въ томъ же архивѣ мы встрѣчаемъ интересныя записи харьковскаго помѣщика Замятнина, относящіяся къ примѣненію наказаній къ крѣпостнымъ. Вотъ какъ, со своеобразнымъ юморомъ, описываетъ онъ „происшествіе въ Боркахъ въ 1825 году". „Великаго поста на Страстной недѣлѣ гдѣ всѣ говеютъ гдѣ я живу. Являются ко мнѣ двѣ молодыя дѣвушки въ слѣзахъ, кинувши ко мнѣ въ ноги прося что бы я упросилъ ихъ барыню чтобъ ихъ простили. Я спрашиваю причину ихъ слѣзъ и вины. Они отвечаютъ что недоплели ко времени по 3 вершка кружева, то ихъ сильно высекли и теперь заставили ихъ грязь носить со двора въ передникахъ, проливая горькія слѣзы, примолвя, да мы же говеимъ, и барыня тоже. Я тотчасъ пишу къ барынѣ и прошу чтобъ не разсуждала а простила бы сихъ двухъ наказанныхъ дѣвушекъ для меня. Она отвечаетъ, что все для меня сдѣлаетъ *а сіе правило у нихъ въ точности соблюдается изъ старины.* Я являюсь къ самому обѣду, гдѣ нахожу и протопопа, который тутъ находился по своей службѣ. За столомъ я селъ подлѣ нѣго и завелъ я рѣчь, говоря: какое теперь страшное время, мы всѣ прибѣгаемъ къ Богу, прося прощеніе въ нашихъ грехахъ. Всѣ повторяютъ: да такъ. Господь говоритъ: если вы съ чистымъ сердцемъ прибѣгаете то я прощаю. Но Господь вдругъ взглянулъ въ окошко и ужаснулся, говоря: что я вижу въ такое время когда всѣ прибѣгаютъ къ мнѣ прося прощенія въ грехахъ, я вижу двухъ молодыхъ дѣвушекъ Дашу да Машу подъ наказаніемъ. Кто ихъ такъ наказалъ. Барыня говоритъ я. За что? они по 3 вершка кружева не доплели. Ахъ грешница, вы мнѣ всякоя по 3 пуда грѣховъ наплели да я простилъ васъ а ты за 3 вершка кружева наказуешь!"

Какъ на образецъ довольно рѣдкій регламентаціи взысканій можно указать на „Наказательную книгу 1818 года Муромскихъ вотчинъ дѣйствительной статсъ-дамы и разныхъ орденовъ кавалера графини Литта", въ которой строжайше подтверждается распоряженіе „о присмотрѣ навсегда за крестьянами", въ силу котораго замѣченный въ пьянствѣ или даже найденный въ кабакѣ долженъ быть доставляемъ въ вотчинное правленіе, гдѣ „поступать съ таковыми въ первый разъ—наказать розгами 50 ударами или

взысканіемъ денегъ 50 коп. и на три сутки въ работу,—во второй разъ въ двое того, а въ третій разъ—объстричь половину головы и половину бороды и употребить уже на цѣлой мѣсяцъ въ черную работу".

Дѣйствуя подъ вліяніемъ и по примѣру Гааза, Александръ Ивановичъ Тургеневъ являлся заступникомъ и за ссылаемыхъ крѣпостныхъ. Быть можетъ, къ этому его первоначально понудило и одно тяжелое воспоминаніе, подобно тому, какъ упреки, выслушанные 16-ти-лѣтнимъ Николаемъ Милютинымъ отъ матери за продержаніе своего кучера болѣе пятнадцати часовъ на трескучемъ морозѣ,—вспоминались затѣмъ всю жизнь „кузнецомъ-гражданиномъ", такъ много сдѣлавшимъ для раскованія оковъ крѣпостного права. „Вчера возилъ я французовъ на Воробьевы горы,—пишетъ Тургеневъ князю Вяземскому ровно за 21 годъ до освобожденія крестьянъ, 19 февраля 1840 года, въ письмѣ, которое представляетъ своего рода микрокосмъ тогдашнихъ „строгихъ" порядковъ,—pour le départ de la chaine.—Вдругъ слышу голосъ: „батюшка, Александръ Ивановичъ!"—Это былъ мой эксъ-форейторъ Никифоръ, отданный въ солдаты за пьянство, выключенный изъ жандармовъ въ армію съ придачей 300 палокъ, вытерпѣвшій 2.000 сквозь строй за дерзость противъ начальства и нынѣ ссылаемый въ Сибирь... *Больно тяжко на совѣсти!*"—Быть можетъ, этотъ добродушный возгласъ стараго слуги звучалъ затѣмъ въ душѣ Тургенева, до самой его смерти, сильнѣй, чѣмъ всѣ насмѣшки кн. Вяземскаго, писавшаго ему въ 1842 г.: „хоть ты еще не сенаторъ и не оберъ-прокуроръ, но ты генералъ-прокуроръ всѣхъ несчастныхъ, страждущихъ и обиженныхъ и око Провидѣнія на Воробьевыхъ горахъ и въ прочихъ лощинахъ и вертепахъ правосудія etc., etc... Къ тому же послѣ удовольствія писать кому бы ни было, нѣтъ тебѣ болѣе удовольствія, какъ помогать и дѣлать добро кому бы ни попало".

Объ отношеніи Тургенева къ жертвамъ крѣпостного права свидѣтельствуетъ, между прочимъ, обращеніе его, въ 1843 году, къ популярному и вліятельному въ Москвѣ князю Сергѣю Михайловичу Голицыну. „Есть ли бы сердце ваше мнѣ съ нѣкотораго времени не было такъ извѣстно,—писалъ онъ Голицыну,—я бы, можетъ быть, не рѣшился бы такъ смѣло обратиться къ вамъ; но вотъ въ чемъ дѣло: послѣ осьмимѣсячныхъ хлопотъ мнѣ и Гаазу удалось уговорить одного помѣщика дать волю нещастной женщинѣ, которую онъ почиталъ для него пропадшею и которая назначена была, въ качествѣ бродяги, къ ссылкѣ въ Сибирь. Сверхъ того она должна была быть разлучена съ *десятимѣсячнымъ* ребенкомъ.

Надежда ожила для нее; но для исполненія оной должны мы доставить помѣщику 500 рубл. асс. за выкупъ, или за отпускную. Мы надѣемся уговорить его отпустить ее и за 350 или за 400 р.; и рѣшились собрать сію сумму. Могъ ли я не вспомнить о томъ, кто сокровища свои, какъ нѣкогда предки его, высылаетъ туда, гдѣ тля не тлитъ ихъ, и даетъ взаймы Богови! Удѣлите отъ крупицъ вашихъ погибающей и содѣйствуйте къ ея искупленію во дни нашего Искупителя".

Самого Гааза особенно тревожила судьба бѣглыхъ крестьянъ, водворяемыхъ къ помѣщикамъ, отъ которыхъ они уходили, иногда изъ одной боязни суроваго наказанія за какую-нибудь пустую провинность. Въ архивѣ П. И. Щукина есть переписка о водвореніи къ помѣщицѣ „дворовой дѣвки", бѣжавшей отъ страха предъ жестокимъ наказаніемъ, ждавшимъ ее за „упускъ изъ клѣтки господскаго чижа". Предполагаемыя, съ полнымъ притомъ основаніемъ, страданія возвращаемыхъ „въ первобытное состояніе" заставляли Гааза утруждать тюремный комитетъ мольбами о заступничествѣ предъ возстановленными въ своихъ дерзостно поруганныхъ правахъ владѣльцами душъ. Онъ самъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, независимо отъ комитета, писалъ о томъ же мѣстнымъ губернаторамъ, прося ихъ „покровительства смирившемуся". Иногда онъ пытался, подъ предлогомъ болѣзни арестованнаго, остановить дальнѣйшую пересылку бѣглаго и на время удержать его въ лазаретѣ, чтобы дать время комитету и губернатору повліять на помѣщика. Но это ему не всегда удавалось. Вмѣстѣ съ тѣмъ, стараясь „умягчить гнѣвъ" послѣдняго, онъ старался подготовить пересылаемаго къ предстоящей суровой долѣ и искалъ для этого опоры въ текстахъ священнаго писанія. Домогаясь во время своей опалы, чтобы при уходѣ партій каждый разъ присутствовалъ членъ комитета, уполномоченный „оказать отправляемымъ людямъ христіанскую услугу",—Ѳедоръ Петровичъ писалъ въ комитетъ 9 января 1840 года: „между выступившими въ прошлый понедѣльникъ оказалась женщина Аграфена, слѣдующая въ Ярославль, въ возвратъ помѣщицѣ своей, отъ коей отлучилась шесть лѣтъ назадъ, изъясняя, какъ обыкновенно, что житья ей не было и т. п. Я старался представить ей, что какіе бы ни были труды и обиды надобно ихъ переносить ради Бога—и для ея утвержденія велѣлъ ей прочитать слова Апостола, которыя мы всегда отмѣчаемъ въ успокоеніе господскихъ людей, а именно посланія къ Еѳесянамъ, главы VI, стихи 5—9. Она сперва думала, что сіе не можетъ быть такъ повелѣно отъ Бога, чтобы терпѣть обиды, но когда по прочтеніи въ томъ убѣдилась, то сказала,

что сего никогда не слыхала, а напротивъ ей то въ одно, то въ другое ухо говорили: „бѣги куда-нибудь, за что тебѣ претерпѣвать“. Она жаловалась на то, что всѣ шесть лѣтъ она не была спокойна — и когда я предложилъ ей, до отправленія къ помѣщицѣ, облегчить себя исповѣдью и причастіемъ, она отвѣчала, что очень того желаетъ, еслибы это было возможно. Я тотчасъ сказалъ смотрителю, что женщину сію слѣдуетъ остановить для исповѣди, но смотритель отвѣчалъ, что если она не больна, онъ никакъ ее не остановитъ. И такъ сія женщина вышла изъ вѣдѣнія тюремнаго комитета, не укрѣпившись духомъ,—и даже время упущено просить чрезъ оный предъ помѣщицей той женщины о благоволеніи и приложеніи стиха девятаго сего посланія“.

VII.

Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ былъ человѣкъ глубоко религіозный. Объ этомъ свидѣтельствуютъ его письма, усердная раздача имъ книгъ духовнаго содержанія и воспоминанія о немъ его воспитанника Норшина и тюремныхъ священниковъ Воинова и Орлова. Особенно привлекательны были для него образы тѣхъ католическихъ подвижниковъ, которые видѣли призваніе истиннаго христіанина не въ аскетической заботѣ о своемъ спасеніи, а въ живой, любвеобильной дѣятельности словомъ и дѣломъ, жертвою и примѣромъ для облегченія ближнихъ и поднятія ихъ духа. Ссылки на Франциска Ассизскаго и Франциска де Саль, примѣры изъ ихъ жизни и восторженные о нихъ отзывы очень часто встрѣчаются въ его письмахъ и даже оффиціальныхъ бумагахъ. Его истинная религіозность, какъ и слѣдовало ожидать, вызывала въ его широкомъ сердцѣ не отчужденіе отъ „несогласно-мыслящихъ“, а благородную терпимость и уваженіе къ ихъ убѣжденіямъ. Будучи ревностнымъ сыномъ римской церкви, въ ученіи которой былъ воспитанъ, онъ скорбѣлъ о раздѣленіи церквей, мечталъ о времени, когда будетъ „едино стадо и единъ пастырь“, и велъ долгія бесѣды съ митрополитомъ Филаретомъ, разбирая постановленія флорентійскаго собора и отыскивая въ нихъ пути для примиренія разногласій. Но онъ не былъ ни фанатикомъ, ни узкимъ догматикомъ. Для него, по отзыву дочери его друга, г-жи Поль, православная церковь была равноправною сестрою римской, имѣющею одинаковыя права на уваженіе вѣрующихъ. Онъ столь рѣшительно высказывалъ такой взглядъ и съ такой любовью посѣщалъ православныя богослуженія на Воробьевыхъ горахъ и

въ тюремномъ замкѣ, что его пріятель, докторъ Рейсъ, усердный католикъ, однажды сказалъ ему: „еслибы святой отецъ зналъ ваши убѣжденія, онъ давно бы отлучилъ васъ отъ церкви!“ Разставаясь съ воспитанникомъ своимъ Норшинымъ, покидавшимъ Москву для службы въ должности военнаго врача, Гаазъ сказалъ ему—тоже католику—между прочимъ: „ты человѣкъ молодой и у тебя цѣлая жизнь впереди,—но не забывай, что смерть приходитъ внезапно и иногда поражаетъ во цвѣтѣ лѣтъ,—поэтому будь къ ней готовъ—и если тяжко заболѣешь, то старайся быть христіаниномъ до конца и не умереть, не покаясь предъ Богомъ; тогда, если возлѣ не будетъ католическаго патера, зови, не задумываясь, православнаго священника и проси у него напутствія...“—Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ стоялъ за свободу совѣсти и неодобрительно относился къ попыткамъ обращенія арестантовъ изъ одного христіанскаго исповѣданія въ другое, основательно предполагая въ большинствѣ случаевъ такого перехода подневольнаго человѣка косвенное нравственное на него давленіе, или личный, своекорыстный разсчетъ обращаемаго. Не надо забывать, что въ дѣйствовавшемъ въ то время уложеніи о наказаніяхъ была статья 157 (ст. 166 XV т. с. з. 1857 года), обѣщавшая иновѣрному не-христіанину, принявшему во время слѣдствія и суда православную вѣру, не только смягченіе мѣры и степени наказанія, слѣдующаго ему за всякое, безъ исключенія, преступленіе, но даже и измѣненіе *рода* наказанія. Существованіе этой статьи могло внушать арестантамъ неправильную, но понятную мысль, что и перемѣна инославнаго исповѣданія на православное можетъ вызвать по отношенію къ подсудимому нѣкоторую благосклонность суда. Переходы католиковъ въ православіе были, по свидѣтельству протоіерея Воинова, не рѣдкимъ явленіемъ въ тюремномъ замкѣ. Это было не по душѣ Гаазу, одинаково чтившему всѣ христіанскія исповѣданія. Въ разговорахъ его, сообщаемыхъ докторомъ Пучковымъ, съ отцами Орловымъ и Воиновымъ онъ роптал на это, не вѣря въ искренность побужденій обращаемыхъ, и даже разъ приходилъ къ послѣднему нарочно, чтобы уговаривать его не „переводить“ католиковъ, потому что не слѣдуетъ „уговаривать христіанина мѣнять религію, въ которой онъ рожденъ, и притомъ, развѣ предъ Богомъ католикъ и православный, живущіе по завѣтамъ Христа—не одинаковы?“ Изъ такихъ взглядовъ его вытекало и его глубокое состраданіе къ раскольникамъ, которыхъ онъ никакъ не могъ „сопричислить къ тяжелымъ преступникамъ“, полагая, что заблужденіе ихъ о томъ, „чѣмъ угодить Господу“, можетъ быть

разсѣяно не суровою уголовною карою, а „чувствомъ величайшаго о нихъ сожалѣнія, влекущаго помилованіе и милосердіе“.

Во взглядахъ своихъ, не раздѣляемыхъ ни холоднымъ умомъ Филарета, умѣвшаго, какъ осеннее солнце, свѣтить, но не грѣть, ни графомъ Закревскимъ съ его самодовлѣющею расторопностью, — Ѳедоръ Петровичъ однако сходился съ великою Екатериною, которая говорила еще въ 1782 году Храповицкому: „въ шестьдесятъ лѣтъ всѣ расколы исчезнутъ; сколь скоро заведутся и утвердятся народныя школы, то невѣжество истребится само собою; тутъ насилія не надобно“. Незавѣдомо для себя, конечно, сходился онъ во мнѣніяхъ и съ однимъ изъ самыхъ выдающихся русскихъ государственныхъ людей, просвѣщеннымъ устроителемъ Крыма и Кавказа, графомъ М. С. Воронцовымъ. Вотъ что писалъ послѣдній къ Кеппену въ письмѣ, отъ 14 февраля 1855 года, хранящемся въ собраніи П. И. Щукина: „Я совершенно согласенъ съ вами на счетъ вреда между крестьянами отъ расколовъ, какъ старыхъ, такъ и новыхъ, и надо дѣлать все возможное, чтобы уменьшить эту опасность для будущаго и для дѣтей, но въ этомъ надобно поступать весьма осторожно, и ни въ какомъ случаѣ не употреблять не только какихъ-нибудь насилій, но даже увѣщанія черезъ особливыхъ священниковъ, а дѣйствовать примѣромъ и учрежденіемъ школъ, гдѣ мальчики изъ раскольниковъ могутъ учиться вмѣстѣ съ православными, и мало по малу оставить расколъ безъ всякаго принужденія. Но и тутъ надобно имѣть за правило, чтобы дѣтей никогда не посылать въ эти школы ежели родители этого не хотятъ, ибо это былъ бы уже первый шагъ къ насилію, а болѣе нежели сорокалѣтній опытъ мнѣ доказалъ, что всякое насиліе въ такомъ случаѣ есть вещь не только несправедливая, но самая вредная, ибо оно усиливаетъ заблужденіе стариковъ и дѣлаетъ ихъ еще болѣе упрямыми въ немъ, тогда какъ кротостью и предоставленіемъ способовъ безъ всякаго насилія для ученія дѣтей и выбирая между священниками только тѣхъ, которые чужды всякаго фанатизма, слѣдуютъ только христіанскому чувству и не стараются получать награды отъ своего начальства за просвѣщеніе будто бы въ православную вѣру, можно навѣрное достигнуть болѣе или менѣе успѣха. Главное дѣло найти добросовѣстныхъ и прямо христіанскихъ священниковъ, которые бы примѣромъ и кроткимъ, умнымъ совѣщаніемъ умѣли достигнуть нашей цѣли; такимъ надобно предоставить нѣкоторыя выгоды и увѣрить ихъ, что я никогда не забуду полезныя ихъ заслуги; — но съ другой стороны, что я не могу позволить или терпѣть,

чтобы въ этомъ благомъ дѣлѣ было малѣйшее насиліе и какія нибудь *свѣтскія* причины или надежды".

Идущіе чрезъ Москву ссылаемые раскольники и сектанты часто находили въ Гаазѣ заступника и ходатая. Сохранилось нѣсколько писемъ, очень характерныхъ и для него, и для писавшихъ. „Не имѣю защитника и сострадателя, кромѣ васъ,—пишетъ ему въ 1845 году крестьянинъ Евсеевъ, находящійся „далеко уже отъ царствующаго града Москвы"—вы одни намъ отецъ, вы братъ, вы—другъ человѣковъ!"—„Спасите, помогите, Ѳедоръ Петровичъ!—восклицаетъ въ 1846 году Василій Метлинъ—склоните сердце князя Щербатова (московскій генералъ-губернаторъ) ко мнѣ, несчастному", объясняя, что содержимый два года въ острогѣ и годъ въ монастырѣ, онъ уголовною палатою оставленъ въ подозрѣніи „касательно духовности или лучше религіи", по обвиненію въ принадлежности къ „масонской фармазонской молоканской вѣрѣ" и велѣно его „удалить къ помѣщику для исправленія"...

Рядомъ съ этой стороною своей дѣятельности, Гаазъ постоянно заботился о духовномъ просвѣщеніи арестантовъ и распространялъ между ними назидательныя книги, безъ различія исповѣданія ихъ авторовъ. Такъ, послѣ своихъ хлопотъ о снабженіи пересыльныхъ книгами священнаго писанія при великодушномъ содѣйствіи Мерилиза и объ установленіи раздачи имъ его оригинальной книжки „А. Б. В. христіанскаго благочестія"—Гаазъ очень хотѣлъ раздавать книгу преосвященнаго Тихона Воронежскаго „о должностяхъ христіанина". Но денегъ на это у него не было,—не находилось ихъ и въ тюремномъ комитетѣ. Тогда, 16 сентября 1847 г., онъ обратился съ особою докладною запискою къ князю С. М. Голицыну, умоляя пожертвовать деньги на бумагу, чтобы напечатать 4.000 экземпляровъ этой „безцѣнной книги" и раздать ихъ не только содержащимся въ Москвѣ, но даже послать для той же цѣли въ тобольскій тюремный комитетъ. Князь Голицынъ удовлетворилъ просьбу старика, мысль котораго постоянно стремилась за близкими его сердцу „несчастными" и изыскивала способы содѣйствовать ихъ нравственному утѣшенію и душевному подъему предъ окончательной „разверсткой" ихъ по Сибири. Онъ не дожилъ до осуществленія возвышенной мысли великой княгини Елены Павловны объ учрежденіи первой въ мірѣ военной общины сестеръ милосердія, извѣстной Крестовоздвиженской Общины, но можно представить, *какъ* привѣтствовалъ бы это святое дѣло авторъ „Appel aux femmes". Вѣроятно, въ его дѣятельной головѣ возникла бы мысль объ учрежденіи *тюремной* общины сестеръ милосердія для увра-

чеванія, самоотверженнымъ участіемъ подавленной или ожесточенной души узниковъ...

VIII.

Среди пестраго и разнообразнаго населенія московской долговой тюрьмы—такъ называемой „Ямы"—была своеобразная группа должниковъ, представлявшая одно изъ тѣхъ явленій, которыя въ будущемъ заставятъ историка или изслѣдователя общественнаго устройства останавливаться въ недоумѣніи предъ неизбѣжной альтернативой между глупой жестокостью или жестокой глупостью въ примѣненіи карательныхъ мѣръ. Какъ было указано въ нашемъ первомъ очеркѣ дѣятельности Гааза, арестантовъ разнаго рода, имѣвшихъ несчастіе заболѣть во время своего содержанія подъ стражею, лечили въ старой Екатерининской больницѣ и стоимость леченія, по особому росписанію, вносили въ счетъ, предъявляемый освобождаемому въ день истеченія срока содержанія. Обыкновенно у освобождаемаго, который, почти при полномъ отсутствіи правильно организованныхъ работъ въ мѣстѣ заключенія, часто выходилъ изъ него „голъ какъ соколъ", не было никакихъ средствъ уплатить по такому счету, и его переводили въ Яму, зачисляя должникомъ казны. Срокъ пребыванія въ Ямѣ сообразовался съ размѣромъ недоимки... Несомнѣнно, что такіе „неисправные должники" чувствовали на себѣ, и въ нравственномъ, и въ матеріальномъ отношеніи, особенно сильно тяжесть заключенія, послѣ промелькнувшей предъ ними возможности освобожденія. Заслуживъ себѣ свободу иногда нѣсколькими годами заключенія *за преступленіе*, они лишались ее вновь за *новую вину*, избѣжать которой было не въ ихъ власти:—они дозволили себѣ быть больными! Изъ разсмотрѣнія дѣлъ московскаго тюремнаго комитета, однако, оказывается, что содержаніе въ Ямѣ являлось привилегіей особо избранныхъ, а крестьяне и, въ особенности, крестьянки оставлялись „на высидкѣ до уплаты долга приказу общественнаго призрѣнія" тамъ же, гдѣ содержались по приговору суда, причемъ, въ случаѣ особой болѣзненности арестантки или хроническаго у нея недуга, лишеніе свободы грозило продлиться всю ея жизнь. Такъ, изъ донесеній Гааза комитету видно, что въ іюлѣ 1830 г. въ московскомъ тюремномъ замкѣ содержалась крестьянка Дарья Ильина за неплатежъ 30 рублей, издержанныхъ на ея леченіе,—а въ сентябрѣ въ тотъ же замокъ посажена даже и не арестантка, судившаяся и отбывшая нака-

заніе, а бывшая крѣпостная помѣщика Цвѣткова, Матрена Иванова. Она была поднята на улицѣ въ болѣзненномъ состояніи „отъ чрезмѣрнаго кровотеченія“ и отправлена въ Екатерининскую больницу, пробывъ въ которой семь мѣсяцевъ, вернулась къ помѣщику со счетомъ за леченіе. Но онъ предпочелъ дать ей вольную. Съ этого времени она стала должницею приказа общественнаго призрѣнія и безъ дальнихъ околичностей была посажена въ тюрьму „впредь до удовлетворенія претензіи“. „Неизвѣстное благотворительное лицо“ выкупило ее, чрезъ посредство Гааза, который тогда же сталъ собирать капиталъ для „искупленія должниковъ“ и вмѣшиваться, къ негодованію тюремнаго начальства, въ провѣрку исчисленія размѣровъ недоимки, за излеченіе отъ приводившей къ тюремному заключенію болѣзни.

IX.

Въ послѣдней главѣ первой работы нашей, посвященной Гаазу, сдѣланъ, по имѣвшимся въ то время матеріаламъ, очеркъ личной жизни этого замѣчательнаго человѣка. Въ этомъ очеркѣ не приходится ничего измѣнить и въ виду постепенно накопившихся новыхъ данныхъ, лишь подтверждающихъ свѣтлое представленіе о Ѳедорѣ Петровичѣ. Но нѣкоторые изъ этихъ данныхъ довольно характерны сами по себѣ, рисуя какъ самого „утрированнаго филантропа“, такъ и ту среду, въ которой ему приходилось дѣйствовать. Они могутъ быть изложены въ видѣ слѣдующихъ отдѣльныхъ эпизодовъ.

Гаазъ отличался не только пониманіемъ душевныхъ нуждъ несчастнаго, но и снисхожденіемъ къ житейскимъ потребностямъ и привычкамъ человѣка, внезапно исторгнутаго изъ обычной обстановки преступленіемъ, иногда неожиданнымъ для самого виновнаго. Одинъ изъ старыхъ судебныхъ дѣятелей, вспоминая разсказы своихъ родныхъ—коренныхъ москвичей—о Ѳедорѣ Петровичѣ, передаетъ, что въ концѣ сороковыхъ годовъ въ московскій тюремный замокъ поступилъ нѣкто Л., арестованный за покушеніе на убійство человѣка, соблазнившаго его жену и побудившаго ее бросить маленькихъ дѣтей. Къ тоскѣ и отчаянію, овладѣвшимъ имъ въ тюрьмѣ, присоединилась болѣзненная потребность курить. Отсутствіе табаку и крайняя затруднительность его незаконнаго полученія дѣйствовали самымъ угнетающимъ образомъ на этого страстнаго курильщика. Посѣтившій

его Ѳедоръ Петровичъ нашелъ необходимымъ прописать ему, для укрѣпленія здоровья, *декохтъ* изъ какихъ-то травъ и снадобій. Послѣднія приносились по его порученію и личному распоряженію арестанту большими пакетами „изъ аптеки"... и удовлетворенный курильщикъ пересталъ испытывать страданія физическихъ лишеній...

Въ половинѣ тридцатыхъ годовъ какіе-то путешественники привезли въ Москву безпріютнаго двѣнадцати-лѣтняго мальчика, круглаго сироту, встрѣченнаго ими въ ковенской губерніи—и не знали, что съ нимъ дальше дѣлать. Узнавъ объ этомъ, Гаазъ взялъ мальчика къ себѣ, занялся съ любовью его воспитаніемъ, самъ преподавалъ ему математику и естественныя науки и довелъ его до университета, въ которомъ помогъ ему, своею заботою и наблюденіемъ, окончить въ 1846 году курсъ лекаремъ.

Этотъ мальчикъ былъ Николай Агапитовичъ Норшинъ, скончавшійся 78-ми лѣтъ, два года назадъ, въ Рязани, отставнымъ губернскимъ врачебнымъ инспекторомъ. Переписка Гааза съ нимъ, начиная съ осени 1846 года, обнаруживаетъ, съ какимъ сердечнымъ участіемъ и нѣжной заботою слѣдилъ старикъ за жизнью своего питомца, приходя къ нему на помощь и матеріальною поддержкою, и совѣтами, въ которыхъ всегда слышалось „sursum corda!" Норшинъ въ теченіе своей долгой жизни перевелъ много медицинскихъ книгъ, за которыми провелъ и послѣдніе годы своей *домосѣдной* жизни въ самой скромной обстановкѣ. Онъ пользовался, по словамъ „Русскаго Врача", общимъ уваженіемъ, обладалъ всестороннимъ образованіемъ и, „будучи достойнымъ воспитанникомъ доктора Гааза", отличался добротою, прямотою характера и умѣньемъ стоять за гонимыхъ. Поздравляя Норшина съ имянинами и днемъ рожденья и наивно перечисляя при этомъ, подобно людямъ изъ простого народа, всѣхъ вспомнившихъ о немъ и посылающихъ поклоны („nous vous félicitons tous: Осипъ Никифоровичъ, Николай Дмитріевичъ, Надежда Яковлевна, et le petit Алексѣй Дмитріевичъ, et la Пелагея..."), Гаазъ обыкновенно тотчасъ же переходитъ къ идеямъ и вопросамъ высшаго порядка и объясняетъ „имянинику", чего онъ ждетъ отъ него по отношенію къ людямъ. „Вспомните въ этотъ день,—пишетъ онъ въ 1846 году,—что надо стараться идти по путямъ, начертаннымъ Богомъ, которые суть единственно ведущіе къ счастію, состоящему въ спокойствіи совѣсти; на всѣхъ другихъ путяхъ насъ встрѣтятъ лишь

призраки счастія и иллюзіи довольства"... „Вы говорите мнѣ,— пишетъ онъ въ другой разъ,—о тягостныхъ впечатлѣніяхъ, произведенныхъ на васъ первыми служебными встрѣчами (Норшинъ былъ военнымъ врачомъ). Я думаю, что еслибы ваше житейское назначеніе состояло лишь въ томъ, чтобы исправлять или замѣнять добромъ зло, которое приносятъ „эти люди" своими гнѣвными вспышками и безжалостнымъ обращеніемъ, то и тогда мы должны бы радоваться, что Провидѣніе помогло намъ окружить васъ съ молодости нашей дружбою и дать въ васъ выработаться тѣмъ прекраснымъ качествамъ ума и сердца, которыя вы *должны* употреблять на счастье ближнихъ"... „Мнѣ радостно было узнать,—пишетъ Гаазъ 5-го іюля 1847 года,— что вамъ пришлось оказать гостепріимство нѣсколькимъ бѣднякамъ. Конечно, это всего угоднѣе Богу,—но еслибы у васъ не было у самого ни крова, ни пищи, ни денегъ, чтобы раздѣлить съ несчастнымъ, не забывайте, что добрый совѣтъ, сочувствіе и состраданіе—есть тоже помощь и иногда очень дѣйствительная..." Въ одномъ изъ писемъ, на нѣмецкомъ языкѣ, Ѳедоръ Петровичъ, оставшійся на всю жизнь холостякомъ „чистымъ какъ дитя", по выраженію протоіерея Бѣлянинова, высказалъ Норшину, между прочимъ, свой взглядъ на супружескія отношенія. „Вы намѣреваетесь, дорогой другъ, жениться,—пишетъ онъ 18-го іюля 1851 г.,—да благословитъ Богъ ваше намѣреніе и пусть ваше семейное счастье будетъ земною наградою за добро, которое вы старались и стараетесь дѣлать окружающимъ. Вы знаете мой взглядъ на счастіе. Оно состоитъ въ томъ, чтобы дѣлать другихъ счастливыми. Поэтому—избѣгайте, другъ мой, всего, что почему-либо можетъ огорчить вашу жену, вашу подругу—и предусмотрительно обдумайте свой образъ дѣйствій такъ, чтобы дѣлать ей пріятное. Haec fac ut felix vivis! Меня нѣсколько тревожитъ разность вашихъ исповѣданій. Ваша будущая жена протестантка, а еще Шеллингъ сказалъ какъ-то въ Іенѣ, что протестанты перестали бы быть таковыми, еслибы постоянно не протестовали. Между супругами должно существовать полное согласіе и взаимное пониманіе. Но его лучше всего достигнуть не спорами и препирательствами, а помня, что Богъ одинъ для всѣхъ, и относясь къ женѣ такъ, какъ апостолъ Петръ совѣтуетъ ей относиться къ мужу, т.-е. украшая себя нетлѣнною красотою кроткаго и молчаливаго духа..."

Первое впечатлѣніе, вызываемое оригинальнымъ костюмомъ Гааза и его сангвиническимъ, нѣсколько суровымъ лицомъ, ожив-

лявшимся доброю улыбкой лишь когда онъ говорилъ,—не всегда было благопріятнымъ для него. Его громкій голосъ, живыя движенія, нѣкоторая торопливость и вмѣстѣ разсѣянность человѣка, постоянно захваченнаго одною, жизненной для него, заботой—дѣйствовали раздражающимъ образомъ на нервныхъ людей. По словамъ автора „послѣднихъ дней жизни Гоголя“ (С.-Петербургъ, 1857 г.), доктора Тарасенкова, именно такое непріятное впечатлѣніе производилъ онъ обыкновенно на больного и мрачно настроеннаго великаго писателя нашего, который даже избѣгалъ встрѣчи съ нимъ. Какъ нарочно, въ 1852 году, почти за два мѣсяца до смерти Гоголя—они встрѣтились въ ночь подъ новый годъ на лѣстницѣ дома графа Толстого. Гаазъ, думая вѣроятно пожелать Гоголю рядъ счастливыхъ годовъ, не совладалъ съ переводомъ своей мысли на русскій языкъ и сказалъ Гоголю, что хотѣлъ бы ему такого *новаго* года, который даровалъ бы ему *вѣчный* годъ. Слова эти произвели на суевѣрнаго Гоголя очень дурное впечатлѣніе и поселили въ немъ, замѣченное окружающими, уныніе...

Гаазъ умиралъ совершеннымъ бѣднякомъ. Небольшіе остатки движимости, когда-то принадлежавшей модному и богатому московскому врачу, ѣздившему четверкою, были давно проданы съ аукціона и лишь частями, перекупленные изъ третьихъ рукъ, возвращены ему его невѣдомыми почитателями. Но все это скудное имущество давно обветшало и ничего не стоило. Трогательнаго человѣколюбца пришлось хоронить на счетъ казны, мѣрами полиціи. И тѣмъ не менѣе онъ оставилъ обширное *духовное завѣщаніе*! Его непоколебимая вѣра въ людей и въ ихъ лучшія свойства не изсякла въ немъ до конца. Онъ былъ *увѣренъ*, что тѣ, кто изъ уваженія къ нему и изъ неудобства отказывать его скромнымъ, но неотступнымъ просьбамъ, помогали его бѣднымъ—и послѣ его смерти будутъ продолжать „торопиться дѣлать добро“. Совершенно упуская изъ виду значеніе своей личности и ея, подчасъ неотразимаго, вліянія, онъ—въ полномъ непониманіи юридическихъ формъ—наивно и трогательно распоряжался *будущими* благодѣяніями добрыхъ людей, какъ своимъ *настоящимъ* богатствомъ. Назвавъ рядъ своихъ богатыхъ знакомыхъ, отъ которыхъ можно было *несомнѣнно* ожидать пожертвованій, Гаазъ рисовалъ въ завѣщаніи широкіе планы различныхъ благотворительныхъ учрежденій, подлежавшихъ основанію на капиталы „благодѣтельныхъ лицъ“, которыми долженъ былъ распоряжаться, въ качествѣ душеприказчика, докторъ Поль. Но огонь состраданія къ

людскому несчастью, согрѣвавшій этихъ лицъ, горѣлъ, въ сущности, не въ нихъ, а въ безпокойномъ идеалистѣ, успокоившемся на Введенскихъ горахъ. Чувства, которыя умѣлъ зажигать Гаазъ, угасли еще скорѣе, чѣмъ его память—и докторъ Поль долженъ былъ ограничиться лишь изданіемъ, на свой счетъ, брошюры „Appel aux femmes".

Строгій блюститель нравовъ въ себѣ и въ другихъ, Гаазъ не всегда дѣйствовалъ одними совѣтами, назиданіями и убѣжденіями. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ пробовалъ оказывать своеобразное „противленіе злу" активными—и даже *разрушительными* дѣйствіями. Знавшимъ его ближе москвичамъ было извѣстно, что онъ очень любитъ хорошія картины и умѣетъ ихъ цѣнить. Когда, въ домѣ одного богатаго купца, онъ восхитился прекрасной копіей съ мадонны Ванъ-Дейка и выразилъ желаніе, чтобы она была помѣщена въ католической церкви въ Москвѣ, картина была препровождена на другой день къ нему, но съ условіемъ, чтобы до его смерти она у него и оставалась. Единственное украшеніе бѣдной обители Гааза, по его кончинѣ, она была передана въ церковь, какъ того всегда желалъ ея временный обладатель. У него же хранилось, подаренное кѣмъ-то, художественно исполненное изображеніе „снятія со креста", тисненное на кожѣ. Имъ благословилъ онъ, умирая, ординатора „Гаазовской больницы" Собакинскаго, который впослѣдствіи пожертвовалъ этотъ образъ въ церковь подмосковнаго села Куркина, гдѣ онъ находится и до сихъ поръ съ соотвѣтствующею надписью.

По разсказу московскаго старожила, служившаго еще у Ровинскаго, когда тотъ былъ губернскимъ прокуроромъ, г. Н—ва,—въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, у одного изъ московскихъ купцовъ, стараго холостяка, явилось непреоборимое желаніе похвастаться предъ „святымъ докторомъ" висѣвшею въ спальнѣ, задернутою зеленой тафтой картиною, на которой откровенность изображенія доходила до крайнихъ предѣловъ грязной реальности. Послѣ долгихъ колебаній—онъ, наконецъ, рѣшился, заранѣе готовясь услышать негодующіе упреки Гааза. Но тотъ молчалъ, а затѣмъ сталъ просить продать ему картину. Владѣлецъ ни за что не соглашался, указывая на всю трудность полученія такой „рѣдкостной вещи", но, видя, что старикъ, котораго онъ глубоко чтилъ, страстно желаетъ, къ немалому его удивленію, имѣть неприличную картину,—предложилъ ему, скрѣпя сердце, принять ее въ подарокъ. Ѳедоръ Петровичъ наотрѣзъ отказался, продолжая просить *продать* картину. Тогда купецъ заломилъ очень большую цѣну. Гаазъ заду-

мался, потомъ сказалъ: „картина за мной“—и уѣхалъ. Чрезъ два или три мѣсяца онъ привезъ требуемую сумму, доставшуюся ему, конечно, путемъ труда и большихъ лишеній,—и, довольный, увезъ въ своей пролеткѣ тщательно завѣшанную тафтою картину. Этотъ увозъ оставилъ пустое и больное мѣсто въ обыденномъ существованіи нечистоплотнаго холостяка,—онъ затосковалъ—и чрезъ нѣсколько дней рѣшился, подъ какимъ-то предлогомъ, заѣхать къ Гаазу, чтобы хоть взглянуть на *нее*. Старикъ принялъ его привѣтливо и началась бесѣда. Гость пытливо обводилъ глазами стѣны единственной пріемной комнаты (другая, маленькая, была спальнею). Картины не было. Наконецъ онъ рѣшился спросить хозяина о судьбѣ утраченнаго сокровища. „Картина здѣсь, въ этой комнатѣ“, сказалъ хозяинъ. „Да гдѣ же, Ѳедоръ Петровичъ,—не видать что-то?!“—„Въ *печкѣ*...“, спокойно отвѣтилъ Гаазъ.

Не одна икона св. Ѳеодора Тирона, сооруженная въ нерчинскомъ острогѣ каторжниками, когда до нихъ дошла вѣсть о смерти „Ѳедора Петровича“,—свидѣтельствуетъ о его популярности между тѣми, кто испыталъ на себѣ его доброту или слышалъ о ней. Въ его жизни было происшествіе, которое, обратившись потомъ въ легенду, связывалось иногда съ другими именами и, между прочимъ, съ именемъ покойнаго присяжнаго повѣреннаго Доброхотова. Но въ письмѣ, полученномъ пишущимъ эти строки, въ 1897 году, по выходѣ въ свѣтъ очерка жизни Гааза, отъ Д. И. Рихтера, проведшаго дѣтство въ Москвѣ и посѣщавшаго съ отцомъ своимъ могилу Ѳедора Петровича на Введенскихъ горахъ, удостовѣряется, что это произошло именно съ Гаазомъ. Въ морозную зимнюю ночь онъ долженъ былъ отправиться къ бѣдняку-больному. Не имѣвъ терпѣнія дождаться своего стараго и кропотливаго кучера Егора и не встрѣтивъ извозчика, онъ шелъ торопливо, когда былъ остановленъ, въ глухомъ и темномъ переулкѣ, нѣсколькими грабителями, взявшимися за его старую волчью шубу, надѣтую, по его обычаю, „въ накидку“. Ссылаясь на холодъ и старость, Гаазъ просилъ оставить ему шубу, говоря, что онъ можетъ простудиться и умереть, а у него на рукахъ много больныхъ и притомъ бѣдныхъ, которымъ нужна его помощь. Отвѣтъ грабителей и ихъ дальнѣйшія, внушительныя угрозы, понятны. „Если вамъ такъ плохо, что вы пошли на такое дѣло,—сказалъ имъ тогда старикъ,—то придите за шубой ко мнѣ, я велю ее вамъ отдать или прислать, если скажете—куда, —и не бойтесь меня, я васъ не выдамъ;—зовутъ меня докто-

ромъ Гаазомъ и живу я въ больницѣ, въ Маломъ Казенномъ переулкѣ... а теперь пустите меня, мнѣ надо къ больному..." —„Батюшка, Ѳедоръ Петровичъ!—отвѣчали ему неожиданные собесѣдники,—да ты бы такъ и сказалъ, кто ты! да кто-жъ тебя тронетъ,—да иди себѣ съ Богомъ! если позволишь, мы тебя проводимъ..."

Про Гааза можно сказать словами Некрасова, что онъ провелъ свою богатую трудомъ и добровольными лишеніями жизнь „упорствуя, волнуясь и спѣша". И у него была—и осталась такою до конца—„наивная и страстная душа". Немногіе друзья и многочисленные, по необходимости, знакомые часто видѣли его грустнымъ, особенно когда онъ говорилъ о тѣхъ, кому такъ горячо умѣлъ сострадать—или гнѣвнымъ, когда онъ добивался осуществленія своихъ правъ на любовь къ людямъ. Но никто не видѣлъ его скучающимъ или предающимся унынію и тоскѣ. Сознаніе необходимости и нравственной обязанности того, что онъ постоянно дѣлалъ, и непоколебимая вѣра въ духовную сторону человѣческой природы, въ связи съ чистотою собственныхъ помысловъ и побужденій—спасали его отъ отравы унынія и отъ отвращенія къ самому себѣ, столь часто скрытаго на днѣ тоски... Безтрепетно и безоглядно добиваясь всего, что только было возможно при существующихъ условіяхъ и очень часто размѣнивая свои общія усилія на случаи помощи въ отдѣльныхъ, повидимому ничѣмъ между собою не связанныхъ, случаяхъ—онъ, быть можетъ самъ того не сознавая, систематически и упорно, собственнымъ примѣромъ служилъ будущему, въ которомъ задачу тюремнаго дѣла, какъ одного изъ видовъ наказанія, должно будетъ свести къ возможно большей *общественной самозащитѣ* при возможно меньшемъ причиненіи *безплоднаго личнаго страданія*. И въ этомъ его заслуга—и уже въ одномъ этомъ его право на благодарное воспоминаніе потомства...

А. Кони.

СИРОТСКАЯ ЖИЗНЬ

Бытовой разсказъ.

I.

На краю села Высокаго, почти уже за околицей, стоитъ крошечный бѣленькій домикъ. При домикѣ такой же маленькій дворикъ, небольшой садъ и огородъ, да и люди въ домикѣ живутъ незначительные—вдова псаломщика, Марья Михайловна Лебедева, съ восьмилѣтнимъ сыномъ Васей.

Трудно живется бѣдной вдовѣ; всего ей тридцать лѣтъ, а горе да нужда уже сгорбили ее, сморщили и покрыли сѣдиною. Мало свѣтлыхъ дней было въ жизни Марьи Михайловны. На пятнадцатомъ году лишилась она матери и осталась съ горькимъ пьяницей-отцомъ,—псаломщикомъ того же села Высокаго,—да двумя малолѣтними сестрами.

Взялась Маша за хозяйство: шьетъ, моетъ, стряпаетъ, присматриваетъ за сестрёнками, ублажаетъ буйнаго во хмелю отца. Тяжко было сироткѣ, но все бы терпѣливо снесла она, еслибы родитель ея хоть часть своего заработка давалъ ей на домашніе расходы. Но Михайло Алексѣичъ давно уже завелъ обыкновеніе всѣ свои доходы цѣликомъ относить къ высоковскому цѣловальнику Папилѣ Иванову Кособрюхову, а семьѣ своей предоставилъ самой снискивать себѣ пропитаніе.

Стала Маша ходить на поденную работу: гдѣ пожнетъ, гдѣ покоситъ; заработаетъ рубль-другой—тѣмъ и живутъ.

Цѣлыхъ шесть лѣтъ билась такъ мужественная дѣвушка и начала ужъ привыкать къ своей тяжелой долѣ, какъ вдругъ постигъ ее новый ударъ.

Въ самое Рождество отправился Михайло Алексѣевичъ съ другими славить Христа. Обходили они домовъ полтораста—и такъ псаломщикъ „наславился“, что сердобольные мужики положили его въ сани, нахлобучили покрѣпче на голову шапку и, посадивъ на облучокъ мальчишку, велѣли полегоньку везти домой. Пришлось проѣхать верстъ десять по здоровому морозу. На крутомъ спускѣ къ рѣкѣ мальчишка никакъ не могъ сдержать разгорячившагося меринка: сани раскатились, ударились о придорожный столбъ... разъ... другой... третій... кувыркнулись на бокъ, съ быстротою молніи выпрямились и затѣмъ пошли обычнымъ ходомъ.

Часа черезъ полтора санки примчались домой; только тогда кучеренокъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что псаломщика въ санкахъ не было.

— А гдѣ-жъ Михайло Алексѣичъ?—спрашивали его.

А Михайло Алексѣевичъ, у котораго хмель быстро перешелъ въ тяжелый, непреодолимый сонъ, какъ выпалъ сонный изъ саней послѣ перваго же удара о столбъ, такъ и остался спать на дорогѣ.

Поѣхали искать его, подняли и привезли домой. Очнувшись, Михайло Алексѣичъ не могъ встать съ постели; жаловался на слабость, тяжесть въ головѣ, нестерпимую боль въ ногахъ, но никто не обращалъ на это вниманія.

— Просто съ похмелья ломаетъ,—далъ заключеніе опытный въ сихъ дѣлахъ церковный сторожъ Парамонъ.

Но когда и на слѣдующее утро Михайло Алексѣичъ не поднялся съ кровати и отказался даже и отъ осьмушки водки, всѣ рѣшили, что онъ, пожалуй, и вправду нездоровъ.

Къ вечеру у Михайла Алексѣича начался бредъ. Пришелъ самъ о. Досиѳей; посмотрѣлъ на распухшія, какъ бревна, ноги псаломщика, окликнулъ его по имени и, не получивъ отвѣта, покачалъ головою и послалъ нарочнаго за фельдшеромъ Мойшей Рабиновичемъ.

Рабиновичъ пріѣхалъ дня черезъ три; постукалъ больного, послушалъ, пощупалъ животъ, ткнулъ пальцемъ въ распухшую ногу, опредѣлилъ какой-то „тифусъ абдоминалисъ“ и „отмороженіе нижнихъ конечностей“ и велѣлъ везти въ больницу.

Отъ „тифуса“ Михайло Алексѣичъ очень скоро оправился, „конечности“ же пришлось отнять, и, провалявшись мѣсяцевъ пять въ больницѣ, высоковскій псаломщикъ вышелъ оттуда уже ни на что негоднымъ калѣкой.

II.

Еще тяжелѣе стало бѣдной Машѣ. Къ прежнимъ трудамъ и заботамъ прибавилась новая: пришлось няньчиться съ отцомъ.

Полная его безпомощность сильно сократила и безъ того скудные заработки Маши. Иной разъ и зовутъ ее жать иль покосить, да какъ пойдешь? На кого оставить несчастнаго калѣку? Сестры еще малы и слабосильны, чужимъ платить надо. А чѣмъ,— коли сами, пообѣдавъ однимъ хлѣбушкомъ, частенько ложились спать вовсе безъ ужина?

Плохо приходилось Машѣ, да спасибо, выручилъ о. Досиѳей. Онъ подумалъ, подумалъ, да и рѣшился поѣхать къ архіерею.

— Такъ и такъ, — говоритъ, — преосвященнѣйшій владыко, спасите погибающую семью!

Преосвященный выслушалъ о. Досиѳея благодушно и потребовалъ у него „бумагу".

О. Досиѳей, которому всѣ порядки духовные извѣстны были до тонкости, подалъ приготовленное заранѣе прошеніе, и владыка начерталъ на немъ: „Дѣвицѣ Маріи Софійской предоставляется право пріискать себѣ жениха, за коимъ и зачисляется вакансія псаломщика при Высоковской церкви".

Заручившись такой „резолюціей", о. Досиѳей, на обратной дорогѣ домой, завернулъ въ ближайшій мужской монастырекъ, гдѣ спасался отъ холода и голода дальній его родственничекъ, Степанъ Васильичъ Лебедевъ, изъ недоучившихся воспитанниковъ духовнаго училища. Порѣшивъ съ голоднымъ Степой съ двухъ словъ, о. Досиѳей привезъ его къ Машѣ, въ качествѣ жениха.

Не до выборовъ было обездоленной нуждою Машѣ, и она съ радостью согласилась выйти замужъ за рябого и подслѣповатаго Степана.

— Ну, ужъ и женихъ! — возмущался рѣчистый церковный сторожъ Парамонъ: — такъ-себѣ, огарокъ какой-то,—плевкомъ перешибешь.

Но Степанъ Васильичъ хотя и не вышелъ наружностью, но сердце имѣлъ необыкновенно доброе, и для Маши настали счастливые дни. Мужъ любилъ ее, баловалъ, чѣмъ могъ, изо всѣхъ своихъ слабыхъ силёнокъ помогалъ ей въ трудахъ и „винному малодушеству" не предавался.

Обзавелись они кое-какой скотинкой, одеждой, утварью, се-

стеръ отдали въ ученье городской портнихѣ, а тутъ вскорѣ и сына Богъ послалъ.

Маша расцвѣтала.

III.

Не долго длилось, однако, Машино счастье. На третьемъ году супружества, въ праздникъ Крещенья, во время крестнаго хода на воду, Степанъ Васильичъ сильно простудился. Появился рѣзкій, сухой кашель, не очень сильный, но упорный. Ни малина, ни липовый цвѣтъ, ни какіе-то порошки, данные докторомъ, не помогали. Началъ пропадать голосъ, появилось кровохарканіе, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Степанъ Васильичъ Лебедевъ скончался отъ скоротечной горловой чахотки.

Настали для Марьи Михайловны опять самые тяжелые дни. Чѣмъ жить? гдѣ пріютиться?—вотъ насущные вопросы, которые грозно встали передъ ней. Больше всего убивало Машу то, что негдѣ ей приклонить свою голову. Со смертью мужа она лишалась казенной квартиры, нанять свою было не на что. Эхъ, будь она одна, поступила бы хоть въ прислуги, а теперь кто возьметъ ее съ двойною обузой?

Просить еще разъ о закрѣпленіи за нею высоковскаго мѣста нечего было и думать. Кто рѣшится взять ее съ крошкою-сыномъ и капризнымъ калѣкой-отцомъ? Кто согласится быть родителемъ чужому дитяти? Въ комъ, наконецъ, найдется достаточно мужества, чтобы женитьбой на вдовѣ навѣки лишить себя права облекаться при богослуженіяхъ въ живописнѣйшую одежду, именуемую стихаремъ?

Надумала Маша толкнуться въ богадельню для вдовъ и сиротъ духовенства. Оттуда послѣдовалъ скорый и рѣшительный отвѣтъ: „за недостиженіемъ узаконеннаго возраста, принята быть не можетъ, тѣмъ болѣе, что и свободныхъ мѣстъ въ настоящее время не имѣется“. Слыхала Маша стороною, что половина призрѣваемыхъ въ богадельнѣ изъ городского духовенства—люди все зажиточные, которые сами могли бы содержать себя, да что̀ подѣлаешь? Ей ли, малому человѣку, бороться съ сильными міра сего?

Посовѣтовали добрые люди просить пособія на постройку избёнки у епархіальнаго попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія.

Послушалась Марья Михайловна, подала прошеніе. Старшій попечитель, каѳедральный протоіерей, единолично заправлявшій

всѣми дѣлами, сидя въ роскошнѣйшей квартирѣ о двѣнадцати комнатахъ, прочиталъ прошеніе и написалъ такое заключеніе: „по неосновательности просьбы въ пособіи отказать, а на воспитаніе сына выдавать впредь по двадцати рублей въ годъ.

Вздохнула вдова и рѣшилась на послѣднее средство.

„Схожу-ка я завтра сама къ преосвященному,—думала она:—онъ мнѣ поможетъ. Онъ, видать, добрѣйшей души человѣкъ. Какъ живо тогда меня за Степушку устроилъ“.

Пошла Маша въ архіерейскія палаты. Бѣдно одѣтую женщину сначала и пускать-то туда не хотѣли. Вынула Марья Михайловна послѣдній двугривенный и съ поклономъ подала несговорчивому швейцару.

Получивъ мзду, „вратарь“ сталъ милостивѣе.

— Ну, что жъ съ тобой дѣлать? — произнесъ онъ, отодвигаясь съ порога и пропуская Машу:—Иди ужъ, иди! да только съ чернаго хода, смотри! Да ноги-то вытирай хорошенько!

Въ пріемную комнату Машу все-таки не пустили, а остановили у дверей, въ прихожей. Выскочилъ секретарь владыки, вертлявый господинъ, съ сизымъ носомъ и вѣчно подвязанной скулой; кое-какъ разспросилъ ее, ушелъ куда-то и минутъ черезъ пять вынесъ Машѣ два-три рубля.

— Вотъ тебѣ отъ владыки. Молись за его здоровье! И съ Богомъ! Ступай! Принять тебя онъ не можетъ.

Вышла бѣдная вдова, взглянула на церковь, перекрестилась и говоритъ:

— На Тебя одна надежда, Господи, осталась. А имъ не ставь сего во грѣхъ!

И отправилась домой.

Но горе и радость рядомъ живутъ. Пришла Машѣ помощь, да оттуда, откуда и не ждала она.

IV.

Жилъ въ селѣ Высокомъ богатый купецъ, по прозвищу Бажунъ. Обороты у него были громадные; ничѣмъ онъ не брезговалъ: и ленъ скупалъ, и ткацкую фабрику держалъ, и кирпичи выдѣлывалъ, и имѣнья въ залогъ принималъ, и векселя учитывалъ, и лѣсомъ торговалъ. Говорили, что онъ въ большихъ милліонахъ и силу по губерніи имѣетъ страшную,—само начальство, будто бы, въ немъ заискиваетъ.

И дѣйствительно, былъ разъ такой случай: прислали, какъ-

то, новаго губернатора, молоденькаго, горяченькаго, изъ придворныхъ. Ходитъ онъ гоголемъ, ногъ подъ собой не слышитъ, словно и въ самомъ дѣлѣ во всей вселенной первый человѣкъ. И прослышалъ онъ, что, почитай, все дворянство его губерніи у Бажуна въ долгу. Вотъ призываетъ онъ его къ себѣ, руки не подалъ, не посадилъ, и говоритъ ему внушительно:

— Ты у меня, борода, не смѣй господъ дворянъ обирать! Я тебя за это... Я тебя...

И пошелъ, и пошелъ.

Бажунъ выслушалъ все спокойно, бровью не повелъ, да тихонько такъ, въ полголоса, и отвѣчаетъ:

— Хорошо, ваше сіятельство! Отсель никому, то-ись, ни копѣйки не дамъ, пока ты самъ меня не попросишь.

Поклонился—и за дверь, а начальникъ только улыбнулся ему вслѣдъ.

Вотъ пришла осень; надо мужикамъ подати платить. Нагрузили они льну—и къ Бажуну. А тотъ и говоритъ имъ:

— Не надо, голубчики! Не беру нонче!

Мужики и рты поразѣвали.

— Какъ такъ? Батюшка! Петръ Иванычъ! Завсегды бралъ, и вдругъ!.. Да какъ же мы-то будемъ? А? Пожалѣй, кормилецъ! Вѣдь подати платить надоть. Вздерутъ насъ, коли не предоставимъ.

— А эфто,—говоритъ,—ужъ дѣло не мое: какъ хотите. А я никому ни копѣйки не дамъ. Такъ и прочимъ скажите.

И не далъ. Мужики туда, сюда, никто льна не покупаетъ.

Вотъ и стоятъ у мужиковъ полнёхоньки сараи льну, а податей платить нечѣмъ. Дивятся исправники: всегда у нихъ всѣ сборы до срока получались, а тутъ—на! ни откуда ни гроша. Пронюхалъ, наконецъ, одинъ, что всему виною Бажунъ. Онъ—въ коляску да къ нему.

— Петръ Иванычъ! Благодѣтель! Да за что же ты меня-то подводишь? Али я тебѣ не вѣрный слуга былъ? Али я прогнѣвилъ тебя чѣмъ?

А тотъ ему въ отвѣтъ:

— Не сердись, ваше высокородіе,—ей-ей, не могу. Господину губернатору слово такое далъ, чтобы, значитъ, никому ни копѣйки, пока онъ самъ не попроситъ.

Исправникъ его и такъ и сякъ; нѣтъ,—стоитъ на своемъ и баста! Дѣлать нечего,—поѣхалъ къ губернатору съ докладомъ.

Сколько лѣтъ губернія всегда исправна была; пріѣхалъ новый губернаторъ,—и вдругъ сразу же недоимка! Не ладно. Посы-

лаетъ онъ нарочнаго за Бажуномъ, а тотъ (хитрый старикъ!) въ постели лежитъ.

— Простудился, — говоритъ: — подняться не могу. Видно, смертушка моя приходитъ. Скажите его сіятельству: буде спѣшное што до меня имѣетъ, али тайное, пусть ужъ самъ не погнушается пожаловать.

И пожаловалъ. И чай кушалъ, и руку пожималъ, и другомъ называлъ, а о дворянахъ ужъ и не заикнулся.

Бажунъ одѣвался просто, по-крестьянски. Носилъ сѣрый, домашняго сукна кафтанъ съ краснымъ шерстянымъ кушакомъ, грубые сапоги-осташи, жирно смазанные дегтемъ, шею повязывалъ дешевымъ ситцевымъ платочкомъ. Длинную бороду пряталъ за пазуху, а сѣдые волосы напускалъ на лобъ, подстригая надъ самыми бровями; на маковкѣ же—какъ былъ раскольникъ—пробривалъ гуменцо.

Бажунъ зналъ въ округѣ всѣхъ, до грудныхъ младенцевъ. Зналъ онъ и бѣднаго Михайла Алексѣича, и дочь его Машу, съ первыхъ же дней ея рожденія. Вся горькая жизнь ея прошла предъ его глазами, но никто не могъ сказать: жалѣетъ ли онъ ее, или совершенно равнодушенъ къ ея судьбѣ.

Вскорѣ послѣ того, какъ вернулась Маша изъ города, Бажунъ прислалъ за нею.

— Ну, миляга,—привѣтливо встрѣтилъ онъ ее,—садись-ка да разсказывай по правдѣ, по совѣсти! Правду-ль баютъ: бросили тебя ваши-то?

Тронуло бѣдняжку давно не слыханное ласковое слово,—хочетъ говорить, а что-то къ горлу подступаетъ; крѣпилась, крѣпилась, да какъ вскрикнетъ источнымъ голосомъ и залилась горючими слезами.

Сталъ ее Бажунъ успокоивать: водицей поитъ, по головкѣ гладитъ, всякими именами ласковыми называетъ...

Мало-по-малу успокоилась Маша и все по порядку ему разсказала. Слушалъ, слушалъ ее старикъ, головою покачивалъ, то вздохнетъ, то плечами пожметъ, то на икону взглянетъ, а подъ конецъ осердился и плюнулъ.

Замолкла, наконецъ, вдова. Молчитъ и Бажунъ; сидитъ и думу какую-то думаетъ. Подумалъ, подумалъ такъ, да и говоритъ:

— Ну, агница Божья! растопила ты мое сердце. Хоть и никоніанка ты, а помогу я тебѣ, сиротѣ горемычной. Стоитъ у меня при околицѣ домишко; ладилъ я тамъ лѣсника поселить, ну, да ему и здѣсь мѣсто найдется. Бери же ты своего отца съ парнишкой, да и живите тамъ, доколь Богъ грѣхамъ потер-

питъ. А штобъ было вамъ не стѣны глодать, приходи-ка ты завтра, утречкомъ, въ контору. Отпущу я тебѣ машину швейную да всякаго холста да ситцу; шей моимъ рабочимъ на фабрику порты да рубахи, а я тебѣ за эфто самое буду деньги платить.

Слушаетъ Маша и ушамъ не вѣритъ. Какъ? Сразу и кровъ, и постоянный кусокъ хлѣба? И отъ кого? Отъ раскольника,— прости Господи!

Хотѣла она благодарить старика; а онъ только съ досадой рукой махнулъ.

— Иди, иди,—говоритъ,—со Христомъ! Недосугъ мнѣ съ тобою о пустякахъ растобарывать.

V.

Поселилась Марья Михайловна въ Бажуновой избушкѣ. Шьетъ съ утра до поздней ночи, спины не разгибаетъ, а все лишняго ничего нѣтъ. Много у нея работы, и порядочно получаетъ она отъ конторы Бажуна, да Михайло Алексѣевичъ прихварывать сталъ. То лекарства ему купи, то кушанье получше состряпай,— текутъ деньги, какъ вода. Не унываетъ, однако, закаленная бѣдами Маша; не боится она трудовъ и къ нуждѣ попривыкла, да лично ей не много и надо.

„Васеньку бы мнѣ, Васеньку только поставить на ножки",— думаетъ она и еще дольше сидитъ по ночамъ, еще усерднѣе стучитъ тяжелой машинкой.

Не годъ и не два, а цѣлыхъ семь лѣтъ трудилась такъ Маша, выбиваясь изъ силъ. Наконецъ, судьба сжалилась надъ нею и послала ей небольшое облегченіе.

Въ одно зимнее утро Марья Михайловна проснулась позднѣе обыкновеннаго. Было ужъ совсѣмъ свѣтло.

— Ахъ, ты, Господи, какъ я заспалась!—воскликнула она, соскакивая съ постели и торопливо одѣваясь:—а работы-то сегодня,—какъ на грѣхъ,—страсти сколько! И что это папенька-то меня не разбудилъ? А какъ еще вчера увѣрялъ: „будь покойна, ужъ я-то не просплю, съ пѣтухами тебя подниму". Анъ, вотъ и проспалъ! Э-эхъ! Ну, да Господь съ нимъ! Пущай поспитъ старикъ: лишній часъ проспитъ—меньше горя видитъ.

И она съ любовью взглянула на лежанку, гдѣ, укрывшись старенькою куцавейкою, почивалъ Михайло Алексѣичъ.

Вдругъ глаза ея расширились, и на лицѣ изобразился ужасъ.

Старикъ лежалъ на спинѣ, какъ-то странно запрокинувъ

голову. Лицо его было изсиня-темное, почти черное. Одинъ глазъ былъ крѣпко зажмуренъ, другой такъ неестественно широко открытъ, что почти совсѣмъ вылѣзъ изъ орбиты. Ротъ перекосился на сторону, и въ одномъ углу его виднѣлась кровавая пѣна. Правая рука, тоже вся потемнѣвшая, соскользнула съ лежанки и висѣла, какъ плеть.

— Батюшка! Голубчикъ! что̀ съ тобой?—кинулась къ нему Маша.

Она хотѣла-было приподнять ему голову, но тотчасъ же отняла руки и трижды истово перекрестилась. Михайло Алексѣичъ былъ мертвъ.

Опять пріѣхалъ фельдшеръ, оплѣшивѣвшій и сильно обрюзгшій, потыкалъ по прежнему пальцемъ уже окоченѣвшій трупъ Лебедева, и, процѣдивъ сквозь зубы: „параличъ", разрѣшилъ предать усопшаго землѣ.

Съ помощью того же Бажуна похоронила Маша отца, всплакнула немножко надъ свѣжей могилкой и снова принялась за обычную работу.

— Ну, Васенька!—сказала она сыну вечеромъ, въ день похоронъ:—круглая я теперь сирота. Одинъ ты у меня остался. Люби же, люби свою маму!

Но напрасно говорила это Марья Михайловна: Вася и такъ любилъ ее, любилъ страстно, до самозабвенія. Въ этомъ маленькомъ, хрупкомъ тѣльцѣ было столько нѣжности, ласки, любви, что, казалось, хватило бы на весь окружающій міръ.

И дѣйствительно, Вася любилъ все, съ чѣмъ ни приходилось ему сталкиваться въ своей немудреной жизни. Любилъ онъ и коровку-буренушку, свою главную кормилицу, носилъ ей корочки хлѣбца, гладилъ, цѣловалъ въ мокрую морду и очень бывалъ доволенъ, когда та, въ отвѣтъ на ласки, лизнетъ его въ лицо шероховатымъ, жесткимъ языкомъ. Любилъ и стараго кота Мальчика, проводившаго бо̀льшую часть своихъ досуговъ на широкой русской печкѣ, и всегда подсаживалъ его туда, не позволяя вспрыгивать самому. А когда наступало время кормить Мальчика, онъ спѣшилъ подать ему на печку блюдечко молока или кусочекъ творогу, чѣмъ вызывалъ иногда воркотню покойнаго дѣда.

— Э, не дѣло ты дѣлаешь, Васютка,—брюзжалъ старикъ, въ сущности души не чаявшій во внукѣ:—вишь какъ избаловалъ кота; даже поѣсть-то ему лѣнь съ печи слѣзть.

— Ахъ, дѣдушка, дѣдушка!—оправдывался Вася:—онъ вѣдь тоже старенькій: легко ли ему слѣзать да подниматься? Лучше ужъ я ему подамъ.

А въ сильные морозы, желая защитить любимца отъ стужи, Вася повязывалъ его своимъ шейнымъ шерстянымъ платочкомъ, за что неблагодарный другъ награждалъ его здоровыми царапинами и укусами.

Даже къ предметамъ неодушевленнымъ Вася относился такъ же нѣжно и любовно. Разъ мать замѣтила, что, ложась спать, онъ не ставитъ, а кладетъ сапоги свои на-бокъ.

— Зачѣмъ ты это дѣлаешь?—спросила она сына.

— А какъ же, мамочка?—словно удивился ея непонятливости мальчикъ:—вѣдь сапожки-то тоже устали. Цѣлый-то день они со мной бѣгали, бѣгали,—пускай хоть ночью отдохнутъ.

Больше всего, однако, любилъ Вася мать. Трудно, даже прямо невозможно передать, какъ былъ онъ къ ней привязанъ. День-деньской, какъ тѣнь, ходилъ онъ за нею всюду. Пойдетъ ли Маша на рѣчку за водой, и Вася степенно выступаетъ слѣдомъ съ крошечными жестяными ведерочками, подаркомъ полюбившаго малютку дѣдушки Бажуна. Примется мать корову доить, и Вася тутъ же: помахиваетъ вѣточкой, сгоняетъ съ буренки надоѣдливыхъ мухъ, или такъ просто стоитъ и смотритъ, какъ тонкими струйками бѣжитъ въ подойникъ теплое молочко. Повезетъ Маша сдавать работу Бажуну, и Вася ухватится ручонкой за веревку и помогаетъ ей тащить тяжелыя салазки. А какъ сядетъ мать за шитье, Вася возьметъ маленькую скамеечку, примостится у ея ногъ да такъ иногда и заснетъ.

Посмотритъ на него въ такія минуты мать и грустно-грустно вздохнетъ.

„Милый, милый ты мой, ненаглядный сыночекъ! —проносится у нея въ головѣ:—какъ-то проживешь ты на свѣтѣ съ такимъ сердечкомъ нѣжнымъ да ласковымъ? Охъ,—чую я, не бывать добру: разобьютъ злые люди твое сердце хрустальное“!

По смерти дѣда, развлекавшаго его кое-когда шутками да прибаутками, Вася еще крѣпче прильнулъ къ милой мамочкѣ. Онъ словно слился съ нею въ одно существо. Онъ не только отгадывалъ ея малѣйшее желаніе, но научился какъ-то узнавать даже ея мысли.

— Ну, что ты все печалишься,—сказалъ онъ ей однажды:—что скоро мнѣ надо ѣхать учиться? Ну, уѣду я, а на Рождество-то, на Пасху, на лѣто опять вѣдь къ тебѣ пріѣду. А тамъ, Богъ дастъ, окончу ученье, и во-вѣки съ тобой не разстанемся.

А Маша, дѣйствительно, все чаще и чаще стала подумывать, что пора приходитъ отдавать милаго сынка въ духовное училище.

„Охъ, жалко отпускать, думала она:—такой-то онъ худень-

кій, такой-то слабенькій,—заклюютъ его сорванцы, мальчишки. А и неучемъ оставить—куда онъ будетъ гожъ?"

Отгадывая чуткимъ сердечкомъ, какъ трудно матери рѣшиться на неизбѣжную разлуку, Вася самъ сталъ настойчиво просить, чтобы его скорѣе отвезли въ ученье.

— Ахъ, Васенька, Васенька!—отвѣчала на просьбу его мать:—не рвись изъ родного гнѣзда, мое солнышко! Ой, не сладко въ чужихъ людяхъ жить! Успѣешь нагореваться, наплакаться.

— А что медлить-то?—убѣждалъ ее Вася, крѣпко цѣлуя въ исхудалыя щеки:—видно, ты не хочешь, чтобы я поскорѣе выучился, да тебѣ же помогать бы сталъ.

Услышалъ это разъ дѣдушка Бажунъ и говоритъ Машѣ:

— А вѣдь парень-то не глупо разсудилъ. Не пора ли тебѣ, мать, и взаправду его въ науку везти?

Видитъ Маша: какъ ни какъ—разставаться надо. Всю ноченьку не спала, горькими слезами обливалась; а на утро помолилась на могилкахъ отца и мужа и поѣхала съ Васей въ городъ, къ смотрителю духовнаго училища.

VI.

Смотритель,—съ лысиной во всю голову и раскосыми глазами,—встрѣтилъ гостей не очень ласково. Благословилъ короткимъ, небрежнымъ крестомъ, сунулъ для поцѣлуя прямо въ губы руку и, спросивъ, зачѣмъ пожаловали, заговорилъ довольно нелюбезно:

— И куда это ты привезла такую мелюзгу? Годъ, другой еще подержала бы дома, подкормила, подучила бы хорошенько. А у насъ, глядишь, тѣмъ временемъ и мѣстъ свободныхъ накопилось бы побольше. А то ныньче хоть разорвись: вакансій тридцать, а прошеній полтораста. И всѣхъ устрой, всѣхъ ублаготвори. Нѣтъ, не могу принять, и не проси!

Заплакала Маша, въ ноги поклонилась и стала увѣрять, что не подъ силу ей учить сына дома, что и лѣтъ ему достаточно, да и самъ-то онъ ужъ очень учиться желаетъ.

Земной поклонъ пришелся по сердцу самолюбивому смотрителю.

„Ишь ты, хлопнула какъ, словно преосвященному!"—самодовольно подумалъ онъ:—ну ее! допущу мальчишку къ экзамену: все равно провалится. Гдѣ ей тамъ было въ деревнѣ учить! Поди, и читаетъ-то плохо".

И поломавшись „для видимости“ еще немного, онъ махнулъ наконецъ рукой и сказалъ:

— Ну, Богъ съ тобой! Приводи его завтра на экзаменъ! Коли выдержитъ, примемъ.

Поклонилась Маша еще разъ до земли и успокоенная пошла домой. Она была увѣрена, что ненаглядный ея сыночекъ выдержитъ самый строгій экзаменъ. Недаромъ же высоковскій учитель, подготовлявшій его уже два года, такъ превозносилъ ей его способности и прилежаніе.

И дѣйствительно, Вася выдержалъ экзаменъ на славу! Отвѣчалъ толково и ясно, писалъ четко, считалъ бойко; экзаменаторы просто нахвалиться не могли.

Одинъ только смотритель, слушая его отвѣты, недовѣрчиво покачивалъ головою и какъ бы про себя говорилъ:

— Такъ, такъ, хорошо! Никто не споритъ. А хвалить все-же надо погодить: каково-то еще у насъ учиться будетъ.

Въ сущности и смотритель понималъ, что Вася—мальчикъ развитой и способный, но ему крайне было досадно, что этотъ ничтожный, дьячковскій сынишка перебиваетъ вакансію у сына городского протоіерея, большого пріятеля его и кума.

„Забьетъ дрянной мальчишка,—думалъ онъ съ неудовольствіемъ, прислушиваясь къ смѣлымъ, увѣреннымъ отвѣтамъ Васи: —ишь, какъ чешетъ! Какъ пить дастъ, забьетъ“.

Приняли Васю въ училище однимъ изъ первыхъ и велѣли на утро приходить въ общежитіе.

Наступала послѣдняя ночь совмѣстной жизни Маши съ сыномъ. Эту ночь провели они вовсе безъ сна. Въ темномъ чуланчикѣ знакомой соборной просвирни, гдѣ остановилась Маша, до утра слышался тихій, сдержанный шопотъ.

Говорила больше Маша. Она наставляла сына, какъ жить среди незнакомыхъ людей, какъ относиться къ начальству, учителямъ, товарищамъ. Не учившись сама въ учебныхъ заведеніяхъ, многихъ порядковъ не знала она, но чуткое материнское сердце подсказывало ей истину.

— Охъ, Васенька, Васенька!—говорила она, прижимая къ себѣ сына:—остаешься ты теперь одинъ-одинёшенекъ, некому будетъ на умъ-разумъ тебя наставить. Смотри же: къ начальникамъ будь послушенъ, но не забѣгай передъ ними. Что прикажутъ—сдѣлай; не велятъ—не навязывайся. Учителей слушайся, и уроки учи постоянно,—не лѣнись. Помни, что чрезъ науки только можешь ты отъ горя да отъ бѣдности избавиться. Съ товарищами живи дружно: послабѣе себя не обижай; тебя оби-

дятъ—стерпи, не жалуйся; нашалятъ ли они что̀—молчи; накажутъ ли за кого изъ нихъ по ошибкѣ—и то снеси, а виноватаго не выдавай. Станутъ тебя учителя или начальники про товарищей выспрашивать—смотри, ничего не говори! Этимъ, голубчикъ мой, не выслужишься, а наушниковъ не любятъ,—ой,—нигдѣ не любятъ.

А Вася, слушая мать, одной рукой обнималъ ее, другой же крѣпко зажималъ себѣ ротъ, чтобы заглушить рыданія, ежеминутно готовыя вырваться изъ тщедушной груди его. Жгучія слезы перваго горя неудержимо текли по его щекамъ, скоплялись на подбородкѣ и крупными каплями падали внизъ, на новую красную рубашку, только-что сшитую руками матери.

Настало утро. Исполняя приказаніе, Марья Михайловна привела сына въ училище къ восьми часамъ и сдала съ рукъ на руки дежурному надзирателю.

Три раза подъ-рядъ перекрестила она Васю,—поцѣловала его, опять перекрестила и, готовая уже совсѣмъ разстаться съ нимъ, вынула изъ кармана и подала ему новенькій черный гребешокъ, въ простомъ бумажномъ футлярѣ.

— Вотъ, Васенька, возьми!—сказала она:—чуть не забыла тебѣ отдать. Отъ тоски да отъ скуки всякая нечисть можетъ въ головѣ завестись. Такъ ты головку-то каждый день гребешкомъ и расчесывай! Помни, что мамочка твоя грязи не любитъ. Ну, Господь съ тобой! прощай! не горюй! Пиши мнѣ почаще!

И крѣпко обнявъ его еще разъ, она твердыми шагами пошла къ дверямъ и, не оглянувшись, вышла на улицу.

Грустными, полными слезъ глазами провожалъ ее Вася.

„Одинъ! Одинъ! Совсѣмъ одинъ!—пронеслось въ его дѣтской головкѣ:—никто ужъ не придетъ сегодня къ твоей постелькѣ, не поцѣлуетъ, не спроситъ: хорошо ли тебѣ“.

— Ну, Лебедевъ! Скорѣй въ классъ!—крикнулъ надзиратель.

И Вася сразу же почувствовалъ, что онъ дѣйствительно одинокъ; что ни съ этимъ человѣкомъ, ни съ этимъ огромнымъ зданіемъ, ни со всѣмъ окружающимъ его новымъ міромъ нѣтъ у него никакой связи; что все близкое, родное, дорогое осталось тамъ, назади, за толстыми стѣнами училища; что здѣсь нѣтъ даже самого милаго, славнаго мальчика Васи, котораго всѣ такъ любили и ласкали, а есть просто ученикъ Лебедевъ, какихъ тутъ цѣлыя сотни.

VII.

Прошло два мѣсяца.

Въ остриженномъ подъ гребенку и еще болѣе похудѣвшемъ мальчикѣ, одѣтомъ въ форменную сѣрую блузу и черные штаны, трудно было и узнать прежняго Васю. Самое выраженіе лица его рѣзко измѣнилось. Довѣрчивое, веселое личико стало строгимъ и серьезнымъ; въ большихъ, выразительныхъ глазахъ засвѣтилась скрытая, гнетущая тоска; простодушно полуоткрытыя губки подобрались и сжались

Слѣдуя совѣтамъ матери, Вася скоро сошелся и подружился съ товарищами. Учителя и классные надзиратели тоже были довольны его скромностью и прилежаніемъ. Одинъ только смотритель видимо не взлюбилъ его.

Человѣкъ весьма недалекій, пролѣзшій въ начальники заведенія единственно заискиваньемъ и низкопоклонствомъ, почтенный смотритель почему-то составилъ себѣ убѣжденіе, что именно Вася, а не кто другой, отбилъ вакансію у сына его друга—протопопа.

„У, мальчишка!—частенько думалъ смотритель, чуть не съ ненавистью глядя на смирно сидѣвшаго мальчика:—сколько изъ-за него непріятностей вышло съ отцомъ Петромъ“!

Вскорѣ произошелъ одинъ случай, еще болѣе усилившій нерасположеніе къ Васѣ смотрителя.

Много уже лѣтъ смотритель страдалъ хроническимъ насморкомъ. Съ наступленіемъ сырой погоды, болѣзнь его обыкновенно обострялась, и онъ чихалъ тогда разъ по тридцати подъ-рядъ.

Подобное ухудшеніе приключилось и недѣли черезъ двѣ послѣ того, какъ Вася поступилъ въ училище.

Пришелъ смотритель въ классъ давать урокъ закона Божія и вдругъ принялся чихать.

Сидѣвшій рядомъ съ Васей проказникъ-мальчишка, сильно скучавшій на всѣхъ вообще урокахъ, пришелъ въ неописанный восторгъ отъ неожиданнаго развлеченія и вздумалъ послѣ каждаго чиханья приговаривать довольно громко:

— Будь здоровъ! будь здоровъ!

Пока чиханье шло безъ перерыва, словъ этихъ было не слышно. Но когда, чихнувъ наконецъ въ послѣдній разъ, смотритель внезапно остановился, по классу явственно пронеслось:

— Будь здоровъ!

Кое-гдѣ не выдержали и засмѣялись.

Глазами, полными невольныхъ слезъ, онъ не могъ разгля-

дѣть шалуна, но привычное ухо сразу же опредѣлило, что баловникъ сидитъ на одной скамейкѣ съ Васей. Подойдя къ послѣднему въ упоръ, смотритель спросилъ упавшимъ отъ сдерживаемаго гнѣва голосомъ:

— Лебедевъ! Это ты сказалъ?

— Нѣтъ, о. смотритель, — отвѣчалъ Вася, по принятому обыкновенію проворно вскакивая передъ начальникомъ.

— Кто же?

Вася замялся.

— Кто же?—настойчиво повторилъ смотритель.

Вспомнилъ Вася совѣты матери и чуть слышно прошепталъ:

— Я не знаю.

— Какъ не знаешь? Ты вѣдь слышалъ?

— Слышалъ, о. смотритель.

— Ну, такъ кто же это сказалъ?

Вася потупилъ глаза и еще тише пролепеталъ:

— Я не знаю.

— А, такъ ты еще запираться вздумалъ!—повидимому совсѣмъ уже спокойнымъ голосомъ произнесъ смотритель:—ну, останься же въ такомъ случаѣ сегодня безъ обѣда и безъ чаю!

Крупныя слезы закапали изъ глазъ Васи. Первый разъ въ жизни наказывали его и къ тому же безъ всякой вины.

Сосѣду стало жаль ни въ чемъ неповиннаго товарища.

— Это я сказалъ, о. смотритель,—признался онъ, вставая со скамейки.

Смотритель холодно взглянулъ на него.

— Для меня теперь безразлично,—сухо произнесъ онъ:—если Лебедевъ этого и не говорилъ, то онъ все-таки виноватъ, зачѣмъ не сказалъ правды. Вотъ за это и будетъ наказанъ.

А самъ про себя въ это время думалъ:

„Такъ вотъ ты какой корешокъ! Товарищей не хочешь выдавать! Ну, да погоди, голубчикъ, я тебя скоро согну; я изъ тебя дурь-то повыгоню“!

Преслѣдуя эту тайную мысль свою, смотритель сталъ придираться къ Васѣ на каждомъ шагу: то пуговица у него плохо держится, то книжка растрепана больше другихъ, то тетрадка скверно сшита. И ни одна бездѣлица не проходила Васѣ даромъ,—за все несъ онъ наказаніе: на колѣняхъ стоялъ, чаю не получалъ, безъ обѣда оставался, разъ даже въ карцеръ былъ посаженъ.

Помня наставленія матери, мальчикъ все переносилъ терпѣливо, молча, безъ жалобъ. Не желая тревожить мать, онъ даже

и въ задушевныхъ письмахъ къ ней не обмолвился ни словомъ о томъ, что̀ приходится ему испытывать.

А смотритель, видя безмолвную покорность Васи, просто выходилъ изъ себя.

„Погоди, погоди, любезный мой!—думалъ онъ:—дай срокъ! Я у тебя язычекъ-то добуду. Запросишь ты у меня пардону".

И онъ набрасывался на Васю все съ бо̀льшимъ и бо̀льшимъ ожесточеніемъ.

Богъ знаетъ, какъ долго продолжались бы такія печальныя отношенія пѣстуна къ питомцу, еслибы одно прискорбное приключеніе не положило имъ неожиданный конецъ.

VIII.

Былъ опять урокъ закона Божія.

Смотритель, какъ самъ признавался, не любилъ много мудрить, и требовалъ, чтобы задаваемые имъ уроки попросту выучивались по книжкѣ наизусть. На объясненіе вновь онъ тратилъ поэтому очень мало времени, бо̀льшую же часть урока посвящалъ спрашиванію пройденнаго.

Такъ и на этотъ разъ, придя въ классную комнату, онъ поудобнѣе усѣлся, осѣдлалъ носъ огромными серебряными очками и, заглянувъ въ толстый журналъ съ фамиліями учениковъ, лѣниво произнесъ:

— Крестовоздвиженскій! Разсказывай!

Вызванный всталъ, откашлялся и частою скороговоркою, стараясь кричать какъ можно громче, началъ:

— Дабы сохранить истинную вѣру въ Бога, Господь избралъ одного человѣка изъ племени Симова, по имени Авраама, и сказалъ ему...

Зажмуривъ глаза, смотритель слушалъ и съ видимымъ удовольствіемъ покачивалъ въ тактъ головою.

Крестовоздвиженскій кончилъ. Смотритель вновь заглянулъ въ журналъ.

— Ивановъ! Сначала!

И опять раздалась крикливая скороговорка:

— Дабы сохранить истинную вѣру въ Бога, Господь избралъ одного человѣка изъ племени Симова, по имени Авраама, и сказалъ ему...

За Ивановымъ послѣдовалъ Сацердотовъ, за Сацердотовымъ—Вознесенскій, за Вознесенскимъ—Соколовъ, и въ воздухѣ все время гудѣло:

— Дабы сохранить истинную вѣру въ Бога, Господь избралъ одного человѣка изъ племени Симова, по имени Авраама, и сказалъ ему...

Всѣ ученики, безъ исключенія, изнывали отъ скуки. Наиболѣе смѣлые, преимущественно изъ сидящихъ на заднихъ скамейкахъ, вынули аспидныя доски и втихомолку забавлялись игрою въ крестики и нулики; помѣщавшіеся ближе развлекали себя счетомъ цвѣтовъ на обояхъ, пятенъ на потолкѣ и многочисленныхъ красныхъ прыщей на толстомъ носу смотрителя.

Вася сидѣлъ на второй скамейкѣ. Скука снѣдала его нестерпимая. Цвѣты, пятна и прыщи давно уже и весьма точно сосчитаны; другое подходящее занятіе придумать мудрено. Хотѣлъ было онъ послѣдовать примѣру сосѣда съ правой стороны и, помакнувъ въ чернила палецъ, нарисовать на ладони человѣка, т.-е. вывести брови, глаза, носъ и губы, да удержала врожденная чистоплотность.

Мало-по-малу праздная мысль Васи перенесла его въ родное Высокое. Вотъ гдѣ онъ никогда не сталъ бы скучать и всегда нашелъ бы себѣ дѣло. Теперь вотъ мамочка, вѣроятно, подметаетъ свою горенку. Онъ подобралъ бы ситцевые обрѣзочки, въ изобиліи валяющіеся по полу; лучшіе изъ нихъ связалъ бы въ пучечки, негодные кинулъ бы въ печь. Потомъ наносили бы дровъ, сходили за водой, Бурёнку обрядили. А тамъ мамочка сядетъ шить, а онъ сталъ бы лучину щепать. А тамъ и обѣдъ.

И ему страстно захотѣлось хоть на минуту, на мгновеніе перенестись изъ этихъ холодныхъ, неуютныхъ комнатъ въ свой крохотный бѣленькій домикъ, повидать милую, славную, дорогую мамочку. Пожалуй, даже не мамочку, а хоть бы только какую-либо вещичку ея; ну, хоть тотъ старенькій платочекъ, которымъ прикрываетъ она по вечерамъ свои изможденныя, зябкія плечи.

И вдругъ его осѣнила блестящая мысль. Да вѣдь у него имѣется мамочкина вещица; онъ хоть сейчасъ можетъ вынуть ее, посмотрѣть, поцѣловать. И потихоньку, стараясь не обратить на себя вниманія смотрителя, онъ вынулъ изъ кармана новенькій гребешокъ,—подарокъ матери,—освободилъ отъ футляра и, скрывъ въ согнутой ладони, поднесъ къ губамъ.

Какъ ни осторожно продѣлалъ все это Вася, глазъ смотрителя укараулилъ его. Неслышными шагами подкрался грозный начальникъ къ увлеченному сладкими мечтами мальчику и рѣзко спросилъ:

— Чѣмъ ты тутъ занимаешься? Дай-ка сюда!

Этотъ голосъ мигомъ возвратилъ Васю отъ золотыхъ грёзъ къ суровой дѣйствительности. Сообразивъ, чего отъ него требуютъ, онъ,—словно птица, защищающая птенцовъ своихъ отъ нападеній ястреба,—крѣпко, обѣими ручонками, прижалъ гребешокъ къ груди своей и прерывающимся отъ волненія голосомъ отвѣчалъ:

— У меня... нѣтъ... ничего.

— Какъ ничего?—гнѣвно крикнулъ смотритель:—а въ правой рукѣ у тебя что? Живо подай сюда!

Вася сначала вспыхнулъ, какъ маковъ цвѣтъ, потомъ побѣлѣлъ, какъ бумага, но еще крѣпче прижалъ къ себѣ гребешокъ и по прежнему дрожащимъ голосомъ отвѣчалъ:

— У меня... нѣтъ... ничего.

— А! ты добромъ отдать не хочешь,—сказалъ смотритель:—ну, такъ я возьму насильно.

И грубо отклонивъ ручонки Васи, онъ съ силою рванулъ за кончикъ гребешка. Тонкіе зубчики не выдержали и съ трескомъ посыпались на полъ. Оставляя за собою глубокую царапину на ладошкѣ Васи, гребешокъ вылетѣлъ и, окровавленный, упалъ къ ногамъ смотрителя.

Вася весь замеръ. На нѣсколько мгновеній даже дыханіе остановилось въ груди его. Тупымъ, безумнымъ взоромъ поглядѣлъ онъ на смотрителя, потомъ перевелъ глаза на свою окровавленную руку, въ которой оставалось еще два-три сломанныхъ зубчика, и вдругъ, какъ подкошенный, опустился на скамейку. Скрестивъ на столѣ худенькія ручонки, онъ полнымъ отчаянія жестомъ приникъ къ нимъ головою и дико, истерично зарыдалъ.

— Мамочка! милая! дорогая! золотая моя!—слышалось среди изступленныхъ рыданій его:—послѣдняя твоя памятка... и той... у меня больше нѣтъ.

— Это что еще выдумалъ? Наказанъ хочешь быть?—попробовалъ пригрозить оторопѣвшій смотритель, но Вася уже не слышалъ и не понималъ ничего: онъ лежалъ на скамейкѣ безъ сознанія; тѣло его подергивалось конвульсіями, рыданія перешли въ глухую, истеричную икоту.

Пришлось послать за врачомъ. Васю перенесли въ лазаретъ. Добродушнѣйшій старичокъ-докторъ, самъ вышедшій изъ дьяческихъ дѣтей, употреблялъ всѣ средства, чтобы привести мальчика въ чувство, но ничто не помогало. Къ утру у Васи открылась нервная горячка въ самой тяжелой формѣ, а къ вечеру въ тотъ же день, несмотря на настойчивыя отговариванья смотрителя, докторъ уже отправлялъ Машѣ телеграмму:

— Пріѣзжайте немедленно! Сынъ вашъ крайне опасно боленъ.

IX.

Какъ ни торопилась Марья Михайловна, однако Васи въ живыхъ уже не застала. Разузнавъ подробно отъ добряка-доктора, отчего заболѣлъ и скончался ея сынъ, она попросила проводить ее къ тѣлу усопшаго.

Ее ввели въ угловую палату, игравшую при лазаретѣ роль мертвецкой, и согласно приказанію доктора оставили одну.

Маша оглядѣлась.

Посреди небольшой комнаты, полутемной отъ спущенныхъ шторъ, стоялъ высокій, длинный столъ, покрытый бѣлою простынею. Вокругъ него, со всѣхъ четырехъ сторонъ, тускло мерцали толстыя фарфоровыя свѣчи въ огромныхъ серебряныхъ подсвѣчникахъ. На столѣ, подъ богатымъ парчевымъ покровомъ, еле виднѣлось худенькое тѣльце Васи. Миловидная головка его покоилась на пышной кружевной подушкѣ. На запавшей грудкѣ положенъ былъ небольшой образокъ въ золотой ризѣ, осыпанной драгоцѣнными камнями. Лицо прикрыто было плотной, дорогой кисеей съ затѣйливымъ рисункомъ. Видно было, что кто-то усиленно старался обрядить покойника какъ можно роскошнѣе.

Тихими, осторожными шагами, словно боясь разбудить умершаго, подошла Марья Михайловна къ трупу своего любимаго сына. Перекрестившись на образъ, откинула она въ сторону густую кисею и жадно взглянула въ лицо усопшаго.

Вася почти не измѣнился. Личико его было сосредоточенно и спокойно; ни страха, ни предсмертныхъ мукъ не выражалось на немъ. Казалось, онъ просто уснулъ, и только зловѣщія, темносинія пятна на губахъ и близъ ушей показывали, что безпощадная смерть уже совершила здѣсь свою жестокую работу.

Долго-долго стояла такъ Маша задумавшись; она и не слыхала, какъ скрипнула дверь, и въ комнату, мягко ступая, вошелъ смотритель.

Онъ отдалъ земной поклонъ своей жертвѣ и заговорилъ сладкимъ, вкрадчивымъ голосомъ:

— Горе, горе-то какое, сударыня! Кто могъ ожидать сего? Да, великое испытаніе посылаетъ вамъ Господь. О, сколь тяжко лишиться сына и особливо единственнаго! Но что дѣлать, сударыня, что дѣлать? Жизнь и смерть—въ руцѣ Божіи. Не ропщите на Господа! Вѣдь скорбь сія, вамъ ниспосланная, есть

знакъ особой любви къ вамъ Творца Вседержителя. „Его же любитъ Господь—наказуетъ“, учитъ насъ премудрый Сирахъ.

Маша равнодушно подняла глаза на говорившаго:

— А, это вы!—съ явной неохотой произнесла она:—что̀ вамъ здѣсь надо?

— Какъ что̀, сударыня?—очень правдоподобно изумился смотритель:—я вижу васъ въ скорби, въ отчаяніи, и по долгу прихожу поддержать и утѣшить васъ. Наша обязанность плакать съ плачущими и веселиться съ ликующими.

Марья Михайловна горько усмѣхнулась.

— Будьте честны и сознайтесь: не утѣшать меня вы пришли, а вывѣдать, не буду ли я кому-либо жаловаться на васъ? Успокойтесь! Никуда и ни къ кому я съ жалобами не пойду. Что̀ пользы въ нихъ? Онѣ не возвратятъ мнѣ сына. А васъ пусть судитъ Богъ да собственная совѣсть!

— Постой, постой, голубушка!—другимъ уже тономъ заговорилъ онъ:—какъ ты смѣешь, однако, такъ мнѣ отвѣчать? Ты развѣ забыла, кто я такой?

Глаза Марьи Михайловны вспыхнули недобрымъ огонькомъ.

— Уйдите!—рѣзко оборвала она смотрителя:—уйдите, прошу васъ!

Смѣлый лишь со слабыми, смотритель поспѣшилъ уйти.

Похоронивъ Васю, Марья Михайловна домой уже не вернулась. Куда она дѣвалась, никто не зналъ. Долгое время упорно держался слухъ, пущенный, какъ говорили, Бажуномъ, будто бы она не перенесла потери сына и окончила свою сиротскую жизнь самоубійствомъ. Прошло послѣ того много времени, но не такъ давно одинъ высоковскій крестьянинъ побывалъ въ нижегородскихъ раскольничьихъ скитахъ и видѣлъ тамъ нѣкую старицу Марину, пользующуюся широкой славой даже среди православныхъ за свою святую, подвижническую жизнь. Онъ увѣрялъ, что Марина эта, какъ двѣ капли воды, похожа на пропавшую безъ вѣсти землячку ихъ, Марью Михайловну Лебедеву.

М. Ѳ. Лубинскій.

ОРГАНИЗАЦІЯ
ВСЕОБЩАГО ОБУЧЕНІЯ
ВЪ ГЕРМАНІИ.

I.

Организація всеобщаго обученія, составляющая у насъ еще почти только pia desideria, имѣетъ въ Германіи уже многовѣковую исторію за собою. Съ XVI-го вѣка, вслѣдъ за реформаціею, начинается систематическая работа въ этомъ направленіи. Иниціатива принадлежала самому Мартину Лютеру, который, въ противоположность католическому духовенству, основывавшему въ тѣ времена свое вліяніе на народъ на его невѣжественности, — видѣлъ въ просвѣщеніи необходимое орудіе для развитія истинно-христіанскаго духа. Матеріальные интересы христіанскаго населенія также интересовали основателя евангелической церкви, и онъ въ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ указалъ на то, что эти матеріальные интересы народа, столько же, сколько его духовные интересы, настоятельно требуютъ отъ тѣхъ, которые взяли въ свои руки заботу о народныхъ нуждахъ, неусыпное попеченіе о народномъ образованіи, „и посему,—говорилъ онъ,—ратгаузу и власти подобаетъ имѣть наибольшую заботу и попечительство о юномъ поколѣніи. Ибо, если имъ ввѣрена забота о благѣ, чести, плоти и жизни всего города, то было бы нечестно съ ихъ стороны передъ Богомъ и передъ людьми, еслибы они не заботились денно и нощно всѣми своими силами объ улучшеніи и процвѣтаніи города. Процвѣ-

таніе же города не состоитъ единственно въ собираніи большихъ сокровищъ, въ устройствѣ крѣпкихъ стѣнъ и красивыхъ домовъ и въ приготовленіи ружей и панцырей; напротивъ, когда этихъ вещей очень много и ими владѣютъ бѣшеные глупцы, то эти вещи могутъ даже сдѣлаться причиной большихъ напастей для города. Наивысшее процвѣтаніе, благо и сила города состоятъ въ томъ, чтобы онъ имѣлъ много благородныхъ, ученыхъ, разумныхъ, почтенныхъ и благовоспитанныхъ гражданъ, которые съумѣли бы не только собирать и хранить всякія сокровища и всякое добро, но также и употреблять ихъ благимъ образомъ"...

Поэтому Лютеръ обращается къ старшинамъ всѣхъ городовъ съ настоятельнымъ приглашеніемъ основать христіанскія школы, „какъ необходимыя для поддержанія духовнаго сословія, равно какъ и для того, чтобы мужья могли благимъ образомъ управлять землею и людьми, а жены—воспитать дѣтей, слугъ и весь домъ... Пусть мальчики ходятъ каждый день на часъ или на два въ школу, остальное время они могутъ работать, изучать ремесла и вообще дѣлать все, что отъ нихъ потребуютъ; точно также и дѣвочка можетъ найти въ теченіе дня одинъ часъ для школы и исполнять дома все, что нужно... Если власть можетъ принуждать подданныхъ носить ружья и копья, то тѣмъ болѣе можетъ и должна она ихъ принуждать посылать своихъ дѣтей въ школу".

Съ этой программой всеобщаго и обязательнаго обученія Лютеръ выступилъ еще въ 20-хъ годахъ XVI-го столѣтія. Протестантское духовенство немедленно приступило къ ея осуществленію; нѣсколько позже и свѣтская власть также занялась ею.

Первое правительственное распоряженіе объ обязательности всеобщаго обученія появилось въ Гессенъ-Дармштадтѣ въ 1628 году. Затѣмъ слѣдуютъ, въ 1642 г., Саксенъ-Гота, въ 1650 г.—Брауншвейгъ-Каленбергъ и т. д. Баварія и Пруссія присоединились къ этому движенію лишь въ XVIII-мъ вѣкѣ. Въ Пруссіи Фридрихъ-Вильгельмъ I обнародовалъ, 28-го сентября 1717 года, слѣдующій королевскій эдиктъ:

„Мы съ неудовольствіемъ узнали, что родители, въ особенности въ деревняхъ, очень мѣшкаютъ посылкой своихъ дѣтей въ школу и что изъ-за этого бѣдное юношество выростаетъ въ большомъ невѣжествѣ, какъ относительно письма, чтенія и счета, такъ, и относительно тѣхъ предметовъ, которые необходимы для ихъ небеснаго блаженства и спасенія. А потому мы, чтобы разъ навсегда уничтожить это крайне вредное зло, милостиво постановили опубликовать сей нашъ генеральный эдиктъ и симъ по-

велѣть настоятельно, чтобы на будущее время, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имѣются школы, родители, подъ страхомъ строгаго наказанія, посылали туда своихъ дѣтей,—зимою ежедневно, а лѣтомъ, по крайней мѣрѣ, одинъ или два раза въ недѣлю, за два дрейера (2—2½ копѣйки) школьной платы въ недѣлю"...

Фридрихъ Великій преслѣдовалъ ту же цѣль своимъ „Всеобщимъ школьнымъ регламентомъ", отъ 12-го августа 1763 г., „дабы было устранено и предупреждено,—какъ онъ тамъ говоритъ,—*неприличное для христіанства невѣжество*, и дабы въ будущемъ школа могла *воспитать и образовать болѣе способныхъ и лучшихъ подданныхъ*".

Послѣднія слова заслуживаютъ особаго вниманія. Сознаніе того, что монархія имѣетъ интересъ во всенародномъ образованіи, составляетъ отличительную черту прусскаго абсолютизма. Прусская бюрократія уже въ XVIII-мъ вѣкѣ понимала, что она для своихъ собственныхъ цѣлей нуждается въ образованномъ, по меньшей мѣрѣ—въ грамотномъ населеніи. Дѣйствительно, совмѣщеніе бюрократическаго управленія съ безграмотнымъ населеніемъ есть историческій nonsens, влекущій за собою неизбѣжнымъ образомъ самыя печальныя противорѣчія. Дѣлать письменныя распоряженія людямъ, не умѣющимъ читать, составлять письменные законы для людей, не умѣющихъ въ нихъ разобраться,—можетъ ли быть что-нибудь болѣе нецѣлесообразное? Прусская бюрократія рано поняла это, какъ и многое другое, чего бюрократіи другихъ странъ долго не могли постичь; поэтому и положеніе прусской бюрократіи такъ прочно и такъ почетно, какъ ни въ какой другой странѣ.

Итакъ, обязательность всеобщаго обученія была установлена въ Пруссіи закономъ въ половинѣ XVIII-го вѣка; но полное фактическое осуществленіе всеобщаго обученія было достигнуто лишь въ первой половинѣ XIX-го вѣка. Такъ, еще въ 1824 г.—въ Аахенскомъ округѣ, напр.,—почти половина всѣхъ дѣтей школьнаго возраста оставалась внѣ школы [1]). Впрочемъ, это—округъ католическій; здѣсь, вѣроятно, главная причина его отсталости; въ другихъ округахъ процентъ дѣтей, остававшихся внѣ школы, уже въ то время былъ незначителенъ. Поэтому первой заботой основаннаго въ 1817 г. министерства народнаго просвѣщенія [2]) было дополненіе школьной сѣти. Число школъ, существовавшихъ въ 1817 г., неизвѣстно; но въ 1821 г. ихъ было

[1]) Preussische Statistik, Heft 101, p. 12 und 13.

[2]) До этого года департаментъ просвѣщенія входилъ въ составъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

насчитано 14.505, а черезъ четыре года ихъ уже было 20.877. Послѣднее число, вѣроятно, соотвѣтствовало приблизительно тогдашней потребности; съ увеличеніемъ населенія и съ расширеніемъ школьныхъ программъ число школъ сильно возросло.

Приведемъ нѣкоторыя цифры.

Народныхъ школъ было въ прусскомъ королевствѣ:

въ 1825 г.	20.877 [1])	въ 1858 г.	24.923 [1])
въ 1831 г.	21.786 [1])	въ 1878 г.	31.963 [2])
въ 1840 г.	23.323 [1])	въ 1896 г.	36.138 [3])

Какъ только существованіе достаточнаго количества народныхъ школъ было обезпечено съ внѣшней стороны, немедленно началась работа съ цѣлью ея внутренняго развитія. Улучшеніе учительскаго персонала народной школы, расширеніе ея программы, усовершенствованіе школьной обстановки, стали главными задачами, сохранившими свое значеніе до нашего времени. И въ этомъ отношеніи было не мало сдѣлано; успѣхи оказались прямо поразительные, стремленіе къ безостановочному прогрессу въ дѣлѣ народнаго образованія глубоко вкоренилось во всемъ нѣмецкомъ народѣ безъ различія классовъ. Результаты ярко выразились въ расходныхъ цифрахъ прусскаго школьнаго бюджета.

Расходы на учительскій персоналъ народной школы составляли въ общей суммѣ:

въ 1821 г.	7.058,256 марокъ	(2.352,752 талера) [1])
въ 1861 г.	22.347,672 „	(7.449,224 „) [1])
въ 1886 г.	133.913,122 „	[2])

Всѣхъ затратъ приходилось, въ среднемъ, на одного ученика народной школы въ годъ:

въ 1861 г. . .	10,37 марки [2])	въ 1891 г. . .	29,74 марки [4])
въ 1871 г. . .	29,74 „ [3])	въ 1901 г. . .	48 „ [4])

Въ городахъ размѣръ годовой затраты на одного школьника достигъ уже, въ среднемъ, 64 марокъ, т.-е. *30-ти рублей* [5]).

Общая сумма общественныхъ и государственныхъ расходовъ на народную школу составляла:

---

[1]) Preuss. Statistik, Heft 10, p. X.

[2]) Ibid., Heft. 151, p. 35.

[3]) Preussische Statistik, Heft. 101, p. 14.

[4]) Ibid., Heft. 151, p. 314.

[5]) L. von Zolly. Das Unterrichtswesen. Zu Schönberg's Handbuch der polit. Oekonomie, B. III, 2, p. 511.

въ 1871 г.	56.648,398 марокъ	[1])
въ 1886 г.	127.422,879 „	[2])
въ 1901 г.	269.942,375 „	[3])

Результаты соединенной работы администраціи и общества выражаются также очень ярко въ слѣдующемъ счетѣ:

Всенародная перепись 1-го декабря 1885 года констатировала въ прусскомъ королевствѣ число дѣтей въ возрастѣ отъ 5 до 14 лѣтъ—5.905.158.

Школьная статистика отъ 20-го мая 1886 г. нашла слѣдующее:

народныя школы посѣщали	4.838,247	дѣтей
другія школы посѣщали	299,280	„
еще не поступили въ школу или уже выступили изъ нея (по законнымъ причинамъ) . . .	170,439	„
не вошли въ счетъ изъ дѣтей города Берлина. .	36,100	„
Итого.	5.344,066	дѣтей.

Число дѣтей школьнаго возраста, не нашедшихъ мѣста въ школѣ, составляло во всемъ прусскомъ королевствѣ всего-навсего 8.826, а число дѣтей, уклонившихся отъ школы,—3.145.

Эти цифры показываютъ, что уже въ 80-хъ годахъ, въ Пруссіи, за немногими исключеніями, *всѣ дѣти, въ возрастѣ отъ 5 до 14 лѣтъ* (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—отъ 6 до 14 лѣтъ) *посѣщали школу.*

II.

Матеріальныя заботы по устройству и содержанію народной школы возложены были съ самаго начала введенія всеобщаго обученія, повидимому, во всей Германіи на мѣстныя общества. Во многихъ мѣстахъ были организованы спеціальныя школьныя общества, состоявшія, по закону, изъ всѣхъ домохозяевъ данной мѣстности, безразлично отъ того, имѣются ли у нихъ дѣти въ школьномъ возрастѣ, и вообще имѣются ли у нихъ дѣти или нѣтъ. Эта принудительная организація была установлена, повидимому, еще до введенія мѣстнаго самоуправленія. Съ возникновеніемъ и развитіемъ послѣдняго, школьныя общества постепенно передавали свои функціи въ его руки. Если какое-либо общество, по ограниченности средствъ, не было въ состояніи

[1]) Zeitschrift d. Königl. Preuss. Statistischen Bureau, 1902, Heft IV, p. LII.

[2]) Preuss. Stat., Heft. 101, p. 60.

[3]) Preuss. Statistik, Heft. 101, p. 10.

нести всѣ школьные расходы, оно получало субсидію изъ государственной казны. Но эти субсидіи были вначалѣ очень незначительны. Еще въ 1861 г. общая сумма государственныхъ субсидій на народную школу составляла для всей Пруссіи 1.332,293 марки, 4,47% [1]) всѣхъ расходовъ на народную школу. Но въ послѣднюю четверть вѣка государственныя затраты быстро возростаютъ:

Въ 1886 г. онѣ составляли	14.022,000	марокъ	(12,1%)	[1])
въ 1891 г. „ „	46.496,000	„	(31,8%)	[2])
въ 1901 г. „ „	73.487,388	„	(=27,23%)	[3])

Эти государственныя субсидіи распредѣлялись главнымъ образомъ между сельскими обществами, естественно, болѣе нуждающимися въ поддержкѣ. Такъ, въ 1886 г. государственная субсидія составляла, въ общемъ счетѣ, въ деревнѣ 18,11% всѣхъ школьныхъ расходовъ, а въ городѣ—4,42%. Тѣмъ не менѣе, расходы городовъ на народную школу быстрѣе увеличиваются, чѣмъ расходы сельскихъ обществъ. Такъ, за періодъ отъ 1871 г. до 1886 г. эти расходы увеличились:

въ деревняхъ:	съ 32.002,388	марокъ	до 66.344,996
въ городахъ:	съ 24.646,010	„	до 61.077,879

Правда, что и населеніе быстрѣе увеличивалось въ городахъ, чѣмъ въ деревняхъ, гдѣ оно, въ послѣднее время, даже уменьшается; но увеличеніе въ городахъ и уменьшеніе въ деревняхъ происходитъ на счетъ взрослаго населенія; тогда какъ число дѣтей школьнаго возраста и теперь еще, вѣроятно, на много значительнѣе въ деревнѣ, чѣмъ въ городѣ.

Возложивъ на мѣстныя общества обязанность устройства и содержанія народной школы, государственная власть внимательно слѣдила за тѣмъ, чтобы эта обязанность дѣйствительно выполнялась, а также за тѣмъ, чтобы она выполнялась въ соотвѣтствіи съ постоянно возростающими требованіями времени. Но *права* мѣстныхъ обществъ по отношенію къ школѣ всегда *были* и до сей поры остались весьма незначительными. Забота о матеріальныхъ нуждахъ школы лежала на обществахъ; духовное руководство школой, моральное вліяніе на школу государственная власть оставила за собою и какъ будто даже все болѣе и болѣе ревниво охраняетъ эту привилегію отъ „постороннихъ“ поползновеній. Выработка программы, подготовка и назначеніе

[1]) Zolly, op. cit., p. 511.
[2]) Zeitschrift d. pr. St. B. 1902/IV, p. LII.
[3]) Preuss. Stat., Heft 101, p. 69.

учительскаго персонала, руководство и надзоръ всецѣло или почти всецѣло—въ рукахъ министерства народнаго просвѣщенія. Только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ общества имѣютъ право выбора или рекомендаціи учителя. Но и въ этихъ случаяхъ учитель находится въ полной зависимости отъ министерства, отъ котораго онъ получаетъ наставленія, распоряженія и замѣчанія и отъ котораго главнымъ образомъ зависятъ его положеніе и его карьера. Онъ подчиненъ общему для всѣхъ чиновниковъ дисциплинарному суду и долженъ, какъ всѣ чиновники, при вступленіи въ должность, принести присягу, которая, напр. въ Пруссіи, имѣетъ слѣдующій текстъ:

„Я, такой-то, клянусь передъ Богомъ, Всемогущимъ и Всезнающимъ, что буду преданъ, вѣренъ и послушенъ Его Королевскому Величеству Пруссіи, моему Всемилостивѣйшему Государю, и, по моему наилучшему разумѣнію и по совѣсти, буду точно исполнять всѣ обязанности, возлагаемыя на меня моею должностью“ и т. д. Съ 1867 года къ этой формулѣ прибавлены слова: „а также добросовѣстно исполнять конституцію“.

При такомъ положеніи школьный учитель столько, или почти столько же, какъ и всякій другой чиновникъ, долженъ сообразоваться со взглядами и направленіемъ правительства, какъ въ политическомъ, такъ и въ религіозномъ отношеніи. Формально это ему, конечно, не предписывается: какъ всякій нѣмецкій гражданинъ, онъ имѣетъ право собственнаго мнѣнія по всѣмъ вопросамъ. Министерскіе циркуляры не отрицаютъ этого права, но они требуютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда взгляды учителя расходятся со взглядами правительства въ существенныхъ пунктахъ, соблюденія особаго „такта“, не только въ самой школѣ, но и внѣ ея [1]). Впрочемъ, воспитаніе монархическихъ и религіозныхъ чувствъ прямо входитъ въ программу народной школы. Учитель обязанъ указать дѣтямъ на заслуги Гогенцоллерновъ и учить ихъ патріотическимъ гимнамъ; на него же, большею частью, возложено преподаваніе закона Божія.

Вліяніе церкви на школу обезпечивается еще и тѣмъ, что инспекція народныхъ школъ большею частью поручается представителю мѣстнаго духовенства.

Требуя отъ школьнаго учителя столько вниманія къ правительственнымъ интересамъ, министерство народнаго просвѣщенія, съ своей стороны, не оставляетъ безъ вниманія матеріаль-

---

[1]) Petersilie. Das öffentliche Unterrichtswesen im Deutschen Reiche und in den übrigen europäischen Kulturstaaten. Leipzig 1897, Bd. II, p. 55.

ныхъ интересовъ школьныхъ учителей. Ихъ жалованье постоянно увеличивалось, ихъ старость обезпечена пенсіей, ихъ вдовы и дѣти также не оставлены безъ вниманія.

Въ 1821 году, половина всѣхъ учителей Пруссіи получала, въ maximum'ѣ, 240 марокъ (110 рублей) годового жалованья, и только 987 учителей имѣли больше 600 марокъ. Въ 1891 году больше половины *сельскихъ* учителей Пруссіи уже получаютъ отъ 900 до 1.800 марокъ годового жалованья, кромѣ квартиры и отопленія, и только 40,75% имѣютъ меньше 900 марокъ годового жалованья. Среднее годовое жалованье народнаго учителя составляло:

Въ Саксоніи въ 1889 г.	1580 марокъ	[1])
„ Баваріи въ 1894—95 г.	1542 „	[1])
„ Пруссіи въ 1891 г.	1451 „	[1])

Въ 1901 г. среднее годовое жалованье народнаго учителя составляло: во всей Пруссіи—2.023 марки, а въ городахъ Пруссіи—2.285 марокъ, т.-е. около 1.000 рублей [2]).

Пенсія составляетъ, послѣ полной выслуги, въ Пруссіи и Баденѣ—75% жалованья, въ Саксоніи—80%, въ Вюртембергѣ—82½%, а въ Гессенѣ—100% жалованья. Нѣкоторыя страны установили также minimum пенсіи, составляющій въ Вюртембергѣ и Гессенѣ 40%, въ Саксоніи и Баденѣ — 30% жалованья.

Большіе расходы, вызванные этими улучшеніями матеріальнаго положенія народныхъ учителей, интересы которыхъ, впрочемъ, тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ интересами самой школы, возложены государствомъ опять-таки, главнымъ образомъ, на мѣстныя общества. Во всѣхъ частяхъ Германіи законъ установляетъ minimum учительскаго жалованья, но администрація имѣетъ сверхъ того право потребовать повышенія жалованья въ тѣхъ случаяхъ, когда она это сочтетъ умѣстнымъ. Финансовая тяжесть этихъ реформъ увеличивается тѣмъ, что и самое число учителей значительно возросло. А между тѣмъ увеличеніе школьныхъ расходовъ продолжалось также и въ другихъ отношеніяхъ: программы расширялись, и самая обстановка школъ все болѣе и болѣе совершенствовалась.

Для характеристики мы приведемъ нѣкоторыя цифры изъ бюджета прусскихъ народныхъ школъ за 1896 годъ, взятыя

---

[1]) Zolly, op. cit., p. 515.

[2]) Zeitschrift der preuss. St. B. 1902, IV, p. LIII.

нами изъ „Preussische Statistik", Heft 151 (позднѣйшія цифры пока только отчасти опубликованы).

Сумма всѣхъ расходовъ составляла:

На персоналъ—133.913.122 марки, на матеріальное содержаніе—52.004.374 марки. Изъ первой суммы было израсходовано:

на ординарныхъ учителей . .	109 455.912 марокъ
„ „ учительницъ .	13.175.436 „
„ учительницъ рукодѣлія . .	2.336.518 „
„ другихъ технич. учителей .	107·732 марки
„ пенсіи	8.501.334 „

Въ этихъ цифрахъ обращаетъ на себя вниманіе, между прочимъ, цифра расходовъ на женскій учительскій персоналъ, по своей сравнительной незначительности. Дѣло въ томъ, что въ Пруссіи, какъ и вообще въ Германіи, администрація предоставляетъ женщинамъ лишь незначительное мѣсто въ преподаваніи и притомъ вознаграждаетъ ихъ хуже, чѣмъ мужской персоналъ. Въ 1896 г., на 78.601 ординарныхъ преподавателей народныхъ школъ Пруссіи приходилось женскихъ преподавателей только 10.152; въ 1893 г., въ Баваріи число женскихъ преподавателей составляло 1.960 на 11.651, а въ Саксоніи, въ 1889 г.—только 210 на 7.689 [1]).

Среди источниковъ доходовъ фигурируютъ, кромѣ мѣстныхъ обществъ и государственной казны:

доходъ отъ школьнаго, церковнаго и пожертвованнаго имущества	7.030.691 марка
изъ церковной кассы и т. под.	2.170.483 марки
отъ школьной платы	200.000 марокъ

Мы видимъ, что школьная плата почти совсѣмъ исчезла, такъ что въ Пруссіи обученіе почти повсемѣстно безплатное. Этотъ результатъ достигнутъ въ Пруссіи отчасти подъ вліяніемъ административнаго воздѣйствія; между тѣмъ какъ въ нѣкоторыхъ другихъ частяхъ имперіи администрація дѣйствуетъ прямо въ противоположномъ направленіи. Такъ, въ Саксоніи мѣстныя общества *вовсе не имѣютъ права* отмѣны школьной платы, а въ Вюртембергѣ и Баденѣ они могутъ это дѣлать лишь съ разрѣшенія администраціи.

---

[1]) Zolly, op. cit., 516.

III.

Программа народной школы, понятно, была вначалѣ очень ограниченная. Законъ Божій, чтеніе, письмо и немного счета составляли все ея содержаніе. Для болѣе широкой программы не было средствъ. Не было также большого расположенія со стороны государственной власти. При введеніи всеобщаго обученія, въ XVII-мъ и XVIII-мъ вѣкѣ, бюрократія и въ Германіи еще не была свободна отъ того суевѣрнаго страха передъ свѣтомъ образованія, который въ другихъ странахъ вполнѣ сохранилъ свою пагубную силу вплоть до XX-го вѣка и былъ сильнѣйшимъ противникомъ народнаго образованія и культурнаго прогресса. Психологія этого страха—несложнаго характера. Она почти вполнѣ исчерпывается словами одного англійскаго лорда, произнесенными при обсужденіи въ палатѣ лордовъ перваго предложенія о государственной субсидіи на народное образованіе: „If a horse knew as much as a man, I would not be his rider“! („еслибы лошадь понимала столько же, сколько человѣкъ, то я не хотѣлъ бы сидѣть на ней верхомъ“!). Мотивъ, повидимому, очень убѣдительный: вѣдь самимъ Богомъ суждено, чтобы лорды ѣздили верхомъ, даже и въ томъ случаѣ, когда они такъ же мало способны къ тому, какъ этотъ почтенный членъ верхней палаты, который не чувствовалъ себя въ силахъ справиться даже съ умной лошадью.

Въ Германіи также пришлось бороться противъ такихъ превратныхъ толкованій судьбы. Еще въ 1801 году не кто другой, какъ самъ король Фридрихъ-Вильгельмъ II, возстаетъ противъ этихъ безсмысленныхъ толкованій въ спеціальномъ рескриптѣ, въ которомъ онъ выражаетъ надежду, „что возьметъ верхъ убѣжденіе въ томъ, что культура, общественный порядокъ и всеобщее благосостояніе встрѣчаются только у подданныхъ здравомыслящихъ и просвѣщенныхъ относительно условій ихъ жизни“.

Это убѣжденіе дѣйствительно скоро взяло верхъ, но для его проведенія въ жизнь средства нашлись только значительно позже. Учительскій персоналъ долго оставался въ очень неудовлетворительномъ состояніи; учительскихъ семинарій до половины XIX вѣка было очень мало, и приходилось часто довольствоваться такими наставниками, которые сами знали немного больше грамоты. Среди наставниковъ были: портные, сапожники, каменьщики и имъ подобные наставники. Цѣнность нѣкоторыхъ учителей того

времени ярко иллюстрируется жалованьемъ, которымъ они довольствовались. Даже въ Рейнской провинціи, еще въ 1834 г., встрѣчается учитель, который получалъ въ годъ $12^1/_2$ талеровъ жалованья (около 17 рублей), заработывая себѣ еще 24 талера—ломкой камня. Въ Познанской провинціи, въ 1828 году, 53 учителя получаютъ годового жалованья отъ 4 до 12 талеровъ, т. е. отъ 5 р. 50 коп. до 17 рублей на наши деньги (Zolly, op. cit.).

Систематическая подготовка учительскаго персонала въ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ наблюдается въ видѣ исключенія уже въ XVIII-мъ вѣкѣ; но прочное мѣсто въ школьной организаціи она заняла только къ половинѣ XIX-го вѣка. Въ наше время, всѣ народные учителя въ Пруссіи прошли черезъ учительскую семинарію. Уже въ 1892 г., Пруссія имѣла 111 мужскихъ трехклассныхъ учительскихъ семинарій съ 10.133 учениками и 11 женскихъ съ 703 ученицами. Всѣ семинаріи содержатся государствомъ, которое кромѣ того содержало въ томъ же году 35 подготовительныхъ школъ для семинарій. Баварія имѣла въ 1898 году 15 семинарій съ 1.004 учениками и ученицами и 38 подготовительныхъ школъ съ 1.802 воспитанниками. Саксонія имѣла въ 1889 г. 17 шестиклассныхъ семинарій.

Организація учительскихъ семинарій такова, что, по окончаніи курса народной школы, кандидаты должны нѣсколько лѣтъ готовиться къ пріему въ подготовительныхъ школахъ и частнымъ образомъ (за исключеніемъ Саксоніи). Курсъ семинарій трехъ- или двухъ-годичный. Есть среди нихъ открытыя и закрытыя заведенія (экстернаты и интернаты). Обученіе, большею частью, безплатное; въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ ученики получаютъ безплатную квартиру или безплатное полное содержаніе. Для несостоятельныхъ всюду имѣются стипендіи. Программы учительскихъ семинарій, конечно, неодинаковыя во всѣхъ частяхъ имперіи, но въ общемъ онѣ мало отличаются отъ программы, принятой въ Пруссіи; для нѣкоторыхъ послѣдняя программа прямо служила образцомъ. Мы поэтому можемъ ограничиться знакомствомъ съ прусской программой.

Желающіе вступить въ учительскую семинарію подвергаются экзамену по слѣдующимъ предметамъ: законъ Божій, нѣмецкій языкъ, географія, исторія, естествознаніе, чистописаніе, черченіе, музыка (пѣніе, игра на роялѣ, на скрипкѣ и на органѣ) и, наконецъ, гимнастика. Программа, какъ видно, довольно обширная; но всѣ эти предметы изучаются уже въ народной школѣ. Семинарія имѣетъ своей задачей укрѣпить эти знанія,

дополнить и расширить ихъ и настолько развить личность учителя, чтобы онъ былъ въ состояніи не только механически обучать, но также духовно руководить воспитанниками народной школы. Свою цѣль семинарія старается достигнуть теоретическимъ преподаваніемъ и практическими упражненіями. При каждой семинаріи имѣется народная школа, въ которой ученики семинаріи упражняются въ преподаваніи подъ руководствомъ опытныхъ наставниковъ.

Послѣднему дѣлу посвящается, главнымъ образомъ, третій годъ курса; первые два года заняты, главнымъ образомъ, теоретическими предметами, на которые вообще полагается: въ первый годъ—24 недѣльныхъ часовъ, во второй годъ—столько же, въ третій годъ—12 часовъ. Теоретическимъ предметамъ, слѣдовательно, посвящено въ общемъ итогѣ 60 недѣльныхъ часовъ. Это время распредѣлено между отдѣльными предметами слѣдующимъ образомъ:

Педагогика	7	часовъ
Законъ Божій	10	„
Нѣмецкій языкъ	12	„
Исторія	6	„
Ариѳметика	7	„
Геометрія	4	„
Естествознаніе, физика и химія	8	„
Географія	5	„
Черченіе	5	„
Чистописаніе	3	„

Кромѣ того, установлены упражненія въ музыкѣ и въ гимнастикѣ, а въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ также обученіе иностраннымъ языкамъ и сельско-хозяйственнымъ предметамъ.

По окончаніи курса семинаріи, воспитанники получаютъ право на учительскую должность; но окончательное назначеніе они получаютъ только послѣ нѣсколькихъ лѣтъ пробной дѣятельности въ качествѣ помощника или замѣстителя народнаго учителя. Образованіе учителя, однакоже, не останавливается на этомъ; уже находясь на регулярной службѣ, учитель долженъ являться на учительскіе съѣзды для обновленія и продолженія своего образованія.

Имѣя на своей службѣ учительскій персоналъ столь основательно подготовленный, народная школа можетъ достигнуть крупныхъ результатовъ. Времени она также имѣетъ въ своемъ распоряженіи довольно много: отъ шести до десяти лѣтъ, такъ какъ обязательное посѣщеніе школы простирается, смотря по мѣсту, отъ пяти- или шести-лѣтняго возраста до двѣнадцати-, тринадцати-

и четырнадцати-лѣтняго возраста; въ большинствѣ случаевъ—отъ шести-лѣтняго до тринадцати-лѣтняго возраста. Программа германской народной школы, дѣйствительно, сравнительно весьма обширна. Такъ, въ Пруссіи съ 1872 г. оффиціально установлена слѣдующая программа, раздѣленная на три курса [1]).

	Низшій курсъ.	Средній курсъ.	Высшій курсъ.
	Часы (въ недѣлю):		
Религія	4	4	4
Нѣмецкій языкъ	11	8	8
Ариѳметика	4	4	4
Геометрія	—	—	2
Черченіе	—	2	2
Исторія, географія, естествознаніе	—	6	6
Пѣніе	1	2	2
Гимнастика, рукодѣліе	2	2	2

Всѣ эти предметы вошли также въ программу народной школы другихъ частей Германіи. Только въ отсталомъ Мекленбургъ-Шверинѣ исторія, географія и естествознаніе не вошли въ оффиціальную программу. Зато въ герцогствѣ Брауншвейгѣ народная школа имѣетъ еще всеобщую исторію, религіозную исторію и „науку о человѣческомъ тѣлѣ и человѣческой душѣ", а въ Гамбургѣ—алгебру, англійскій и французскій языки, физику и химію.

Фактическое исполненіе оффиціальной школьной программы, конечно, находится въ зависимости отъ школьной обстановки, отъ числа учителей и числа учениковъ. Относительно Пруссіи мы и по этимъ вопросамъ имѣемъ детальныя статистическія свѣдѣнія.

Въ 1896-мъ году, во всей Пруссіи было 36.138 народныхъ школъ съ 92.000 классами въ 80.311 помѣщеніяхъ. Учительскій персоналъ состоялъ изъ 78.601 ординарныхъ учителей и учительницъ, изъ 37.193 учительницъ рукодѣлія, 2.252 преподавателей закона Божія и нѣсколькихъ тысячъ другихъ, не-ординарныхъ учителей. На каждый классъ приходилось, въ среднемъ, 57 школьниковъ, на каждаго ординарнаго учителя—66 школьниковъ.

Изъ всего числа народныхъ школъ Пруссіи—15.578 имѣли только одинъ классъ (въ городахъ всего 468 школъ); 10.032—два класса (въ городахъ—174); 4.892—три класса (въ городахъ 390), а 5.636 школъ имѣли четыре класса или больше

[1]) Petersilie, op. cit. II, p. 34.

(въ городахъ 3.110 школъ). Такимъ образомъ, городскія народныя школы имѣли большею частью не менѣе четырехъ классовъ, что впрочемъ зависитъ не только отъ большихъ затратъ на школу, но и отъ большаго количества дѣтей въ каждой школѣ. Эти цифры показываютъ, что большинство народныхъ школъ вполнѣ имѣетъ возможность выполнить обширную оффиціальную программу. Но культурныя потребности Германіи уже ушли дальше этой программы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сама программа расширяется, какъ мы видѣли выше; въ другихъ мѣстахъ организованы *дополнительные курсы*, устроивающіеся въ вечерніе часы или въ праздничные дни. Въ средней и южной Германіи устройство дополнительныхъ курсовъ уже сдѣлано *обязательнымъ* для мѣстныхъ обществъ. *Посѣщеніе* этихъ курсовъ обязательно въ Саксоніи и Гессенѣ только для юношей, а въ Баваріи, Баденѣ и Вюртембергѣ—также для дѣвушекъ. Въ Баденѣ курсы продолжаются: для дѣвушекъ одинъ годъ, а для юношей—два года; въ Саксоніи, Баваріи и Гессенѣ курсы уже трехгодичные. Программа дополнительныхъ курсовъ содержитъ какъ общіе предметы, такъ и спеціальные.

IV.

Изъ вышеизложеннаго видно, что въ Германіи программа всеобщей народной школы вышла далеко за предѣлы начальной школы и быстрыми шагами приближается къ курсу среднихъ учебныхъ заведеній. Этотъ фактъ имѣетъ историческое значеніе, которое отнюдь не ограничивается предѣлами германской имперіи. Нѣмецкій народъ въ скоромъ времени дѣйствительно будетъ всецѣло „народомъ мыслителей", и не мыслителей-мечтателей, а мыслителей-практиковъ; это будетъ народъ образованныхъ техниковъ, образованныхъ крестьянъ, образованныхъ рабочихъ, образованныхъ купцовъ и образованныхъ солдатъ. Если уже 30-ть лѣтъ тому назадъ Мольтке могъ сказать, что своими удивительными военными побѣдами 60-хъ и 70-хъ годовъ Пруссія обязана главнымъ образомъ своимъ школьнымъ учителямъ, то каково же будетъ значеніе школьныхъ учителей при будущихъ походахъ Германіи!? До 70-хъ годовъ прусскіе народные учителя ограничивались почти только преподаваніемъ грамоты, а теперь они превращаютъ весь народъ въ интеллигенцію, значеніе которой, конечно, не уменьшается отъ того, что она имѣетъ характеръ въ высшей степени практическій, а напротивъ, увеличи-

вается до размѣровъ, по истинѣ внушительныхъ для народовъ съ невысокимъ уровнемъ культуры. Мы видимъ, какъ, благодаря этому соединенію образованности съ практичностью, Германія на нашихъ глазахъ, въ теченіе одного поколѣнія, создала гигантскую промышленность, едва уступающую, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ превосходящую, удивительную англійскую промышленность, надъ созданіемъ которой англичане работали больше вѣка, и сдѣлалась одною изъ богатѣйшихъ странъ міра. Благодаря тому же, военная сила Германіи достигла такой высокой степени, что другимъ народамъ приходится напрягаться изъ всѣхъ силъ, для того, чтобы не отстать отъ того уровня, на которомъ Германія держится безъ всякаго напряженія, съ удивительною легкостью.

Въ наше время, людей нужно не только считать, но также взвѣшивать,—солдатъ, конечно, также. Одинъ бельгійскій инженеръ, знакомый съ бельгійской и съ русской промышленностью, вычислилъ недавно на основаніи личнаго опыта, что въ среднемъ одинъ бельгійскій фабричный рабочій производитъ больше, чѣмъ *три русскихъ фабричныхъ рабочихъ*. Нѣмецкій рабочій, во всякомъ случаѣ, не уступаетъ въ этомъ отношеніи бельгійскому рабочему. Поэтому мы при нашихъ крайне дешевыхъ рабочихъ силахъ работаемъ много дороже, чѣмъ Германія съ ея дорогими рабочими. Въ военномъ отношеніи разница между Германіей и нами достаточно иллюстрируется тѣмъ фактомъ, что тамъ при двухгодичной военной службѣ солдаты больше успѣваютъ, чѣмъ у насъ при четырехгодичной службѣ. Въ наше время военное искусство не менѣе сложно, чѣмъ самая усовершенствованная фабрика. Военные аппараты требуютъ такого же осторожнаго обращенія, какъ фабричные машины и аппараты. Поэтому потребность въ образованномъ людскомъ матеріалѣ столь же велика въ военномъ отношеніи, сколько она велика для развитія фабричной промышленности и улучшенія сельскаго хозяйства. Вѣроятно, что и сознаніе важности народнаго образованія столь же распространено въ военномъ классѣ, какъ въ фабричномъ классѣ и среди сознательныхъ сельскихъ хозяевъ. Наше военное министерство уже кое-что сдѣлало въ отношеніи народнаго образованія, обучая грамотности многихъ солдатъ; можетъ быть, оно уже больше сдѣлало въ этомъ отношеніи, чѣмъ наше министерство народнаго просвѣщенія. Если послѣднее не приметъ тотчасъ этого дѣла въ свои руки, то ничего не будетъ удивительнаго, если военное министерство возьметъ на себя иниціативу законодательныхъ мѣръ по введенію всеобщаго обуче-

нія... „Wenn die Menschen schweigen, so müssen die Steine sprechen“!

Итакъ, вопросъ о всенародномъ образованіи имѣетъ огромное національное значеніе во всѣхъ отношеніяхъ. Какое будущее ожидаетъ націю, не съумѣвшую во-время установить равновѣсія между собственнымъ культурнымъ уровнемъ и культурнымъ уровнемъ своихъ сосѣдей,—мы это видимъ на примѣрѣ нашихъ сосѣдей съ восточной стороны. Эти примѣры до такой степени поучительны, убѣдительны и внушительны, что нельзя не удивляться, если, несмотря на то, вопросъ о всеобщемъ обученіи все еще ждетъ у насъ разрѣшенія, и находятся люди, называющіе себя и считающіеся патріотами, которые имѣютъ рѣшимость задерживать и тормазить это насущное и великое дѣло разными посторонними и мелочными соображеніями. Мудрость этихъ людей находится на одинаковомъ уровнѣ съ мудростью нашихъ восточныхъ сосѣдей. Они, очевидно, не видятъ ни того, что̀ происходитъ на Востокѣ, ни того, что̀ происходитъ на Западѣ. А между тѣмъ, какъ можно не обращать вниманія хотя бы на то, что въ Пруссіи всеобщее обученіе введено было *столь консервативной прусской бюрократіей* и было развито и усовершенствовано при содѣйствіи еще болѣе консервативнаго прусскаго сейма.

Однакожъ, противодѣйствіе высшему народному образованію, повидимому, уже слабѣетъ и у насъ. Вопросъ о всеобщемъ обученіи поставленъ теперь оффиціально на очередь дня проектомъ В. И. Фармаковскаго. Это очень отрадно, но разсмотримъ этотъ проектъ по существу. По проекту, фактическое осуществленіе всеобщаго обученія и матеріальная забота о народныхъ школахъ возлагаются на министерство народнаго просвѣщенія. Эта мысль служитъ основаніемъ проекта и вмѣстѣ самой слабой его частью. Наше министерство народнаго просвѣщенія не имѣетъ матеріальныхъ средствъ для такого крупнаго дѣла и, по всей вѣроятности, не скоро будетъ ихъ имѣть. Это признаетъ самъ авторъ проекта и поэтому требуетъ для его осуществленія — нѣсколько десятковъ лѣтъ! Для одного перваго опыта въ московскомъ учебномъ округѣ проектъ требуетъ десять лѣтъ! Для болѣе скораго осуществленія всеобщаго обученія министерство, по словамъ г. Фармаковскаго, не имѣетъ средствъ. Но почему же авторъ все-таки предлагаетъ возложить это трудное дѣло на министерство и отстранять отъ него тѣ учрежденія, которыя доказали на опытѣ свою способность къ осуществленію этого дѣла, т.-е. мѣстное самоуправленіе? Авторъ говоритъ, что наше земство не имѣетъ

теперь свободныхъ средствъ, вслѣдствіе стѣсненія, наложеннаго на него закономъ о предѣльномъ обложеніи. Это—такъ. Но изъ этого слѣдуетъ, что необходимо ходатайствовать объ отмѣнѣ этого распоряженія, ради интересовъ столь необходимаго намъ народнаго образованія. И надобно думать, что этого легче будетъ добиться, чѣмъ крупныхъ наличныхъ средствъ изъ государственной казны. Рекомендательное письмо всегда легче получить, чѣмъ денежную помощь... Поэтому трудное дѣло введенія всеобщаго обученія необходимо раздѣлить на двѣ части: сначала нужно дождаться закона, устанавливающаго всеобщее обученіе; а затѣмъ на основаніи закона стремиться къ осуществленію этого дѣла. Такимъ именно путемъ этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ во всѣхъ странахъ, въ которыхъ онъ разрѣшался. Такъ было въ Пруссіи, такъ было въ Австріи, такъ было въ Англіи, во Франціи и въ Бельгіи и т. д. Во всѣхъ странахъ, во всѣ времена и при всѣхъ режимахъ, введеніе всеобщаго обученія началось съ установленія законодательнымъ путемъ обязательности всеобщаго обученія и возложенія матеріальныхъ заботъ объ этомъ на мѣстныя общества. Субсидія со стороны государственной казны, конечно, не только желательна, но и необходима; но требовать отъ казны всей необходимой суммы—нельзя, потому что она и не можетъ дать...

В. И. Фармаковскій опасается, что для скораго осуществленія всеобщаго обученія, стоимость котораго онъ вычислилъ въ 100 милліоновъ рублей въ годъ, вообще не найдется средствъ въ Россійской Имперіи. Ошибочность этого опасенія обнаруживается при первомъ взглядѣ на нашъ государственный бюджетъ, который возростаетъ изъ года въ годъ больше чѣмъ на 100 милліоновъ. Точно также какъ нашлись средства для многократныхъ перевооруженій нашей арміи и для увеличенія нашего флота, точно также какъ нашлись средства для постройки колоссальной сѣти желѣзныхъ дорогъ, найдутся средства для всенароднаго обученія, которое и въ національномъ, и въ экономическомъ отношеніи—не менѣе важно.

Въ Пруссіи годовой расходъ на народную школу составляетъ, въ среднемъ, около 4-хъ рублей на душу населенія. Столько русскій народъ тотчасъ, конечно, дать не можетъ. Но если онъ дастъ только пятую часть этого, то уже соберется сумма, нужная, по вычисленіямъ В. И. Фармаковскаго, для осуществленія всеобщаго обученія. Нѣтъ сомнѣнія, въ будущемъ потребуются большія суммы; но мы не можемъ успокоиться, пока не сравнимся въ отношеніи народнаго образованія съ нашимъ западнымъ сосѣдомъ.

Это будетъ, конечно, нелегко, потому что Германія не стоитъ на мѣстѣ, а быстро идетъ впередъ. Но въ дѣлѣ народнаго образованія силы возростаютъ съ каждымъ шагомъ, а потому необходимо скорѣе пуститься въ путь. Необходимо безъ дальнѣйшихъ отлагательствъ устроить столько школъ, сколько необходимо хотя бы сначала для скромнаго первоначальнаго обученія *всѣхъ* дѣтей школьнаго возраста... *Вѣдь и тогда все населеніе будетъ грамотнымъ сплошь только черезъ пятьдесятъ лѣтъ.*

Р. Бланкъ.

Берлинъ, 1903.

СЕМЕЙСТВО БУДДЕНБРОКОВЪ

ЭСКИЗЪ.

По роману: „Buddenbrooks. Verfall einer Familie". Roman, v. Thomas Mann. Berlin, 1903.

Окончаніе.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

I *).

Тони прогостила нѣсколько мѣсяцевъ у своихъ друзей Нидерпауровъ въ Мюнхенѣ и писала оттуда матери пространныя письма о своихъ новыхъ впечатлѣніяхъ. Ева Нидерпауръ всячески старалась о томъ, чтобъ ей пріятно жилось, а ея мужъ, директоръ пивовареннаго завода, былъ добродушный и веселый человѣкъ, какъ большинство людей въ южной Германіи; это наблюденіе Тони сдѣлала въ первое же время своего пребыванія въ Мюнхенѣ, и сообщила объ этомъ, конечно, домой. Многое въ Баваріи, однако, ее изумляло и даже возмущало своимъ контрастомъ съ трезвостью и добропорядочностью сѣверной германской жизни. Она жаловалась въ письмахъ на мюнхенскую кухню съ ея изобиліемъ мучныхъ блюдъ и тяжелыхъ соусовъ, на неизбѣжный картофельный саладъ, съ которымъ никакъ не можетъ примириться ея слабый желудокъ. „Вѣдь здѣсь не имѣютъ понятія о прилично поджаренной телятинѣ,—писала она,—и развѣ

*) См. выше: ноябрь, стр. 287.

не безуміе вѣчно ѣсть огуречный и картофельный саладъ, запивая его пивомъ"? Возмущалъ ее также языкъ баварцевъ, ихъ пристрастіе къ уменьшительнымъ словамъ и добродушно-грубоватымъ ругательствамъ. Но въ остальномъ ей Мюнхенъ нравился; она восторгалась въ письмахъ мюнхенскими музеями, и расхваливала баварцевъ за ихъ общительный веселый нравъ. Она только не могла примириться съ тѣмъ, что они католики, и потому, по ея твердому убѣжденію, люди сомнительной нравственности. Въ доказательство безнравственности баварцевъ она написала матери о возмутительномъ происшествіи, случившемся съ нею на улицѣ: мимо нея проѣхалъ въ открытой коляскѣ католическій епископъ—совсѣмъ пожилой человѣкъ—и подмигнулъ ей. Сравнительно съ такой наглостью даже „слезливый Тричке"—святой человѣкъ.

Не нравился ей также слишкомъ развязный тонъ мюнхенцевъ, и она находила слишкомъ грубыми шутки гостей, бывавшихъ въ домѣ ея друзей,—въ томъ числѣ опернаго пѣвца и живописца, который просилъ позволенія писать ея портретъ. Живописцу она, конечно, отказала позировать, считая его предложеніе неприличнымъ. Больше другихъ ей пришелся по душѣ нѣкій Перманедеръ. Она писала, что онъ очень милый человѣкъ среднихъ лѣтъ, холостъ и, кромѣ того, протестантъ,—что̀ ей особенно пріятно. Она часто съ нимъ видѣлась, и онъ много разспрашивалъ ее о всей семьѣ, объ Эрикѣ и даже о Грюнлихѣ.

Тони вернулась домой въ апрѣлѣ и оживила весь домъ своимъ веселымъ настроеніемъ и безконечными разсказами о Мюнхенѣ. Она похорошѣла за послѣднее время, и ей никакъ нельзя было дать съ виду болѣе двадцати лѣтъ, хотя въ дѣйствительности ей уже было тридцать; искусно причесанные волосы съ прямымъ проборомъ и завитыми вачесами по бокамъ окаймляли тонкій и мягкій овалъ лица съ вздернутой губой, живыми сѣро-голубыми глазами и нѣжнымъ румянцемъ. Всѣ замѣтили, что она стала одѣваться еще съ большей тщательностью, чѣмъ обыкновенно, носила дома нарядныя, очень идущія къ ея стройной фигурѣ, блузки и при каждомъ звонкѣ выбѣгала смотрѣть, кто пришелъ... Томъ даже добродушно поддразнивалъ ее.

Веселость Тони нѣсколько приподняла настроеніе въ домѣ на Mengstrasse, омраченное главнымъ образомъ раздоромъ между Томомъ и его младшимъ братомъ. Тома сердило небрежное отношеніе Христіана къ конторскимъ занятіямъ и раздражали его нескончаемыя жалобы на болѣзненное ощущеніе въ лѣвой ногѣ и на появившееся у него новое страданіе—невозможность сво-

бодно вздохнуть. Кромѣ того, Тома возмущалъ образъ жизни Христіана, ставшаго завзятымъ suitier. Онъ даже не соблюдалъ внѣшнихъ приличій, и показывался на улицахъ въ обществѣ какой-то хористки лѣтняго театра. Въ городѣ добродушно относились къ легкомысленному поведенію Христіана, котораго всѣ фамильярно звали „Кришаномъ" и посмѣивались надъ его комичными авантюрами; въ клубѣ тоже очень забавлялись его анекдотами, а также имъ самимъ и его странностями. Но Тому все это было крайне непріятно; онъ понималъ, что поведеніе брата вредитъ репутаціи семьи Будденброковъ,—и чувствовалъ также, что за послѣдніе годы накопилось слишкомъ много обстоятельствъ, дающихъ пищу злословію враговъ. Крёгеры совершенно перестали играть роль въ обществѣ и жили уединенно, удрученные поведеніемъ ихъ старшаго сына. Неудачный бракъ дяди Готгольда продолжалъ оставаться пятномъ на семейной чести, и жалкій видъ его трехъ состарившихся въ дѣвичествѣ дочерей тоже не способствовалъ блеску семьи... Затѣмъ разводъ Тони—все это не совмѣщалось съ прежней безукоризненной репутаціей дома Будденброковъ. А теперь еще Христіанъ сталъ посмѣшищемъ всего города, благодаря своимъ странностямъ, своимъ приключеніямъ и вѣчному безденежью, заставлявшему его дѣлать мелкіе долги у товарищей. Томъ чувствовалъ къ позорящему его брату не только презрѣніе, но положительную ненависть, обостренную къ тому же непонятной кротостью, или, вѣрнѣе, равнодушіемъ, съ которымъ Христіанъ выслушивалъ упреки старшаго брата. Дѣло дошло, наконецъ, до окончательнаго разрыва. Томъ узналъ, что Христіана публично оскорбили въ клубѣ, и что онъ снесъ обиду безъ всякаго протеста. Это окончательно взорвало Тома. Онъ призвалъ Христіана и, все болѣе и болѣе раздражаясь видомъ его покорнаго равнодушія, самымъ рѣзкимъ образомъ высказалъ ему свое негодованіе.

— Мое терпѣніе лопнуло!—кричалъ онъ.—Убирайся бездѣльничать куда хочешь; здѣсь тебѣ не мѣсто. Ты насъ позоришь каждымъ твоимъ шагомъ. Ты выродокъ въ нашей семьѣ, пятно на нашей чести. Еслибы этотъ домъ мнѣ принадлежалъ, я бы тебя вышвырнулъ за дверь!..—Томъ былъ такъ взбѣшенъ, что не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, что̀ говоритъ.

— Какъ тебѣ не стыдно, Томъ! — сказалъ Христіанъ съ внезапнымъ взрывомъ негодованія, и его круглые глубокіе глаза налились кровью, какъ у его отца въ минуты сильнаго гнѣва.— Какъ это ты говоришь со мной? Что̀ я тебѣ сдѣлалъ! Я самъ

уйду, тебѣ нечего меня выгонять. Фи!—прибавилъ онъ съ искреннимъ отвращеніемъ, сопровождая это слово такимъ движеніемъ руки, какъ будто хотѣлъ отогнать муху.

Возмущеніе брата какъ-то сразу успокоило Тома, точно онъ былъ доволенъ, что съумѣлъ пробудить въ Христіанѣ чувство гнѣва. Онъ заговорилъ умиротвореннымъ, дружескимъ тономъ, увѣряя Христіана, что ему самому тяжело такъ рѣзко говорить съ нимъ, что подобныя сцены между братьями крайне прискорбны, но что все-же необходимо объясниться разъ навсегда.

— Ты вѣдь недоволенъ своимъ теперешнимъ положеніемъ, Христіанъ?—спросилъ онъ.

— Да, недоволенъ, — отвѣтилъ Христіанъ.—Сначала мнѣ нравилось работать подъ твоимъ начальствомъ, но я вижу, что мнѣ недостаетъ самостоятельности. Вотъ ты самъ себѣ хозяинъ, всѣмъ управляешь и вполнѣ свободенъ... Я тоже хочу быть въ такомъ положеніи.

— Ну и отлично. Почему ты давно этого не сказалъ? Ты вполнѣ можешь устроиться самостоятельно. Я готовъ выдать тебѣ по первому требованію пятьдесятъ тысячъ марокъ твоего наслѣдства отъ отца, и съ этими деньгами ты можешь вступить компаньономъ въ какое-нибудь солидное дѣло. Въ Гамбургѣ легко можно найти что-нибудь подходящее. Обдумай это и поговори съ матерью. А теперь прощай. У меня сегодня много дѣла, и ты могъ бы тоже пока написать нужныя англійскія письма.

— Что ты думаешь, напримѣръ, о фирмѣ Бурмейстеръ и Комп. въ Гамбургѣ?—спросилъ Томъ, уходя.—Она занимается ввозомъ и вывозомъ. Я знаю Бурмейстера, и увѣренъ, что онъ охотно приметъ тебя въ компаньоны.

Этотъ разговоръ произошелъ въ концѣ мая 1857 года, и уже черезъ мѣсяцъ Христіанъ уѣхалъ въ Гамбургъ. Его провожали на вокзалъ всѣ его клубные знакомые, и хохотали до упада при прощаніи... очевидно, вспоминая объ анекдотахъ, которые имъ разсказывалъ Христіанъ. Въ домѣ на Mengstrasse воцарилась тишина, прерываемая обязательными пріемами гостей и зваными обѣдами, на которые являлось все избранное общество города. Прекрасно сервированные, вкусные обѣды приводили гостей въ пріятное настроеніе, и они оставались еще часовъ до одиннадцати, играя въ вистъ и слушая игру хозяйки на скрипкѣ. Оставшись наединѣ съ женой послѣ одного изъ такихъ пріемовъ, Томъ съ искреннимъ чувствомъ пожалъ ей руку, хваля ея хозяйскія способности и ея умѣнье принимать гостей.

— Все прекрасно сошло,—сказалъ онъ.—Давать хорошіе обѣды очень важно. У меня нѣтъ никакого желанія устроивать балы для молодежи,—у насъ и мѣста нѣтъ для танцевъ. Но необходимо, чтобы людямъ степеннымъ пріятно было у насъ пообѣдать. Такой обѣдъ обходится довольно дорого, но это не потерянныя деньги.

— Ты правъ,—отвѣтила Герда, оправляя кружево на лифѣ.— Я тоже предпочитаю обѣды баламъ. Это гораздо спокойнѣе... Я сегодня днемъ играла, и меня охватило такое странное волненіе... А теперь у меня въ мозгу такъ мертво, что еслибы сейчасъ ударила молнія, то я, вѣроятно, даже бы не вздрогнула.

II.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Христіана, къ Будденброкамъ пріѣхалъ гость изъ Мюнхена—Алоисъ Перманедеръ. У него были дѣла въ городѣ, но сразу выяснилось, что главной причиной его пріѣзда было желаніе снова повидаться съ m-me Грюнлихъ. Когда онъ сдѣлалъ визитъ старой консульшѣ, она была нѣсколько озадачена его развязными, но очень добродушными манерами, нѣкоторой грубоватостью его южной рѣчи, его словечками, которыхъ она не понимала, и его страннымъ пестрымъ костюмомъ тирольскаго горца. Войдя въ гостиную, онъ держалъ въ одной рукѣ зеленую тирольскую шапочку, а въ другой—палку съ загнутой роговой ручкой. На пестромъ жилетѣ красовалась толстая золотая цѣпочка, съ цѣлымъ букетомъ роговыхъ, серебряныхъ и коралловыхъ привѣсокъ. Самъ онъ былъ довольно тученъ для своихъ сорока лѣтъ; толстыя щеки лоснились, и узкіе какъ щелочки глаза имѣли чрезвычайно добродушный видъ. Оправившись отъ перваго изумленія, консульша очень ласково приняла гостя, и предложила ему остановиться у нихъ на то время, которое онъ пробудетъ въ городѣ. Перманедеръ сразу принялъ ея приглашеніе, и, поселившись въ домѣ, вовсе не торопился уѣзжать. Тони ему обрадовалась, но ее смущало его несоотвѣтствіе всему стилю жизни Будденброковъ. Перманедеръ говорилъ слишкомъ громко, пересыпая свою мюнхенскую рѣчь мало понятными крѣпкими словечками, велъ себя съ добродушной непринужденностью, долго сидѣлъ за столомъ послѣ обѣда, курилъ, пилъ пиво и, повидимому, чувствовалъ себя совершенно какъ дома; онъ присутствовалъ на семейныхъ собраніяхъ по четвергамъ и на „іерусалимскихъ вечерахъ“, производя странное

впечатлѣніе на кузинъ Будденброковъ, на дядю Юста и даже на Тома своей безцеремонностью и шумливостью. Въ домѣ на Mengstrasse всѣ были такъ сдержанны, такъ привыкли соблюдать приличія и обдумывать каждое слово, что открытый, веселый нравъ мюнхенскаго гостя казался чѣмъ-то почти непристойнымъ.

Но все-же семья Тони почувствовала довѣріе и расположеніе къ честному, простому и явно влюбленному въ m-me Грюнлихъ баварцу, приписывая всѣ его странности его южному темпераменту. Сама Тони не спала по ночамъ отъ нервнаго возбужденія, въ предвидѣніи того, что не сегодня—завтра Перманедеръ сдѣлаетъ ей предложеніе. Она призывала къ себѣ свою вѣрную наперсницу Иду, которая клала ей компрессы на голову, чтобы облегчить начинающуюся мигрень, и вела съ ней длинныя бесѣды.

— Да любишь ли ты его, Тони?—спрашивала Ида.—Скажи откровенно.

— Да, Ида, онъ мнѣ нравится. Онъ не красивъ, но очень добрый человѣкъ и не способенъ причинить зла. Когда я подумаю о Грюнлихѣ... Какой мошенникъ!.. Перманедеръ совсѣмъ другого рода человѣкъ. Онъ слишкомъ добродушенъ и слишкомъ любитъ удобства, чтобы рѣшиться на какую-нибудь подлость. Но это тоже не хорошо; я боюсь, что онъ опустится послѣ женитьбы, и не будетъ стараться расширять дѣла... У него нѣтъ честолюбія. Тамъ, въ Мюнхенѣ, они всѣ такіе простые, и среди людей своего круга онъ мнѣ нравился своей сердечностью и непринужденностью; но здѣсь, знаешь ли, мнѣ за него иногда стыдно. Въ Мюнхенѣ всѣ говорятъ неправильнымъ нѣмецкимъ языкомъ, и не стѣсняются въ выборѣ выраженій. Тамъ это не обращаетъ на себя вниманія. Но здѣсь стоитъ ему что-нибудь такое сказать, и я вижу, какъ Томъ хмуритъ брови, какъ кузины Будденброкъ переглядываются съ насмѣшкой, и мнѣ становится неловко.

— Ты вѣдь будешь жить въ Мюнхенѣ, Тони.

— Это вѣрно, Ида. Но подумай, какъ я буду страдать во время помолвки и свадьбы. Мнѣ будетъ стыдно передъ Меллендорпами, Кистенмакерами и всей нашей семьей за его неаристократическія манеры... Да, Грюнлихъ былъ болѣе изященъ... Но что же дѣлать? Самое важное, чтобы я опять вышла замужъ. Конечно, когда я выходила за Грюнлиха, блеска было больше. Какая у насъ была чудная вилла, какая аристократическая обстановка! Съ Перманедеромъ жизнь будетъ скромнѣе, но за то не

будетъ всѣхъ этихъ гадостей... банкира Кессельмайера, отвратительнаго разрыва... Да, ты не знаешь, дорогая, какой горькій опытъ приноситъ жизнь! Но Перманедеръ не способенъ ни на какую низость, а я уже постараюсь развить въ немъ честолюбіе. Онъ долженъ помнить, что женится на урожденной Будденброкъ. И къ тому же дѣло теперь идетъ не о моемъ личномъ счастьѣ, —о немъ поздно мечтать. Мой долгъ только въ томъ, чтобы изгладить позоръ перваго брака. Я знаю, что Томъ тоже такого мнѣнія. Для него самое важное—честь нашей фирмы и семьи, а я нанесла ей уронъ своимъ разводомъ. Да, я должна рѣшиться на этотъ бракъ...

III.

На слѣдующій день, въ прекрасное іюньское воскресенье, семья Будденброковъ предприняла вмѣстѣ со своимъ мюнхенскимъ гостемъ загородную прогулку, во время которой, по общимъ ожиданіямъ, должна была рѣшиться судьба Тони... Вѣдь пасторъ Тибурцій сдѣлалъ предложеніе Кларѣ тоже во время поѣздки за городъ. Гердѣ очень не хотѣлось участвовать въ этой поѣздкѣ. Она чувствовала отвращеніе къ подобнымъ предпріятіямъ, особенно лѣтомъ, да еще въ воскресенье. Она устроивала въ своихъ комнатахъ всегда полумракъ, и рѣдко выходила лѣтомъ, боясь солнца, пыли, мѣщанства, разряженной толпы, запаха пива и табака. Больше всего на свѣтѣ ей были ненавистны суета и жара.

— Милый другъ,—сказала она Тому,—ты вѣдь знаешь, я люблю покой и ненавижу воскресную суету. Освободи меня отъ участія въ этой поѣздкѣ.

Томъ почти всегда во всемъ съ ней соглашался,—она бы не вышла за него замужъ, еслибъ онъ не раздѣлялъ ея вкусовъ.

— Ты, конечно, права, Герда,—сказалъ онъ.—Удовольствіе отъ такихъ предпріятій только воображаемое. Но непріятно отставать отъ другихъ и казаться чудакомъ. Этимъ лишаешься общаго уваженія, и люди начинаютъ считать тебя несчастнымъ, а этого нельзя допускать... Къ тому же, милая Герда, подумай, мы всѣ должны быть любезны съ Перманедеромъ. Тутъ, очевидно, что-то устроивается, и было бы жаль, еслибы это не состоялось.

— Я не знаю, насколько мое присутствіе... Ну, да все равно, если ты этого желаешь, я сдаюсь. Придется претерпѣть это удовольствіе.

Экскурсія состоялась по заранѣе намѣченной программѣ. Мюнхенскій гость съ Тони, Томъ съ женой, а также консульша и маленькая Эрика съ Идой поѣхали въ живописный лѣсъ, считавшійся одной изъ достопримѣчательностей въ окрестностяхъ города. Пройдясь по лѣсу, они отправились обѣдать въ ресторанъ, гдѣ, къ величайшему неудовольствію Тони, увидѣли сидящихъ за двумя сдвинутыми столами Меллендорповъ и Гагенстрёмовъ,—оживленную, хорошенькую Юлиньку съ блестящими черными глазами и огромными брилліантами въ ушахъ, ея мужа, Августа Меллендорпа, блѣднаго молодого человѣка съ аристократической наружностью, и всѣхъ остальныхъ членовъ семьи. Тони сразу съёжилась и приняла оскорбленно-величавый видъ, въ противоположность Перманедеру, который продолжалъ вести себя по обыкновенію съ добродушной безцеремонностью. Послѣ обильнаго обѣда, за которымъ Перманедеръ выпилъ больше пива, чѣмъ полагалось по понятіямъ семьи Будденброковъ, все общество отправилось гулять, распорядившись, чтобы коляски ждали ихъ черезъ часъ передъ рестораномъ. Эрика убѣжала впередъ съ Идой, консульша примкнула къ Тому и Гердѣ, а Тони и Перманедеръ отстали отъ другихъ, погруженные въ тихую бесѣду. Перманедеръ началъ разговоръ съ похвалъ хорошенькой Эрикѣ, говоря, что она совершенно не похожа на свою мать. Въ отвѣтъ на это Тони объяснила, что она вся въ отца, который по внѣшности былъ настоящимъ джентльменомъ и обращалъ на себя общее вниманіе своими оригинальными золотистыми бакенбардами.—Но онъ былъ очень дурной человѣкъ,—прибавила она и разсказала подробно исторію своего перваго брака. Перманедеръ слушалъ очень внимательно, подробно разспросилъ объ обстоятельствахъ банкротства, но потомъ не могъ удержаться отъ сильной ругани по адресу господина съ золотистыми бакенбардами, принесшаго столько незаслуженнаго горя своей женѣ.

— И по милости этого противнаго человѣка вы теперь навѣрное боитесь замужества, и не рѣшитесь во второй разъ...

Тони нашла это вступленіе очень неудачнымъ, такъ какъ теперь ей приходилось обнадеживать Перманедера. Она сказала, что, конечно, ей трудно было бы послѣ горькаго перваго опыта вторично связать себя супружескими узами, но еслибы ея руки просилъ благородный и добрый человѣкъ...

Онъ позволилъ себѣ спросить, считаетъ ли она его таковымъ, и, послѣ ея утвердительнаго отвѣта, обмѣнялся съ ней нѣсколькими тихими фразами, въ результатѣ которыхъ попросилъ позволенія поговорить съ консульшей и Томомъ. Когда все общество

снова соединилось, Томъ старался не глядѣть на сестру и мюнхенскаго гостя, замѣтивъ, что они сильно смущены. Перманедеръ даже не старался этого скрыть, но Тони приняла чрезвычайно величавый видъ, чтобы не обнаружить своего волненія. Она молча сѣла въ коляску; началъ накрапывать дождь, и нужно было спѣшить домой.

Томъ навелъ справки о Перманедерѣ сейчасъ же послѣ его пріѣзда, и узналъ, что фирма Нотте и Комп., въ которой онъ былъ участникомъ,—хотя и довольно скромная, но вполнѣ солидная. Въ виду этого, когда Перманедеръ явился для оффиціальнаго разговора съ матерью и братомъ Тони, всѣ вопросы были очень скоро улажены, также и относительно маленькой Эрики, которую Тони и ея женихъ рѣшили увезти съ собой въ Мюнхенъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ помолвки, Перманедеръ вернулся въ Мюнхенъ, но потомъ часто пріѣзжалъ къ невѣстѣ; Томъ побывалъ также въ Мюнхенѣ и увидѣлъ недавно купленный Перманедеромъ домъ—очень старый и странный, съ узкой лѣстницей и длиннымъ корридоромъ, который нужно было весь пройти, чтобы попасть въ комнаты. Перманедеръ намѣревался сдать часть дома въ наемъ, оставивъ для себя маленькую квартиру. Для Тони начались вторичныя хлопоты о приданомъ. Многое осталось еще отъ ея перваго брака, но кое-что пришлось обновить и докупить; все выписывалось, какъ и въ первый разъ, изъ Гамбурга, и оттуда прибылъ однажды даже капотъ... украшенный, однако, на этотъ разъ не бархатными, а суконными бантиками.

Осенью состоялась свадьба, очень скромная, въ тѣсномъ семейномъ кругу.

Кузины Будденброкъ сказали, вздыхая:—Будемъ надѣяться, что на этотъ разъ бракъ будетъ прочный...—Почему-то чувствовалось, что онѣ вовсе на это не надѣются, и слова ихъ показались обидными. Зеземи Вейхбродтъ опять, поднявшись на цыпочки, поцѣловала свою бывшую ученицу въ лобъ и сказала сердечнымъ тономъ:

— Будь счастлива, доброе дитя!

IV.

Благодаря своей энергіи и личнымъ качествамъ, Томъ Будденброкъ очень успѣшно велъ дѣла своей фирмы, несмотря на то, что оборотный капиталъ уменьшился послѣ выдѣленія Христіана и второго брака Тони. Консулъ Будденброкъ пользовался

общимъ почетомъ въ городѣ; его считали однимъ изъ наиболѣе образованныхъ и интеллигентныхъ членовъ общества, и дѣйствительно его взгляды и интересы были гораздо шире, чѣмъ у большинства его согражданъ. Онъ тяготился мелочностью окружающей жизни, и искалъ удовлетворенія въ общественной дѣятельности, стараясь проводить прогрессивныя идеи въ разныхъ областяхъ городского самоуправленія.

Дни консула проходили въ неутомимой дѣятельности. Начинались они съ бесѣдъ объ общественныхъ дѣлахъ съ парикмахеромъ Венцелемъ, который приходилъ къ нему утромъ брить бороду и разсказывалъ ему всѣ городскія и политическія новости. Консулъ охотно развивалъ ему свои взгляды на общественныя дѣла, зная, что Венцель разнесетъ его слова по всему городу, такъ какъ его кліентами были всѣ вліятельные члены общества. Такъ, напримѣръ, консулъ охотно распространялся о своихъ симпатіяхъ къ бюргермейстеру Овердику, своему дальнему родственнику, причемъ осторожно намекалъ, что, будь онъ на его мѣстѣ, онъ бы дѣйствовалъ болѣе энергично и постарался поставить городъ на высоту современной культуры и, главное, пріобщить его къ общегерманскому таможенному союзу, что̀ значительно облегчило бы торговыя сношенія съ остальной Германіей, съ Мекленбургомъ и Шлезвигъ-Гольштиніей. Овердикъ былъ уже очень старъ, и, распространяясь о своихъ прогрессивныхъ взглядахъ, Томъ подготовлялъ себѣ путь къ новымъ почестямъ.

Отпустивъ Венцеля, консулъ завтракалъ, совершалъ свой туалетъ со свойственной ему тщательностью и отправлялся въ контору, гдѣ дѣлалъ нужныя распоряженія и предоставлялъ дальнѣйшій ходъ отлично заведенной имъ дѣловой машины надсмотру своего опытнаго и разсудительнаго компаніона Маркуса. Затѣмъ онъ появлялся на всевозможныхъ засѣданіяхъ и собраніяхъ, показывался на биржѣ, заходилъ для осмотра на пристань, въ амбары, велъ переговоры съ капитанами торговыхъ судовъ, прерывалъ дѣла короткимъ завтракомъ у матери и обѣдомъ съ Гердой. Послѣ обѣда онъ отдыхалъ съ полчаса за сигарой и газетой, и затѣмъ до вечера снова занимался разными дѣлами, и личными, и общественными, выказывая свою компетентность въ вопросахъ о пошлинахъ, о желѣзныхъ дорогахъ, о постройкахъ, о почтѣ, о помощи бѣднымъ. Его авторитетъ во всѣхъ этихъ дѣлахъ признавался всѣмъ городомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не пренебрегалъ свѣтскими обязанностями, появлялся на обѣдахъ и вечерахъ въ безукоризненномъ фракѣ, подъ руку со своей красивой,

нарядной женой, и слылъ любезнымъ и интереснымъ собесѣдникомъ въ обществѣ. Пріемы, которые онъ устроивалъ у себя, были очень блестящи; его кухня и погребъ славились на весь городъ. Но охотнѣе всего Томъ проводилъ вечера наединѣ съ Гердой, слушая ея игру на скрипкѣ, читая съ нею нѣмецкія или иностранныя книги, выборомъ которыхъ завѣдывала она.

Несмотря, однако, на почетное положеніе, котораго онъ добился въ городѣ, несмотря на цвѣтущее состояніе дѣлъ, у Тома было много заботъ, омрачавшихъ его настроеніе. Очень огорчалъ его Христіанъ: его компаніонъ внезапно умеръ, а наслѣдники его отказались отъ дальнѣйшаго участія въ дѣлѣ; Христіанъ рѣшился продолжать работать самостоятельно, какъ его ни отговаривалъ Томъ, понимавшій, что трудно вести дѣло, начатое на большую ногу, съ половиннымъ капиталомъ. Но Христіанъ жаждалъ самостоятельности, и перенялъ всѣ обязательства фирмы Бурмейстеръ... Томъ былъ увѣренъ, что это кончится печально. Другой его заботой были тревожныя вѣсти о болѣзни его сестры Клары. Мужъ ея писалъ, что головныя боли, которыми она страдала дѣвушкой, все усиливаются и принимаютъ угрожающій характеръ мозгового страданія. Все это было очень грустно, но еще болѣе мучило Тома отсутствіе наслѣдника, который обезпечилъ бы продолженіе рода Будденброковъ.

Ко всѣмъ этимъ заботамъ присоединилась вскорѣ еще одна— новая катастрофа въ жизни Тони.

V.

Тони никакъ не могла освоиться съ жизнью въ Мюнхенѣ. Она жаловалась въ письмахъ домой на невозможность вести хозяйство съ прислугой, которая говоритъ на непонятномъ языкѣ, не понимаетъ ея приказаній и страшно грубитъ. Ей пришлось въ первые же мѣсяцы перемѣнить нѣсколько кухарокъ. Послѣдней изъ нихъ, черноволосой, хорошенькой Бабетой, она была болѣе довольна; она научила ее стряпать кушанья, къ которымъ привыкла дома, причемъ, однако, ея мужъ безцеремонно заявилъ, что кушанья эти ни къ чорту не годятся... Но горе Тони не ограничивалось этими пустяками. Еще въ медовый мѣсяцъ ее оглушилъ неожиданный ударъ, лишившій ее всякой жизненной бодрости: Перманедеръ заявилъ ей, что ихъ общаго капитала достаточно для тихой жизни, что онъ не намѣренъ больше работать и ограничится существованіемъ скромнаго рантье́, отдастъ

въ наемъ весь домъ, за исключеніемъ маленькой квартиры для нихъ самихъ, будетъ по вечерамъ ходить пить пиво... и дѣло съ концомъ.

— Перманедеръ!—крикнула она, произнося впервые это имя такимъ же гнѣвнымъ голосомъ, какимъ она обыкновенно произносила имя Грюнлиха; но это не испугало ея мужа и не заставило его измѣнить рѣшеніе. Тони была въ отчаяніи, такъ какъ она лишилась всякихъ надеждъ на будущее, всякой возможности писать домой о ростѣ своего благосостоянія. Ей пришлось жить скромно, безъ всякой тѣни аристократизма, къ которому она стремилась всю жизнь. Ея новая обстановка, даже когда она освоилась съ чуждымъ ей діалектомъ, была ей очень не по душѣ. Она оставалась чужой въ Мюнхенѣ, гдѣ даже то, чѣмъ она всю жизнь гордилась, ея принадлежность къ семьѣ Будденброковъ, не производила ни на кого впечатлѣнія... Ея самолюбіе страдало. Ей улыбнулась вначалѣ надежда на новое счастье—на то, котораго напрасно ждали въ домѣ на Mengstrasse... Тони готовилась вторично стать матерью, и уже лелѣяла мечты о торжественныхъ крестинахъ, на которыя пріѣдутъ родные... Но надежды ея не сбылись; родившаяся у нея дѣвочка умерла черезъ день, и консульша, пріѣхавшая на крестины съ Томомъ и Гердой, должна была остаться, чтобы ухаживать за больной дочерью, каторая долго не могла оправиться отъ болѣзни и горя. Перманедеръ выказалъ свое доброе сердце при этомъ случаѣ, очень плакалъ о ребенкѣ, но его природный веселый нравъ помогъ ему очень скоро—по мнѣнію Тони, слишкомъ скоро—оправиться отъ горя, и онъ опять сталъ уходить каждый вечеръ въ Bierhalle.

Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ Тони уже не жаловалась въ письмахъ къ матери на свои разочарованія, а только со свойственной ей нѣсколько ребяческой гордостью перечисляла всѣ удары судьбы:

„Ахъ, мама,—писала она,—чего, чего я не испытала! Подумай только: Грюнлихъ, банкротство,—потомъ рѣшеніе Перманедера удалиться отъ дѣлъ, а въ довершеніе всего—смерть моей дѣвочки... Чѣмъ я заслужила столько несчастій?“ Въ письмѣ Тони чувствовалась нѣкоторая гордость обиліемъ своихъ печальныхъ испытаній—эта неискоренимая дѣтскость Тони помогала ей все переносить... А судьба готовила ей еще болѣе тяжелый ударъ.

Въ концѣ ноября 1859-го года консульша неожиданно получила телеграмму изъ Берлина слѣдующаго содержанія: „Не пугайтесь. Пріѣзжаю съ Эрикой. Все кончено. Ваша несчастная

Антонія".—Консульша сильно перепугалась, но Томъ отнесся недовѣрчиво къ патетическому тону телеграммы, къ торжественной ея подписи: „Антонія", и рѣшилъ, что сестра его по обыкновенію устроиваетъ трагедію изъ пустяковъ. Но все-таки въ домѣ съ тревогой ждали пріѣзда Тони: она явилась, наконецъ, блѣдная, взволнованная, съ дрожащей верхней губой, и какъ была, въ шубкѣ и въ шляпѣ съ длинной вуалью, опустилась на колѣни передъ матерью и, зарывая лицо въ складки ея платья, начала громко и горько рыдать. Консульша стала ее успокоивать, но Тони продолжала рыдать и наконецъ произнесла трагическимъ голосомъ:

— Онъ гнусный человѣкъ!.. Бабета...

— Бабета?—переспросила консульша, и сразу поняла, въ чемъ дѣло. Она помолчала и сказала:

— Я все поняла, Тони... Это, конечно, очень грустно, но какъ можно такъ бурно проявлять свои чувства! Зачѣмъ было бѣжать сюда съ Эрикой? Вѣдь менѣе разумные люди, чѣмъ мы съ тобой, могутъ подумать, что ты не хочешь больше вернуться къ мужу.

— Я и не вернусь къ нему... Никогда!—крикнула Тони, поднимая голову, и стала наконецъ разсказывать матери о случившемся. Разсказъ ея былъ безсвязный и прерывался возгласами возмущенія, но въ общемъ можно было понять, что произошло слѣдующее:

Въ ночь съ 24-го на 25-ое ноября, Тони, очень поздно заснувшая вслѣдствіе мучившаго ее въ послѣднее время нервнаго желудочнаго страданія, проснулась отъ шума на лѣстницѣ. Оттуда раздавались шаги, хихиканье, сердитыя слова сопротивленія и странныя ворчанія и стоны... Не трудно было понять, что тамъ происходитъ, и Тони сначала не могла пошевельнуться отъ ужаса. Но такъ какъ шумъ все-таки продолжался, она дрожащими руками зажгла свѣчку и вышла изъ спальни на лѣстницу; тамъ она увидѣла мужа, совершенно пьянаго; шляпа у него сбилась на затылокъ, пальто было разстегнуто. Онъ пытался обнять кухарку Бабету, которая изо всѣхъ силъ отбивалась отъ него. При появленіи Тони, Бабета вскрикнула и, вырвавшись ловкимъ движеніемъ изъ рукъ хозяина, безслѣдно исчезла. Перманедеръ же, опустивъ голову и едва держась на ногахъ, сталъ что-то бормотать и пошелъ вслѣдъ за Тони въ спальню. Тамъ онъ сталъ въ дверяхъ и, въ отвѣтъ на рыданія жены, принялся добродушно разсказывать ей о томъ, что его другъ Рамзауеръ праздновалъ въ этотъ вечеръ свои именины, и угостилъ ихъ не только пи-

вомъ, но и шампанскимъ. Тони пришла въ бѣшенство отъ его словъ, и главнымъ образомъ отъ его пьянаго вида, и высказала ему все свое отвращеніе, все возмущеніе, которое вызывалъ въ ней его образъ жизни и его характеръ... Перманедеръ, въ свою очередь, сталъ ей рѣзко отвѣчать; завязалась крупная ссора, и Тони, дрожа отъ волненія, выбѣжала изъ спальни... Тогда Перманедеръ крикнулъ ей вслѣдъ слово, котораго она никогда въ жизни не повторитъ, и послѣ котораго она никогда не вернется къ мужу.

Консульша кое-какъ успокоила Тони, убѣдивъ ее пойти отдохнуть въ свою прежнюю комнату. Когда Томъ пришелъ къ матери, она сообщила ему о томъ, что случилось съ Тони и объ ея, очевидно, твердомъ рѣшеніи не возвращаться къ Перманедеру. Она попросила его поговорить съ сестрой, только поосторожнѣе, щадя ея разстроенные нервы.

Томъ рѣшилъ отнестись шутливо къ выходкѣ сестры, думая, что смѣхомъ онъ ее скорѣе всего образумитъ. Онъ сталъ ей дѣлать комплименты, сказалъ, что она похорошѣла, пошутилъ надъ трагическимъ тономъ телеграммы, и, въ отвѣтъ на новый взрывъ негодованія съ ея стороны, пожурилъ ее за то, что она не хочетъ видѣть комическую сторону случившагося. Онъ согласился съ ней, что мужа ея слѣдуетъ наказать за легкомысліе, но прибавилъ, что ея отъѣздъ—достаточная и даже почти слишкомъ строгая кара. Теперь же ей слѣдуетъ сложить гнѣвъ на милость и вернуться, погостивъ, конечно, у матери недѣльки двѣ. Когда же Тони продолжала стоять на своемъ и объявила, что она никогда не вернется къ мужу, Томъ весь перемѣнился въ лицѣ и сказалъ строгимъ, разгнѣваннымъ голосомъ:

— Надѣюсь, ты не устроишь мнѣ новаго скандала, Тони?

Но и слово „скандалъ", напомнившее Тони объ ея обязательствѣ передъ честью фирмы и семьи, не образумило ее; взволнованная, съ разгорѣвшимися щеками, она стала бѣгать по комнатѣ и кричала, что есть границы всему въ жизни, что иногда страхъ передъ скандаломъ становится трусостью... Мужъ ея преступилъ правила приличія, поступился уваженіемъ, которымъ онъ былъ обязанъ ея происхожденію, ея воспитанію и деликатности чувствъ... Онъ крикнулъ ей вслѣдъ слово... Она его ни за что не повторитъ, но оно заставило ее навсегда разстаться съ этимъ человѣкомъ. Теперь она твердо рѣшила развестись съ нимъ.

— Не безпокойся, Томъ,—сказала она въ отвѣтъ на возраженіе брата,—я все это отлично устрою. Ты думаешь, что онъ

будетъ противиться разводу изъ-за моего приданаго... но вѣдь съумѣли же мы избавиться отъ Грюнлиха. Конечно, тогда была на-лицо „неспособность мужа прокормить свою семью". Ну, да и теперь можно будетъ что-нибудь придумать—я поговорю съ адвокатомъ Гизеке. Мнѣ, право, смѣшно, Томъ... ты такъ говоришь, точно я въ первый разъ въ жизни развожусь. Я знаю толкъ въ законахъ, увѣряю тебя. Впрочемъ, еслибы онъ даже не вернулъ приданаго, мнѣ все равно—главный долгъ человѣка не поступаться своимъ достоинствомъ, а до скандала, до людскихъ толковъ, мнѣ дѣла нѣтъ. Пусть Юлинька Меллендорпъ не раскланивается со мной... Пусть кузины Будденброкъ злорадно качаютъ головой на семейныхъ собраніяхъ и говорятъ: „Какъ грустно, что это случилось уже дважды—но, конечно, виноваты были оба раза мужья". Я стою выше всего этого, и все-таки не вернусь къ человѣку, который меня оскорбилъ, не буду жить въ городѣ, гдѣ не умѣютъ цѣнить моего происхожденія, гдѣ всѣ такъ вульгарны... Не сердись на меня, Томъ. Я знаю, что и безъ меня у тебя много заботъ. Теперь тебѣ одному придется поддерживать честь нашего дома. Изъ Христіана никакого толка не выйдетъ... Моя жизнь совсѣмъ не удалась... Но что же дѣлать—я не могу иначе поступить; я завтра же повидаюсь съ Гизеке.

VI.

Тони, дѣйствительно, на слѣдующій день призвала къ себѣ адвоката, разъяснила ему положеніе дѣла и съ большой важностью и дѣловитостью обсудила съ нимъ соотвѣтствующіе параграфы закона, выказавъ большую освоенность съ юридическими терминами. Потомъ она отправилась къ брату.

— Томъ,—сказала она,—прошу тебя немедленно написать этому человѣку... Мнѣ непріятно называть его имя... Пусть онъ выскажетъ свое мнѣніе. Къ нему я, все равно, не вернусь. Если онъ согласится на законный разводъ, мы отъ него потребуемъ возвращенія моего dos; если же онъ будетъ протестовать, то намъ еще не нужно приходить въ отчаяніе; ты долженъ знать, Томъ, что хотя, чисто юридически, Перманедеръ имѣетъ право на мой dos, но и я тоже могу предъявить нѣкоторыя требованія обезпеченія...

Консулъ нервно повелъ плечами, глядя на Тони, которая съ необыкновенно важнымъ лицомъ произносила слово: „dos". Онъ попросилъ сестру обождать по крайней мѣрѣ нѣсколько времени,

такъ какъ теперь ему некогда заниматься разводомъ: онъ долженъ ѣхать въ Гамбургъ, выручать Христіана, запутавшагося въ долгахъ не только изъ-за дѣловыхъ осложненій, но и потому что онъ велъ, по обыкновенію, легкомысленный и расточительный образъ жизни. И Томъ, и всѣ члены клуба знали, что главной причиной его разоренія была одна особа, по имени Алина Купфогель, мать двухъ красивыхъ дѣтей, состоявшая въ дружескихъ отношеніяхъ не только съ Христіаномъ, но и съ нѣкоторыми другими гамбургскими коммерсантами, тратившими на нее большія суммы. Томъ отправился въ Гамбургъ, и вернулся очень разстроенный; а такъ какъ за его отсутствіе изъ Мюнхена не было никакихъ извѣстій, то ему пришлось, по настоянію сестры, сдѣлать первый шагъ и написать Перманедеру о рѣшеніи Тони. Отвѣтъ получился самый неожиданный. Мужъ Тони сразу согласился на разводъ и на немедленное возвращеніе приданаго; онъ призналъ, что дѣйствительно не сходится характеромъ съ Тони, и заканчивалъ письмо пожеланіями всякаго благополучія своей женѣ. Тони была нѣсколько сконфужена благороднымъ поведеніемъ Перманедера, но сейчасъ же занялась съ большимъ усердіемъ своимъ процессомъ—вторымъ процессомъ о разводѣ, утомляя всѣхъ домашнихъ разговорами, пересыпанными юридическими терминами, которые она произносила съ особой важностью. Наконецъ, разводъ состоялся, и она собственноручно вписала въ семейную хронику новый фактъ изъ своей жизни. Всѣ послѣдствія своего рѣшительнаго образа дѣйствія она переносила съ большой храбростью. Она съ невозмутимымъ спокойствіемъ выслушивала колкости кузинъ Будденброковъ, съ величавой холодностью смотрѣла въ лицо Гагенстрёмамъ и Меллендорпамъ, при встрѣчахъ на улицѣ, и перестала бывать въ обществѣ, удовлетворяясь тѣснымъ домашнимъ кругомъ и занятая воспитаніемъ своей дочери Эрики. На ней сосредоточились теперь тайныя надежды Тони на болѣе блестящее будущее.

Впослѣдствіи какимъ-то непонятнымъ образомъ нѣкоторые члены семьи узнали то страшное слово, которое вырвалось у Перманедера въ роковую ночь. Онъ сказалъ: „Убирайся къ чорту, старая карга!“

СЕДЬМАЯ ЧАСТЬ.

I.

Весной 1861 года, въ домѣ Тома праздновалось наконецъ долго ожидавшееся радостное событіе: крестины родившагося у него сына. Весь городъ присутствовалъ на торжествѣ, на которое съѣхалась вся семья, въ томъ числѣ Христіанъ и пасторъ Тибурцій съ женой, очень измѣнившейся, мрачной Кларой; она смотрѣла на всѣхъ потемнѣвшимъ взоромъ, и отъ времени до времени подносила руку къ головѣ, чувствуя невыносимыя боли. Тони сіяла, довольная торжественностью празднества, и держалась съ необыкновенной величавостью, поглядывая съ гордостью отъ времени до времени на свою дочь, десятилѣтнюю Эрику, здоровую, красивую дѣвочку съ унаслѣдованнымъ отъ отца розовымъ цвѣтомъ лица и уложенными коронкой на головѣ свѣтлыми косами. Болѣе всего радовало Тони то, что однимъ изъ воспріемникомъ ея новорожденнаго племянника былъ самъ бургомистръ, докторъ Овердикъ. Это было большой честью, и многіе даже не понимали, какъ это случилось: родство Будденброковъ съ Овердиками было самое отдаленное... Этой чести дѣйствительно трудно было добиться, и Томъ обязанъ былъ этимъ своей сестрѣ. Тони искусно повела тонкую интригу черезъ родственниковъ и общихъ друзей, и теперь вдвойнѣ радовалась успѣху своихъ стараній.

Вторымъ воспріемникомъ новорожденнаго былъ Юстъ Крёгеръ. Къ нему, также какъ къ бургомистру, пасторъ обратился съ наставительной рѣчью объ ихъ обязанностяхъ; затѣмъ, зачерпнувъ нѣсколько капель воды изъ стоявшей передъ нимъ вызолоченной внутри, серебряной чаши, покропилъ голову новорожденнаго и медленно произнесъ имена, данныя ему его воспріемниками: Юстъ, Іоганнъ и Каспаръ. Обрядъ крещенія закончился короткой молитвой, послѣ которой всѣ родственники подошли къ ребенку, лежавшему на рукахъ у пышно разряженной мамки, чтобы поцѣловать маленькое тихое существо... Земи Вейхбродтъ подошла позже всѣхъ, и кормилица должна была опустить передъ ней немного ребенка; за то она поцѣловала его дважды и сказала растроганнымъ голосомъ:

— Будь счастливо, доброе дитя!

Ребенокъ, лежавшій на подушкѣ въ голубомъ, обшитомъ кружевами чепчикѣ, тихо глядѣлъ на всѣхъ открытыми глазами

страннаго золотистаго цвѣта, съ намѣчавшимися уже въ углахъ синеватыми тѣнями,—какъ у Герды. Это придавало преждевременную выразительность лицу младенца и казалось какимъ-то зловѣщимъ предзнаменованіемъ. Но вся семья была счастлива, что ребенокъ по крайней мѣрѣ живъ, такъ какъ, по мнѣнію доктора, легко могло случиться обратное; столь долго ожидаемое крохотное существо, явившееся на свѣтъ беззвучно, чуть-было не погибло тотчасъ же, какъ вторая дочь Тони... Мать ребенка и въ день крестинъ сидѣла на креслѣ еще очень блѣдная и производила нѣсколько жуткое впечатлѣніе своими загадочными глазами, глядѣвшими съ легкой насмѣшкой на пастора...

Гости разошлись, очень довольные пышнымъ пріемомъ и преисполненные уваженія къ несокрушимому могуществу фирмы Будденброкъ. Большое впечатлѣніе произвело прибытіе депутаціи отъ рабочихъ, явившейся поздравить хозяина и поднести букетъ цвѣтовъ его супругѣ. Въ привѣтственной рѣчи рабочихъ ясно сказывалось, какимъ почетомъ и авторитетомъ Томъ пользовался у своихъ подчиненныхъ. Когда всѣ наконецъ ушли, Тони, оставшаяся послѣдней, поцѣловала брата и сказала:

— Какой радостный день мы пережили, Томъ! Я уже много лѣтъ не чувствовала себя такой счастливой. Мы, Будденброки, еще постоимъ за себя, слава Богу, и кто другого мнѣнія, тотъ сильно ошибается. Теперь, когда родился маленькій Іоганнъ—какъ хорошо что его назвали Іоганномъ!—мнѣ кажется, что наступитъ новое, счастливое время.

Торжественный день крестинъ его сына и наслѣдника закончился для Тома, однако, непріятнымъ инцидентомъ—крупнымъ разговоромъ съ Христіаномъ, который явился къ нему вечеромъ и объявилъ, что его дѣла—въ самомъ отчаянномъ положеніи.

— Такъ больше не можетъ продолжаться,—сказалъ онъ съ выраженіемъ испуга въ своихъ маленькихъ, глубоко лежащихъ глазахъ. Ему было только тридцать-три года, но на видъ онъ казался гораздо старше. Его рыжеватые волосы настолько порѣдѣли, что черепъ былъ почти голый; на исхудавшемъ лицѣ съ провалившимися щеками рѣзко выступали скулы и въ особенности большой, крючковатый носъ. Христіанъ сталъ жаловаться прежде всего на свои физическія страданія, на боль во всей лѣвой половинѣ тѣла.—Это даже не боль—говорилъ онъ,—а какая-то безостановочная, неопредѣленная мука. Мнѣ сказалъ докторъ въ Гамбургѣ, что у меня всѣ нервы на этой сторонѣ слишкомъ коротки; можешь ты это себѣ представить? Я никогда не могу спать какъ слѣдуетъ, и вскакиваю разъ десять прежде

чѣмъ усну, потому что мнѣ кажется, что сердце перестаетъ биться и мнѣ становится страшно. Не знаю, понимаешь ли ты это... Я тебѣ точно опишу: это какъ бы...

— Оставь,—холодно отвѣтилъ консулъ.— Ты вѣдь, очевидно, не для того пришелъ сюда, чтобы мнѣ разсказывать о своей болѣзни.

— Конечно, Томъ, дѣло не только въ этомъ, а въ томъ, что дѣла мои очень плохи. Я потерпѣлъ много убытковъ, а жить нужно... Новыхъ дѣлъ я не предпринимаю... не на что. И вотъ, теперь я не знаю, что̀ дѣлать съ долгами... Нужно заплатить пять тысячъ талеровъ по векселю... Ты не представляешь себѣ, какъ я несчастливъ. А къ тому же эта мука въ лѣвой сторонѣ!..

— Ты самъ во всемъ виноватъ!—крикнулъ консулъ, потерявъ всякое терпѣніе.—Вмѣсто того, чтобы заниматься дѣлами, ты кутишь въ клубѣ, посѣщаешь театры и ведешь знакомство съ подозрительными женщинами...

— Ты, очевидно, говоришь объ Алинѣ, Томъ. Конечно, она мнѣ стоила много денегъ, и будетъ еще очень много стоить. Но знаешь ли, я вѣдь тебѣ это могу сказать—ея третій ребенокъ, дѣвочка, которая родилась полгода тому назадъ... моя дочь.

— Осель!

— Не говори этого, Томъ, будь справедливъ. Алина вовсе не подозрительная женщина. Ты не можешь себѣ представить, какое это дивное созданіе. Она здорова... до чего здорова! Ты не представляешь себѣ, какъ я былъ счастливъ, добившись ея любви... въ сто разъ счастливѣе, чѣмъ послѣ самой большой удачи въ дѣлахъ. Но теперь всему этому нужно положить конецъ, хотя, конечно, изъ-за ребенка я не порву съ ней окончательно, когда уѣду... Я рѣшилъ уплатить всѣ долги въ Гамбургѣ и ликвидировать дѣло. Съ матерью я уже говорилъ, она мнѣ дастъ впередъ пять тысячъ талеровъ изъ моего наслѣдства, и вѣдь ты тоже, надѣюсь, не будешь протестовать противъ этого. Лучше вѣдь уѣхать за границу, покончивъ во̀-время съ дѣлами, чѣмъ идти на встрѣчу банкротству. Я опять уѣду въ Лондонъ, Томъ, поступлю куда-нибудь на службу. Я вижу, что самостоятельность мнѣ не по силамъ. Ты ничего не имѣешь противъ этого?

— Хорошо, поѣзжай въ Лондонъ, — сказалъ Томъ и, не обращая больше вниманія на Христіана, прошелъ изъ кабинета въ гостиную, гдѣ сидѣла Герда съ книгой въ рукахъ. Христіанъ пошелъ вслѣдъ за нимъ, подошелъ къ Гердѣ и протянулъ ей руку.

— Покойной ночи, Герда,—сказалъ онъ.—Знаешь, я опять уѣзжаю въ Лондонъ... Странно, какъ судьба гонитъ человѣка съ мѣста на мѣсто. Теперь опять начнется неопредѣленность, опять я буду въ большомъ городѣ, гдѣ на каждомъ шагу случаются неожиданности, гдѣ такъ много можно испытать. Странно... Знакомо ли тебѣ это чувство? Оно вотъ здѣсь, гдѣ-то около желудка... Очень странно...

II.

Джемсъ Меллендорпъ, старѣйшій сенаторъ изъ купеческаго сословія, умеръ жестокой и ужасной смертью. Онъ страдалъ сахарной болѣзнью, но не могъ побѣдить пагубной для него страсти къ пирожнымъ и конфектамъ. Семья его, по строгому требованію врача Грабова, не давала ему ѣсть ничего сладкаго, но впавшій въ слабоуміе старикъ настолько былъ одержимъ своей страстью, что нанялъ себѣ комнатку на краю города и ежедневно пробирался туда тайкомъ, чтобы ѣсть пирожныя... Тамъ его нашли мертвымъ, и во рту у него былъ еще не разжеванный кусокъ торта, а на столѣ лежали нѣсколько пирожныхъ... Онъ умеръ отъ удара, довершившаго дѣло изнурительной болѣзни. Семья его старалась скрыть непріятныя подробности его смерти, но весь городъ о нихъ узналъ, и объ этомъ говорили на биржѣ, въ клубѣ и во всѣхъ домахъ. Впрочемъ, вскорѣ другой, болѣе живой вопросъ вытѣснилъ толки о слабоумномъ сенаторѣ. Ровно черезъ мѣсяцъ послѣ его смерти долженъ былъ быть выбранъ на его мѣсто новый членъ городского совѣта, и весь торговый міръ занялся вопросомъ о выборахъ. Стали называть разныя имена, и вскорѣ выяснилось, что наибольшіе шансы на успѣхъ имѣютъ два кандидата: Томъ Будденброкъ и Германъ Гагенстрёмъ. Послѣдній имѣлъ много приверженцевъ. Этотъ большой, нѣсколько тучный человѣкъ, съ рыжеватой бородой и приплюснутымъ большимъ носомъ, внушалъ невольное уваженіе и своимъ ревностнымъ отношеніемъ къ городскимъ дѣламъ, и своимъ роскошнымъ образомъ жизни, а главное тѣмъ, что онъ съумѣлъ такъ быстро поднять престижъ фирмы Стрункъ и Гагенстрёмъ. Его дѣдъ и даже его отецъ не играли почти никакой роли въ обществѣ, а онъ уже успѣлъ породниться съ самыми знатными семьями въ городѣ и войти въ кругъ избраннаго общества. Кромѣ того, онъ пользовался симпатіями прогрессивной части общества, благодаря широтѣ своихъ взглядовъ, не скованныхъ традиціями и предразсудками. Въ домѣ его

все было устроено богато, изящно и удобно—безъ чопорности, царившей въ огромныхъ, холодныхъ домахъ старинныхъ городскихъ патриціевъ. Онъ первый ввелъ у себя въ комнатахъ газовое освѣщеніе, устроивалъ музыкальные вечера, на которые приглашалъ артистовъ изъ городского театра, и вообще отличался свободой отъ предразсудковъ и строгихъ принциповъ—какъ въ дѣлахъ, такъ и въ жизни.

Отношеніе къ Тому Будденброку было совершенно другого рода; въ немъ видѣли представителя вѣковыхъ бюргерскихъ традицій, въ лицѣ его чтили память его отца, дѣда и прадѣда, и къ тому же онъ самъ покорялъ всѣхъ своей обходительностью и внушалъ уваженіе своимъ образованіемъ.

Весь городъ волновался выборами, и, конечно, въ семьѣ Будденброковъ тоже были очень заинтересованы ихъ исходомъ. Томъ старался казаться равнодушнымъ и съ улыбкой говорилъ сестрѣ, что и безъ сенаторскаго званія ихъ семья можетъ постоять за себя, и она сама отлично проживетъ свой вѣкъ и безъ этой чести. Но Тони очень волновалась и постоянно обсуждала шансы своего брата на успѣхъ, причемъ не могла удержаться отъ того, чтобы не похвастать въ семейномъ кругу своей поразительной освѣдомленностью въ дѣлахъ городского управленія; всѣ постановленія о выборахъ въ сенатъ она такъ же точно изучила, какъ въ свое время параграфы закона о разводѣ. Когда наконецъ наступилъ знаменательный день выборовъ, Тони не могла отъ тревоги высидѣть дома; закутавшись въ темную ротонду, она пошла на площадь передъ ратушей, смѣшалась съ толпой народа, ожидавшей исхода выборовъ, и стала прислушиваться къ разговорамъ; она ежеминутно переходила отъ радостной надежды къ полному отчаянію, смотря потому, высказывались ли около нея за или противъ ея брата. Наконецъ, толпа заволновалась. Выборы состоялись, и въ толпѣ разнесся слухъ, что выбранъ Гагенстрёмъ. Тони оцѣпенѣла. Всѣ надежды рушились. Конечно, слѣдовало это предвидѣть! Въ жизни всегда такъ бываетъ. Она чувствовала, что у нея подступаютъ слезы къ глазамъ. Но вдругъ толпа заколыхалась, уступая дорогу шествію, выходившему изъ ратуши; оттуда появились члены городского совѣта, предшествуемые двумя служителями въ парадной формѣ, въ треуголкахъ, бѣлыхъ рейтузахъ и красныхъ кафтанахъ съ желтыми отворотами. Молча, съ серьезными лицами и опущенными глазами, они направились туда, куда имъ указало путь рѣшеніе совѣта... И Тони съ невыразимымъ волненіемъ увидѣла, что они повернули къ дому ея брата. Въ толпѣ раздались крики: — „Нѣтъ, нѣтъ,

Будденброкъ, а не Гагенстрёмъ"! Тони быстро завернулась плотнѣе въ ротонду и побѣжала впередъ, забывъ свою обычную величавость, стараясь только обогнать процессію. Она раньше всѣхъ подошла къ дому брата, крикнула дѣвушкѣ:—„Они идутъ, идутъ сюда!",—взбѣжала по лѣстницѣ и, запыхавшись, вбѣжала въ гостиную, гдѣ сидѣлъ ея братъ съ газетой въ рукахъ. Лицо его было блѣдно. Онъ отложилъ газеты при видѣ сестры, сдѣлалъ успокоивающій и отстраняющій жестъ рукою. Но она бурно бросилась къ нему на шею и крикнула:

— Они идутъ, Томъ, они идутъ сюда! Выбрали тебя, а Германъ Гагенстрёмъ провалился...

Это происходило въ пятницу, и уже на слѣдующій день сенаторъ Будденброкъ стоялъ въ залѣ засѣданія передъ кресломъ умершаго Джемса Меллендорпа и въ присутствіи „отцовъ города" и членовъ городской думы присягалъ служить вѣрой и правдой интересамъ согражданъ, не руководствуясь никакими родственными или пріятельскими соображеніями, блюсти законы и справедливость относительно всѣхъ согражданъ, не дѣлая различія между богатыми и бѣдными.

III.

Томъ одѣвался съ необыкновеннымъ изяществомъ и даже роскошью, но это вытекало не изъ тщеславія, а главнымъ образомъ изъ стремленія къ корректности какъ въ дѣлахъ, такъ и въ частной жизни, въ обхожденіи съ людьми, въ своей внѣшности. Къ тому же Томъ начиналъ чувствовать, что уже въ тридцатьсемь лѣтъ его силы подаются; ему необходимо было поэтому нѣсколько разъ въ день переодѣваться и освѣжаться для того, чтобы съ обновленной жизнеспособностью быть на своемъ посту. Не изъ тщеславія и высокомѣрія также сенаторъ Будденброкъ рѣшилъ лѣтомъ 1863-го года построить себѣ большой новый домъ. Онъ съумѣлъ, благодаря своей энергіи и дѣловымъ способностямъ, поднять престижъ своего дома, и чувствовалъ необходимость неутомимо укрѣплять общее довѣріе новыми доказательствами своего благополучія,—быть можетъ, именно потому, что внутренно онъ былъ менѣе всего спокоенъ и увѣренъ въ своихъ силахъ. Онъ жаждалъ забвенія пережитыхъ невзгодъ; ему казалось, что новая обстановка жизни подниметъ въ немъ духъ. Кто счастливъ,—не любитъ мѣнять насиженнаго мѣста; а Тому именно хотѣлось все перемѣнить. Семья его, въ особенности Тони, очень одобрили его планъ, считая, что всякая роскошь

дозволительна въ его положеніи. Томъ ревностно принялся за постройку, и уже осенью состоялось торжественное освященіе новаго дома. Всѣ восторгались его внушительнымъ внѣшнимъ видомъ и роскошью внутренняго устройства. Правда, что постройка обошлась чрезвычайно дорого,—отецъ Тома наврядъ ли позволилъ бы себѣ дѣлать подобные расходы,—но Томъ былъ болѣе смѣлъ и предпріимчивъ, чѣмъ его отецъ.

Но и съ переѣздомъ въ новый домъ Томъ не освободился отъ гнетущихъ его заботъ. Больше всего его огорчалъ его маленькій сынъ—Ганно, какъ его звали въ семьѣ. Онъ очень медленно развивался, и въ три года плохо говорилъ и едва-едва научился ходить. Онъ былъ красивымъ, но худенькимъ, слабымъ ребенкомъ со страннымъ, грустнымъ выраженіемъ рта и золотистыхъ глазъ, окруженныхъ синеватыми тѣнями. Въ общемъ, онъ былъ болѣе похожъ на мать, чѣмъ на семью Будденброковъ, и Тому почему-то становилось жутко, когда онъ вглядывался въ не-дѣтское личико мальчика, на которомъ сосредоточены были всѣ его надежды на будущее. Къ этой заботѣ присоединились вскорѣ еще другія. Получилось извѣстіе, что Клара безнадежно больна воспаленіемъ мозга, и что, съ другой стороны, Христіанъ заболѣлъ въ Лондонѣ, долженъ былъ оставить мѣсто, которое получилъ тамъ, и вернулся въ Гамбургъ, гдѣ его пришлось перевезти въ больницу; у него оказался суставный ревматизмъ.

Томъ былъ очень подавленъ всѣми этими событіями, и въ разговорѣ съ Тони признался ей съ несвойственной ему откровенностью въ овладѣвающей имъ безнадежности.

— У меня также много дѣловыхъ потерь въ послѣднее время,—сказалъ онъ,—и мнѣ почему-то кажется, что прежде такихъ неудачъ не могло быть. Теперь точно что-то ускользаетъ отъ меня, точно приближается начало конца. Исчезла вѣра въ счастье, и теперь слѣдуетъ ударъ за ударомъ.

Черезъ десять дней пришла телеграмма о смерти Клары; Томъ поѣхалъ на похороны въ Ригу, и вернулся домой вмѣстѣ съ пасторомъ Тибурціемъ, который пріѣхалъ провести нѣсколько времени въ семьѣ своей умершей жены. Онъ велъ долгія бесѣды наединѣ со старой консульшей, очевидно, разсказывая ей подробности о жизни, о страданіяхъ и смерти ея дочери. Но послѣ его отъѣзда Томъ, къ своему ужасу, узналъ отъ матери,—она сообщила ему это извѣстіе очень осторожно, опасаясь его гнѣва,—что она отдала Тибурцію не только приданое Клары, восемьдесятъ тысячъ марокъ, но и отписала ему въ завѣщаніи

наслѣдство Клары, сто-двадцать-семь тысячъ марокъ. Она увѣряла Тома, что не могла иначе поступить, потому что Тибурцій показалъ ей собственноручную записку умирающей Клары; въ этой запискѣ она просила отдать ея мужу то, что̀ принадлежало ей, и умоляла исполнить ея послѣднюю волю. Томъ пришелъ въ неописуемый гнѣвъ, наговорилъ рѣзкостей матери, обозвалъ Тибурція негодяемъ, вымогателемъ наслѣдства. Его выводила изъ себя не столько самая потеря крупной суммы изъ оборотнаго капитала фирмы, какъ главнымъ образомъ то, что въ продѣлкѣ Тибурція онъ видѣлъ новое преслѣдованіе судьбы. Онъ за послѣдніе мѣсяцы испыталъ много пораженій въ дѣлахъ и въ общественной жизни, а теперь еще его такъ хитро надулъ этотъ тихоня пасторъ. Въ прежнее время ничего подобнаго, навѣрное, не могло бы случиться... Онъ окончательно терялъ вѣру въ свое счастье, въ свою звѣзду. Послѣ первой вспышки гнѣва онъ впалъ въ тихое отчаяніе, которое произвело на его мать и сестру еще болѣе тяжелое впечатлѣніе, чѣмъ его рѣзкія слова. Тони обняла его и стала утѣшать, говоря, что все еще можно измѣнить, что мать можетъ отказаться отъ своего слова и написать новое завѣщаніе. Консульша, подавленная бурной сценой, плакала, и Томъ отклонилъ предложеніе сестры.

— Нѣтъ, нѣтъ,—сказалъ онъ безнадежнымъ голосомъ.— Не нужно новыхъ скандаловъ, которые могутъ привести къ судебнымъ процессамъ. Но только знайте, что мои дѣла очень расшатаны. Тони потеряла свои восемьдесятъ тысячъ, Христіанъ растратилъ не только пятьдесятъ тысячъ, завѣщанныхъ отцомъ, но и взятыя имъ впередъ изъ наслѣдства матери тридцать тысячъ... А теперь у него нѣтъ никакихъ заработковъ, и нужны деньги на его леченіе... Теперь же отнимается отъ семьи не только наслѣдство Клары, но и ея доля будущаго наслѣдства. А дѣла плохи, очень плохи. Семья, въ которой могутъ происходить такія сцены, какъ между нами сегодня, не принадлежитъ къ счастливымъ, повѣрьте мнѣ: еслибы былъ живъ отецъ и былъ сегодня среди насъ, онъ бы сложилъ руки и сталъ молить Бога сжалиться надъ нами.

Городъ между тѣмъ оживился подъ вліяніемъ волнующихъ новыхъ событій. Объявлена была война. Прусскіе офицеры наполнили новый домъ сенатора и старый домъ на Mengstrasse; по улицамъ проходили войска, и весь день раздавался барабанный бой. Затѣмъ войска ушли, и вернулись поздней осенью, проходя черезъ городъ послѣ одержанной побѣды. Объявленъ былъ миръ—короткій, полный тревожныхъ событій миръ 1865-го года.

Въ промежуткѣ между двумя войнами четырехлѣтній маленькій Ганно предавался одинокимъ дѣтскимъ играмъ, создавая себѣ закрытый для взрослыхъ фантастическій міръ радостей, не требуя ничего отъ жизни, равнодушный къ окружающему, беззаботный и по своему счастливый. А пока онъ игралъ, случилось много крупныхъ событій. Возобновилась война, Пруссія побѣдила; городъ, въ которомъ родился Ганно, вознагражденъ былъ за свою приверженность Пруссіи, и не безъ злорадства относился къ богатому Франкфурту, пострадавшему изъ-за своей вѣры въ Австрію и переставшему быть вольнымъ городомъ.

При банкротствѣ одной франкфуртской фирмы, случившейся въ іюлѣ, непосредственно передъ перемиріемъ, фирма Будденброкъ потеряла сразу круглую сумму въ двадцать-тысячъ талеровъ.

ВОСЬМАЯ ЧАСТЬ.

I.

Тони считала свою личную жизнь уже законченной послѣ двухъ неудачныхъ браковъ, и очень сокрушалась о томъ, что ничѣмъ не можетъ содѣйствовать поднятію блеска своей семьи. Но она все-таки не унывала; у нея была дочь, Эрика, очень красивая дѣвушка съ нѣжнымъ цвѣтомъ лица; ей только-что исполнилось двадцать лѣтъ, и Тони возлагала надежды на то, что она сдѣлаетъ блестящую партію, загладитъ этимъ неудачи своей матери и подниметъ престижъ Будденброковъ, замѣтно ослабѣвшій за послѣдніе годы. Мечты Тони, однако, были очень наивны, какъ всѣ мысли и разсужденія этой женщины, остававшейся всю жизнь ребенкомъ во многихъ отношеніяхъ. Эрикѣ трудно было надѣяться на блестящую партію, такъ какъ, въ виду исключительнаго семейнаго положенія ея матери, она почти нигдѣ не бывала. Она къ тому же была очень застѣнчива и молчалива, и не имѣла никакихъ данныхъ, чтобы блистать въ обществѣ. Но случай помогъ Тони осуществить свои надежды. Въ домѣ на Mengstrasse появилось новое лицо; на мѣсто директора городского страхового общества, помѣщавшагося въ нижнемъ этажѣ дома Будденброковъ, приглашенъ былъ нѣкто Гуго Вейншенкъ, очень дѣльный человѣкъ съ привлекательнымъ, энергичнымъ лицомъ. Узнавъ, что онъ не женатъ и пользуется хоро-

шей репутаціей въ городѣ, Тони попросила брата ввести новаго директора къ нимъ въ домъ; она замѣтила, что при случайныхъ встрѣчахъ на лѣстницѣ Вейншенкъ съ явнымъ восхищеніемъ глядѣлъ на Эрику своими блестящими темными глазами, и что чувствительная, робкая дѣвушка, получившая воспитаніе въ пансіонѣ сентиментальной старушки Вейхбродтъ, приходила въ волненіе отъ этихъ встрѣчъ, смущенно убѣгала и, забившись въ уголъ, почему-то заливалась слезами.

Вейншенкъ сдѣлалъ визитъ старой консульшѣ и Тони, былъ принятъ очень любезно, и сталъ часто бывать у Будденброковъ. Онъ былъ родомъ изъ Силезіи, изъ очень скромной семьи, и вышелъ въ люди только благодаря своимъ личнымъ способностямъ. Этимъ объяснялось нѣкоторое мѣщанство его манеръ, и это онъ прикрывалъ большой самоувѣренностью въ обращеніи и разговорѣ. Недостатокъ свѣтскости, сразу замѣченный, конечно, очень требовательною въ этомъ отношеніи Тони, искупался, однако, другими преимуществами Вейншенка. У него было хорошее положеніе; онъ получалъ двѣнадцать тысячъ марокъ жалованья, что̀ могло дать возможность—вмѣстѣ съ приданымъ Эрики, семнадцатью тысячами, возвращенными Перманедеромъ,—жить очень прилично. Партія эта такимъ образомъ была вполнѣ подходящей для Эрики, тѣмъ болѣе, что Вейншенкъ нравился молодой дѣвушкѣ; она даже находила его очень красивымъ.

Черезъ нѣкоторое время Гуго Вейншенкъ сдѣлалъ оффиціальное предложеніе, принятое очень благосклонно всею семьей; въ качествѣ жениха Эрики онъ сталъ являться и на семейныя собранія по четвергамъ, нѣсколько шокируя чопорныхъ членовъ семьи своими безцеремонными шутками съ невѣстой и своей необразованностью, очевидно ничуть его не стѣснявшею. Онъ очень самоувѣренно говорилъ о „Ромео и Джульеттѣ Шиллера“, спрашивалъ во-всеуслышаніе о значеніи самыхъ употребительныхъ въ разговорѣ французскихъ словъ, но продѣлывалъ все это съ такимъ апломбомъ, что никто не рѣшался упрекнуть его въ невѣжествѣ.

Срокъ свадьбы приближался, и Тони съ упоеніемъ принялась хлопотать о приданомъ для дочери и объ устройствѣ нанятой для молодой четы квартиры, выбирала ковры и портьеры, бѣгала по мебельнымъ магазинамъ и по портнымъ. Рѣшено было, что Тони поселится у своей дочери, чтобы помочь неопытной Эрикѣ вести хозяйство,—самъ Вейншенкъ просилъ ее объ этомъ. Перспектива новой жизни удивительно молодила Тони; она точно

сама сдѣлалась невѣстой. Ей временами казалось, что все прошлое исчезло, что не было на свѣтѣ ни Бенедикта Грюнлиха, ни Алоиса Перманедера, и что она сама вступаетъ въ новую жизнь, опять устроиваетъ аристократическую обстановку, поселяется въ изящной квартирѣ, оставляя благочестивый родительскій домъ, перестаетъ быть въ печальномъ положеніи разведенной женщины и снова обрѣтаетъ возможность играть роль въ обществѣ и поднять блескъ своей семьи. Хотя она заботилась главнымъ образомъ о счастьѣ дочери и внушала Эрикѣ, что она должна благодарить Бога за союзъ съ любимымъ человѣкомъ, говорила ей объ ея обязанностяхъ,—хотя въ семейную хронику она вписала дрожащею отъ радости рукой имя Эрики рядомъ съ именемъ директора страхового общества,—но, все-же, получалось впечатлѣніе, что настоящая невѣста именно она, Тони. Иллюзія доходила до того, что на сценѣ снова появились изящные капоты, составлявшіе въ представленіи Тони неотъемлемую часть аристократическаго образа жизни. Она заказала два капота, для себя и для Эрики, изъ мягкой затканной матеріи, съ густымъ рядомъ бархатныхъ бантиковъ сверху до низу.

Послѣ свадьбы Эрики, отпразднованной въ семейномъ кругу совершенно по тому же церемоніалу, какъ обѣ свадьбы ея матери, начался, по выраженію одного изъ членовъ семьи, третій бракъ Тони Будденброкъ. Она была полновластной хозяйкой въ домѣ своей дочери, и очень гордилась этимъ; при встрѣчѣ съ Юлинькой Меллендорпъ, урожденной Гагенстрёмъ, она посмотрѣла ей прямо въ глаза такимъ торжествующимъ и вызывающимъ взглядомъ, что Юлинька поклонилась ей первая. Дома, т.-е. въ квартирѣ дочери, Тони гордо расхаживала въ своемъ пышномъ капотѣ съ длиннымъ шлейфомъ, держа въ одной рукѣ украшенную атласными бантиками—она обожала атласные бантики—корзиночку съ ключами, и показывала посѣтителямъ мебель, фарфоръ, сверкающее серебро и картины, пріобрѣтенныя Вейншенкомъ,—все больше natures mortes, съ изображеніемъ съѣстныхъ припасовъ, или портреты полураздѣтыхъ красавицъ. Тони при этомъ держалась очень величаво, какъ бы говоря каждымъ своимъ движеніемъ: „Вотъ видите, чего я достигла въ жизни! Здѣсь все почти такъ же изящно и аристократично, какъ у Грюнлиха, и во всякомъ случаѣ болѣе изысканно, чѣмъ у Перманедера“. Эрика Вейншенкъ имѣла рядомъ съ ней видъ гостьи, восхищенной всѣмъ, что ей показываютъ. Вся семья приходила къ Тони любоваться на блескъ ея новой обстановки, и даже кузины Будденброкъ не знали, къ чему придраться, чтобы уколоть гордость Тони; онѣ

только ядовито заявили въ одинъ голосъ, что здѣсь все слишкомъ роскошно, и что онѣ, какъ скромныя, простыя дѣвушки, не хотѣли бы жить въ такой обстановкѣ... Пришла и бѣдная Клотильда, посѣдѣвшая, высохшая, терпѣливо выслушала обычныя насмѣшки надъ собой, выпивъ при этомъ четыре чашки кофе съ пирожнымъ, похвалила устройство дома и ушла. Иногда, не заставъ никого въ клубѣ, заходилъ къ сестрѣ и Христіанъ, который вернулся изъ Гамбурга и опять жилъ у матери. Онъ уже вылечился отъ ревматизма, но продолжалъ жаловаться на боль въ лѣвомъ боку, тамъ, гдѣ „всѣ нервы укорочены", и имѣлъ преждевременно состарившійся, больной видъ, съ трудомъ передвигая свои тонкія, кривыя ноги. Приходя къ сестрѣ, онъ нѣсколько оживлялся, довольный вниманіемъ, съ которымъ Тони и Эрика выслушивали его жалобы и его анекдоты. Иногда онъ бралъ у сестры взаймы деньги, чтобъ покупать букеты актрисамъ, и при этомъ случаѣ разсказывалъ безконечныя исторіи о своихъ приключеніяхъ въ Южной Америкѣ; потомъ переходилъ къ разсказамъ о циркѣ, воспроизводилъ комическіе выходы клоуновъ съ такимъ совершенствомъ, что получалась полная иллюзія дѣйствительнаго представленія. А затѣмъ онъ вдругъ умолкалъ, всѣ движенія его становились вялыми, маленькіе круглые глаза начинали тревожно блуждать по всѣмъ направленіямъ, и онъ точно прислушивался къ чему-то странному, происходившему у него внутри... Онъ быстро выпивалъ рюмку ликера, старался опять развеселиться, пробовалъ разсказать еще что-нибудь смѣшное, но, не будучи въ состояніи оправиться, уходилъ, очень разстроенный и слегка прихрамывая.

II.

Весной 1868-го года Тони зашла, вечеромъ, около десяти часовъ къ сенатору Будденброку, который сидѣлъ одинъ въ гостиной и читалъ газеты. Герды не было дома. Она отправилась слушать заѣзжаго скрипача въ сопровожденіи Христіана, съ которымъ она въ послѣднее время охотно проводила время. Она съ интересомъ слушала, когда онъ описывалъ свои страданія... —Онъ такой не банальный, — говорила она мужу. — Въ немъ даже меньше буржуазной уравновѣшенности, чѣмъ въ тебѣ.

Томъ обрадовался приходу сестры, которую не видалъ нѣсколько времени. Она ѣздила гостить въ деревню, къ своей подругѣ Армгардѣ, питавшей еще въ пансіонѣ Зеземи Вейхбродтъ

исключительную любовь къ сельской жизни и вышедшей замужъ за богатаго помѣщика фонъ-Майбома. Томъ нашелъ, что у Тони очень свѣжій, здоровый видъ, съ чѣмъ она вполнѣ согласилась.

— Тишина сельской жизни, парное молоко и свѣжая пища благотворно дѣйствуютъ на здоровье, — заявила она авторитетнымъ тономъ.—Въ особенности хорошо ѣсть свѣжій медъ, Томъ; я всегда считала медъ самой здоровой пищей. Это—чистый продуктъ природы,—знаешь, по крайней мѣрѣ, что глотаешь. Армгарда и ея мужъ очень просили меня подольше погостить, но вѣдь Эрика не можетъ обойтись безъ меня, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ родилась маленькая Елизавета.

Сенаторъ освѣдомился о здоровьѣ ребенка и о томъ, какъ вообще живется Эрикѣ. Тони созналась, что у ея зятя, къ сожалѣнію, своенравный характеръ, и что онъ неделикатно обходится съ женой, позволяетъ себѣ ругать ее за то, что она не всегда расположена къ шуткамъ, недостаточно его развлекаетъ. Иногда онъ приходитъ въ такое бѣшенство, что швыряетъ тарелки объ полъ за обѣдомъ. Но, конечно, все это объясняется невоспитанностью; онъ, въ сущности, добрый человѣкъ, и очень преданъ женѣ, сидитъ по вечерамъ дома... и вообще онъ еще не изъ худшихъ мужей.

— Эрикѣ еще нечего жаловаться на судьбу,—сказала Тони тономъ опытной женщины, извѣдавшей въ своей жизни, какіе бываютъ на свѣтѣ печальные браки,—а вотъ Майбомамъ, дѣйствительно, пришлось теперь плохо, и объ нихъ-то я собственно и пришла поговорить съ тобой. Бѣдная Армгарда несчастна; мужъ ея—добрый человѣкъ, но проигрываетъ все ихъ состояніе въ карты; живутъ они очень широко, но страшно запутаны въ долгахъ. Армгарда откровенно разсказала мнѣ о своемъ печальномъ положеніи и, ссылаясь на нашу долголѣтнюю дружбу, просила меня помочь ей. Дѣло въ томъ, что ея мужу нужно черезъ двѣ недѣли заплатить по векселю тридцать-пять тысячъ марокъ; для этого нужно продать на корню всю жатву, которая обѣщаетъ быть очень хорошей.

— На корню?—переспросилъ сенаторъ.—Бѣдный Майбомъ! Можно себѣ представить, какъ его надуютъ ростовщики, къ которымъ онъ обратится за такой сдѣлкой.

— Причемъ тутъ ростовщики? — съ удивленіемъ спросила Тони.—Вѣдь дѣло идетъ о тебѣ, Томъ: Армгарда просила меня обратиться къ тебѣ за этимъ займомъ...

— Ты съ ума сошла, Тони!—крикнулъ сенаторъ, вскочивъ со стула отъ негодованія.—Развѣ наша фирма занимается такими

нечистоплотными дѣлами? Вѣдь это значитъ воспользоваться несчастіемъ человѣка, чтобы купить у него за полъ-цѣны всю жатву. Такихъ сдѣлокъ мы ни разу не совершали за сто лѣтъ существованія нашей фирмы, и я не намѣренъ вступать на этотъ путь. Удивляюсь твоей наивности... Ты ничего не понимаешь въ дѣлахъ, а то бы не предложила мнѣ такого дѣла, зная строгія традиціи нашего дома.

— Я очень уважаю твои традиціи, Томъ, но дѣло идетъ прежде всего о дружеской услугѣ. Конечно, отецъ бы на это не согласился; но вѣдь ты болѣе передовой человѣкъ и болѣе предпріимчивъ. Это я понимаю при всей своей глупости. Въ послѣднее время ты дѣйствительно сталъ болѣе остороженъ, но чѣмъ же это хорошо? Въ дѣлахъ твоихъ наступилъ застой только потому, что ты утратилъ вѣру въ свое счастье. Это ясно даже для такой глупой женщины, какъ я. Тебя раздражаетъ мое предложеніе, но это именно и доказываетъ, что оно тебя заинтересовало, и что ты вовсе не увѣренъ въ томъ, что дѣйствительно откажешься отъ него... Въ послѣднемъ случаѣ ты былъ бы совершенно спокоенъ.

— Какой ты тонкій психологъ, Тони!—сказалъ сенаторъ съ видимымъ смущеніемъ, и закурилъ папиросу.

— Господи! вѣдь меня жизнь многому научила,—скромно возразила Тони,—и я сужу о людяхъ по себѣ. Ну, да оставимъ этотъ разговоръ, Томъ. Я вѣдь не настаиваю—для этого я слишкомъ несвѣдуща въ дѣлахъ. Я только хотѣла дать тебѣ случай сдѣлать хорошее дѣло и доказать всему свѣту, что счастье еще не отвернулось отъ Будденброковъ... Но если ты не хочешь... Мнѣ только обидно, что Майбомъ очень легко достанетъ другихъ покупателей... Германъ Гагенстрёмъ навѣрное не откажется отъ его предложенія... Ахъ, Томъ, что бы тебѣ стоило съѣздить въ имѣніе Майбомъ? Отсюда до Ростока—рукой подать, а Попенреде—близёхонько около Ростока. Это вѣдь огромное имѣніе. Я навѣрное знаю, что оно даетъ болѣе тысячи кулей пшеницы. Но точныхъ данныхъ относительно овса, ржи и т. д. я не могу тебѣ дать. Тебѣ бы, конечно, нужно было съѣздить самому, чтобы узнать все въ точности...

Наступило молчаніе.

— Право, обо всемъ этомъ не стоитъ даже и говорить,—сказалъ сенаторъ рѣшительнымъ тономъ, всталъ со стула и сталъ ходить по комнатѣ быстрыми и увѣренными шагами, какъ бы въ доказательство того, что онъ и не думаетъ больше о предложеніи сестры.

— Какъ знаешь, Томъ,—сказала Тони, тоже поднимаясь съ мѣста.—Мое дѣло было предложить, и ты, надѣюсь, не сомнѣваешься, что намѣренія мои были самыя лучшія. Уговаривать тебя я не буду. Спокойной ночи, Томъ. Впрочемъ, нѣтъ,—я пройду въ дѣтскую поцѣловать Ганно и поздороваться съ Идой. Я потомъ еще зайду къ тебѣ.

III.

Тони поднялась во второй этажъ и вошла въ просторную дѣтскую, гдѣ у большого стола подъ лампой сидѣла Ида Юнгманъ и штопала чулочки Ганно. Съ тѣхъ поръ какъ у Тома родился сынъ, она переселилась въ домъ сенатора, взявъ на себя уходъ за ребенкомъ, и сдѣлалась такимъ образомъ воспитательницей третьяго поколѣнія Будденброковъ. Ей уже было за пятьдесятъ лѣтъ, и хотя волосы у нея посѣдѣли, она все-же была по-прежнему бодрой и дѣятельной, и глаза у нея были такіе же ясные и молодые, какъ двадцать лѣтъ тому назадъ...

— Добрый вечеръ, милая Ида,—сказала Тони.—Какъ поживаешь? А что̀ Ганно, спитъ? — спросила она, кивая головой въ сторону маленькой кроватки подъ зеленымъ пологомъ, стоявшей у дверей спальни сенатора Будденброка и его семьи.

— Тсс... — сказала Ида, — онъ спитъ. Тони тихонько подошла къ кроваткѣ, и стала глядѣть на спящаго ребенка; лицо его какъ-то странно и болѣзненно подергивалось, и губы шевелились, точно стараясь произнести какія-то слова. Она поцѣловала мальчика и опять подошла къ столу, гдѣ Ида продолжала работать.

— А ты все штопаешь, Ида... Я всю жизнь помню тебя только за этимъ занятіемъ.

— Да, да, Тоничка... Съ тѣхъ поръ, какъ нашъ мальчикъ поступилъ въ школу, на него не напасешься бѣлья и платья — такъ быстро онъ все изнашиваетъ.

— А онъ охотно ходитъ въ школу?

— Нѣтъ, нѣтъ. Ему хотѣлось бы продолжать учиться у меня. Вѣдь я его знаю съ рожденья, и умѣю съ нимъ обращаться. А въ школѣ учителя не понимаютъ, что ему трудно слушать со вниманіемъ и что онъ сейчасъ же устаетъ.

— Бѣдненькій!—сказала Тони.—Но, Господи, что̀ съ нимъ, Ида?

Она испуганно повернулась къ кроваткѣ, откуда раздался

крикъ, и увидѣла, что Ганно поднялся въ постели и, выкрикивая непонятныя слова, глядѣлъ въ пространство широко раскрытыми отъ испуга золотистыми глазами.

— Это ничего,—сказала Ида,—это pavor; иногда бываетъ еще гораздо хуже. Онъ читалъ сегодня сказку о злыхъ карликахъ, которые вредятъ людямъ, и потомъ еще объ извозчикѣ, который долженъ подниматься до зари, и все это его очень взволновало. Онъ плакалъ, ложась спать, и вотъ теперь все повторяетъ слова изъ сказки.

Тони озабоченно покачала головой.

— Знаешь, Ида, мнѣ очень не нравится, что онъ все такъ близко принимаетъ къ сердцу. Ну, что изъ того, что извозчикъ поднимается съ зарей?—на то онъ извозчикъ. У Ганно слишкомъ чувствительное сердце, и это вредно для здоровья. Нужно поговорить серьезно съ докторомъ Грабовомъ... Но вотъ въ томъ-то и дѣло,—продолжала она,—что Грабовъ ужъ слишкомъ старъ, и хотя онъ добрый человѣкъ, но, какъ врачу, я ему не довѣряю. Вотъ, напримѣръ, относительно этихъ припадковъ страха у Ганно... Онъ только и знаетъ, что назвать ихъ по-латыни, а помочь дѣлу не умѣетъ. Нѣтъ, онъ человѣкъ хорошій и вѣрный другъ нашего дома, но звѣздъ съ неба не хватаетъ. Значительный человѣкъ уже въ юности долженъ проявить себя. Вотъ вѣдь Грабовъ былъ молодъ въ 1848-мъ году, а развѣ онъ волновался вопросами о свободѣ и справедливости, увлекался борьбой противъ произвола и привилегированныхъ классовъ? Онъ никогда ничѣмъ не возмущался и не способенъ былъ ни на какой необдуманный поступокъ... У него было всегда то же неизмѣнно кроткое лицо, и чѣмъ бы у насъ въ семьѣ ни заболѣли, онъ неизмѣнно совѣтовалъ давать французскую булку и цыпленка, а ужъ въ самыхъ серьезныхъ случаяхъ прописывалъ лекарство... Ахъ, Ида, я знаю, что бываютъ на свѣтѣ совсѣмъ другіе доктора... Ну, прощай, спокойной ночи!

Когда Тони заглянула въ залу, чтобы пожелать спокойной ночи брату, она увидѣла, что тамъ и въ прилегающихъ комнатахъ, въ столовой и кабинетѣ, горѣли лампы, и Томъ, заложивъ руки за спину, ходилъ взадъ и впередъ по всей амфиладѣ комнатъ.

Послѣ ухода сестры, Томъ снова присѣлъ къ столу и, надѣвъ пенснэ, сталъ читать газету. Но черезъ нѣсколько минутъ онъ отложилъ ее, не мѣняя положенія, устремилъ глаза въ пространство, отдаваясь мыслямъ. Лицо его стало совсѣмъ другимъ, когда онъ остался наединѣ съ собой. Съ него какъ бы

спала маска искусственнаго выраженія энергіи и любезности, и оно отражало только безнадежную усталость. Изъ всего, что носилось теперь въ его мысляхъ, онъ ясно сознавалъ только одно— что Томъ Будденброкъ уже въ сорокъ-два года почти конченный человѣкъ.

Онъ медленно провелъ рукой по глазамъ и лбу и машинально закурилъ новую папиросу, хотя зналъ, что ему вредно курить. Странный контрастъ представляла болѣзненная вялость его чертъ съ внѣшней выхоленностью лица, надушенными закрученными усами, гладко выбритымъ подбородкомъ и щеками и старательной прической съ тонкимъ проборомъ... Онъ самъ сознавалъ этотъ контрастъ, и зналъ, что всѣ видятъ противорѣчіе между его искусственной бодростью и изможденной блѣдностью его лица.

Общественное положеніе Тома не измѣнилось, и онъ попрежнему принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ городскихъ дѣлахъ. Но ни для кого уже не было сомнѣнія въ томъ, что дѣла фирмы Будденброкъ не процвѣтаютъ. Томъ былъ самъ виноватъ въ возникновеніи этого мнѣнія въ городѣ. Онъ былъ еще несомнѣнно богатымъ человѣкомъ, и всѣ испытанныя имъ потери не могли серьезно поколебать положеніе фирмы. Но онъ утратилъ вѣру въ себя, въ свое счастье, и сталъ обнаруживать боязливую осторожность и вводить экономію въ свою жизнь. Продолжая давать обязательные для его дѣловой репутаціи роскошные обѣды, онъ старался сократить расходы во всемъ остальномъ. Объ этомъ, конечно, въ городѣ знали, и это считалось признакомъ наступающаго разоренія. Томъ сильно жалѣлъ о томъ, что построилъ себѣ слишкомъ дорогой новый домъ, и считалъ это началомъ своего несчастія. Соблюдая экономію, онъ отмѣнилъ лѣтнія поѣздки, установилъ крайнюю простоту стола въ обыкновенные дни и, сохраняя изящество въ туалетѣ, отказался отъ привычки носить очень тонкое, дорогое бѣлье, о чемъ его долголѣтній слуга Антонъ съ сокрушеніемъ разсказывалъ на кухнѣ. Дошло даже до того, что, несмотря на протесты Герды, Томъ разсчиталъ Антона, находя, что для ихъ дома достаточно трехъ слугъ. Этой разсчетливости въ личной жизни соотвѣтствовалъ и вялый ходъ его торговыхъ дѣлъ. Томъ совершенно отказался отъ прежней предпріимчивости, старался только уберечься отъ новыхъ потерь, и потому не предпринималъ ничего, что могло бы оживить дѣла фирмы. Ему казалось, что нужно переждать несчастное время, и что, можетъ быть, тогда вернутся прежнія удачи. Предложеніе Тони взволновало его, нарушивъ его выжи-

дательное настроеніе. Можетъ быть, это и должно было стать началомъ перемѣны къ лучшему. Онъ въ первую минуту возмутился и заговорилъ о неопрятности подобной сдѣлки, о томъ, что жестоко пользоваться безвыходнымъ положеніемъ человѣка, но, подумавши, онъ понялъ, что его возраженія сентиментальны, что дѣла всегда ведутся съ несомнѣнной жестокостью и грубостью. Онъ самъ это испыталъ на себѣ, видя, что его неудачи вызываютъ вовсе не сочувствіе у другихъ,—даже у его лучшихъ друзей,—а только недовѣріе, нежеланіе вступать съ нимъ въ сношенія. Въ дѣлахъ нужно быть практикомъ, а не чувствительнымъ мечтателемъ. А онъ самъ что̀ такое? Его считали до сихъ поръ человѣкомъ очень практичнымъ, но онъ теперь чувствовалъ, что всѣ его прежніе успѣхи вытекали изъ какой-то романтической вѣры въ себя—и что этотъ же романтизмъ лишаетъ его теперь всякой энергіи. Его отецъ и его дѣдъ, можетъ быть, и отказались бы отъ предложенія Майбома, но они были цѣльные и практичные люди, а онъ погибаетъ отъ внутренняго разлада. Нужно положить этому конецъ, нужно побороть въ себѣ сентиментальность и стать настоящимъ дѣльцомъ...

Томъ всталъ и сталъ быстро шагать по комнатѣ.—Я возьмусь за это дѣло... возьмусь,—шепталъ онъ, какъ бы стараясь загипнотизировать себя.—Нужно предупредить Гагенстрёма, который навѣрное обѣими руками ухватится за предложеніе Майбома. Конечно, нужно дѣйствовать очень осмотрительно.—Сегодня же напишу письмо не дѣловое, а дружеское, съ простымъ запросомъ о томъ, желателенъ ли мой пріѣздъ въ Попенреде. Дѣло это очень трудное и требующее большого такта, но я съумѣю успѣшно довести его до конца.

Принятое рѣшеніе успокоило Тома, и онъ продолжалъ ходить по комнатѣ уже болѣе увѣренными, энергичными шагами. Когда вернулась Герда, съ затуманенными глазами,—какъ всегда послѣ музыки,—онъ ее машинально спросилъ о томъ, понравился ли ей концертъ, и заявилъ, что идетъ спать. Но прежде чѣмъ пройти въ спальню, онъ спустился въ контору и написалъ письмо Майбому, которое показалось ему, когда онъ перечелъ его, необычайно тактичнымъ и умнымъ.

На слѣдующій день онъ сказалъ сестрѣ полушутливымъ тономъ, что не рѣшился окончательно отказать Майбому, и черезъ нѣсколько дней уѣхалъ въ Ростокъ, а оттуда въ имѣніе Майбома. Онъ вернулся домой въ отличномъ настроеніи, очень бодрымъ и веселымъ, шутилъ съ Тони, дразнилъ Клотильду, возился со своимъ маленькимъ сыномъ и на состоявшемся 3-го іюня

засѣданіи городского совѣта произнесъ блестящую рѣчь по какому-то скучному вопросу о пошлинахъ. Его предложеніе было единогласно принято, а его противника, консула Гагенстрёма, всѣ столь же единодушно осмѣяли.

IV.

Занятый своимъ новымъ дѣломъ, Томъ чуть-было не упустилъ изъ виду очень крупное событіе для фирмы Будденброкъ: 7-го іюля 1868 года исполнялся столѣтній юбилей существованія фирмы. Тони, которая часто перечитывала съ благоговѣніемъ семейную хронику, конечно, обратила вниманіе на приближеніе юбилея, и оповѣстила о немъ весь городъ. Когда она растроганнымъ голосомъ сообщила Тому о наступленіи торжественнаго дня, онъ былъ непріятно пораженъ. Его хорошее настроеніе не долго длилось, и онъ въ послѣдніе дни опять ходилъ подавленный и молчаливый, раскаяваясь въ сдѣлкѣ съ Майбомомъ; ему пришлось совершить ее на собственный страхъ, такъ какъ его компаньонъ Маркусъ очень рѣзко отказался участвовать въ подобномъ дѣлѣ. Теперь онъ думалъ только о томъ, чтобы скорѣе развязаться со своей покупкой, и вмѣстѣ съ тѣмъ негодовалъ на себя самого за неспособность справиться самостоятельно съ сложнымъ и рискованнымъ дѣломъ. Праздновать юбилей въ такомъ настроеніи ему было крайне тяжело.

— Лучше всего было бы,—сказалъ онъ Тони,—обойти этотъ день молчаніемъ. Пріятно вспоминать о своихъ предкахъ, когда чувствуешь, что продолжаешь ихъ дѣло и дѣйствуешь солидарно съ ними. А при моемъ теперешнемъ настроеніи этотъ юбилей совсѣмъ некстати...

Но, конечно, не было никакой возможности уклониться отъ празднества, тѣмъ болѣе, что въ „Городскихъ Извѣстіяхъ“ появилась замѣтка о предстоящемъ юбилеѣ почтенной старой фирмы, и весь городъ готовился отпраздновать его съ подобающимъ блескомъ. Тому пришлось скрыть свое тяжелое настроеніе и претерпѣть юбилейныя торжества. Юбилей, дѣйствительно, вышелъ чрезвычайно блестящимъ. Съ самаго утра начался пріемъ депутацій отъ рабочихъ и служащихъ, пришедшихъ поздравить сенатора; затѣмъ явились всѣ члены семьи съ поздравленіями и преподнесли въ подарокъ юбиляру огромный картонъ въ тяжелой орѣховой рамѣ, на которомъ помѣщены были подъ стекломъ портреты четырехъ собственниковъ фирмы Будденброкъ, прадѣда,

дѣда, отца Тома Будденброка и его самого. Надъ портретами красовалась надпись, воспроизводившая золотыми буквами слова перваго основателя фирмы: „Сынъ мой, работай съ любовью весь день, но предпринимай только такія дѣла, при которыхъ можно спокойно спать ночью". Томъ долго разглядывалъ портреты и знимательно перечелъ надпись.

— Да, да,—сказалъ онъ вдругъ нѣсколько насмѣшливо:—спокойный сонъ—вещь хорошая!...—Затѣмъ уже онъ поблагодарилъ родныхъ за прекрасный, умно придуманный подарокъ, и сказалъ, что повѣситъ портреты въ своемъ кабинетѣ.

Послѣ того началось чтеніе многочисленныхъ телеграммъ, длившееся до завтрака. Когда сенаторъ спустился затѣмъ въ контору, тамъ его тоже встрѣтили представители отъ рабочихъ на пристани, отъ многочисленныхъ хлѣбныхъ складовъ и цѣлый рядъ купцовъ, имѣвшихъ сношеніе съ его фирмой. Подойдя къ окну, онъ увидѣлъ, что вся улица отъ его дома до пристани, также какъ и судна, стоявшія въ гавани, украшены флагами. Ему сказали, что и на всѣхъ остальныхъ улицахъ торговыя учрежденія вывѣсили праздничные флаги... Весь городъ принималъ участіе въ его торжествѣ.

Пріемы въ конторѣ совершенно измучили Тома, и, поднявшись наверхъ, онъ долженъ былъ пройти къ себѣ въ уборную, помочить виски о-де-колономъ и передохнуть нѣсколько минутъ. Подойдя къ зеркалу, онъ увидѣлъ, что лицо его страшно блѣдно и весь лобъ въ поту, хотя онъ чувствовалъ, что руки и ноги холодны какъ ледъ. Когда онъ вошелъ въ залу, онъ засталъ тамъ все избранное общество города, бюргермейстера Ланггальза, всю семью Меллендорповъ, Гагенстрёмовъ, Кистенмакеровъ, пастора, представителей сената, городского совѣта и другихъ. Всѣ пріемныя комнаты наполнились гостями, и у Тома голова пошла кругомъ отъ поздравительныхъ рѣчей и отъ гула разговоровъ. Къ довершенію шумнаго торжества появилась группа музыкантовъ изъ театральнаго оркестра, съ Петеромъ Дельманомъ во главѣ, и съиграла торжественный гимнъ въ честь юбиляра, а затѣмъ еще хоралъ „Возблагодарите Господа", за которымъ почему-то послѣдовало попури изъ „Прекрасной Елены". Томъ очень мужественно переносилъ всѣ эти лестные знаки вниманія, хотя чувствовалъ, что съ каждой минутой ему труднѣе сохранять на лицѣ обязательное выраженіе радости и торжества.

Въ то время какъ оркестръ исполнялъ свою программу, случился маленькій инцидентъ, заставившій хозяина оставить на короткое время своихъ гостей. У дверей залы показался съ

растеряннымъ видомъ разсыльный изъ конторы съ телеграммою въ рукахъ, сконфуженно пробрался къ сенатору и передалъ ему телеграмму. Томъ отошелъ отъ группы знакомыхъ, съ которыми разговаривалъ въ эту минуту, извинился въ необходимости прочесть дѣловую телеграмму даже въ такой торжественный день, и быстро вышелъ изъ залы.

Томъ прошелъ по корридору въ буфетную, гдѣ въ это время никого не было, присѣлъ къ столу и, раскрывъ телеграмму, прочелъ ее. Глаза его широко раскрылись и лицо исказилось ужасомъ. Онъ нѣсколько минутъ сидѣлъ у стола съ раскрытой телеграммой въ рукахъ и, какъ-то странно раскачиваясь всѣмъ тѣломъ, произнесъ нѣсколько разъ: „Градъ!.. градъ!..“ Потомъ онъ глубоко вздохнулъ, понемногу оправился, полузакрылъ глаза и поднялся, имѣя видъ совершенно разбитаго человѣка. Онъ медленными шагами вернулся въ залу, прошелъ къ дивану, стоявшему у окна, сѣлъ на него и прислонился головой къ подушкѣ. „Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше“,—шепталъ онъ въ полголоса. Глубоко вздохнувъ, какъ бы освобожденный отъ мучившей его тяжести, онъ повторилъ еще разъ болѣе твердо: „Тѣмъ лучше, что такъ кончилось“. Онъ посидѣлъ еще нѣсколько минутъ, а потомъ, оправившись, аккуратно сложилъ телеграмму, положилъ ее въ карманъ и направился къ своимъ гостямъ, чтобы претерпѣть до конца юбилейныя торжества.

V.

Маленькій Ганно уже въ семь лѣтъ обнаружилъ необыкновенную любовь къ музыкѣ, и забывалъ все на свѣтѣ, слушая игру своей матери. Ея аккомпаніаторомъ на роялѣ былъ старый органистъ Фюль, который тонко понималъ музыку и самъ былъ композиторомъ. Онъ много бесѣдовалъ съ Гердой о музыкѣ, славословилъ Баха, но раздѣлялъ и ея любовь къ сложной новой музыкѣ Вагнера. Сначала, когда она въ первый разъ положила передъ нимъ на рояль Klavierauszug „Тристана и Изольды“, прося его проиграть ей эту оперу, онъ послѣ первыхъ же страницъ возмущенно заявилъ, что это не музыка, а безуміе. Но Гердѣ удалось переубѣдить его; онъ постепенно полюбилъ эту непривычную для него музыку, и звуки „Тристана и Изольды“ часто раздавались въ салонѣ Герды. Ганно съ упоеніемъ слушалъ игру матери и органиста, старался понять также ихъ бесѣды, и привыкъ такимъ образомъ относиться къ музыкѣ, какъ

къ чему-то чрезвычайно важному, серьезному и глубокому. Къ великой радости Герды, онъ обнаруживалъ рѣдкій музыкальный слухъ, и съ семи лѣтъ сталъ учиться игрѣ на роялѣ подъ руководствомъ Фюля, который умѣлъ удивительно приспособиться къ особенностямъ страстной и болѣзненной натуры Ганно. Не мучая его техникой, онъ сталъ развивать въ немъ явныя способности къ композиціи и преподавалъ ему основы гармоніи. Ганно удивительно живо воспринималъ все, что говорилъ ему его учитель, и сдѣлалъ громадные успѣхи въ игрѣ и въ композиціи, въ противоположность школьнымъ занятіямъ, которыя шли очень туго.

Въ день своего рожденія, 15-го апрѣля 1869 года, когда ему исполнилось восемь лѣтъ, Ганно съигралъ вмѣстѣ съ матерью собственную свою композицію въ присутствіи всей семьи. Онъ страшно волновался, садясь аккомпанировать матери, но такъ увлекся звуками, созданными его собственной фантазіей, что забылъ все окружающее. При всей дѣтскости его композиціи, въ ней чувствовался необычайный полетъ фантазіи и какая-то болѣзненная страстность. Но только Герда и старикъ Фюль могли оцѣнить истинную музыкальность и нарождающійся талантъ ребенка. Другіе только удивлялись бѣглости его игры; когда пьеса была окончена и Ганно всталъ изъ-за рояля блѣдный, дрожащій отъ волненія и почти совершенно утратившій сознаніе окружающаго, его стали осыпать банальными комплиментами.

— Какъ этотъ мальчикъ играетъ... какъ онъ играетъ!— восклицала растроганная Тони, обнимая Ганно со слезами на глазахъ. — Герда, Томъ, онъ настоящій Моцартъ, настоящій Мейерберъ, настоящій...

Третье имя ей не пришло въ голову, и, не закончивъ фразы, она продолжала душить поцѣлуями племянника, который сидѣлъ совершенно измученный, съ затуманеннымъ выраженіемъ лица.

— Довольно, Тони, довольно! — тихо сказалъ сенаторъ.— Не вскружи ему голову похвалами!

Томъ въ душѣ былъ очень недоволенъ страстью ребенка къ музыкѣ. Игру Герды онъ до сихъ поръ считалъ обаятельнымъ дополненіемъ всего ея своеобразнаго существа, ея странныхъ глазъ, которые ему такъ нравились, ея тяжелыхъ темно-рыжихъ волосъ и всей ея оригинальной красоты. Но теперь, когда онъ увидѣлъ, что Ганно унаслѣдовалъ музыкальность матери, музыка стала казаться ему враждебной силой, ставшей между нимъ и сыномъ. Онъ надѣялся, что сынъ его станетъ настоящимъ Будденброкомъ, сильнымъ и практичнымъ человѣкомъ, способнымъ покорить себѣ жизнь, а между тѣмъ убѣждался, что въ ребенкѣ

преобладаетъ мечтательность, что онъ чуждъ житейскимъ интересамъ; все это онъ приписывалъ слишкомъ усерднымъ занятіямъ музыкой, поощряемымъ Гердой. Онъ видѣлъ, что ребенокъ живетъ вмѣстѣ съ матерью въ какомъ-то иномъ мірѣ, въ какомъ-то храмѣ, въ который ему нѣтъ доступа,—вѣдь всѣ Будденброки отличались крайней немузыкальностью.

Отношенія между отцомъ и сыномъ становились все болѣе и болѣе отчужденными, несмотря на старанія Тома расположить къ себѣ ребенка. Возвращаясь домой изъ конторы, онъ каждый разъ заговаривалъ съ Ганно товарищескимъ тономъ, думая этимъ снискать его довѣріе; но такъ какъ разговоръ его всегда сводился къ экзамену по практическимъ вопросамъ, къ разспросамъ о числѣ и названіи хлѣбныхъ складовъ, о названіяхъ улицъ и числѣ жителей въ городѣ, то Ганно или молчалъ въ отвѣтъ, или растерянно отвѣчалъ невпопадъ, и дѣло всегда кончалось строгимъ выговоромъ. Мальчикъ положительно боялся отца и избѣгалъ бесѣдъ съ нимъ. Тома это очень огорчало, тѣмъ болѣе, что и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ ребенокъ доставлялъ ему мало радости. Здоровье его было очень хрупкое. Помимо нервности, сказывавшейся въ тревожныхъ снахъ и крикахъ ночью, у него появились разныя физическія страданія; въ особенности много приходилось возиться съ его зубами, очень красивыми и бѣлыми съ виду, но крайне хрупкими вслѣдствіе слабости десенъ. Мальчику рано пришлось познакомиться съ очень страшнымъ для него человѣкомъ, съ зубнымъ врачомъ, который причинялъ ему жестокія страданія, выравнивая неправильно ростущіе зубы, вырывая только-что появившіеся бѣлые коренные зубы, чтобы очистить мѣсто для будущихъ зубовъ мудрости. Всѣ эти операціи ослабляли общее состояніе нервнаго ребенка, нарушали его пищевареніе и приводили его въ подавленное состояніе духа. Ученіе въ школѣ шло очень туго, тѣмъ болѣе, что Ганно не любилъ ни школьныхъ занятій, ни учителей и школьныхъ товарищей. Онъ сошелся только съ однимъ мальчикомъ, сыномъ разорившагося чудака, графа Меллена. Маленькій Кай былъ такимъ же страннымъ ребенкомъ, какъ Ганно. Онъ росъ безъ присмотра, имѣлъ одичалый видъ, но привлекалъ Ганно своимъ умѣньемъ сочинять фантастическія, страшныя сказки. Мальчики очень сдружились, и Кай сдѣлался постояннымъ гостемъ въ домѣ сенатора. Ида Юнгманъ съ материнской заботливостью пріучала его къ опрятности, чинила его платье, и мальчики проводили вечера вмѣстѣ, приготовляя уроки, читая сказки и сами сочиняя страшные разсказы.

Выдумки Кая были всегда настолько увлекательны, что Ганно внималъ имъ съ восторгомъ. Особенно онъ любилъ разсказъ Кая объ одномъ могучемъ волшебникѣ, который захватилъ въ плѣнъ прекраснаго принца Іосифа и превратилъ его въ птицу. Но гдѣ-то вдали уже родился и ростетъ избавитель, который, когда настанетъ время, явится съ непобѣдимой арміей собакъ, пѣтуховъ и морскихъ свинокъ, безстрашно вступитъ въ бой съ волшебникомъ и однимъ ударомъ меча избавитъ міръ отъ злого волшебника и спасетъ принца Іосифа. Къ нему вернется его прежній видъ, онъ вступитъ на королевскій престолъ, и тогда Ганно и Кай будутъ осыпаны всякими почестями... Сказки Кая всегда были связаны съ дѣйствительной жизнью и имѣли непосредственное отношеніе къ судьбѣ его и его друга. Этимъ онѣ такъ нравились Ганно, пробуждая въ немъ грёзы о какомъ-то далекомъ, непонятномъ свѣтломъ мірѣ.

Сенаторъ Будденброкъ ничего не имѣлъ противъ дружбы Ганно съ Каемъ, убѣдившись, что мальчикъ охотнѣе учится вмѣстѣ съ товарищемъ. Онъ надѣялся втайнѣ, что эта дружба отвлечетъ Ганно отъ чрезмѣрнаго увлеченія музыкой, въ которой Томъ видѣлъ главную причину его нервности и его безучастности къ житейскимъ интересамъ. Его мечтой было, чтобы сынъ его сталъ такимъ же свѣтлымъ, жизнерадостнымъ, сильнымъ и простымъ человѣкомъ, какъ его прадѣдъ Іоганнъ Будденброкъ, котораго Томъ хорошо помнилъ съ дѣтства. Неужели это невозможно? Тому казалось, что еслибы онъ смогъ самъ заняться воспитаніемъ Ганно, онъ бы съумѣлъ повліять на него въ этомъ смыслѣ. Но у него не было времени... У него было слишкомъ много дѣловыхъ заботъ.

Однажды Ганно сошелъ въ столовую за полчаса до обѣда и, въ ожиданіи прихода родителей, усѣлся на диванѣ; разглядывая отъ нечего дѣлать знакомые предметы въ комнатѣ, онъ увидѣлъ лежащую на письменномъ столѣ матери толстую тетрадь съ золотымъ обрѣзомъ, — фамильную хронику, изъ которой иногда читала ему вслухъ тетя Тони. Ганно лѣниво поднялся съ дивана и подошелъ къ письменному столу. Книга была раскрыта на томъ мѣстѣ, гдѣ аккуратнымъ почеркомъ написаны были имена всѣхъ членовъ семьи, съ обозначеніемъ времени, когда они жили. Ганно внимательно перечелъ всѣ мужскія и женскія имена, и въ самомъ концѣ страницы увидѣлъ свое имя: Юстъ-Іоганнъ-Каспаръ, родился 15 апрѣля 1861-го года; ему пріятно было прочесть свое имя; онъ взобрался на кресло, стоявшее у письменнаго стола, чтобы читать съ бо̀льшимъ удобствомъ. Увидѣвъ

на столѣ линейку и красивую золотую ручку съ перомъ, онъ захотѣлъ въ свою очередь начертать что-нибудь въ семейной книгѣ... Подумавъ немного, онъ аккуратно подложилъ линейку подъ свое имя внизу страницы и перечеркнулъ двумя перекрестными штрихами всю страницу. Посмотрѣвъ съ удовольствіемъ на свою работу, онъ отошелъ отъ стола.

Послѣ обѣда сенаторъ, подойдя къ письменному столу, увидѣлъ перечеркнутую страницу и подозвалъ къ себѣ сына.

— Что это такое?—спросилъ онъ.—Это ты сдѣлалъ?

— Да,—робко отвѣтилъ мальчикъ.

— Что это значитъ? Какъ ты смѣлъ?... отвѣчай!

— Мнѣ казалось,—растерянно прошепталъ Ганно.—Я думалъ, что больше уже ничего не будетъ вписано сюда.

VI.

На семейныхъ собраніяхъ по четвергамъ съ нѣкотораго времени появилась новая тема для разговора, въ обсужденіи которой наибольшее участіе принимала Тони Перманедеръ. Захлебываясь отъ волненія, она переходила отъ частнаго случая къ общимъ сужденіямъ о жизни, говорила о гнусности всѣхъ людей на свѣтѣ, и приводила въ доказательство своего права осуждать весь міръ отдѣльныя имена, которыя произносила отрывистыми, гнѣвными звуками:— „слезливый Тричке... Грюнлихъ... Перманедеръ“... Но къ этимъ привычнымъ именамъ примѣшивалось теперь новое слово—„прокуроръ“.

Дѣло было въ томъ, что на Тони обрушилось новое несчастіе—ея зятю Вейншенку грозилъ судебный процессъ. Его обвиняли въ мошенническихъ продѣлкахъ, въ томъ, что онъ черезъ своихъ агентовъ узнавалъ заранѣе о многихъ крупныхъ пожарахъ, т.-е. очевидно входилъ въ сдѣлки съ кліентами, поджигавшими свои дома, и дѣлалъ во-время перестраховки въ другихъ обществахъ, которыя и терпѣли всѣ убытки. Нѣкоторое время ему это сходило съ рукъ, но послѣ нѣсколькихъ однородныхъ случаевъ возникло подозрѣніе, и дѣло очутилось въ рукахъ прокурора. По жестокой ироніи судьбы, прокуроромъ, которому поручено было обвиненіе Вейншенка, оказался Морицъ Гагенстрёмъ, младшій братъ ненавистнаго Тони конкуррента ея брата. Тони долгое время увѣряла всѣхъ въ невинности своего зятя, доказывала, что обвиненіе подстроено врагами, что все это интриги ихъ заклятыхъ враговъ, Гагенстрёмовъ, и выходила изъ себя, обсуж-

дая дѣло Вейншенка на семейныхъ собраніяхъ; но въ глубинѣ души она не вѣрила въ невинность зятя, такъ какъ успѣла убѣдиться по его поведенію дома, что онъ человѣкъ безъ всякихъ нравственныхъ принциповъ. Онъ по-своему любилъ свою жену и ребенка, но обходился съ Эрикой крайне грубо, мучая ее требованіемъ, чтобы она всегда была весела и развлекала его. Въ его характерѣ и поведеніи было вообще много странностей. Съ тѣхъ поръ какъ возникло обвиненіе противъ него, онъ велъ себя какъ-то дико, былъ возбужденно веселъ, разсказывалъ, не стѣсняясь ничьимъ присутствіемъ, какіе-то неподходящіе и большей частью непристойные анекдоты и повидимому совершенно не безпокоился объ исходѣ процесса, довѣрившись во всемъ выписанному имъ изъ Гамбурга извѣстному адвокату. Его самоувѣренность производила самое тягостное впечатлѣніе на Тома, не вѣрившаго въ благополучный исходъ дѣла, и всѣмъ остальнымъ членамъ семьи становилось почти жутко, когда среди ихъ общей подавленности самъ виновникъ новаго семейнаго несчастія велъ себя какъ ни въ чемъ не бывало и съ очень страннымъ выраженіемъ глазъ разсказывалъ смѣшныя, по его мнѣнію, исторіи. Послѣ Рождества, проведеннаго въ семьѣ Будденброковъ съ традиціонной торжественностью, но въ очень печальномъ настроеніи,—состоялся судъ надъ Вейншенкомъ; несмотря на все краснорѣчіе его гамбургскаго адвоката, онъ былъ приговоренъ къ тремъ годамъ тюремнаго заключенія и взятъ подъ стражу прямо изъ залы суда. Эрика съ ребенкомъ и матерью снова переселилась въ домъ матери. Эрика ни съ кѣмъ не говорила о своемъ отношеніи къ несчастію мужа, и только стала еще болѣе грустной и молчаливой. Тони же сочла своимъ долгомъ объявить во всеуслышаніе на семейномъ собраніи, что она давно начала сомнѣваться въ честности своего зятя, и знала, что дѣло плохо кончится, но была принуждена молчать объ этомъ до поры до времени. Теперь же она отказывается за себя и за свою дочь отъ всякой солидарности съ преступнымъ человѣкомъ, опозорившимъ ихъ семейную честь. Ея жизненный опытъ увеличился еще однимъ разочарованіемъ, и къ тѣмъ именамъ, которыя она произносила съ горечью и презрѣніемъ, къ именамъ Тричке, Грюнлиха и Перманедера, присоединилось теперь не только имя прокурора Гагенстрёма, но также имя ея зятя Вейншенка.

ДЕВЯТАЯ ЧАСТЬ.

I.

Не долго, однако, пришлось Тони съ дочерью и внучкой прожить снова въ старомъ домѣ на Mengstrasse; вскорѣ послѣ ихъ переѣзда туда, произошла тяжелая семейная катастрофа: старая консульша заболѣла воспаленіемъ легкихъ, и несмотря на обычный оптимизмъ старика доктора Грабова, всѣмъ стало ясно, что положеніе ея крайне серьёзно. Приглашенъ былъ еще одинъ молодой врачъ, который уже не скрывалъ опасности, и въ домѣ воцарилась зловѣщая тишина въ ожиданіи неминуемой катастрофы. Томъ спѣшно вызвалъ къ умирающей матери Христіана, который давно уже вернулся изъ Лондона и снова поселился въ Гамбургѣ; онъ пробовалъ опять заняться дѣлами, былъ одно время представителемъ заграничной фирмы, торгующей коньякомъ и шампанскимъ, но когда и это оказалось ему не по силамъ, откровенно ничего не дѣлалъ, и проводилъ время среди обычныхъ развлеченій и жалобъ на разныя болѣзни. Онъ пріѣхалъ, когда матери было уже совсѣмъ плохо; она умирала очень тяжело, стала безучастной ко всему окружающему, и только умоляла, чтобы успокоили ея страданія какими-нибудь наркотическими средствами. На это доктора не соглашались, въ виду того, что медицина должна длить жизнь, а не сокращать ее, а въ положеніи консульши впрыскиваніе морфія немедленно остановило бы дѣятельность сердца. Агонія была поэтому томительно длинная и мучительная. Только въ моментъ смерти исчезло на лицѣ консульши выраженіе безграничнаго ужаса и страданія, и она тихо отошла среди рыданій дѣйствительно безутѣшной Тони. Томъ не выражалъ своихъ чувствъ такъ открыто, какъ сестра, но по его блѣдному, искаженному лицу видно было, какъ тяжела была для него потеря матери, составлявшей послѣднюю связь съ блестящимъ, все болѣе и болѣе уходящимъ отъ него прошлымъ его нѣкогда сильной и могущественной семьи. Какъ только сдѣланы были распоряженія о похоронахъ, и тѣло матери выставлено было въ залѣ въ пышномъ гробу, Томъ устроилъ первый семейный совѣтъ, призвавъ сестру и брата для дѣловыхъ разговоровъ. Сидя въ комнатѣ рядомъ съ залой, они стали распредѣлять вещи, оставшіяся послѣ матери, т.-е. весь инвентарь родительскаго дома, и разговоръ велся сначала спокойно, тихимъ голосомъ—изъ уваженія къ стоявшему рядомъ тѣлу матери. Хри-

стіанъ вполнѣ удовлетворился удѣленной ему братомъ и сестрой частью мебели, но когда дѣло дошло до распредѣленія серебра и столовой обстановки, онъ потребовалъ, чтобы ему была выдана часть столоваго бѣлья, серебра и фарфора, отказываясь отъ возмѣщенія деньгами за вещи.

— Я собираюсь жениться, — сказалъ онъ, — и хочу имѣть въ своемъ домѣ вещи, унаслѣдованныя отъ родителей.

Томъ вскипѣлъ отъ этого заявленія брата, сталъ упрекать его въ томъ, что онъ уже спѣшитъ воспользоваться смертью матери, чтобы опозорить ихъ семью, и заявилъ, что никогда не допуститъ его женитьбы на потерянной женщинѣ. Напрасно Христіанъ настаивалъ на своемъ правѣ дѣйствовать самостоятельно; Томъ предупредилъ его, что по завѣщанію матери онъ остается навсегда опекуномъ всѣхъ наслѣдниковъ, и не выдастъ на руки Христіану его капитала, чтобы удержать его отъ постыднаго шага. Разговоръ между братьями принялъ острый характеръ. Христіанъ сталъ обвинять Тома въ безсердечіи, въ безучастіи къ его болѣзни.

— Я самъ, можетъ быть, больнѣе тебя,—съ горечью сказалъ Томъ, но при этихъ словахъ Христіанъ окончательно вышелъ изъ себя и сталъ доказывать, что никто такъ не страдаетъ, какъ онъ, что ни у кого нѣтъ укороченныхъ нервовъ во всей лѣвой половинѣ тѣла, и что онъ навѣрное умретъ раньше брата. Въ ужасѣ отъ оборота, который принялъ споръ, Тони стала успокоивать братьевъ, напоминать имъ объ уваженіи къ непогребенному еще тѣлу матери, но всѣ ея увѣщанія были напрасны. Христіанъ былъ внѣ себя, и прерывающимся голосомъ изливалъ всю накопившуюся злобу противъ старшаго брата, упрекая его въ эгоизмѣ, въ бездушномъ отношеніи къ себѣ, ставя ему въ укоръ всѣ его жизненныя удачи, говоря съ горечью о несчастіи, преслѣдовавшемъ его, Христіана, всю жизнь, и объясняя, что онъ потому и женится, что слишкомъ долго страдалъ отъ холодности своей семьи, и нуждается въ лицѣ, относящемся къ нему съ теплотой и участіемъ... Томъ, въ свою очередь, сталъ упрекать брата въ безобразномъ, позорящемъ всю семью образѣ жизни, и споръ братьевъ принялъ такой острый характеръ, что Тони молила отложить дѣловыя обсужденія до другого времени.

Похороны были очень торжественныя, съ обычной въ этихъ случаяхъ прочувствованной рѣчью пастора, съ пріемомъ гостей, пришедшихъ заявить о своемъ соболѣзнованіи. Тони на этотъ разъ даже не чувствовала подъема духа, который являлся у нея

прежде при всякомъ торжественномъ—хотя бы и печальномъ—событіи въ ихъ домѣ. Ей теперь казалось, что жизнь ея окончена совершенно, и будущее рисовалось ей въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Дѣйствительно, когда послѣ похоронъ возобновились дѣловые разговоры, ее ожидалъ страшный ударъ: Томъ объявилъ ей о своемъ намѣреніи продать домъ матери, такъ какъ они не въ состояніи поддерживать его, да домъ къ тому же никому не нуженъ. Тони пробовала сначала протестовать.

— Ты не представляешь себѣ, Томъ,—говорила она,—какъ я привязана къ родительскому дому. Жизнь моя была очень несчастной. Чего-чего я не вытерпѣла!.. Не знаю право, чѣмъ я это заслужила. Но я все переносила, не приходя въ отчаяніе,—и исторію съ Грюнлихомъ, и съ Перманедеромъ, и вотъ недавно съ Вейншенкомъ; я знала, что у меня есть пристанище въ жизни — мѣсто, гдѣ я могу спрятаться отъ всякой бѣды... Когда уже все было потеряно, когда Вейншенка увели въ тюрьму, я только спросила мать, можемъ ли мы къ ней пріѣхать, и она сказала: „да, пріѣзжайте". Домъ матери былъ мнѣ всегда убѣжищемъ... и вдругъ ты его хочешь продать!

Но Томъ сказалъ, что не можетъ сообразоваться съ такими сентиментальными доводами, и настоялъ на продажѣ дома, поручивъ маклеру Гошу найти покупателя. По горькой ироніи судьбы, покупателемъ этимъ оказался Германъ Гагенстрёмъ, и Тони пришлось претерпѣть самое ужасное, по ея мнѣнію, униженіе—присутствовать при томъ, какъ ненавистный ей съ дѣтства человѣкъ осматривалъ ихъ домъ и спокойно говорилъ о необходимости многое перестроить. Послѣ тщательнаго осмотра, онъ изъявилъ наконецъ согласіе купить домъ за восемьдесятъ тысячъ марокъ, и въ началѣ 1872-го года старинный домъ Будденброковъ на Mengstrasse перешелъ во владѣніе Гагенстрёма, имя котораго замѣнило на фронтонѣ имя Іоганна Будденброка, красовавшееся сто лѣтъ надъ латинской надписью: „Dominus providebit".

Тони переѣхала съ дочерью и внучкой въ маленькую квартиру по близости брата, и, уѣзжая навсегда изъ родительскаго дома, плакала навзрыдъ...

II.

Несмотря на всѣ потери и неудачи въ дѣлахъ, Томъ Будденброкъ былъ еще очень богатымъ человѣкомъ; вмѣстѣ съ наслѣдствомъ отъ матери, у фирмы было теперь шестьсотъ тысячъ

марокъ основного капитала, но дѣла все-же шли хуже и хуже, вслѣдствіе уменьшенія оборотныхъ суммъ, и, главнымъ образомъ, вслѣдствіе полнаго упадка энергіи у главы дома. Послѣ неудачной сдѣлки съ имѣніемъ Майбома,—вся жатва въ Попенреде погибла отъ града,—Томъ уже не рѣшался ничего предпринимать, потерявъ всякую вѣру въ удачу, и думалъ только о сокращеніи расходовъ, что̀ конечно, не содѣйствовало развитію дѣловыхъ оборотовъ; его компаньонъ Маркусъ тоже становился съ годами все болѣе и болѣе осторожнымъ, и въ городѣ всѣ уже считали, что могуществу Будденброковъ наступилъ конецъ. Принципы экономіи Томъ преслѣдовалъ и въ домашней жизни, все болѣе и болѣе сокращалъ расходы, тратя только по прежнему очень много на свой туалетъ, на тонкое бѣлье и изящное платье, выписываемое изъ Гамбурга. Чувствуя внутренно полный упадокъ бодрости, онъ всѣми силами старался сохранить внѣшнюю представительность и производить впечатлѣніе свѣжаго, энергичнаго человѣка. Съ этой цѣлью онъ проводилъ долгіе часы въ уходѣ за самимъ собою, принималъ холодные души, одѣвался чрезвычайно тщательно, завивалъ усы, мѣнялъ костюмы по нѣскольку разъ въ день,—дѣлая все это не изъ тщеславія, а только для того, чтобы скрыть подъ корректной внѣшностью полный упадокъ жизненной энергіи; это ему, однако, не удавалось, такъ какъ всѣ замѣчали усиливающуюся блѣдность его лица и изможденность чертъ.

Ища какой-нибудь внутренней опоры, чтобы окончательно не пасть духомъ, Томъ старался найти ее въ надеждахъ на будущее своего сына. Онъ твердо зналъ, что самъ онъ уже не въ состояніи поднять упавшее благосостояніе своей фирмы, но надѣялся, что это сдѣлаетъ за него въ будущемъ его сынъ, и старался не замѣчать, что въ сущности мальчикъ совершенно не годится для предназначаемой ему роли. Помимо тревожившей Тома страсти къ музыкѣ, Ганно былъ очень хилымъ и вялымъ ребенкомъ. Его лечили отъ малокровія, давали ему мышьякъ, учили гимнастикѣ, возили къ морю, но ничто не помогало, и онъ продолжалъ быть блѣднымъ, безучастнымъ къ жизни и постоянно хворалъ то желудкомъ, то какими-то странными нервными припадками, то невыносимой зубной болью отъ слабости десенъ. Отецъ старался нравственно воздѣйствовать на него, говорилъ ему о его будущей дѣятельности въ качествѣ собственника фирмы, возилъ его съ собой на пристань и въ хлѣбные амбары, бралъ его съ собой, отправляясь съ нужными дѣловыми визитами, и радовался, когда ему удавалось на минуту возбудить

интересъ въ мальчикѣ, который однако только дѣлалъ видъ, что интересуется дѣлами отца; онъ его жалѣлъ своей чуткой дѣтской душой и хотѣлъ дѣлать ему пріятное. На самомъ же дѣлѣ его интересовали только сказки его друга Кая и музыка,—внѣ этого онъ всегда чувствовалъ усталость и желаніе лежать безъ движенія и безъ словъ.

III.

Гуго Вейншенкъ выпущенъ былъ изъ тюрьмы послѣ года заключенія, такъ какъ сенатъ удовлетворилъ его просьбу о помилованіи. Но въ сущности его семья не особенно обрадовалась этому событію, такъ какъ Эрика, соглашавшаяся во всемъ съ матерью, находила, что имъ гораздо спокойнѣе живется безъ ея мужа. Прежде чѣмъ Тони поѣхала въ тюрьму за выпускаемымъ на свободу узникомъ, она осторожно завела разговоръ съ дочерью о томъ, не хочетъ ли она развестись съ мужемъ, который ей сталъ совершенно чужимъ послѣ скандальнаго процесса. Эрика отвѣтила ей совершенно въ томъ же духѣ, какъ нѣкогда сама Тони отвѣтила отцу на вопросъ о Грюнлихѣ, и madame Перманедеръ уже стала носиться съ планами развода своей дочери—третьяго развода въ своей жизни. Но до развода дѣло не дошло, потому что Вейншенкъ самъ исчезъ изъ жизни своей семьи, прежде чѣмъ были предприняты какіе-нибудь шаги для законнаго разрыва. Онъ вернулся домой совершенно другимъ человѣкомъ. Годъ тюрьмы не повліялъ на его здоровье, но нравственное его состояніе было страшно подавленное. Вся его самоувѣренность исчезла. Хотя онъ и былъ увѣренъ, что вина его вовсе не такъ велика, какъ рѣшили судьи, что въ дѣловомъ мірѣ часто продѣлываютъ совершенно безнаказанно то же, за что онъ былъ осужденъ, но понесенная кара унизила его въ собственныхъ глазахъ; онъ боялся взглянуть кому-нибудь въ лицо и совершенно не выходилъ изъ дома. Онъ даже избѣгалъ быть въ обществѣ домашнихъ и не выходилъ изъ своей комнаты по цѣлымъ днямъ. Послѣ двухъ недѣль, проведенныхъ такимъ образомъ почти взаперти, онъ самъ понялъ, что жизнь въ городѣ, гдѣ его всѣ знали, для него невозможна; онъ объявилъ женѣ и тещѣ, что уѣзжаетъ за границу искать себѣ занятій, и обѣщалъ въ скоромъ времени выписать къ себѣ жену и ребенка. Но черезъ нѣсколько дней послѣ его отъѣзда, пришло письмо изъ Гамбурга, въ которомъ Вейншенкъ заявлялъ женѣ, что твердо рѣшилъ не соединяться съ семьей до тѣхъ поръ, пока не сможетъ обезпечить имъ вполнѣ приличное суще-

ствованіе. Это было послѣднею вѣстью отъ Вейншенка, послѣ которой онъ исчезъ навсегда. Эрика продолжала жить со своей дочерью у Тони.

Томъ былъ доволенъ исчезновеніемъ Вейншенка, присутствіе котораго только позорило ихъ семью. Но ему было уже какъ-то вообще не до заботъ о семейной чести, потому что онъ чувствовалъ, какъ, все равно, все рушится вокругъ него. Онъ жилъ очень замкнуто и уединенно, все болѣе и болѣе углубляясь въ осаждавшія его печальныя мысли и не имѣя никого, съ кѣмъ подѣлиться ими. Даже въ собственномъ домѣ онъ чувствовалъ себя чужимъ. Какъ онъ ни старался быть въ дружескихъ отношеніяхъ съ сыномъ, это ему плохо удавалось. Онъ продолжалъ говорить съ Ганно о его будущей дѣловой карьерѣ, но самъ видѣлъ, что разговоры ни къ чему не ведутъ. Что же касается его жены, то именно она и была причиной полной подавленности его состоянія. Она все болѣе и болѣе уходила въ свой обособленный міръ артистическихъ ощущеній и искала общества людей, близкихъ ей въ этомъ отношеніи. Она теперь еще была очень хороша; годы не оказывали вліянія на ея красоту, и рядомъ съ сильно постарѣвшимъ, болѣзненнымъ Томомъ она производила впечатлѣніе совсѣмъ молодой красавицы. Поэтому, когда въ домѣ сенатора сталъ часто появляться новый пріятель Герды, красивый и статный лейтенантъ фонъ-Трота, такой же страстный музыкантъ, какъ и жена Тома, въ городѣ стали говорить съ улыбочками объ этой дружбѣ. Томъ менѣе всего ревновалъ Герду къ лейтенанту; у него не было никакихъ опредѣленныхъ подозрѣній, но ему было не по себѣ, когда, работая въ кабинетѣ, онъ слышалъ доносившіеся къ нему по цѣлымъ часамъ звуки дуэтовъ изъ залы. Въ этихъ звукахъ ему слышалось ликованіе и радость жизни, отъ которой онъ былъ такъ далекъ. И еще болѣе жутко было ему, когда послѣ прихода лейтенанта изъ залы не доносилось звуковъ музыки. Иногда, не будучи въ силахъ сдержать овладѣвавшую имъ странную тревогу, онъ входилъ въ залу,—и тогда тотчасъ же Герда садилась за рояль, а фонъ-Трота бралъ скрипку, точно стараясь спастись отъ присутствія Тома въ міръ чуждыхъ ему гармоній...

Здоровье Тома сильно страдало отъ его подавленнаго настроенія, и онъ все чаще задумывался о смерти, стараясь примириться съ мыслью о ней. Но это ему не удавалось, несмотря на всѣ размышленія и даже чтеніе философскихъ книгъ. Докторъ, къ которому онъ обратился, совѣтовалъ ему серьезно лечить свои нервы, и онъ отправился къ морю, думая найти тамъ

успокоеніе. Съ нимъ поѣхалъ и Христіанъ, который, конечно, считалъ себя болѣе опасно больнымъ, чѣмъ Томъ. Онъ, дѣйствительно, производилъ впечатлѣніе погибающаго человѣка, вѣчно описывалъ въ подробностяхъ свои разнообразныя страданія и поражалъ всѣхъ какой-то окончательной утратой чувства стыда. Онъ постоянно разсказывалъ непристойные анекдоты, или излагалъ самыя отвратительныя подробности своихъ болѣзней. Пребываніе у моря еще болѣе разстроило Тома. Онъ вернулся домой совершенно разбитымъ, и едва могъ возобновить свои дѣловыя занятія. Однажды, въ засѣданіи сената, онъ почувствовалъ страшную зубную боль, и, не досидѣвъ до конца, ушелъ и прямо направился къ зубному врачу. Тотъ объявилъ ему, что необходимо немедленно вырвать зубъ, и съ согласія сенатора приступилъ къ операціи. Но вслѣдствіе ли неумѣлости дантиста, или дѣйствительной невозможности удалить сразу больной зубъ— операція не удалась. Раздался оглушившій Тома трескъ, и врачъ съ ужасомъ объявилъ, что сломалъ коронку, и что нужно еще вырвать корни. Тому было настолько дурно, что онъ попросилъ отложить операцію до слѣдующаго дня, и вышелъ, шатаясь, изъ кабинета зубного врача... Черезъ полчаса его принесли домой умирающимъ; оказалось, что онъ упалъ на улицѣ,—съ нимъ сдѣлался ударъ.

Такъ умеръ Томъ Будденброкъ. Никто не могъ понять, какимъ образомъ неудачная зубная операція могла привести къ смерти,—но вѣдь никто не зналъ, что Томъ уже давно былъ очень боленъ и что сильнаго нервнаго возбужденія достаточно было, чтобы вызвать катастрофу. Поговоривъ о его странной смерти, всѣ поспѣшили исполнить послѣдній долгъ— прислать цвѣты и вѣнки, и такъ много было исполнявшихъ этотъ долгъ, что всѣ цвѣточные магазины въ городѣ были завалены заказами, и гробъ сенатора утопалъ въ цвѣтахъ. Такихъ торжественныхъ похоронъ не было ни у одного изъ прежнихъ представителей фирмы Будденброковъ. Семья Тома очень разно отнеслась къ его смерти. О томъ, что собственно чувствовала Герда, трудно было сказать по ея неподвижному, загадочному лицу. Внѣшнимъ образомъ она была спокойна, какъ всегда,—и только синеватыя тѣни у глазъ обозначились еще рѣзче. Ганно былъ совершенно оглушенъ неожиданной смертью отца, и съ ужасомъ вглядывался въ его мертвое лицо. Тони рыдала, но чувствовала нѣкоторое удовлетвореніе при чтеніи лестныхъ некрологовъ о братѣ въ газетахъ и при видѣ безчисленныхъ вѣнковъ, украшавшихъ его гробъ. Христіанъ былъ пораженъ смертью

Тома, и какъ-то странно завидовалъ ему, что и тутъ онъ оказался первымъ, что онъ умеръ до него, не надоѣвъ всѣмъ своими жалобами и окруженный общимъ почетомъ.

Изъ завѣщанія Тома выяснилось, что онъ отказался отъ надежды передать свое дѣло сыну; его послѣдняя воля заключалась въ томъ, чтобы фирма Будденброковъ была ликвидирована въ теченіе года, и затѣмъ была выдана каждому его часть капитала. Тони была страшно огорчена окончательнымъ исчезновеніемъ фирмы, но ея несокрушимый оптимизмъ выразился въ томъ, что она все-же стала возлагать надежду на маленькаго Ганно, — надежду на то, что онъ изберетъ себѣ какой-нибудь другой родъ занятій и прославитъ имя Будденброковъ въ другой области. Герда продала домъ мужа и поселилась съ сыномъ въ маленькой виллѣ за городомъ, откуда мальчикъ пріѣзжалъ въ городъ, продолжая учиться въ реальномъ училищѣ. Тони часто посѣщала невѣстку, и все говорила о своихъ надеждахъ на будущее Ганно. Но этимъ надеждамъ не суждено было сбыться. Черезъ два года послѣ смерти отца, Ганно, продолжавшій все время хирѣть, плохо заниматься и выказывать огромныя способности къ музыкѣ, заболѣлъ тифомъ и умеръ. Съ нимъ исчезъ послѣдній Будденброкъ, потому что Христіанъ не могъ болѣе считаться представителемъ семьи. Послѣ смерти Тома, онъ женился на Алинѣ, но уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы его перевезли въ лечебницу для душевнобольныхъ,—и жена его продолжала вести свой прежній образъ жизни.

Послѣ смерти сына, Герда уѣхала навсегда въ Гамбургъ къ своему отцу, съ которымъ она такъ любила играть дуэты,—и только Тони осталась съ дочерью и внучкой доживать свой вѣкъ въ родномъ городѣ, утѣшаясь въ своей печальной жизни воспоминаніями о минувшемъ блестящемъ прошломъ своей семьи.

З. В.

ОСЕННІЯ ДУМЫ

1.

Отчего такъ роскошны осеннія краски?
Отчего такъ наряденъ печальный нашъ садъ?
Отчего съ такой нѣжной, задумчивой лаской
Вкругъ тѣхъ бѣлыхъ колоннъ обвился виноградъ?

— „Бѣдный міръ!“—тихо молвитъ царица-природа:—
Не видать ему долго моей красоты;
Не блеснетъ ему солнце съ лазурнаго свода,
На лугахъ и въ лѣсахъ не проснутся цвѣты!

Улыбнусь я послѣдней улыбкой прощальной,
Очарую волшебною властью моей,
Чтобъ мой праздникъ осенній, мой пиръ погребальный,
Долго въ памяти жилъ у несчастныхъ людей“!

Оттого такъ роскошны осеннія краски,
Оттого такъ наряденъ печальный нашъ садъ,
Оттого съ такой нѣжной, задумчивой лаской
Вкругъ тѣхъ бѣлыхъ колоннъ обвился виноградъ!

2.

Ночью осенней, холодной,
Дождь барабанитъ въ окно;
Странной тоскою, безплодной,
Бѣдное сердце полно.

Ночью осенней, угрюмой,
Въ мертвой ночной тишинѣ,
Старыя мрачныя думы
Снова слетаютъ ко мнѣ.

Демонъ тоски и сомнѣнья
Снова стоитъ предо мной:
„Гдѣ же твои убѣжденья?
Гдѣ твой счастливый покой“?

Видишь, какъ жалки, ничтожны
Мысли твои и мечты?
Видишь, какъ шатко и ложно
Все, чему вѣрила ты?

Сдайся! напрасны старанья,
Все разсыпается въ прахъ...
Ты вѣдь построила зданье
На переносныхъ пескахъ“!

Демонъ тоски и сомнѣнья
Злобно трясетъ головой:
„Гдѣ же твои убѣжденья,
Гдѣ твой счастливый покой“?

Кн. Марія Трубецкая.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря 1903.

Коммиссія „о центрѣ“ и записка земскихъ ея членовъ. — Обвинительный актъ, вызванный этой запиской, и настоящее ея значеніе. — Противоположные взгляды на крестьянскій вопросъ. — Коммиссія „о децентрализаціи“ и губернская реформа. — Главное управленіе и особый совѣтъ по дѣламъ мѣстнаго хозяйства.

Никогда еще, кажется, отличительныя черты нашей реакціонной печати не обнаруживались такъ ярко, какъ въ полемикѣ, вызванной „коммиссіею о центрѣ“. Въ занятіяхъ коммиссіи участвовали земскіе дѣятели, явившіеся вѣрными выразителями земскихъ взглядовъ. Этого было достаточно, чтобы потекли цѣлой рѣкой инсинуаціи и вымыслы. О пріемахъ, пущенныхъ въ ходъ новой кампаніей противъ земства, можно судить по тому, что въ длинномъ рядѣ статей, помѣщенныхъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, съ 27 октября по 1 ноября (подъ заглавіемъ: „Спасатели центра“), совершенно игнорируется коллективная записка земскихъ членовъ коммиссіи, оглашенная въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ въ началѣ двадцатыхъ чиселъ октября и перепечатанная въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ 25-го, 26-го и 27-го того же мѣсяца. Сотрудникъ г. Грингмута, основываясь исключительно на краткихъ извлеченіяхъ изъ журналовъ коммиссіи, утверждаетъ, что земскіе ея члены оставили безъ вниманія экономическія нужды населенія [1]), вмѣсто хлѣба предложили ему книгу, не коснулись ни сравнительно большаго обремененія центра платежами и повинностями, ни разорительныхъ для него желѣзнодорожныхъ тарифовъ, ни неудобствъ, связанныхъ съ общиннымъ землевладѣніемъ. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ весьма значительная часть коллективной записки посвящена именно матеріальному положенію, матеріальнымъ потребностямъ центральныхъ губерній. „Система государственнаго хозяйства“—

[1]) Аналогичное обвиненіе взводится на земскихъ членовъ коммиссіи и „Гражданиномъ“ (№№ 85 и 88).

говорятъ земскіе дѣятели—„направлена къ развитію окраинъ за счетъ центра; почти полное отсутствіе производительныхъ затратъ государства въ земледѣльческой полосѣ Россіи приводитъ ее къ наибольшему упадку сравнительно съ другими частями имперіи... Необходимо государственному бюджету хотя нѣкоторую часть средствъ расходовать въ центральныхъ губерніяхъ, въ цѣляхъ поднятія ихъ экономическаго благосостоянія". Средствомъ къ возстановленію равновѣсія, нарушеннаго въ ущербъ центру, земскіе дѣятели видятъ, между прочимъ, въ сложеніи или пониженіи выкупныхъ платежей, лежащихъ на крестьянахъ центральныхъ губерній. Останавливаются авторы записки и на вредномъ для центра вліяніи желѣзнодорожныхъ тарифовъ, но, чуждые односторонности и пристрастія, не рѣшаются настаивать на такой перемѣнѣ, которая, помогая центру, разорила бы окраины, и довольствуются просьбой о новомъ разсмотрѣніи дифференціальныхъ тарифныхъ ставокъ. Наконецъ, очень подробно обсуждается въ запискѣ и вопросъ объ общинномъ землевладѣніи и предлагается рядъ мѣръ, которыми могъ бы быть облегченъ переходъ отъ экстенсивнаго хозяйства къ интенсивному. Во что же обращается, затѣмъ, исходный пунктъ обвинительнаго акта, сочиненнаго на Страстномъ бульварѣ [1])?

Осуждая, per fas et nefas, образъ дѣйствій земскихъ членовъ коммиссіи о центрѣ, реакціонная печать мѣтитъ, собственно говоря, гораздо дальше: она старается доказать несостоятельность земства вообще и губернскаго земства въ особенности, непригодность земскихъ дѣятелей къ роли „свѣдущихъ людей", безполезность или вредъ „земской экспертизы". Въ концѣ концовъ, какъ и слѣдовало ожидать, выступаетъ на сцену обычный намекъ на земскую неблагонадежность. Присмотримся поближе къ нѣкоторымъ доводамъ обвинителей, особенно характернымъ и типичнымъ. Земскіе члены коммиссіи—говорятъ намъ—не могли дать ей цѣнныхъ указаній уже потому, что они принадлежали къ составу губернскихъ управъ, мало знакомыхъ съ положеніемъ народнаго хозяйства и подчиняющихся вліянію „третьяго элемента" (т.-е. служащихъ земству не по выборамъ, а по вольному найму). Губернскія управы избираются губернскими собраніями, больше занимающимися политикой, чѣмъ хозяйствомъ, и не имѣющими, при-

---

[1]) Нѣсколько дней спустя послѣ заключительной главы „Спасателей центра", въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" (№ 305) появилась передовая статья, озаглавленная: „Земская коллективная записка". Напрасно было бы, однако, искать въ ней восполненія пробѣла, допущеннаго авторомъ обвинительнаго акта: она посвящена всецѣло разсужденіямъ о формѣ, въ которой выразилось мнѣніе земскихъ дѣятелей. Московской газетѣ не нравится самый фактъ совѣщанія, происходившаго между ними, съ вѣдома и согласія предсѣдателя коммиссіи.

томъ, въ своей средѣ представителей отъ крестьянъ. Предсѣдатели и члены губернскихъ управъ ничѣмъ, поэтому, не отличаются отъ петербургскихъ бюрократовъ и столь же мало видятъ и знаютъ народъ, какъ любой директоръ департамента...—Поразительно, прежде всего, лицемѣріе, которымъ проникнута эта аргументація. Да, въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ присутствіе крестьянъ составляетъ *теперь* большую рѣдкость; но почему? Потому что земское Положеніе 1890-го года измѣнило составъ уѣздныхъ собраній, уменьшивъ число гласныхъ отъ сельскихъ обществъ и сведя выборъ ихъ къ назначенію, въ корнѣ подрывающему ихъ самостоятельность; а кто же усерднѣе реакціонныхъ публицистовъ возражаетъ противъ всякой перемѣны въ этомъ порядкѣ вещей?.. Игнорируется, дальше, тотъ безспорный фактъ, что громадное большинство предсѣдателей и членовъ губернскихъ управъ—гласные того или другого уѣзднаго собранія, имъ избранные въ губернское собраніе и, слѣдовательно, хорошо знакомые съ уѣзднымъ земскимъ хозяйствомъ. Столь же несомнѣнно и то, что члены и, тѣмъ болѣе, предсѣдатели губернскихъ управъ не могутъ быть простыми отголосками мнѣній, навѣянныхъ „третьимъ элементомъ"—не могутъ уже потому, что имъ постоянно приходится не только излагать, но и отстаивать свои взгляды, отвѣчая на запросы, замѣчанія и нападенія гласныхъ. Въ этомъ, между прочимъ, заключается глубокое, существенное различіе между земскими дѣятелями и „бюрократами", столичными или провинціальными. Руководящею нитью для бюрократа служатъ распоряженія свыше, въ подготовкѣ которыхъ онъ, по общему правилу, никакого участія не принимаетъ; руководящею нитью для земской управы служатъ постановленія земскаго собранія, которымъ предшествуетъ свободный обмѣнъ мнѣній. Откуда бы земская управа ни черпала матеріалъ для своихъ предложеній, съ чьею бы помощью ни подготовляла ихъ мотивировку, защита ихъ передъ собраніемъ во всякомъ случаѣ упадетъ всецѣло и прямо на управу, а не на ея статистиковъ, техниковъ и агрономовъ.

Изъ того, что предсѣдатели и члены губернскихъ земскихъ управъ хорошо знакомы, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, съ положеніемъ мѣстнаго населенія, еще не слѣдуетъ, однако, что они *всегда* могутъ служить *лучшими* его представителями передъ центральною властью. Наиболѣе цѣнной въ участникахъ *исполнительной* коллегіи является *дѣловитость*, умѣнье организовать и вести тѣ или другія отрасли земскаго хозяйства. Нужно, въ добавокъ, чтобы они могли посвятить земскому дѣлу если не всѣ свои силы, то по крайней мѣрѣ бо̀льшую ихъ часть, не отдавая слишкомъ много мѣста какому-либо другому, постороннему труду. Изъ числа лицъ, удовлетворяющихъ

этимъ условіямъ, далеко не всѣ обладаютъ тою широтою взглядовъ, тѣмъ разностороннимъ образованіемъ, тою ясностью и убѣдительностью рѣчи, которыя необходимы для пониманія и раскрытія народныхъ нуждъ, для указанія путей къ лучшему будущему—и наоборотъ, лица, наиболѣе способныя говорить отъ имени населенія, сплошь и рядомъ остаются внѣ состава управъ, не чувствуя въ себѣ призванія къ административной дѣятельности или не располагая необходимымъ для нея свободнымъ временемъ. Поставить „земскую экспертизу" на надлежащую высоту могло бы, поэтому, предоставленіе самому земству выбора „экспертовъ", и притомъ не только изъ среды губернскихъ гласныхъ, но и вообще изъ среды мѣстныхъ людей, каково бы ни было ихъ общественное положеніе [1]). А между тѣмъ, одна мысль объ *избраніи* экспертовъ привела бы въ ужасъ именно тѣ органы печати, которымъ непріятно *приглашеніе*, въ качествѣ „свѣдущихъ людей", предсѣдателей и членовъ губернскихъ управъ. У нихъ имѣется наготовѣ другой планъ: полное устраненіе земскихъ дѣятелей отъ участія въ совѣщаніяхъ, организуемыхъ центральною властью, и замѣна ихъ лицами разныхъ сословій, по рекомендаціи губернаторовъ, дѣйствующихъ единолично (мнѣніе „Гражданина") или по соглашенію съ предводителями дворянства (поправка „Московскихъ Вѣдомостей"). Лучше этого плана ничего нельзя и придумать, если девизомъ свѣдущихъ людей должно быть: „чего изволите", или: „какъ вамъ угодно". Повторяемыя отъ лица крестьянъ, эти слова могли бы вызвать опасный оптическій обманъ, позволяя думать, что волостной старшина, указанный земскимъ начальникомъ, служитъ выразителемъ чувствъ и мыслей цѣлаго сословія.

О причинахъ упадка центра земцы, по мнѣнію земствофобовъ, не могли судить безпристрастно уже потому, что они являлись при этомъ судьями въ собственномъ своемъ дѣлѣ, судьями надъ самими собою—или, лучше сказать, должны были бы явиться собственными своими обвинителями: вѣдь „правительству пришлось созвать особое совѣщаніе по выработкѣ мѣръ для возстановленія благосостоянія края, въ составъ коего, какъ бы по странной случайности, *входятъ только земскія губерніи*" (курсивъ въ подлинникѣ). Нѣкоторый—болѣе, впрочемъ, кажущійся, нежели дѣйствительный смыслъ—это разсужденіе

[1]) Записка земскихъ членовъ коммиссіи заканчивается слѣдующими словами: „въ послѣднее время правительство, признавая полезнымъ участіе земскихъ дѣятелей при обсужденіи разныхъ вопросовъ, вызываетъ этихъ дѣятелей въ засѣданія при министерствахъ. Для пользы дѣла крайне желательно, чтобы программы вопросовъ, подлежащихъ обсужденію, передавались предварительно на земскія собранія, чтобы представители земства, избранные земскими собраніями, являлись выразителями ихъ мнѣній".

имѣло бы развѣ въ такомъ случаѣ, еслибы въ составъ края, служившаго предметомъ совѣщанія, входили *всѣ* земскія губерніи: тогда можно было бы увѣрять, не углубляясь въ суть дѣла, что земство всюду несетъ съ собою разореніе и упадокъ. Ничего подобнаго нѣтъ въ дѣйствительности: центръ, понимаемый въ самомъ широкомъ смыслѣ (отъ Тулы до Харькова, отъ Калуги и Полтавы до Симбирска и Саратова), обнимаетъ собою не болѣе 13 или 14 губерній [1])—а всѣхъ земскихъ губерній 34 [2]). Уже это одно исключаетъ возможность предполагать причинную связь между существованіемъ земскихъ учрежденій и экономическимъ регрессомъ. Окончательно устраняетъ всякую мысль о ней всѣмъ извѣстный фактъ, что пострадавшею и страдающею является такъ называемая „средне-черноземная полоса", т.-е. географически опредѣленная территорія, съ извѣстными почвенными и климатическими особенностями, съ рѣшительнымъ преобладаніемъ земледѣлія, съ слабымъ развитіемъ промышленности. Самый беззастѣнчивый софистъ едва-ли рѣшится утверждать, что положеніе центральныхъ губерній было бы не такъ печально, еслибы въ нихъ было меньше школъ, больницъ и агрономическихъ учрежденій, еслибы не было произведено земскихъ статистическихъ изслѣдованій, съигравшихъ главную роль въ раскрытіи и освѣщеніи экономическихъ недуговъ. Остается, затѣмъ, только тягость земскаго сбора—тягость большею частью мнимая и во всякомъ случаѣ ничтожная сранительно съ другими, лежащими на населеніи. Смѣшно было бы думать, что гибельно вліяетъ на народное хозяйство именно тотъ сборъ, который весь цѣликомъ расходуется на мѣстѣ, въ пользу его плательщиковъ. Невольно, притомъ, рождается вопросъ, почему же онъ не оказываетъ такого же вліянія въ другихъ, не-центральныхъ земскихъ губерніяхъ?

Козырной картой въ своей игрѣ реакціонная печать считаетъ, очевидно, слѣдующее умозаключеніе: „нынѣ процвѣтающія окраины (Польша, Балтійскій край, Бѣлоруссія, Литва, Юго-Западъ) въ отношеніи условій быта, культуры, духовнаго развитія, правового порядка *находятся въ совершенно такомъ же положеніи, какъ и центръ* (кур-

---

[1]) Особенно неблагополучныхъ центральныхъ губерній коммиссія насчитываетъ *девять*.

[2]) Въ составъ коммиссіи о центрѣ вошли земскіе дѣятели изъ *семнадцати* губерній, но между послѣдними есть такія, которыя отнюдь не могутъ быть причислены къ *центру* и находятся въ совершенно другихъ условіяхъ (губ. новгородская, смоленская, вятская, казанская, самарская). Представители ихъ были приглашены, вѣроятно, не въ качествѣ людей, спеціально знакомыхъ съ положеніемъ центра, а въ качествѣ знатоковъ земскаго хозяйства въ его главныхъ чертахъ, вездѣ одинаковыхъ.

сивъ въ подлинникѣ), что̀ не помѣшало въ этихъ мѣстностяхъ (не имѣющихъ земства) подъему благосостоянія населенія". Изобрѣтатели этого полемическаго пріема считаютъ несомнѣннымъ, что еслибы его пустилъ въ ходъ кто-либо изъ членовъ коммиссіи, то авторы земской „белиберды" были бы поставлены въ „тупикъ", прижаты къ стѣнѣ и лишены возможности защищаться [1]). На самомъ дѣлѣ—если и признать доказаннымъ далеко не безспорный фактъ процвѣтанія *всѣхъ* западныхъ окраинъ,—отвѣтъ на мнимо-побѣдоносное возраженіе былъ бы весьма простъ. Чѣмъ неблагопріятнѣе слагаются для данной мѣстности внѣшнія условія, чѣмъ сильнѣе обрушиваются на нее стихійныя бѣдствія, чѣмъ стремительнѣе совершается въ ней переходъ отъ одной хозяйственной стадіи къ другой, чѣмъ быстрѣе изсякаютъ прежніе, обычные источники ея благосостоянія, тѣмъ важнѣе все то, что̀ можетъ приспособить ее къ требованіямъ времени, вооружить ее для борьбы за существованіе, облегчить противодѣйствіе рутинѣ, увеличить запасъ жизненной силы. Такія блага, какъ культура, духовное развитіе, правовой порядокъ, драгоцѣнны, конечно, для всѣхъ, вездѣ и всегда; но особенно чувствительно ихъ отсутствіе именно тамъ, гдѣ на смѣну разрушающагося стараго идетъ новая жизнь—и вмѣсто подготовленной почвы встрѣчаетъ одни пустыри, вмѣсто точекъ опоры—одни препятствія. Западъ Россіи въ меньшей степени, чѣмъ центръ, переживаетъ, въ экономической сферѣ, переходное время—и сообразно съ этимъ меньше испытываетъ послѣдствія тѣхъ политическихъ и культурныхъ недочетовъ, которые такъ тяжело отзываются на центрѣ. Болѣе тщательное изслѣдованіе окраинъ показало бы, быть можетъ, что и тамъ неблагополучно многое, весьма многое; обнаружились бы, быть можетъ, и преимущества, созданныя для нѣкоторыхъ изъ нихъ особенностями ихъ прошлаго (напр. отношеніемъ лютеранскаго духовенства къ народной грамотности). Въ концѣ концовъ балансъ остался бы, по всей вѣроятности, крайне невыгоднымъ для центра, и поворотъ къ лучшему оказался бы здѣсь возможнымъ только при исполненіи условій, намѣченныхъ земскими членами коммиссіи о центрѣ (и еще раньше—цѣлымъ рядомъ уѣздныхъ и губернскихъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ).

Именно здѣсь коренится глубокое, неустранимое разногласіе между приверженцами рутины и сторонниками движенія, между проповѣдниками пассивнаго послушанія и защитниками общественной самодѣятельности. Оно обнаруживается все ирче и ярче каждый разъ,

[1]) Изъ газетныхъ сообщеній видно, что указаніе на повсемѣстность, въ Россіи, одного и того же правового порядка было сдѣлано въ коммиссіи предсѣдателемъ и нѣкоторыми членами—но не видно, чтобы оно особенно подѣйствовало на земскихъ дѣятелей.

когда ставится на очередь серьозный вопросъ государственной жизни. Усиленіе власти, ограниченіе самоуправленія, обостреніе мѣръ предупрежденія и пресѣченія, рѣзкое разграниченіе сословій, подчиненность „низшаго рода людей", всеобщее молчаніе, нарушаемое только привилегированной прессой и, пожалуй, назначенными „свѣдущими людьми" „ejusdem farinae" — вотъ программа, неизмѣнно выставляемая одною стороною. Естественнымъ ея противовѣсомъ является другая программа, обнимающая собою строгую законность, широкое развитіе общественныхъ учрежденій, независимость суда, равноправность сословій, достаточно огражденную свободу слова, возможность знакомства со взглядами, существующими въ средѣ населенія. Нѣмецкому ученію объ „ограниченномъ умѣ подданныхъ" противопоставляется указаніе на признаки общественной зрѣлости, все меньше и меньше оставляющіе мѣста для сомнѣній. Полемика, возгорѣвшаяся по поводу коммиссіи о центрѣ—одинъ изъ эпизодовъ давно начавшейся борьбы. Въ запискѣ земскихъ членовъ коммиссіи газетные обскуранты постарались найти или дерзновеніе, или недомысліе, или смѣсь того и другого, между тѣмъ какъ она представляетъ собою только отраженіе убѣжденій, носящихся въ воздухѣ, все больше и больше подтверждаемыхъ фактами, все больше и больше пріобрѣтающихъ власть надъ умами: не даромъ же мысль о необходимости лучшаго правового порядка для массы населенія была высказана, еще пять лѣтъ тому назадъ, бывшимъ министромъ финансовъ. Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, сомнѣваться въ томъ, что чѣмъ тяжелѣе положеніе, тѣмъ больше выходъ изъ него требуетъ бодрости, энергіи, ясности взгляда, а развитіе этихъ качествъ прямо пропорціонально съ одной стороны степени умственной культуры, съ другой — обезпеченности личныхъ правъ и обусловливаемой ею свободы рѣшеній и дѣйствій? Можно ли сомнѣваться въ томъ, что грамотное населеніе, независимое отъ произвола, сознающее свое достоинство, легче справится съ затрудненіями и невзгодами всякаго рода?... Большой ошибкой было бы, конечно, ожидать, въ тяжелую годину, улучшенія народнаго быта *исключительно* отъ распространенія образованія и расширенія юридическихъ правъ, т.-е. отъ перемѣнъ, дѣйствіе которыхъ сказывается не сразу,—и въ такой ошибкѣ, какъ мы уже видѣли, земскіе члены коммиссіи о центрѣ совершенно неповинны [1]); но еще гораздо бо̀льшей

---

[1]) „Надежду на *лучшее будущее*"—сказано въ земской коллективной запискѣ —„даютъ только просвѣщеніе, подъемъ личности и самодѣятельности, а облегченіе внѣшнихъ условій, *неизбѣжное и необходимое* въ виду крайней тяжести настоящей минуты, не можетъ быть признано радикальнымъ и безъ общихъ мѣръ едва ли приведетъ крестьянское хозяйство въ лучшее состояніе".

ошибкой было бы ограничиться частными мѣропріятіями, имѣющими лишь значеніе палліативовъ.

Что правовое положеніе крестьянъ представляется до крайности ненормальнымъ—этого прямо не отрицаетъ даже реакціонная пресса: она старается только опровергнуть отдѣльныя замѣчанія, высказанныя, по этому поводу, земскими членами коммиссіи. О характерѣ опроверженій можно судить по слѣдующему примѣру. Въ земской коллективной запискѣ было указано, между прочимъ, на ограниченіе личныхъ правъ крестьянина, вытекающее изъ ст. 61-ой положенія о земскихъ начальникахъ (т.-е. изъ дискреціонной карательной власти земскаго начальника). „Какъ будто центръ"—восклицаютъ, въ отвѣтъ на это, „Московскія Вѣдомости",—„воскреснетъ отъ того, что сотня деревенскихъ хулигановъ съ отмѣной 61-ой статьи будетъ имѣть возможность болѣе свободно примѣнять свою профессію"! Итакъ, ст. 61-ая служитъ только орудіемъ обузданія „хулигановъ", въ борьбѣ съ которыми безсильно всякое другое средство! Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что именно „хулигановъ"—въ деревнѣ гораздо болѣе рѣдкихъ, чѣмъ въ большихъ городахъ, — дискреціонная власть земскаго начальника касается всего рѣже. Выраженіемъ „хулиганства" служатъ проступки, преслѣдуемые по суду и влекущіе за собою уголовную кару—а примѣненіе дискреціонной власти начинается именно тамъ, гдѣ оканчивается сфера дѣйствія уголовнаго закона. Административныя взысканія обрушиваются, главнымъ образомъ, не на буяновъ, не на зачинщиковъ или участниковъ побоищъ и уличныхъ скандаловъ, а на оберегателей уцѣлѣвшихъ остатковъ крестьянскаго самоуправленія, на непослушныхъ членовъ сельскаго или волостного схода, на наивныхъ людей, считающихъ себя въ правѣ дѣйствовать самостоятельно, а не по чужой указкѣ. Статья 61-ая проводитъ рѣзкую черту между сословіями, подчиняя всѣхъ, стоящихъ ниже этой черты, ничѣмъ не ограниченному произволу. Само собою разумѣется, что отъ *одной* отмѣны этой статьи никто не ожидаетъ ни „воскресенія центра", ни даже существенной перемѣны къ лучшему въ положеніи крестьянъ: но она была бы признакомъ возвращенія къ пути, намѣченному въ 1861-мъ году и совершенно оставленному четверть вѣка спустя. Она знаменовала бы собою торжество юридическихъ нормъ, одинаковыхъ для всѣхъ гражданъ государства. Вмѣстѣ съ цѣлымъ комплексомъ аналогичныхъ мѣръ, это было бы какъ бы вторымъ освобожденіемъ крестьянъ — освобожденіемъ отъ зависимости менѣе тяжелой, чѣмъ крѣпостная, но едва ли менѣе чувствительной, въ виду умственнаго подъема, совершившагося и совершающагося, несмотря на всѣ преграды, въ средѣ народной массы.

Кульминаціонной своей точки недобросовѣстность ретроградной пе-

чати достигла въ комментаріяхъ „Гражданина“ къ слѣдующему мѣсту земской записки: „надежными должны быть признаны тѣ мѣропріятія, которыя стремятся измѣнить внутреннее соотношеніе между крестьяниномъ и окружившими его тяжелыми условіями сложившейся жизни, *не облегченіемъ этихъ внѣшнихъ условій, а усовершенствованіемъ самого крестьянина, какъ орудія борьбы въ общей экономіи государства*“. Въ „иносказательномъ и метафорическомъ языкѣ“ послѣднихъ словъ, говорящихъ о борьбѣ—„съ кѣмъ? не прибавлено; понимай, какъ кто хочетъ“, — кн. Мещерскій усматриваетъ чуть не призывъ къ государственному перевороту, обращающій „земскихъ Мирабо“ въ подобіе „земскаго конвента“. А между тѣмъ, чтобы понять какъ слѣдуетъ и безъ того ясныя слова, стоитъ только прочесть нѣсколько строкъ, непосредственно предшествующихъ вышеприведеннымъ. „Спрашивается“—говорятъ авторы записки,—„что же дѣлать: поставить ли крестьянина въ старыя условія жизни и облегчить тѣмъ его положеніе, или научить его, какъ *бороться* съ обступившими его трудностями, дать ему болѣе усовершенствованныя средства въ *борьбѣ за существованіе*“? Нѣсколько раньше въ запискѣ сказано, что „съ точки зрѣнія чисто экономической крестьянинъ-земледѣлецъ долженъ разсматриваться какъ *орудіе производства*“. Не можетъ быть, слѣдовательно, никакого сомнѣнія въ томъ, что и въ словахъ, инкриминированныхъ „Гражданиномъ“, идетъ рѣчь объ экономической борьбѣ за существованіе, о борьбѣ съ внѣшними условіями (созданными переходомъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному, быстрымъ ростомъ государственнаго и неподвижностью крестьянскаго бюджета). Что̀ сказать, затѣмъ, о пріемахъ „Гражданина“ соединяющаго „чтеніе между строками“ съ не-чтеніемъ другихъ строкъ, усматривающаго въ запискѣ то, чего въ ней нѣтъ, и не желающаго видѣть того, что̀ въ ней есть?.. Для реакціонной печати важно не опроверженіе ненавистныхъ ей мнѣній, а возбужденіе подозрѣній противъ тѣхъ, кто ихъ высказалъ—и въ стремленіи къ этой цѣли она считаетъ излишней разборчивость въ выборѣ средствъ.

На коммиссію о центрѣ записка земскихъ членовъ, разъясненная и дополненная устными ихъ заявленіями, произвела, очевидно, совсѣмъ другое впечатлѣніе, чѣмъ на представителей реакціонной печати. Если предсѣдатель коммиссіи, по соображеніямъ преимущественно формальнаго характера, не нашелъ возможнымъ допустить обсужденіе нѣкоторыхъ вопросовъ, поднятыхъ земцами, то это не помѣшало коммисіи признать *почти единогласно* [1]), что только земство можетъ съ пользою и планомѣрностью проводить въ жизнь мѣры, на-

[1]) См. № 296 „Русскихъ Вѣдомостей“.

правленныя къ увеличенію народнаго благосостоянія, а главнымъ тормазомъ въ этомъ дѣлѣ служитъ недостатокъ земскихъ средствъ. Въ коммиссіи высказывалось пожеланіе, чтобы правительство уступило земству поземельный налогъ и удѣлило въ его пользу часть патентнаго сбора и промысловаго налога. Характерно и то, что всѣ предположенія, на которыхъ, въ концѣ концовъ, остановилась коммиссія, были уже намѣчены въ коллективной запискѣ земскихъ ея членовъ (развитіе кустарной и вообще мелкой промышленности, пониженіе выкупныхъ платежей, увеличеніе заботы о центрѣ, урегулированіе отхожихъ промысловъ, расширеніе дѣятельности крестьянскаго банка, упорядоченіе переселенческаго дѣла и арендпаго пользованія землею). Это—лучшій отвѣтъ на обвиненіе земскихъ дѣятелей въ безучастномъ отношеніи къ насущнымъ нуждамъ народа.

Для полноты картины слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ упрекѣ, дѣлаемомъ земскимъ членамъ коммиссіи—упрекѣ въ равнодушіи къ участи высшихъ классовъ населенія, пострадавшихъ, въ центрѣ Россіи, отнюдь не менѣе крестьянства. Несостоятельность этого упрека очевидна. Для дворянъ-землевладѣльцевъ коренныхъ русскихъ губерній сдѣлано и дѣлается, въ послѣднее время, такъ много, что рѣшительно нельзя себѣ представить, какія еще мѣры могла бы проектировать въ томъ же смыслѣ коммиссія о центрѣ. Въ значительной степени пользовалась и пользуется покровительствомъ и крупная промышленность. Обязанность государства заключается, притомъ, не въ воспособленіи всякой частной нуждѣ, а въ поддержаніи той массы, которая, будучи предоставлена сама себѣ, является безпомощною—и обѣднѣніе которой принимаетъ размѣры всенароднаго бѣдствія. Несомнѣнно, съ другой стороны, что все предпринимаемое въ правильно понятыхъ интересахъ массы благотворно отражается и на меньшинствѣ, связанномъ съ нею безчисленными нитями.

Какъ бы дополненіемъ къ сказанному земскими членами коммиссіи о центрѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ противовѣсомъ по отношенію къ кривотолкамъ реакціонной печати, служитъ прекрасная статья И. М. Страховскаго: „Обособленность и равноправность крестьянъ“, появившаяся недавно въ газетѣ „Право“ (№№ 38, 39 и 40). Она даетъ яркую картину аномалій, которыми такъ богато юридическое положеніе современнаго крестьянства, и съ большою убѣдительностью намѣчаетъ единственный правильный изъ него выходъ, формулируемый такъ: *съ званіемъ крестьянина не должны быть связываемы никакія правовыя ограниченія, ни личныя, ни имущественныя.* Другими словами, крестьянство не должно быть отрѣзаннымъ ломтемъ, не должно быть

окружено плотинами, удерживающими его ниже общаго гражданскаго уровня, обрекающими его на какое-то вѣчное гражданское несовершеннолѣтіе. Подъ именемъ *сельскихъ обывателей* слѣдовало бы разумѣть „всѣхъ дѣйствительныхъ обывателей сельскихъ мѣстностей, безъ различія ихъ происхожденія, подобно тому, какъ городскими обывателями признаются всѣ жители городовъ". Сельскіе уставы, которыми слѣдовало бы замѣнить существующія спеціальныя постановленія о крестьянахъ, должны быть распространены на всѣхъ сельскихъ жителей, обнимая собою управленіе, судъ и землевладѣніе. Спеціально-сельскимъ организаціямъ не должно быть присвоиваемо административно-полицейскихъ функцій. Низшею ступенью сельскаго самоуправленія должно быть каждое отдѣльное поселеніе, слѣдующею за нимъ—мелкая земская единица. Представителемъ, на мѣстахъ, административной власти могъ бы остаться земскій начальникъ, конечно—безъ всякихъ судебныхъ функцій. Сословный волостной судъ долженъ уступить мѣсто избираемому всѣмъ населеніемъ сельскому (совѣстному) судьѣ; вторую инстанцію могъ бы образовать съѣздъ участковыхъ и (по очереди) сельскихъ судей. Все это совершенно вѣрно: спорнымъ кажется намъ только взглядъ автора на общинное землевладѣніе, въ разсмотрѣніе котораго мы теперь не входимъ.

Насколько симпатично и своевременно все клонящееся къ устраненію искусственныхъ различій между крестьянствомъ и другими сословіями, настолько опасны и нежелательны попытки закрѣпить эти различія—изданіемъ, напримѣръ, сельскаго устава, предназначеннаго для однихъ крестьянъ, или кодификаціей крестьянскихъ обычаевъ, съ цѣлью обязательнаго ихъ примѣненія въ волостныхъ судахъ и въ инстанціяхъ, стоящихъ надъ волостными судами. Крестьянскіе обычаи, до крайности эластичные, измѣнчивые и трудно опредѣлимые, могутъ и должны служить предметомъ научнаго изслѣдованія, могутъ и должны быть приняты во вниманіе при установленіи окончательной редакціи проекта гражданскаго уложенія; но извлекать изъ нихъ сводъ правилъ, предназначенныхъ для однихъ крестьянъ, значило бы приступать къ починкѣ, съ помощью ненадежныхъ или негодныхъ матеріаловъ, зданія, давно отслужившаго свою службу и подлежащаго сломкѣ. Нужно надѣяться, что газетные слухи о чемъ-то подобномъ окажутсь лишенными основанія. Со времени изданія Положеній 1861-го года прошло почти полвѣка: существенно измѣнились всѣ условія русской жизни и сдѣлался не только возможнымъ, но и необходимымъ тотъ рѣшительный шагъ, передъ которымъ не безъ причины отступили, въ свое время, творцы великой крестьянской реформы.

Въ концѣ октября возобновились работы учрежденной еще весною „коммиссіи о децентрализаціи“ (предсѣдатель—членъ государственнаго совѣта С. Ѳ. Платоновъ, члены—товарищи министровъ и главноуправляющихъ). Полное осуществленіе реформы, подготовляемой коммиссіею, поставлено въ зависимость отъ преобразованія уѣзднаго и губернскаго управленія, съ усиленіемъ власти губернатора. Нѣкоторую часть дѣлъ, восходившихъ до сихъ поръ на усмотрѣніе центральной власти, предполагается, однако, теперь же перенести въ категорію оканчиваемыхъ на мѣстахъ. Къ числу функцій губернатора (или генералъ-губернатора) имѣется въ виду отнести, между прочимъ, утвержденіе уставовъ различныхъ кассъ, товариществъ, обществъ и собраній, положеній о стипендіяхъ и обращаемыхъ на общественныя цѣли капиталахъ, а также разрѣшеніе съѣздовъ (кромѣ съѣздовъ раскольниковъ и сектантовъ), выставокъ и публичныхъ чтеній, займовъ, заключаемыхъ земскими собраніями и городскими думами, и назначаемыхъ ими пожизненныхъ пенсій. Безспорно, проектируемая перемѣна облегчитъ, до извѣстной степени, общественную и личную иниціативу, ускоритъ открытіе новыхъ предпріятій и уменьшитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, массу труда, лежащаго на центральныхъ учрежденіяхъ, не увеличивая занятій мѣстной власти (такъ какъ черезъ ея руки и до сихъ поръ проходили, для представленія заключеній, дѣла, которыя теперь предполагается предоставить ея рѣшенію); но столь же безспорно, что существеннаго значенія она имѣть не будетъ. Важно не то, *кто* утверждаетъ уставы и разрѣшаетъ приведеніе ихъ въ дѣйствіе, а то, *что* допускается уставами, и въ какой степени свободна регулируемая ими дѣятельность. Представимъ себѣ, напримѣръ, что однимъ уставомъ, вступающимъ въ силу съ утвержденія мѣстной власти, закрытіе общества предоставляется ничѣмъ не ограниченному усмотрѣнію губернатора—а другимъ уставомъ, требующимъ утвержденія центральной власти, закрытіе общества допускается только въ немногихъ, заранѣе опредѣленныхъ случаяхъ, съ соблюденіемъ извѣстныхъ формальностей, хоть сколько-нибудь гарантирующихъ противъ административнаго произвола. Не ясно ли, что нѣкоторая потеря времени, сопряженная съ проведеніемъ послѣдняго устава, съ избыткомъ уравновѣшивается бо̀льшею обезпеченностью, которую онъ даетъ вновь учреждаемому обществу? Пускай *пріобрѣтеніе* права будетъ нѣсколько замедлено и затруднено, лишь бы самое право оказалось достаточно прочнымъ и широкимъ. Такихъ примѣровъ можно было бы привести много. Общій ихъ смыслъ, какъ уже было указано нами по поводу манифеста 26-го февраля, заключается въ томъ, что истинно плодотворною децентрализація является только тогда, когда она расши-

ряетъ сферу самоуправленія и самодѣятельности, а не ограничивается увеличеніемъ полномочій мѣстной административной власти.

Въ чемъ именно будетъ состоять задуманная реформа губернскаго управленія—это въ точности еще неизвѣстно: въ форму опредѣленнаго проекта она еще не облечена. Предполагается, повидимому, преобразовать губернское правленіе, теперь служащее чѣмъ-то въ родѣ пятаго колеса въ губернской колесницѣ, и создать губернскій совѣтъ, который замѣнилъ бы собою многіе изъ существующихъ въ настоящее время губернскихъ присутствій, совѣтовъ и комитетовъ. Какую роль должны играть въ губернскомъ совѣтѣ представители земскихъ и городскихъ учрежденій, въ какомъ отношеніи онъ долженъ стоять къ этимъ учрежденіямъ—сказать трудно: а между тѣмъ, именно отъ этого зависитъ отвѣтъ на вопросъ о значеніи и цѣляхъ реформы. Если въ составѣ совѣта, какъ сообщаютъ „Русскія Вѣдомости" (№ 284), не находится мѣста для члена отъ губернскаго земскаго собранія, засѣдающаго теперь въ губернскомъ по земскимъ дѣламъ присутствіи, то отъ губернской реформы нельзя, очевидно, ожидать даже сохраненія за земствомъ той болѣе чѣмъ скромной роли, которая принадлежитъ ему въ настоящее время. Шагомъ назадъ была бы и замѣна нынѣшняго губернскаго училищнаго совѣта особымъ присутствіемъ губернскаго совѣта по дѣламъ народнаго образованія. Первое мѣсто въ этой области съ гораздо бо̀льшимъ правомъ принадлежитъ губернскому предводителю дворянства, избранному хотя бы одною частью мѣстнаго населенія, чѣмъ губернатору, главнымъ назначеніемъ котораго служатъ обязанности совершенно другого рода.

Въ разрѣзъ съ децентрализаціей, хотя бы чисто-административной, идетъ увеличеніе числа и состава о̀рганов̀ъ центральнаго управленія. Расширеніе формы неизбѣжно влечетъ за собою расширеніе содержанія: чѣмъ больше лицъ держатъ въ своихъ рукахъ концы нитей, идущихъ отъ центра къ периферіи, тѣмъ интенсивнѣе вліяніе центра, тѣмъ труднѣе установить предѣлъ, дальше котораго не должно идти вмѣшательство сверху. Не чуждъ, поэтому, нѣкотораго внутренняго противорѣчія оглашенный недавно проектъ устройства, въ составѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, главнаго управленія по дѣламъ мѣстнаго хозяйства, состоящаго изъ пяти отдѣловъ: земскаго хозяйства, городского хозяйства, народнаго здравія и общественнаго призрѣнія, дорожнаго и пожарно-строительнаго. Надъ всѣми отдѣлами стоитъ начальникъ главнаго управленія, какъ ближайшій помощникъ министра по завѣдыванію, въ порядкѣ высшаго руководства, дѣятельностью мѣстныхъ учрежденій и по согласованію ея съ общегосудар-

ственными видами. Правда, новое главное управленіе должно замѣнить собою хозяйственный департаментъ министерства внутреннихъ дѣлъ, а отчасти и медицинскій; но преемникомъ послѣдняго является, для цѣлаго рода дѣлъ (по медицинскому управленію и врачебно-санитарному надзору), вновь учреждаемое управленіе главнаго врачебнаго инспектора, а нынѣшній составъ хозяйственнаго департамента перейдетъ въ главное управленіе по дѣламъ мѣстнаго хозяйства скорѣе увеличеннымъ, чѣмъ уменьшеннымъ. Названію всегда болѣе или менѣе соотвѣтствуетъ дѣйствительное значеніе: болѣе чѣмъ вѣроятно, что *главному управленію* роль *департамента* покажется недостаточно крупной и важной, и оно создастъ для себя цѣлый рядъ новыхъ функцій, въ ущербъ децентрализаціи земскаго и городского дѣла.

Кромѣ главнаго управленіа, при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ предполагается учредить еще особый совѣтъ по дѣламъ мѣстнаго хозяйства. Общее присутствіе этого совѣта образуется, подъ предсѣдательствомъ министра, изъ начальниковъ подлежащихъ учрежденій министерства, представителей другихъ вѣдомствъ и пятнадцати мѣстныхъ дѣятелей, назначаемыхъ Высочайшею властью, срокомъ на три года, изъ числа предводителей дворянства, предсѣдателей и членовъ земскихъ управъ, городскихъ головъ и земскихъ и городскихъ гласныхъ. Для разсмотрѣнія болѣе важныхъ дѣлъ къ составу совѣта присоединяются, по приглашенію министра, другіе, помимо постоянныхъ членовъ, мѣстные дѣятели, могущіе принести пользу своими знаніями и опытомъ. Совѣтъ по дѣламъ мѣстнаго хозяйства предназначается для обсужденія важнѣйшихъ мѣръ, имѣющихъ цѣлью развитіе и усовершенствованіе способовъ удовлетворенія мѣстныхъ потребностей, а равно для разсмотрѣнія текущихъ дѣлъ, требующихъ соглашенія вѣдомствъ или общаго соображенія, въ интересахъ единообразія. Соотвѣтственно этому въ совѣтъ должны быть вносимы: 1) предположенія объ изданіи новыхъ законовъ и общихъ распоряженій, относящихся до мѣстнаго хозяйства, а также о дополненіи, измѣненіи и отмѣнѣ дѣйствующихъ, и 2) ходатайства земскихъ и городскихъ учрежденій, касающіяся принятія общихъ мѣръ въ области мѣстнаго хозяйства. Заключенія совѣта будутъ прилагаемы, въ спискахъ, къ представленіямъ, вносимымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ въ высшія государственныя установленія.

Мысль о совѣтѣ по дѣламъ мѣстнаго хозяйства не нова. Съ особенною обстоятельностью она была развита, лѣтъ тринадцать тому назадъ, проф. Н. М. Коркуновымъ. Проектъ, имъ составленный, отличался отъ вышеизложеннаго съ одной стороны тѣмъ, что выборъ земскихъ членовъ совѣта, въ числѣ десяти, предполагалось предоставить губернскимъ земскимъ собраніямъ, по установленной между ними оче-

реди, съ другой—тѣмъ, что при согласіи всѣхъ вѣдомствъ постановленія совѣта должны были вступать въ окончательную силу, безъ внесенія дѣла въ комитетъ министровъ. Въ послѣднемъ отношеніи новый проектъ несомнѣнно имѣетъ преимущество передъ проектомъ Н. М. Коркунова: шансовъ безпристрастнаго отношенія къ органамъ самоуправленія разрѣшеніе дѣла комитетомъ министровъ представляетъ все-таки нѣсколько больше, чѣмъ разрѣшеніе его учрежденіемъ, большинство котораго состояло бы изъ представителей вѣдомствъ (т.-е. должностныхъ лицъ, болѣе или менѣе удаленныхъ отъ верхней ступени іерархической лѣстницы), а предсѣдателемъ былъ бы министръ внутреннихъ дѣлъ. Столь же безспорно, съ другой стороны, что *избраніе* земскихъ представителей, за которое стоялъ Н. М. Коркуновъ, несравненно цѣлесообразнѣе, чѣмъ проектируемое теперь ихъ *приглашеніе* или назначеніе. Въ нашихъ глазахъ, такимъ образомъ, обоимъ проектамъ присущи различные, но одинаково важные недостатки. Мы высказались, въ свое время, противъ предложенія Н. М. Коркунова [1]) и не ожидаемъ существенной перемѣны къ лучшему отъ принятія мѣры, намѣчаемой теперь министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Подтвержденіемъ нашихъ сомнѣній служитъ дѣятельность сельскохозяйственнаго совѣта при министерствѣ земледѣлія и государственныхъ имуществъ, результаты которой очень невелики, хотя, по самому существу задачъ совѣта, антагонизмъ между назначенными и приглашенными его членами не можетъ имѣть особенно жгучаго характера. Существенно полезнымъ участіе земскихъ и городскихъ—конечно, выборныхъ—представителей могло бы оказаться только въ составѣ учрежденія, стоящаго въ сторонѣ отъ текущей административной политики. Такимъ учрежденіемъ, какъ мы старались показать при обсужденіи проекта г. Коркунова, является въ Россіи—одинъ только сенатъ.

---

[1]) См. „Внутр. Обозр.“ въ №№ 2 и 3 „Вѣстника Европы“ за 1891 г.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря 1903.

Турецкая политика и македонскій вопросъ.—Дипломатія и общій европейскій миръ.—Кризисъ на Дальнемъ Востокѣ.—Новыя теченія въ международной политикѣ.—Внутреннія дѣла во Франціи.—Новая республика въ Америкѣ.

Извѣстно, что нигдѣ въ Европѣ нѣтъ такого полнаго оффиціальнаго благополучія, какъ въ Турціи: въ турецкомъ государствѣ нѣтъ ни печати, ни оппозиціи, ни общественнаго мнѣнія, и все, что рѣшается въ Ильдизъ-Кіоскѣ, становится непреложнымъ закономъ для милліоновъ правовѣрнаго мусульманскаго населенія. Довѣренные совѣтники султана чувствуютъ себя свободными отъ непріятнаго публичнаго контроля, не знаютъ назойливой критики, видятъ кругомъ только преданныя, льстивыя лица и могутъ спокойно поддерживать въ Высокой Портѣ убѣжденіе, что самый счастливый народъ на свѣтѣ—турецкій. Иноземные завистники, правда, нарушаютъ мирное процвѣтаніе нѣкоторыхъ областей, подвластныхъ падишаху, и сѣютъ смуту въ умахъ туземныхъ христіанъ, распространяя превратные взгляды на беззаконія и насилія мѣстныхъ турецкихъ пашей и башибузуковъ; но эти искусственно создаваемыя волненія легко прекращались бы, еслибы мусульманамъ была предоставлена неограниченная свобода дѣйствій, безъ всякаго участія и вмѣшательства иностранной дипломатіи. Турецкіе государственные люди всегда довольны собою и своею системою управленія; они проникнуты безмятежнымъ оптимизмомъ при самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ имперіи, и этотъ оптимизмъ помогаетъ имъ хладнокровно переживать кризисы, которыхъ не вынесла бы никакая другая нація.

Въ своемъ подробномъ дипломатическомъ отвѣтѣ на русско-австрійскія требованія относительно Македоніи Порта изображаетъ положеніе дѣлъ необыкновенно радужными красками. „Оттоманское правительство—говорится въ турецкой нотѣ—получило дружескія предложенія пословъ Австро-Венгріи и Россіи. Несмотря на затрудненія, вызванныя преступными усиліями агитаторовъ, на замѣшательства, произведенныя революціонными шайками, и на значительныя военныя мѣры, которыя вынуждено было принять правительство, достигнутъ былъ все-таки большой прогрессъ въ проведеніи реформъ, предположенныхъ Портою въ согласіи съ дружественными совѣтами двухъ державъ. Правительство выказало чрезвычайное усердіе въ примѣненіи

этихъ реформъ, такъ какъ оно одушевлено твердымъ желаніемъ сохранить спокойствіе и обезпечить независимость страны. Консулы Россіи и Австріи обыкновенно сообщали свои свѣдѣнія генеральному инспектору, Гуссейну Хильми-пашѣ, и послѣдній въ свою очередь знакомилъ консуловъ съ успѣхомъ примѣненія реформъ. Желательно было бы, чтобы эти дружественныя сношенія продолжались. Такъ какъ полномочія генеральнаго инспектора сохраняютъ свою силу еще въ теченіе двухъ лѣтъ, то не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что въ этотъ періодъ времени все устроится въ полномъ порядкѣ, и выполненіе реформъ будетъ доведено до конца. Его величество султанъ, съ обычнымъ своимъ великодушіемъ, назначилъ деньги для раздачи пособій лицамъ, оставшимся безъ крова и пищи, и для возстановленія разрушенныхъ жилищъ, мечетей, церквей и школъ. Гуссейнъ Хильми-паша будетъ слѣдить за распредѣленіемъ этихъ средствъ при участіи контрольной коммиссіи, назначенной султаномъ и составленной изъ представителей всѣхъ различныхъ народностей. Мѣстные нотабли будутъ выбраны въ разныхъ мѣстахъ для той же цѣли. Всѣ разрушенныя селенія, и только они одни, будутъ освобождены отъ налоговъ на одинъ годъ. Амнистія будетъ дарована тѣмъ жителямъ, которые, вслѣдствіе страха или подъ вліяніемъ угрозъ комитетовъ, бѣжали черезъ границу въ Болгарію или искали спасенія въ горахъ. Они будутъ водворены въ своихъ прежнихъ домахъ. Положеніе становится съ каждымъ днемъ все болѣе благопріятнымъ и спокойнымъ. Какъ видно изъ приложеннаго доклада Хильми-паши, всѣ указанія февральской программы приведены въ исполненіе, и можно выразить надежду, что державы оцѣнятъ усилія правительства по достоинству. Единственный пунктъ, примѣненіе котораго пришлось отложить, касается принятія христіанъ на службу въ составъ жандармеріи, но это произошло не по винѣ правительства. Македонскіе христіане побоялись вступить въ ряды жандармовъ, опасаясь мести со стороны комитетовъ; но генеральному инспектору посланы весьма опредѣленныя и точныя распоряженія, и этотъ вопросъ также разрѣшится очень скоро. Относительно ссылки на башибузуковъ нѣтъ надобности высказывать какія-либо замѣчанія, ибо правительство никогда не употребляло башибузуковъ и не пользовалось ихъ услугами. Въ дѣлѣ преобразованія судебныхъ порядковъ Порта находитъ достаточными существующіе законы страны, которыми можно удовлетворить всѣ требованія. Пока правительство занималось этими разнообразными мѣропріятіями, революціонные агитаторы совершали динамитныя покушенія и старались распространять и усиливать безпорядки; тѣмъ не менѣе правительство продолжало вводить реформы".

Эта картина турецкаго благополучія представлена была держа-

вамъ послѣ того, какъ для всей Европы выяснилась безплодность первоначальныхъ надеждъ дипломатіи на установленіе сноснаго порядка вещей въ Македоніи при существующемъ турецкомъ режимѣ; въ силу такого сознанія и были выработаны дипломатіею дополнительныя предложенія, касающіяся прямого участія иностранныхъ консуловъ въ наблюденіи за дѣйствіями мѣстной администраціи и за фактическимъ примѣненіемъ реформъ. Самый вопросъ объ иностранномъ контролѣ былъ совершенно обойденъ молчаніемъ въ отвѣтѣ Порты, и это обстоятельство было равносильно отказу, съ которымъ никакъ не могли примириться великія державы. Представители Австро-Венгріи и Россіи объяснили свою точку зрѣнія въ совмѣстной нотѣ, довольно краткой, но выразительной и отчасти даже суровой. Обѣ державы были „непріятно поражены" увѣреніемъ Порты, что все необходимое для умиротворенія Македоніи уже сдѣлано турецкимъ правительствомъ и что нѣтъ надобности прибѣгать къ какимъ-либо дальнѣйшимъ мѣрамъ; „представленія подобнаго рода неспособны отклонить державы отъ ихъ намѣреній, такъ какъ онѣ хорошо знаютъ, что факты свидѣтельствуютъ въ пользу необходимости требуемыхъ перемѣнъ. Кабинеты дали наглядное доказательство своего довѣрія къ турецкому правительству въ февралѣ этого года, но это довѣріе не оправдалось дальнѣйшимъ ходомъ событій. Даже въ послѣднихъ своихъ требованіяхъ обѣ державы обнаружили всевозможное вниманіе къ интересамъ и затрудненіямъ Порты; въ частности онѣ предполагали оставить администрацію трехъ вилайетовъ въ рукахъ оттоманскаго генеральнаго инспектора, вопреки довольно ясно выраженному настроенію, стремящемуся къ замѣнѣ его иноземнымъ правителемъ, отвѣтственнымъ передъ державами". Въ заключеніе дается настоятельный совѣтъ Портѣ принять всѣ требованія державъ безъ дальнѣйшаго замедленія, ибо „послѣдствія отказа или уклоненія логически вытекаютъ изъ приведенныхъ соображеній и не могутъ ускользнуть отъ вниманія турецкаго правительства".

Таинственные дипломатическіе намеки не произвели бы должнаго дѣйствія на турецкихъ сановниковъ, еслибы заявленія Австро-Венгріи и Россіи не были дружно поддержаны остальными великими державами. На этотъ разъ Турція не могла надѣяться на скрытый разладъ между кабинетами: представители Англіи, Германіи, Франціи и Италіи поочередно подтвердили предъ Портою формальное единодушіе Европы, и послѣ нѣкоторыхъ колебаній турецкое правительство приняло „въ принципѣ" всѣ требованія державъ. Дипломатія удовлетворена, по крайней мѣрѣ, внѣшнимъ образомъ, избѣгнувъ прямой неудачи; но практическое рѣшеніе вопроса, конечно, не подвинется впередъ однимъ принципіальнымъ согласіемъ Порты и потребуетъ еще долгихъ переговоровъ о

способахъ осуществленія принятой программы. Тѣмъ временемъ, въ ожиданіи будущихъ практическихъ комбинацій и нововведеній, внутренняя турецкая политика продолжаетъ свое разрушительное дѣло въ Македоніи. Военное усмиреніе христіанскихъ подданныхъ султана идетъ своимъ чередомъ, и корреспонденты иностранныхъ газетъ по прежнему сообщаютъ ужасающія подробности о дѣйствіяхъ турецкихъ войскъ и башибузуковъ. Спеціальный сотрудникъ лондонскаго „Times", вернувшійся недавно съ поѣздки вокругъ Охридскаго озера въ Монастирскомъ вилайетѣ, насчиталъ двадцать-два селенія въ развалинахъ, вдоль одной только главной дороги. „Они были несомнѣнно разрушены войсками,—говоритъ корреспондентъ.—Большинство этихъ селъ совершенно покинуто жителями; только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ находились люди, рѣшившіеся вернуться къ своимъ бывшимъ обиталищамъ; они ютятся въ шалашахъ, кое-какъ устроенныхъ изъ остатковъ прежнихъ домовъ. Въ Касторіи солдаты убили священника, а также двухъ болгаръ. Турецкая коммиссія для выдачи пособій не торопится дѣйствовать, и до сихъ поръ розданы лишь незначительныя суммы". По другимъ свѣдѣніямъ, турецкіе вооруженные отряды слѣдуютъ по пятамъ за коммиссарами, выдающими пособія, и тотчасъ по удаленіи ихъ нападаютъ на получившихъ какія-либо деньги, отбираютъ все, что̀ окажется у жителей, подвергая непокорныхъ жестокимъ побоямъ. Послѣ своего возвращенія въ Монастиръ, англійскій корреспондентъ былъ приглашенъ къ Хильми-пашѣ, который „съ своею обычною откровенностью передалъ ему послѣднія извѣстія о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ". Онъ разъяснилъ любознательному англичанину, что во всемъ вилайетѣ сожжено всего семнадцать церквей и селъ, и что, слѣдовательно, изъ двадцати-двухъ разрушенныхъ селеній, видѣнныхъ корреспондентомъ, пять приняты имъ по ошибкѣ за развалины бывшихъ селъ. Мѣстныя власти, по словамъ Хильми-паши, побуждаютъ поселянъ возвратиться въ свои селенія; повсюду выдаются нуждающимся необходимыя средства и орудія для земледѣльческихъ работъ,—что̀ „вѣроятно дѣлается секретно", какъ замѣчаетъ корреспондентъ. Хильми-паша затѣмъ сообщилъ, что „во всей странѣ господствуетъ спокойствіе, жизнь христіанъ ограждена отъ всякихъ опасностей, и февральскія реформы дѣятельно приводятся въ исполненіе". Что касается убитыхъ въ Касторіи двухъ болгаръ и одного священника, то они, вѣроятно,—вовсе не болгаре и не христіане, а турки. „Къ счастью,—прибавляетъ корреспондентъ,—подобная метаморфоза случается рѣдко". Генеральный инспекторъ трехъ вилайетовъ, очевидно, увѣренъ, что македонскія дѣла не оставляютъ желать ничего лучшаго при данныхъ обстоятельствахъ и что никакой серьезной перемѣны не произойдетъ въ этомъ отношеніи въ ближайшемъ будущемъ.

Иностранные дипломаты поневолѣ успокоятся, когда исчезнутъ послѣдніе остатки „мятежниковъ“ въ Македоніи и когда острый кровавый кризисъ уступитъ мѣсто хроническому, составляющему нормальное явленіе для Турціи. Подводя итоги балканскимъ событіямъ, придется благодарить судьбу за то, что они не привели къ европейской войнѣ и ограничились лишь огромными и невознаградимыми потерями мѣстнаго христіанскаго населенія.

По приблизительному оффиціальному подсчету, общее число болгаръ, убитыхъ въ Македоніи и Старой Сербіи съ 15-го (2-го) апрѣля настоящаго года, доходитъ до пятнадцати тысячъ, а бѣжавшихъ въ Болгарію остается еще въ предѣлахъ княжества около тридцати тысячъ человѣкъ. Цифры эти очень внушительны съ точки зрѣнія народовъ Балканскаго полуострова, но могутъ казаться неважными могущественнымъ кабинетамъ, озабоченнымъ сохраненіемъ общаго мира въ Европѣ. Впрочемъ, миръ между культурными націями во всякомъ случаѣ не былъ бы нарушенъ даже при болѣе энергическихъ способахъ воздѣйствія на Турцію, такъ какъ бывшая главная охранительница оттоманской имперіи, Англія, высказывается теперь противъ сохраненія турецкаго владычества надъ христіанами, а изъ прочихъ державъ ни одна не имѣла бы достаточно сильныхъ побужденій къ активной защитѣ неприкосновенности турецкаго режима на Балканскомъ полуостровѣ. Прежнія коренныя разногласія по восточному вопросу мало-по-малу смягчились, и то, что возбуждало серьезныя пререканія еще два-три года тому назадъ, сдѣлалось какъ будто безспорнымъ и общепризнаннымъ. Эта перемѣна настроенія есть тоже выигрышъ для сторонниковъ прочнаго европейскаго мира.

Если на ближнемъ Востокѣ положеніе представляется вообще яснымъ и простымъ, то нельзя того же сказать о дѣлахъ Дальняго Востока, окутанныхъ по прежнему непроницаемымъ туманомъ для большинства европейской и русской публики. Относительно балканской политики мы имѣемъ авторитетныя оффиціальныя заявленія, дающія намъ извѣстную руководящую нить при оцѣнкѣ происходящихъ событій; подобныя же положительныя указанія были бы необходимы и по вопросамъ, касающимся Манчжуріи и Кореи. До сихъ поръ нѣтъ возможности разобраться среди противорѣчивыхъ и большею частью тревожныхъ извѣстій, сообщаемыхъ телеграммами англійскихъ и американскихъ газетъ о нашихъ отношеніяхъ съ Китаемъ и Японіею. Мы хорошо знаемъ, что Россія не имѣетъ никакихъ воинственныхъ, завоевательныхъ плановъ, и что она твердо стоитъ за сохраненіе мира и дружбы со всѣми сосѣдними государствами; въ част-

ности, пріобрѣтеніе Манчжуріи вовлекло бы насъ въ непомѣрныя постоянныя затраты [1]) и не доставило бы намъ взамѣнъ никакихъ реальныхъ выгодъ, разстроивъ только старыя довѣрчивыя отношенія съ двумя азіатскими имперіями, пользующимися особеннымъ вниманіемъ и покровительствомъ самыхъ передовыхъ и энергическихъ державъ Запада. Непріязненные споры съ Японіею и Китаемъ изъ-за Манчжуріи неизбѣжно возстановили бы противъ насъ общественное мнѣніе въ Англіи, Германіи и Соединенныхъ-Штатахъ, такъ какъ всѣ эти страны непосредственно заинтересованы въ расширеніи свободныхъ торговыхъ связей съ прибрежными и внутренними областями китайской имперіи. Между тѣмъ, по свѣдѣніямъ англо-американской печати, мы систематически, будто бы, ведемъ дѣло къ разрыву не только съ задорною Японіею, но и съ миролюбивымъ Китаемъ, и руководимся при этомъ непонятнымъ стремленіемъ закрыть или стѣснить доступъ иностранныхъ товаровъ на внутренніе китайскіе рынки, куда наши продукты вовсе попасть не могутъ и куда намъ нѣтъ разсчета возить ихъ. Прежде чѣмъ думать объ отдаленныхъ внѣшнихъ рынкахъ, мы должны были бы открыть для національнаго производства нашъ собственный колоссальный внутренній рынокъ, понизивъ пошлины на предметы общаго употребленія и сдѣлавъ важнѣйшіе товары доступными по цѣнѣ для многомилліонной массы русскаго народа. Трудно даже сообразить, какъ и для чего стали бы мы конкуррировать съ американцами и англичанами въ снабженіи китайцевъ промышленными продуктами, которыми не могутъ еще снабжаться съ удобствомъ русскіе потребители; у побережья Тихаго океана всѣ преимущества по внѣшней торговлѣ находятся на сторонѣ такихъ державъ, какъ Англія и Соединенные Штаты, и вступать съ ними въ соперничество на этой почвѣ путемъ искусственныхъ мѣръ было бы не только безполезно, но и разорительно для насъ самихъ и для всего населенія нашего восточно-азіатскаго края.

Если вѣрить иностраннымъ газетамъ, то всѣ обострившіеся международные споры на Дальнемъ Востокѣ вращаются именно около торгово-промышленныхъ интересовъ, настоящихъ или будущихъ; ради этихъ интересовъ наши войска, будто бы, вновь заняли древнюю столицу Манчжуріи, Мукденъ; по тѣмъ же мотивамъ мы упорно заводимъ какія-то лѣсопромышленныя и иныя предпріятія въ нѣкоторыхъ прибрежныхъ пунктахъ Кореи, вызывая крайнее раздраженіе японцевъ; изъ-за этихъ мнимыхъ и даже просто фантастическихъ коммерческихъ

[1]) Исправляемъ кстати ошибку, вкравшуюся въ послѣднее наше обозрѣніе (ноябрь, стр. 386): общая сумма дефицитовъ по Приморской области за десятилѣтіе съ 1888 по 1898 годъ, въ размѣрѣ болѣе 150 милл. р., включаетъ и расходы по военному и морскому вѣдомствамъ.

видовъ мы, будто бы, готовы поссориться съ Соединенными-Штатами,— не говоря уже о рискѣ ненужной войны съ Японіею и объ опасности возбужденія противъ насъ неискоренимой національной вражды въ Китаѣ. Все это приписываемое намъ направленіе восточно-азіатской предпріимчивости настолько не вяжется съ общимъ характеромъ нашей международной политики и настолько нелогично и странно само по себѣ, что мы никакъ не можемъ допустить справедливость сенсаціонныхъ сообщеній и слуховъ, неустанно распространяемыхъ по этому предмету англійскими и особенно американскими газетами. Надѣемся, что такого рода враждебнымъ толкамъ и догадкамъ будетъ своевременно положенъ конецъ надлежащимъ оффиціальнымъ разъясненіемъ со стороны нашего дипломатическаго вѣдомства.

На банкетѣ лондонскаго лорда-мэра 9 ноября (нов. ст.) одинъ изъ ораторовъ напомнилъ, что новый избранникъ Сити является семьсотъ-первымъ выборнымъ главою городской корпораціи въ послѣдовательномъ порядкѣ преемства: болѣе семи столѣтій существуетъ въ Англіи ничѣмъ не прерываемая традиція свободнаго самоуправленія, и традиціонный ежегодный праздникъ въ Гильдголлѣ служитъ издавна мѣстомъ произнесенія министерскихъ рѣчей, излагающихъ общіе взгляды правительства на текущіе вопросы политики. Глава кабинета, имѣвшаго въ своемъ составѣ виновника бурской войны, Чемберлена, высказывалъ на этотъ разъ мысли, очень далекія отъ тенденцій корыстнаго національнаго имперіализма. Упомянувъ о рѣшеніи третейскаго суда по дѣлу о границахъ Аляски, Бальфуръ назвалъ это рѣшеніе— хотя и неблагопріятное для Канады и Англіи—„въ высшей степени благотворнымъ въ глазахъ каждаго, кто желаетъ, чтобы всѣ подобныя причины споровъ между цивилизованными націями были одна за другою устранены разъ навсегда“. Новѣйшій англо-французскій договоръ объ арбитражѣ, по мнѣнію Бальфура, свидѣтельствуетъ о непрерывномъ, все болѣе усиливающемся распространеніи той идеи, что война не должна считаться правильнымъ и разумнымъ способомъ разрѣшенія спорныхъ вопросовъ между культурными государствами; для избѣжанія же этого ни съ чѣмъ несравнимаго бѣдствія мы имѣемъ только два пути—„или передачу возникшихъ споровъ безпристрастному судилищу, рѣшеніе котораго заранѣе признавалось бы окончательнымъ, или открытый и свободный обмѣнъ взглядовъ, который и въ публичной жизни, какъ и въ частной, является вѣрнѣйшимъ средствомъ для устраненія взаимныхъ недоразумѣній“. Съ этой точки зрѣнія британскій премьеръ считаетъ совершенно невѣроятнымъ, чтобы современный кризисъ на Дальнемъ Востокѣ привелъ къ кровавой раз-

вязкѣ. „Зная горячую приверженность русскаго правительства къ интересамъ общаго мира, — замѣтилъ далѣе Бальфуръ, — мы можемъ быть спокойны, тѣмъ болѣе, что наши союзники, японцы, настолько же отличаются сдержанностью и умѣренностью въ своихъ требованіяхъ, какъ и *твердостью* въ проведеніи послѣднихъ на практикѣ".

Несомнѣнно, что въ общемъ тонѣ рѣчи Бальфура чувствуется нѣчто большее, чѣмъ простое миролюбіе, вызываемое обстоятельствами даннаго политическаго момента. Принципъ международнаго третейскаго суда, причислявшійся еще недавно къ разряду безплодныхъ мечтаній, начинаетъ рѣшительно входить въ область практической политики, и въ этомъ отношеніи особенно любопытенъ поворотъ, замѣчаемый въ классической странѣ вѣковыхъ традицій—Англіи. Не менѣе поразительна перемѣна господствующихъ взглядовъ на международное положеніе въ другой передовой странѣ Европы—во Франціи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ признавалось еще опаснымъ для французскаго политическаго дѣятеля публично выражать мнѣніе о нежелательности какихъ бы то ни было войнъ, хотя бы дѣло шло объ обратномъ завоеваніи Эльзаса и Лотарингіи; въ настоящее же время докладчикъ бюджетной коммиссіи въ парламентѣ находитъ возможнымъ проповѣдывать разоруженіе, какъ истинный идеалъ современной демократической Франціи.—„Франція—говорилъ де-Прессансѐ въ засѣданіи палаты депутатовъ 20 ноября (нов. ст.) — не должна вѣчно идти по стопамъ Людовика XIV или Наполеона; она имѣетъ предъ собою другія задачи. Необходимо отречься отъ разорительныхъ и безплодныхъ приготовленій къ убійственнымъ войнамъ; перестанемъ бросать милліоны въ пропасть милитаризма, при обезпеченномъ мирѣ, и тратить на содержаніе казарменной бюрократіи тѣ средства, въ которыхъ мы вынуждены отказывать полезнымъ общественнымъ учрежденіямъ. Довольно намъ возиться съ мелочною политикою, проводимою со дня на день уже въ теченіе тридцати лѣтъ; нужно намъ больше воздуха, больше простора въ движеніяхъ и дѣйствіяхъ. Мы должны вмѣстѣ съ другими націями остановить подавляющій ростъ вооруженій. Облегченная отъ этого бремени, страна будетъ въ состояніи доставить торжество идеямъ свободы и справедливости". Эти призывы къ отреченію отъ системы вооруженнаго мира и отъ связанныхъ съ нимъ воинственныхъ надеждъ дѣлались отъ имени парламентской бюджетной коммиссіи и встрѣчались продолжительными рукоплесканіями на скамьяхъ республиканскаго большинства. Бывшій президентъ палаты, умѣренный Поль Дешанель, выступившій еще наканунѣ съ пространною рѣчью объ иностранной политикѣ вообще, коснулся той же щекотливой темы и почти въ томъ же духѣ, несмотря на свою природную склонность къ консервативному оппортунизму. „Нѣтъ ни одного

международнаго вопроса—заявилъ онъ между прочимъ,—который не могъ бы быть разрѣшенъ миролюбиво на основаніи принциповъ послѣдней конвенціи объ арбитражѣ. Мечтатели суть тѣ, которые думаютъ, что война будетъ вѣчно сопутствовать человѣчеству". Однако, Поль Дешанель не вѣритъ въ скорую осуществимость разоруженія и полагаетъ, что во всякомъ случаѣ иниціатива такого рода проектовъ должна исходить не отъ Франціи. Противъ болѣе смѣлыхъ замѣчаній де-Прессансѐ возражалъ спеціалистъ по колоніальнымъ вопросамъ, Этьеннъ; но и онъ признаетъ великое значеніе идеи международнаго третейскаго суда. Не слѣдуетъ, по словамъ Этьенна, къ арбитражу присоединять разоруженіе; о послѣднемъ подобаетъ говорить не французамъ, а представителямъ другой державы, выдвинутой на первый планъ успѣшными грандіозными войнами. О разоруженіи могла бы поднять вопросъ и союзница Франціи, Россія; но французы не могутъ брать на себя починъ, который легко былъ бы истолкованъ въ унизительномъ для нихъ смыслѣ. „Умоляю страну—закончилъ Этьеннъ—не забывать прошлаго, помнить испытанныя бѣдствія и не создавать стѣснительныхъ обязательствъ для будущаго". Депутатъ де-Прессансѐ поспѣшилъ успокоить возражателей: никогда онъ не думалъ предлагать немедленное разоруженіе. Онъ хотѣлъ только сказать, что „безполезно участвовать въ бѣшеной скачкѣ вооруженій, жертвовать на нее милліардами и постоянно говорить о возмездіи, котораго никто не желаетъ и никто никогда не желалъ". Прямое отрицаніе завѣтной мечты о возмездіи едва ли не впервые раздается съ французской парламентской трибуны въ такой рѣзкой насмѣшливой формѣ; Жорѐсъ высказался въ свое время болѣе осторожно и деликатно. Слова де-Прессансѐ не возбудили никакого протеста въ палатѣ, а на вопросъ нѣкоторыхъ націоналистовъ, говоритъ ли ораторъ отъ имени всей бюджетной коммиссіи, предсѣдатель послѣдней, бывшій тонкинскій генералъ-губернаторъ Думѐ, объявилъ, что въ подобныхъ случаяхъ докладчикъ, разумѣется, высказываетъ только свои личныя мнѣнія. Понятно было само собою, что бюджетная коммиссія не имѣла повода обсуждать вопросъ о разоруженіи или о вѣроятности будущаго возмездія за седанскую катастрофу; но противъ громко высказаннаго мнѣнія докладчика не протестовалъ ни одинъ изъ прочихъ членовъ коммиссіи, а замѣчаніе ея предсѣдателя было вызвано лишь прямыми запросами нѣсколькихъ оппозиціонныхъ депутатовъ. Въ этомъ характерномъ инцидентѣ какъ нельзя яснѣе проявилось истинное отношеніе французскаго народнаго представительства къ задачамъ внѣшней политики Франціи.

Движеніе въ пользу международнаго третейскаго суда, какъ способа предупрежденія войнъ, принимаетъ реальныя практическія формы

въ соотвѣтственныхъ международныхъ переговорахъ и соглашеніяхъ; по примѣру англо-французской конвенціи ожидается франко-итальянская, за которою вѣроятно послѣдуетъ и франко-испанская. Цѣлая сѣть такого рода трактатовъ образуетъ собою матеріалъ для новыхъ обязательныхъ положеній и обычаевъ международнаго права, которое, быть можетъ, постепенно перестанетъ быть сферою односторонняго господства права силы. Въ этомъ же новомъ направленіи дѣйствуютъ сторонники нейтрализаціи всѣхъ небольшихъ государствъ Европы, по образцу Швейцаріи и Бельгіи, о чемъ профессоръ Ѳ. Ѳ. Мартенсъ помѣстилъ интересную статью въ послѣдней книжкѣ „Revue des deux Mondes" (отъ 15 ноября); почтенный авторъ имѣетъ главнымъ образомъ въ виду признаніе нейтралитета Даніи, какъ страны, владѣющей проливами Зундскимъ и Бельтскимъ и держащей, слѣдовательно, въ своихъ рукахъ выходъ изъ Балтійскаго моря къ океану. Конечно, соображенія о важности этихъ проливовъ, напоминающихъ автору Босфоръ и Дарданеллы, не имѣютъ непосредственной связи съ общею мыслью о желательномъ нейтралитетѣ всѣхъ маленькихъ державъ, хотя бы и не обладающихъ никакими проливами; но не подлежитъ сомнѣнію, что формальное обезпеченіе неприкосновенности Голландіи, Даніи, Швеціи и Норвегіи было бы дальнѣйшимъ шагомъ на томъ пути, который долженъ привести къ новому устройству международнаго права, какъ основы взаимныхъ отношеній народовъ въ культурномъ мірѣ.

Къ удивленію многихъ наблюдателей французской политической жизни, министерство Комба держится твердо на своемъ мѣстѣ и продолжаетъ съ неизмѣнною энергіею и настойчивостью начатую борьбу противъ клерикализма. Во время недавнихъ преній о новомъ школьномъ законѣ кабинетъ одержалъ весьма важную побѣду надъ многочисленными и вліятельными противниками, къ числу которыхъ принадлежали далеко не одни клерикалы. Въ сенатѣ обсуждался внесенный правительствомъ законопроектъ объ условіяхъ учрежденія и организаціи среднихъ учебныхъ заведеній; предполагалось прежде всего уничтожить ту мнимую свободу обученія, которая установлена была въ 1850 году такъ называемымъ закономъ Фаллу́ и которая фактически отдала дѣло средняго образованія въ руки духовныхъ и іезуитскихъ коллегій. Подъ видомъ свободныхъ частныхъ школъ устроилась обширная сѣть воспитательныхъ заведеній и училищъ духовно-католическаго или монашескаго типа, и никакія частныя лица и общества не могли въ этой области конкуррировать съ могущественными, крѣпко организованными и богатыми конгрегаціями. Значительная часть юношества въ республиканской Франціи воспитывалась подъ

руководствомъ представителей разныхъ монашескихъ орденовъ, и такое положеніе вещей не могло, конечно, считаться нормальнымъ. Предшествовавшее министерство Вальдека-Руссо рѣшилось наложить руку на таинственныя монастырскія учрежденія, расплодившіяся во Франціи въ неимовѣрномъ количествѣ и имѣвшія свой истинный центръ внѣ ея границъ, въ Римѣ. Изданъ былъ законъ объ ассоціаціяхъ 1901 года, направленный главнымъ образомъ противъ духовныхъ и монашескихъ союзовъ. Кабинетъ Комба взялъ на себя введеніе этого закона въ жизнь, и онъ исполняетъ свою задачу съ замѣчательною прямолинейностью, которая, очевидно, соотвѣтствуетъ идеямъ и чувствамъ передовыхъ республиканскихъ группъ. Комбъ пошелъ значительно дальше Вальдека-Руссо и путемъ правительственныхъ декретовъ заставилъ ликвидировать множество духовныхъ учрежденій, которыя могли бы сохранить свое существованіе въ силу закона 1901 года. Ни одна изъ конгрегацій, занимавшихся дѣломъ преподаванія, не получила разрѣшенія продолжать свою дѣятельность, и всѣ попытки обойти запрещеніе привели только къ дальнѣйшимъ радикальнымъ мѣрамъ, которыя естественно вызывали горячіе протесты въ извѣстной части французскаго общества. Эти чисто внѣшніе пріемы борьбы съ клерикализмомъ едва ли достигаютъ цѣли и, быть можетъ, даже усиливаютъ скрытое вліяніе монашескихъ орденовъ на умы набожной части населенія; но французы предпочитаютъ дѣйствовать принудительно и противъ духовныхъ враговъ, не полагаясь на одни нравственныя и образовательныя средства.

Продолжительныя пренія французскаго сената о школьномъ законѣ представляли выдающійся интересъ и по важности затронутыхъ вопросовъ, и по содержанію произнесенныхъ рѣчей. Отмѣна закона Фаллу возбуждала мало разногласій, и борьба велась преимущественно на почвѣ политическихъ принциповъ, понимаемыхъ такъ или иначе въ области народнаго образованія. Одни доказывали, что частная и общественная свобода, лежащая въ основѣ республиканскихъ учрежденій, безусловно предполагаетъ и свободу обученія, и что эту свободу нельзя отнять и у лицъ, преданныхъ католичеству; другіе утверждали, что воспитаніе новыхъ поколѣній составляетъ задачу государства и не должно быть выпускаемо изъ рукъ правительственныхъ органовъ; третьи, наконецъ, избирали средній путь, предлагая установить для свободнаго основанія частныхъ школъ извѣстныя законныя условія, соблюденіемъ которыхъ исчерпывалась бы роль государства въ данномъ случаѣ. Правительство приняло эту послѣднюю систему, которую можно, по нашему, назвать явочною; но оно обставило ее такъ, что дѣло обученія останется вполнѣ закрытымъ для духовныхъ конгрегацій. Отъ учредителей и преподавателей средней школы бу-

дутъ требоваться документы и дипломы, удостовѣряющіе ихъ научную и практическую подготовку къ учебнымъ занятіямъ; сверхъ того, требуется заявленіе о томъ, что просители не принадлежатъ ни къ какой духовной конгрегаціи, хотя бы и дозволенной. Первоначальный проектъ закона упоминалъ только о принадлежности къ недозволенной конгрегаціи; но въ послѣднюю минуту, въ засѣданіи 20 ноября, министръ-президентъ Комбъ, вопреки настоятельнымъ доводамъ Вальдека-Руссо, принялъ поправку Дельпеша, которою дѣйствіе означеннаго запрещенія распространяется на всѣ вообще духовныя учрежденія, не исключая и дозволенныхъ. Въ такомъ исправленномъ видѣ законъ одобренъ былъ большинствомъ 147 голосовъ противъ 136, и отнынѣ частное среднее образованіе во Франціи можетъ получить исключительно свѣтскій характеръ, который затѣмъ сдѣлается вѣроятно обязательнымъ и для низшихъ элементарныхъ школъ. Успѣху министерскаго проекта много содѣйствовалъ сенаторъ Клемансо, оказавшій существенную поддержку Комбу въ критическій моментъ столкновенія его съ Вальдекомъ-Руссо. Возраженія бывшаго министра-президента основывались отчасти на текстѣ закона объ ассоціаціяхъ: въ этомъ законѣ подробно говорится о способахъ и формахъ оффиціальнаго разрѣшенія духовныхъ конгрегацій, посвящающихъ свою дѣятельность образованію и обученію юношества; эти постановленія теряютъ всякій смыслъ и оказываются совершенно безцѣльными, если всякія вообще конгрегаціи безусловно устраняются отъ педагогической дѣятельности. Зачѣмъ же допускать такое явное противорѣчіе и несообразность въ одновременно дѣйствующихъ законахъ? Эти и подобные имъ аргументы были легко опровергнуты, во-первыхъ, указаніемъ на то, что позднѣйшій законъ можетъ отмѣнить правила, прежде изданныя, и во-вторыхъ, обычными ссылками на требованія общественной и политической пользы, побудившія и самого Вальдека-Руссо во многомъ отступить отъ предписаній юридической логики и послѣдовательности при выработкѣ закона объ ассоціаціяхъ.

Въ началѣ ноября (нов. ст.) возникло въ Америкѣ новое маленькое государство, путемъ отдѣленія области Панамскаго перешейка отъ Колумбіи по желанію вліятельной части населенія, при дѣятельномъ участіи и подъ явнымъ покровительствомъ Соединенныхъ-Штатовъ. Причины и характеръ этого событія выясняются изъ новѣйшей исторіи знаменитаго Панамскаго канала. Послѣ неудачи предпріятія французской компаніи Лессепса, правительство Соединенныхъ-Штатовъ вступило въ переговоры съ Колумбіею объ условіяхъ окончанія начатаго дѣла; въ послѣднее время проектъ соглашенія, выработан-

ный уполномоченными обѣихъ сторонъ, былъ уже принятъ сѣверо-американскимъ конгрессомъ, но вызвалъ сильныя возраженія въ Колумбіи и былъ наконецъ единодушно отвергнутъ народнымъ представительствомъ этой страны. Это неожиданное рѣшеніе Колумбіи, подвергавшее опасности всю будущность многомилліонныхъ и чрезвычайно важныхъ для культурнаго міра сооруженій, возбудило понятное неудовольствіе въ массѣ заинтересованныхъ лицъ и мѣстныхъ жителей; этимъ неудовольствіемъ и воспользовался вашингтонскій кабинетъ, имѣвшій наготовѣ и свои военныя суда около Панамы. Мѣстные „нотабли", вдохновляемые американцами, провозгласили независимость Панамской области и организовали временное правительство, которое тотчасъ же оффиціально сообщило Соединеннымъ-Штатамъ объ образованіи новаго государства; американцы немедленно же оказали защиту и поддержку Панамѣ, преградивъ доступъ къ ней колумбійскимъ броненосцамъ. Панамское правительство поспѣшило согласиться на всѣ американскія требованія относительно прорытія перешейка и въ то же время гарантировало французамъ полное удовлетвореніе ихъ законныхъ финансовыхъ претензій, связанныхъ съ правами и интересами участниковъ бывшей панамской компаніи. Новорожденное государство было формально признано Соединенными-Штатами, а затѣмъ Франціею и Германіею; дипломатическіе протесты Колумбіи и ея агентовъ остались, какъ говорится, „безъ послѣдствій". Сооруженіе Панамскаго канала будетъ теперь доведено до конца при ближайшемъ участіи великой американской республики, которая явится наиболѣе надежною покровительницею предпріятія, и потому совершившаяся перемѣна въ судьбѣ Панамы представляетъ собою пріятное событіе не только для американцевъ и французовъ, но и для всего культурнаго міра.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря 1903.

I.

— Т. Циглеръ, проф. страсбургскаго университета. Очеркъ общей педагогики. Переводъ съ нѣмецкаго М. Ефремовой, подъ ред. М. Лихарева. Спб. 1903.

Жалобы на недостатки нашей школы сдѣлались общимъ мѣстомъ; о нихъ говорятъ въ каждой семьѣ, пишутъ въ газетахъ, обсуждаютъ въ спеціальныхъ и общихъ журналахъ. Практически дѣло отъ этого не двигается впередъ, потому, быть можетъ, что для насъ не наступили еще тѣ времена, когда жизнь будетъ подчиняться идеямъ и мнѣніямъ не вліятельнѣйшихъ, но разсудительнѣйшихъ и опытнѣйшихъ. Однако, среди причинъ, которыми обусловливается печальное положеніе нашей школы, нерѣдко упускается изъ вида одна, нелегко поддающаяся внѣшнему наблюденію и находящаяся въ тѣснѣйшей связи со всѣмъ строемъ умственной и нравственной жизни общества. Причина эта— отсутствіе понятій объ истинномъ воспитаніи и вытекающее отсюда неумѣніе поставить заботу о немъ на правильную почву; поэтому такія книги, какъ, напримѣръ, „Очеркъ общей педагогики“ Циглера, могутъ оказаться весьма полезными и сослужить хорошую службу нашей читающей публикѣ.

Книга проф. Циглера составилась изъ лекцій, читанныхъ имъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, въ высшемъ свободномъ германскомъ институтѣ, и въ Гамбургѣ; къ нимъ сдѣлано добавленіе изъ академическихъ лекцій по общей педагогикѣ, читанныхъ въ страсбургскомъ университетѣ. Посвящая свои лекціи не столько отдѣльнымъ школьнымъ вопросамъ, сколько самымъ общимъ задачамъ народнаго (въ широкомъ смыслѣ) воспитанія, Циглеръ все время имѣетъ въ виду современную постановку этого воспитанія и приходитъ къ мысли о необходимости коренной реформы въ нравственно-соціальномъ духѣ. По

замѣчанію автора, зависимость между соціальнымъ вопросомъ и народнымъ воспитаніемъ еще очень мало понимается какъ правительствами, такъ и парламентами, и политическими и соціальными партіями (дѣло идетъ о Германіи), и вотъ почему вопросъ о реформѣ постоянно наталкивается на всякаго рода трудности и препятствія.

„Но если бы меня спросили, въ чемъ же состоитъ соціальный характеръ новѣйшей педагогики,—говоритъ авторъ въ введеніи,—то я, вмѣсто словеснаго опредѣленія, могъ бы указать на Песталоцци, этого великаго соціалиста и пролетарія среди педагоговъ, который скорбѣлъ о своемъ народѣ. Поэтому онъ хотѣлъ его воспитать, указывая на заключающіяся въ трудѣ силу и поддержку и желая дать ему выходъ изъ тяжелой нужды „въ рабочей ассоціаціи". Или—я могу указать на Платона и его смѣлыя мысли о государственномъ воспитаніи въ народѣ добродѣтели и готовности служить добру. Но одного указанія подобныхъ типовъ и наглядныхъ образцовъ еще недостаточно: вѣдь и они были дѣтьми своего времени, и потому ихъ теоріи слѣдуетъ понимать и толковать примѣнительно къ нашему времени". Съ такими общими принципами авторъ приступаетъ къ выясненію цѣли и мотивовъ воспитанія, затѣмъ къ характеристикѣ самаго дѣла воспитанія (физическаго, умственнаго и чувствъ и воли) и, наконецъ, указываетъ на наилучшіе способы организаціи воспитанія. Говоря о цѣли и мотивахъ воспитанія, авторъ указываетъ на вредныя послѣдствія того, что воспитаніе считали только обязательнымъ для нѣкоторыхъ классовъ народа. „Такой взглядъ уже жестоко отомстилъ за себя,—говоритъ Циглеръ:—въ религіозномъ воспитаніи, вслѣдствіе этого, исчезла истинная религіозность и большая доля здоровой правдивости, и, вообще, вслѣдствіе этого образовалась пропасть между образованнымъ и необразованнымъ, которая всегда является роковой для всего народа и которая такъ сильно затрудняетъ въ наше время рѣшеніе соціальнаго вопроса: мы перестали понимать другъ друга".

Весьма небезполезно было бы познакомиться инымъ изъ нашихъ педагоговъ со взглядами Циглера относительно орѳографіи, изъ которой онъ, конечно, не творитъ себѣ кумира, или съ указаніемъ на характеръ школьнаго преподаванія исторіи. Авторъ находитъ преподаваніе культурной исторіи не подъ силу школьникамъ и въ этомъ отношеніи является сторонникомъ прежняго взгляда, который понималъ подъ исторіей въ школѣ исключительно политическую исторію, „такъ какъ человѣкъ есть ζῶον πολιτικὸν (политическое созданіе), и такъ какъ государство является наиболѣе всеобъемлющей формой для всякой человѣческой совмѣстной жизни и совмѣстной дѣятельности, то политическая сторона и остается для него на первомъ планѣ. Точно такъ же историческая смѣна культурныхъ обстоятельствъ

не такъ замѣтна на медленныхъ измѣненіяхъ, какъ на могучихъ политическихъ событіяхъ, опредѣляющихъ положеніе народа въ мірѣ, а вслѣдствіе этого и уровень его культуры". Большой интересъ представляютъ сужденія автора о состояніи религіознаго преподаванія въ школѣ. Онъ называетъ это состояніе „достойнымъ жалости" и, между прочимъ, отмѣчаетъ тѣ недоразумѣнія, которыя возникаютъ изъ претензіи преподавателей религіи поставить религіозное преподаваніе въ центрѣ остального и создать изъ него вѣнецъ цѣлаго. Указывая, какъ поправить дѣло, авторъ не находитъ, однако, единственнаго и безусловно правильнаго рѣшенія, но высказываетъ предположеніе, не должно ли быть введено, по примѣру Франціи, наряду съ религіознымъ преподаваніемъ особое этическое обученіе. Будучи сторонникомъ того взгляда, что школа должна быть независима отъ духовенства и находиться всецѣло въ вѣдѣніи государства, Циглеръ особенно настаиваетъ на томъ, что государство обязано позаботиться объ учителяхъ, объ ихъ пропитаніи и воспитаніи: „оно должно предоставить своимъ учителямъ положеніе, соотвѣтствующее ихъ тяжелому и важному призванію, должно обставить школы достойнымъ образомъ и щедро снабдить всѣмъ необходимымъ для ея цѣлей; государство не въ правѣ сурово отодвигать на задній планъ эту внутреннюю и самую важную культурную задачу, ради внѣшнихъ дѣлъ и задачъ". И это говорится о положеніи нѣмецкихъ учителей, являющемся, напримѣръ, съ нашей точки зрѣнія прямо идеальнымъ, если сравнить его съ положеніемъ нашихъ учителей въ средней и низшей школѣ.

Уже изъ этого указанія на объемъ и характеръ книги видно, насколько она является кстати въ моментъ нашихъ заботъ и мечтаній объ улучшеніи строя нашей родной школы. Переводъ выполненъ добросовѣстно и книга читается легко.

II.

— Евгеній Жураковскій. Симптомы литературной эволюціи. Критическіе очерки. М. 1903.

„Добрыя побужденія руководили авторомъ при изданіи этой книги", —говорится во введеніи.—„Мученія вопросами философскими, соціальными и психологическими сопутствуютъ внутреннюю жизнь каждаго вдумчиваго человѣка. Разрѣшить эти вопросы не дано не только отдѣльнымъ личностямъ, но и всему человѣчеству, которое вѣчно стремится, вѣчно ищетъ, и въ этомъ исканіи заключается духовная его жизнь".

Добрыя побужденія автора, конечно, весьма похвальны, но ихъ, къ сожалѣнію, недостаточно, особенно при той универсальности въ постановкѣ вопроса, съ какой авторъ смотритъ на рѣшеніе важнѣйшихъ задачъ жизни. Несмотря на это, авторъ высказываетъ предположеніе, что его книга поможетъ разобраться во многихъ вопросахъ, или наведетъ на мысль о такихъ явленіяхъ, которыя въ общей картинѣ дадутъ матеріалъ для духовной работы. Знакомство съ книгой г. Жураковскаго наводитъ, однако, на мысли иного рода, и, прежде всего, о томъ, что подобная духовная работа, вызванная по рецепту автора, будетъ совершенно безплодной.

Критическое освѣщеніе разнаго рода вопросовъ въ связи съ выборомъ очерковъ, посвященныхъ различнымъ писателямъ, обнаруживаетъ въ авторѣ большую наивность. Вопросъ соціальный, по выраженію автора, „представленъ въ основныхъ чертахъ“ въ творчествѣ Бомарше. Вопросы философскіе—„глубоко затрагиваются въ романтическомъ освѣщеніи Баратынскаго, философскій умъ и глубину мыслей котораго такъ глубоко цѣнилъ Пушкинъ, приходя къ сознанію сравнительной слабости своей въ этомъ отношеніи“ (?)... Гаршинъ является для автора художникомъ тѣневыхъ красокъ русской жизни; въ Леонидѣ Андреевѣ раскрываются (!) загадки тайной личной жизни; по поводу пьесы Горькаго „На днѣ“, авторъ приходитъ къ слѣдующему утѣшительному выводу: „житейскій адъ можетъ вызвать горькія чувства и мрачныя мысли, но самый процессъ размышленія о томъ, что происходитъ на днѣ жизни, успокоитъ терзанія совѣсти за обездоленное человѣчество“. Стоитъ подумать только во слѣдъ г. Жураковскому о томъ, что происходитъ на днѣ жизни,—и совѣсть моментально успокоится: совсѣмъ, значитъ, не такъ мудрено разрѣшать сложныя соціальныя задачи, какъ объ этомъ говоритъ г. Жураковскій въ началѣ своего предисловія.

Въ свои очерки авторъ вкладываетъ гораздо болѣе темперамента, чѣмъ ясныхъ положеній и оригинальныхъ выводовъ. Относительно Леонида Андреева, называемаго имъ мистификаторомъ жизни, „который всюду разыскиваетъ таинственное и мистическое тамъ, гдѣ для обычнаго взгляда все просто и ясно“, авторъ говоритъ: „мистификація жизни, изслѣдованіе ея тайнъ и окутываніе мистическимъ туманомъ жизненныхъ явленій проявляется и въ другихъ разсказахъ“... Какая же связь между изслѣдованіемъ жизни и окутываніемъ ее въ туманъ? Кто же повѣритъ изслѣдователю, который сознательно прячетъ разультаты своихъ изслѣдованій въ темную комнату вмѣсто того, чтобы вынести ихъ на ясный свѣтъ Божій?! Символизмъ г. Андреева авторъ называетъ здоровымъ. Ему, по словамъ автора, принадлежитъ будущее: „это то теченіе, которое смѣнило реализмъ, такъ какъ разсудочный

и холодный псевдо-классицизмъ былъ вытѣсненъ приторнымъ и подогрѣтымъ сантиментализмомъ, какъ туманный, воздушный романтизмъ, возникшій рядомъ съ сантиментализмомъ, смѣнился правдивымъ реализмомъ"... Таковы представленія автора о смѣнѣ историческихъ направленій въ нашей литературѣ, дѣлающія понятными сопоставленія съ точки зрѣнія литературной эволюціи въ группѣ современныхъ писателей Льва Толстого, Горькаго и Андреева. Для автора всѣ они только „симптомы литературной эволюціи", различающіеся лишь въ степени талантливости...

III.

— Н. И. Коробка. Личность въ русскомъ обществѣ и литературѣ начала XIX вѣка. Пушкинъ—Лермонтовъ. Спб. 1903.

Г-ну Коробкѣ принадлежитъ нѣсколько очерковъ изъ исторіи русской литературы, отличающихся вдумчивымъ отношеніемъ автора къ своему предмету, опредѣленностью угла зрѣнія и теплотой и искренностью общественнаго чувства. Настоящій очеркъ не заключаетъ въ себѣ ничего новаго по отношенію къ жизни и творчеству поэтовъ, но въ немъ поставленъ и въ основныхъ чертахъ разрѣшенъ интересно и живо вопросъ о пробужденіи личности въ началѣ XIX вѣка, о первыхъ проблескахъ ея сознанія и дальнѣйшей неблагопріятно сложившейся судьбѣ ея развитія. Разсматривая творческую дѣятельность Пушкина въ связи съ тою средою, въ которой пришлось жить и дѣйствовать поэту въ первую и вторую половину своей жизни, авторъ называетъ его „фокусомъ дворянской интеллигенціи", взятой въ тотъ моментъ, когда интеллигенція эта, пробужденная къ жизни благопріятно сложившимися внѣшними обстоятельствами, стремилась жить возможно полной жизнью. „Это была юность русскаго общества, юность, полная бодрости, свѣжести, силъ, но уже окрашенная нѣкоторою грустью, вызываемою какъ далеко неприглядным настоящимъ, такъ и сознаніемъ трудности борьбы въ будущемъ. Эта грусть еще не переходила въ ту щемящую тоску отчаянія, въ какую превратилась потомъ, она не разслабляла сознаніемъ безсилія,—нѣтъ, она была только стимуломъ стремленія впередъ. Грусть эта, какъ раздумье юности, придавала жизни только поэтическую окраску, мягкость тоновъ. Никогда русская жизнь не была такъ поэтична, какъ въ это свое утро, обѣщавшее грозу, но не тотъ сѣрый день, который смѣнилъ его". Въ этотъ періодъ личныя настроенія Пушкина совпадали съ лучшими общественными, въ которыхъ было такъ много данныхъ для благопріятнаго развитія высшихъ инстинктовъ органическаго индивидуа-

лизма. Ссылка въ Михайловское и кровавая драма 14 декабря положили роковую грань между этимъ періодомъ жизни Пушкина и настроеніями второй половины, когда поэтъ не нашелъ въ обществѣ прежнихъ друзей и самый составъ и характеръ общества значительно измѣнился. „Такимъ образомъ,—говоритъ г. Коробка,—если въ первой половинѣ своей литературной дѣятельности Пушкинъ былъ выразителемъ, отголоскомъ своего поколѣнія, то во второй, сохраняя свою отзывчивость, откликаясь на все, что находилъ въ обществѣ, онъ остается одинокимъ, потерявшимъ почву, путающимся въ противорѣчіяхъ. Поэтъ остался тотъ же, но не стало тѣхъ, кто былъ его опорой. Выразитель высшаго момента развитія дворянской интеллигенціи, переживъ ея крушеніе, оказывается не въ силахъ стать выразителемъ новой среды, а его собственная среда оказывается слишкомъ ничтожною и низменною для него. Въ этомъ его трагедія—трагедія человѣка, задыхающагося въ удушливой атмосферѣ умирающаго общественнаго класса и не могущаго отъ него оторваться“.

По мѣткому замѣчанію автора, Пушкинъ не чувствовалъ особеннаго тяготѣнія къ вопросу о личности, и только въ „Онѣгинѣ“, начатомъ въ лучшіе годы, можно подмѣтить сознательный интересъ въ этомъ направленіи. Его Онѣгинъ—человѣкъ съ пробудившейся индивидуальностью; подобно Алеко, онъ носится съ призраками свободы, но еще „не знаетъ границъ дозволеннаго личной волѣ“. Ленскій—первая ласточка новой эры въ развитіи русской интеллигенціи; въ немъ авторъ видитъ представителя той Шеллингистской, а впослѣдствіи Гегельянской академической интеллигенціи, которая шла смѣнить поколѣніе первой половины двадцатыхъ годовъ. Во второмъ періодѣ своей дѣятельности Пушкинъ теряетъ интересъ къ пробуждающейся личности, и уже „Полтава“ является, по мнѣнію автора, первымъ проявленіемъ потери этого интереса.

Въ сжатой формѣ авторъ даетъ яркую и чрезвычайно отчетливую характеристику творчества Лермонтова, котораго авторъ называетъ не только величайшимъ изъ русскихъ лириковъ, но и единственнымъ у насъ поэтомъ-философомъ съ правомъ на міровое значеніе своей поэзіи. Сравнительно съ Пушкинымъ развитіе личности у Лермонтова значительно пошло впередъ. Въ то время, какъ у Пушкина исканіе самостоятельной жизни только начинается, у Лермонтова это исканіе пошло дальше, личность окрѣпла, вопросъ рѣшенъ въ пользу добра, но это добро является слишкомъ трудно достижимымъ. „Земля оказалась слишкомъ пуста для пробудившейся личности, а небо слишкомъ холодно къ ней. Увы! это было наше русское небо и наша русская земля!“ Основнымъ мотивомъ поэзіи Лермонтова является, по опредѣленію автора, борьба титанической личности съ пошлостью жизни.

Авторъ подводитъ такой итогъ своей попыткѣ прослѣдить развитіе личности въ русскомъ обществѣ въ литературѣ начала XIX вѣка:— „Русское дворянство, приставленное къ учёбѣ Петромъ, успѣло къ началу XiX-го вѣка настолько проникнуться идеями западной цивилизаціи, что рамки условій русской дѣйствительности стали ему тѣсны. Вольтеръ, романтики, Байронъ и событія отечественной войны создали такой подъемъ духа, какого не бывало ранѣе, да, можетъ быть, и позже на Руси. Сдѣлана была попытка переустройства, но она не удалась и привела къ разгрому дворянской интеллигенціи. Этотъ періодъ, характеризуемый активностью и подъемомъ духа, выдвинулъ изъ рядовъ дворянской интеллигенціи Пушкина и нѣсколько запоздалаго Лермонтова. Тотъ и другой, тѣсно связанные съ своимъ классомъ, стали жертвою разгрома, который хотя не коснулся ихъ прямо, но сдѣлалъ одинокими среди чуждаго имъ общества. Съ гибелью этихъ двухъ поэтовъ остановилось и развитіе на Руси той поэзіи, типичными представителями которой были Пушкинъ первой половины своей дѣятельности—и Лермонтовъ. Съ Лермонтовымъ замолкла поэзія сильной титанической личности. Новое поколѣніе по многимъ причинамъ не могло быть активнымъ; оно больше изучало и размышляло, чѣмъ дѣйствовало, оно искало гармоніи, а не борьбы; развитіе личности было ослаблено рефлексіей и регрессировало. Гоголь на время даетъ рѣшительный перевѣсъ изображенію общества, фона, передъ изображеніемъ личности. Впослѣдствіи въ произведеніяхъ Тургенева личность оказывается гораздо болѣе слабою, подавленною, „заѣденною рефлексіей". Дальше развитіе личности шло съ нѣкоторыми колебаніями, но въ литературѣ не нашло выраженія сколько-нибудь приближающагося къ Лермонтовскому, и къ концу XIX-го вѣка оказалось въ положеніи много худшемъ, чѣмъ въ концѣ первой четверти его. Прогрессировало идейное содержаніе формы жизни, но не личность. Только въ самомъ концѣ XIX-го вѣка пробуждается интересъ къ развитію личности, и является писатель, выражающій это развитіе".

Конечно, поставленная авторомъ задача слишкомъ сложна для того, чтобы можно было рѣшить ее путемъ изслѣдованія творчества Пушкина и Лермонтова и съ тѣми научными средствами, которыми пользуется авторъ. Такъ, онъ почти совершенно обошелъ уже богатый историческій матеріалъ, далеко не исчерпалъ историко-литературнаго и вовсе не коснулся „подлинныхъ документовъ" тѣхъ реальныхъ участниковъ русской дѣйствительности, о которыхъ стало возможно говорить уже съ исторической точки зрѣнія. Но и то, что онъ даетъ въ своей книгѣ, составляетъ очень интересный этюдъ, хотѣлось бы сказать—введеніе къ дальнѣйшимъ работамъ автора на ту же тему.

IV.

— В. В. Сиповскій. Изъ исторіи русскаго романа и повѣсти. (Матеріалы по библіографіи, исторіи и теоріи русскаго романа). Часть I: XVIII вѣкъ. Изд. 2-го Отд. Императорской Академіи Наукъ. Спб. 1903.

Книга г. Сиповскаго окажется несомнѣнно полезной при разработкѣ исторіи и теоріи русскаго романа. Авторъ не побоялся скучной и во многихъ случаяхъ неблагодарной работы библіографическаго подбора и привелъ въ наличность значительное число уже давнымъ-давно исчезнувшаго изъ памяти матеріала. По заявленію автора въ предисловіи, эта работа была лишь необходимымъ подспорьемъ для его будущихъ чисто историко-литературныхъ изысканій. „Преслѣдуя прежде всего интересы своей будущей работы, мы при составленіи списка романовъ позволили себѣ нѣкоторую свободу, вслѣдствіе которой, напримѣръ, изъ всѣхъ сатирическихъ журналовъ XVIII вѣка мы извлекли лишь нѣсколько подходящихъ для насъ отрывковъ, а, съ другой стороны, включили въ число романовъ нѣкоторые изъ тѣхъ неопредѣленныхъ синкретическихъ жанровъ, которые примыкаютъ одинаково къ морали и повѣсти, исторіи и роману, мемуарамъ и художественному творчеству. Труднѣе всего было ограничить повѣсть отъ анекдота, романъ отъ поэмы, и, быть можетъ, за разрѣшеніемъ этихъ сомнѣній мы справедливѣе всего подвергнемся обвиненію въ субъективизмѣ выбора. Но на это обвиненіе мы отвѣтимъ просьбой указать намъ тѣ литературныя нормы, которыя дали бы возможность ясно и точно опредѣлить границы, замѣтной чертой отдѣляющія эти литературные жанры одинъ отъ другого“. Мы понимаемъ мотивы автора, но, право, было бы естественнѣе, если ужъ онъ занялся вопросами исторіи и теоріи романа и овладѣлъ такимъ обширнымъ матеріаломъ, ожидать отъ него хотя бы самыхъ общихъ теоретическихъ указаній на „литературныя нормы“, чѣмъ оставлять „субъективизмъ выбора“ необъясненнымъ.

Предисловіе автора, при всей своей схематичности и отрывочности, заключаетъ въ себѣ очень цѣнные наблюденія и выводы. Авторъ говоритъ здѣсь объ основныхъ характерныхъ чертахъ стараго романа и тѣхъ разнообразныхъ тенденціяхъ, которыя выражались въ немъ въ его постепенномъ развитіи. Приводя выдержки изъ старыхъ журнальныхъ статей, касающихся романовъ, и придавая особенно важное значеніе предисловіямъ, въ которыхъ нерѣдко выражалось явное стремленіе подчеркнуть „новое слово“, сказанное въ томъ или иномъ романѣ, авторъ отмѣчаетъ черты нарождающагося реа-

лизма, попытки дать теорію романа, мнѣнія о пользѣ и вредѣ романа, о томъ, что такое литературный типъ и т. д.

По вопросу о распространенности изданій авторъ приводитъ любопытный фактъ: самой популярной книгой въ XVIII вѣкѣ оказываются жизнеописанія Ваньки Каина, выдержавшія болѣе десяти изданій, въ то время какъ, напр., Ричардсонъ не появлялся въ повторныхъ изданіяхъ.

Что касается переводовъ, то здѣсь поражаетъ та хронологическая непослѣдовательность, съ которой переводились у насъ романы разныхъ школъ и направленій; эта непослѣдовательность свидѣтельствуетъ, по словамъ автора, о полной спутанности литературныхъ вкусовъ: „псевдоклассическій", даже „классическій" романъ доживаетъ у насъ до конца вѣка, переводится по нѣскольку разъ, и въ то же время первый „англійскій" появляется очень рано—въ 1760 г. и долго уживается рядомъ съ тѣми видами, смѣнить которые онъ долженъ былъ по существу своему... „Но всѣ эти факты не могутъ опровергнуть намѣченнаго нами направленія въ развитіи романа: мы взяли *весь* русскій романъ—отъ лубочныхъ изданій до произведеній высшаго качества, — взяли цѣликомъ, не справляясь съ литературными вкусами и развитіемъ переводчиковъ. Конечно, между Херасковымъ и какимъ-нибудь недоучившимся самоучкой-однодворцемъ — громадное разстояніе,—у нихъ не могли быть одинаковые вкусы и требованія. Отсюда пестрота и разнообразіе состава нашего списка. Еслибы мы взяли всѣ романы, напечатанные, хотя бы, въ текущемъ 1903 году, мы столкнулись бы съ такою же пестротой, съ такими же курьезами и неожиданностями".

Авторъ такъ смотритъ на первые шаги развитія русскаго романа: „старый романъ (классическій, рыцарскій, новелла) не зналъ поученія: выростая изъ жизни свободно и неожиданно, не нося на себѣ слѣдовъ авторской надуманности, онъ былъ объективенъ, строго эпиченъ. Проявленіе „личности" автора въ исторіи поэзіи совпадало всегда съ той эпохой, когда начиналось проясненіе сознанія великаго культурнаго значенія изящной литературы. Немудрено, что всегда и вездѣ, на зарѣ своего существованія, поэзія, изъ безличной сдѣлавшись личной, играла служебную роль,—сперва у религіи, потомъ у морали. То же случилось и съ романомъ: уже французскій псевдо-классическій романъ сдѣлался подъ конецъ тенденціознымъ, потерялъ объективность, — на смѣну ему въ XVIII вѣкѣ пришла нравоучительная повѣсть, въ которой поэзія на первыхъ порахъ была цѣликомъ подчинена морали. Если русскій переводный *рукописный* романъ конца XVII, начала XVIII-го вѣка примкнулъ къ обломкамъ романа средневѣкового-рыцарскаго, и особенно псевдоклассическаго французскаго (придворно-

авантюрнаго), то *печатный* романъ XVIII в. тѣсно примкнулъ къ той группѣ, въ которой на первомъ планѣ поставлены цѣли нравоучительныя, а содержаніе бралось изъ жизни, болѣе или менѣе, дѣйствительной, обыденной".

Напрасно только авторъ, имѣя дѣло съ такимъ матеріаломъ, какъ повѣсть о Ванькѣ-Каинѣ, „ворѣ и мошенникѣ", или о дѣвицѣ Буянѣ и т. п., употребляетъ, при разграниченіи въ творчествѣ дѣйствительнаго факта отъ вымысла, знаменитые Гётевскіе термины „Wahrheit и Dichtung", — сюда они не идутъ по пословицѣ: quod licet Jovi, non licet bovi.

Въ основу работы автора положены библіографическіе (рукописные) матеріалы изъ собранія В. И. Саитова, къ которымъ сдѣланы многочисленныя дополненія изъ различныхъ старыхъ каталоговъ и каталоговъ Публичной библіотеки и библіотеки Академіи Наукъ.

V.

— Д. Ратгаузъ. Пѣсни любви и печали. Второе дополненное изданіе. Спб. 1903 г.

Помѣщенныя въ этомъ сборникѣ стихотворенія удачно названы авторомъ пѣснями любви и печали. Эти чувства даютъ основное настроеніе и содержаніе большинству произведеній поэта. Какъ и многіе изъ поэтовъ древнихъ и новыхъ, г. Ратгаузъ видитъ въ своихъ пѣсняхъ откровеніе божественнаго начала, чѣмъ сразу отдѣляетъ себя отъ гг. декадентовъ, открыто признающихъ своимъ піитическимъ крестнымъ отцомъ и владыкой—сатану. Г-нъ Ратгаузъ разсказываетъ, какъ Господь Богъ, вручая поэту однострунную лиру, заказалъ ей пѣть и стонать только объ одной любви:

Лишь о любви поетъ она?
Я вопросилъ,—о, правый Боже!
Но Онъ сказалъ: она сильна,—
Любовь и Я—одно и то же.

Однако, изъ ближайшаго знакомства со сборникомъ читатель сильно усомнится въ тождествѣ любви г. Ратгауза съ тѣмъ чувствомъ, о которомъ якобы вѣщалъ ему Господь Богъ. Любовь г. Ратгауза, какъ и печаль, не глубокая, не пламенная, даже не жгучая и страстная; она не исторгаетъ изъ его души могучихъ аккордовъ той стихійной всепожирающей бури чувствъ и идей, о которой Лермонтовъ говорилъ: „я не могу любовь опредѣлить, но это страсть сильнѣйшая"... Безъ ревности, безъ жертвы и борьбы, любовь г. Ратгауза опредѣлить, напротивъ, очень легко: это—поэтическая влюбленность во все,

на чемъ лежитъ отблескъ красоты и изящества и прежде всего, конечно, въ женщинѣ и природу. Такъ же неглубока и печаль поэта о томъ, что въ жизни не все безоблачно и свѣтло, что люди не ангелы и счастье любви не вѣчно.

На эти темы читатель встрѣтитъ въ сборникѣ десятокъ-другой граціозныхъ и звучныхъ стихотвореній, съ красивыми образами, звучными риѳмами, но безъ идейнаго содержанія, безъ увлеченія и порывовъ. Лучшія изъ нихъ—тѣ, въ которыхъ поэтъ говоритъ о свѣтлыхъ моментахъ своей любви:

Эта ночь нѣмая, этотъ блѣдный садъ,
Это звѣздъ сіянье, твой смущенный взглядъ,
Этотъ сердца жгучій, безпокойный стукъ,
Это... это—счастье, мой желанный другъ!

Въ другомъ стихотвореніи авторъ въ красивой музыкальной формѣ высказываетъ ту основную мысль своего міросозерцанія, что любовь является необходимымъ условіемъ смысла и гармоніи въ жизни:

Уснуло все. Замолкли птицы.
Весь міръ кругомъ объяла тишь.
Сверкаютъ блѣдныя зарницы,
Едва колышется камышъ.
Ужъ темноокая, нѣмая,
Нисходитъ ночь съ нѣмыхъ высотъ,
И пѣсни неба, пѣсни рая,
Она задумчиво поетъ.
Ко мнѣ съ ликующаго свода
Несется свѣтъ, небесный свѣтъ...
Но безъ любви мертва природа,
Но безъ любви въ ней счастья нѣтъ!

Далеко не всѣ стихотворенія выдержаны въ отношеніи формы: одни растянуты, другія слишкомъ искусственны и холодны („Мы сидѣли съ тобой у заснувшей рѣки"), третьи прозаичны (напр. „Есть врагъ людей и врагъ тотъ—голодъ"). Встрѣчаются неблагозвучные обороты и выраженія:

И мы опять одни *въ вселенной*...
А дождь томительно шумитъ
И *барабанитъ* въ стекла оконъ...
Онъ ей клялся, что *гомонъ* свѣта
Сгубилъ покой его души...

Во многихъ стихотвореніяхъ не трудно различить отзвуки настроеній Апухтина и Надсона, можетъ быть и Алексѣя Толстого; вообще оригинальнаго мало въ стихахъ г. Ратгауза. Въ одномъ нельзя не отдать ему справедливости: муза его нигдѣ не отвлекается въ сторону декадентскихъ „новыхъ" путей и остается вѣрна здравому смыслу.

VI.

— А. Энгельмейеръ. По русскому и скандинавскому сѣверу. Путевыя воспоминанія. Въ четырехъ частяхъ. М. 1902.

— Н. И. Березинъ. Пѣшкомъ къ карельскимъ водопадамъ. Природа и люди Олонецкаго края. Со многими фотографіями автора и рисунками художн. И. Казакова. Спб. 1903.

— По Россіи. Очерки, составленные воспитанницами выпускного класса Спб. Александровскаго института въ Смольномъ. Подъ редакціей инспектора классовъ и преподавателя географіи. Спб. 1900.

— Изъ родного прошлаго. Очерки, составленные воспитанницами педагогическаго класса Спб. Александровскаго института въ Смольномъ. Подъ редакціей инспектора классовъ и преподавателя исторіи. Спб. 1901.

Нашъ и скандинавскій сѣверъ только въ послѣднее время сталъ привлекать къ себѣ общественное вниманіе. Интересъ къ нему опредѣлялся главнымъ образомъ возможностью эксплоатаціи его естественныхъ богатствъ, и только сравнительно немногіе рѣшались въ качествѣ туристовъ отправляться въ этотъ далекій и пустынный край, относительно котораго изстари накопилось порядочное количество невѣрныхъ представленій и предразсудковъ. Въ этомъ отношеніи нельзя не отнестись весьма сочувственно ко всякой попыткѣ познакомить читателя съ характеромъ природы и быта обширныхъ странъ, о которыхъ извѣстно сравнительно весьма немного, и не пожелать широкаго распространенія среди читателей такимъ книгамъ, какими являются непритязательныя, но интересныя по своему содержанію сочиненія гг. Энгельмейера и Березина.

Г-нъ Энгельмейеръ такъ объясняетъ въ предисловіи побужденіе, руководившее имъ при изданіи его сочиненія: „Недостаточное знакомство съ описываемыми въ этомъ трудѣ странами, а главное, какое-то равнодушіе къ нимъ у насъ, въ Россіи, побудили и меня попытаться принять посильное участіе въ возбужденіи къ нимъ нѣсколько бо̀льшаго вниманія и интереса среди русской публики. У насъ такъ еще недостаточно интересуются нашимъ, а тѣмъ болѣе скандинавскимъ сѣверомъ, такъ мало желаютъ его узнать поближе, что становится положительно обидно за всѣ тѣ интересныя страны, въ особенности же за Скандинавію. Страна эта, ея народности и ихъ культура заслуживаютъ гораздо бо̀льшаго интереса къ себѣ, нежели это замѣтно до сихъ поръ между нашими соотечественниками. Я, по крайней мѣрѣ, долженъ признаться, что посѣщеніе Скандинавіи могу назвать чуть ли не лучшимъ своимъ путешествіемъ“.

Первую часть книги составляетъ описаніе путешествія по Россіи, посѣщеніе Архангельска, Соловецкихъ острововъ и морской переѣздъ

отъ Архангельска до Вардэ. Описаніе это, какъ и другія въ книгѣ, читается легко и съ интересомъ. Здѣсь нѣтъ ни претензій на ученость, ни педантической полноты фактическихъ свѣдѣній, но есть зато живая наблюдательность образованнаго человѣка, умѣющаго сгруппировать наблюденія въ общую картину и остановиться на главномъ, не разбрасываясь по мелочамъ. Разсказъ въ то же время ведется чрезвычайно субъективно: здѣсь и новые предметы, и впечатлѣнія, и случайные разговоры, и настроенія, согрѣтыя то легкой поэзіей, то грустью, — все это переплетается одно съ другимъ и живо переноситъ читателя въ положеніе туриста. Описывая необъятныя, незаселенныя страны по берегамъ нашихъ сѣверныхъ рѣкъ, авторъ видитъ въ этой пустынности признаки „истинно-русскаго безсилія и смиренія", оставляющаго заброшенными эти громадныя и богатѣйшія земли. Говоря о Сѣверной Двинѣ, что и эта могучая величественная рѣка подвергается участи всѣхъ русскихъ рѣкъ и тоже мелѣетъ, авторъ замѣчаетъ: „И все-же такія громадныя многоводныя рѣки, такое раздолье, навѣваютъ мысли о величіи нашего отечества въ грядущемъ, если только оно когда-нибудь пробудится отъ своей летаргіи".

Интересны впечатлѣнія, вынесенныя авторомъ изъ зрѣлищъ десятковъ тысячъ русскихъ простолюдиновъ, направлявшихся въ Соловецкій монастырь. „Нѣкоторыхъ бѣдняковъ допускаютъ къ переѣзду безплатно. Есть, вѣдь, и такіе паломники, которые доходятъ пѣшкомъ до Архангельска изъ южныхъ частей Россіи! Наступило три часа дня. Нашъ пароходъ все еще стоитъ. Толпа богомольцевъ на берегу и на пароходѣ все растетъ. Повсюду грязь, убожество, суевѣріе и страданія! Чувствуется какая-то безграничная грусть и жалость ко всему этому несчастному, горемычному отдѣлу человѣчества. Думается, глядя на малыхъ сихъ, какъ необъятна должна быть вся сумма страданія людей на земномъ шарѣ. И не видно ей конца, не видно ей исхода. Неужели же единственнымъ утѣшеніемъ всѣмъ этимъ страждущимъ милліардамъ человѣческихъ существъ останется навсегда только лишь одно суевѣріе? Тяжко и нехорошо на душѣ"...

Остальныя главы посвящены путешествію по Норвегіи, Швеціи, Даніи и Сѣверной Пруссіи. Кое-гдѣ авторъ дѣлаетъ замѣчанія практическаго свойства о промыслахъ вообще и въ частности о русскихъ промышленникахъ. Между прочимъ, любопытно указаніе относительно китоловнаго промысла. Русскіе никакъ не могутъ освоиться съ этимъ промысломъ, тогда какъ у норвежцевъ онъ идетъ отлично. Послѣднимъ, какъ извѣстно, запрещено промышлять въ русскихъ водахъ. Авторъ видитъ въ этомъ запрещеніи коренное зло. По его мнѣнію, слѣдуетъ, наоборотъ, содѣйствовать встрѣчамъ нашихъ примитивныхъ и некультурныхъ промышленниковъ съ болѣе развитыми и искусными запад-

ными товарищами по ремеслу. Автору кажется, что странно считать каждаго встрѣчнаго конкуррентомъ въ безбрежныхъ водахъ океана, тѣмъ болѣе, что во многія мѣста сѣверной Норвегіи русскимъ промышленникамъ предоставленъ совершенно свободный доступъ.

Въ Бергенѣ авторъ посѣтилъ композитора Грига, этого „сѣвернаго Шопена", какъ его называютъ почитатели. Бесѣда съ нимъ была весьма характерна. Композиторъ относится съ большимъ уваженіемъ къ русскому искусству и въ особенности къ музыкѣ, ставитъ Чайковскаго выше Рубинштейна, хвалитъ віолончелиста Давыдова. Онъ касался въ разговорѣ и грустнаго положенія русскаго крестьянства и общественныхъ вопросовъ въ болѣе широкомъ смыслѣ. „Э. Григъ меня утѣшалъ, что давленія, тягота и всякія притѣсненія есть лучшая почва для процвѣтанія искусства, что, будто бы, Ибсенъ какъ-то разъ сказалъ: „Я не хочу никакой свободы. Это смерть для искусства".

„Я выразилъ еще, что нашему репрессивному образу дѣйствія съ подчиненными намъ народами сочувствуетъ лишь небольшая часть русскаго общества, возбуждаемая нѣсколькими недобросовѣстными и ретроградными органами печати.

„Выяснивши отчасти взаимно наши общественные взгляды, мы пустились въ частные разговоры.

„Я спросилъ, почему Григъ не ѣдетъ въ Россію. Оказалось, что его звали туда Чайковскій и Кюи. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что боится нашего климата, такъ какъ имѣетъ весьма плохое здоровье. Я описалъ ему нашъ сухой, морозный климатъ зимою, наши огромные, удобные желѣзнодорожные вагоны. И миніатюрный-большой человѣкъ сталъ выражать желаніе побывать въ Россіи. Мнѣ не хотѣлось его огорчать своимъ наблюденіемъ того страннаго факта, что его чудныя произведенія у насъ, въ отечествѣ, все еще довольно мало цѣнятся. Глядя на этого ёжившагося маленькаго, блѣднаго человѣчка, мнѣ представлялось страннымъ, что это былъ авторъ такой поэтической, мощной и, часто даже, почти титанически-величественной музыки"...

Не мудрствуя лукаво, полезную книгу написалъ и г. Березинъ. Книга явилась результатомъ его путешествія по Олонецкому краю, которое онъ совершилъ большею частью пѣшкомъ въ обществѣ одного знакомаго крестьянина. Объ обширномъ Олонецкомъ краѣ весьма мало извѣстно въ литературѣ. Изъ географіи знаютъ обыкновенно, что этотъ край обиленъ водой и лѣсомъ, что природа тамъ сурова, а среди населенія не перевелись еще знаменитые сказители, помнящіе стародавнюю богатырскую быль. Но о бытовыхъ условіяхъ крестьянъ и о внутреннемъ строѣ ихъ жизни въ общемъ извѣстно немного. Книга г. Березина тѣмъ и полезна, что въ ней много непосредственно подмѣченнаго бытового элемента. Путь автора лежалъ на водопадъ Ки-

вачъ черезъ Петрозаводскъ. Отъ водопада, который произвелъ большое впечатлѣніе на путниковъ, они направились на порогъ Гирвасъ, заходя по дорогѣ въ попутныя селенія и знакомясь съ жителями. Населеніе производило на автора чрезвычайно симпатичное впечатлѣніе. Честное, правдивое, довѣрчивое, оно вызывало невольное расположеніе и наводило на грустныя мысли своей мало-культурностью и безпомощностью. Въ одной изъ главъ авторъ говоритъ о мѣстныхъ условіяхъ труда и промыслахъ, среди которыхъ лѣсной промыселъ занимаетъ самое видное мѣсто. Авторъ такъ характеризуетъ тяжесть подсѣчной работы въ лѣсу: „Если сравнить мученическій трудъ крестьянина при разработкѣ подсѣкъ съ воздѣлываніемъ постоянныхъ пахотныхъ полей, то послѣднее покажется не трудомъ, а забавою. Отсюда понятно, какъ велика нужда, которая гонитъ крестьянина въ лѣсъ расчищать подсѣки. Но эта кровная нужда не принимается въ разсчетъ, и крестьянину болѣе полутораста лѣтъ приходится оборонять отъ законодательныхъ и административныхъ запрещеній и стѣсненій свое исконное право — расчищать дикій лѣсъ, который, по народному воззрѣнію, есть „Божій даръ“, выросшій по „Божьему произволенію“, на потребу всѣмъ людямъ“.

Яркое представленіе объ образѣ жизни олончанъ даетъ послѣдняя глава книги, въ которой между прочимъ описывается употребляемый олончанами хлѣбъ. Собственно это не хлѣбъ, который въ чистомъ видѣ рѣдко бываетъ на крестьянскомъ столѣ, а суррогатъ хлѣба. Послѣдній бываетъ двухъ видовъ: „соломенный“ и „древесный“. Соломенный приготовляется такъ: берутъ ячменную солому, сушатъ ее, толкутъ въ деревянной ступѣ и мелютъ на ручныхъ жерновахъ (иногда на деревянныхъ, за неимѣніемъ каменныхъ) и къ полученной трухѣ и пыли присыпаютъ ржаной муки—четвертую часть, у болѣе зажиточныхъ — половину. Если нѣтъ ячменной соломы, то берутъ ржаные колосья съ оставшимися въ нихъ сѣменами, толкутъ въ ступѣ и, не размалывая, пекутъ изъ толченой мякины хлѣбъ безъ всякой примѣси муки. Хлѣбъ изъ ржаныхъ колосьевъ, конечно, грубѣе, переваривается труднѣе и хуже на вкусъ. „Соломенный“ хлѣбъ несомнѣнно вреденъ, но еще ужаснѣе хлѣбъ „древесный“. Весной, почему-то непремѣнно послѣ перваго грома, сдираютъ съ сосенъ кору, отдѣляютъ внутренній бѣловатый нѣжный слой отъ корки, сушатъ на горячихъ угольяхъ, чтобы „духъ смоляной выгорѣлъ“, пока масса не приметъ красноватый цвѣтъ, потомъ ее толкутъ, мелютъ и, смѣшавъ съ мукой ($^1/_4$ или $^1/_2$), пекутъ изъ нея хлѣбъ. Это происходитъ обыкновенно весной, когда уже и соломы нѣтъ. Наконецъ, послѣдній суррогатъ, придуманный злополучнымъ олончаниномъ, это „корява“, сосновая каша, т.-е. та же сосновая пыль, которую, за неимѣніемъ муки, всыпаютъ въ молоко.

Вотъ этимъ сѣрымъ клейстеромъ и питаются люди... Вынести эту пищу могутъ только исключительно крѣпкіе животы. Обыкновенно же потребленіе ея производитъ опухоль, а затѣмъ смерть"...

Множество фотографій и рисунковъ художника Казакова придаютъ описаніямъ большую наглядность; но рисунки вышли не вездѣ удачны, благодаря тому, вѣроятно, что бумага слишкомъ тонка и вообще невысокаго качества.

Книга г. Березина можетъ претендовать и на извѣстное педагогическое значеніе, чего никакъ нельзя сказать о двухъ послѣднихъ книгахъ, изданныхъ подъ редакціей записныхъ педагоговъ Александровскаго института, гг. М. Захарченко, М. Помяловскаго и др. Мы упоминаемъ объ этихъ книгахъ вскользь, разъ ужъ дѣло коснулось изданій, посвященныхъ изученію нашей родины. Вышли эти книжечки — „По Россіи", „Изъ родного прошлаго" — года полтора, два назадъ, но, сколько помнится, не вызвали въ печати соотвѣтственной оцѣнки. Конечно, оцѣнка эта не могла бы имѣть какого-либо отношенія къ научному достоинству этихъ сочиненій, но отмѣтить пріемы почтенныхъ педагоговъ слѣдовало бы въ наше мутное время, когда такъ легко смѣшиваются предметы самыхъ различныхъ категорій. Дѣло въ томъ, что обѣ книги представляютъ не что иное, какъ рядъ ученическихъ сочиненій, наивныхъ, безсодержательныхъ, восторженныхъ, недостаточно связныхъ, словомъ, самыхъ обыкновенныхъ работъ, задаваемыхъ въ среднихъ классахъ на темы. Снисходительные редакторы сами называютъ ихъ „не строго планомѣрными", причемъ относительно восторженности выражаются такъ: „нѣкоторая поэтичность въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ вполнѣ объясняется возрастомъ юныхъ авторовъ и, по нашему мнѣнію, является вполнѣ понятнымъ украшеніемъ болѣе прозаическихъ частей очерковъ". Но совершенно непонятнымъ, съ педагогической точки зрѣнія, украшеніемъ является присутствіе въ обѣихъ книгахъ снимковъ съ юныхъ составительницъ очерковъ, то въ историческихъ, то въ различныхъ національно-мѣстныхъ костюмахъ. Редакторы думали этимъ, можетъ быть, придать очеркамъ нагляднонаучный колоритъ; мы же думаемъ, что колоритъ здѣсь совсѣмъ другой, особенно если принять во вниманіе, что книги посвящены „благодарными воспитанницами" почетному опекуну по учебной части Александровскаго института...

Но изданы обѣ книги очень хорошо, какъ обыкновенно издаются книги при казенныхъ учрежденіяхъ.—Евг. Л.

VII.

— Статистическія свѣдѣнія по начальному образованію въ Россійской имперіи. Выпускъ четвертый (данныя 1900 года). Редакція В. И. Фармаковскаго и Е. П. Ковалевскаго. Спб. 1903.

Правильная публикація подробныхъ статистическихъ свѣдѣній о положеніи начальнаго образованія началась у насъ съ 1898 года; до того же времени мы имѣли нѣсколько отдѣльныхъ оффиціальныхъ изслѣдованій этого рода, относящихся къ различнымъ моментамъ времени. Но и правильныя публикаціи возникли болѣе или менѣе случайно: въ 1898 г. министерство народнаго просвѣщенія собрало черезъ подлежащія правительственныя учрежденія и разработало данныя о начальномъ образованіи въ 1896 г. для педагогическаго отдѣла вѣнской международной выставки; черезъ два года оно повторило такое изслѣдованіе (о народномъ образованіи въ 1898 г.) для парижской выставки, а въ текущемъ году издало аналогичныя свѣдѣнія для 1900 года.

Названная въ заголовкѣ настоящей замѣтки книга, заключающая эти свѣдѣнія, состоитъ изъ текста (на русскомъ и французскомъ языкахъ) и таблицъ, заключающихъ свѣдѣнія (по губерніямъ и учебнымъ округамъ) о начальныхъ училищахъ разнаго типа, объ учащихъ и учащихся и о расходахъ разныхъ учрежденій на содержаніе школъ, и, наконецъ, о числѣ грамотныхъ, принятыхъ въ войска. Въ текстѣ излагаются результаты изслѣдованія и производится сравненіе итоговыхъ данныхъ, относящихся къ 1900 г., съ цифрами, характеризующими состояніе начальнаго образованія въ 1898 г. Текстъ составленъ исключительно на основаніи матеріала, заключающагося въ изданіи и полученнаго отъ подчиненныхъ разнымъ учрежденіямъ чиновниковъ, безъ обращенія къ другимъ источникамъ для выясненія какихъ-либо вопросовъ; интересующая насъ книга, поэтому, должна быть разсматриваема, скорѣе всего, какъ приложеніе къ отчету министерства народнаго просвѣщенія о положеніи начальнаго образованія въ Россіи. Съ этимъ находится въ соотвѣтствіи и фактъ крайняго различія, по детальности свѣдѣній, таблицъ, касающихся училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, съ одной стороны, и прочихъ учрежденій, имѣющихъ начальныя школы,—съ другой. Тогда какъ данныя о школахъ министерства народнаго просвѣщенія, доставленныя его агентами на мѣстахъ, заняли около 250 графъ таблицъ, свѣдѣнія о прочихъ школахъ, полученныя отъ центральныхъ управленій соотвѣтствующихъ вѣдомствъ или извлеченныя (для школъ воен-

наго вѣдомства) изъ отчетовъ подлежащихъ учрежденій, составили едва 30—40 графъ. Школы разныхъ вѣдомствъ могутъ быть, поэтому, характеризованы, на основаніи интересующаго насъ изданія, далеко не съ одинаковой степенью обстоятельности.

Въ книгу вошли свѣдѣнія лишь объ училищахъ, имѣющихъ главнымъ назначеніемъ общее начальное образованіе, хотя бы при нѣкоторыхъ изъ нихъ и существовало, какъ дополнительное занятіе, обученіе ремесламъ. Такое обученіе имѣетъ мѣсто почти при 9.500 училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, или при $^1/_4$ училищъ этого вѣдомства для дѣтей школьнаго возраста. Всѣхъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія насчитывалось въ 1900 г. 38.666; но, кромѣ нихъ, въ счетъ училищъ вошло около 1,5 тыс. курсовъ для взрослаго населенія: воскресныхъ школъ, повторительныхъ курсовъ, воскресныхъ и вечернихъ курсовъ для рабочихъ. Подобные курсы открыты, слѣдовательно, менѣе, чѣмъ при 4% начальныхъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Точныхъ свѣдѣній о курсахъ начальнаго обученія для взрослыхъ въ школахъ другихъ вѣдомствъ не имѣется; но, приблизительно, въ духовномъ вѣдомствѣ считается около 500 воскресныхъ школъ, т.-е. курсы для взрослыхъ открыты при 1% съ небольшимъ начальныхъ училищъ этого вѣдомства. Курсы для взрослыхъ министерства народнаго просвѣщенія посѣщались 48.954 мужчинами и 27.223 женщинами, всего—76.177 лицами, причемъ въ воскресныхъ школахъ преобладали лица женскаго пола, а на повторительныхъ курсахъ и на курсахъ для рабочихъ—лица мужского пола. Еще болѣе женскій элементъ преобладаетъ въ воскресныхъ школахъ духовнаго вѣдомства: на 26 тыс. учащихся въ этихъ школахъ 21 тыс. составляютъ женщины и лишь 5 тыс.—мужчины. При 4.274 школахъ министерства народнаго просвѣщенія, или при 11% ихъ, производились народныя чтенія, и при 3.895 училищахъ, или при 10%, существовали школьныя библіотеки. Сколь широкое распространеніе имѣютъ эти учрежденія въ школахъ другихъ вѣдомствъ—свѣдѣній не имѣется.

Общее число начальныхъ дѣтскихъ училищъ въ Россійской имперіи опредѣлено въ 83.100, изъ коихъ 38.666, или 47%, находятся въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, 42.588, или 51%—въ завѣдываніи духовнаго вѣдомства, и 1.825 училищъ, или 2%—въ вѣдѣніи другихъ учрежденій. Число учащихся распредѣлено между этими тремя категоріями училищъ иначе. Изъ 4.505 тыс. учениковъ, 2.774 тыс., или 62%, приходится на долю министерскихъ школъ, 1.634 тыс., или 36%,—на школы духовнаго вѣдомства, и 97 тыс. учащихся, или 2% общаго числа—на заведенія другихъ вѣдомствъ. Министерскія школы оказываются, такимъ образомъ, многолюднѣе ду-

ховныхъ: на одну школу министерскую приходится, въ среднемъ, 70 учениковъ, а на школу духовнаго вѣдомства—38. Въ силу рисуемаго приведенными цифрами относительнаго переполненія учащимися министерскихъ школъ, въ школахъ этихъ—несмотря на относительно бо̀льшее число учителей (на министерскую школу приходится, въ среднемъ, 2—3 преподавателя, а на школу духовнаго вѣдомства—1,8 преподавателей)—на одного преподавателя (считая и законоучителей) приходится болѣе учениковъ (30), нежели въ школахъ духовнаго вѣдомства (22). По по̀ламъ учащіеся въ школахъ обоихъ вѣдомствъ распредѣляются одинаковымъ образомъ: 74% учащихся дѣтей принадлежатъ мужскому и 26%—женскому полу. На курсахъ для взрослыхъ число женщинъ превосходитъ 1/3 часть учащихся.

По сравненію съ предшествующимъ отчетомъ школьнаго дѣла, относившимся къ 1898 г., первоначальное народное образованіе въ 1900 г. сдѣлало довольно значительные успѣхи. Тогда какъ населеніе Россійской имперіи за два года, раздѣляющіе оба періода, возросло не болѣе какъ на 3%,—число училищъ увеличилось на 5.845, или на 7,4%, а число учащихся—на 376 тыс., или на 9%. При этомъ интереснымъ представляется тотъ фактъ, что наибольшіе успѣхи сдѣлало элементарное образованіе женщинъ: въ то время какъ число учащихся мужского пола увеличилось на 6,5%, число ученицъ женскаго пола возросло (за два года) на 16,4%. Изъ 83,1 тыс. начальныхъ училищъ всѣхъ вѣдомствъ въ 1900 году, 9.194 училища, или 11%, находились въ городахъ, а 73.907, или 89%,—въ селахъ и деревняхъ. Городскія училища многолюднѣе сельскихъ, и на 11% этихъ училищъ приходится больше 16% учащихся. Двумя годами ранѣе, на долю городовъ падало 10% всѣхъ начальныхъ училищъ и 15% учащихся. Городское начальное образованіе развивается, поэтому, быстрѣе сельскаго, что̀, быть можетъ, находится въ связи съ болѣе быстрымъ увеличеніемъ и городского населенія. Городскія училища отличаются отъ сельскихъ болѣе высокимъ процентомъ учащихся дѣвочекъ: имъ принадлежатъ въ этихъ школахъ 37% учащихся, а въ сельскихъ—лишь 25%.

Очень интереснымъ представляется вопросъ о средствахъ, на которыя содержатся начальныя школы, и по этому предмету въ разсматриваемомъ изданіи приводятся слѣдующія данныя. Общій бюджетъ начальныхъ училищъ превышалъ въ 1900 г. 50 милл. рублей, изъ коихъ 23% доставляли земства, 21%—казна, 17%—сельскія общества, 14%—города, 13%—частныя лица, 6% получались въ видѣ платы за ученіе и 6% пополнялись изъ другихъ источниковъ. Содержаніе одного ученика, согласно этимъ даннымъ, составляло, въ среднемъ, 11 руб., причемъ на одного ученика въ министерскихъ школахъ тра-

тилось 12 р. 38 к., а въ школахъ духовнаго вѣдомства—7 р. 71 к. Расходъ на школы въ 1898 г. равнялся 40,6 милл. рублей. Въ теченіе двухъ лѣтъ, когда число училищъ увеличилось, какъ мы видѣли, на 7,4%, а число учащихся—на 9%, школьный бюджетъ возросъ на 9,5 милл. руб., или на 23%. Болѣе быстрое возростаніе расходовъ объясняется отчасти открытіемъ по преимуществу начальныхъ училищъ высшихъ типовъ. Всего болѣе за разсматриваемые два года, а именно на 32%, возросли пожертвованія на школьное дѣло частныхъ лицъ и обществъ: въ 1898 г. эти пожертвованія составляли 5 милл. р., и въ 1900 г.—6,7 милл. рублей. За ними по быстротѣ возростанія слѣдуютъ ассигновки земствъ и городскихъ управленій: первыя увеличились съ 9 милл. руб. до 11,5 милл., вторыя—съ 5,5 милл. руб. до 6,7 милл.; возростаніе тѣхъ и другихъ составляетъ 28%. На третьемъ мѣстѣ по быстротѣ возростанія стояли расходы на начальное образованіе казенныхъ вѣдомствъ: въ 1898 г. казна тратила на этотъ предметъ 8,7 милл. руб., а въ 1900 г.—10,4 милл. руб., или на 1/5 болѣе. Расходы на начальное образованіе сельскихъ обществъ увеличились съ 1898 по 1900 г. съ 7,3 милл. руб. до 8,3 милл. р., т.-е. на 14%. По поводу этихъ данныхъ мы не можемъ не подчеркнуть незначительнаго участія казны въ развитіи начальнаго образованія: 10 милл. рублей при полуторамилліардномъ бюджетѣ, или 0,7% суммы государственныхъ расходовъ на такое важное дѣло, какъ начальное народное обученіе, мало свидѣтельствуетъ о заботахъ государства о развитіи народнаго просвѣщенія. — В. В.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ, въ Редакцію поступили нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Айзенштейнъ, А. К.—Что́ долженъ знать каждый по страхованію жизни. Практическіе совѣты лицамъ, заинтересованнымъ или желающимъ застраховаться. 1. Страхованіе и Лжестрахованіе. 2. Сбереженія и Лжесбереженія. 3. Дивиденды и Лжедивиденды. Спб. 904. Ц. 1 р.

Андреевскій, И. С.—Научныя основы. Кіевъ. 903. Ц. 60 к.

Араго, Жакъ. Воспоминанія слѣпого. Путешествіе вокругъ свѣта. Съ портр. автора и рис. Перев. съ 5-го изд. И. Капчаловскаго. М. 904. Ц. 80 к.

Арсеньевъ, К. К.—Законодательство о печати. (Великія реформы 60-хъ годовъ въ ихъ прошломъ и настоящемъ, п. р. І. Гессена и А. Каменки). Спб. 903. Ц. 1 р. 25 к.

Бальзакъ, Оноре.—Исторія тринадцати. Сцены изъ парижской жизни. Съ франц. перев. М. Чепинской. Спб. 903. Ц. 60 к.

Бальмонтъ, К.—Только любовь. Самоцвѣтникъ. М. 903. Ц. 2 р.

Батуринскій, В. П.—А. И. Герценъ, его друзья и знакомые. Матеріалы для исторіи общественнаго движенія въ Россіи. Т. І. Съ прилож. 2 портр.

Герцена, Огарева и снимка съ памятника Герцену въ Ниццѣ. Спб. 904. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Боцяновская, М. С.—Библіотека Указателей. Вып. 1: „Дневникъ" А. В. Никитенко, т. I-III; „Воспоминанія" И. И. Панаева. Спб. 903. Ц. 50 к.

Брюсовъ, Валерій.—Стихи. Urbi et Orbi. М. 904. Ц. 2 р.

Бѣлый, Андрей.—Сѣверная Симфонія (1-я героическая). М. 903. Ц. 75 к.

Вальтеръ-Скоттъ.—Пуритане. Полный перев. съ 2 картин. и 43 политип. Изд. 2-е. Спб. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Вальковскій, Е. В.—Ученіе о толкованіи и примѣненіи гражданскихъ законовъ. Од. 901. Ц. 3 р.

——— Отвѣтъ на отзывъ проф. А. И. Загоровскаго. Од. 903. Ц. 10 к.

Врадій, Вячесл.—Краски у М. Горькаго. Новый родъ критики. Спб. Стр. 19. Цѣна 20 коп.

Гауптманъ, I.—Роза Бернд. Драма въ 5 д. Спб. 903. Ц. 50 к.

Гейсманъ, П. А.—Русско-турецкая война 1877—78 г.г. Спб. 903.

——— Славянскій крестовый походъ. По случаю 25-лѣтія со времени начала войны 1877—78 годовъ. Спб. 902.

Гергардъ, Адель, и *Симонъ*, Елена.—Материнство и умственный трудъ. Съ нѣм. М. Кучинскій Спб. 903. Ц. 1 р. 40 к.

Гернъ, Б.—Новое изложеніе логики, основанное на элементарныхъ курсахъ математики и физики. ч. I и II. Логика индуктивная. Логика физики. М. 903. Ц. 50 к. и 45 к.

Гиппіусъ, З. Н.—Собраніе стиховъ. М. 904. Ц. 1 р. 50 к.

Горькій, М.—Пьесы. Т. VI: „Мѣщане"—„На днѣ". Спб. 903. Ц. 1 р.

Гринченко, Б.—Пысання. Т. I. Кіевъ. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Демиденко, В.—Выгодны: сельское хозяйство — въ жаркомъ; фабрики и науки въ холодномъ климатѣ. Варш. 904. Ц. 1 р.

Демченко, Г. В.—Судъ и законъ въ уголовномъ правѣ. Варш. 903.

Дюканъ, Анри.—Воспоминаніе о битвѣ при Сольферинѣ. Съ франц. С. Н. Норманъ, п. р. Ал-ѣя П. Плетнева. Спб. 904. Ц. 50 к.

Дюкло, Эм.—Соціальная гигіена. Съ франц. Е. Предтеченскій. Спб. 904. Ц. 1 р. 25 к.

Ефременковъ, В.—По поводу обзора русской исторіи, печатаемаго въ журналѣ „Міръ Божій". Тифл. 903.

Загоровскій, А. П., проф.—Отзывъ объ ученыхъ трудахъ прив.-доц. Е. В. Васьковскаго. Од. 903.

Замотинъ, И. И.—Романтизмъ 20-хъ годовъ XIX-го столѣтія въ русской литературѣ. I. Варш. 903. Ц. 2 р.

Ивановъ, Александръ (Стропинъ).—Разсказы о человѣческой жизни. Съ рис. Изд. 2-е. Спб. 903. Ц. 15 к.

——— Разсказы о царствѣ Бовы Королевича. Изд. 2-е. Спб. 903. Ц. 15 к.

——— Разсказы о жизни земной. Съ 24 рис. Изд. 2-е. Ц. 15 к.

——— Разсказы о силахъ земныхъ. Съ рис. Изд. 2-е. Ц. 15 к.

Ивановъ, П.—Врагамъ Леонида Андреева. Психологическій этюдъ. М. 904. Цѣна 30 коп.

Іосифъ, іеромонахъ. — Исторія Іудейскаго народа по археологіи Іосифа Флавія. Опытъ критическаго разбора и обработки. Свято-Троицко-Серг. Лавра. 903. Ц. 2 р. 50 к.

Кажановъ, Н.—Психика жизни. I: Логическое изслѣдованіе. II: Дисгармонія соціальной жизни человѣка. Спб. 903. Ц. 40 к.

Кайгородовъ, Дм.—Изъ родной природы. Хрестоматія для чтенія въ школѣ и семьѣ. Ч. II. Спб. 903. Ц. 1 р.

Карповъ, Ф. И.—Послѣднія Узаконенія и Распоряженія по надзору фабричной инстанціи (1901—1903 г.). Спб. 903. Ц. 50 к.

Каутскій, К.—Торговые договоры и торговая политика. Съ нѣм. п. р. А. Залшупина. Спб. 904. Ц. 1 р.

Кизеветтеръ, А. А.—Посадская община въ Россіи XVIII ст. М. 903. Цѣна 5 рублей.

Клоссовскій, А., проф.—Разборъ способа предсказаній погоды Н. Демчинскаго. Од. 903.

Колбъ, А. Ѳ.—О направленіи хлѣбныхъ цѣнъ. Каменецъ-Под. 903. Ц. 50 к.

Корженевскій, С.—Земская медицина въ Тверской губерніи. I. Медицинское дѣло въ уѣздахъ. Тв. 903.

Коркуновъ, Н. М.—Русское государственное право. Т. I: Введеніе и Общая часть. Изд. 5-е. Спб. 903. Ц. 3 р.

Левицкій, Г. В.—Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей имп. Юрьевскаго, бывшаго Дерптскаго университета за 100 лѣтъ его существованія (1802—1902 г.). Юр. 903.

Личковъ, Л. С.—Новыя теченія въ сервитутномъ вопросѣ. Кіевъ. 903.

Лукашевичъ, А. О.—Практическій самоучитель англійскаго языка въ 36 урокахъ по новой методѣ Оливера (для взрослыхъ), съ учебнымъ матеріаломъ юмористическаго содержанія. Од. 903. Вып. 1. Ц. 30 к.

Львовъ, Н.—Повѣсти и разсказы. Спб. 903. Ц. 1 р. 25 к.

Мальшинъ, Л. (П. Гриневичъ).—Очерки русской поэзіи. Спб. 904. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Маргуліесъ, М. Г.—Регламентація и свободная проституція. Спб. 903.

Меньшиковъ, А. И.—Какъ устраивать праздники древонасажденія въ школахъ сельскихъ и городскихъ. Изд. 3-е. Вятка. 903. Ц. 30 к.

——— Для чего устраиваются праздники древонасажденія въ школахъ. Вятка. 903.

Мережковскій, Д. С.—Собраніе стиховъ. М. 904. Ц. 1 р. 50 к.

Метерлинкъ, М.—Жуазель, др. въ 5 д. Перев. А. Калусовскаго. Спб. 904. Цѣна 1 рубль.

Моньé, Фил.—„Кваттрочеато". Опытъ литературной исторіи Италіи XV-го вѣка. Съ франц. К. С. Шварсалонъ. Спб. 904. Ц. 4 р.

Морозевичъ, I.—Геологическое строеніе Исачковскаго холма. Съ 4 табл. Спб. 903.

Мортилье, де, Габріель и Адріанъ.—Доисторическая жизнь (Le Préhistorique). Происхожденіе и древность человѣка. Съ третьяго франц. изд. п. р. Д. Штернберга. Спб. 903. Съ 121 рис. въ текстѣ. Ц. 3 р.

*Нежданов*ъ, П.—Экономическіе очерки. Съ польск. Харьк. 903. Ц. 10 к.

Неклепаевъ, И. Я.—Повѣрья и обычаи Иркутскаго края. Омскъ. 903.

Носиловъ, К. Д.—На Новой-Землѣ. Очерки и наброски. Съ 38 рис. въ текстѣ. Спб. 903. Ц. 1 р. 75 к.

Обольяниновъ, Влад.—Противься злу. Поэма-романъ. Ч. I. Спб. 904. Ц. 50 к.

Орловъ, М. А.—Какъ дѣлается поташъ? Съ рис. Спб. 903. Ц. 15 к.

Паліенко, Н. И.—Суверенитетъ. Историческое развитіе идеи суверенитета и ея правовое значеніе. Яросл. 903. Ц. 3 р. 50 к.

Первовъ, Пав.—О школьной балловой системѣ. Харьк. 903.

Першке, Л. Л.—Обзоръ отраслей промышленности въ Закавказскомъ краѣ,

служащихъ источникомъ косвенныхъ итоговъ и поступленіе акцизнаго по Краю дохода за 1892 г. Тифл, 903.

Пругавинъ, А. С.—Законы и справочныя свѣдѣнія по начальному народному образованію. 2-е, значительно дополненное изд. Спб. 904. Ц. 3 р. 50 к.

——— Старообрядческіе архіереи въ суздальской крѣпости. Очеркъ изъ исторіи раскола по архивнымъ даннымъ. Спб. 903. Ц. 25 к.

Пруженскій, К.—Разсказы. Спб. 902. Ц. 1 р. 50 к.

——— Въ разгарѣ страстей. Ром.-хрон Спб.. 902. Ц. 1 р. 25 к.

——— Большіе таланты. Пов. и разск. Спб. 903. Ц. 1 р. 40 к.

——— Безъ прикрасъ. Пов., разск. и драмы. Т. IV. Спб. 904. Ц. 1 р. 50 к.

Раббено, Уго.—Аграрный вопросъ въ австралійскихъ колоніяхъ. Съ англ. перев. А. Ульяновой. Спб. 903. Ц. 2 р.

Рагозина, З. А.—Краткая всемірная исторія Вып. I: Древнѣйшіе народы, съ 100 рис. и 1 картой. Вып. II: Древнѣйшій Египетъ, съ 100 рис. и 1 картой. Спб. 903. Изд. А. Ф. Маркса. Цѣна по 60 коп.

Раковичъ, И.—Любовь побѣдила. Ром. въ 2 частяхъ. Спб. 903. Ц. 75 к.

Риманъ, Б.—Музыкальный Словарь. Перев. съ 5-го нѣм. изд. Б. Юргенсона, дополненный русскимъ отдѣломъ, п. р. Ю. Энгеля. М. 903. Вып. XIV: Порожекъ-Риттеръ. По подп.—6 рублей.

Розенквистъ, А. И.—Современное состояніе вопроса о борьбѣ съ сифилисомъ въ Россіи. Съ 4 табл. М. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Русовъ, М. А.—Поселеніе и постройка крестьянъ Полтавской губерніи. Харьк. 903.

Рыстенко, А. В.—Два слова о Некрасовѣ и его поэзіи. Од. 903.

Рѣшетниковъ, Ѳ. М.—Полное собраніе сочиненій, въ двухъ томахъ. Изд. п. р. А. Скабичевскаго. Съ портр. автора. Т. I и II. Ц. за оба тома—3 р. 50 к.

Сааковъ, А. И.—О необходимости введенія земскихъ учрежденій въ Закавказьѣ. Тифл. 903.

Савинъ, Александръ.—Англійская деревня въ эпоху Тюдоровъ. М. 903. Ц. 2 р. 50 к.

Саводникъ, В. Ѳ.—Новыя стихотворенія. 1890—1903 г. М. 903. Ц. 60 к.

Сегенъ, Э.—Воспитаніе, гигіена и нравственное леченіе умственно-ненормальныхъ дѣтей. Съ франц. М. П. Лебедевой, п. р. В. А. Энько. Спб. 903. Ц. 2 р.

Соколовъ, А.—Краткій учебникъ географіи для среднихъ учебныхъ заведеній. Курсъ внѣ-европейскихъ частей свѣта: Австралія, Азія, Африка и Америка, съ приложеніемъ 6 картъ. Спб. 904. Ц. 60 к.

Соколовъ, Г.—О чтеніи поэтическихъ произведеній въ начальныхъ училищахъ. Каз. 903.

Соколовъ, Н. М.—Святые земли Русской. Къ 200-лѣтней годовщинѣ со дня кончины св. Митрофана воронежскаго (23 ноября). Спб. 903. Ц. 30 к.

Сологубъ, Ѳ.—Собраніе стиховъ. М. 904. Ц. 1 р. 50 к.

Спиридоновъ, А. Е.—Учебникъ всеобщей географіи. Европа. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. 69 рис. въ текстѣ. Спб. 903. Ц. 50 к.

Тассо де Віола.—Настроенія. Кіевъ. 903. Ц. 40 к.

Темномѣровъ, свящ. Аполлоній.—Молитвы, священная исторія и богослуженіе православной церкви. Пособіе при изученіи Закона Божія въ начальной школѣ. Спб. 903.

——— О вѣрѣ и жизни христіанской. Пособіе при изученіи катехизиса въ начальной школѣ. Спб. 903.

Терешенковъ, С. М.—Разсказы: „Ничья"—„На морѣ". М. 903.

Токвиль.—Старый порядокъ и революція. Перев. п. р. П. Г. Виноградова. 3-е изд. М. 903. Ц. 50 к.

Турыгина, Л.—П. И. Чайковскій. Къ десятилѣтію его кончины (1893—1903). Спб. 903. Ц. 20 к.

Хвольсонъ, О. Д.—Курсъ физики. Т. II: Ученіе о звукѣ (акустика).—Ученіе о лучистой энергіи. Изд. 2-е, совершенно переработанное и значительно дополненное, съ 613 рис. въ текстѣ. Спб. 904. Ц. 5 р.

Хёттонъ, Ф.—Чтенія объ эволюціи. Съ англ. пер. М. Александровичъ. Спб. 903. Ц. 40 к.

Храневичъ, К. I.—Очерки новѣйшей польской литературы. Спб. 904. Цѣна 1 р. 25 к.

Челпановъ, проф. Г.—О памяти и мнемоникѣ. Популярный этюдъ. Спб. 903. Ц. 60 к.

Шаховской, кн., Н. В.—Земледѣльческій отходъ крестьянъ. Спб. 903.

Шохоръ-Троцкій, С.—Ариѳметическій задачникъ для учениковъ. Вып. II: Для учебныхъ заведеній съ полнымъ курсомъ ариѳметики. Изд. 3-е, исправл. и значит. дополн. Спб. 904. Ц. 50 к.

Шнитцлеръ, Арт.—Покрывало Беатриче. Драма въ 5 актахъ. М. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Щербатовъ, М. М.—Сочиненія. Исторія Россійская отъ древнѣйшихъ временъ. Т. X: части II, III и IV. П. р. И. П. Хрущова и А. Г. Воронова. Изд. кн. Б. С. Щербатова. Спб. 903. Ц. 5 р. Отпечатано въ количествѣ 300 экземпляровъ.

— Журналы засѣданій Тверского очередного губернскаго земскаго собранія сессія 1902 года и Приложенія къ нимъ. Тв. 903.

— Изданія товарищества „Знаніе": 1) С. Гусевъ-Оренбургскій. Разсказы. Спб. 903. Ц. 1 р. 2) К. Гаринъ, Дѣтство Тёмы, т. I. Спб. 903. Ц. 1 р. 3) Его же, Гимназисты, т. II. Спб. 903. Ц. 1 р. 4) Его же, Студенты, Спб. 903. Ц. 1 р. 5) Байронъ, Манфредъ, перев. Ив. Бунина. Спб. 903. Ц. 40 к. 6) Елеонскій, Разсказы. Спб. 903. Ц. 1 р 7) А. Яблоновскій, Разсказы. Спб. 903. Ц. 1 р. 8) Лонгфелло, Пѣснь о Гайаватѣ, съ 399 рис. Перев. Ив. Бунина. Спб. 903. Ц. 2 р.

— Кустарная промышленность на Кавказѣ. Вып. II: Ковровый промыселъ курдовъ Эриванской губерніи. Тифл. 903.

— „Къ Правдѣ". Литературно-публицистическій сборникъ. М. 903. Цѣна 1 р. 50 к.

— Отчетъ о работахъ, произведенныхъ вѣдомствомъ путей сообщенія на водяныхъ путяхъ съ продовольственною цѣлью въ 1902 г. Спб. 903.

— По Екатерининской жезѣзной дорогѣ. Вып. 1: Введеніе и часть первая. Екатериносл. 903.

— Сборникъ трудовъ врачей Спб. Маріинской больницы д. б., съ приложеніемъ протоколовъ засѣданій врачей. Вып. VII. Спб. 903.

— Статистико-экономическій обзоръ Херсонской губерніи за 1900 годъ. Годъ XIV. Херс. 902.

— Труды IV-го Хабаровскаго съѣзда, созваннаго приамурскимъ ген.-губ. Д. И. Суботичемъ. 1903 г. Изд. п. р. К. В. Слюнина. Хабар. 903.

— Хозяйственно-статистическій обзоръ Уфимской губерніи за 1902 г. Годъ VII. Уфа. 903. Ц. 3 р.

— Эпизодическія программы. Серія I. М. 903. Ц. 20 к.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.

Н. В. ГОГОЛЬ,

ТВОРЧЕСТВО ЕГО, ЛИЧНОСТЬ И ЭПОХА — ВЪ НОВОМЪ ОСВѢЩЕНІИ.

— Н. Котляревскій. Н. В. Гоголь. Очеркъ изъ исторіи, русской повѣсти и драмы. 1829—1842. Спб. 1903.
— Проф. Д. Овсянико-Куликовскій. Н. В. Гоголь. Изданіе редакціи журнала „Вѣстникъ Воспитанія". М. 1903.
— В. В. Каллашъ. Основныя черты личности и творчества Н. В. Гоголя. М. 1902.
— Памяти Гоголя. Научно-литературный сборникъ, изданный Историческимъ обществомъ Нестора-лѣтописца, подъ ред. Н. П. Дашкевича. Кіевъ. 1902 (?).

Научное изученіе Гоголя, какъ художника и человѣка, представляетъ нелегкую задачу. Кто берется за рѣшеніе ея, долженъ совмѣщать въ себѣ, въ одно и то же время, и вдумчиваго историка литературы, охватившаго культурное и умственное содержаніе эпохи, которая выдвинула замѣчательнаго писателя,—и тонкаго психолога, способнаго освѣтить недоступный простому наблюденію міръ сложныхъ и странныхъ противорѣчій въ душѣ художника-гражданина, трагическую борьбу божественнаго съ человѣческимъ. Всесторонняго изслѣдованія въ этомъ отношеніи пока еще преждевременно требовать отъ ученыхъ, посвящающихъ свои работы отдѣльнымъ вопросамъ изученія жизни и творчества Гоголя, тѣмъ болѣе, что хотя общія черты Гоголевской эпохи и обозначились въ историческомъ пониманіи, ея содержаніе далеко еще не стало матеріаломъ научнаго изученія, а громадная работа, потраченная на установленіе точныхъ фактовъ жизни и подлиннаго текста писателя, нуждается въ дальнѣйшемъ, уже психологическомъ анализѣ и обобщеніяхъ философскаго свойства.

На пути къ этимъ конечнымъ цѣлямъ мы должны особенно привѣтствовать появленіе такого рода работъ, какъ изслѣдованіе Н. А. Котляревскаго. Задавшись цѣлью выяснить вопросъ о томъ, какое положеніе занимаютъ произведенія Гоголя въ ряду современныхъ ему памятниковъ словеснаго творчества, г. Котляревскій свелъ свою работу на почву историко-литературнаго изслѣдованія о роли Гоголя въ той общей работѣ всѣхъ болѣе или менѣе выдающихся писателей его времени, которая была направлена на сближеніе литературы съ жизнью. „У Гоголя были помощники,—говоритъ авторъ,—писатели, которые своими трудами прокладывали ему дорогу или вмѣстѣ съ нимъ

трудились надъ одной задачей, и даже болѣе пристально присматривались иногда къ нѣкоторымъ сторонамъ жизни, на которыя нашъ сатирикъ не успѣлъ обратить должное вниманіе". Самая постановка вопроса возбуждаетъ высокій интересъ, еще усиливаемый тѣмъ обстоятельствомъ, что въ рѣшеніи его давно уже чувствовалась настоятельная потребность, какъ для дальнѣйшаго хода работъ по изученію Гоголя, такъ и для мотивированно-правильной и объективной историко-литературной его оцѣнки.

Книга г. Котляревскаго интересна по своему содержанію, уясняющему ту историческую почву, на которой развилось творчество Гоголя, и чрезвычайно привлекательна по характеризующему автора изяществу и, мѣстами, блеску изложенія. Мы привыкли къ тому, чтобы встрѣчать въ критикѣ художественныхъ произведеній какъ бы преднамѣренную сухость и безжизненность, принимаемыя многими въ качествѣ признаковъ патентованной учености, и въ этомъ отношеніи книга г. Котляревскаго должна быть отнесена къ числу, несомнѣнно, отрадныхъ явленій нашей литературы. Между авторомъ и читателемъ сразу устанавливается какая-то—a priori—дружественная связь, среда задумчивости и поэтической грусти, сквозь призму которой чувствуется не только объективное наблюденіе предмета, но и душевное къ нему участіе. И нисколько не теряя въ своей научности, книга читается, какъ занимательная и облагораживающая повѣсть. Мѣткія характеристики, остроумныя сопоставленія, поэтическая дымка при передачѣ романтическихъ настроеній,—все это проникнуто чувствомъ художественнаго такта самого автора и вмѣстѣ съ тѣмъ соотвѣтствуетъ основному предмету книги—раскрыть не столько всѣ тайныя и явныя пружины творчества и жизни Гоголя, сколько разсказать о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ это оригинальное творчество и личность развивались и просвѣтлялись самосознаніемъ художника и гражданина.

Не признавая въ творчествѣ Гоголя никакихъ рѣзкихъ переломовъ или поворотовъ, г. Котляревскій дѣлитъ, тѣмъ не менѣе, исторію его литературной дѣятельности на двѣ эпохи, изъ которыхъ одна характеризуется расцвѣтомъ преимущественно художественнаго творчества поэта, а другая—стремленіемъ его осмыслить и понять жизнь, исключительно какъ проблему этическую и религіозную. Но авторъ не беретъ на себя задачи выяснить обѣ эти эпохи сполна; его цѣль—дать характеристику лишь тѣхъ лѣтъ дѣятельности Гоголя, когда онъ былъ по преимуществу художникомъ-бытописателемъ, и религіозныя, нравственныя и общественныя идеи были для него, сравнительно съ художественнымъ воспроизведеніемъ дѣйствительности, на второмъ планѣ.

Намъ хотѣлось бы познакомить читателей съ основными выводами

и характеромъ изложенія г. Котляревскаго. Но сдѣлать это, по отношенію ко всей книгѣ, не особенно легко. Построенная чрезвычайно законченно и отчетливо, отличаясь тою степенью стройности, которую жаль разрушать сокращеннымъ изложеніемъ, она не особенно поддается пересказу, и мы ограничимъ свою задачу тѣмъ, что остановимся лишь на нѣкоторыхъ наиболѣе, по нашему мнѣнію, интересныхъ сторонахъ, посвященныхъ, съ одной стороны, характеристикѣ современной Гоголю литературы, а съ другой—заключительнымъ выводамъ автора.

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ, когда Гоголь только вступалъ на литературное поприще, критическая мысль шла впереди художественной, и прежнія литературныя традиціи, классическія, сентиментальныя и романтическія, были уже подорваны критикой. Послѣдняя, еще съ середины двадцатыхъ годовъ, стала предъявлять опредѣленныя требованія къ литературѣ, сводившіяся къ установленію самобытныхъ сюжетовъ и національныхъ пріемовъ въ творчествѣ. Изъ молодыхъ критиковъ того времени выдавались—Кюхельбекеръ (въ „Мнемозинѣ"), Александръ Бестужевъ (альманахъ „Полярная Звѣзда"), Веневитиновъ („Московскій Вѣстникъ"), Сомовъ и кн. Вяземскій (въ „Московскомъ Телеграфѣ"), позже—И. В. Кирѣевскій (въ „Европейцѣ), Полевой (въ „Московскомъ Телеграфѣ"), Надеждинъ (въ „Телескопѣ"). Критики судили съ различныхъ точекъ зрѣнія, но совпадали въ конечномъ выводѣ. Авторъ формулируетъ послѣдній такимъ образомъ: „Содержаніе и форма русской словесности не соотвѣтствуетъ тому положенію, которое Россія заняла среди иныхъ цивилизованныхъ націй міра и не соотвѣтствуетъ также тѣмъ національнымъ формамъ быта и тому національному смыслу, который, безспорно, заключенъ въ нашей народной и государственной жизни. Мы—нація съ физіономіей самобытной, нація, развившаяся иначе, чѣмъ другія, и уже имѣющая нѣкоторыя заслуги передъ культурнымъ міромъ, и тѣмъ не менѣе отраженіе нашей жизни въ искусствѣ до сихъ поръ было и остается пародіей искусства западнаго, несмотря на присутствіе среди насъ большихъ талантовъ, обѣщающихъ многое въ будущемъ. У насъ нѣтъ ни силы, ни умѣнья провести нашу національную идею въ нашемъ художественномъ творчествѣ, отлить ее въ самобытную форму: въ художникахъ нашихъ совсѣмъ еще не развито чутье народности"... Таковъ былъ приговоръ тогдашней критики.

Этотъ приговоръ былъ не вполнѣ справедливъ, такъ какъ нельзя было отнимать у писателя званіе „народнаго" только потому, что онъ былъ подражателемъ въ сюжетѣ или формѣ своихъ произведеній, и въ смыслѣ выраженія чувствъ и настроеній опредѣленныхъ круж-

ковъ „русской“ интеллигенціи своего времени, были одинаково народны и Батюшковъ, и Жуковскій. Но критика была безусловно права въ томъ отношеніи, что наша словесность, дѣйствительно, очень мало отражала нашу дѣйствительность, предпочитая ей иные вѣка и бытъ иныхъ народовъ. Искусство давало слишкомъ блѣдное представленіе о той сложной, пестрой и разнообразной по идеямъ, чувствамъ и настроеніямъ жизни, которой жили разные классы нашего общества. Заслуга Гоголя, вмѣстѣ съ Пушкинымъ, Гоголя—„нашего перваго реалиста въ искусствѣ“,—и стоитъ въ непосредственной связи съ вопросомъ объ отраженіи нашей жизни въ литературѣ.

„А наша дѣйствительность тѣхъ лѣтъ,—говоритъ авторъ,—могла по праву горевать о томъ, что было такъ мало художниковъ, ея достойныхъ.

„Это была дѣйствительность, отливавшая самыми разнообразными оттѣнками мысли и чувства. Вѣкъ дѣятельный и тревожный, за которымъ слѣдовала эпоха сосредоточеннаго раздумья—иной разъ очень печальнаго. Вѣкъ броженія идей и подъема чувствъ, и затѣмъ годы замиренія и притиханія ума и сердца.

„Эпоха Александра I могла въ особенности дать много матеріала для историка, психолога и художника“...

Давъ сжатую, но яркую и образную характеристику Александровской эпохи, авторъ ставитъ вопросъ: какъ же воспользовался всѣмъ этимъ матеріаломъ художникъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ? „Онъ, свидѣтель царствованія Александра и свидѣтель первыхъ годовъ новаго царствованія, уловилъ ли онъ смыслъ или хотя бы только внѣшнюю форму того историческаго процесса, который передъ нимъ развернулся?“

Завѣщанная XVIII вѣкомъ тенденція сближенія искусства съ жизнью не исчезла и въ началѣ XIX, но развитіе ея не соотвѣтствовало тому приросту литературныхъ силъ, который появился въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ. Талантовъ явилось много и даже сильныхъ, но изъ нихъ склонность къ реальному возсозданію нашей жизни обнаружили немногіе, притомъ наиболѣе слабые: даровитые писатели либо заимствовали сюжетъ изъ жизни не-русской и не-современной, либо уходили въ изображеніе своихъ личныхъ ощущеній.

Для доказательства своего положенія авторъ останавливается на значеніи дѣятельности Крылова, Жуковскаго, Батюшкова, Грибоѣдова, Пушкина и цѣлой плеяды нынѣ уже забытыхъ писателей, Нарѣжнаго, Полевого, Марлинскаго, Булгарина, Бѣгичева и др. Мѣткими и рѣзкими штрихами очерчена роль Грибоѣдова въ уясненіи историческаго смысла эпохи. „Важна въ данномъ смыслѣ, — говоритъ авторъ, — не столько яркая типичность нѣкоторыхъ дѣйствующихъ

лицъ, какъ, напр., московскаго барина, въ которомъ сановитое чиновничество соединилось съ нѣкоторой аристократической распущенностью помѣщика, или его пріятеля, полковника аракчеевской выправки ума и тѣла, или его гостей — этихъ рѣдкихъ экземпляровъ дворянской кунсткамеры, или, наконецъ, его секретаря—чиновника изъ лакеевъ или лакея изъ чиновниковъ; важнѣе всѣхъ этихъ живыхъ портретовъ то изумительное пониманіе современной минуты, которое выказалъ Грибоѣдовъ, когда всѣмъ этимъ сложившимся и опредѣленнымъ цѣльнымъ типамъ, всѣмъ этимъ олицетвореніямъ общественной неподвижности, онъ противопоставилъ типъ совсѣмъ неустановившагося молодого человѣка, выразителя стремленій и думъ молодежи. Пониманіе эпохи и выразилось, главнымъ образомъ, въ недоговоренности и нецѣльности этого молодого типа, въ которомъ соединены, какъ въ фокусѣ, всѣ нити тогдашней молодой мысли, мысли иногда противорѣчивой и неясной, но зато дѣйствительно современной. Чацкій—и славянофилъ, и западникъ, и сентименталистъ, и человѣкъ скептическаго и холоднаго разсудка, и вмѣстѣ съ тѣмъ экзальтированный юноша, т.-е. въ немъ, какъ въ сводномъ типѣ, соединены противорѣчія, которыя въ живомъ лицѣ непонятны, но въ типѣ сводномъ могутъ быть вполнѣ истолкованы и соглашены. Онъ—выразитель броженія молодыхъ чувствъ и идей, поставленный среди лицъ съ установившимися неподвижно взглядами и понятіями, и этотъ контрастъ былъ, дѣйствительно, однимъ изъ любопытныхъ историческихъ контрастовъ того времени. Грибоѣдовская комедія первая его отмѣтила и первая заставила о немъ подумать".

Характеристикъ, подобныхъ приведеннымъ, не мало въ книгѣ г. Котляревскаго. Въ нихъ сказывается не только опытный изслѣдователь, но и тонкій любитель литературы, надѣленный лично недюжиннымъ художественнымъ дарованіемъ.

Художественное дарованіе въ ученомъ изслѣдователѣ имѣетъ свои особенности, среди которыхъ нерѣдко видную роль играетъ нѣкоторая неуравновѣшенность, неровность, такъ сказать, въ распредѣленіи темперамента, поскольку послѣдній отражается на ходѣ ученаго изслѣдованія. Это сказывается мѣстами и въ книгѣ Н. А. Котляревскаго, но особенно это можно подмѣтить на характеристикѣ Пушкина, въ его отношеніяхъ къ реализму въ нашей литературѣ. Какъ это ни странно съ перваго взгляда, характеристика Пушкина вышла у автора блѣдной и далеко не полной. По отзыву г. Котляревскаго, Пушкинъ, при своей замѣчательной способности на все въ мірѣ откликаться, всего рѣже откликался, какъ художникъ, на за-

просы современной ему русской жизни. Авторъ отграничиваетъ понятіе „какъ художникъ“ отъ работъ Пушкина въ качествѣ критика, историка и публициста. Но именно по отношенію къ Пушкину такое разграниченіе невозможно. Если взять дѣятельность Пушкина, въ ея цѣломъ, не исключая его богатѣйшей переписки, какъ это авторъ дѣлаетъ относительно Гоголя, то трудно будетъ согласиться съ тѣмъ положеніемъ, что Пушкинъ избѣгалъ современныхъ темъ и неохотно брался за изображеніе дѣйствительности, и что—„во всемъ, что̀ Пушкину пришлось обнародовать до появленія произведеній Гоголя, современность была слабо представлена“. Знаменательно было уже и то обстоятельство, что въ художникѣ все время не переставалъ сказываться публицистъ, искавшій выраженія тѣмъ идеямъ и фактамъ дѣйствительности, о которыхъ съ большей свободой и непосредственностью можно было бы говорить безъ границъ и неизмѣнныхъ условностей поэтическаго изложенія. Можно согласиться, пожалуй, съ тѣмъ, что̀ если Пушкинъ, тѣмъ не менѣе, не сдѣлалъ всего, что̀ онъ могъ бы сдѣлать, судя по неконченнымъ работамъ, то, какъ говоритъ авторъ,—„тому были психологическія и иныя причины“;—вѣрнѣе—*иныя* и психологическія, а среди этихъ *иныхъ* причинъ играла не послѣднюю, если не первую роль—тяжесть политическихъ и общественныхъ условій, давившая его несравненно сильнѣе, чѣмъ позже Гоголя. Только значительно приподнявъ оцѣнку того, что̀ было сдѣлано Пушкинымъ въ области художественной дѣятельности, можно было бы принять слова автора о томъ, что „такое позднее (посмертное) появленіе нѣкоторыхъ изъ его произведеній, написанныхъ съ удивительнымъ пониманіемъ дѣйствительности, не вознаграждало нашъ реализмъ въ искусствѣ за ту потерю, которую онъ понесъ отъ незнакомства съ этими опытами Пушкина въ свое время, когда онъ, этотъ реализмъ, боролся за свое существованіе“.

Останавливаясь на писателяхъ второстепенныхъ, авторъ считается съ ними, поскольку ихъ сочиненія давали бытописательный матеріалъ. „Этотъ матеріалъ,—замѣчаетъ онъ,—изъ жизни дѣйствительной подбирался нашими писателями съ разными цѣлями, не всегда только художественными“. Такъ, прежде всего въ романѣ Измайлова „Евгеній“ на первомъ планѣ стояла дидактическая цѣль; позже нѣсколько выступилъ Карамзинъ. Попытки реальнаго романа у Нарѣжнаго и затѣмъ Булгарина, особенно у перваго, вышли уже гораздо серьезнѣе. Характеристика Нарѣжнаго, долгое время не пользовавшагося вниманіемъ критики, принадлежитъ къ числу наиболѣе удачныхъ у г. Котляревскаго. Нарѣжный былъ талантливый, вдумчивый и смѣлый писатель. „Разсматривая ихъ (нравоописательные романы Нарѣжнаго), какъ историческій памятникъ, мы убѣждаемся, что Нарѣжный обла-

далъ большимъ чутьемъ дѣйствительности, и что ему удалось освѣтить въ своихъ романахъ такія стороны жизни, которыхъ не касались его современники"... „Его романъ („Два Ивана") отнюдь не былъ „забавнымъ" романомъ, несмотря на массу истинно-комическихъ подробностей, даже балаганныхъ сценъ, которыми авторъ испестрилъ свою повѣсть. По основной идеѣ это была сатира соціальная, въ которой писатель гнался за правдоподобностью, за вѣрными бытовыми красками, за оригинальностью въ языкѣ". Умѣя отличать въ нашей жизни существенное отъ случайнаго, Нарѣжный—„былъ явленіемъ рѣдкимъ, и среди нашихъ позднѣйшихъ реалистовъ Николаевской эпохи мы не найдемъ достойнаго ему по смѣлости замѣстителя".

Безпристрастная оцѣнка дана г. Котляревскимъ знаменитому Булгарину. „Онъ, какъ литераторъ,—говоритъ авторъ,—имѣлъ свои безспорныя заслуги, и нелюбовь къ нему, какъ къ человѣку, не должна мѣшать правильной оцѣнкѣ его дѣятельности какъ журналиста и писателя". Но для роста литературы Булгаринъ сдѣлалъ мало. „Многое въ данномъ случаѣ зависѣло отъ темперамента самого писателя: Булгаринъ былъ по природѣ своей человѣкъ трусливый, который всегда боялся сказать не у мѣста что-нибудь лишнее. Настоящаго темперамента сатирика въ немъ не было, не много было и чисто литературнаго таланта. Всего вѣрнѣе будетъ, если мы его отчислимъ въ группу сентименталистовъ, проповѣдниковъ обыденной несложной морали, привыкшей имѣть дѣло съ самыми будничными добродѣтелями". Гораздо богаче содержаніемъ были статейки Полевого, собранныя имъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ въ „Новомъ живописцѣ общества и литературы". Злая и мѣткая шутка надъ очень серьезными сторонами жизни—вотъ ихъ главное достоинство.

Истинный реализмъ началъ проявляться въ литературѣ достаточно ясно, но—„критика не замѣтила и не оцѣнила его по достоинству". Тѣмъ не менѣе, попытки реальнаго воспроизведенія нашей тогдашней жизни свое дѣло сдѣлали: „онѣ подготовляли общество къ достойной встрѣчѣ истиннаго таланта, въ созданіяхъ котораго ихъ тенденція настоящаго реализма и народности должна была восторжествовать окончательно... и такой талантъ на заставилъ себя ждать долго".

Это былъ Гоголь.

Выяснивъ, такимъ образомъ, критическіе взгляды, существовавшіе въ концѣ двадцатыхъ и началѣ тридцатыхъ годовъ, и подготовительную работу писателей-реалистовъ, г. Котляревскій переходитъ къ творчеству Гоголя и послѣдовательно разсматриваетъ одно произведеніе за другимъ. Здѣсь авторъ не столько интересуется фактической стороной произведенія, исторіей его текста и совпаденіями въ сюже-

тахъ съ другими писателями, сколько тѣмъ внутреннимъ міромъ, въ которомъ жилъ художникъ въ періодъ созданія того или другого произведенія, смѣной и борьбой настроеній и идей, оставившей слѣдъ въ творчествѣ. Изслѣдуя „Вечера на хуторѣ", авторъ отмѣчаетъ въ нихъ смѣшеніе романтизма съ реализмомъ, фантастическій элементъ, идеализацію, отступленія отъ бытовой правды. Біографія, игравшая столь видную роль въ творчествѣ поэта, естественно входитъ въ изложеніе автора, но не выступаетъ на первый планъ, являясь лишь необходимымъ матеріаломъ для поясненія особенностей творчества, внутренняя исторія котораго даетъ основное содержаніе всѣмъ послѣдующимъ главамъ книги. За разсказомъ о петербургскомъ періодѣ жизни, отмѣченномъ колебаніями въ пріемахъ творчества, когда Гоголь былъ „романтикомъ-энтузіастомъ въ борьбѣ съ бытописателемъ-юмористомъ", причемъ послѣдній взялъ верхъ (въ этотъ періодъ) надъ первымъ, слѣдуетъ характеристика взглядовъ Гоголя на искусство, въ которыхъ уже наглядно сказался разладъ мечты и дѣйствительности, какъ онъ отразился въ такихъ повѣстяхъ, какъ „Портретъ", „Невскій Проспектъ", „Записки Сумасшедшаго", и статьяхъ объ искусствѣ.

Говоря объ увлеченіи Гоголя исторіей и произведеніяхъ этого періода, авторъ даетъ попутно очеркъ нашей исторической повѣсти, останавливаясь на главнѣйшихъ видахъ этого рода литературныхъ произведеній, съ тѣмъ, „чтобы указаніемъ на ихъ достоинства и недостатки лучше оцѣнить то преимущество, которое надъ всѣми ними имѣетъ разсказъ Гоголя". Здѣсь отмѣчаются снова—Нарѣжный, Марлинскій, охарактеризованный въ этомъ случаѣ „если не отсутствіемъ, то меньшимъ подчеркиваньемъ всевозможныхъ патріотическихъ тенденцій"; затѣмъ Загоскинъ, съ своимъ „фальшивымъ" Юріемъ Милославскимъ, Лажечниковъ, Полевой. Въ этотъ періодъ Гоголь, по словамъ автора,—„какъ печальникъ о разладѣ мечты и дѣйствительности, какъ мечтатель-поэтъ, которому трудно отвѣтить на вопросъ—чему служитъ его вдохновеніе, въ чемъ заключена его тайна и его земное назначеніе, наконецъ, какъ любитель старины, въ которой онъ искалъ не безпристрастной истины, а подтвержденія своихъ думъ и симпатій, Гоголь тридцатыхъ годовъ—сынъ своего романтическаго поколѣнія.

„Но въ немъ одновременно созрѣвалъ творецъ иного литературнаго направленія, отъ развитія котораго наше самосознаніе должно было такъ много выиграть впослѣдствіи". Послѣдовательному изложенію процесса выработки въ писателѣ этого новаго, истинно-реальнаго направленія, посвящены остальныя главы изслѣдованія Н. А. Котляревскаго. Особенное значеніе имѣютъ его положительно блестящія страницы по вопросу о томъ, кого слѣдуетъ признать отцомъ нашего реальнаго романа: Пушкина, Лермонтова или Гоголя? Авторъ

рѣшаетъ его такимъ образомъ: Пушкинъ былъ первый по времени, достигшій сочетанія правды съ жизнью, а Гоголь—по полнотѣ и широтѣ изображенія дѣйствительности. „Картина русской жизни, набросанная нашимъ сатирикомъ, была несравненно полнѣе и шире, чѣмъ все, что̀ было въ этомъ направленіи создано его предшественниками и современниками. Только прочитавъ Гоголя, мы могли сказать, что ознакомились со многими страницами той, еще до сей поры не дочитанной книги, которая называется русской жизнью".

Работа г. Котляревскаго важна также и въ томъ отношеніи, что она пролагаетъ новые пути для послѣдующихъ изыскателей и открываетъ широкія перспективы для новыхъ точекъ зрѣнія. Дальнѣйшая разработка творчества Гоголя, быть можетъ, не остановится передъ неразрѣшимостью задачи, которую представляютъ собой жизнь и творчество писателя въ послѣднія десять лѣтъ его жизни, и докажутъ ту a priori кажущуюся истину, что въ немъ Россія имѣла честнѣйшаго сына своей родины, положившаго всѣ силы на то, чтобы сдѣлать свой талантъ орудіемъ служенія высшимъ идеаламъ общества, независимо отъ его личнаго пониманія этихъ идеаловъ. И книга г. Котляревскаго поможетъ рѣшить эту задачу.

Немаловажное значеніе имѣетъ и трудъ проф. Овсянико-Куликовскаго, не вполнѣ, какъ можно думать, законченный и разработанный въ деталяхъ. Важны общія соображенія, и особенно методъ изслѣдованія, своеобразный, непосредственно изслѣдующій творчество писателя въ его существѣ. Работу эту слѣдуетъ имѣть въ виду, читая книгу г. Котляревскаго, но и сама она нуждается въ общемъ историческомъ отвѣщеніи, которое въ ней, сообразно цѣлямъ автора, почти отсутствуетъ.

Этюдъ г. Овсянико-Куликовскаго открывается общимъ разсужденіемъ о художественномъ методѣ Гоголя. Для выясненія послѣдняго авторъ сопоставляетъ его съ тѣмъ, какъ творилъ Пушкинъ. Дѣля писателей на художниковъ-наблюдателей, преслѣдующихъ *правдивое* изображеніе жизни такою, какъ она есть, и художниковъ-экспериментаторовъ, дающихъ въ своихъ произведеніяхъ субъективно созданный *нарочитый подборъ извѣстныхъ чертъ*, въ особомъ освѣщеніи, благодаря чему изучаемая художникомъ сторона жизни выступаетъ такъ ярко и отчетливо, что ея смыслъ становится понятенъ всѣмъ,—авторъ видитъ высшій образецъ первыхъ въ Пушкинѣ, а въ Гоголѣ—высшій образецъ вторыхъ. Художникъ-экспериментаторъ, вызвавшій

у Пушкина скорбный возгласъ: „Боже, какъ грустна наша Россія!“ при чтеніи отрывка „Мертвыхъ Душъ“, по самой натурѣ своей долженъ былъ представлять, какъ геній жизнерадостный и уравновѣшенный, прямую противоположность Гоголю, натурѣ неровной, болѣзненно-воспріимчивой и неясной.

Авторъ даетъ такую общую характеристику Гоголю: „сосредоточенный и замкнутый въ себѣ, неэкспансивный, склонный къ самоанализу и самобичеванію, предрасположенный къ меланхоліи и мизантропіи, натура неуравновѣшенная, Гоголь смотрѣлъ на Божій міръ сквозь призму своихъ настроеній, большею частью очень сложныхъ и психологически-темныхъ, и видѣлъ ярко и въ увеличенномъ масштабѣ преимущественно все темное, мелкое, пошлое, узкое въ человѣкѣ. Кое-что изъ этого порядка отрицательныхъ явленій онъ усматривалъ и въ себѣ самомъ—и тѣмъ живѣе и болѣзненнѣе отзывался онъ на эти впечатлѣнія, идущія отъ другихъ, отъ окружающей среды. Онъ изучалъ ихъ одновременно и въ себѣ, и въ другихъ. Находя въ себѣ нѣкоторые недостатки или „мерзости“, какъ онъ выражается, онъ ихъ приписываетъ своимъ героямъ, а съ другой стороны, чужія „мерзости“, изображенныя въ герояхъ, онъ сперва, такъ сказать, примѣрялъ къ себѣ, навязывалъ себѣ, чтобы лучше вглядѣться въ нихъ и глубже постичь ихъ психологическую природу. Это были своеобразные пріемы экспериментальнаго метода въ искусствѣ“.

Гоголь постоянно, съ ранняго дѣтства, производилъ *опыты* надъ людьми. Онъ даже ссорился, какъ извѣстно, съ своими друзьями, съ единственной цѣлью заставить ихъ высказаться о себѣ и посмотрѣть на нихъ въ гнѣвѣ. Въ этомъ сказывались моралистъ и художникъ въ одно и то же время. Этика и искусство шли у него рядомъ. Движеніями души человѣческой онъ не переставалъ интересоваться никогда. Постоянно просилъ онъ друзей сообщать ему мелочи жизни и обстановки, характеристики-портреты знакомыхъ, отмѣчая въ нихъ типическія черты. Для него въ душѣ и сердцѣ человѣческомъ было столько неуловимыхъ оттѣнковъ и излучинъ, что каждый день могли случаться открытія и откровенія. Но не вся русская жизнь, въ ея цѣломъ, была предметомъ художественныхъ стремленій Гоголя, но лишь русскій человѣкъ, въ собирательномъ смыслѣ, психологія русскаго человѣка, тѣ ея вопросы, которые онъ опредѣлялъ терминомъ „душевное дѣло“. Въ одномъ изъ писемъ къ П. А. Плетневу онъ говорилъ, что ему былъ издавна дарованъ Богомъ драгоцѣнный даръ *слышать душу* человѣка. Эта экспериментирующая сторона Гоголевской натуры многое объясняетъ въ писателѣ и, между прочимъ, тѣ недоразумѣнія, которыя постоянно возникали у него съ друзьями.

Чрезвычайно интересны соображенія автора объ умѣ Гоголя. От-

мѣчая одно изъ многихъ противорѣчій Гоголя, именно то, что, съ одной стороны, въ его жизни видна упорная и неустанная работа ума, а съ другой—несомнѣнные признаки умственной лѣни, г. Овсянико-Куликовскій опредѣляетъ его, какъ человѣка мыслящаго, работающаго головою, характернымъ терминомъ: „трудолюбивый лѣнивецъ". При логической непримиримости этихъ понятій, психологически авторъ объясняетъ ее такъ, что это противорѣчіе вытекаетъ изъ основныхъ свойствъ ума человѣческаго, изъ тѣхъ психологическихъ особенностей, которыми сфера мысли отличается отъ другихъ сферъ психики,—отъ чувства и воли. По самой своей природѣ умъ—постоянный работникъ, работающій неустанно, какъ часы. Но онъ неохотно мѣняетъ направленіе и ходъ своей работы, неохотно расширяетъ свой кругозоръ, пріобрѣтаетъ новые интересы. Ему свойственна извѣстнаго рода консервативность.

Природа награждаетъ нѣкоторыхъ „счастливо организованными" умами, одаренными исключительной гибкостью и широтой умственныхъ интересовъ, открытыми всѣмъ впечатлѣніямъ и возбужденіямъ мышленія. Такіе умы радостно и бодро идутъ впередъ вмѣстѣ съ человѣчествомъ. Таковы были—Гёте и нашъ Пушкинъ, лозунгомъ котораго было—„на поприщѣ ума нельзя намъ отступать"...

Гоголь принадлежалъ къ совершенно особому типу.

Будучи современникомъ великихъ событій въ умственной и общественно-политической жизни западной Европы, гдѣ онъ такъ долго жилъ, онъ почти ничѣмъ не отозвался на нихъ и остался въ сторонѣ отъ могучаго движенія въ сферѣ европейской литературы, наукъ, искусствъ и философіи. Поэтическое наслѣдіе Гёте, Шиллера, Байрона, французская литература, съ Гюго, Ламартиномъ, Жоржъ-Зандъ, Бальзакомъ, философскія теченія, шедшія отъ Гегеля, Фихте, Шеллинга и, рядомъ съ ними, гуманитарныя и освободительныя идеи,—вся эта работа умовъ, „вся эта жизнь и роскошь духа", для Гоголя не существовала; даже интересъ къ пластическому искусству, проявившійся въ немъ, не вызвалъ сколько-нибудь значительной работы мысли, ни даже желанія познакомиться съ литературой по исторіи и теоріи искусства.

И тѣмъ не менѣе, этотъ умъ произвелъ гигантскую работу и притомъ такую, какая подъ силу только геніальному художественному уму.

Въ объясненіе этого факта авторъ указываетъ снова на ту двойственность, какая существуетъ въ умственной дѣятельности человѣка. „Всякій человѣкъ,—говоритъ онъ,—является въ жизни своей одновременно и „мыслителемъ" (у всякаго своя философія), и „ученикомъ" жизни, цивилизаціи, новыхъ идей, новыхъ сужденій и построеній, новыхъ завоеваній науки, философіи, искусства. Отношеніе въ каждомъ

изъ насъ „мыслителя“ къ „ученику“ бываетъ весьма различно: одинъ является одинаково хорошимъ „мыслителемъ“ и „ученикомъ“, другой—„хорошимъ мыслителемъ“ и плохимъ „ученикомъ“, третій—наоборотъ и т. д. Есть люди, которые всѣмъ интересуются, за всѣмъ слѣдятъ, все читаютъ, и въ результатѣ въ головѣ у нихъ получается нѣкоторая каша, которую они называютъ міросозерцаніемъ: это—хорошіе, т.-е. прилежные „ученики“ и совсѣмъ ужъ плохіе „мыслители“...

Гоголь, наоборотъ, былъ отличнымъ „мыслителемъ“ и совсѣмъ плохимъ, лѣнивымъ „ученикомъ“. Ему болѣе всего была свойственна „*обломовщина*“ ума, какъ органа познанія и движенія мысли.

Геніально-творческій умъ Гоголя былъ темный умъ. „Излишне приводить доказательства умственной темноты Гоголя,—говоритъ авторъ:—многія страницы „Выбранныхъ мѣстъ“ и писемъ слишкомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о ней (одно изъ самыхъ краснорѣчивыхъ—вѣра въ чорта). Гораздо важнѣе показать, что этотъ темный умъ былъ великій умъ и что, пребывая во тьмѣ, Гоголь иногда видѣлъ и понималъ то, чего часто не видятъ и не понимаютъ люди, вышедшіе изъ тьмы, умы просвѣщенные“... Огромный умъ Гоголя слишкомъ много тратилъ и слишкомъ скудно питался. Отсюда—недостатокъ свѣта и отсутствіе широкихъ идей.

Въ этой же главѣ авторъ существенно выясняетъ значеніе Пушкина для самосознанія Гоголя, т.-е. сторону, недостаточно оттѣненную въ предыдущей книгѣ.

Не менѣе любопытна и та часть труда г. Овсянико-Куликовскаго, которую онъ посвящаетъ психологіи отношенія Гоголя къ Руси, какъ цѣлому.

Это была прежде всего связь тяготѣнія великаго художника къ тому національному цѣлому, къ которому онъ принадлежалъ. Она сильнѣе всего ощущалась въ минуты вдохновеній, и особенно когда Русь представлялась ему изъ прекраснаго далека. Но, кромѣ общихъ, у Гоголя были и индивидуальныя пружины этой связи. Выясненіе ихъ составляетъ одно изъ интереснѣйшихъ мѣстъ книги.

Прежде всего авторъ указываетъ на то, что, несмотря на видимую замкнутость и неэкспансивность натуры, никто изъ писателей не раскрылъ намъ своей души и своихъ тайныхъ помышленій съ такой полнотою, какъ Гоголь—и не только въ интимныхъ письмахъ къ друзьямъ, но и въ печатныхъ произведеніяхъ („Авторская исповѣдь“, нѣкоторыя страницы изъ „Выбранныхъ мѣстъ“). „Въ то время, какъ въ сочиненіяхъ и письмахъ Пушкина и Тургенева едва можно набрать сотню—другую *строкъ* этого рода признаній, въ литературномъ наслѣдіи Го-

голя они занимаютъ *десятки страницъ*. Какъ согласовать его съ столь извѣстной скрытностью, неэкспансивностью Гоголя?"

Противорѣчіе полное, но авторъ устраняетъ его слѣдующимъ соображеніемъ.

По особенностямъ душевнаго склада и субъективному характеру творчества, центромъ, вокругъ котораго вращались всѣ интересы Гоголя, было его внутреннее „я". Натура *эгоцентрическая*, Гоголь былъ всегда „полонъ собою", всегда носился съ собою и невольно, повинуясь внутреннему импульсу, разсказывалъ о себѣ, живя по преимуществу рефлексіей своего внутренняго бытія. Такое положеніе многое уясняетъ въ Гоголѣ, въ особенности въ отношеніи его душевныхъ мукъ. „Слишкомъ центральное положеніе человѣческаго „я" есть бремя неудобоносимое, — говоритъ авторъ. — Вниманіе, напряженно устремленное внутрь, утомляется скорѣе и больше, чѣмъ вниманіе, обращенное къ внѣшнему міру. Ибо и темно, и тревожно въ душѣ человѣческой, и взоръ, прикованный къ ея микрокосму, смотритъ въ темноту и по необходимости становится игралищемъ всего, что̀ тамъ залежалось, что̀ тамъ глухо бродитъ, что̀ прячется,—разныхъ болѣе или менѣе допотопныхъ понятій, спящихъ въ безсознательной сферѣ духа, различныхъ иллюзій сознанія и тайныхъ самообмановъ чувствъ, имѣющихъ свой смыслъ и свою душевную правду, пока они скрыты, и становящихся ложью, когда обнаружены".

Такъ было и съ Гоголемъ. Высказаться, „исповѣдаться", и притомъ публично, было для него, какъ для натуры крайне эгоцентричной, глубокой душевной потребностью.

Его „эгоцентризмъ" искалъ проявить свое „я" не только въ творчествѣ, но еще въ чемъ-то иномъ, важномъ и достойномъ и его, и его призванія. Авторъ опредѣляетъ это другое „осуществленіемъ общественной стоимости" человѣка, понимая подъ этимъ то, что̀ испытываетъ человѣкъ, чувствуя себя величиной общественной и звеномъ въ психологической цѣпи, связующей людей въ организованное соціальное цѣлое. Если онъ не чувствуетъ этого, то его общественная стоимость не можетъ считаться осуществленной. Такимъ образомъ, по автору, осуществленіе общественной стоимости предполагаетъ: а) общественное значеніе дѣятельности человѣка; б) признаніе этого значенія обществомъ; в) сознаваніе личностью, что она—величина общественная.

Симптомомъ стремленія осуществить свою общественную стоимость является честолюбіе. У Гоголя оно было безгранично, вытекая не только изъ инстинктивнаго стремленія—быть писателемъ-художникомъ, но и писателемъ-гражданиномъ, непосредственно вліяющимъ на общество. Этотъ выводъ автора особенно цѣненъ въ его изслѣдованіи; онъ

не новъ, но здѣсь его аргументація въ высшей степени наглядна и убѣдительна.

Когда Гоголь увидѣлъ значеніе своего творчества, онъ безсознательно, инстинктивно „ухватился“ за свое великое національное значеніе, какъ за суррогатъ общественнаго значенія,—„онъ, смѣшавъ національное съ общественнымъ, сталъ смотрѣть на свое дѣло художника, какъ на орудіе осуществленія своей общественной стоимости. Работая надъ „Мертвыми Душами“ и поэтически созерцая Русь изъ прекраснаго далека, онъ лелѣялъ мысль или, скорѣе, иллюзію, будто тѣмъ самымъ онъ становится непосредственнымъ участникомъ общественной (въ обширномъ смыслѣ) жизни своего отечества, входитъ органическимъ звеномъ въ ту соціальную среду, которую онъ называлъ „Русью“.

Эта „Русь“ понималась имъ по преимуществу какъ *государство*, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше становилась для него тою государственно-національной средою, гдѣ онъ стремился стать единицей и даже *дѣйствующей силой*, орудіемъ которой должна была служить моральная проповѣдь.

Въ послѣдующихъ главахъ, столь же глубоко интересныхъ и блестяще построенныхъ, авторъ анализируетъ „душевное дѣло“ Гоголя, его мораль и мистику, останавливается на вопросѣ о національномъ, общерусскомъ значеніи его и въ заключеніе—даетъ этюдъ по психологіи геніальности писателя.

Тонкій психологическій анализъ, отчетливость метода и ясность изложенія—таковы основныя достоинства книги г. Овсянико-Куликовскаго, книги, которая составитъ цѣнный и крупный вкладъ въ литературу о Гоголѣ.

Опытъ удачной общей характеристики Гоголя сдѣланъ въ небольшой брошюрѣ В. В. Каллаша: „Основныя черты личности и творчества Н. В. Гоголя“. Сжато, но выпукло отмѣчено все существенное, изъ чего слагается трагическій образъ Гоголя — комика и юмориста. „Реализмъ и юморъ, какъ и лиризмъ—племенное достояніе у Гоголя; ихъ закрѣпляли у него природа и привычка. Они сильны у него еще до сближенія съ Пушкинскимъ кружкомъ, и поэтому-то Гоголь такъ свободно идетъ на встрѣчу его реалистическимъ тенденціямъ, такъ быстро становится съ нимъ въ ногу и такъ легко обгоняетъ большинство его представителей—въ періодъ „Ревизора“ и „Мертвыхъ Душъ“.

Авторъ не согласенъ съ тѣмъ значеніемъ, которое придаютъ обыкновенно вліянію, произведенному на Гоголя Пушкинымъ и его кружкомъ.

„Кто хоть немного знакомъ съ перепиской Гоголя, — говоритъ по этому поводу авторъ, — тотъ знаетъ, что еще съ дѣтства онъ очень высоко ставилъ свое призваніе, понималъ всю исключительность своей натуры и все величіе своей будущей общественной роли. Послѣ нѣсколькихъ колебаній и шатаній, еще до сближенія съ Пушкинымъ, онъ, такъ сказать, спеціализируется на литературѣ и сразу же выдвигается въ первые ряды писателей“...

Однако, фактъ значительности этого вліянія засвидѣтельствованъ тою же перепиской, и самъ г. Каллашъ признаетъ, что „своими совѣтами Пушкинъ заставилъ своего молодого собрата пополнить нѣкоторые вопіющіе пробѣлы своего образованія, научнаго и литературнаго, взяться за болѣе крупные сюжеты, вполнѣ сознать основную особенность своего таланта“. Здѣсь далеко еще не все, что далъ Пушкинъ своему геніальному собрату, но и этого совершенно достаточно, чтобы признать за вліяніемъ Пушкина фактъ весьма знаменательный для Гоголя.

Для насъ же знаменательно то, что критическая разработка твореній Гоголя (равно какъ и Пушкина) вступила въ тотъ фазисъ своего развитія, въ которомъ широкое обобщеніе уже можетъ идти рядомъ съ анализомъ, идущимъ все глубже и глубже, содѣйствуя въ той же мѣрѣ изученію творчества писателя, какъ и росту историческаго самосознанія общества. Въ этомъ отношеніи за каждымъ изъ названныхъ авторовъ, въ связи съ общимъ характеромъ ихъ работъ, запишется въ исторіи русской литературы немаловажная заслуга.

Наша замѣтка объ изданіяхъ, посвященныхъ Гоголю, была бы неполна, еслибы мы не упомянули о научно-литературномъ сборникѣ „Памяти Гоголя“, изданномъ „Историческимъ обществомъ Нестора-лѣтописца“, подъ редакціей Н. П. Дашкевича. По обширности и разнообразію матеріала, этотъ сборникъ долженъ занять выдающееся мѣсто въ ряду юбилейныхъ изданій.

Въ началѣ помѣщенъ не лишенный своеобразнаго интереса отчетъ о чествованіи „Историческимъ обществомъ Нестора-лѣтописца“ памяти Гоголя, въ день пятидесятилѣтія со дня его смерти. Чествованіе это было нарушено многими обстоятельствами, не имѣвшими никакого отношенія ни къ наукѣ, ни къ литературѣ. Предполагалось устройство торжественнаго засѣданія и ряда лекцій о Гоголѣ, но высшее мѣстное учебное начальство, „въ силу мѣстныхъ и временныхъ обстоятельствъ“ (уличныхъ демонстрацій и студенческихъ волненій), не нашло

возможнымъ разрѣшить чествованіе Гоголя въ стѣнахъ университета и тамъ же читать о немъ лекціи. Хотя нѣсколько лекцій и было прочитано, послѣ разнообразныхъ затрудненій, въ Биржевомъ залѣ, но они, „по независящимъ отъ общества и лекторовъ обстоятельствамъ", привлекли сравнительно ограниченное количество слушателей. Обществу пришлось, такимъ образомъ, отказаться отъ предположеннаго торжественнаго засѣданія, и оно ограничилось напечатаніемъ составленныхъ для него рѣчей, которыя и образовали „Гоголевскій сборникъ".

Изъ многочисленныхъ статей о Гоголѣ, вносящихъ новыя и нерѣдко интересныя соображенія въ объясненіе творчества писателя, назовемъ статьи гг.: Шаровольскаго („Юношеская идиллія Гоголя"), Петрова („Южно-русскій народный элементъ въ раннихъ произведеніяхъ Гоголя"), Марковскаго („Исторія возникновенія и созданія „Мертвыхъ Душъ"), Лободы („Комедіи Гоголя въ связи съ развитіемъ русской комедіи" и другими его произведеніями), Дашкевича („Значеніе мысли и творчества Гоголя"), Александровскаго („Гоголь и Бѣлинскій") и др.

Въ интересной статьѣ о научныхъ и литературныхъ произведеніяхъ Гоголя, по исторіи Малороссіи г. Каманинъ приходитъ къ заключенію, на основаніи разбора мнѣній Скабическаго, Тихонравова и др., что эти произведенія Гоголя были поняты и правильно оцѣнены только Пушкинымъ, Бѣлинскимъ и Максимовичемъ,—„тѣ же изслѣдователи, которые занялись болѣе обстоятельно изученіемъ историческихъ статей и повѣстей Гоголя, приступили къ нимъ безъ достаточной подготовки и знакомства съ источниками южно-русской исторіи и съ недобрымъ чувствомъ подозрительности къ поэту".

Въ статьѣ „Н. В. Гоголь, какъ эпическій писатель", г. Малининъ характеризуетъ „рѣшительное" вліяніе Гоголя, продолжающееся до нашихъ дней. Заслуга эта выражается въ закрѣпленіи реализма и народности въ литературѣ, въ расширеніи содержанія литературнаго творчества и въ утвержденіи господствующаго значенія за нѣкоторыми этическими и драматическими формами литературы. Указывая на отношеніе къ Гоголю Щедрина, Некрасова и Островскаго, авторъ говоритъ: „вліяніе творчества Гоголя, впрочемъ, далеко выступаетъ изъ границъ той литературы, которую мы обычно относимъ къ сатирической—по принятой литературной теоріи. Въ генетической связи съ творчествомъ Гоголя стоитъ направленіе, а отчасти и содержаніе литературной дѣятельности Достоевскаго. Замѣтно бросается въ глаза аналогія между исторіею творчества Н. В. Гоголя и Л. Н. Толстого. У того и другого религіозные вопросы сдѣлались преобладающимъ предметомъ мысли и творчества въ послѣдніе годы ихъ жизни. Впрочемъ, въ обоихъ случаяхъ можетъ и вовсе не существовать гене-

тической связи, а сказываться лишь свойство дарованія обоихъ писателей и значеніе эпохи, которая выдвигаетъ извѣстные вопросы. Точно такъ же трудно сказать, въ какой мѣрѣ „Война и Миръ", эта эпопея изъ русской исторіи XIX вѣка, была навѣяна эпопеей Гоголя „Тарасъ Бульба"; но едва ли можно оспаривать, что реализмъ Толстого опредѣлился не безъ вліянія творчества Гоголя. Даже такіе представители нашей литературы, какъ Тургеневъ и Гончаровъ, считавшіе своимъ учителемъ Пушкина, испытали на себѣ вліяніе творчества Гоголя. Иначе и быть не могло: послѣдующія явленія литературы и жизни есть порожденіе совокупности явленій предшествующихъ. Геній Гоголя, своеобразность и съ тѣмъ вмѣстѣ высокая жизненность его произведеній такъ очевидны для людей, одаренныхъ художественнымъ чутьемъ, что остаться внѣ вліянія ихъ было прямо невозможно. Тургеневъ говоритъ о себѣ, что сочиненія Гоголя онъ зналъ чуть не наизусть. Онъ же прибавляетъ, что „нынѣшнимъ молодымъ людямъ даже трудно растолковать обаяніе, окружавшее тогда имя Гоголя. Поэтому возможно допустить, что „Записки Охотника" Тургенева, какъ обращеніе къ воспроизведенію народнаго быта, остались не безъ вліянія „Вечеровъ на хуторѣ". Мы говоримъ не объ идеѣ „Записокъ", а объ ихъ формѣ и народномъ бытѣ, какъ предметѣ разсказовъ Тургенева. По словамъ послѣдняго, „между міросозерцаніемъ Гоголя и его лежала цѣлая бездна".

Г-нъ Дашкевичъ даетъ характеристику религіозно-нравственнаго состоянія Гоголя въ послѣдніе годы его жизни. Въ общемъ итогѣ оно представляется изслѣдователю въ такомъ видѣ, что въ Гоголѣ, какъ нравственной личности, шла ожесточенная борьба двухъ началъ— эгоистическаго и альтруистическаго съ ихъ разнообразными проявленіями. Первое жило въ немъ, какъ естественное влеченіе природы, какъ стихійная сила, въ той или иной степени присущая каждому человѣку; второе выступало, какъ сознательно поставленная норма, какъ высшій идеалъ, покоящійся на религіозной основѣ. Недосягаемая высота христіанскаго идеала, въ связи съ высокой добросовѣстностью въ отношеніи къ предъявленнымъ къ себѣ нравственнымъ требованіямъ, дѣлали поставленную Гоголемъ задачу трудно достижимою, и самое стремленіе разрѣшить ее доставляло Гоголю много глубокихъ физическихъ и нравственныхъ страданій. Въ послѣднія минуты жизни Гоголь напоминаетъ собой изслѣдователю надѣленный сознаніемъ потухающій вулканъ, который чувствуетъ потребность потрясти небо и землю своими громовыми ударами, но у котораго хватаетъ силъ только для одного жалкаго шипѣнія.

„Гоголь у насъ не одинъ, — замѣчаетъ авторъ въ концѣ своей весьма интересной статьи. — Въ нашемъ недалекомъ историческомъ

прошломъ можно было бы указать не мало славныхъ дѣятелей, которые мучились муками Гоголя, которые страдали его страданіями. Но зачѣмъ намъ далеко ходить за примѣрами, когда на нашихъ глазахъ угасаетъ жизнь другого великаго писателя Русской земли, который, не найдя, подобно Гоголю, въ жизни данныхъ для воплощенія въ живыхъ образахъ томящихъ его идеаловъ, бросилъ кисть художника съ тѣмъ, чтобы хоть въ сухихъ логическихъ схемахъ выразить свои завѣтныя думы. Гдѣ же причины этого явленія? Отвѣта на этотъ вопросъ слѣдуетъ искать въ печально сложившейся исторіи нашего многострадальнаго народа. Нужно сознаться, что историческая судьба нашего народа была для него скорѣе мачихой, чѣмъ матерью родною. Вынужденный съ колыбели своей больше страдать, чѣмъ наслаждаться, русскій человѣкъ привыкъ въ этомъ горестномъ положеніи своемъ искать утѣшенія въ вѣрѣ въ другую, лучшую жизнь, гдѣ нѣтъ ни насильниковъ, ни обидчиковъ, гдѣ живетъ одна правда, гдѣ царствуетъ одна любовь"...

Къ изданію приложены нѣсколько превосходно исполненныхъ портретовъ и рисунковъ, а также каталогъ Гоголевской выставки, составленный г. Чаговцемъ.—Евг. Ляцкій.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

G. Hauptmann. Rosa Bernd. Schauspiel in 5 Akten. Berlin, 1903 (S. Fischer. Verlag).

Въ своей новой драмѣ „Роза Берндъ“ Гауптманъ отходитъ отъ сказочныхъ и фантастическихъ сюжетовъ, занимавшихъ его въ „Бѣдномъ Генрихѣ“ и въ „Потонувшемъ колоколѣ“, и изображаетъ живыя человѣческія страсти на фонѣ ярко обрисованной крестьянской жизни. Если Гауптмана въ послѣднее время упрекали за отвлеченность его символическихъ драмъ, рисующихъ въ сказочныхъ образахъ трагедію познающихъ и ищущихъ правду душъ, то новая его пьеса примиритъ съ нимъ поклонниковъ прежняго натурализма Гауптмана. Авторъ „Ткачей“ снова рисуетъ типы изъ народной среды и изображаетъ душевную драму, вызванную не столько внутренними психологическими причинами, сколько условіями жизни,—тѣмъ, что человѣку приходится отвѣчать за свои поступки не только передъ своей совѣстью, но и передъ людьми. Воздѣйствіе среды на психологію отдѣльнаго человѣка занимало Гауптмана уже въ его раннихъ психологическихъ пьесахъ, въ „Одинокихъ людяхъ“, въ „Праздникѣ мира“; теперь онъ снова возвращается къ той же проблемѣ, но даетъ ей иное освѣщеніе. Въ прежнихъ драмахъ изображалась трагедія личности, порабощенной пошлостью окружающей среды;—въ „Розѣ Берндъ“ нѣтъ духовнаго антагонизма между героиней и окружающими ее людьми, и этимъ углубляется въ сущности тотъ же психологическій замыселъ: отсутствіе внутренней свободы, сознаніе отвѣтственности за свои поступки не передъ собой и своимъ пониманіемъ добра, а передъ людьми—все равно, стоятъ ли они на низшемъ уровнѣ, какъ въ прежнихъ драмахъ Гауптмана, или на одинаковомъ, какъ въ его новой пьесѣ,—искажаетъ и уродуетъ внутренній міръ человѣка, дѣлаетъ его способнымъ на преступленіе. Чувство стыда, охраняющее нравственность, когда оно связано со строгой самооцѣнкой, становится причиной нравственнаго паденія, когда оно вызвано боязнью передъ людскимъ приговоромъ. Нравственная отвѣтственность за свои поступки должна быть—но только передъ собой; сознавая ее, человѣкъ остается чистъ, даже если жизненныя обстоятельства вовле-

кають его въ невольные проступки. Но когда онъ дѣлаетъ своими судьями людей, понятіе о справедливости искажается, чувство стыда перестаетъ быть охранителемъ совѣсти и губитъ душу своими ложными внушеніями.

На этомъ антагонизмѣ совѣсти и внѣшней отвѣтственности передъ людьми построена „Роза Берндъ". Сюжетъ драмы—очень жизненный и менѣе всего оригинальный. Дѣло идетъ о „согрѣшившей" дѣвушкѣ, которая убиваетъ своего ребенка. Сюжетъ этотъ такъ часто трактовался въ литературѣ,—начиная хотя бы съ „Kindermörderin", Шиллера, и кончая прославленіемъ несчастныхъ „filles-mères" во французскихъ романахъ и драмахъ,—что сдѣлался банальнымъ. Но въ драмѣ Гауптмана онъ углубленъ новымъ содержаніемъ, благодаря указанной нами основной идеѣ. Преступная мать не идеализирована, не представлена жертвой коварнаго обольстителя, какъ это обыкновенно бываетъ въ изображеніи преступной любви и ея печальныхъ послѣдствій; виновникъ несчастья дѣвушки—не безсердечный негодяй, а напротивъ того, любящій ее, несчастный человѣкъ, скованный жизненными обстоятельствами. Кромѣ одного дѣйствительно сквернаго и пошлаго человѣка—злого генія героини,—всѣ остальныя дѣйствующія лица драмы—только несчастныя жертвы судьбы; главное же преступленіе загубившаго Розу Берндъ негодяя—только въ томъ, что онъ осложнилъ внутреннюю драму виновной дѣвушки страхомъ передъ раскрытіемъ ея тайны; онъ сдѣлался виновникомъ ея нравственнаго паденія, предавъ ее суду ея ближнихъ. Художественная разработка сюжета—чрезвычайно яркая, характеръ героини глубоко драматиченъ, и наростаніе ея вины подъ вліяніемъ страха передъ людскимъ судомъ преисполнено трагизма, какъ бы снимающаго вину съ нея и переносящаго эту вину на самую жизнь, гдѣ люди терзаютъ другъ друга и, даже любя человѣка, не умѣютъ читать въ его душѣ.

Героиня пьесы, Роза Берндъ,—простая крестьянская дѣвушка, очень правдивая и чистая; въ психологіи ея нѣтъ ничего исключительнаго, героическаго, отдѣляющаго ее отъ ея среды. Она задумана какъ типичное явленіе, отчего много выигрываетъ реализмъ драмы. Авторъ изображаетъ то, что совершается во всякой человѣческой душѣ, когда она дѣлаетъ людей судьями надъ собою; ему нужна поэтому героиня не съ исключительной организаціей души, а средняя дѣвушка съ естественнымъ влеченіемъ къ правдѣ и добру. Такова Роза Берндъ. Она—дочь благочестиваго крестьянина, очень строгаго въ вопросахъ нравственности, усердно посѣщающаго церковь и очень довѣрчиваго къ людямъ. Дочь свою онъ считаетъ образцомъ всѣхъ добродѣтелей, и хлопочетъ о томъ, чтобы найти ей достойнаго жениха. Самъ онъ бѣденъ, но это его не смущаетъ, такъ какъ онъ вѣ-

ритъ въ благость Господню и надѣется, что дочь его будетъ счастлива въ награду за свои добродѣтели. Женихъ для Розы находится въ лицѣ полюбившаго ее благочестиваго Августа Кейля, переплетчика, который былъ сначала книгоношей и, благодаря своему воздержному и скромному образу жизни, скопилъ себѣ маленькое состояніе. Онъ въ большой дружбѣ со старикомъ Берндомъ; они вмѣстѣ ходятъ въ церковь, бесѣдуютъ о религіи и упражняются въ протестантскихъ добродѣтеляхъ. Августъ полюбилъ красивую, энергичную Розу, составляющую столь рѣзкій контрастъ съ его собственной болѣзненностью и вялостью, и хочетъ на ней жениться—къ великой радости отца. Но жизнь Розы вовсе не такова, какъ думаютъ ея отецъ и Августъ. Она—служанка у деревенскаго старосты Фламма, жена котораго уже много лѣтъ разбита параличомъ. Прежде чѣмъ поступить на это мѣсто, Роза привыкла много работать и дома, такъ какъ мать ея рано умерла, и она выняньчила своихъ младшихъ сестеръ, вставая съ зарей, исполняя сама всѣ домашнія работы и отказывая себѣ въ каждомъ кускѣ хлѣба ради младшихъ дѣтей. То же трудолюбіе и скромность она проявляетъ и въ услуженіи у старосты, и жена Фламма не нахвалится на нее. Роза относится къ своей хозяйкѣ съ особой деликатностью и добротой,—потому что чувствуетъ себя глубоко виноватой передъ нею. Староста Фламмъ полюбилъ Розу и соблазнилъ ее. Дѣвушка тоже его любитъ, но ее мучитъ необходимость обманывать хозяйку и жалость къ ней. Фламмъ готовъ былъ бы даже разойтись съ женой, хотя тоже любитъ и жалѣетъ ее, но Роза противится этому; напротивъ того, она хочетъ порвать съ Фламмомъ. Она готова выйти замужъ за Августа послѣ двухъ лѣтъ сопротивленія этому браку. Она знаетъ, что Августъ добрый человѣкъ, и настолько любитъ ее, что примирится съ ней, когда она скажетъ ему правду. Главное для нея—распутать ложь своей жизни и загладить свою вину передъ женой Фламма. Все это она объясняетъ старостѣ въ воскресное утро, на опушкѣ лѣса, встрѣтивъ его возвращающимся съ охоты. Фламмъ протестуетъ противъ ея добрыхъ побужденій, смѣется надъ Августомъ, и, чтобы прекратить разговоръ, уходитъ, страстно цѣлуя дѣвушку на прощанье. Этотъ поцѣлуй подсматриваетъ проходящій по дорогѣ механикъ Штрекманъ, который играетъ въ драмѣ роль злого генія Розы. Онъ пользуется въ деревнѣ репутаціей кутилы и совратителя дѣвушекъ, ведетъ себя очень дерзко и считаетъ себя неотразимымъ. Онъ золъ на Розу за ея недоступность, и радъ теперь случаю проявить свою власть надъ нею. Онъ начинаетъ ухаживать за ней, и при первомъ ея отпорѣ, грубо заявляетъ ей, что онъ не хуже Фламма, и имѣетъ полное право разсчитывать на успѣхъ у такой податливой дѣвушки, какъ она.

Раскрытіе ея тайны производитъ роковой переворотъ въ душѣ и характерѣ Розы. Пока она должна была считаться только со своей совѣстью, она видѣла возможность вернуться къ правдѣ, оставивъ домъ Фламма, открывшись во всемъ своему жениху и сдѣлавшись ему вѣрной женой. Только добровольнымъ раскрытіемъ вины во имя жалости къ другимъ людямъ, во имя жажды добра и правды, можно очистить душу,—а навязанная обстоятельствами необходимость оправдываться передъ людьми, идти на ихъ судъ, только ожесточаетъ сердце и усугубляетъ ложь. Обвиненія и угрозы Штрекмана превращаютъ внутренно правдивую, кроткую и жалостливую Розу въ упорную лгунью и преступницу. Она прежде всего отрицаетъ то, въ чемъ уличилъ ее Штрекманъ, называетъ его клеветникомъ, увѣряетъ, что Штрекману почудилась нѣжная сцена прощанія съ Фламмомъ; потомъ, въ отчаяніи, она начинаетъ умолять его не выдавать ее, хочетъ подкупить его деньгами,—и изъ дальнѣйшаго разговора ясно, что она согласится и на другія требованія Штрекмана, для того, чтобы онъ не выдавалъ ее.

Все поведеніе Розы круто мѣняется и становится загадочнымъ не только для отца и жениха, но и для Фламма. Обличенная передъ людьми, она всецѣло охвачена однимъ толькомъ чувствомъ безконечнаго стыда—чисто внѣшняго, унизительнаго стыда, который убиваетъ любовь къ истинѣ и ведетъ растерявшуюся, озлобленную дѣвушку на пагубный путь лжи и преступленія. Она чувствуетъ на себѣ теперь двойную вину — и передъ женихомъ, и передъ Фламмомъ, которому измѣнила невольно, изъ страха передъ Штрекманомъ. Поэтому, когда ея отецъ и женихъ приходятъ къ старостѣ Фламму для оффиціальнаго заключенія брачнаго договора, самой невѣсты не оказывается на лицо. Отецъ отправляется за ней и почти насильно приводитъ ее къ старостѣ. Роза не отказывается стать женой Августа, но проситъ отложить свадьбу — къ величайшему негодованію отца, который и безъ того возмущенъ ея долгимъ сопротивленіемъ. Онъ говоритъ, что Роза, навѣрное, изъ гордости медлитъ отвѣтомъ, потому что слишкомъ чванится своей честностью и трудолюбіемъ. Августъ оскорбленъ протестомъ Розы въ рѣшительную минуту и хочетъ уйти. Но старикъ Берндъ удерживаетъ его и упрекаетъ дочь въ неблагодарности къ человѣку, который всегда дѣлилъ съ ними свой хлѣбъ и былъ для нихъ ангеломъ-спасителемъ. Роза только говоритъ ему въ отвѣтъ, что она не отказывается, а проситъ объ отсрочкѣ. Они уходятъ оба взбѣшенные. Брачный договоръ не подписанъ, но, оставшись наединѣ съ Фламмомъ, Роза объявляетъ ему, что она вовсе не изъ-за него отказалась выйти замужъ теперь, и что она все-таки уйдетъ теперь къ отцу. Фламмъ, озадаченный и взбѣшенный ея словами, и тѣмъ,

что она уже мѣсяцъ упорно его избѣгаетъ, напрасно старается добиться объясненія; въ это время въ комнату ввозятъ на креслѣ его жену, и онъ быстро уходитъ, оставивъ двухъ женщинъ наединѣ. Роза говоритъ хозяйкѣ, что она очень несчастна, но что она знаетъ, какъ положить всему конецъ. Жена Фламма допытывается, въ чемъ дѣло, говоритъ Розѣ о своей привязанности къ ней, о томъ, что со смертью ея единственнаго ребенка, за которымъ Роза такъ заботливо ухаживала, она ее полюбила, какъ собственную дочь, и что поэтому Роза должна быть вполнѣ откровенна съ нею. Она догадывается по безмолвному отчаянію дѣвушки о причинѣ ея горя, и говоритъ ей о святости материнскаго долга, о томъ, что если женщина готовится быть матерью, то все равно, кто бы ни былъ отецъ ея ребенка, знатный ли человѣкъ или бродяга, ребенокъ долженъ быть ей дорогъ, такъ какъ все искупается страданіями и заботами материнства. Она обѣщаетъ Розѣ свое заступничество передъ ея отцомъ и женихомъ, и хотя ея доброта приводитъ еще въ большій ужасъ Розу, она убѣждаетъ ее не уходить и вполнѣ положиться на нее. Но послѣ минутнаго прилива добрыхъ чувствъ, на Розу опять находитъ ея упорство. Она не открываетъ правды своей хозяйкѣ, говоритъ, что сама все устроитъ, что выйдетъ замужъ за Августа; чтобы навести жену старосты на ложный слѣдъ, она называетъ имя Штрекмана, и быстро уходитъ, говоря, что должна сама справиться со своей бѣдой, и что никто не можетъ ей помочь. Забывъ внушенія совѣсти и свое прежнее стремленіе къ правдѣ, свою жалость къ обманутой хозяйкѣ, озлобленная противъ всѣхъ, Роза думаетъ только о томъ, чтобы остаться внѣшнимъ образомъ правой передъ людьми и скрыть свой позоръ. Она возвращаетъ слово жениху и готовится къ предстоящей свадьбѣ. Августъ купилъ по этому случаю давно облюбованный имъ домикъ съ землицей у задолжавшей ему разоренной крестьянской семьи; этотъ богобоязненный, непьющій и крайне умѣренный протестантъ умѣлъ пользоваться своими сбереженіями, ссужая ихъ нуждающимся односельчанамъ, увеличилъ этимъ свой капиталъ и получилъ возможность приготовить для своей жены домикъ съ благоустроеннымъ сельскимъ хозяйствомъ. Онъ намѣренъ оставить свое переплетное мастерство и устроить у себя въ домѣ торговлю бумагой и канцелярскими принадлежностями, а также книгами—преимущественно религіознаго содержанія. Кромѣ того, съ помощью тестя, который уже поселился у него въ домѣ, онъ занимается полевыми работами. Теперь у него происходитъ молотьба при участіи созванныхъ изъ деревни рабочихъ. Всѣ они, сойдясь къ ужину послѣ работы, говорятъ не безъ зависти объ удачахъ благочестиваго Августа, хотя и подсмѣиваются надъ его

чрезмѣрной трезвостью и набожностью; они толкуютъ о счастьѣ, выпавшемъ на долю старика Бернда и его дочери, и въ разговорахъ слышатся намеки на какую-то позорную тайну, о которой, однако, никто не рѣшается говорить опредѣленно. Сама Роза появляется среди рабочихъ, приноситъ имъ хлѣбъ къ ужину, очень весела и очень привѣтлива со своимъ женихомъ. Она увѣрена, что ей удастся все скрыть, что она избѣжитъ людского суда, и что ей будетъ отнынѣ хорошо жить, хотя она и входитъ въ новую жизнь съ ложью. Но тѣ, съ кѣмъ связано прошлое, которое она хотѣла бы забыть, не оставляютъ ее въ покоѣ, и счеты съ ними впутываютъ ее въ все бо̀льшую и бо̀льшую ложь. Когда рабочіе расходятся, къ Розѣ является Фламмъ съ прежними притязаніями, съ сожалѣніями о прошломъ, возмущается ея увѣщаніями вернуться къ женѣ, но, въ виду ея непреклонности, прощается съ ней навсегда, говоря, что на свадьбѣ ея онъ не будетъ, такъ какъ сложилъ съ себя свое оффиціальное званіе, и брачный контрактъ Розы подпишетъ уже его преемникъ. Вслѣдъ за нимъ приходитъ Штрекманъ и опять дерзко настаиваетъ на своей равноправности съ Фламмомъ, снова угрожаетъ все раскрыть, если Роза будетъ сопротивляться ему. Онъ утверждаетъ, что она сама заискивала въ немъ; Роза, возмущенная его безстыдствомъ, называетъ его негодяемъ, воспользовавшимся ея отчаяніемъ, чтобы теперь вдобавокъ ее же обвинять въ томъ, что̀ составляетъ ея горе. Штрекманъ продолжаетъ оскорблять ее и предъявлять свои права. Въ разгаръ ихъ ожесточеннаго спора является Августъ и спрашиваетъ Штрекмана, за что онъ оскорбилъ его невѣсту; завязывается драка. Штрекманъ выбиваетъ Августу глазъ, и Роза, ошеломленная всѣмъ случившимся, твердитъ безсвязныя слова, въ которыхъ слышатся отголоски того, что̀ говорила ей жена Фламма о материнствѣ.

Дѣло о дракѣ доходитъ до суда; Штрекманъ отдѣлывается пустяками за свое безчинство, изъ-за котораго, однако, Августъ потерялъ одинъ глазъ, но старикъ Берндъ, горящій желаніемъ отмстить оскорбителю своей дочери,—онъ уже знаетъ, какіе слухи механикъ распространяетъ про нее,—подаетъ на него жалобу за клевету. Начатое по этому поводу слѣдствіе выясняетъ вину Розы и для тѣхъ, отъ кого она больше всего скрывала ее. Фламмъ узнаетъ сначала отъ жены о томъ, что̀ она называетъ несчастіемъ Розы; онъ глубоко взволнованъ ея словами, но притворяется только удивленнымъ и равнодушнымъ къ судьбѣ дѣвушки. Но отъ Августа жена Фламма узнаетъ, что мужъ ея очевидно не такъ непричастенъ къ дѣлу Розы, какъ казалось, потому что онъ былъ у отца Розы, уговаривалъ его не начинать дѣла о клеветѣ, затѣмъ призванъ былъ къ слѣдователю и давалъ по-

казанія. Она догадывается, въ чемъ дѣло, и въ первую минуту отчаянія только негодуетъ, и хочетъ прогнать Розу, отказавъ ей въ обѣщанной помощи. Но является Фламмъ, и между мужемъ и женой происходитъ тяжелое объясненіе. Фламмъ говоритъ, что любитъ Розу, и что, узнавъ о томъ, что она готовится стать матерью, онъ ни за что теперь не допуститъ ея гибели; если же жена прогонитъ ее, онъ не въ состояніи будетъ жить. Онъ уговариваетъ жену простить и сжалиться надъ несчастной дѣвушкой, возобновить данное ей обѣщаніе заботиться о ея будущемъ ребенкѣ, хотя она теперь и знаетъ, кто отецъ этого ребенка. Жена Фламма уступаетъ просьбѣ мужа и призываетъ къ себѣ Розу, только-что вернувшуюся отъ слѣдователя. Но она теперь уже не та, какой была прежде; вмѣсто желанія возстановить чистоту совѣсти, въ ней сильно только стремленіе выгородить себя ложью; у слѣдователя она ложно присягнула въ томъ, что Штрекманъ наклеветалъ на нее, и теперь продолжаетъ отрицать сношенія съ Штрекманомъ, и готова даже отрицать то, въ чемъ уже раньше созналась своей хозяйкѣ—свое ожидаемое материнство. Изъ ея же словъ о томъ, что Штрекманъ клятвенно подтвердилъ свою близость съ Розой, Фламмъ понимаетъ, что она лжетъ, и отказывается отъ желанія помочь обманувшей его и солгавшей подъ присягой дѣвушкѣ. Онъ объясняетъ Розѣ, что ея ложь на судѣ откроется, потому что и онъ не утаилъ правды у слѣдователя и сознался во всемъ. Такимъ образомъ выяснится, что она совершила клятвопреступленіе, за которое ей грозитъ тюрьма. Въ отвѣтъ на вопросъ, почему она такъ безстыдно и безразсудно лжетъ, Роза только кричитъ: „Мнѣ стыдно, мнѣ стыдно!"— и убѣгаетъ.

Солгавъ подъ присягой, Роза совершаетъ новое страшное преступленіе—избавляется отъ ребенка; совершенно больная, она прячется у себя въ комнатѣ, въ то время, какъ всѣ ее ищутъ, не понимая, почему она такъ долго не возвращается изъ суда. Къ ея отцу приходитъ Августъ, и, въ свою очередь, проситъ его взять обратно жалобу противъ Штрекмана, сначала намекая, а потомъ, въ виду полнаго непониманія старика, точно объясняя ему, что Роза тоже слабое существо и могла согрѣшить, что Фламмъ и Штрекманъ подтвердили подъ присягой свою связь съ нею. Старикъ сначала отказывается вѣрить чьимъ бы то ни было клятвеннымъ утвержденіямъ, увѣренный въ чистотѣ своей дочери; потомъ, побѣжденный доводами Августа, онъ приходитъ въ полное отчаяніе, говоритъ, что онъ теперь не достоинъ распространять слово Божіе, что онъ откажется отъ миссіонерскихъ занятій, которыя ему поручилъ пасторъ, и убѣжитъ куда глаза глядятъ. Августъ тоже предлагаетъ продать домъ и землю и

уйти куда-нибудь въ другое мѣсто — конечно, вмѣстѣ съ Розой, которую онъ не судитъ, потому что любитъ ее. Они продолжаютъ безпокоиться о томъ, куда дѣвалась Роза, тѣмъ болѣе, что изъ суда явился жандармъ съ бумагой къ Розѣ и, узнавъ, что ея нѣтъ дома, ушелъ съ тѣмъ, чтобы снова вернуться. Прибѣгаетъ младшая дочь Бернда, говоря, что Роза дома, и что она сейчасъ къ нимъ сойдетъ. Роза является, едва двигаясь отъ слабости, но злобная и почти безумная отъ отчаянія; она говоритъ Августу, что онъ долженъ презирать ее, какъ она презираетъ всѣхъ, что все на свѣтѣ—ложь и обманъ, что она сама хуже всѣхъ. Напрасно Августъ увѣряетъ ее въ своей любви, въ томъ, что онъ ея не оставитъ, и что всѣ грѣхи людей искуплены кровью Христа. Она съ отчаяніемъ говоритъ о томъ, что все, въ чемъ ее винятъ—пустяки, а что главное—задушенный ею ребенокъ, котораго она схоронила подъ деревомъ. Это же она повторяетъ жандарму, пришедшему взять ее подъ стражу по обвиненію въ ложной присягѣ. Узнавъ о новомъ преступленіи, онъ совѣтуетъ ей, если она не клевещетъ на себя, сейчасъ же сознаться слѣдователю, и уводитъ ее съ собою. Августъ говоритъ жандарму, которому слова дѣвушки кажутся бредомъ, что все, что̀ она сказала—правда, и прибавляетъ: „Сколько она выстрадала, несчастная!“

На этомъ кончается тяжелая драма, названная именемъ героини, потому что центръ дѣйствія—не въ отношеніи другихъ къ совершённому преступленію, а въ томъ, что̀ происходитъ въ душѣ виновнаго, когда къ отвѣтственности передъ собой присоединяется страхъ передъ судомъ человѣческимъ.

II.

V-te E. M. de Vogüé. Le Maître de la Mer. Стр. 442. Paris, 1903. (Librairie Plon).

Почтенный французскій академикъ, Мельхіоръ де Вогюэ—вполнѣ уравновѣшенный, серьезный писатель; онъ отражаетъ въ безукоризненной литературной формѣ взгляды и чувства средней интеллигентной массы, проникнутой культомъ національныхъ традицій даже въ своемъ стремленіи къ новшествамъ, неподвижной по существу и тогда, когда она примыкаетъ къ прогрессивнымъ идеямъ. Истиннаго идейнаго обновленія, составляющаго жизнь человѣчества, нельзя ожидать отъ этой массы, но значеніе ея заключается въ томъ, что она медленно переживаетъ и какъ бы исчерпываетъ до конца все, что̀ вдохновенно создается мятежнымъ, ищущимъ меньшинствомъ.

Выразители увѣреннаго въ себѣ и медленно двигающагося впередъ большинства, писатели juste-milieu, всегда пользуются вліяніемъ и почетомъ, и принадлежащій къ ихъ числу академикъ Вогюэ тоже высоко цѣнится своими соотечественниками. Онъ менѣе всего сторонникъ всего стараго; напротивъ того, его слава, какъ критика, основана на томъ, что онъ своей знаменитой книгой „Le roman russe" проложилъ путь русскому вліянію на французскую литературу. И во всемъ остальномъ, въ своихъ публицистическихъ и чисто-литературныхъ трудахъ, онъ вполнѣ прогрессивенъ, отмѣчаетъ и прославляетъ вѣянія свободы во всѣхъ областяхъ культурной жизни,—но, тѣмъ не менѣе, онъ остается писателемъ juste milieu, не высказавшимъ ни одной творческой идеи, которая поколебала бы старыя переживанія. Для него дороже всего національныя традиціи, устои, на которыхъ держится настоящее. Съ годами Вогюэ становится все бо̀льшимъ и бо̀льшимъ охранителемъ національныхъ традицій, патріотомъ въ узкомъ смыслѣ слова;—его какъ бы пугаетъ возможное торжество идеалистическихъ началъ надъ практическими интересами государства, и онъ всячески проповѣдуетъ возвратъ къ традиціоннымъ національнымъ доблестямъ.

Вогюэ пишетъ иногда, помимо критическихъ и публицистическихъ статей, романы, которые тоже въ сущности слѣдуетъ отнести къ публицистикѣ. Въ своемъ послѣднемъ романѣ „Властитель морей", Вогюэ болѣе чѣмъ когда-либо проникнутъ патріотической восторженностью и прославляетъ французовъ, для которыхъ честь и слава родины—святыня, которой они приносятъ въ жертву всѣ другія чувства.

По примѣру Анатоля Франса, Вогюэ переплетаетъ въ своемъ романѣ вымышленную фабулу съ событіями текущей французской жизни, преимущественно политической; перемѣнивъ лишь имена лицъ, волновавшихъ недавно общественное мнѣніе во Франціи, онъ вводитъ въ свой романъ такіе факты, какъ, напримѣръ, экспедиція Маршана, инцидентъ съ Фашодой, или исторія американскаго милліардера Пирпонта Моргана, захватившаго въ свои руки главнѣйшія трансатлантическія пароходныя линіи. На первомъ планѣ въ романѣ обсужденіе колоніальной политики Франціи, вопросы объ арміи, о разномъ пониманіи патріотизма въ старшемъ и младшемъ поколѣніи французскихъ офицеровъ, объ антагонизмѣ расъ французской и англо-саксонской, и т. д. Вогюэ, какъ и Анатоль Франсъ, описываетъ въ романѣ не только современные нравы, но и дѣйствительныя событія, причемъ, однако, онъ отличается отъ Франса своимъ отношеніемъ къ обсуждаемымъ фактамъ. Вся оригинальность романовъ Франса, носящихъ общее заглавіе „Современной исторіи", заключается въ томъ, что онъ

относится къ событіямъ дня съ безстрастностью историка и философа; для него древній Египетъ и современная Франція составляютъ одинаковый предметъ изученія, какъ разныя проявленія вѣчныхъ историческихъ законовъ. Онъ потому можетъ говорить о текущей дѣйствительности, что внутренно стоитъ внѣ или выше партійныхъ интересовъ, не примыкаетъ ни къ чьей сторонѣ и относится къ „злобамъ дня“ съ легкой ироніей, интересуясь лишь причинами совершающихся событій, игрой страстей, одинаково проявляющихся у правыхъ и виноватыхъ. Такого мудраго отношенія къ дѣйствительности у Вогюэ нѣтъ; онъ самъ захваченъ текущими событіями и старается показать правоту партіи, къ которой онъ самъ примыкаетъ, забывая, что передъ судомъ исторіи все представляется совсѣмъ въ иномъ видѣ, чѣмъ среди разгара обостренныхъ политическихъ страстей. Поэтому его романъ очень тенденціозенъ и становится пристрастной защитой узкаго патріотизма. И въ другомъ отношеніи Вогюэ сильно уступаетъ своему образцу, — а Франсъ несомнѣнно служилъ образцомъ Вогюэ, такъ какъ онъ первый ввелъ во французскій романъ изображеніе „злободневныхъ“ политическихъ и общественныхъ вопросовъ. Въ то время какъ у Франса событія дня естественно сливаются съ вымышленной фабулой романа, съ психологіей и жизнью его героевъ, у Вогюэ чувствуется на каждомъ шагу резонерство;—онъ дѣлаетъ отступленія, прерываетъ теченіе романа, чтобы въ совершенно искусственно введенныхъ въ изложеніе разговорахъ между дѣйствующими лицами высказаться на интересующія его темы,—причемъ, какъ мы уже сказали, разсужденія его носятъ всегда узко-національный и партійный характеръ.

Таковы недостатки романа Вогюэ; но они выкупаются значительностью вопросовъ, затронутыхъ въ романѣ, яркими характеристиками главныхъ дѣйствующихъ лицъ и прекраснымъ изображеніемъ свѣтскаго французскаго общества. Замыселъ романа, основанный на антагонизмѣ между представителемъ денежнаго могущества и восторженнымъ рыцаремъ патріотическаго долга, очень интересенъ. Онъ сводится къ вѣчной борьбѣ между идеализмомъ, служащимъ святынѣ „не отъ міра сего“, и матеріализмомъ, имѣющимъ осязательныя подтвержденія своей силы. Замыселъ этотъ, повторяемъ, испорченъ у Вогюэ, такъ какъ онъ хочетъ во что бы то ни стало дать восторжествовать своему идеальному герою и придумываетъ для этого сентиментальную развязку; но борьба двухъ враждебныхъ началъ, одинаково сильныхъ по существу и очень неравныхъ въ жизни, изображена въ романѣ очень драматично.

Всѣ шансы побѣды, конечно, на сторонѣ убѣжденнаго матеріалиста, Арчибальда Робинзона, американскаго милліардера, прозваннаго „вла-

стителемъ морей". Онъ основалъ „Universal Sea-Trust", общество, захватившее въ свои руки всѣ океанскія линіи, а такъ какъ синдикатъ мнимый и сосредоточивается только въ его лицѣ, то Арчибальдъ Робинзонъ чувствуетъ себя своего рода властелиномъ, и всѣми признается таковымъ. Могущество его милліоновъ безгранично; во всѣхъ европейскихъ государствахъ, также какъ и въ другихъ частяхъ свѣта, слово его считается закономъ, и онъ ведетъ себя какъ равный въ сношеніяхъ съ коронованными особами, откладываетъ назначенное ему свиданіе съ нѣмецкимъ императоромъ, потому что дѣла его зовутъ въ Лондонъ, держитъ въ подчиненіи французскихъ министровъ, посвященъ во всѣ тайны англійскаго кабинета и, окруженный общимъ преклоненіемъ, чувствуетъ себя неограниченнымъ автократомъ, для котораго нѣтъ ничего невозможнаго. Онъ безконечно много работаетъ, каждая минута его разсчитана, въ каждый часъ совершаются милліонныя дѣла, рѣшающія судьбы то огромныхъ капиталистическихъ группъ, то иногда цѣлой страны, зависящей отъ него въ экономическомъ отношеніи. Онъ никогда долго не остается въ одномъ мѣстѣ, и яхта его вѣчно носится въ разныхъ частяхъ свѣта. Въ его рабочей комнатѣ, гдѣ бы она временно ни находилась, стоитъ символъ его власти — огромный глобусъ, обтянутый сѣтью нитей съ воткнутыми во множествѣ пунктовъ маленькими флагами. По этому глобусу Робинзонъ слѣдитъ за ростомъ своихъ владѣній и дѣлаетъ новые планы завоеваній. Онъ издаетъ въ Европѣ и Америкѣ газеты, поддерживающія его интересы, и такъ привыкъ властвовать надъ умами посредствомъ золота, что относится съ презрѣніемъ къ французу, политическому дѣятелю, котораго ему рекомендуютъ, какъ подходящаго редактора для проектируемой имъ во Франціи газеты. Робинзонъ кратко и авторитетно объясняетъ ему коммерческое назначеніе своего изданія; французъ же наивно излагаетъ свои политическіе взгляды, которые онъ намѣренъ проводить въ газетѣ, отказываясь подчинить ихъ дѣловымъ цѣлямъ „властителя морей". Робинзонъ безцеремонно обрываетъ разговоръ и раздражается тѣмъ, что онъ напрасно потерялъ частицу своего драгоцѣннаго времени. Онъ находитъ, конечно, вполнѣ подходящаго для себя человѣка въ лицѣ изворотливаго парижскаго журналиста Мушерона, искренно благоговѣющаго передъ его милліонами, готоваго защищать интересы „властителя морей" и создавать колоссальную рекламу всѣмъ предпріятіямъ Робинзона.

Но есть человѣкъ, котораго Робинзонъ не можетъ подчинить себѣ при помощи золота,—и борьба съ нимъ становится жизненной трагедіей могущественнаго милліардера. Очутившись на время въ Парижѣ, Робинзонъ узнаетъ о возвращеніи изъ Африки отважнаго из-

слѣдователя, капитана Турноэля, героя, имя котораго—у всѣхъ на языкѣ. Въ лицѣ его, очевидно, изображенъ Маршанъ. Турноэль открылъ въ Африкѣ плодородную и во всѣхъ отношеніяхъ удобную для колонизаціи землю, Уадаи, съ населеніемъ, поддающимся культурному вліянію,—и теперь вернулся испрашивать кредитъ у правительства для военной оккупаціи страны. Его популярность во Франціи очень велика, и онъ надѣется, что она поможетъ ему добиться своей цѣли; онъ хочетъ завоевать колонію для Франціи, предупредивъ англичанъ, которые уже, какъ онъ замѣтилъ, вкрадываются въ довѣріе туземцевъ и хотятъ захватить Уадаи въ свои руки. Но въ Парижѣ пылкаго мечтателя-капитана ждутъ тяжелыя разочарованія. Съ одной стороны, онъ убѣждается въ своей популярности у парижанъ: во всѣхъ газетахъ красуются его портреты, въ обществѣ за нимъ всѣ наперерывъ ухаживаютъ, на улицахъ ему устроиваютъ оваціи, но въ министерствахъ отъ него отдѣлываются комплиментами и общими словами, въ кредитѣ же ему отказываютъ. О неудачахъ въ министерствѣ знаетъ всевѣдущій Робинзонъ, и хочетъ этимъ воспользоваться, чтобы сдѣлать предпріимчиваго и храбраго капитана орудіемъ своихъ замысловъ. Онъ призываетъ Турноэля къ себѣ для переговоровъ, и тотъ сначала радъ интересу практическаго дѣльца къ его планамъ, однако вступать въ переговоры съ Робинзономъ онъ отказывается, считая сдѣлки съ аферистомъ недостойными для офицера. Но Робинзонъ ищетъ все-таки свиданія съ нимъ; придя въ ресторанъ, гдѣ Турноэль завтракаетъ, онъ заводитъ съ нимъ разговоръ и убѣждаетъ его предпринять военную экспедицію на его счетъ. Капитанъ отказывается, несмотря на соблазнительность предложенія; онъ думаетъ только о служеніи родинѣ, о чести Франціи—и не намѣренъ пиратствовать. Напрасно Робинзонъ доказываетъ ему значеніе личной иниціативы и говоритъ объ условности патріотическаго долга и выгодности предлагаемыхъ имъ условій. Капитанъ наотрѣзъ отказывается, къ величайшему огорченію Робинзона, впервые встрѣтившаго серьезный отпоръ своимъ желаніямъ. О захватѣ Уадаи, подъ предлогомъ устройства навигаціи на озерѣ Чадъ, онъ мечтаетъ не только изъ коммерческихъ соображеній. Этотъ могущественный капиталистъ считаетъ себя исполнителемъ высшей миссіи: онъ находится подъ вліяніемъ полу-безумнаго англійскаго „пророка“ Жервиса, и думаетъ, что, захватывая власть надъ всѣми морями, и тѣмъ самымъ надъ всѣмъ культурнымъ и некультурнымъ человѣчествомъ, онъ осуществляетъ священное назначеніе англосаксонской расы, призванной владѣть всѣмъ міромъ. Сопротивленіе Турноэля разбиваетъ его планы, и онъ сначала пытается употребить разныя средства, чтобы все-таки склонить его на

свою сторону. Онъ надѣется сначала повліять на капитана черезъ посредство женщины. Онъ замѣтилъ, что на Турноэля произвела сильное впечатлѣніе молодая вдова, итальянка, съ которой онъ встрѣтился у соотечественницы и пріятельницы Робинзона, герцогини Лоуренъ. Молодая и красивая итальянка, Милицента Фіанона дружна съ Робинзономъ; она познакомилась съ нимъ на пароходѣ, по дорогѣ изъ Америки, и даже думаетъ, что возбудила въ „властителѣ морей" нѣжныя чувства. Но, занятый своими огромными замыслами, дѣлецъ равнодушенъ къ женскому обаянію; изъ дружеской бесѣды съ нимъ Милицента узнаетъ, какого рода услугу онъ отъ нея ожидаетъ; она должна склонить очевидно влюбленнаго въ нее капитана на то, чтобы онъ принялъ предложеніе Робинзона, завоевалъ для него Уадаи, и тѣмъ самымъ устроилъ и свое счастье; безъ помощи милліардера онъ останется бѣднымъ офицеромъ, и не сможетъ жениться на любимой имъ и тоже не имѣющей никакого состоянія вдовѣ. Она сначала возмущается этимъ предложеніемъ, говоря, что не будетъ толкать симпатичнаго ей человѣка на безчестное дѣло,—но сдается на доводы Робинзона, вѣритъ ему, что его предпріятіе—совершенно честное, и старается воздѣйствовать на капитана. Они гостятъ вмѣстѣ въ замкѣ герцогини, гдѣ происходитъ трогательная идиллія любви, но счастье влюбленныхъ омрачается мыслями о будущемъ. Милицента говоритъ Турноэлю о предложеніи Робинзона, но капитанъ наотрѣзъ отказывается купить свое благополучіе цѣной безчестья—и, клянясь въ вѣчности своихъ чувствъ, обѣщаетъ попытаться иначе, хотя бы и болѣе скромно, устроить свою судьбу—и тогда уже соединиться съ любимой женщиной. Онъ уѣзжаетъ изъ замка опечаленный, а Милицента нѣсколько досадуетъ на слабость своего вліянія, и очень страдаетъ отъ разлуки съ капитаномъ. Турноэля ждутъ въ Парижѣ новыя разочарованія. Новое министерство, расположенное къ нему, предлагаетъ послать его съ секретной миссіей въ Африку, чтобы подготовить почву для экспедиціи, которая, быть можетъ, въ будущемъ и устроится. Турноэль понимаетъ, что отъ него просто хотятъ отдѣлаться подъ благовиднымъ предлогомъ, и отказывается. Но, узнавъ, что въ Египетъ уѣхалъ Робинзонъ съ компаніей друзей, въ томъ числѣ и Милицентой, сопровождающей свою подругу, герцогиню, онъ снова идетъ къ министру колоній и говоритъ, что принимаетъ миссію. Въ Египтѣ его ждетъ большое горе: до него доходятъ слухи, что Милицента принимаетъ ухаживанія Робинзона. Не провѣряя слуха, онъ пишетъ ей рѣзкое письмо и уѣзжаетъ въ центръ Африки,—гдѣ ему нечего дѣлать, такъ какъ никакой миссіи у него собственно нѣтъ. Милиценту письмо Турноэля поражаетъ и оскорбляетъ своими ложными обвине-

ніями. Она, дѣйствительно, начинаетъ относиться благосклонно къ ухаживаніямъ „властителя морей“. Робинзонъ махнулъ рукой на упрямаго капитана и нашелъ болѣе покладистаго исполнителя своихъ плановъ. Онъ надѣется овладѣть новой африканской колоніей при помощи темнаго афериста, который орудуетъ по его порученію въ Африкѣ и вытѣсняетъ французское вліяніе разными интригами. Турноэль тѣмъ болѣе не нуженъ теперь Робинзону, что онъ не намѣренъ болѣе содѣйствовать его браку съ Милицентой. Онъ самъ полюбилъ прекрасную итальянку и предлагаетъ ей руку. Она страдаетъ отъ разрыва съ Турноэлемъ, но ее отчасти соблазняетъ перспектива стать „властительницей морей“,—это прозвище она уже слышитъ вокругъ себя; послѣ перваго рѣзкаго отказа Робинзону, она начинаетъ нѣсколько обнадеживать его, когда онъ возобновляетъ свое предложеніе. Всѣ уже считаютъ ее невѣстой Робинзона; слухи объ этомъ проникаютъ въ прессу,—и все общество увѣрено, что помолвка состоится, какъ только „властитель морей“ вернется изъ своей короткой отлучки по дѣламъ. Въ это время въ Каиръ, гдѣ всѣ приглашенные Робинзона, вмѣстѣ съ прекрасной итальянкой ждутъ его возвращенія, пріѣзжаетъ Турноэль; онъ встрѣчается съ Милицентой въ поэтической обстановкѣ, у гробницъ калифовъ,—и всѣ недоразумѣнія разсѣяны, любящіе просятъ другъ у друга прощенія, и рѣшаютъ больше не разставаться. Чтобы обезпечить любимому человѣку не только личное счастье, но и вѣрную будущность, Милицента рѣшается на смѣлый шагъ. Она отправляется къ Робинзону, который считаетъ ее уже почти своей невѣстой, объявляетъ ему, что ея судьба связана отнынѣ съ капитаномъ Турноэлемъ,—и умоляетъ его отказаться отъ своихъ притязаній на колонію, принадлежащую по праву Франціи. Робинзонъ сначала выходитъ изъ себя, отказывается исполнить просьбу женщины, разбивающей его счастье, но постепенно смиряется. Въ своей миссіи онъ разочаровался,—вліявшій на него пророкъ оказался дѣйствительно безумцемъ; увлекшись красивой дѣвушкой, онъ сдѣлался главой какой-то общины мормоновъ, и предлагаетъ Робинзону тоже примкнуть къ ней. Робинзонъ остается, такимъ образомъ, только аферистомъ, работающимъ исключительно для своего личнаго могущества. Это уменьшаетъ его лихорадочную страсть къ захватамъ; онъ отказывается отъ притязаній на Уадаи и устроиваетъ счастье любящей четы, обѣщая помочь Турноэлю получить нужный кредитъ отъ французскаго правительства для осуществленія его патріотической миссіи,—а его обѣщаніе всемогуще. Онъ устроиваетъ также денежныя дѣла Милиценты, скупая ея земли въ Южной Америкѣ,—и даетъ такимъ образомъ доказательство своего благородства и великодушія.

Эта развязка очень сентиментальна, и не въ ней, какъ вообще не въ романтичной фабулѣ—интересъ романа. Хорошо изображена только дуэль между денежной и духовной силами. Интересны также отдѣльныя описанія, какъ, напримѣръ, изображеніе Египта, его красотъ и художественныхъ сокровищъ, быта англійской и французской колоній, контрастовъ пышной и суетной свѣтской жизни съ величіемъ природы и спокойствіемъ вѣковыхъ развалинъ. Интересны также отдѣльные теоретическіе разговоры,—какъ, напримѣръ, бесѣда Турноэля со старикомъ генераломъ, сторонникомъ реванша, не понимающимъ патріотизма молодого поколѣнія французскихъ офицеровъ, которые видятъ спасеніе родины въ развитіи колоніальной политики, въ обогащеніи Франціи свѣжими силами.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 декабря 1903.

Предвыборное движеніе въ С.-Петербургѣ.—Частныя и оффиціальныя собранія избирателей.—Наводненіе 12-го ноября. — Характерный инцидентъ въ тверскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи.—Неудобства дискреціонной власти.—Странное разсужденіе.—Неумѣстныя преувеличенія. — Первое 25-лѣтіе высшихъ женскихъ курсовъ въ С.-Петербургѣ.—Чествованіе В. Г. Короленко.—Postscriptum.

Въ ту минуту, когда мы пишемъ эти строки, результатъ городскихъ выборовъ въ Петербургѣ еще неизвѣстенъ. Каковъ бы онъ ни былъ, движеніе, предшествовавшее выборамъ, едва ли останется безрезультатнымъ. Оно доказало съ полною очевидностью цѣлесообразность расширенія избирательнаго права. Давно уже общее равнодушіе къ городскимъ выборамъ объяснялось ненормальной избирательной системой, устраняющей наиболѣе энергичную, наиболѣе развитую часть населенія отъ всякаго участія въ дѣлахъ городского общественнаго управленія; давно уже, и въ печати, и въ средѣ самихъ думъ, указывалось на квартиронанимателей, какъ на элементъ, способный разбудить сонное царство, и на городской квартирный налогъ, какъ на матеріальную основу реформы [1]). Первый опытъ, произведенный въ этомъ направленіи—опытъ нерѣшительный, ограниченный не только однимъ городомъ, но и немногими категоріями квартиронанимателей,—подтвердилъ справедливость указаній, упорно и страстно оспаривавшихся сторонниками рутины и застоя. Теперь даже въ этой средѣ раздаются голоса, признающіе преимущества новаго порядка. Особенно характерно покаяніе, публично принесенное кн. Мещерскимъ (см. „Дневники“ въ № 90 „Гражданина“): еще недавно „ополчавшійся“ противъ привлеченія квартирантовъ, онъ теперь видитъ въ немъ нѣчто „привлекательное“ и называетъ вновь возникшій интересъ къ городскому дѣлу „отраднымъ признакомъ весны“. Конечно, въ основѣ такого поворота лежитъ привычка „Гражданина“ одобрять дѣйствія власти; но все-таки онъ не могъ бы выразиться такъ открыто, еслибы не находилъ оправданій въ совершившихся фактахъ. Вынесетъ ли на себѣ поднявшаяся волна что-нибудь новое и цѣнное—этого мы пока не знаемъ; но хорошо уже и то, что всколыхнулось неподвижное море.

Говоря, три мѣсяца тому назадъ, объ инструкціи, опредѣлившей порядокъ производства городскихъ выборовъ, мы выражали сожалѣніе

---

[1]) См., напр., „Внутреннее Обозрѣніе“ въ № 12 „Вѣстника Европы“ за 1887 г.

о краткости срока, назначеннаго для предварительныхъ собраній избирателей (двѣ недѣли до выборовъ), и объ ограниченіяхъ, которыми они обставлены. На практикѣ эти недостатки были въ значительной степени устранены образомъ дѣйствій администраціи, не препятствовавшей, вопреки прежнимъ примѣрамъ, ни созыву частныхъ собраній, начавшемуся задолго до выборовъ, ни оглашенію въ печати всего происходившаго на этихъ собраніяхъ. Благодаря этому сформировались опредѣленныя группы избирателей, выяснились ихъ программы и намѣчаемые ими кандидаты въ гласные. Такая подготовительная работа была особенно необходима въ виду способа избранія гласныхъ, установленнаго закономъ 8-го іюня. Вся выборная процедура сведена къ *однократной* подачѣ записокъ, безъ всякой послѣдующей баллотировки. Избранными будутъ признаны получившіе наибольшее число голосовъ, хотя бы оно было гораздо меньше абсолютнаго большинства. Отсюда опасность раздробленія голосовъ, ничѣмъ впослѣдствіи непоправимаго—опасность, увеличиваемая съ одной стороны значительнымъ числомъ лицъ, которыхъ долженъ намѣтить каждый избиратель (въ нѣкоторыхъ участкахъ оно доходитъ до 19 и нигдѣ, кажется, не опускается ниже шести), съ другой стороны—необходимостью подавать голосъ только за избирателей, приписанныхъ къ данному участку. Весьма легко можетъ случиться, что всѣ или почти всѣ лица, хорошо извѣстныя данному избирателю и признаваемыя имъ достойными званія гласнаго, приписаны къ другому участку. Такимъ избирателямъ пришлось бы либо отказаться отъ участія въ выборахъ, либо подавать голосъ на удачу, подъ вліяніемъ случайно добытыхъ свѣдѣній или, что̀ еще хуже, подъ гнетомъ упрашиваній и закулисныхъ рекомендацій. Единственный правильный выходъ изъ этого положенія — составленіе кандидатскихъ списковъ, никому не навязываемыхъ, ни для кого не обязательныхъ, но могущихъ служить пособіемъ для недоумѣвающихъ, точкой опоры для колеблющихся и нерѣшительныхъ. Совершенно естественно, что этотъ трудъ выпалъ на долю небольшихъ группъ, соединительнымъ звеномъ для которыхъ послужила нѣкоторая общность взглядовъ и стремленій. Въ каждомъ избирательномъ участкѣ такихъ группъ образовалось нѣсколько или, по меньшей мѣрѣ, двѣ. Это было неизбѣжно какъ потому, что на партіи или группы распадались и прежніе гласные, большинство которыхъ, конечно, не устранилось отъ участія въ избирательной борьбѣ, такъ и потому, что въ средѣ избирателей не могло не оказаться различныхъ мнѣній о прежней дѣятельности городского общественнаго управленія и о задачахъ, предстоящихъ ему въ будущемъ. Различны были и пріемы групповыхъ организацій: однѣ (преимущественно—примыкавшія къ такъ называемой новой городской партіи) дѣйствовали гласно

и открыто, сначала обращаясь ко *всѣмъ* избирателямъ и только впослѣдствіи обособляясь въ отдѣльное, но не безусловно замкнутое цѣлое; другія оставались вѣрными старой тактикѣ и ограничивались частными совѣщаніями. Въ иныхъ случаяхъ списки кандидатовъ составлялись немногими лицами и объявлялись собравшимся избирателямъ какъ нѣчто уже готовое и установленное; въ другихъ случаяхъ собирались голоса обширной группы избирателей и въ списокъ кандидатовъ вносились получившіе большинство. Весьма рѣдко—по крайней мѣрѣ среди тѣхъ группъ, которыя дѣйствовали открыто—основаніемъ для включенія или невключенія въ кандидатскій списокъ служила принадлежность къ одной изъ трехъ категорій избирателей, различаемыхъ закономъ (домовладѣльцы, купцы, квартиронаниматели). Рѣшеніе выбирать только квартиронанимателей, принятое одною изъ группъ Литейной части, встрѣтило протестъ въ ея собственной средѣ. Господствующимъ—и господствующимъ по праву—оказалось, повидимому, стремленіе принимать въ разсчетъ личныя свойства кандидатовъ, а не случайное ихъ званіе.

Не безполезными оказались и оффиціальныя собранія избирателей, происходившія послѣ частныхъ собраній. Избиратели, до тѣхъ поръ остававшіеся нейтральными, могли найти здѣсь основанія для присоединенія къ той или другой группѣ или для заимствованія изъ разныхъ списковъ именъ, наиболѣе для нихъ симпатичныхъ. Обмѣнъ мыслей, въ которомъ участвовали представители различныхъ, иногда противоположныхъ взглядовъ, могъ способствовать болѣе яркому освѣщенію ближайшихъ задачъ городского самоуправленія. На одномъ изъ оффиціальныхъ собраній возникъ, напримѣръ, вопросъ о томъ, въ какой степени гласные должны стоять за интересы избравшей ихъ части города. Было высказано мнѣніе, что ожидать и требовать отъ гласнаго слѣдуетъ прежде всего и больше всего именно заботы о мѣстныхъ потребностяхъ. На это было замѣчено, что гласные представляютъ собою не только избравшую ихъ часть города, но и весь городъ, и потому должны защищать интересы части лишь въ той мѣрѣ, въ какой они не противорѣчатъ интересамъ цѣлаго или болѣе насущнымъ нуждамъ другихъ частей. Защитникъ перваго мнѣнія иллюстрировалъ его указаніемъ на необходимость устройства постояннаго сообщенія, хотя бы пѣшеходнаго, черезъ Мойку, на полпути между мостами Почтамтскимъ и Синимъ; защитникъ второго мнѣнія напомнилъ, что есть другія мѣста, гдѣ недостатокъ удобнаго сообщенія чувствуется гораздо сильнѣе,—напр. на Фонтанкѣ, между мостами Египетскимъ и Калинкинымъ,—и еслибы гласные отъ частей Коломенской и Нарвской завели рѣчь объ устраненіи этого недостатка, то право ихъ на пріоритетъ должны были бы признать и гласные отъ

частей Адмиралтейской и Казанской. Другими словами, послѣдовательность мѣропріятій должна быть регулируема исключительно степенью ихъ полезности и настоятельности, независимо отъ „географическихъ" соображеній. Само собою разумѣется, что этотъ послѣдній взглядъ надолго исключаетъ возможность такихъ затѣй, какъ расширеніе Невскаго или Каменноостровскаго проспекта. Сначала *всѣ* должны получить *все* необходимое, насколько это зависитъ отъ городского общественнаго управленія, и только потомъ можно будетъ думать о прихотяхъ, о роскоши.

Грознымъ напоминаніемъ о неисполненной обязанности послужило наводненіе 12-го ноября, какъ разъ совпавшее съ предвыборною агитаціей. За бѣдствіемъ, крайне тяжелымъ для значительной—и наименѣе обезпеченной—части населенія ясно виднѣлась еще болѣе страшная опасность, страшная одинаково для всѣхъ жителей города. Пора подумать о радикальныхъ мѣрахъ, въ принятіи которыхъ на помощь городу должно придти государство. Со времени памятнаго наводненія 1824-го года Нева ниразу не поднималась такъ высоко, какъ въ минувшемъ мѣсяцѣ; нѣтъ никакого ручательства въ томъ, что она, при аналогичныхъ, но еще болѣе неблагопріятныхъ условіяхъ, не поднимется еще выше. Большое значеніе имѣютъ и тѣ палліативныя мѣры, которыя могутъ и должны быть приняты до окончанія работъ, предупреждающихъ наводненіе. Ночь на 12-ое ноября и послѣдовавшее за нею утро показали наглядно, что мѣстами не была соблюдена даже простѣйшая, элементарная осторожность. Особеннаго вниманія заслуживаетъ, съ этой точки зрѣнія, фельетонъ въ № 317 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", написанный служащимъ на Балтійскомъ заводѣ и озаглавленный: „Были ли приняты какія-либо мѣры противъ наводненія и для спасенія жителей отъ него?". Разсказавъ все испытанное и видѣнное имъ самимъ, авторъ заканчиваетъ слѣдующими словами: „До десяти часовъ на Васильевскомъ островѣ городомъ и полиціей не было принято какихъ-либо мѣръ съ цѣлью предотвратить опасность отъ наводненія. Потомъ все понемногу измѣнилось. Проснулись „имъ же нужно знать", идутъ помогать, наѣхали подводы, перевозятъ на сухія мѣста народъ, на извозчикахъ потянулись по городу корреспонденты... Къ 12 часамъ, мѣры (если то, что̀ дѣлалось, можно назвать мѣрами) приняты... но вѣдь наводненіе идетъ съ шести. И мнѣ досадно становится, какъ многіе корреспонденты,—выѣхавшіе, очевидно, поздно,—описываютъ идиллическія картинки, похожія на спокойную венеціанскую жизнь, съ той только разницей, что подводы замѣняютъ красивыя гондолы, а грязные возчики — изящныхъ гондольеровъ"... „Хороша и главная физическая

обсерваторія",—читаемъ мы нѣсколько выше,—„которая, по ея словамъ, сдѣлала все отъ нея зависящее, но городской думѣ [1]) не послала предостереженія только потому, что она не стояла въ спискѣ учрежденій, выработанномъ въ какой-то коммиссіи! А „отцы города", созывающіе экстренное собраніе (управы) о мѣрахъ борьбы съ наводненіемъ только въ 11 ч. дня, т.-е. тогда, когда вода уже давно пошла на убыль! Было бы хорошо, еслибъ такая насмѣшка надъ жителями повліяла на предстоящіе выборы"...

Чрезвычайно характеренъ и самъ по себѣ, и по освѣщенію его въ печати, инцидентъ, происшедшій, 9-го минувшаго ноября, въ тверскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи. Гласный А. Н. Столпаковъ внесъ предложеніе о преобразованіи всѣхъ земскихъ школъ въ уѣздѣ въ церковно-приходскія и о передачѣ земствомъ дѣла образованія въ вѣдѣніе духовенства. Предложеніе это энергично поддерживалъ предсѣдатель собранія, уѣздный предводитель Трубниковъ. Противъ предложенія горячо говорили гласные фонъ-Дервизъ и Петрункевичъ, а также предсѣдатель уѣздной земской управы Нѣмовъ, указывая на блестящую постановку школьнаго дѣла въ уѣздѣ, а также и на то, что земство создало это трудное дѣло безъ всякой посторонней помощи, что цѣль земства—широкое развитіе начальнаго образованія—почти достигнута и что передать дѣло народнаго образованія, значитъ отказаться отъ прямыхъ своихъ обязанностей, которыя всегда исполнялись земствомъ честно и добросовѣстно. Уѣздное собраніе, большинствомъ 16-ти голосовъ противъ 7-ми, принявъ предложеніе гласнаго Столпакова, постановило поручить уѣздной земской управѣ разработать проектъ о передачѣ школъ къ будущему 1904-му году. Баллотировка предложенія была произведена посредствомъ вставанія. Въ числѣ принявшихъ предложеніе г. Столпакова находились девять волостныхъ старшинъ и представитель духовенства, а противъ него голосовали предсѣдатель и два члена уѣздной земской управы, двое гласныхъ-дворянъ и представители казны и удѣловъ. Въ томъ же засѣданіи постановлено учредить три фельдшерскихъ пункта, причемъ указано, что завѣдываніе этими пунктами можетъ быть поручено ротнымъ фельдшерамъ. Тогда же рѣшено упразднить должность уѣзднаго земскаго агронома.—Само собою разумѣется, что въ извѣстныхъ органахъ печати поворотъ, совершившійся въ тверскомъ уѣздномъ земствѣ, вызываетъ живѣйшее ликованіе. Корреспондентъ „Московскихъ Вѣдомостей" выдаетъ „иниціатору побѣды здраваго смысла надъ тупо-

---

[1]) Слѣдовало бы сказать: городской *управѣ*.

умнымъ доктринерствомъ" патентъ на званіе „истинно-русскаго человѣка", а одного изъ „доктринеровъ" называетъ „архи-якобинцемъ"; кн. Мещерскій, въ „Гражданинѣ", празднуетъ пораженіе одного изъ центровъ *безштаннаго* (поясненіе въ скобкахъ—*санкюлотъ*) либерализма". Посмотримъ, однако, при какихъ условіяхъ одержана побѣда.

На основаніи земскаго Положенія 1890-го года, тверское уѣздное земское собраніе состоитъ изъ 32 гласныхъ: 19—отъ перваго избирательнаго собранія, 3—отъ второго и 10—отъ сельскихъ обществъ. Къ нимъ присоединяются, въ силу закона, уѣздный предводитель дворянства, городской голова (если они не состоятъ въ числѣ гласныхъ) и три представителя вѣдомствъ (духовнаго, государственныхъ имуществъ и удѣльнаго). Между тѣмъ, на выборахъ нынѣшняго года въ первомъ избирательномъ собраніи получили большинство голосовъ всего *семь* лицъ—сначала четыре, потомъ, на вторично созванномъ (въ силу ст. 50-ой) собраніи, еще три. Подобные случаи предусмотрѣны ст. 52-ой земскаго положенія, на основаніи которой, если и послѣ вторичныхъ выборовъ число лицъ, получившихъ большинство голосовъ, окажется меньше двухъ третей общаго ихъ числа, положеннаго росписаніемъ (для тверского уѣзда, слѣдовательно—меньше *тринадцати*), то министръ внутреннихъ дѣлъ или продолжаетъ на время не долѣе трехъ лѣтъ срокъ полномочій гласныхъ, состоявшихъ въ этомъ званіи въ теченіе предъидущаго трехлѣтія, или назначаетъ на тотъ же срокъ председателя и членовъ уѣздной земской управы. По отношенію къ тверскому земству избранъ былъ, однако, *иной* путь: число избранныхъ гласныхъ опредѣлено было признать достаточнымъ, и собраніе открылось въ томъ *неполномъ* составѣ, который былъ данъ ему неудавшимися выборами. Можно сказать утвердительно, что при соблюденіи порядка, указаннаго ст. 52-ою, постановленія въ родѣ тѣхъ, которыя состоялись 9-го ноября, были бы немыслимы. Еслибы собраніе было пополнено гласными прежняго состава, они, конечно, подали бы голосъ противъ ломки зданія, надъ довершеніемъ и усовершенствованіемъ котораго они такъ усердно трудились; если бы на мѣсто собранія была поставлена *назначенная* управа, она не рѣшилась бы пойти прямо въ разрѣзъ со всѣмъ сдѣланнымъ прежними, *выборными* представителями уѣзда. Иниціативу крутого поворота могли взять на себя только избранные гласные—а достигнуть цѣли они могли только въ собраніи сокращенномъ и обезсиленномъ... Весьма знаменательно, что въ меньшинствѣ оказались представители казны и удѣловъ: это—лучшее доказательство тому, что защита земской школы была дѣломъ убѣжденія, а не партійной тактики. Восклицательные знаки, расточаемые по этому поводу „Московскими Вѣдомостями", выражаютъ собою весьма понятную досаду тріумфаторовъ,

за колесницей которыхъ отказались пойти именно тѣ, кто былъ имъ особенно нуженъ.

Отказъ земства отъ завѣдыванія школами—явленіе довольно рѣдкое, но далеко не новое: подобные случаи бывали, напримѣръ, въ губерніяхъ саратовской (вольскій уѣздъ) и тульской (чернской), при чемъ земство, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, прозрѣвало иногда свою ошибку и возвращалось на покинутый имъ путь. Не возобновляя давнишняго спора о сравнительномъ достоинствѣ двухъ главныхъ типовъ начальной школы, замѣтимъ только одно: руководящимъ мотивомъ для передачи земскихъ школъ въ духовное вѣдомство почти всегда служило стремленіе къ экономіи, по временамъ связанное съ принципіальнымъ нерасположеніемъ ко всѣмъ формамъ общественной самодѣятельности. „Числомъ поболѣе, цѣною подешевле"—такова формула, къ которой (а иногда къ одной лишь послѣдней ея части) сводятся обыкновенно рѣшенія въ родѣ постановленнаго тверскимъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ. Вопросъ о качествѣ школы не играетъ здѣсь никакой роли или отступаетъ далеко на задній планъ. Уменьшеніе земскаго сбора—вотъ главная забота мнимо-земскихъ дѣятелей, глубоко-равнодушныхъ къ общему благу. Кто понимаетъ призваніе и значеніе земства, кто дорожитъ его прошлымъ и вѣритъ въ его будущее, тотъ не можетъ съ легкимъ сердцемъ передавать въ другія руки важнѣйшую его задачу, подписывая тѣмъ самымъ самому себѣ безнадежнѣйшее testimonium paupertatis. Меньше чѣмъ гдѣ-либо малодушное признаніе своего безсилія находитъ для себя оправданіе именно въ тверскомъ уѣздѣ, земство котораго довело число своихъ школъ до 111, подготовило введеніе всеобщаго обученія (для чего остается открыть только 19 школъ), понизило число отказовъ въ принятіи учащихся до весьма незначительной цифры (165, изъ которыхъ только 78—за тѣснотою помѣщеній) и замѣстило почти всѣ учительскія должности лицами съ надлежащимъ образовательнымъ цензомъ (не имѣютъ его только 4% изъ числа учащихъ). Первымъ въ губерніи, вообще много сдѣлавшей для народнаго образованія, тверской уѣздъ является и по числу грамотныхъ новобранцевъ, процентъ которыхъ за послѣдніе три года (1900—1902) повысился съ 88 до 94. И вотъ моментъ, избранный для „скачка въ темноту"—для принятія мѣры, лишающей земство всякаго вліянія на дальнѣйшій ходъ почти законченной работы! Домъ подведенъ строителями подъ крышу—но жить въ немъ будутъ другіе, не имѣвшіе никакого отношенія къ постройкѣ.

Не опровергается ли, однако, все сказанное нами до сихъ поръ однимъ простымъ фактомъ: гласные отъ сельскихъ обществъ въ тверскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи всѣ поголовно подали голосъ за

предложеніе г. Столпакова. Распространеніе и развитіе начальнаго образованія всего важнѣе именно для массы населенія; не слѣдуетъ ли, поэтому, признать, что мѣра, проектированная тверскимъ уѣзднымъ земствомъ, соотвѣтствуетъ интересамъ или хотя бы желаніямъ этой массы? На самомъ дѣлѣ гласные отъ сельскихъ обществъ, при дѣйствующей избирательной системѣ, вовсе не могутъ считаться представителями крестьянства. Не говоря уже о возможности давленія на волостные сходы, избранныя ими лица попадаютъ въ земское собраніе далеко не всѣ: число гласныхъ отъ крестьянъ почти всегда гораздо меньше, чѣмъ число волостей, и выборъ между избранниками волостныхъ сходовъ принадлежитъ губернской администраціи, неизбѣжно руководствующейся при этомъ указаніями мѣстныхъ властей, т.-е. уѣздныхъ предводителей и земскихъ начальниковъ. Послѣдствія такого порядка особенно ощутительны тогда, когда среди гласныхъ отъ сельскихъ обществъ преобладаютъ волостные старшины, вдвойнѣ подчиненные и зависимые—и какъ крестьяне, и какъ должностныя лица. Именно таково положеніе вещей въ тверскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи: между *десятью* гласными отъ крестьянъ *девять* волостныхъ старшинъ. Понятно, въ какой степени свободно ихъ голосованіе, при открытой баллотировкѣ, въ присутствіи предводителя дворянства и земскихъ начальниковъ [1]). О дѣйствительномъ настроеніи крестьянъ тверского уѣзда можно судить по слѣдующему сообщенію гласнаго М. И. Петрункевича, сдѣланному имъ въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ „Новостей“: „лѣтъ 9 или 12 тому назадъ, г. Столпаковъ, бывшій тогда уѣзднымъ гласнымъ, предложилъ управѣ произвести опросъ всѣхъ тѣхъ обществъ, гдѣ имѣются земскія школы, не пожелаютъ ли они преобразовать ихъ въ церковно-приходскія. На сколько меня не обманываетъ память, всѣ полученные отвѣты были отрицательные, а одно общество, гдѣ была церковно-приходская школа, выразило пожеланіе о преобразованіи ея въ земскую“.

Характеристика собранія, наложившаго руку на земскую школу, довершается другими его постановленіями. Медицинская часть была поставлена въ тверскомъ уѣздѣ образцово: фельдшера были здѣсь именно тѣмъ, чѣмъ они должны и могутъ быть по степени своего образованія—помощниками врачей, дѣйствующими исключительно подъ

---

[1]) „Гражданинъ“ увѣряетъ, что по окончаніи засѣданія гласные-крестьяне благодарили г. Столпакова за взятый имъ на себя починъ обращенія земскихъ школъ въ церковно-приходскія. Въ тверской корреспонденціи „Московскихъ Вѣдомостей“, изъ которой авторъ „Дневниковъ“ узналъ, повидимому, о тверскомъ инцидентѣ, благодарность крестьянъ не упоминается вовсе; но если и допустить, что она была выражена,—показателемъ истинныхъ чувствъ крестьянъ она можетъ служить, въ виду указанныхъ нами условій, столь же мало, какъ и ихъ оффиціальное голосованіе.

ихъ ближайшимъ руководствомъ. Теперь рѣшено учредить три особыхъ фельдшерскихъ пункта, съ ассигнованіемъ на каждый по 500 руб. (включая плату за помѣщеніе, лекарства и т. п.). При такой ассигновкѣ возможно только приглашеніе наиболѣе дешевыхъ, такъ называемыхъ ротныхъ фельдшеровъ, которыхъ—за недостаткомъ другихъ, лучше подготовленныхъ—приходится иногда давать въ помощники врачамъ, но которыхъ особенно опасно допускать къ самостоятельному леченію. Этихъ простыхъ соображеній не хочетъ знать собраніе, стремящееся къ экономіи во что бы то ни стало. Новымъ руководителямъ тверского земства не мѣшало бы принять во вниманіе хотя бы мнѣніе ихъ газетныхъ единомышленниковъ, строго осуждающихъ „фельдшеризмъ", въ особенности когда это осужденіе даетъ поводъ къ вылазкѣ противъ земскихъ врачей... [1]). Ничѣмъ другимъ, кромѣ жажды грошовыхъ сбереженій и систематически-отрицательнаго отношенія къ дѣятельности предшественниковъ, нельзя объяснить и постановленіе, упразднившее должность уѣзднаго агронома, въ самый разгаръ дѣятельности, направленной къ поднятію уровня крестьянскаго хозяйства. Въ докладѣ, представленномъ собранію, былъ намѣченъ цѣлый рядъ полезныхъ агрономическихъ мѣръ, осуществимыхъ только при участіи спеціалиста. Отъ всего этого теперь придется отказаться по меньшей мѣрѣ на три года—отказаться именно въ то время, когда во всей Россіи поставленъ вопросъ о поднятіи уровня сельскаго хозяйства.

Тверская корреспонденція „Московскихъ Вѣдомостей" заканчивается слѣдующими словами: „наши либералы уже подняли свое знамя, созывая вокругъ него вѣрныхъ сыновъ тверского демократизма, дабы, какъ они выражаются, зарѣзать наше уѣздное земство на ближайшемъ губернскомъ собраніи". Еще опредѣленнѣе звучатъ варіаціи на ту же тему, разыгрываемыя въ „Гражданинѣ". „Опытъ жизни показываетъ"—восклицаетъ авторъ „Дневниковъ",—„что у насъ на Руси какъ-то такъ устраиваютъ порядокъ вещей какіе-то непостижимые и невидимые законы, что всѣ побѣды либераловъ оканчиваются торжествомъ ихъ на дѣлѣ, а побѣды консерваторовъ встрѣчаютъ для осуществленія своего успѣха на дѣлѣ какія-то непреоборимыя препятствія. Прежде всего мы имѣемъ дѣло съ общимъ правовымъ, такъ сказать, вопросомъ: уѣздное земское собраніе постановило; можетъ ли оно считаться настолько совершеннолѣтнимъ, чтобы свое постановленіе приводить въ исполненіе? Оказывается, какъ мнѣ говорятъ, что нѣтъ: уѣздное собраніе могло постановить, но затѣмъ вопросъ дол-

---

[1]) См., напримѣръ, выписку изъ „Самарской Газеты", съ комментаріями, въ № 309 „Московскихъ Вѣдомостей".

женъ поступить въ губернское земское собраніе, и тамъ, если удастся господамъ Петрункевичамъ подобрать свою партію, торжественно провалиться". Изъ этого, какъ и слѣдовало ожидать, выводится обычное caeterum censeo реакціонной печати: необходимость пересмотра земскаго положенія, въ смыслѣ ограниченія правъ губернскаго земства — или совершенной его отмѣны. Не нужно быть глубокимъ знатокомъ земскихъ порядковъ, чтобы понять полнѣйшую несостоятельность предположеній, кѣмъ-то подсказываемыхъ редактору „Гражданина". Отмѣнять постановленіе уѣзднаго собранія губернское собраніе можетъ только по протесту губернатора, мотивированному несоотвѣтствіемъ съ общими государственными пользами и нуждами или явнымъ нарушеніемъ интересовъ мѣстнаго населенія—а протестъ противъ обращенія земскихъ школъ въ церковно-приходскія, вообще крайне невѣроятный, совершенно немыслимъ именно въ тверской губерніи. Какъ бы губернское земство ни относилось къ пути, на который вступило, въ данномъ случаѣ, уѣздное собраніе, остановить его или заставить его пойти назадъ оно не въ силахъ. Лишено основанія и другое опасеніе „Гражданина": „а ну какъ какой-нибудь чиновникъ министерства народнаго просвѣщенія вздумаетъ *взять муху*, какъ говорятъ французы, во имя земства и увидитъ въ постановленіи уѣзднаго земства косвенный намекъ на вѣдомство учебное, коему земскія школы числятся подчиненными"? Министерство народнаго просвѣщенія никогда не было расположено къ ревностному охраненію земской школы—но еслибы оно, паче чаянія, и захотѣло, въ данномъ случаѣ, взять на себя роль охранителя, оно могло бы ее исполнить лишь при содѣйствіи министерства внутреннихъ дѣлъ. Единственное препятствіе, которое можетъ встрѣтить тверское уѣздное земство, указано М. И. Петрункевичемъ, въ бесѣдѣ, упомянутой нами выше: это—veto сельскихъ обществъ, которыми, отчасти на собственныя, отчасти на земскія средства построены многія земскія школы въ тверскомъ уѣздѣ и безъ согласія которыхъ эти школы не могутъ, слѣдовательно, быть переведены въ другое вѣдомство. Остается пожелать, чтобы сельскимъ обществамъ предоставлена была возможность *свободно* высказаться по этому вопросу.

Одна изъ петербургскихъ газетъ, рѣшительно осуждая образъ дѣйствій тверского уѣзднаго земства, задумывается, по этому поводу, надъ предполагаемымъ пониженіемъ земскаго избирательнаго ценза и напоминаетъ, что онъ не помѣшалъ земству впервые поставить на ноги народную школу. Отнюдь не отрицая великихъ заслугъ земства, мы думаемъ, что наиболѣе цѣнные результаты его работы достигнуты не *благодаря*, а скорѣе *вопреки* высокому имущественному цензу. Нѣтъ основаній опасаться, что новыя категоріи избирателей, призванныя къ жизни

пониженіемъ ценза, измѣнятъ лучшимъ земскимъ традиціямъ; наоборотъ, все заставляетъ ожидать, что реформа, достаточно рѣшительная и широкая, остановитъ упадокъ земской дѣятельности, замѣчаемый кое-гдѣ со времени введенія въ дѣйствіе Положенія 1890-го года. Въ развитіи и правильномъ веденіи земскаго дѣла мелкіе землевладѣльцы, въ особенности живущіе на мѣстахъ и лично занимающіеся хозяйствомъ, заинтересованы отнюдь не меньше, чѣмъ сравнительно крупные, сплошь и рядомъ систематически грѣшащіе абсентеизмомъ и рѣдко пріѣзжающіе на земскіе выборы. При бо̀льшемъ числѣ избирателей рѣже будутъ встрѣчаться крутые повороты въ составѣ гласныхъ, а слѣдовательно и въ настроеніи собранія. Теперь для такого поворота достаточно, сплошь и рядомъ, неявки нѣсколькихъ избирателей или, наоборотъ, внезапнаго появленія нѣсколькихъ другихъ, обычно не принимающихъ участія въ выборахъ; тогда подобные сюрпризы будутъ устраиваться не такъ легко. Само собою разумѣется, что однимъ пониженіемъ имущественнаго ценза для личныхъ землевладѣльцевъ нельзя достигнуть желанной перемѣны къ лучшему: гораздо важнѣе коренное преобразованіе въ выборѣ гласныхъ отъ сельскихъ обществъ—преобразованіе, которымъ было бы возстановлено прежнее ихъ мѣсто въ земскихъ собраніяхъ и больше прежняго обезпечена свобода выборовъ. Пока представители крестьянства являются, de facto, ставленниками администраціи, до тѣхъ поръ земское собраніе не можетъ выражать собою истинные взгляды и желанія населенія.

Одновременно съ извѣстіемъ о постановленіи тверского уѣзднаго земскаго собранія, забраковавшемъ земскую школу, въ печати появился текстъ приговора, составленнаго крестьянами деревень Павловой, Лысовой, Березовой и Ивкиной, рязанскаго уѣзда, въ числѣ 130 домохозяевъ изъ 179, имѣющихъ право голоса на сходѣ. Въ 1896 г. крестьянами этихъ деревень была открыта въ ихъ общественномъ зданіи, при деревнѣ Павловой, церковно-приходская школа. „Принявъ во вниманіе“—сказано въ приговорѣ,—„что 1) рязанское отдѣленіе епархіальнаго училищнаго совѣта вотъ уже третій годъ не назначаетъ учителя, способнаго обучать дѣтей хоровому пѣнію, подъ каковымъ условіемъ и открыта церковная школа; 2) часто мѣняетъ учителей, по причинѣ чего ученіе въ школѣ никогда во̀-время не начинается; 3) отказываетъ въ удовлетвореніи такихъ насущныхъ нуждъ школы, какъ напр. пополненіе школьной библіотеки и высылка письменныхъ принадлежностей, а также 4) разныя неудобства, съ ко-

торыми соединяется изысканіе средствъ на ежегодно почти увеличивающіяся школьныя нужды, и замѣчая въ то же время лучшій порядокъ и постановку дѣла въ школахъ, подвѣдомственныхъ рязанскому уѣздному земству, крестьяне постановили: 1) просить уѣздное земство о принятіи павловской школы въ свое вѣдѣніе и переименованіи ея изъ церковно-приходской въ земскую; 2) на тотъ случай, если епархіальный училищный совѣтъ будетъ требовать возмѣщенія своихъ расходовъ, сдѣланныхъ имъ въ видѣ пособія на постройку и ремонтъ зданія при открытіи школы, просятъ уѣздное земство, чтобы оно отпустило заимообразно изъ своихъ средствъ 245 рублей и уплатило эти деньги совѣту, а въ пополненіе этой суммы разложило ее по ревизскимъ душамъ на всѣ четыре общества и выбрало постепенно, въ продолженіе 5 лѣтъ, вмѣстѣ съ земскими сборами; 3) принять на счетъ обществъ крестьянъ ремонтъ, отопленіе и освѣщеніе школьнаго зданія съ квартирой учителя и наемъ школьной прислуги и 4) просить земство, чтобы оно чрезъ инспектора народныхъ училищъ назначило въ Павловскую школу учителя, свѣдущаго въ церковномъ пѣніи, каковой трудъ будетъ ими оплаченъ особо". Рязанское уѣздное земское собраніе поручило уѣздной управѣ снестись съ епархіальнымъ вѣдомствомъ и, въ случаѣ согласія его на передачу павловской школы въ вѣдѣніе земства, выдать обществу просимую ссуду, а въ случаѣ затрудненій сообщить губернскому училищному совѣту, для возбужденія ходатайства передъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Что дѣло не обойдется безъ „затрудненій"—это, судя по многимъ аналогичнымъ случаямъ, болѣе чѣмъ вѣроятно. Осуществить передачу школъ изъ учебнаго вѣдомства въ духовное гораздо легче, чѣмъ достигнуть обратнаго результата. Отсюда необходимость особой осторожности для земства—осторожности, такъ явно нарушенной тверскимъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ... Приговоръ, приведенный нами выше, особенно знаменателенъ тѣмъ, что онъ возлагаетъ на крестьянъ новыя, для нихъ немаловажныя денежныя обязательства. Это устраняетъ возможность предполагать наличность, въ данномъ случаѣ, какихъ-нибудь постороннихъ внушеній и вліяній. Объ административномъ давленіи на крестьянъ не можетъ быть здѣсь и рѣчи: тамъ, гдѣ оно выступаетъ на сцену, оно клонится отнюдь не въ пользу земской школы...

Въ газетѣ „Право" (№ 46) оглашено недавно распоряженіе херсонскаго губернатора, подвергшаго десятерыхъ елисаветградскихъ сектантовъ, за совмѣстныя богомоленія, семидневному аресту, на

основаніи обязательныхъ постановленій, воспрещающихъ „всякія собранія и сходбища на улицахъ, площадяхъ и въ домахъ", кромѣ случаевъ, когда это допущено властями. „Послѣдняя оговорка"—замѣчаетъ „Право" — „вполнѣ понятна: воспрещеніе не можетъ относиться къ собраніямъ, дозволеннымъ закономъ, такъ какъ обязательныя постановленія ни въ какомъ случаѣ не должны противорѣчить дѣйствующимъ законамъ и карательнымъ постановленіямъ улож. и уст. о нак., а также высшихъ правит. лицъ и учрежденій. Между тѣмъ, законъ 3 мая 1883 г. предоставилъ всѣмъ сектантамъ (за исключеніемъ лицъ, указанныхъ въ 203 ст. улож. о нак., и скопцовъ) право творить общественную молитву по ихъ обрядамъ, а Высоч. утвержденное 4 іюля 1894 г. Полож. ком. мин., лишившее этого права штундистовъ, постановляетъ, что эти послѣдніе, за совмѣстныя богомоленія, подвергаются отвѣтственности по 29 ст. уст. о нак., каковой статьею предусматривается одно лишь наказаніе—штрафъ до 50 р. До сихъ поръ полиція и преслѣдовала мѣстныхъ сектантовъ именно судебнымъ порядкомъ, причемъ, послѣ указа херсонскаго губернскаго присутствія, постановившаго по 28 тождественнымъ дѣламъ (съ 250 обвиняемыми, въ числѣ коихъ были и подвергнутые нынѣ аресту въ административномъ порядкѣ) всѣ эти дѣла производствомъ совершенно прекратить, за отсутствіемъ состава преступленія,—городскіе судьи, и раньше выносившіе, въ большинствѣ случаевъ, сектантамъ оправдательные приговоры, стали ихъ совершенно освобождать отъ всякой отвѣтственности. Означенное распоряженіе губернатора—первый случай административнаго взысканія за молитвенныя собранія мѣстныхъ сектантовъ". Замѣтка „Права" вызвала возраженіе со стороны „Московскихъ Вѣдомостей" (№ 313). „Въ чертѣ усиленной охраны"—утверждаетъ газета г. Грингмута — „самовольныя сборища запрещены, и губернаторъ несомнѣнно имѣетъ право не только разсѣять собравшихся, но и наложить на нихъ наказаніе въ административномъ порядкѣ. Это тѣмъ болѣе необходимо, что *судъ не всегда оказывается на высотѣ своего призванія*". Мы думаемъ, что усиленная охрана влечетъ за собою возможность запрещенія такихъ только собраній, которыя угрожаютъ общественному спокойствію и вмѣстѣ съ тѣмъ не подходятъ подъ дѣйствіе спеціальныхъ узаконеній, установляющихъ спеціальную отвѣтственность. Ни тому, ни другому условію молитвенныя собранія сектантовъ не отвѣчаютъ: происходя въ четырехъ стѣнахъ частной квартиры, ограничиваясь духовными упражненіями и не нарушая тишины и порядка, они подлежатъ преслѣдованію только на основаніи особыхъ правилъ и только въ предѣлахъ, этими правилами установленныхъ. Нельзя, очевидно, допустить, чтобы ограни-

ченія судебно-уголовной репрессіи, вытекающія изъ кассаціонныхъ сенатскихъ рѣшеній, могли быть обходимы съ помощью дискреціонной административной власти. Сенатъ призналъ, что участники сектантскихъ молитвенныхъ собраній наказуемы только въ такомъ случаѣ, если доказана ихъ принадлежность къ *штундизму* (т.-е. къ сектѣ, соединяющей въ себѣ *всѣ* перечисленные закономъ признаки штундизма). Исключительно на этой почвѣ и можетъ происходить преслѣдованіе молитвенныхъ собраній. Судебныя и судебно-административныя мѣста, подчиняясь толкованію сената, оказались именно *на высотѣ своего призванія*; измѣной призванію было бы, наоборотъ, назначеніе наказаній, противорѣчащихъ духу и смыслу закона. Еслибы, впрочемъ, со стороны суда и была допущена ошибка, исправленіе ея лежало бы, во всякомъ случаѣ, не на обязанности администраціи.

Какъ опасна широкая дискреціонная власть, объ этомъ можно судить по слѣдующему сообщенію „Пермскаго Края", короткому, но въ высшей степени знаменательному: „назначенный [1]) земскимъ начальникомъ 4-го участка пермскаго уѣзда въ августѣ сего года новый составъ волостныхъ судей чусовской волости начинаетъ примѣнять наказаніе розгами, не примѣнявшееся въ волости около десяти лѣтъ". Итакъ, усмотрѣнія одного лица достаточно для того, чтобы вызвать въ подчиненной ему мѣстности крутой поворотъ назадъ, къ порядку, фактически переставшему тамъ существовать и вообще давно потерявшему право на существованіе! И это дѣлается какъ разъ въ то время, когда изъ разныхъ концовъ Россіи приходятъ извѣстія о совершенномъ или почти совершенномъ исчезновеніи тѣлесныхъ наказаній изъ практики волостныхъ судовъ! Не ясно ли, что на одно смягченіе административныхъ нравовъ разсчитывать нельзя и что необходима полная и окончательная отмѣна, путемъ закона, всѣхъ уцѣлѣвшихъ видовъ тѣлеснаго наказанія?

Когда реакціонная пресса отрицаетъ свободу печати и стремится къ уничтоженію или ограниченію тѣхъ немногихъ правъ, которыя принадлежатъ нашимъ газетамъ и журналамъ, это насъ не удивляетъ, къ этому мы привыкли, какъ привыкли и къ исходящимъ изъ того же источника подкопамъ подъ земское и городское самоуправленіе; но ничего подобнаго мы не ожидали отъ газеты, далеко не солидарной

---

[1]) Волостные судьи, какъ извѣстно, не назначаются, а избираются. Если въ настоящемъ случаѣ составъ волостного суда названъ *назначеннымъ*, то это, вѣроятно, нужно понимать въ томъ смыслѣ, что выборы произведены по властному указанію земскаго начальника.

съ „Гражданиномъ“ и „Московскими Вѣдомостями“. Съ удивленіемъ и прискорбіемъ мы прочли, поэтому, слѣдующія слова „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ (въ № 309), тотчасъ же радостно повторенныя въ „Дневникѣ“ кн. Мещерскаго (№ 91 „Гражданина“): „Если бы къ земскимъ работникамъ не пристегнулись добровольцы нелегальщины, земское самоуправленіе давно развилось бы очень широко; если бы тѣ же элементы не пристегнулись къ печати, правительство, можетъ быть, не боялось бы, что свобода печати дастъ просторъ шантажу и клеветѣ“. Совершенно невѣренъ свѣтъ, бросаемый этой тирадой на исторію нашего земства и нашей печати, на происхожденіе и свойство преградъ, встрѣченныхъ ими съ первыхъ же шаговъ и до сихъ поръ задерживающихъ и затрудняющихъ ихъ развитіе. Ничего общаго съ „нелегальщиной“ не имѣли тѣ дѣйствія с.-петербургскаго губернскаго земства, которыя послужили поводомъ къ закрытію, въ 1867 г., земскихъ учрежденій с.-петербургской губерніи. Не стремленіемъ устранить или предотвратить соприкосновеніе земства съ „нелегальщиной“ была вызвана отмѣна стараго земского Положенія и замѣна его закономъ 1890-го года. То же самое слѣдуетъ сказать и о мѣрахъ 1900-го года, уменьшившихъ кругъ вѣдомства и ограничившихъ самостоятельность земства. Въ безконечно-длинномъ спискѣ періодическихъ изданій, подвергшихся запрещенію и другимъ административнымъ карамъ, немного найдется такихъ, которыя были уличены или хотя бы только заподозрѣны въ близости къ „нелегальнымъ элементамъ“. Столь же рѣдко или еще рѣже поводомъ къ административнымъ взысканіямъ служило что-либо похожее на шантажъ или клевету. Періодическія изданія, наиболѣе грѣшившія легкомысленнымъ или злонамѣреннымъ отношеніемъ къ чужой чести, отнюдь не принадлежатъ къ числу тѣхъ, которыя всего чаще привлекались къ административной отвѣтственности. Что заключительный выводъ, къ которому придетъ безпристрастный историкъ послѣднихъ десятилѣтій, не будетъ имѣть ничего общаго съ обвиненіями, легкомысленно брошенными на страницахъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“—въ этомъ мы вполнѣ убѣждены; но въ текущую жизнь, и безъ того богатую диссонансами, они вносятъ лишнюю фальшивую ноту, для предупрежденія которой достаточно было бы болѣе внимательнаго отношенія къ дѣйствительности.

Когда сходитъ со сцены человѣкъ, дѣятельность котораго служила, при его жизни, предметомъ самыхъ разнообразныхъ, самыхъ противоположныхъ сужденій, его противники охотно умолкаютъ, не

желая нарушать тишины, водворяющейся около свѣжей могилы. Молчаніе становится, однако, затруднительнымъ, почти невозможнымъ, если не знаютъ мѣры и предѣла панегирики единомышленниковъ покойнаго. Такимъ незнаніемъ мѣры грѣшатъ статьи „Московскихъ Вѣдомостей", посвященныя скончавшемуся недавно А. Л. Апухтину, бывшему попечителю варшавскаго учебнаго округа. Здѣсь идетъ рѣчь и о „тяжеломъ горѣ, постигшемъ истинно-русскихъ людей", и „о великомъ русскомъ дѣлѣ въ многострадальной Холмщинѣ, провожающей почившаго благодарными слезами", и о правѣ А. Л. Апухтина на имя *болярина*, такъ какъ онъ „во-истину болѣлъ душой за дорогое ему русское дѣло". Въ видѣ противовѣса такому неумѣренному хвалебному слову мы напомнимъ только отзывы о положеніи школьнаго дѣла въ привислянскомъ краѣ при А. Л. Апухтинѣ—отзывы свидѣтелей безусловно достовѣрныхъ: варшавскихъ генералъ-губернаторовъ Гурко и кн. Имеретинскаго [1]). „Въ правительственной школѣ"—писалъ въ 1890 г. генералъ-адъютантъ Гурко — „обходятся съ польскимъ ребенкомъ не только не любовно, но прямо враждебно; ему ставятъ въ вину его польское происхожденіе, оскорбляютъ его національное чувство, къ его религіи относятся пренебрежительно. Возвращаясь домой, дитя передаетъ родителямъ, уже и безъ того не отличающимся любовью къ русскому народу, объ обидахъ, испытанныхъ въ школѣ, о томъ фаворитизмѣ, которымъ пользуются въ ней русскія дѣти. Такое безсердечное отношеніе къ ребенку приводитъ къ результатамъ прямо противоположнымъ тѣмъ, которыхъ ожидало отъ дѣятельности этихъ школъ правительство; оно не развиваетъ въ ребенкѣ любви къ Россіи, а наоборотъ, заставляетъ его возненавидѣть съ юныхъ лѣтъ все русское, доставившее ему въ лучшую пору его жизни столько напрасныхъ оскорбленій и горькихъ слезъ". Семь лѣтъ спустя генералъ-адъютантъ кн. Имеретинскій находилъ, что преподаваніе польскаго языка поставлено въ начальныхъ школахъ края еще хуже, чѣмъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. „Воспитанники гимназій, благодаря сравнительно большей состоятельности своихъ родителей, могутъ пополнить недостатокъ школьнаго преподаванія домашнимъ обученіемъ; дѣти крестьянъ и бѣдныхъ мѣщанъ лишены этой возможности". Выражая сомнѣніе въ справедливости такого порядка, кн. Имеретинскій приписывалъ ему нежеланіе населенія

---

[1]) Эти отзывы приведены въ извѣстномъ изданіи В. Д. Спасовича и Э. И. Пильца: „Очередные вопросы въ Царствѣ Польскомъ" (т. I, Спб. 1902) и заимствованы оттуда нашимъ журналомъ, въ статьѣ: „Одна изъ окраинъ Россіи" (см. № 9 „Вѣстника Европы" за 1902 г., стр. 340—355).

посылать своихъ дѣтей въ школу. „Нельзя требовать,—говорилъ онъ, —чтобы простой человѣкъ понялъ все значеніе обученія государственному языку въ ущербъ отечественному. Пренебреженіе польскаго языка, какъ предмета обученія въ училищахъ, даетъ разнымъ агитаторамъ основаніе указывать на этотъ фактъ, какъ на лучшее доказательство стремленій нашего правительства къ обрусенію края —стремленій въ дѣйствительности не существующихъ и даже невозможныхъ". Къ чему должна была привести такая система, неуклонно проводившаяся въ теченіе восемнадцати лѣтъ, и какъ велика благодарность, заслуживаемая ея представителемъ—это не требуетъ поясненія.

Въ минувшемъ мѣсяцѣ исполнилось двадцать-пять лѣтъ со времени открытія въ С.-Петербургѣ высшихъ женскихъ курсовъ. Чествованіе этой годовщины было празднествомъ для той, постоянно увеличивающейся части русскаго общества, которая видитъ въ распространеніи и углубленіи высшаго образованія одинъ изъ вѣрнѣйшихъ путей къ лучшему будущему. Созданіе высшихъ женскихъ курсовъ и возсозданіе ихъ послѣ кризиса, пережитаго ими въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ—поразительно яркое доказательство энергіи, на которую, во имя добраго, крупнаго дѣла, способны русскія женщины. Пожелаемъ симпатичному учрежденію не только спокойнаго, безпрепятственнаго слѣдованія по дорогѣ, первая, самая трудная часть которой пройдена имъ съ такимъ блестящимъ успѣхомъ, но и расширенія его задачъ, по крайней мѣрѣ до ихъ первоначальныхъ предѣловъ. Съ судьбой петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ тѣсно связана судьба высшаго женскаго образованія въ Россіи. Еслибы ихъ не удалось спасти въ 1889 г., едва ли мы видѣли бы теперь возрожденіе аналогичныхъ научныхъ центровъ въ разныхъ концахъ государства.

Общественнымъ празднествомъ было и чествованіе В. Г. Короленко. Начавшись въ провинціи еще лѣтомъ, когда любимому писателю исполнилось пятьдесятъ лѣтъ, оно завершилось въ Петербургѣ, 14-го ноября, длиннымъ рядомъ овацій, показавшихъ наглядно, какъ дорогъ широкой публикѣ художникъ-авторъ „Сна Макара" и „Въ дурномъ обществѣ", безпристрастный наблюдатель русской жизни на далекихъ окраинахъ и надъ „великою русской рѣкой", дѣятель и лѣтописецъ „голоднаго года", защитникъ мултанскихъ вотяковъ, редак-

торъ одного изъ лучшихъ русскихъ журналовъ, неутомимый и вѣчно-юный работникъ на всѣхъ дорогахъ, ведущихъ къ народному благу. Знать В. Г. Короленко, значитъ любить его—а знаютъ его всѣ его читатели: о произведеніяхъ его можно сказать, не рискуя впасть въ ошибку, что они служатъ зеркаломъ его души. Какъ нельзя болѣе характерна для него и рѣчь, произнесенная имъ 14-го ноября. „Господа",—сказалъ онъ по выслушаніи обращенныхъ къ нему привѣтствій,—„когда я шелъ сюда, признаюсь, я не ожидалъ того, что̀ будетъ. Помню, еще начинающимъ писателемъ я много перестрадалъ, когда такой колоссъ, какъ Щедринъ, спрашивалъ: другъ-читатель, гдѣ же ты?.. Было это во время крушенія лучшихъ надеждъ писателя. Я пошелъ къ нему, я хотѣлъ его утѣшить, сказать, что есть этотъ читатель, что онъ сочувствуетъ горю, но онъ молчитъ, не смѣетъ, не можетъ проявить себя. Помню я, какъ въ письмѣ, полномъ юмора, но полномъ и тоски, Глѣбъ Успенскій упорно отнѣкивался отъ всякихъ юбилейныхъ чествованій, но все-таки долженъ былъ перенести эту страду, невыносимую для его скромной души. И я хотѣлъ отказаться, но меня убѣдили, что это надо, и, правда, я вижу, что не напрасно согласился. Всякое общество переживаетъ три фазиса своего совершенствованія. Для всякаго прогресса нужны три стадіи: мысль, слово и дѣло. Мысль всегда сильно работала въ русскомъ народѣ, только онъ не умѣлъ выражать ее. Не работай эта мысль, не было бы и всей русской исторіи. Теперь отъ затаенныхъ думъ мы перешли къ слову. Дай же Богъ, чтобы царила свободная мысль и свободное слово и народили они рядъ полезныхъ дѣлъ для всей нашей дорогой родины"...

Postscriptum. — Наше обозрѣніе было уже сдано въ печать, когда газеты ознакомили насъ съ настоящимъ положеніемъ работъ по пересмотру законодательства о крестьянахъ. Проекты, составленные министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и обнимающіе собою и крестьянское управленіе, и крестьянскій судъ, и крестьянское землевладѣніе, предполагается передать на предварительное обсужденіе губернскихъ совѣщаній, въ составъ которыхъ будутъ введены *выборные* члены какъ отъ губернскихъ земскихъ собраній, такъ и отъ дворянства, по числу уѣздовъ въ каждой губерніи, но безъ пріуроченія выбора къ каждому уѣзду отдѣльно. Крестьяне *могутъ* быть приглашаемы къ участію въ совѣщаніи по усмотрѣнію его предсѣдателя, т.-е. губернатора. Параллельно съ разсмотрѣніемъ проектовъ въ губернскихъ совѣщаніяхъ должно было бы идти широкое, свободное обсужденіе ихъ въ печати

и въ ученыхъ обществахъ, для чего, какъ справедливо замѣчаютъ „Русскія Вѣдомости“, необходимо было бы немедленное оглашеніе проектовъ и объяснительныхъ къ нимъ записокъ. Давно уже Россіи не приходилось переживать столь важной, столь критической минуты. Отъ того или другого исхода реформы зависитъ, въ значительной степени, судьба народныхъ массъ, а слѣдовательно,—и судьба всего русскаго общества.—Во время печатанія обозрѣнія, появилось также въ газетахъ извѣстіе о результатѣ здѣшнихъ городскихъ выборовъ въ гласные по первому разряду; столько же, какъ говорятъ, неожиданно для самихъ избирателей, сколько и характерно само по себѣ является избраніе въ гласные кн. Мещерскаго („Гражданинъ“); мы замѣтили выше, что онъ вдругъ перевернулся въ своихъ воззрѣніяхъ на такое новшество, какъ допущеніе квартирантовъ новымъ Положеніемъ; теперь дѣлается еще болѣе ясною причина, по которой въ его глазахъ казавшееся недавно чернымъ вдругъ побѣлѣло... Впрочемъ, будущій историкъ городского общественнаго управленія выяснитъ, вѣроятно, и то, какъ могъ совершиться подобный выборъ, когда о кандидатурѣ кн. Мещерскаго почти только наканунѣ узнали многіе изъ самихъ избирателей.

ИЗВѢЩЕНІЯ

Изъ устава Благотворительнаго Общества для открытія и поддержанія безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ для сельскаго населенія С.-Петербургской губерніи.

1. Общество имѣетъ цѣлью: содѣйствовать распространенію народнаго образованія среди сельскаго населенія С.-Петербургской губерніи, путемъ открытія самостоятельныхъ безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ, или учрежденія таковыхъ при начальныхъ училищахъ и поддерживанія существующихъ.

2. Для достиженія этой цѣли Общество: а) съ надлежащаго разрѣшенія учреждаетъ вновь безплатныя читальни и библіотеки различнаго вида, сообразно мѣстнымъ потребностямъ; б) въ случаѣ надобности оказываетъ поддержку существующимъ читальнямъ и библіотекамъ; в) собираетъ порядкомъ, ниже сего, въ § 5 указаннымъ, необходимыя средства; г) пріобрѣтаетъ книги, преимущественно относящіяся до сельскаго хозяйства, кустарныхъ промысловъ и періодическія изданія этого рода, научныя книги, популярно изложенныя, а также книги обще-литературнаго содержанія извѣстныхъ поэтовъ и писателей и вообще всѣ изданія, допущенныя и имѣющія быть допущенными въ установленномъ порядкѣ къ обращенію въ безплатныхъ народныхъ читальняхъ; д) снабжаетъ библіотеки, непосредственно или по соглашенію съ учредителями читаленъ и наблюдателями за ними, пріобрѣтаемыми книгами.

3. Членами Общества могутъ быть лица обоего пола всѣхъ званій и состояній, за исключеніемъ: несовершеннолѣтнихъ (кромѣ имѣющихъ классные чины), состоящихъ на дѣйствительной военной службѣ нижнихъ чиновъ и юнкеровъ, учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ, ограниченныхъ въ правахъ по суду и состоящихъ подъ судомъ или слѣдствіемъ по преступленіямъ, влекущимъ за собою ограниченіе въ правахъ, и членовъ разъ исключенныхъ, какъ изъ сего, такъ и изъ другихъ собраній на основаніи правилъ устава оныхъ, а также лицъ, состоящихъ подъ гласнымъ надзоромъ полиціи.

Примѣчаніе: число членовъ Общества неограниченно, но для открытія дѣйствій онаго необходимо вступленіе въ него не менѣе 50 человѣкъ.

4. Члены Общества подраздѣляются на а) почетныхъ, избираемыхъ общимъ собраніемъ изъ числа оказавшихъ обществу особыя услуги, или сдѣлавшихъ въ пользу онаго значительныя единовременныя пожертвованія, и б) дѣйствительныхъ, вносящихъ въ кассу Общества не менѣе 100 руб. единовременно или 3 руб. ежегодно.

5. Средства Общества составляются: а) изъ членскихъ взносовъ,

б) изъ пожертвованій какъ членовъ Общества, такъ и постороннихъ лицъ деньгами или книгами, в) изъ доходовъ отъ спектаклей, концертовъ, литературныхъ вечеровъ и пр., устраиваемыхъ Обществомъ съ надлежащаго каждый разъ разрѣшенія, съ соблюденіемъ установленныхъ на сей предметъ дѣйствующихъ узаконеній и особыхъ правительственныхъ распоряженій, г) изъ разныхъ случайныхъ поступленій и д) изъ %, приносимыхъ вышеозначенными суммами.

6. Капиталъ Общества раздѣляется на а) оборотный и б) запасный.

7. Оборотный капиталъ образуется изъ членскихъ взносовъ и пожертвованныхъ денегъ, а также и доходовъ, и употребляется на пріобрѣтеніе книгъ и всего необходимаго для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.

8. Запасный капиталъ составляется посредствомъ 10% вычета изъ остатковъ, образующихся къ концу года по удовлетвореніи всѣхъ нуждъ Общества, и предназначается для увеличенія помѣщеній библіотекъ и читаленъ, гдѣ таковыя окажутся малы или неудобны.

Примѣчаніе: запасный капиталъ не расходуется ни на какія другія потребности.

9. Капиталы, по опредѣленію Общества, по мѣрѣ накопленія ихъ, обращаются въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги и хранятся въ одномъ изъ учрежденій Государственнаго банка.

10. Обратное полученіе изъ банка капиталовъ, % бумагъ, производится по постановленію общаго собранія, по требованіямъ, подписаннымъ членами правленія.

11. Всѣ расходы по Обществу правленіе производитъ на основаніи смѣты, ежегодно утверждаемой общимъ собраніемъ членовъ.

Примѣчаніе: за цѣлость суммъ и имущества Общества отвѣчаютъ всѣ члены правленія, исключая случаевъ, когда растрата таковыхъ произведена однимъ изъ членовъ безъ вѣдома другихъ.

12. Дѣлами Общества завѣдуетъ а) правленіе Общества и б) общія собранія его членовъ.

А. Правленіе.

13. Правленіе Общества состоитъ: изъ предсѣдателя, казначея, секретаря и трехъ членовъ, избираемыхъ общимъ собраніемъ на три года, изъ числа членовъ Общества.

14. Правленіе созывается по мѣрѣ надобности, по усмотрѣнію предсѣдателя, но не менѣе одного раза въ мѣсяцъ. Кромѣ того, оно можетъ быть собрано по требованію трехъ членовъ правленія.

15. Для дѣйствительности засѣданія правленія необходимо присутствіе въ немъ не менѣе четырехъ членовъ онаго и представителей отъ учебнаго и духовнаго вѣдомствъ.

16. Дѣла правленія рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ; въ случаѣ равенства голосовъ, голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ.

17. На обязанности правленія лежитъ: а) забота объ увеличеніи средствъ и о преуспѣяніи Общества, б) ближайшее завѣдываніе дѣлами Общества, в) созваніе общихъ собраній, г) составленіе годового отчета о суммахъ и дѣятельности Общества за истекшій годъ, со

смѣтными предположеніями на будущій годъ и представленія отчета и смѣты на утвержденіе общаго собранія и д) представленіе на обсужденіе общаго собранія вопросовъ неразрѣшенныхъ правленіемъ, превышающихъ его власть. Кромѣ того, на обязанность правленія возлагается собираніе свѣдѣній о мѣстностяхъ, нуждающихся въ учрежденіи читаленъ и библіотекъ, выборъ книгъ и изданій и распредѣленіе оныхъ между библіотеками; сношенія по устройству названныхъ учрежденій и установленіе правилъ пользованія ими; учрежденіе самыхъ читаленъ и библіотекъ, съ надлежащаго разрѣшенія, и представленія лицъ для завѣдыванія читальнями.

ПОПРАВКИ:

Въ октябрьской книгѣ слѣдуетъ сдѣлать нижеслѣдующія исправленія:

Стран.	Строк.	Напечатано:	Слѣдуетъ:
771	5 св.	съ 1892 по 1900 г.	съ 1891 по 1900 г.
772	6 сн.	въ 1902 г.—71 к.	въ 1901 г.—71 к.
„	5 „	таможенные сборы въ 1892 г.—32 к.; пошлины 167 к.	регаліи въ 1892 году—32 к., въ 1901 г.—167 к.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

Библіотека
КАЛЯЗИНСКАГО
О-ва Потребителей

МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

въ 1903 году.

Въ 1903-мъ году экземпляры «Вѣстника Европы» распредѣлялись слѣдующимъ образомъ по мѣсту подписки:

I. Въ губерніяхъ:

		экз.			экз.			экз.
1.	Харьковск..	204	23.	Бакинская .	58	45.	Лифляндск.	50
2.	Кіевская. .	189	24.	С.-Петерб. .	58	46.	Амурск. об.	50
3.	Херсонск. .	178	25.	Томская . .	58	47.	Витебская .	49
4.	Екатериносл.	128	26.	Примор. об.	58	48.	Терская об.	47
5.	Саратовск. .	113	27.	Тульская. .	58	49.	Казанская .	47
6.	Тифлисская.	112	28.	Московская.	58	50.	Минская. .	47
7.	Варшавск. .	111	29.	Закасп. об.	58	51.	Сыръ-Д. об.	45
8.	Таврическ. .	100	30.	Воронежск..	57	52.	Симбирская.	44
9.	Черниговск.	97	31.	Рязанская .	56	53.	Псковская .	42
10.	Полтавская.	91	32.	Гродненская	56	54.	Тобольская.	42
11.	Тамбовская.	78	33.	Пред. Китая.	56	55.	Ковенская .	42
12.	Курская. .	78	34.	Самарская .	53	56.	Астраханск.	40
13.	Бессарабск.	76	35.	Владимірск.	53	57.	Виленская .	40
14.	Иркутская .	68	36.	Обл. В. Дон.	53	58.	Уфимская .	39
15.	Орловская .	66	37.	Калужская .	52	59.	Оренбургск.	36
16.	Подольская.	64	38.	Могилевск. .	51	60.	Ломжинская.	34
17.	Смоленская.	63	39.	Кутаисская.	51	61.	Пензенская.	34
18.	Пермская. .	63	40.	Ярославская	51	62.	Енисейская.	33
19.	Забайк. об.	63	41.	Вятская. .	51	63.	Эстляндская.	27
20.	Тверская. .	62	42.	Костромская	51	64.	Акмол. об.	27
21.	Новгородск.	61	43.	Нижегород.	50	65.	Вологодская.	25
22.	Волынская .	58	44.	Кубанск. об.	50	66.	Карсская об.	25

67.	Эриванская.	24	78.	Олонецкая .	19	89.	Калишская.	12
68.	Люблинская	23	79.	Сувалкская.	19	90.	Кѣлецкая.	11
69.	Курляндск.	23	80.	Радомская .	19	91.	Вазаская .	9
70.	Плоцкая .	22	81.	Черном. окр.	18	92.	С.-Михельск.	8
71.	Архангельск.	21	82.	Сѣдлецкая .	18	93.	Тургайск. об.	7
72.	Елисаветпол.	20	83.	Семипал. об.	17	94.	Тавастгусск.	7
73.	Ставропольск.	20	84.	Ферган. об.	15	95.	Або-Бьернеб.	4
74.	Петроковск.	20	85.	Выборгская.	15			
75.	Дагест. обл.	20	86.	Нюландская.	14			4.656
76.	Семирѣч. об.	20	87.	Уральск. об.	14			
77.	Самарк. об.	20	88.	Якутск. об.	12			

II. Въ С.-Петербургѣ	1.101
III. Въ Москвѣ.	525
IV. За границей	152
Всего: экз.	6.434

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

АВТОРОВЪ И СТАТЕЙ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ «ВѢСТНИКѢ ЕВРОПЫ»

въ 1903 году.

Байронъ, поэма „Паризина", перев. С. Ильина (нояб., 219).

Бланкъ. Р.—Организація всеобщаго обученія въ Германіи (дек., 723).

Б—на, С. А. — Сельскія учительницы во Франціи. Изъ поѣздки въ провинцію (іюль, 263; авг., 600).

Боборыкинъ, П. Д.—Законъ жизни, пов. (янв., 38).

Бобрищевъ-Пушкинъ, А. М.—Н. А. Некрасовъ (апр., 445).

Бодуэнъ-де-Куртенэ, И. — По поводу „съѣзда славистовъ" (іюль, 328).

Брусянинъ, Вас. — Злосчастные, разск. (апр., 700).

Будищевъ, Ал. Н. — Солнечные дни, ром. (іюль, 5; авг., 547; сент., 90).

Буличъ, К. Н.—Изъ записокъ: 1826—1846 гг. (авг., 743).

Бухъ, Л. К.—Государственная роспись на 1903-ій годъ (февр., 775).

Бѣлоконскій, И. П.—На высотахъ Кавказа (іюнь, 677; іюль, 162).

В., В.—Недочеты сословныхъ программъ. С. Бехтѣевъ: „Хозяйственные итоги истекшаго 40-лѣтія и мѣры къ хозяйственному подъему" (янв., 359). —Экономическая полемика (іюнь, 719). —Послѣднее десятилѣтіе нашихъ финансовъ (окт., 759).

Венгерова, Зин.—Эмиль Зола, критико-біограф. очеркъ (сент., 211).

В., З. — Тщетное усиліе, ром. Эд. Рода (іюль, 176; авг., 701; сент., 242). —Семейство Будденброковъ ром. Том. Манна (окт., 682; нояб., 287; дек., 741).

Воропоновъ, Ѳ. Ѳ.—Община и „выдѣлъ" (май, 302).—Фамильная старина (окт., 449).

Вундцеттель, П.—Сутра о дѣвушкѣ изъ рода Чандаловъ (іюль, 156).

Гершензонъ, М. — Лирика Н. П. Огарева (сент., 292).

Гурвичъ, Ил.—Стихотвореніе (іюль, 262).

Друцкой-Сокольнинскій, кн. Д. В. —Нужды сельско-хозяйственной промышленности (апр., 739). — Одно изъ мѣстныхъ недоразумѣній (сент., 351).

Инсаровъ, Х. Г.—Турція и Македонія (апр., 666; май, 102).

Жемчужниковъ, А. М. — I. При свѣтѣ вечернемъ. II. *** (янв., 198). —Звуки старины далекой (май, 134). — Газетному „націоналисту" (іюль, 140). — I. Подходитъ вечеръ. II. Тѣ ослѣпительные дни (окт., 563).

Зѣлинскій, Ѳ. Ф.—Римъ и римская „религія" (янв., 5; февр., 441).—„Мотивъ разлуки": Овидій, Шекспиръ, Пушкинъ (окт., 542).

Каннистъ, гр. П. А.—Университетскіе вопросы (нояб., 167; дек., 465).

К., И.—П. Каравеловъ и его мѣсто въ исторіи Болгаріи (апр., 802).

Катаевъ, Н. — Профессіональное образованіе для крестьянъ (іюнь, 700).

Кологривова, Стихотворенія: Нева. *** (май, 206).—Лѣто (сент., 207).

Кони, А. Ѳ.—Влад. Серг. Соловьевъ февр., 651).—Ѳ. П. Гаазъ, по новымъ матеріаламъ (дек., 646).

Корсаковъ, В. В. — На Дальнемъ Востокѣ. Письмо изъ Пекина (май, 352).

Ляцкій, Евг. А.—Ив. А. Гончаровъ въ его произведеніяхъ (мартъ, 215; апр., 567).—По поводу пьесы М. Горькаго: „На днѣ" (апр., 857). — Чужая жизнь въ произведеніяхъ И. А. Гончарова (іюль, 88).—Лит. зам.: Н. В. Гоголь (дек. 845).

Лубинскій, М. Ѳ. — Сиротская жизнь, бытовой разсказъ (дек., 703).

Марковъ, В. П. — Стих.: I. Дубъ. II. Сонъ и пробужденіе (февр., 771). —Весеннія мелодіи (апр., 737). — I. Пѣсня. II. Вечерняя заря (окт., 679).

Марковъ, Евг. Л.—Царица Адріатики (янв., 216).

Марусинъ, С.—Въ степяхъ и предгорьяхъ Алтая. Разсказъ изъ жизни переселенцевъ (авг., 518).

Минскій, Н. — Сонеты: I, II. — *** (дек., 644).

Михайлова, О.—Изъ сонетовъ Елиз. Броунингъ: I. Узникъ. II. Неудовлетворенность. III. Слезы. IV. Непоправимое (мартъ, 165),—Три стихотворенія: I. Высохшій ручей. II. Въ далекомъ морѣ. III. Первая молнія (іюнь, 614).

Никольскій, Н. А.—Сельское хозяйство и податная система (авг., 662).

Оболенскій, Л. Е.—На развалинахъ. Романъ, въ двухъ частяхъ (февр., 516; мартъ, 56; апр., 483; май, 40; іюнь, 425).

П., О.—Стихотвореніе.— Ясные дни (май, 301).

Парэсче, Франч. — „Народные университеты" въ Италіи (іюнь, 590; іюль, 53).

Поповъ, П. С.— Вѣсти о Китаѣ: I. Проектъ китайскихъ реформъ. II. Средство къ вытѣсненію иностранцевъ изъ Китая (май, 137).

Пыпинъ, А. Н.—О методѣ изложенія русской литературы (февр., 862). —Екатерина II и Монтескье (май, 272).—Н. А. Некрасовъ (нояб., 64; дек., 567).

Рапопортъ, С. И. — Въ центральной Англіи (сент., 57).

Романовичъ-Славатинскій, А. В.— Моя жизнь и академическая дѣятельность (янв., 138; февр., 606; мартъ, 168; апр., 527; май, 181; іюнь, 499).

Рязановъ, П.—Духовно-учебныя заведенія и ихъ современное состояніе (май, 903).

Савинъ, Ал. — Фабіанцы. Изъ лондонскихъ наблюденій (авг., 637).

С—ва, П—на. — Іёрнъ Уль, эскизъ по роману: Iörn Uhl, v. G. Frenssen,

съ нѣм. (янв., 276; февр., 690; мартъ, 264).—Уроженецъ Виргиніи, The Virginian, by Wister (апр., 605; май, 208; іюнь, 616).

Свѣтловъ, Валер.—Замокъ счастья, ром. (окт., 565; нояб., 5; дек., 519).

Семеновъ, Д. Д.—Петербургская избирательная реформа (апр., 884).

Слонимскій, Л. З. —Научныя иллюзіи (февр., 750).— Князь Бисмаркъ въ новомъ освѣщеніи (мартъ, 329).—Соціальный романъ г. Шарапова (апр., 774).—Кн. Бисмаркъ въ его отношеніяхъ къ Россіи (іюль, 304). —Новѣйшіе идеалисты (сент., 313).

Соколовъ-Костромской, П. И.—Тайга и ея обитатели (іюнь, 477; іюль, 143).

Спасовичъ, В. Д. —Новая книга о Франціи (мартъ, 150).

Ст., М.—Вторая правительственная ревизія спб. городского общественнаго управленія въ 1902 г. (мартъ, 363).—Главныя основанія законопроектовъ о средней школѣ (апр., 331).

Стахевичъ, Нат.—Житейскіе толчки, разск. (янв., 200).

Сѣверовъ, Н.—Шербекскіе выборы. —Разсказъ изъ фламандскихъ нравовъ (авг., 449; сент., 5; окт., 496).

Т., П. А. —Воспоминанія стараго земца (сент., 144; окт., 619; нояб., 236).

Тарновская, П.—Женскій медицинскій институтъ и женскіе врачебные курсы (авг., 497).

Тверской, П. А.—Спекулятивная сатурналія въ С.-А. Штатахъ (нояб., 345).

Тернеръ, Ѳ. Г.—Дворянство и землевладѣніе (мартъ, 5 стр.).

Трубецкая, кн. Марія. — Осеннія думы, стих. (дек., 791).

Умановъ-Каплуновскій, В. — Изъ пѣсенъ Беранже: I. Дурная примѣта. II. Перевоплощеніе (май, 269).

Филипскій, М.—Стихотворенія: Послѣдній вѣнокъ (іюнь, 697).

Фругъ, С. Б. — Стих.: „Все было сномъ“ (мартъ, 347).

Хвостовъ, Н. Б. — Изъ Франсуа Коппе. I. Постриженіе. II. Покинутая комната (окт., 728).

Хотынскій, Н.—На новомъ мѣстѣ, разск. (май, 156; іюнь, 562).

Ц., М. — Народное образованіе въ земскихъ и не-земскихъ губерніяхъ (іюнь, 750).

Циммерманъ, Эд. — По великой сибирской желѣзной дорогѣ (янв., 107; февр., 486).

Шепелевичъ, Л.—Международный съѣздъ историковъ въ Римѣ, въ апрѣлѣ 1903 г. (іюль, 379).

Щеголевъ, Н. Е. Владиміръ Раевскій и его время (іюнь, 509).

Щепкинъ, Д. М.—Московскій университетъ въ половинѣ 20-хъ годовъ (іюль, 226).

Якимовъ, В. —„Неизбѣжный процентъ“, разск. (іюль, 65).

Якобій, П., д-ръ. — Религіозно-психическія эпидеміи (окт., 732; (нояб., 117).

Хроника.

I. Внутреннее Обозрѣніе. — Январь (стр. 342): — Истекшій 1902-ой годъ. — Интересъ въ обществѣ къ работамъ уѣздныхъ комитетовъ.—Первые шаги губернскихъ комитетовъ.—Вопросъ о мѣстныхъ нарѣчіяхъ. — Мѣры по поводу недорода 1902-го года. — Новый ветеринарный законъ.—Оригинальная промышленная школа.—По вопросу о мелкой земской единицѣ. — Московское губернское земское собраніе.—Февраль (стр. 799): —Столѣтіе комитета министровъ и министерствъ. — Идея и ея осуществленіе.— Министерство и сенатъ.—Министры первыхъ восьми десятилѣтій XIX-го вѣка.— Средняя продолжительность управленія министерствомъ. — Рѣчь министра внутреннихъ дѣлъ.—Новые проекты реакціонной печати.—Возраженіе изъ богородицкаго уѣзда.—Мартъ (стр. 349):—Труды губернскихъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ.—Три обрисовавшіяся до сихъ поръ группы. — Контрастъ между губерніями земскими и не-земскими.—Источники разногласій.—Главные плоды работы.—Вопросъ о правовомъ положеніи крестьянъ.—Увлеченіе словомъ—или вѣрное пониманіе дѣла?—Царицынская городская дума.—Поправка.—Апрѣль (стр. 756):— Высочайшій манифестъ 26 февраля.—Различные взгляды на вѣротерпимость.—Вопросъ о реформѣ губернскаго и уѣзднаго управленія.—„Высшая мѣстная власть".— Приходъ и мелкая земская единица. — Губернскіе сельско-хозяйственные комитеты.—Предполагаемый образовательный цензъ для гласныхъ г. Петербурга.—Май (стр. 315):—Именной Высочайшій указъ сенату 22 марта.—Новое уголовное уложеніе.—Его исторія. — Дѣленіе преступныхъ дѣяній. — Система наказаній.—Досрочное освобожденіе. — Зачетъ предварительнаго ареста.—Тюрьма и работный домъ. — Одиночное заключеніе. — Лишеніе и возстановленіе правъ.—Смягченіе и замѣна наказаній.—Законъ 12 марта; его отношеніе къ земскимъ учрежденіямъ.— Іюнь (стр. 731):—Положеніе объ управленіи земскимъ хозяйствомъ въ девяти западныхъ губерніяхъ.—Порядокъ утвержденія земскихъ смѣтъ и раскладокъ.— Общее значеніе реформы. — Новое уголовное уложеніе: постановленія о вмѣняемости и вмѣненіи, о видахъ виновности, о давности, о религіозныхъ посягательствахъ.—Іюль (стр. 344):—Новыя правила о фабричной инспекціи. — „Вѣдомственный антагонизмъ" и хорошія стороны спеціализаціи.—Новыя правила о евреяхъ.—Отчетъ по вѣдомству православнаго исповѣданія за 1899-й годъ: „упорствующіе" въ холмско-варшавской епархіи, расколъ, сектантство, православіе въ Японіи, церковно-приходскія школы и школы грамоты.—Приготовленія къ введенію въ дѣйствіе новаго уголовнаго уложенія —Уложеніе и преступленія печати. —Августъ (764):—Наше желѣзнодорожное дѣло и крупная промышленность. I-VI.—**В. В.** — Сентябрь (стр. 326):—Именной Высочайшій указъ 30-го іюля.—Законъ 10-го іюня о фабричныхъ старостахъ.—Мнѣніе о немъ рабочаго.— Законъ 2-го іюня о вознагражденіи фабричныхъ рабочихъ, пострадавшихъ отъ несчастныхъ случаевъ.—Причины, устраняющія отвѣтственность предпринимателя.—Мѣры къ огражденію рабочихъ отъ невыгодныхъ сдѣлокъ.—Учрежденіе уѣздной полицейской стражи. — Отмѣна тягчайшихъ видовъ тѣлеснаго наказанія. — Пересмотръ ветеринарнаго закона.—Вопросъ о земскихъ ходатайствахъ.—Postscriptum.—Октябрь (стр. 776):—С. Ю. Витте, какъ государственный дѣятель.— Главные вопросы реформы мѣстнаго управленія: уѣздный начальникъ, губернское земство, губернаторская власть.—Еще о законѣ 2-го іюня: рабочіе, не подходящіе подъ его дѣйствіе;—временной его характеръ;—профессіональныя болѣзни;—размѣръ вознагражденія; — процессуальныя правила. — Похвала, слишкомъ похожая на панегирикъ. — Ноябрь (стр. 360):— Новая книга проекта гражданскаго уложенія: наслѣдственное право.—Уравненіе наслѣдственныхъ правъ мужчинъ и женщинъ.—Разряды наслѣдниковъ; устраненіе дальнихъ родственниковъ отъ наслѣдованія по закону.—Расширеніе наслѣдственныхъ правъ пережившаго супруга.— Постановленія новаго уголовнаго уложенія о государственныхъ преступленіяхъ и о смутѣ.—Декабрь (стр. 793):—Коммиссія „о „центрѣ" и записка земскихъ ея членовъ.— Обвинительный актъ, вызванный этой запиской, и настоящее ея значеніе.—Противоположные взгляды на

крестьянскій вопросъ.—Коммиссія о „децентрализаціи“ и губернская реформа.—Главное управленіе и особый совѣтъ по дѣламъ мѣстнаго хозяйства.

II. Иностранное Обозрѣніе. — Январь (стр. 377):—Международная политика въ Европѣ за истекшій годъ.—Македонскій вопросъ и „Правительственное сообщеніе“.—Наша дипломатія въ области балканскихъ дѣлъ.—Внутреннія дѣла въ Германіи, Австріи, Англіи и Франціи.—Венецуэльскій конфликтъ. — Февраль (стр. 814): — Парламентскія пренія въ Германіи. — Инцидентъ съ депутатомъ Фольмаромъ.—Оппозиціонныя рѣчи и отвѣты графа Бюлова.—Рѣчь Бебеля и президентскій кризисъ въ имперскомъ сеймѣ.—Нѣмецкая „міровая“ политика. — Восточно-турецкія дѣла: британская нота о проливахъ и македонскій вопросъ. — Мартъ (стр. 376): — Правительственное сообщеніе по македонскому вопросу. — Турецкія реформы и европейская дипломатія.—Мирная программа балканской политики.—Конецъ венецуэльскаго кризиса.—Политическія дѣла Англіи и Франціи. — Апрѣль (стр. 790): — Нѣмецкіе парламенты и ихъ особенности. — Политическія рѣчи графа Бюлова. —Польскій вопросъ въ прусской палатѣ депутатовъ.—Австрійскія дѣла и чешскій кризисъ.—Смерть Ригера; его жизнь и дѣятельность.—(Май, стр. 339):—Кризисъ въ турецкихъ провинціяхъ. — Оффиціальныя донесенія и телеграммы. — Убійство русскаго консула въ Митровицѣ.—Политика великихъ державъ и вопросъ о турецкихъ реформахъ.—Туркофильскія мнѣнія въ нашей печати.—Багдадская желѣзная дорога и патріотическія заботы „Новаго Времени“.—Внутреннія дѣла во Франціи.—Іюнь (стр. 764).—Иностранная газетная кампанія противъ Россіи.—Полемика по манчжурскому вопросу.—Международныя злоупотребленія. — Балканскій кризисъ.—Сербскія и болгарскія дѣла.—Имперіализмъ и его представители въ Англіи.—Іюль (стр. 365):—Политическій переворотъ въ Сербіи.—Послѣдніе представители дома Обреновичей. — Правительственное сообщеніе о сербскихъ дѣлахъ. — Новая династія и король Петръ. — Парламентскіе выборы въ Германіи. — „Новое Время“ объ англійскихъ корреспондентахъ. — Августъ (стр. 792): — Кончина папы Льва XIII.—Перемѣны въ положеніи римской церкви со времени смерти Пія IX.—Роль свѣтскихъ правительствъ въ усиленіи авторитета Ватикана.—Жизнь и дѣятельность покойнаго папы.—Политическія дѣла на Балканскомъ полуостровѣ.—Кризисъ на дальнемъ Востокѣ. — Сентябрь (стр. 364): —Убійство русскаго консула въ Битоліи и обостреніе турецкаго кризиса. — Оффиціальныя телеграммы и сообщенія. — Отзывы иностранныхъ газетъ о русскихъ консулахъ и дѣйствительное положеніе нашихъ представителей въ Турціи.—Неудачныя мысли „Гражданина“. — Политика на дальнемъ и ближнемъ Востокѣ. — Новый римскій папа. — Смерть лорда Сольсбери. — Октябрь (стр. 799): — Посѣщеніе Государемъ Императоромъ австрійскаго императора въ Шенбруннѣ.—„Замѣтка“ славянскаго благотворительнаго общества въ Болгаріи о македонскомъ вопросѣ.—Дипломатія великихъ державъ и правительственное сообщеніе.—Печальная роль кабинетовъ относительно Македоніи и Турціи.—Внутренній кризисъ въ Сербіи. —Австрійскія дѣла. — Правительственныя перемѣны въ Англіи.—Ноябрь (стр. 377): —Правительственныя сообщенія о македонскомъ вопросѣ. — Турція и великія державы, съ точки зрѣнія англійскихъ филантроповъ.— Письмо британскаго премьера. — Перемѣны въ международныхъ отношеніяхъ и комбинаціяхъ. — Третейскій судъ во внѣшней политикѣ.—Манчжурскій вопросъ. — Новый франко-русскій журналъ въ Швейцаріи.—Декабрь (стр. 808): —Турецкая политика и македонскій вопросъ.—Дипломатія и общій европейскій миръ.—Кризисъ на Дальнемъ Востокѣ.—Новыя теченія въ международной политикѣ.—Внутреннія дѣла во Франціи.—Новая республика въ Америкѣ.

III. Литературное Обозрѣніе.—Январь (стр. 390): — I. Мелкая земская единица. Сборникъ статей.—II. Ипотечные банки и ростъ большихъ городовъ Германіи, М. Я. Герценштейна.—III Г. Гауптманъ, Собраніе сочиненій, съ нѣм. пер. К. Бальмонта.—**Г-анъ.** —IV. Альбомъ выставки 1852—1902 г., въ память Гоголя и Жуковскаго.—Гоголь на родинѣ.—V. Православное духовенство, очерки, повѣсти и разсказы, Н. И. Соловьева.—**Д.**—VI. Образовательная Библіотека, серія V, 2: Проф. Погодинъ—Религія Зороастра; проф. Джаксонъ—Жизнь Зороастра. — Z. — Новыя книги и брошюры.—Февраль (стр. 827):—I. Н. Коробка, Очерки литературныхъ настроеній.—**Д.**—II В. Я. Стоюнинъ, Педагогическія сочиненія.—III. С. Прокоповичъ, Кооперативное движеніе въ Россіи.—IV. Всеобщее образованіе въ Россіи, сборникъ статей. — V. Волжскій, Очерки о Чеховѣ.—**Г-анъ.**—VI. В. Мейенъ, Россія въ дорожномъ отношеніи.—VII. Ѳ. Самаринъ, О мірской надѣльной землѣ.—**В. В.**—VIII. Н. Харузинъ, Этнографія.—

IX. Новый и традиціонный духовные ораторы, о.о. Петровъ и Іоаннъ Сергіевъ.—**Евг. Л.** — X. В. Дмитріевъ-Мамоновъ, Указатель акціонерныхъ предпріятій въ Имперіи.—Z.—Новыя книги и брошюры. —Мартъ (стр. 391): — I. В. Мякотинъ, Изъ исторіи русскаго общества.—**Н. Карѣева.**—II. Э. Паркеръ, Китай, съ англ. полк. Грулевъ.—**Евг. Л.** — III. Собраніе сочиненій А. Д. Градовскаго, т. VIII.—IV. А. Веселовскій, Этюды и характеристики.—V. Ланглуа, Инквизиція, перев. п. р. Н. Карѣева. — **М. Г — анъ.** — VI. Шляпкинъ, И. А., Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина.—VII. Къ столѣтію Комитета министровъ, т. III и IV. — Наша желѣзно-дорожная политика по докл. Ком. министровъ.—**А. П.**—Новыя книги и брошюры.—Апрѣль (стр. 815): —I. Овсянико-Куликовскій, Вопросы психологіи творчества. —II. Памяти Л. Н. Майкова, п. р. В. Саитова.—III. Е. Воронецъ, Итоги полемики по поводу проповѣдн. о. Г. Петрова, и Отвѣтъ на анонимную брошюру. —**Евг. Л.** — IV. Земледѣліе, фабрично-заводская и кустарная промышленность и ремесла. — V. Вятское земство среди другихъ земствъ, П. Голубева, и Справочныя свѣдѣнія о дѣятельности земствъ по сельскому хозяйству, 1899 — 901 г., п. р. В. Бирюковича. — **В. В.** — VI. Историческій обзоръ дѣятельности мин. нар. просвѣщенія. 1802 — 1902 гг.—VII. Юрьевскій университетъ за сто лѣтъ.—**А. П.**—VIII. Жизнь и труды Погодина, Н. Барсукова. — IX. В. И. Сергѣевичъ, Древности русскаго права. — X. Д. Н. Жбановъ, О врачахъ.—**М. Г—анъ.**—Новыя книги и брошюры.—Май (стр. 364): — I. Великій Князь Николай Михаиловичъ, Графъ Павелъ Строгановъ.—**А. П.** —II. П. А. Некрасовъ, Философія и логика науки о массовыхъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности.—III. Проблемы идеализма, сборникъ статей, п. р. П. И. Новгородцева.—IV. Борецъ за идеализмъ (А. Л. Волынскій), Н. Г. Молоствова.—**Евг. Л.** — V. Дебидуръ, Политическая исторія XIX-го вѣка, т. I: Священный союзъ. —**Н. Карѣева.**—VI. С. К. Говоровъ, Брачный вопросъ въ быту учащихъ начальной школы.—**М. М.**—Новыя книги и брошюры. —Іюнь (стр. 776): — I. Графъ Л. Н. Толстой въ литературѣ и искусствѣ, состав. Ю. Битовтъ.—**А. П.** — II. Очерки французской общественности, Ю. Лавриновича.—III. Письма Пушкина и къ Пушкину, п. р. В. Брюсова.—А. С. Пушкинъ, „Труды и дни". Н. Лернеръ.—IV. Литературный Архивъ, П. Картавова.—Статьи и матер., посвящ. Некрасову.—Писатели изъ народа. Литерат. Сборникъ. Памяти Некрасова.—V. Первое столѣтіе Иркутска, В. Сукачева.—Тюмень въ XVII столѣтіи.—**Евг. Л.** — IV. Изабелла Гриневская, „Бабъ".—**Л. Об-скій.**—VII. А Фаресовъ, Въ одиночномъ заключеніи.—VIII. П. Д. Боборыкинъ „Вѣчный Городъ". —IX. С. С. Татищевъ, Имп. Александръ II.—**М. Г-анъ.**—Новыя книги и брошюры.—Іюль (стр. 386):—I. Великій Князь Николай Михаиловичъ. Графъ П. А. Строгановъ. Историческое изслѣдованіе эпохи имп. Александра I. Томъ второй. — II. Н. А. Некрасовъ и его поэзія. Очеркъ Г. В. Александровскаго. Изд. 3-е.—**А. П.**—III. В. Ѳ. Дерюжинскій. Полицейское право. Пособіе для студентовъ.—IV. А. А. Раевскій. Законодательство Наполеона III о печати.—V. Діонео. Очерки современной Англіи.—**М. Г-анъ.**—VI. В. П. Литвиновъ-Фалинскій. Организація и практика страхованія рабочихъ въ Германіи и условія возможнаго обезпеченія рабочихъ въ Россіи.—**В. В.**—VII. Эвиль-Рамовичъ. Индивидуальность и прогрессъ. Этюды.—**Л. Об-скаго.** — Новыя книги и брошюры — Августъ (стр. 803):—I Евгеній Цабель. Графъ Левъ Николаевичъ Толстой. Литературно-біографическій очеркъ. Переводъ. съ нѣмецк. Влад. Григоровича. —II. И. Н. Захарьинъ (Якунинъ). Встрѣчи и воспоминанія. Изъ литературнаго и военнаго міра.—**А. П.**—III. Петръ Великій. Сборникъ статей, составленныхъ преподавателями Петровскаго училища спб. купеческаго общества —IV. Л. Е. Оболенскій. Максимъ Горькій и причина его успѣха. — В. Ѳ. Боцяновскій. Максимъ Горькій. Крит.-біограф. этюдъ.—И. Бибиковъ. М. Горькій, какъ драматургъ. — Графъ Е. М. де-Вогюэ. Максимъ Горькій, какъ писатель и человѣкъ. Пер. Ал. Ачкасова.—V. Полное собраніе сочиненій В. А. Слѣпцова, съ біогр. очеркомъ, составл. А. Н. Сальниковымъ.—VI. Арс. И. Введенскій. Литературныя характеристики. — VII. П. Ивановъ. Студенты въ Москвѣ. Очерки. — **Евг. Л.** — VIII. Е. Щепкина. Краткій очеркъ русской исторіи. — IX. П. Коганъ. Очерки по исторіи западно-европейскихъ литературъ. — X. „Сенатскій Архивъ", X т.—**М. Г-анъ.**— —Новыя книги и брошюры.—Сентябрь (стр. 376): —I. Толковый Словарь живого великорусскаго языка. В. Даля. Третье изд., п. р. проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. Т. I. —**А. П.**—II. Н. А. Огарева-Тучкова. Воспоминанія. 1848-1870.—III. Девятнадцатый вѣкъ. Истор. сборн., издав. почетн. чл. археол. инст. кн. Ѳ. А. Куракинымъ, и. р. В. Н. Смолянинова. Т. I. —IV. Помощь. 2-е изданіе.—V. Б. Гегидзе. Въ университетѣ. Наброски студенческой жизни. — VI. Сѣверные цвѣты. Третій альманахъ книгоизд. „Скорпіонъ".—

VII. Мих. Гербановскій. Лепестки. — **Евг. Л.**—VIII. Н. В. Муравьевъ. Послѣднія рѣчи.—IX. Л. Шестовъ. Достоевскій и Нитше. — X. Еврейская Библіотека. Истор.-лит. сборн., т. X. - XI. Риль. Джіордано Бруно.—XII. Н. Линдъ. Мелкая земская единица—**М. Г-анъ**—Новыя книги и брошюры.—Октябрь (стр. 815):—I. Къ 75-лѣтію гр. Л. Н. Толстого, II. Драганова.—**А. П.**—II. Гр. Л. Н. Толстой, его жизнь, семья и пр., въ портретахъ, гравюр. и т. д.—III. Сочиненія А. С. Пушкина, редакція П. Ефремова и П. Морозова.—IV. Очерки современной Англіи, Діонео.—V. Путешествіе по Греціи, Евг. Маркова.—VI. Этнографическіе очерки Заряфшанскихъ горъ, А. Семенова.—VII. Вѣщій Олегъ. Болгарія и Македонія. — VIII. Кавказское побережье Чернаго моря, С. Васюкова.—IX. Литературныя характеристики, А. Бороздина. —**Евг. Л.** —X. Законодательство о печати, К. К. Арсеньева.—XI. Г. Тумановъ, Разбои и реформа суда на Кавказѣ.—XII. Сводъ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ за 1901 г. — XIII. Сборникъ Имп Русск. Историч. Общества, томъ CXV.—**М. Га-нъ.**—Новыя книги и брошюры.—Ноябрь (стр. 389): — I. Проф. А. Н. Гиляровъ, „Предсмертныя мысли XIX-го вѣка во Франціи“.—II. М. Гюйо, „Стихи философа“, перев. И. И. Тхоржевскаго. — **А. К.** — III. Н. Телешовъ, Повѣсти и разсказы.—Z.—IV. М. Помяловскій, Очерки русской исторіи. — **Н-инъ.**—V. Рейнъ, I.-В. Снельманъ —VI. Массальскій, В. И., О положеніи и нуждахъ наемнаго труда въ сельско-хозяйственной промышленности.—**М. Г-анъ.**—Новыя книги и брошюры.—Декабрь (стр. 821):—I. Циглеръ, Очеркъ общей педагогики.—II. Жураковскій, Симптомы литературной эволюціи.—III. Н. Коробка, Личность въ русскомъ обществѣ и въ литературѣ: Пушкинъ—Лермонтовъ.—IV. В. Сиповскій, Изъ исторіи русскаго романа и повѣсти.—V. Д. Ратгаузъ, Пѣсни любви и печали.—VI. Энгельмейеръ, По русскому и скандинавскому Сѣверу; Н. Березинъ, Пѣшкомъ къ карельскимъ водопадамъ, и др.—**Евг. Л.**—VII. Статистическія свѣдѣнія по начальному образованію въ Россійской имперіи, вып. IV. —**В. В.**—Новыя книги и брошюры.

IV. Новости Иностранной Литературы. — Январь (стр. 414): Jacob Waszermann, Der Moloch.—**З. В.**—Февраль (стр. 877): — I. G. Hauptmann, Der arme Heinrich. — II. J. Lombard, Byzance.—III. E. Dillon, Maxime Gorky. —**З. В.**—Мартъ (стр. 413): — I. Ellen Key, Essays.—II. Clara Viebig, Das Weiberdorf.—**З. В.**—Апрѣль (стр. 869):—I. R. Kipling, Just so stories. — II. H. Bordeaux, Les écrivains et les moeurs.—**З. В.**—Май (стр. 390):—I. Otto Ernst, Die Gerechtigkeit, Komödie in 5 Akten. —II. Henri de Regnier, Mariage de Minuit.—**З. В.**—Іюнь (стр. 806):—I. Anatole France, Histoire Comique.—II. Max Dreyer, Das Thal des Lebens. Historischer Schwank.—**З. В.**—Іюль (стр. 419): —I. Octave Mirbeau, Les affaires sont les affaires. Comédie en trois actes. — II. Edouard Rod. L'inutile Effort. — **З. В.** —Августъ (стр. 830):—I. W. B. Yeats. Ideas of Good and Evil.—II. René Bazin. Donatienne. — **З. В.** —Сентябрь (стр. 420): — Edmond Rostand. Discours de réception à l'Académie Française, le 4 juin 1903; Vicomte de Vogüé.—Réponse au discours de E. Rostand.—**З. В.**—Октябрь (стр. 856):—I. Francesco Invrea, Il comune et la sua funzione sociale.—**М. З—ковъ.**—II. Paul Adam, La Rose, roman.—**З. В.** — Ноябрь (стр. 439).—I. Thom. Mann, „Der kleine Herr Friedemann“—„Tristan“.—Novellen.—II. Ellen Key, Menschen. Charakterstudien.—**З. В.** —Декабрь (стр. 863):—I. G. Hauptmann, Rosa Bernd. Schausp. in 5 Acten.—II V-te E. M. de Vogüé, Le Maître de la mer.—**З. В.**

V. Изъ Общественной Хроники.—Январь (стр. 423):—Чествованіе памяти Некрасова.—Своеобразный взглядъ на свободу печати — Замѣчательныя слова, сохраняющія свое значеніе по прошествіи почти полувѣка.—Преемственность идеализма въ русскихъ университетахъ.—Столѣтіе юрьевскаго (дерптскаго) университета. — Школьный вопросъ въ разныхъ концахъ Россіи. — По поводу проекта Городового Положенія для г. Петербурга. — Февраль (стр. 895): — Московскій съѣздъ учительскихъ обществъ взаимопомощи. — Вереница маленькихъ обвинительныхъ актовъ противъ самоуправленія. — Процессъ кронштадтскаго полиціймейстера. — Рядъ недоразумѣній. —Земство, область Войска донского и не-земскія губерніи. — Губернскіе комитеты о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности.—Мартъ (стр 428):—Празднованіе дня освобожденія крестьянъ. —Произнесенъ ли смертный приговоръ надъ столичнымъ общественнымъ самоуправленіемъ? — Вѣрность „привычкамъ рабства“.—Рѣшеніе сената и комментарій къ нему въ „Гражданинѣ“.—Обвинительный приговоръ по дѣлу Шафрова.—Юбилей В. А. Гольцева.—А. А. Головачевъ†. — Апрѣль (стр. 896): — „Агонія либерализма“. — Сельско-хозяйственные комитеты. — Внутренняя рознь въ средѣ

„націоналистовъ“.—Намеки, возведенные въ систему.—„Самоуправленіе“ и „управленіе“.—Студенческія научныя общества въ Москвѣ.—Вопросъ о нравственности въ искусствѣ.—А. В. Сухово-Кобылинъ, Евг. Л. Марковъ и М. М. Манасеина †. — Именной Высочайшій указъ 12-го марта.—Май (стр. 403):—Націонализмъ „первобытный“ и „просвѣщенный“.—Газетная инквизиція. — Обвиненія, граничащія съ клеветою.—Еврейскій погромъ въ Кишиневѣ.—Два доклада о юридическомъ положеніи евреевъ. —Народныя чтенія въ Н.-Новгородѣ.—Земская медицина и земская статистика. — Іюнь (стр. 821):—Двухсотлѣтіе Петербурга.—Петербургъ и Москва. — Странное ходатайство. — Что такое „моральная виновность“ печати?—Отголосокъ кишиневскихъ событій.—Свобода литературы и свобода печати.—Рѣшеніе сената и комментарій къ нему въ „Гражданинѣ“.—К. М. Станюковичъ †.—Іюль (стр. 434):—Вопросъ о свободѣ совѣсти въ религіозно-философскихъ собраніяхъ.—Три главныя теченія, обнаружившіяся во время преній.—Статьи Н. М. Минскаго на ту же тему.—Особые пріемы реакціонной печати.—Еще отголоски кишиневскаго погрома. — А. Н. Энгельгардтъ †.—Августъ (стр. 842).—Обзоръ „Положенія объ общественномъ управленіи города С.-Петербурга“, 8 іюня, въ главныхъ его чертахъ.—Новыя „общія положенія“ въ законѣ 8 іюня: 1) Особое по дѣламъ г. С.-Петербурга присутствіе и 2) Контрольная коммиссія. — Квартиронаниматели и образовательный цензъ для гласныхъ. — Разряды избирателей и различіе въ ихъ правахъ.—Составъ Думы и ея особый предсѣдатель. — Исполнительныя коммиссіи и выборы въ общественныя должности. — Открытіе дополнительныхъ классовъ при начальныхъ училищахъ г. Москвы.—Post-scriptum. По дѣлу о литературной собственности: г. Аскархановъ и „Русская Библіотека“. — Сентябрь (стр. 428):—Новыя проявленія стариннаго недуга.—Преобразованіе столичнаго общественнаго управленія передъ судомъ ретроградной прессы.—Инструкція о порядкѣ производства въ С.-Петербургѣ городскихъ выборовъ.—Интересная рѣчь.—Вопросъ о „чести мундира“.—Дѣло Золотовой.—А. М. Бобрищевъ-Пушкинъ †.—Октябрь (стр. 873):—Слухи о централизаціи учебнаго дѣла.—Министерство финансовъ и школа.—Параллель между двумя министрами.—„Гражданинъ“ и „Литературный фондъ“.—Инцидентъ на ярославскомъ съѣздѣ сельскихъ хозяевъ.—Разъясненіе одного спорнаго понятія.—Гомельскіе безпорядки.—Юбилей „Русскихъ Вѣдомостей“. — Ноябрь (стр. 453):—Еще о религіозно-философскихъ собраніяхъ.—Магометанская пропаганда среди саратовскихъ чувашей. —Отдѣльные цензора и совмѣстительство обязанностей редакторскихъ и цензорскихъ.—Вопросъ о національности земскихъ начальниковъ въ сѣверо-западномъ краѣ.—Декабрь (стр. 878): — Предвыборное движеніе въ г. С.-Петербургѣ.—Частныя и оффиціальныя собранія избирателей.—Наводненіе 12 ноября. — Характерный инцидентъ въ тверскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи. — Неудобство дискреціонной власти.—Неумѣстныя преувеличенія. — Первое 25-лѣтіе высшихъ женскихъ курсовъ въ С.-Петербургѣ.—Чествованіе В. Г. Короленко.—Postcriptum.

VI. Библіографическій Листокъ.—Январь.—Шванебахъ, П. Х., Наше податное дѣло.—Кеннингемъ, В., Западная цивилизація съ экономической точки зрѣнія.—Бирюковичъ, В., Справочныя свѣдѣнія о дѣятельности земствъ по сельскому хозяйству.—Веселовскій, Юр., Друзья и защитники животныхъ въ соврем. франц. беллетристикѣ.—Андреевскій, С. А., Литературные очерки.—Февраль:—„Вѣдомости“ времени Петра Вел., вып. 1.—Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина, изд. И. Шляпкина.—Сочиненія кн. М. М. Щербатова, т. IV: ч. 2 и 3. — Учебная книга древней исторіи, Н. Карѣева. — Библіотека великихъ писателей, подъ редакціей С. А. Венгерова. Шекспиръ.—Мартъ:—Очерки Крыма, Евг. Маркова. —Собраніе сочиненій А. Д. Градовскаго, т. VIII. —Сборникъ законовъ объ устройствѣ крестьянъ и поселянъ внутр. губ Россіи, состав. Г. Савичъ.—Условія развитія сельскаго хозяйства въ Россіи, П. Маслова.—Апрѣль:—Великій князь Николай Михаиловичъ. Графъ П. А. Строгановъ, 1774-1817 гг. — Бузескулъ, В., проф., Введеніе въ исторію Греціи.—Григ. Де-Волланъ, Въ странѣ восходящаго солнца —Родъ Юреневыхъ, генеалог. роспись съ XIV-го по XX-ое столѣтіе.—Май:—Н. Карѣевъ, Государство-городъ античнаго міра.—О. П. Сениговъ, Памятники Земской старины. — В. И. Семевскій, Крестьяне въ царствованіе имп. Екатерины II, т. I, изд. 2-е.—З. А. Рагозина, Древнѣйшая исторія Востока. — И. Н. Захарьинъ (Якунинъ), Встрѣчи и воспоминанія. Іюнь:—Труды Я. К. Грота, т. V.—Матеріалы для академ. изданія А. С. Пушкина, собр. Л. Н. Майковымъ. — Гражданское положеніе женщины съ древн. временъ, П. Жида.—Записки колонизатора Сибири, П. Соколова-Костромского.—Щегловитовъ, С. Г., Судебные Уставы императора Александра II.—Во-

довозова, Е. Н., Жизнь европейскихъ народовъ, т. III: Жители Средней Европы. Іюль: — М. М Шуцкій. Общедоступное изложеніе вопросовъ о нравственности.— Библіотека великихъ писателей, п. ред. С. А. Венгерова. Шекспиръ, т. III — Карлъ Менгеръ. Основанія политической экономіи. Общая часть. Перев. съ нѣмецк., п. р. прив.-доц. Р. М. Орженецкаго. — А. Коллонтай. Жизнь финляндскихъ рабочихъ.—Августъ:—А. Субботинъ. Еврейскій вопросъ въ его правильномъ освѣщеніи (въ связи съ трудами И. С. Бліоха). — А. А. Радцигъ. Финансовая политика Россіи съ 1887 года. Сборникъ статей по финансовымъ и экономическимъ вопросамъ.—А. Е. Воскресенскій. Общинное землевладѣніе и крестьянское малоземелье.—Девятнадцатый вѣкъ. Историческій сборникъ, издав. почетн. чл. Археологическаго Института, кн. Ѳ. А. Куракинымъ, п. р. В. Н. Смольянинова. Т. I. —Сентябрь:—Генри Джорджъ. Покровительство отечественной промышленности или свобода торговли. Изслѣд. тарифнаго вопроса. Перев. съ англ. С. Д. Николаева.—Л. Мельшинъ. Въ мірѣ отверженныхъ. Записки бывшаго каторжника. Т. I.—В. Ѳ. Икономовъ. Наканунѣ реформъ Петра Великаго. — В. П. Литвиновъ-Фалинскій. Новый законъ о вознагражденіи увѣчныхъ рабочихъ —Анна Столповская. Проявленіе упадка во Франціи.—С. И. Гальперинъ. Современная соціологія.—Октябрь:—Собраніе сочиненій Н. И. Костомарова, книга 1-я, въ 3-хъ томахъ.—Иллюстрированная исторія русскаго театра, И. Н. Божерянова и Н. Н. Карпова. т. I, вып. 1.—Женщина-домашній врачъ, д-ра мед. Анны Фишеръ-Дюкельманъ. — Семья и ея задачи съ норвежскаго перев. А. и П. Ганзенъ. —Ноябрь: — Русское государственное право, Н. М. Коркунова, т. I.—Земская медицина въ тверской губерніи, С. К. Корженевскаго.— А. Метенъ, Аграрный и рабочій вопросъ въ Австраліи и Новой Зеландіи, перев. Л. Никифоровъ.— Стихотворенія, А. В. Круглова. — Декабрь:—Жизнь и труды М. П. Погодина, Ник. Барсукова.—Галерея русскихъ дѣятелей: Освобожденіе крестьянъ. — Краткій обзоръ Суворовской литературы, А. Петрушевскаго.—Воспитаніе, гигіена и нравственное леченіе умственно-ненормальныхъ дѣтей, Э. Сегена.—А. И. Герценъ, В. Батушинскаго —Земледѣльческій отходъ крестьянъ, кн. Н. Шаховского.

VII. Извѣщенія. — Отъ Общества вспоможенія учащимъ и учившимъ въ народныхъ училищахъ Спб. Учебнаго Округа, памяти М. Н. Капустина, бывшаго Попечителя округа (Янв., 439).—Отъ Императорскаго Женскаго Патріотическаго Общества (фев., 910; мартъ, 444; апр., 910; май, 836; авг., 866; сент, 447; нояб., 463).—Отъ Товарищества устройства и улучшенія жилищъ для нуждающагося населенія (мартъ 442).—Отъ Комитета III-го Съѣзда русскихъ дѣятелей по технич. и профессіональному образованію въ Россіи (май, 415). — Шестой конкурсъ для соисканія преміи имени князя А. И. Васильчикова (май, 836).— Изъ устава Благотворительнаго Общества для открытія и поддержанія народныхъ безплатныхъ читаленъ и библіотекъ для сельскаго населенія Спб. губерніи (дек. 897).

СОДЕРЖАНІЕ
ШЕСТОГО ТОМА

Ноябрь. — Декабрь. 1903.

Книга одиннадцатая.—Ноябрь.

стр.

Замокъ счастья.— Романъ.—XI-XX.—ВАЛЕР. СВѢТЛОВА. 5

Н. А. Некрасовъ. — I. Нѣсколько воспоминаній. — II. Историко-литературныя справки.—А. Н. ПЫПИНА 64

Религіозно-психическія эпидеміи. — Изъ психіатрической экспертизы. —II.— Окончаніе.—Д-ра П. ЯКОБІЯ 117

Университетскіе вопросы.—I-VI.—Графа П. А. КАПНИСТА 167

Паризина.—Поэма Байрона.—Перев. С. ИЛЬИНА. 219

Воспоминанія стараго земца.—X-XII.—Окончаніе.—П. А. Т. 236

Семейство Будденброковъ.—Эскизъ, по роману: „Buddenbrooks. Verfall einer Familie", Rom. v. Thom. Mann. — З. В. 287

Хроника. — Спекулятивная сатурналія въ С.-А. С.-Штатахъ. — П. А. ТВЕРСКОГО 345

Внутреннее Обозрѣніе.—Новая книга проекта гражданскаго уложенія: наслѣдственное право.—Уравненіе наслѣдственныхъ правъ мужчинъ и женщинъ. —Разряды наслѣдниковъ; устраненіе дальнихъ родственниковъ отъ наслѣдованія по закону. — Расширеніе наслѣдственныхъ правъ пережившаго супруга. — Постановленія новаго уголовнаго уложенія о государственныхъ преступленіяхъ и о смутѣ 360

Иностранное Обозрѣніе. — Правительственныя сообщенія о македонскомъ вопросѣ. — Турція и великія державы, съ точки зрѣнія англійскихъ филантроповъ. — Письмо британскаго премьера. — Перемѣны въ международныхъ отношеніяхъ и комбинаціяхъ. — Третейскій судъ во внѣшней политикѣ. — Манчжурскій вопросъ. — Новый франко-русскій журналъ въ Швейцаріи 377

Литературное Обозрѣніе. — I. Проф. А. Н. Гиляровъ, „Предсмертныя мысли XIX-го вѣка во Франціи". — II. М. Гюйо, „Стихи философа", перев. И. И. Тхоржевскаго.—А. **К.**—III. Н. Телешовъ, Повѣсти и разсказы. — Z. — IV. М. Помяловскій, Очерки русской исторіи. — **Н-нъ.** — V. Рейнъ, I.-B. Снельманъ.—VI. Массальскій, В. И., О положеніи и нуждахъ наемнаго труда въ сельско-хозяйственной промышленности. — **М. Г-анъ.** — Новыя книги и брошюры 389

Новости Иностранной Литературы.—I. Thomas Mann, „Der kleine Herr Friedemann", „Tristan", Novellen. — II. Ellen Key, Menschen. Charakterstudien.—**З. В.** 439

Изъ Общественной Хроники.— Еще о религіозно-философскихъ собраніяхъ.— Магометанская пропаганда среди саратовскихъ чувашей. — Отдѣльные цензора и совмѣстительство обязанностей редакторскихъ и цензорскихъ. — Вопросъ о національности земскихъ начальниковъ въ сѣверо-западномъ краѣ 453

Извѣщенія.—Отъ Совѣта Имп. Женскаго Патріотическаго Общества 463

Библіографическій Листокъ.—Русское государственное право, Н. М. Коркунова, т. I.—Земская медицина въ тверской губерніи, С. К. Корженевскаго. — А. Метенъ, Аграрный и рабочій вопросъ въ Австраліи и Новой Зеландіи, перев. Л. Никифоровъ.—Стихотворенія, А. В. Круглова.

Объявленія.—I-IV; I-XII стр.

Книга двѣнадцатая. — Декабрь.

стр.

Университетскіе вопросы.—VII-X.—Окончаніе.—Графа П. А. КАПНИСТА . . 465
Замокъ счастья.—Романъ.—XXI—XXIX.—Окончаніе.—ВАЛЕР. СВѢТЛОВА . 519
Н. А. Некрасовъ.—III.—Письма Некрасова къ Ив. С. Тургеневу. 1847—1861 гг.—Окончаніе.—А. Н. ПЫПИНА 567
Стихотворенія.—Сонеты.—Н. М. МИНСКАГО 644
Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ.—По новымъ матеріаламъ.—Ан. Ѳ. КОНИ 646
Сиротская жизнь.—Бытовой разсказъ.—М. Ѳ. ЛУБИНСКАГО 703
Организація всеобщаго обученія въ Германіи.—Р. БЛАНКА 723
Семейство Будденброковъ.—Эскизъ, по роману Томаса Манна, „Buddenbrooks, Verfall einer Familie“.—Части VI-IX.—Окончаніе.—З. В. 741
Стихотворенія.—Осеннія думы.—Кн. Маріи ТРУБЕЦКОЙ 791
Хроника.—Внутреннее Обозрѣніе.—Коммиссія о „центрѣ“ и записка земскихъ ея членовъ.—Обвинительный актъ, вызванный этой запиской, и настоящее ея значеніе.—Противоположные взгляды на крестьянскій вопросъ.—Коммиссія о „децентрализаціи“ и губернская реформа.—Главное управленіе и особый совѣтъ по дѣламъ мѣстнаго хозяйства 793
Иностранное Обозрѣніе.—Турецкая политика и македонскій вопросъ.—Дипломатія и общій европейскій миръ.—Кризисъ на Дальнемъ Востокѣ.—Новыя теченія въ международной политикѣ.—Внутреннія дѣла во Франціи.—Новая республика въ Америкѣ 808
Литературное Обозрѣніе.—I. Циглеръ, Очеркъ общей педагогики.—II. Евг. Жураковскій, Симптомы литературной эволюціи.—III. Н. Коробка, Личность въ русскомъ обществѣ и въ литературѣ: Пушкинъ—Лермонтовъ.—IV. В. Сиповскій, Изъ исторіи русскаго романа и повѣсти.—V. Д. Ратгаузъ, Пѣсни любви и печали.—VI. Энгельмейеръ, По русскому и скандинавскому Сѣверу; Н. Березинъ, Пѣшкомъ къ карельскимъ водопадамъ и др.—**Евг. Л.**—VII. Статистическія свѣдѣнія по начальному образованію въ Россійской имперіи (1900 г.), вып. IV.—**В. В.**—Новыя книги и брошюры. 821
Литературная замѣтка.—Н. В. Гоголь, творчество его, личность и эпоха въ новомъ освѣщеніи.—**Евг. Ляцкаго** 845
Новости Иностранной Литературы.—I. G. Hauptmann, Rose Bernd. Schausp. in 5 Acten.—II. Vicomte E. M. de Vogüé, Le Maître de la mer.—**З. В.** . 863
Изъ Общественной Хроники.—Предвыборное движеніе въ г. С.-Петербургѣ.—Частныя и оффиціальныя собранія избирателей.—Наводненіе 12 ноября.—Характерный инцидентъ въ тверскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи.—Неудобства дискреціонной власти.—Странное разсужденіе.—Неумѣстныя преувеличенія.—Первое двадцатипятилѣтіе высшихъ женскихъ курсовъ въ С.-Петербургѣ.—Чествованіе В. Г. Короленко.—Postscriptum . . . 878
Извѣщенія.—Изъ Устава Благотворительнаго Общества для открытія и поддержанія безплатн. народныхъ читаленъ и библіотекъ для сельскаго населенія Спб. губерніи 897
Матеріалы для журнальной статистики: „Вѣстникъ Европы“ въ 1903 году . . 900
Алфавитный указатель авторовъ и статей, помѣщенныхъ въ „Вѣстникѣ Европы“ въ 1903 году 902
Библіографическій Листокъ.—Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. XVII, Ник. Барсукова.—Галерея русскихъ дѣятелей: Главные дѣятели освобожденія крестьянъ.—Краткій обзоръ Суворовской литературы, русской, французской и нѣмецкой, А. Петрушевскаго.—Воспитаніе, гигіена и нравств. леченіе умственно-ненормальныхъ дѣтей, Э. Сегена.—А. И. Герценъ, его друзья и знакомые, В. Батушинскаго.—Земледѣльческій отходъ крестьянъ, кн. Н. В. Шаховского.
Объявленія.—I-IV; I-XVI стр.

Библіотека
Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки
КАЛЯЗИНСКАГО
О-ва Потребителей